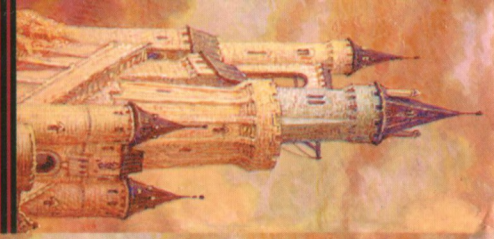
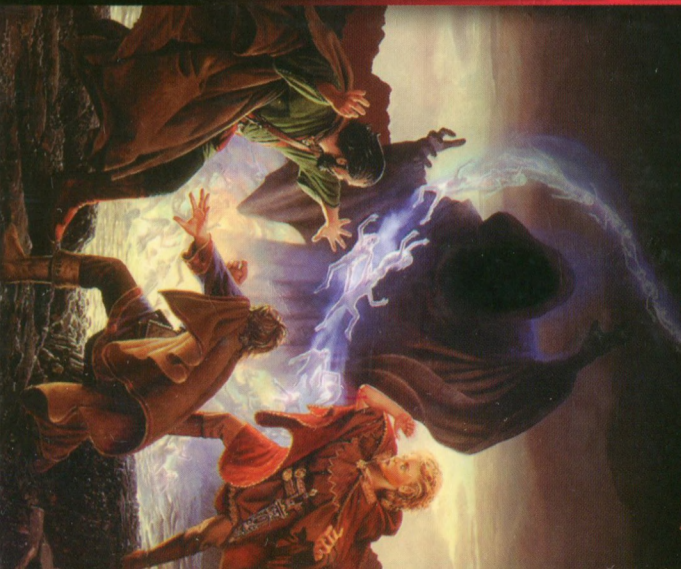
Наследие Дерини

Кэтрин Кёртис

Наследие Дерини

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

Кэтрин Кёртис

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

KATHERINE

KURTZ

The Bastard Prince

КЭТРИН

КУРТЦ

Наследие Дерини

АСТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва

Северо-Запад Пресс
Санкт-Петербург

2002

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7США)
К93

Серия основана в 1999 году

Katherine Kurtz
THE BASTARD PRINCE
1994

Серийное оформление Александра Кудрявцева

Перевод с английского Натальи Баулиной

Иллюстрации Дмитрия Вяземского

В оформлении обложки использована работа, предоставленная агентством Александра Корженевского.

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Baror International, Inc. и Permissions & Rights Ltd.

Подписано в печать 21.11.01. Формат $84\times108^{1}/_{32}$.
Усл. печ. л. 35,28. Тираж 15000 экз. Заказ № 2629.

Куртц К.
К93 Наследие Дерини: Фантаст. роман / К. Куртц; Пер. с англ. Н. Баулиной. — М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: «Северо-Запад Пресс», 2002. — 670, [2] с.: ил. — (Золотая серия фэнтези).

ISBN 5-17-012497-X (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-93698-081-7 («Северо-Запад Пресс»)

«Хроники Дерини». Уникальная сага — «фэнтези», раз и навсегда вписавшая имя Кэтрин Куртц в золотой фонд жанра «литературной легенды»

«Хроники Дерини». Сказание о мире странном, прозрачном и прекрасном, о мире изощренно-изысканных придворных интриг, жестоких и отчаянных поединков «меча и колдовства», о мире прекрасных дам, бесстрашных кавалеров, порочных чернокнижников и надменных святых. Сказание о мире, силою магии живущем — и магию за великий грех считающем

Настоящие поклонники фэнтези!

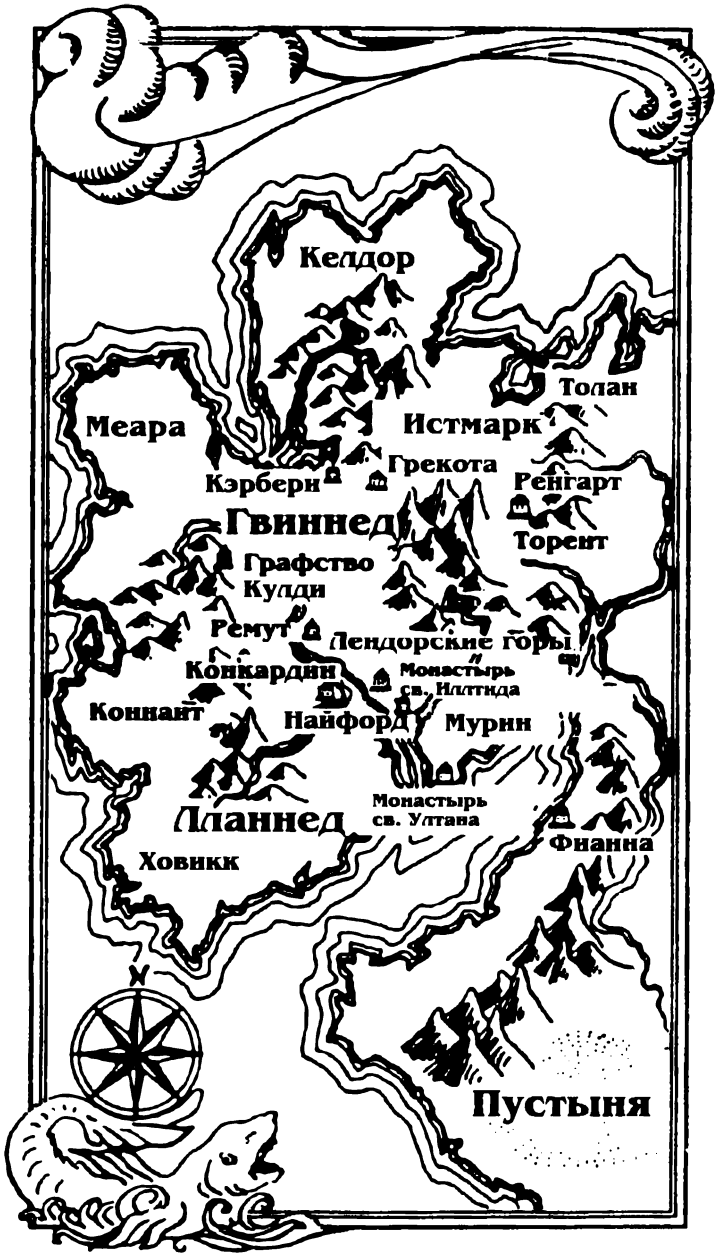
«Хроники Дерини» должны стоять на вашей книжной полке — между Толкиным и Желязны. Особенно — ПОЛНЫЕ «Хроники Дерини»!

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7США)

© Katherine Kurtz, 1994
© Перевод. Н. Баулина, 2002
© ООО «Издательство АСТ», 2002
© «Северо-Запад Пресс», составление и подготовка текста, 2002

НАСЛЕДИЕ ДЕРИНИ

Келдор
Толан
Меара
Истмарк
Грекота
Кэрбери
Ренгарт
Гвиннед
Торент
Графство
Кулди
Ремут
Лендорские горы
Конкардин
Монастырь
св. Иллтида
Коннант
Найфорд
Мурин
Монастырь
св. Ултана
Планнед
Фианна
Ховикк
Пустыня

Пролог

Простерли руки свои на тех, которые с ними в мире, нарушили союз свой[1]

Шел июнь года девятьсот двадцать восьмого от Рождества Господа нашего, седьмой год царствования Райса-Майкла Элистера Халдейна, короля Гвиннеда. День выдался прохладным, ночью моросил дождь, к утру небо слегка расчистилось, и все же тяжелые облака вновь собрались на небесах к полудню. Невзирая на пронзительный ветер, две женщины выбрались на крышу самой высокой башни замка и там, у крепостной стены, поплотнее завернувшись в плащи, подбитые мехом, вновь, как и накануне, стали пристально вглядываться в простиравшуюся вокруг равнину.

Это место не хуже любого прочего годилось для ожидания, ибо их мужчины запаздывали уже на несколько дней. К югу на многие мили простиралась долина Йомейра, к востоку она вскоре сменялась Рельянскими холмами, которые загораживали вид на Колдорское ущелье. Именно в ту сторону отряд отправился неделю назад, и именно в сторону Колдора

---

[1] Псалтирь 54:21

были устремлены теперь взгляды женщин, щурившихся в лучах беспощадного солнца.

Судри Истмаркской не впервой было ожидать возвращения мужа здесь, на крыше башни, ибо она была госпожой и владелицей замка вот уже добрых двадцать лет. Совсем еще ребенком приехала она в Лохалин, невестой герцога, и уже спустя год родила ему дочь, ту самую, что превратилась теперь в очаровательную рыжеволосую молодую женщину, стоявшую рядом с матерью. После гибели любимого брата, десять лет назад, годы не принесли особых тягот, и единственное, что омрачало их с Хрориком жизнь — это отсутствие других детей. Стэйси оказалась единственной дочерью и наследницей, а сейчас и она стала матерью, дав жизнь младенцу, который едва успел увидеть отца и деда, ибо те спустя несколько часов после его появления на свет, второпях устремились к Колдорскому ущелью, получив известие о нападении торентских войск.

— Должно быть, это вчерашняя буря их задержала, — выпалила Стэйси внезапно, потревожив одного из волкодавов, что лежал у ее ног. Молодая женщина вновь взглянула через укрепления крепостной стены, покрепче прижимая к себе сына. — Боже правый, а вдруг что-то стряслось с Корбаном? Они должны были вернуться несколько дней назад. Что-то случилось... Я точно знаю.

— Успокойся, дитя. Мы пока еще ничего не знаем.

И все же на лице Судри Истмаркской, не сводившей взгляд с укрытых туманом гор, застыло напряженное встревоженное выражение, ибо, сама себе не желая в том признаться, она знала куда больше, чем ей бы, возможно, сейчас хотелось. И касалось это не

Корбана, любимого мужа Стэйси, но ее собственного дражайшего супруга Хрорика.

Очень скоро дурные вести достигнут их. Теперь она в этом не сомневалась. И пусть в ее собственных жилах кровь магов, что некогда правили этой землей, была сильно разбавлена, и полжизни она всячески отрицала свое происхождение, однако и этой толики колдовского наследия было достаточно для внезапных ослепительных вспышек нежеланного провидческого знания, в те мгновения, когда она этого меньше всего ожидала или хотела. Она не получила даже самого простейшего образования, ее никто не учил пользоваться своим даром, ибо они с братом очень рано остались сиротами, и воспитывал их дядя, надменный Дерини, столь дерзко злоупотреблявший своей силой и властью, что очень скоро его собственные крестьяне взбунтовались и убили его.

Случилось это как раз накануне дворцового переворота в Гвиннеде, когда погиб король Имре Фестил и к власти вновь пришли Халдейны. Затем в стране начались беспорядки и войны, и случилось так, что они с братом сделались заложниками у отца Хрорика, горделивого, но доброго в душе герцога Сигера Клейборнского, — ибо они с Кеннетом приходились дальней родней правящей фамилии Торента. В ту пору куда благоразумней ей казалось притвориться, будто она и вовсе не обладает никакой магией, а затем она и сама забыла, что когда-то владела ею. И уж менее всего она ожидала, что влюбится в одного из сыновей своего пленителя...

Все эти отрывочные воспоминания ненадолго отвлекли Судри, и поэтому именно Стэйси первая заметила всадников, сперва лишь маленькую горстку, но затем появились и остальные — несколько дюжин

мужчин, медленно, с трудом пробиравшихся по затопленной грязью тропе, что вела от ворот замка к Рельянским холмам.

— Возвращаются, — выдохнула Стэйси, щурясь изо всех сил против слепящего солнца. — Смотри, смотри, вон там отцовское знамя.

У Судри прервалось дыхание, ибо теперь и она заметила боевой стяг в руках у одного из всадников. Серебряный полумесяц и два золотых солнца на лазурном поле.

— Матушка, я не вижу флаг Корбана, — воскликнула Стэйси. — Матушка, где же он? Корбан...

Не дожидаясь ответа, она развернулась и стремглав понеслась вниз по винтовой лестнице. Судри не успела даже остановить ее, и теперь до нее лишь издалека доносились стоны и тревожные возгласы дочери, испуганно стискивавшей в объятиях маленького сына. Волкодавы устремились вслед за хозяйкой. Судри, не тронувшись с места, вновь окинула взглядом приближающийся отряд, заметив теперь то, что ускользнуло от внимания дочери: темные очертания тела, перекинутого через седло лошади, которую вел в поводу один из всадников, что ехал рядом со знаменосцем. Тело было укутано в зеленый плащ, который она собственными руками подшивала для мужа перед этой поездкой... Казалось, это было целую вечность назад.

Чуть позже она не смогла бы вспомнить, как спустилась по узкой винтовой лестнице, и опомнилась, лишь когда внезапно очутилась внизу, во дворе замка, и вокруг толпились мужчины и лошади, и повсюду был шум, запах крови и смерти. Ее зять, завидев Судри, бросился ей навстречу, превозмогая уста-

лость, окровавленной и забинтованной рукой прижимая к себе всхлипывающую жену.

Вид у Корбана был мрачный и усталый. Он лишился шлема, пропитанные потом черные волосы выбились из косы, кожаные доспехи были потрепаны, замараны грязью и носили следы тяжелого сражения. Подбежав к Судри, он рухнул у ее ног на колени, и широкие плечи содрогнулись от рыданий. Схватив женщину за руку, он уткнулся бородатым лицом в ее юбки.

— Прости, я не сумел спасти его, — выдохнул он. — Они захватили Кулликерн... Один Бог ведает, зачем им это понадобилось. Мы потеряли несколько дюжин человек, и большинство из тех, кто вернулся, серьезно ранены. Они нас заманили, выбросив флаг перемирия, а затем напали исподтишка. Нужно отправить людей предупредить Сигера с Грэхемом и попросить подкрепления... И гонца к королю!

— И что же, торентцы двинутся дальше? — неожиданно спокойно спросила его Судри.

— Не знаю. — Корбан вскинул голову и устремил на нее взор, столь же мрачный и безутешный, как и ее собственный. — На них были доспехи цветов принца Миклоса Торентского. Возможно, это лишь начало нападения на Гвиннед. Нужно выяснить, заметили ли дозоры Сигера что-то неладное при Ораналe или вдоль берегов.

В воспоминаниях она вернулась к той встрече, что состоялась несколько месяцев назад в Лохалине. Там была она сама, Хрорик и принц Миклос, поразительно красивый молодой человек, приходившийся ей дальней родней. При нем находился еще один, темноволосый незнакомец, которого представили как опуженосца принца. Хрорик очень неохотно со-

гласился на эту встречу, и отнюдь не из любви к Торенту, но в надежде положить конец переписке, которая тянулась вот уже семь лет между их замком и Белдором, столицей Торента, где, непонятно почему, считали необходимым до сих пор трепать давний вопрос о статусе заложников.

Сама Судри на этот вопрос отвечала совершенно уверенно, она более не считала себя ни заложницей, ни подданной Торента, и вся ее верность принадлежала мужу, а также его сюзерену в Ремуте. Торентского принца это привело в ярость, так что, скорее всего, нынешний конфликт не имеет отношения к пограничному вопросу. Это месть принца Миклоса за ее отказ встать на сторону Марка Фестила, заявлявшего свои права на гвиннедскую корону. Но теперь отказ Судри стоил жизни ее любимому мужу, а также многим другим преданным истмаркцам.

— Сомневаюсь, чтобы на севере тоже были беспорядки — прошептала она, глядя поверх склоненной головы Корбана на солдат своего мужа, которые сейчас расседлывали усталую гнедую кобылу, что доставила в замок скорбную ношу.

— Это пока еще не война, хотя боюсь, дело может дойти и до такого. Мы с Хрориком опасались подобного поворота событий, но не ждали что это случится так скоро. Пару месяцев назад принц Миклос пытался добиться моей поддержки, вызывая к торентской крови. Я отказала. И вот результат. Все дело в этом самозванце Фестиле.

— Так значит, это проба сил, они показывают зубы? — переспросил Корбан, с трудом вставая, опершись на руку жены.

— Да, скорее всего, это намеренная провокация, чтобы выманить молодого короля из Ремута. Они

знают, или, по крайней мере, подозревают, что он не волен в своих поступках. Могу лишь надеяться, что перед лицом этой новой угрозы он сумеет добиться для себя свободы.

— Да благословит его Бог, — с жаром отозвался Корбан. — Но нам нужно сделать все, чтобы Истмарк не достался самозванцу.

Нагнувшись, он коснулся губами чистого лобика сына, а затем, отступив на шаг, окликнул своих военных помощников.

— Ко мне, верные воины Истмарка! Мы отправимся в Марли, чтобы попросить Сигера о помощи. Элген, нам срочно нужны свежие лошади. Николас, займись провизией. Мюррей, тебе я поручаю командование гарнизоном здесь, в Лохалине. С собой я возьму полдюжины человек, не считая Элгена. Тебе хватит людей, чтобы удержать замок.

Стэйси взирала на мужа, словно громом пораженная, хотя Судри прекрасно понимала что Корбан делает лишь то, чего требуют от него обстоятельства. Он был прирожденным командиром, и она любила его как родного сына. В ответ на полученные указания, у ворот замка тут же засуетились солдаты. Во весь голос зазвучали команды готовиться в дорогу.

— Но ты ведь не можешь уехать прямо сейчас! — взвыла Стэйси. — Как же папа, и наш малыш, и как же я?

— *Мо рун*, сердце мое, твой отец мертв. Я разделяю твою скорбь, но судьбу изменить не могу. — Отвернувшись, он сухо кивнул оруженосцу, который подвел ему свежую лошадь и тут же вскочил в седло. Лошадь нервно попятилась и чуть не сбросила

всадника. Другой солдат вручил командиру хлопающее на ветру знамя Истмарка.

— Но... Это же отцовский стяг — выдохнула Стэйси, прижимая к себе сына. Она едва успела отскочить чтобы лошадь не задела ее копытами, в то время как муж уверенным движением пристраивал древко знамени себе в стремя.

— Стэйси, дорогая, разве ты не слышишь, — повторил Корбан, — теперь это *твое* знамя, потому что твой отец погиб. Теперь ты — графиня Истмаркская, а я — граф Истмарка. И потому это также и *мой* стяг. А когда-нибудь придет день, если все мы сумеем остаться в живых, и это станет *его* знаменем.

Он указал на расплакавшегося сына, а затем вопросительно взглянул на мать жены.

— Госпожа моя, прошу вас, объясните ей, я не могу больше задерживаться. Позаботьтесь о раненых, похороните Хрорика. Постарайтесь удержать замок. Я приведу помощь, как только смогу. Мюррей отошлет гонца в Ремут, чтобы известить короля. Да хранит вас Господь.

И с этими словами он устремился к воротам замка, а за ним и его люди. Ни одна из женщин не успела даже возразить. И вот уже ярко-синее украшенное серебром знамя Истмарка заполоскалось у него над головой. Судри Истмаркская, урожденная Рорау, проводила молодого человека взглядом, а затем, с необычайным спокойствием, которое можно было бы даже принять за бесчувственность, принялась заниматься неотложными делами, взвалив на себя то бремя, которое предстояло нести ей в ближайшие дни. Она не могла позволить себе сейчас предаваться скорби. Время для этого наступит еще не ско-

ро, ибо сейчас скорбь могла лишить ее последних сил.

— Джервис, пожалуйста, переносите раненых в парадный зал, — велела она одному из слуг, в то время как остальные понесли тело, закутанное в зеленый плащ, к дверям часовни замка. — Там мы устроим лазарет на первое время. Пусть на кухне вскипятят воду, и вели женщина готовить повязки. Позови также отца Колумкиля и отца Дерфеля, и эту повитуху из деревни. Ее помощь нам тоже пригодится. Да, и Мюррей...

— Что госпожа?

— Уцелел ли наш военный лекарь при Кулликерне?

— Да госпожа, он здесь. — Мюррей отдал все необходимые распоряжения двоим гонцам, которые должны были отправиться в Ремут. Вид у него был усталый, и ему самому явно пригодились бы услуги лекаря или, по крайней мере, умелой женщины, чтобы очистить и перевязать раны. — Он у конюшни, оказывает помощь тем, кому это необходимо.

— Хорошо, пусть и он, и все остальные, когда смогут, перейдут в главный зал. Нужно навести здесь порядок.

— Слушаюсь моя госпожа.

Наконец она смогла обернуться к дочери и увидела, что Стэйси также, по велению необходимости, сумела собраться с силами, препоручив младенца старшей дочери Мюррея и велев ей отнести ребенка наверх в спальню, после чего уверенно заявила матери:

— Я тоже должна быть сильной. Ради папы. — Стэйси гордо вскинула голову и уголком рукава утерла слезы. Он воспитывал меня как свою наслед-

ницу, и ему было бы стыдно, если бы он увидел, что я не могу позаботиться о его людях... О *моих* людях.

Среди шума и суеты, всхрапывающих лошадей, среди стонов и криков раненых две женщины, обнявшись, уверенно двинулись ко входу в парадный зал излучая всем своим видом спокойствие и уверенность, а у ворот гонцы, избранные, чтобы отвести в Ремут печальную весть, вскочили в седла и на свежих лошадях галопом устремились прочь из замка.

Глава первая

Оттого гордость, как ожерелье, обложила их, и дерзость, как наряд, одевает их[1]

Загнав нескольких лошадей, гонцы из Истмарка оказались в гвиннедской столице неделю спустя после падения Кулликерна. Изнемогая от усталости, они передали свое сообщение собравшимся второпях королевским советникам Гвиннеда, а затем их подробнее расспросил обо всем гофмаршал лорд Альберт со своими помощниками. Королю сообщили все новости, но никому и в голову не пришло пригласить его на собрание в зале Совета.

— Помимо военной стороны вопроса, я предвижу еще некоторые осложнения, — кислым тоном заявил Ран Хортнесский, откидываясь в кресле. — Прежде всего, король захочет лично отправиться туда.

Лорд Таммарон Фитц-Артур терпеливо кивнул. Будучи канцлером Гвиннеда, он возглавлял собрания совета, когда король не присутствовал на них, — собственно говоря, возглавлял он их и в присутствии короля, — однако сейчас, когда их было всего четверо за этим длинным столом, можно было обойтись и без формальностей этикета.

---

[1] Псалтирь 72:6

— Конечно, захочет, — произнес Таммарон. — Это вполне естественно... И если бы решение оставалось за ним, то ни у кого не возникло бы вопросов. Разумеется, тут есть определенный риск. Во-первых, его могут убить, но, кроме того, он может пожелать воспользоваться ситуацией, чтобы добиться независимости. Тем не менее, мне кажется, что обе эти возможности — ничто, перед лицом той угрозы, что нависла сейчас над нами.

Архиепископ Хьюберт Мак-Иннис, восседавший по правую руку от Таммарона, согласно кивнул, поглаживая усыпанное самоцветами распятие на широкой груди. Те, кто знал его не слишком хорошо, увидели бы лишь обманчивую личину добродушного растолстевшего херувима, смиренного и набожного. Розовое личико обрамляли золотистые кудри, коротко постриженные и с выбритой тонзурой. На пухлых губах играла вечная снисходительная полуулыбочка.

Однако внешняя невинность этих широко раскрытых голубых глаз была обманчива, и за этой внешностью скрывался беспощадный хитрый ум, подстроивший гибель многих людей, осмелившихся стать на пути у архиепископа. За последние десять лет примас Гвиннеда стал одним из самых влиятельных людей в королевстве.

— Да, чертовски неприятно, если и впрямь случилось то, чего мы так опасались, — угрюмо пробормотал Хьюберт. — Проклятье, ну что бы им стоило подождать еще хотя бы год. Появился бы второй наследник, и мы могли бы не тревожиться понапрасну.

— Стало быть, ты убежден, что королева носит именно сына, а не дочь? — переспросил старший

брат архиепископа, лорд Манфред Мак-Иннис, сидевший напротив Хьюберта. Это был крупный краснолицый мужчина, лет пятидесяти с лишним, дородный, но мускулистый, в отличие от заплывшего жиром брата. Руки его, привычные к мечу, обгорели на солнце и были покрыты шрамами и мозолями.

— Меня не столько тревожат вероятные наследники, сколько тот человек, что носит корону сейчас. И если перед нами, и впрямь, та угроза, которую мы ждали все это время, то именно нынешнему королю придется на нее ответить. И если это ему не удастся, то никакой второй принц-наследник нам не поможет удержать род Халдейнов на престоле... Равно как и нам самим не удастся остаться у власти за троном.

Это было очевидно для всех. Четверо мужчин, сидевшие вокруг стола, — королевские советники Гвинеда — правили страной вот уже шесть лет, с того самого дня, как подстроили, в подлой засаде, убийство шестнадцатилетнего короля Джавана Халдейна, и одновременно посадили на трон его брата Райса-Майкла, сделав того королем-марионеткой в своих руках.

Дорого же обошлась корона младшему из принцев Халдейнов, который никогда не желал для себя престола. Он не только лишился любимого брата и короля, но кроме того, при виде жестоких убийств, сопровождавших дворцовый переворот, его юная супруга потеряла первенца, которым была беременна, — и в этом заключалась величайшая насмешка судьбы. Ибо именно ради того, чтобы захватить в свои руки несовершеннолетнего наследника трона, и устроили заговорщики этот подлый удар.

В первое время новый правитель не до конца понимал весь размах замыслов своих пленителей.

Они полностью подчинили его своей власти. Во время самого переворота одурманили до бесчувствия и затем держали под воздействием различных снадобий несколько месяцев, в особенности во время похорон брата и церемонии коронации.

Лишь после этого они сочли возможным напрямую объявить ему о своих намерениях, усилив свои требования самыми отвратительным угрозами по отношению к его жене, если бы только он вздумал не подчиниться. Итак, ему предстояло сделаться королем-марионеткой и дать жизнь новым принцам Халдейнам, которые, в свою очередь, также окажутся целиком и полностью в руках сановников... А если бы Райс-Майкл вздумал им в этом воспрепятствовать, его ждала скорая гибель, а сановники превратились бы в регентов при малолетних сыновьях.

К счастью для короля, возможность нового цареубийства вскоре стала менее вероятной. Сперва он еще пытался противиться, но постепенно смирился с нетерпимой ситуацией и сделался именно той послушной пешкой в их руках, о которой и мечтали советники.

Покорность понемногу стала приносить свои скромные плоды. Как только король перестал спорить с сановниками и пытаться проявить независимость, ему дали дозволение присутствовать на заседаниях совета. Когда сановники убедились, что и там он остается во всем послушен их воле, ему дозволили также принимать просителей при дворе, хотя там за ним пристально наблюдали, и он ни слова не смел молвить без предварительного согласия членов совета. Время от времени, даже королеве, а затем и маленькому сыну, удавалось получить разрешение при особо торжественных случаях появляться на лю-

дях и участвовать в шествиях и процессиях. А спустя год или около того, он добился и самой большой своей победы, когда ему дозволили вновь начать заниматься фехтованием и стрельбой из лука, — именно ввиду опасности, подобной той, что ныне угрожала королевству. Новая беременность королевы как будто подтверждала полную капитуляцию Райса-Майкла, хотя у тех, кто сидел сейчас за столом зала совета, еще оставались определенные сомнения.

— Давайте кое-что уточним, — предложил Таммарон. — В конце концов, все происшедшее едва ли может считаться полной неожиданностью. Еще с прошлой осени мы получали известия о том, что Торент собирает войска на истмаркской границе.

Остальные кивнули в знак согласия, а Ран пробормотал, что предупреждал их об этом уже очень давно.

— Так что все это вполне закономерно, — продолжил Таммарон. — Проба сил, которая...

Внезапно двери в зал совета с грохотом распахнулись, и появился Полин Рамосский, в своем черном одеянии похожий на хищную птицу. Приход верховного настоятеля *Ordo Custodum Fidei* не удивил никого из присутствующих, ибо он изначально был одним из самых активных участников заговора. Однако они ожидали, что он останется со своим братом Альбертом, пока тот будет расспрашивать гонцов.

— Только что прибыл торентский герольд, под флагом перемирия, — объявил Полин в ярости, усаживаясь на свое обычное место, по правую руку от Хьюберта. — Он требует немедленной аудиенции у короля и говорит, что не скажет ни слова без его присутствия.

— Полагаете, его прислал король Арион? — поинтересовался Манфред.

— Нет, не думаю. Сперва я именно так и решил, но у него другой герб. Черный олень с короной. Это брат Ариона.

— Миклос! — воскликнул Ран.

— А истмаркцы утверждали, что именно Миклос стоял за нападением на Кулликерн, — вмешался Таммарон, и на узком лице его отразилось недоумение.

— Вот именно, — согласился Полин. — И я бы сказал, что прибытие герольда Миклоса подтверждает их слова. Вопрос теперь лишь в том, ради кого Миклос так старался — ради своего брата Ариона, или ради Марека Фестила?

При этих словах советники принялись встревоженно перешептываться, ибо угроза со стороны самозванца Фестила, угрожавшего вернуть себе трон Гвиннеда, нависала над ними еще с девятьсот четвертого года, когда Синхил Халдейн, отец нынешнего короля, прервал междуцарствие Фестилов, продлившееся более восьмидесяти лет, свергнув, а затем убив в поединке короля Имре. На этом история могла бы и закончиться, однако оказалось, что сестра Имре, принцесса Эриелла, была беременна от собственного брата. Ей удалось бежать. Позднее законники пытались доказать, будто отцом ее отпрыска был кто-то из придворных... впрочем, незаконность рождения сама по себе не могла служить преградой на пути к трону, и всем было прекрасно известно, что отцом ребенка был никто иной, как сам Имре.

Мальчик, родившийся от этого кровосмесительного союза на следующий год, был наречен Марком Имре Фестилом, хотя сейчас его чаще называли Мареком, — такова была торентская форма его имени,

– и он носил титул принца. Род Фестилов принадлежал к младшей ветви правящей дома Торента, и именно Торент в свое время снабдил Эриеллу войсками, во время безуспешной попытки отвоевать трон, утраченный ее братом. Сама Эриелла нашла смерть в том сражении, и ее сын и наследник был воспитан при торентском дворе вместе с остальным принцами-Дерини. Все это время он выжидал благоприятного стечения обстоятельств, дабы, в свою очередь, попытаться отвоевать отцовский престол. Сейчас принцу Мареку сравнялось двадцать три года. Он был на год старше, чем его соперник Халдейн, и не так давно он женился на сестре торенского короля, и уже успел произвести на свет сына.

– Я склонен думать, что за всем этим стоит именно Марек, – задумчиво произнес Таммарон. – Тем не менее, маловероятно, чтобы это была настоящая война. Марек еще не опробовал себя в битве. Кроме того, у него есть наследник, но всего один, а дети часто умирают во младенчестве.

– И все же, они захватили Кулликерн, – указал Манфред.

– Да, но подозреваю, что это сделал Миклос, от лица Марека, – возразил Таммарон. – И я очень сильно сомневаюсь, что они пользуются поддержкой короля Ариона. Ему-то уж точно не нужна сейчас война с Гвиннедом, поскольку его собственный наследник еще также не вошел в возраст.

Помолчав немного, он заключил:

– Нет, мое предположение таково, что это лишь проба сил. Они хотят посмотреть, что мы предпримем в ответ на угрозу. Марек не пользуется достаточной поддержкой, и у него слишком мало войск для полноценного вторжения. Скорее всего, он хочет

просто немного размяться и оценить врага... И, возможно, проверить также, правда ли то, что король Гвиннеда — всего лишь подставная фигура на троне.

— Стало быть, — перебил Хьюберт, — все должны убедиться, что король воистину правит Гвиннедом, и делает это умело и достойно. А для этого он должен возглавить войско и освободить Кулликерн. Согласен, есть некоторый риск, что он вздумает, и впрямь, проявить самостоятельность и взять командование на себя, — добавил он, заметив, что остальные советники готовы возразить ему. — С другой стороны, ему прекрасно известно, что если во время военной компании его настигнет смерть — по любой причине, — то новым королем станет юный Оуэн, а значит, мы сделаемся регентами до той поры, пока мальчик не достигнет совершеннолетия.

— Скажу честно, я бы против этого не возражал, — ухмыльнулся Манфред, откидываясь на спинку кресла.

— Это верно, но королеве это едва ли может понравиться, — промолвил Таммарон. — А ей по праву будет принадлежать одно из мест в регентском совете. Не знаю, как насчет ее брата. Что скажете, Хьюберт, он ведь приходится мальчику дядей... Что гласит обычай в таких случаях?

— Короля, хм-м... убедили не назначать брата сестры в регентский совет, — произнес Хьюберт, внимательно изучая ногти. — Сдается мне, речь шла о том, что молодой человек слишком хрупок здоровьем для такой ответственности. Ему это было бы не по силам, ну и так далее...

— Слишком много с ним хлопот, — недовольно пробурчал Ран. — Если бы вы меня послушались, его стоило бы прикончить еще шесть лет назад.

Хьюберт иронично усмехнулся в ответ на эти слова.

— К счастью для него, мой дорогой Ран, вы были слишком заняты в это время с другим убийством, но можете не сомневаться, что сэр Катан вполне осознает всю шаткость своего положения и не сделает ничего, чтобы поставить под угрозу свою жизнь и благополучие сестры. Точно так же как и она не осмелится поставить его жизнь под угрозу, или, что для нее еще страшнее, побоится, что мы лишим ее доступа к сыну. Так что до тех пор, пока они оба будут себя вести со всей скоромностью и послушанием, я готов пойти на то, чтобы Катан Драммонд оставался при дворе, хотя бы ради соблюдения приличий. Кроме того, его присутствие идет на пользу королеве. А если она будет пребывать в добром расположении духа, то, в конечном итоге, это пойдет на пользу и ее сыновьям. Ради этого можно пойти на некоторые жертвы... Но, разумеется, мы можем и отменить свое решение, если хоть один из них вздумает выказать непокорность.

Хмыкнув, Ран тряхнул головой.

— А мне все рано было бы спокойнее, если бы он был мертв.

— Возможно и так, но, по крайней мере, он должен оставаться в полном здравии, пока королева не разрешится от бремени. Я достаточно ясно выразился?

— Достаточно.

— Вот и отлично. Потому что нам нельзя забывать, как бы там ни было, но сейчас она носит во чреве второго наследника Халдейнов. Брата принца Оуэна. Именно об этом вам и следует побеспокоиться. Мы не знаем, уцелеет ли король в грядущей вой-

не, а вот Микаэла, вполне может умереть при родах... или хуже того, может потерять ребенка. А если погибнет король, будь то в боях за Истмарк, или по собственной глупости, от горя у нее вновь может случить выкидыш... ведь однажды такое уже случилось.

— Верно, — выдохнул Таммарон. — Так что вся надежда Халдейнов заключена в одном-единственном четырехлетнем мальчике.

— Вот именно. И поскольку они не хотят, чтобы ребенок слишком рано взошел на престол, то я думаю, что и король, и его супруга, и ее брат, будут и дальше покорно исполнять все то, чего мы требуем от них.

При этих словах Хьюберта все согласно закивали. Ни для кого не было секретом, как сильно король любит сына. Однако, из пятерых людей сидевших за столом совета, именно архиепископ лучше других знал Райса-Майкла. Хотя Ран с Таммароном были в числе регентов, правивших Гвиннедом до совершеннолетия короля Алроя, болезненного старшего брата Райса-Майкла, но именно Хьюберт имел возможность часто общаться со всеми троими принцами Халдейнами и получал подробные отчеты от священников, которые были их наставниками и духовниками.

Влияние его на них ничуть не уменьшилось и после времен регентства. Именно Хьюберт вместе с Полином Рамосским стоял у истоков заговора, в результате которого Райс-Майкл взошел на престол, и именно поэтому мнение Хьюберта имело такой вес среди прочих советников, ныне управлявших Гвиннедом.

— Что ж, отлично — объявил Манфред. — Тогда, полагаю, нам следует сделать так, чтобы король принял герольда принца Миклоса.

— Совершенно верно, — поддержал его Хьюберт. — Я уже сообщил ему о том, что произошло в Истмарке. Но прежде, чем мы соберем придворных, я постараюсь еще раз довести до его сведения все политические и прочие тонкости ситуации, а также заставить его осознать, чем грозит ему любая попытка действовать независимо от нашей воли.

Глава вторая

Не обманывайтесь: худые сообщества развращают добрые нравы[1]

После второго разговора с Хьюбертом, у короля не осталось ни малейших сомнений относительно того, чего ожидали от него советники. Однако, одеваясь, чтобы появиться перед придворными, он размышлял о том, что, вероятно, понимает все тонкости происходящего куда лучше, чем мог бы предположить кто-либо из его сановников.

Слегка оглушенный происходящим, он не торопясь застегнул чистую белую рубаху, которую только что подал ему оруженосец, заправил ее в черные шоссы, а затем вытянул руки, чтобы тот закрепил на запястьях манжеты.

Хвала Господу, сейчас было хотя бы сейчас не так жарко, как в тот давний июньский день, когда их брат Алрой лежал при смерти, и Джаван вернулся ко двору, навсегда изменив судьбу четырнадцатилетнего принца Райса-Майкла Элистера Халдейна. С тех пор миновало семь лет, и шесть из них Райс-Майкл был королем... По крайней мере, на словах.

---

[1] 1-е Коринфянам 15:33

Ибо теперь он знал, хотя сперва и никак не желал этому поверить, что именно советники Джавана устроили заговор, чтобы разделаться с непокорным королем и посадить на его место Райса-Майкла. В тот день младший из принцев Халдейнов навсегда утратил свои юношеские иллюзии. Кроме того, это стоило жизни его брату и нерожденному младенцу, который должен был стать его первенцем. Кроме того, это стоило ему свободы, и отныне вся жизнь, его собственная и сыновей, должна была проходить по указке сановников. Король Райс во всем подчинялся их воле и практически смирился за эти годы, ибо даже самую мысль о неповиновении ему удалось изгнать из своего сознания. Он приучился слепо исполнять то, что от него требовали, во имя выживания.

Однако последние события, должно быть, шли вразрез с планами советников. И вот уже слабенькая искра надежды затеплилась в его душе, хотя до сих пор Райс-Майкл понятия не имел, как сумеет воспользоваться предоставленным ему шансом.

После разговора с Хьюбертом и вестей из Истмарка, он вполне мог себе представить, о чем желает говорить торентский посланец. С захватом Кулликерна смириться было невозможно. Этот небольшой город с замком и гарнизоном приграничной стражи охранял вход в Колдорское ущелье, откуда через северный отрог Рельянских гор шла прямая дорога на Истмарк из торентского герцогства Толан. Хьюберт упомянул о возможной военной компании ради освобождения Кулликерна и даже выразил согласие на то, чтобы Райс-Майкл сам возглавил войска. Однако королю запрещалось делать какие бы то ни было официальные заявления, не согласовав это сперва со своими советниками... Неприятное ограничение,

однако не первое в ряду многих. И все же события этого дня вновь напомнили Райсу-Майклу, что он по-прежнему являлся помазанным королем Гвинне-да.

По крайней мере, они не могли ему запретить выглядеть достойно и по-королевски. Более того, они даже требовали этого всякий раз, когда дозволяли ему показаться на публике в честь какого-либо торжественного события. И сейчас оруженосец, склонившись у его ног, последний раз прошелся по сапогам мягкой тряпочкой и принялся пристегивать к каблукам золотые шпоры.

— Прошу прощения, сир, — негромко произнес второй оруженосец, приблизившись и поднося королю простой белый пояс.

Король безропотно поднял руки. Темноволосый и темноглазый сэр Фульк Фитц-Артур был на пару лет его младше. Он всегда оставался услужливым и достаточно преданным оруженосцем, однако не стоило забывать, что прежде всего он будет хранить верность своему отцу, лорду Таммарону. Насколько возможно, Райс-Майкл старался не ставить его перед таким выбором, ибо Фульк ему искренне нравился, и он чувствовал, что симпатия эта взаимна. Однако ни на миг он не забывал, что простых теплых чувств будет недостаточно, чтобы заставить Фулька преступить ограничения, наложенные на короля сановниками.

А вот в преданности второго оруженосца, который сейчас встряхивал и расправлял у окна алый плащ, можно было не сомневаться. Сэр Катан Драммонд, на год младше Фулька, приходился братом возлюбленной супруге Райса-Майкла, Микаэле. В тот страшный день дворцового переворота ему сравнялось всего лишь двенадцать лет, и на его глазах со-

вершилась большая часть убийств; он сам едва не пал жертвой заговорщиков, и оказался, подобно Райсу-Майклу, бессилен помешать происходящему.

По счастью, сановники не решились убить брата королевы так же, как они убили многих других из тех, кто оставался верен Халдейнам. Несколько месяцев после переворота его продержали в заключении, но затем, взяв с него клятву никогда не говорить вслух о том, чему довелось стать свидетелем, Катану все же позволили вернуться ко двору, и он оставался единственным, на кого король с королевой могли положиться целиком и полностью.

Катану понадобилось не так уж много времени, чтобы понять, как следует себя вести, если он хочет и дальше оставаться в живых. Ему было дозволено продолжать боевые тренировки, а также занятия с наставниками, как полагалось всем молодым людям благородного происхождения. Однако он быстро понял, что ему не следует *слишком* преуспевать в этих искусствах, если он не желает возбудить подозрений у истинных хозяев ремутского замка. Год назад, в Двенадцатую Ночь, Райс-Майкл лично посвятил его в рыцари, и это было одним из немногих королевских деяний, что он выполнил по собственной воле и с величайшей радостью. Советники дозволили ему назначить Катана своим вторым оруженосцем, хотя король подозревал, что Хьюбертом двигало не столько милосердие, сколько соображения удобства. Теперь, будучи не только братом королевы, но и рыцарем, Катан, оставаясь при дворе, пребывал под постоянным надзором. Но, по крайней мере, у Райса-Майкла был теперь еще один союзник и доверенный человек, помимо супруги.

Ощутив на себе взгляд короля, Катан с улыбкой набросил алый плащ на плечи своему господину. По подолу плаща шла золотая вышивка, и точно так же были украшены рукава и ворот. На левом плече оруженосец закрепил большую фибулу, величиной с ладонь, украшенную золотым львом Гвиннеда. Это был подарок, который Микаэла сделала королю после рождения маленького принца Оуэна. Для всех троих это был символ надежды на возрождение рода Халдейнов.

Райс-Майкл был благодарен Катану за то, что тот именно сегодня вспомнил об этом, и мельком погладил фибулу пальцами, сделав затем вид, будто поправляет складку на рукаве. Он знал, что Катан уловит смысл этого жеста. Фульк в это время потянулся за зеркалом из полированного металла, а потому ничего не заметил.

— Хороший выбор, сир, — объявил Фульк, поправляя зеркало, чтобы король мог как следует себя разглядеть.

— Да, согласен.

Критическим оком король окинул свое отражение, взволнованно проводя рукой по коротко остриженным волосам, а затем принялся поворачиваться, чтобы оглядеть себя со всех сторон. Сам он предпочел бы отпустить волосы подлиннее, возможно, даже перехватывать их в хвост или заплетать в косу на северный манер, но сановники почему-то запретили ему, настаивая на короткой стрижке, с которой он напоминал монаха, — по счастью, хотя бы без тонзуры. Райс-Майкл часто гадал, какое им дело до его прически. Вероятнее всего, таким образом они пытались лишний раз утвердить свою власть над ним. Но порой ему также приходила на ум аналогия с Самсо-

ном, как если бы советники, остригая ему волосы, пытались лишить короля богоданной власти и силы.

Но, по крайней мере, с такой короткой стрижкой хорошо был виден Глаз Цыгана. Огромный рубин сверкал в мочке правого уха, тот самый, что до него принадлежал отцу, а затем поочередно обоим братьям. Эта серьга считалась частью королевских регалий Гвиннеда, и первым ее носил король Синхил Халдейн, однако нынешние королевские советники даже не подозревали, что Синхилу ее вручил маг-Дерини, тот самый, что позднее стал известен как Святой Камбер. Древняя легенда, о которой сановники также не имели понятия, гласила, что Глаз Цыгана был одним из даров, которые волхвы преподнесли младенцу Иисусу, и позже он был продан, чтобы оплатить бегство в Египет. Райс-Майкл не знал, правда это или нет, однако для него Глаз Цыгана оставался одним из подлинных символов королевской власти, которой, возможно, он никогда не будет обладать в полной мере.

— Пожалуй, пойдет, — промолвил он, оборачиваясь к Катану. — Дело за короной.

Из красивого деревянного ларца, украшенного медными заклепками, Катан бережно извлек золотую с серебром Державную Корону Гвиннеда; ее украшали ограненные рубины величиной с ноготь, а в переплетениях крестов и листьев красовались самоцветы чуть поменьше. На черных как смоль волосах короля венец смотрелся просто поразительно.

— Да, ничего не скажешь, — одобрительно пробормотал Фульк, любуясь королем поверх зеркала, и Катан также улыбнулся, довольный. — Это должно произвести впечатление на торентского посланца.

— Ну что ж, у нас будет возможность это проверить, — с усмешкой отозвался король.

* * *

Однако перед этой встречей Райсу-Майклу предстояло еще получить последние наставления от советников, которые собрались в небольшой приемной, расположенной прямо за стеной тронного зала. Ему велено было чуть задержаться, чтобы дать возможность сановникам занять в зале свои места, — и это дало королю возможность понаблюдать за собравшимися, прежде чем появиться перед ними. Припомнив все данные ему указания, он помолился, чтобы Бог даровал ему мужество, а затем осторожно приотодвинул край тяжелого бархатного занавеса, отделявшего приемную от тронного зала.

Народу собралось не так много, как он рассчитывал, — впрочем, возможно, это и к лучшему, поскольку, учитывая вести, принесенные торентским посланцем, едва ли атмосфера собрания будет слишком любезной. Более всего его удивило то, что среди собравшихся оказалось не так уж мало женщин, в большинстве своем жены и дочери сановников или придворные дамы королевы, взволнованно перешептывающиеся между собой. В большинстве своем они расселись на скамьях в оконных нишах, выходивших на дворцовый сад. Некоторые даже принесли с собой корзины с вышиванием.

Впрочем, несомненно, происходящее не могло их не взволновать, ведь Гвиннеду грозила война. Микаэла также хотела присутствовать, но Хьюберт запретил ей. Сейчас архиепископ с Полином стояли справа от тронного возвышения. Полин переговари-

вался о чем-то с архиепископом Орисом, которого специально ради такого случая, невзирая на недомогание, подняли с постели. Вид у старика был такой, словно он едва ли дотянет до конца дня. За спиной у них Таммарон отдавал последние распоряжения капитану лучников, украдкой показывая на длинную галерею, что шла поверху, вдоль правой стены зала. Чуть левее, у самого помоста, Ран с Манфредом что-то внушали рассерженному лорду Ричарду Мердоку. Альберта нигде не было видно. Кроме того, в зале у самого помоста толпились рыцари и прочие придворные, ожидавшие появления короля.

В дальнем конце зала под бдительным надзором стражников находились торентские посланцы: с полдюжины воинов в восточных доспехах и рыжеватых плащах. Один из них держал в руках белое шелковое знамя на длинном древке, а под знаменем стоял невысокий темноволосый человек, — должно быть, сам торентский герольд. На доспехах его красовался герб с черным оленем Фурстанов на серебряном поле, украшенный золотой короной.

— Полагаю, все готово, сир, — шепнул Фульк ему на ухо.

Что-то буркнув в знак согласия, Райс-Майкл опустил занавес и принял из рук Катана халдейнский меч в ножнах. Он уложил его на сгиб левой руки, держа рукоять подобно кресту. Затем кивком он подал Фульку знак, и тот распахнул тяжелый занавес. Король двинулся вперед в сопровождении обоих оруженосцев.

При появлении короля придворные зашевелились, затем почтительно примолкли и склонились в поклоне. Впрочем, это был не самый торжественный выход, и он не сопровождался державными церемо-

ниями, дабы не придавать слишком большого значения торентским посланцам. Райс-Майкл с озабоченным видом ответил на поклоны придворных, а затем медленно опустился на трон под балдахином с гербами Халдейнов, и вновь передал Катану меч. В который уже раз за эти годы он пожалел, что занимает сейчас то место, которое по праву принадлежало бы его брату Джавану, — однако заставил себя изгнать прочь все эти отвлекающие мысли. Джаван погиб, а он был еще жив, и если хотел оставаться в живых и дальше, то должен был на каждом шагу соблюдать сугубую осторожность.

Коннетабль Удаут выступил вперед, дабы, как положено, объявить о начале аудиенции, и в этот момент из бокового входа показался лорд Альберт, а с ним и двое измученных истмаркских гонцов. Их сопровождало с полдюжины рыцарей *Custodes* в черных одеждах, и среди них, в такой же черной рясе, был и невысокий темноволосый человек, о котором было известно одно лишь его имя — Димитрий. Поговаривали, что он Дерини, хотя об этом при дворе мало кто знал. Он находился на службе у Полина и *Custodes Fidei*, но Райс-Майкл подозревал, со слов Джавана, что на самом деле этот загадочный Димитрий служит также и совсем иным господам. Это был их последний с братом разговор, прежде чем Джаван уехал на север, где и встретил свою смерть. С тех пор Райс-Майкл не переставал гадать, не был ли и этот Дерини отчасти повинен в гибели брата.

В одном он был убежден твердо — те Дерини, что стояли на стороне Джавана, отнюдь не считали Димитрия своим союзником, хотя по-прежнему никто не знал наверняка, служит ли он одному лишь Полину и *Custodes*. Райсу-Майклу оставалось лишь пожа-

леть, и уже не в первый раз, что ни один из друзей-Дерини, помогавших его брату, не попытался наладить с ним контакт после гибели Джавана. Хотя это было вполне логично — ведь Дерини были очень малочисленны, и большинство из них погибло в результате того же переворота, что стоил жизни предыдущему королю.

Единственная искорка надежды для Райса-Майкла заключалась в том, что, как и обещал ему Джаван, постепенно сам Райс-Майкл стал овладевать скрытыми талантами Дерини. К примеру, он способен был определить, говорит ли ему собеседник правду, или лжет. Этот дар был недоступен обычным людям, им не под силу было определить воздействие чар истины или помешать их использованию. Впрочем, сейчас дар этот был совершенно бесполезен для короля, — даже если бы здесь не было Димитрия, то и сам торентский герольд, и многие в его свите, несомненно, являлись Дерини.

Так что в общении с ними у Райса-Майкла не было никаких преимуществ. Пусть они и не могли бы помешать ему навести чары истины, но зато могли почувствовать, что он пытается их использовать. А Райсу-Майклу менее всего хотелось бы поставить в известность о своих способностях торентцев, не говоря уже о Димитрии.

Поэтому он не решился сегодня прибегнуть к чарам истины, более того, ему следовало очень тщательно выбирать слова, поскольку гости, несомненно, не постесняются использовать эти чары против *него*. Когда Альберт с сопровождающими занял место рядом с Раном, Манфредом и Ричардом, король перевел взгляд на Удаута, который уверенным шагом двинулся в дальний конец зала.

Удаут не стал официально объявлять имена гостей, ожидавших аудиенции. Он лишь жестом дал им дозволение приблизиться к трону, и сам первым двинулся вперед, открывая им путь. Они последовали за ним, причем воины, со всей присущей торентцам дерзостью, постарались как можно громче звенеть шпорами и бряцать оружием. Следом за Удаутом шествовал знаменосец и невозмутимый герольд.

У самого трона шестеро стражников выстроились в две шеренги и с силой застучали латными перчатками по металлическим пластинам панцирей, а затем расступились, чтобы пропустить посланца. Знаменосец ударил древком об пол, а герольд отвесил церемонный поклон.

— Райс Халдейн Гвиннедский, — объявил герольд громким голосом с едва заметным акцентом. Волосы его были острижены коротко, подчеркивая суровость худого лица с высокими скулами, украшенного тонкими усиками и аккуратной бородкой. — Вот слова моего господина, принца Миклоса Торентского, который говорит от имени своего родича, Марека Фестила, законного правителя этого королевства.

— Сударь, вы сейчас стоите перед законным правителем королевства, — воскликнул в ярости Ричард Мердок и воинственно шагнул вперед, стиснув рукоять меча. — Вы обязаны соблюдать этикет.

Герольд снисходительно кивнул молодому человеку.

— Мой господин прислал меня не для того, чтобы спорить о титулах, милорд. Его послание предназначено для Халдейна.

— Тогда говори, — велел Райс-Майкл, прежде чем Ричард успел вновь вмешаться. — Халдейн слушает тебя.

— Милорд, — герольд вновь поклонился, — мой сиятельный принц повелел мне сообщить этому двору о древности благородного рода Фестилов, который происходит от королевского дома Торента и правил в Гвиннеде почти на протяжении столетия. Принц Марек Фестил является последним представителем этого благородного семейства. После того, как в прошлом году он стал мужем принцессы Кариссы, герцогини Толанской, сестры моего господина, принца Миклоса, и короля Ариона Торентского, принц Марек еще более утвердился и укрепился в своем королевском наследии. Ныне сей славный род продолжил его первенец, будущий герцог Толанский, которому суждено рано или поздно воцариться в Гвиннеде под именем короля Имре Второго.

При этих словах Ран пробормотал что-то неразборчивое, но Хьюберт предупредительно вскинул руку. Райс-Майкл ощутил, как по спине у него пробежал холодок и гнев вспыхнул в глубине души, однако герольд еще не закончил.

— Именно поэтому, — продолжил посланник, — и в ознаменование рождения юного принца, мой господин изволил пригласить двор Халдейнов на крестины его племянника в Кулликерне. Этот замок и город мой господин намерен сделать крестильным подарком младенцу королевской крови.

Возмущенный шепоток пробежал по залу, однако герольд продолжил, как ни в чем не бывало.

— Если же Халдейн желает оспорить этот подарок наследнику принца Марека, то пусть через десять дней он придет к воротам Кулликерна с доказательствами, почему этот город не должен принадлежать по праву рождения принцу Имре Фестилу.

— Богом клянусь, он слишком далеко зашел, — в ярости пробормотал Манфред.

— Ну и дерзость! — воскликнул Таммарон.

— Мы не потерпим такого оскорбления, — заревел Ран.

И хотя в кои-то веки Райс-Майкл был с ними полностью согласен, он попытался удержать свой гнев в узде и, вскинув руку, дал знак сановникам замолчать. К его огромному изумлению, они повиновались.

— Уймитесь, господа. Не стоит путать между собой посланника и данное ему послание. Как ваше имя, сэр герольд?

— Юген фон Рослоу, милорд, — отозвался тот с коротким поклоном.

— Юген фон Рослоу, — повторил Райс-Майкл с тем же произношением, что и герольд. — Попрошу простить меня, если я чего-то недопонял, однако — кто именно из них двоих, принц Миклос или принц Марек, нанес оскорбление суверенитету Гвиннеда, заявив права на мою собственность?

С легкой улыбкой посланник слегка поклонился Райсу-Майклу.

— Уверяю, милорд, мой господин никоим образом не намеревался нанести ущерба суверенитету Гвиннеда. Он пожелал лишь исправить недоразумение, несомненно, ненамеренное, когда Гвиннед не счел нужным пригласить посланцев Торента на коронацию вашего величества. Разумеется, ошибка сия была вызвана поспешностью, ибо это событие случилось спустя всего лишь год после коронации вашего предшественника. И тем не менее, советники моего господина пребывают в уверенности, что ваше вели-

чество не откажется загладить нанесенную обиду, посетив торжества в Торенте.

— Вы называете торжествами крестины сына моего соперника в Кулликерне, сэр герольд? — отозвался Райс-Майкл. — Должно быть, вы шутите. Кроме того, вы скверно учили географию. Кулликерн находится в Гвиннеде, а не в Торенте.

Герольд пренебрежительно взмахнул руками.

— Теперь уже нет, милорд. Кроме того, мы полагаем, что этот дар является вполне подходящим для наследника лорда Марека, и, таким образом, принц Миклос, преподнеся в подарок замок и город Кулликерн своему племяннику, избавил вас от необходимости самому выбирать достойное подношение.

— Я предпочитаю сам принимать решения относительно своих подарков, — негромко отозвался Райс-Майкл. — И хотя мне понятна отцовская гордость по случаю рождения первенца, надеюсь, вы извините меня за то, что я не готов разделить вашу радость относительно появления на свет еще одного претендента на мой трон.

— Кроме того, — он указал на гонцов из Истмарка, — эти добрые господа сообщили мне, что по вине вашего хозяина погибло немало моих подданных, включая преданного мне графа Истмаркского, которому поручено было обеспечивать безопасность Кулликерна.

— Мы не хотели ничьей смерти, — невозмутимо возразил герольд. — Но, увы, действительно, несколько человек погибли.

— Верно. И лишь через труп графа Истмаркского вы смогли ввести войска в Кулликерн.

Райс-Майкл глубоко вздохнул, прежде чем продолжить:

— Поэтому я рассматриваю действия вашего господина как акт ничем не спровоцированной враждебности со стороны чужеземного принца. Если Миклос в данном случае действовал как частное лицо, то я должен буду воззвать к его брату, королю Торента, являющемуся его сюзереном, ибо король Арион наверняка не желал бы, чтобы его вассал угрожал границам соседней державы, с которой сам Арион находится в состоянии мира. Если же принц торентский действовал с ведома короля Ариона, тогда Миклос рискует развязать войну между нашими странами. И если он действует от имени Марека Фестила, это означает, что он поддерживает бунтовщика и незаконного претендента на мой трон, что также следует рассматривать как официальное объявление военных действий между нашими королевствами. Таковы ли были его намерения, сэр герольд?

Посланник склонил голову.

— Мой господин не посвящал меня в свои дальнейшие планы и мысли по этому поводу, милорд. Я лишь получил указания передать вам его намерения относительно Кулликерна.

С этими словами он потянулся под плащ, медленно извлек коричневую кожаную перчатку и небрежно швырнул ее на ковер к ногам Райса-Майкла.

— Если вы желаете получить официальное заявление, — продолжил герольд, — то вот залог требований моего господина. Можете взять эту перчатку, или нет, как вам будет угодно. Но чтобы получить Кулликерн обратно, вам придется обсудить условия с моим господином.

Перчатка лежала у самой ноги Райса-Майкла. Он ожидал чего-то подобного и уже знал, какие слова должен произнести, если возьмет ее в руки, однако

перед этим следовало все обсудить с сановниками. Кроме того, ему было необходимо какое-то время, чтобы успокоиться.

— Пусть мои советники подойдут, — попросил он, поднимаясь на ноги, и бросил взгляд на Хьюберта, который безмолвно кивнул королю. — Лорд коннетабль поухаживает за нашими гостями, пока мы совещаемся. Пусть принесут прохладительные напитки, если они того пожелают. Господа, прошу вас.

Через несколько минут в небольшой приемной за тронным помостом собрались взволнованные советники, и Райс-Майкл начал говорить:

— Такие новости полностью меняют все дело. Это прямой вызов суверенности нашего королевства, вы должны позволить мне дать ответ. Если я этого не сделаю, то утрачу всякое доверие. Весь Гвиннед утратит доверие.

— Сир, мы не готовы воевать с Торентом, — начал Таммарон.

— Вот и отлично, поскольку о войне с Торентом речь не идет. Арион здесь ни при чем. Миклос действует сам по себе, от лица Марека Фестила, и это даже не война с Мареком. Неужели вы и впрямь верите, что он решился бы сейчас на попытку отвоевать трон? Конечно, нет. У него ведь пока единственный сын, и тот еще совсем младенец.

— А вам не приходило в голову, — вмешался Полин, — что это может быть всего лишь хитростью, чтобы выманить вас из безопасного замка в столице? Ваше положение такое же шаткое, как у самого Марека, ведь у вас по-прежнему есть лишь один-единственный наследник. Этот герольд — Дерини, сир, равно как и Миклос, равно как и Арион. А что, если

они хотят использовать против вас свою проклятую магию?

Что-то сжалось внутри у Райса-Майкла при этих словах, ибо он не знал, как ответить на подобный довод.

— Об этом мы подумаем позже, — произнес он негромко. — Как помазанник Божий, я верю и надеюсь, что Господь милостью своей позволит мне противостоять их колдовству. Кроме того, мне кажется, что против целой армии их магия не так действенна, как против одного человека. Говорят, что стрела и меч могут быть быстрее и смертоноснее, чем заклинания... не знаю. Однако в одно я верю твердо. Если вы позволите чужеземцам захватить и удержать Кулликерн, принадлежащий по праву Гвиннеду, тогда самая независимость нашей державы — это всего лишь насмешка, независимо от того, что за человек сидит на престоле. Сам я давно смирился со своим бессилием, однако молю вас — не принижайте еще больше значимость короны, которую вы намерены рано или поздно возложить на голову моего сына. Иначе какое же королевство желаете вы оставить *своим* сыновьям?

Слова эти застали Ричарда врасплох, и точно также растерялись Ран с Таммароном, ибо у всех троих были сыновья, которым отцы намеревались передать свою власть. Манфред переглянулся с Хьюбертом, ибо и его сыновья, приходившиеся племянниками архиепископу, пользовались властью, которой обладали при дворе их родичи. И даже Альберт заметно притих, ибо ради того, чтобы сделаться великим магистром рыцарей *Custodes* он передал свой титул сыну, Боннеру Синклеру, молодому графу Тарлетон-

скому, который также приходился племянником Полину.

Из всех присутствующих в этой комнате лишь Роберт Орис достиг своего влиятельного положения без помощи бывших регентов, и не был замешан ни в каких интригах. В отличие от Хьюберта, за спиной у архиепископа Ремутского не стояли никакие родственники, пользовавшиеся привилегиями высокого положения. Тем не менее, всеми ими двигало одно желание – очистить страну от деринийской скверны.

– Никто из нас не хочет унижения державы, сир, – медленно промолвил старый архиепископ. – Однако, возможно, Кулликерн не столько представляет собой угрозу королевской власти, сколько угрозу преданности вассала короне. Что можно сказать о графе Истмаркском, которому надлежало удерживать Кулликерн? Его жена родом из Торента. Поговаривают даже, что она сама в родстве с Дерини. Может быть, все это лишь часть заговора, в который были вовлечены истмаркцы, с целью унизить Гвинед?

– Если он и был изменником, то уже поплатился за это жизнью, – спокойно возразил Райс-Майкл. – Но Хрорик никогда бы не предал меня. Я доверяю своим вассалам на севере, и в особенности графу Истмаркскому и его родне. Однако я бы предал его самого, если бы не отправился на помощь его вдове.

– Может быть, лучше послать вице-короля? – спросил Манфред, который явно сам метил на этот пост. – Мне очень не по душе подвергать ваше величество такой опасности.

– Если бы речь шла о захвате Кулди, – возразил король, – и нам бы бросили столь дерзкий вызов,

неужели бы вы послали кого-то вместо себя? Нет, вы бы отправились туда лично. А сейчас захвачена наша крепость, ключ к северным вратам королевства, и передана наследнику моего главного соперника, человека, который точит зубы на мой трон. Разумеется, господа, я во всем готов следовать вашим указаниям, но вы и сами понимаете, почему именно я должен возглавить войска.

Они спорили еще несколько минут, пока не пришли к согласию. Таммарон и Хьюберт в деталях обсудили достойный ответ торентскому герольду. Прежде чем вернуться в зал, король надел меч Халдейнов на пояс и возложил руку на крестовину, а затем дал знак Фульку с Катаном, чтобы они раздвинули занавес: Лучники на галерее опустили оружие и отступили на шаг, хотя стрелы по-прежнему оставались наложены на тетиву.

— Надеюсь, вы простите нам этот краткий перерыв, — обманчиво мягким голосом промолвил Райс-Майкл, вновь оказавшись перед торентским герольдом. — Как я вижу, символ вызова, который бросил мне ваш господин, по-прежнему находится перед троном. Подобная воинственность представляется мне весьма досадной, ибо сам я никогда не желал ему зла, однако я готов ответить должным образом, если он будет упорствовать в своем безумии. Действительно ли ваш господин намерен упорствовать в своей тщетной попытке передать замок Кулликерна сыну самозванца?

— Это не тщетная попытка, милорд, ибо он уже владеет замком, — возразил герольд. — Какой же ответ я должен дать ему?

— Ответ мой таков, что я отрицаю все его притязания и готов принять вызов, — негромко промол-

вил Райс-Майкл. — Ибо я убежден, что ни ваш господин, ни самозванец Фестил, и никто другой не вправе владеть Кулликерном.

Нагнувшись, он поднял перчатку, и прежде чем кто-либо успел сообразить, что происходит, небрежно швырнул ее обратно герольду, который поймал ее ловким движением.

— Передайте своему господину, что я встречусь с ним под Кулликерном не позднее чем через десять дней, и к этому времени он должен быть готов вернуть мне мою собственность, — заявил Райс-Майкл. — Скажите ему, я сожалею о том, что он принудил нас столкнуться на поле брани, ибо о нашей последней встрече с принцем Миклосом в день коронации моего брата у меня сохранились лишь самые добрые воспоминания, и я предпочел бы числить его среди своих друзей.

— Если дружба идет в ущерб королевскому венцу, ее приходится отбросить, милорд, — заметил герольд.

— Да, это верно, я не могу считать своими друзьями тех, кто стоит на стороне моих врагов. Если ваш господин желает и дальше помогать самозванцу Фестилу, который пытается отвоевать престол, по праву принадлежащий нашему роду, тогда он и сам станет моим врагом. Передайте ему мои слова и предупредите Марека Фестила, что я не дам никакой пощады ни ему, ни его близким. Вы можете удалиться.

На этом он развернулся и уверенным шагом вышел из зала. Катан с Фульком последовали за королем, и едва не уперлись ему в спину, ибо тот, едва лишь за ним опустился бархатный занавес, внезапно остановился на полпути, чтобы перевести дыхание и унять внутреннюю дрожь.

— Отлично сказано, сир, — с горячностью прошептал Фульк. Катан поспешил отвести короля подальше, чтобы дать дорогу сановникам. Обернувшись, Райс-Майкл еще успел заметить, как торентцы в растерянности уходят прочь из зала, обнаружив, что аудиенция внезапно подошла к завершению.

— Все прошло превосходно, ваше величество. — Это Хьюберт, неожиданно оказавшийся рядом, тронул короля за локоть. — Почему бы вам не отдохнуть с полчасика. Можете не тревожиться, лорд Альберт убедится, чтобы наши гости благополучно покинули Ремут. А пока я попрошу лорда Таммарона созвать совет. Мы позовем вас, когда будем готовы. Теперь, когда решение принято, полагаю, что войска смогут выдвинуться на рассвете. Полагаю, вам следует обо всем сообщить королеве. Фульк, Катан, прошу вас, сопроводите его королевское величество в его апартаменты.

Если в душе Райс-Майкл и был возмущен столь дерзким обхождением, внешне он этого никак не выдал, лишь крепче стиснул рукоять меча и двинулся вперед по винтовой лестнице, что вела к его покоям. Хьюберт, проводив короля взглядом, обернулся затем к своему брату, который пристально наблюдал за происходящим.

— Он справился лучше, чем я ожидал, — заметил Манфред.

— Да, кровь Халдейнов говорит сама за себя, — заметил Хьюберт. — Даже когда ей не дают воли. Представь себе, каковы будут его сыновья, если только воспитать их должным образом.

Манфред задумчиво кивнул.

— Может статься, что с ним мы успели вовремя, в отличие от старшего брата. Хотя начало было от-

нюдь не столь обнадеживающим. — Он ухмыльнулся. — Впрочем, у него нет другого выбора. Он должен слушаться нас во всем, ведь это только ему на благо.

— И нам тоже, — напомнил Хьюберт.

— Конечно, и нам тоже, — согласился Манфред. — Но это также и на благо всему Гвиннеду. Ведь мы должны были окончательно очистить страну от деринийской заразы. А это означает также и борьбу с Фестилами.

Хьюберт мрачно кивнул.

— Да, что угодно будет лучше, чем вновь позволить Фестилам вернуться к власти. Но теперь ступай и помоги Таммарону созвать совет. Возьмите с собой архиепископа Ориса... Мне нужно перемолвиться парой слов с Полином, а затем я присоединюсь к вам.

Полин уже ожидал Хьюберта в приемной рядом с тронным залом, а с ним и несколько рыцарей *Custodes,* и худощавый человек, откликавшийся на имя Димитрий.

Этот последний был в черной накидке с капюшоном, внешне почти не отличаясь от остальных монахов, однако он не являлся клириком, не принадлежал ни к их ордену, ни, строго говоря, даже к их вере. Более того, по их меркам, он даже не был человеком, ибо принадлежал к расе Дерини.

Именно по этой причине *Custodes* Полина предпочитали держаться от него подальше и толпились в стороне от очага, перед которым Димитрий стоял в одиночестве, скрестив руки на груди и пристально глядя в огонь. Заслышав шаги, он медленно обернулся, словно пробуждаясь ото сна. Полин выдвинул два кресла, и они с Хьюбертом уселись.

— Что ты можешь сказать о герольде и его сопровождающих? — без лишних предисловий спросил его Полин. — Все они Дерини?

— Да, милорд. Но они вели себя достаточно скромно, — отозвался Димитрий с глубоким поклоном. Затем он опустился на колени и, наконец, сел на пятки, сложив руки. — Такое впечатление, будто они чувствовали присутствие другого Дерини в зале. Нет, речь не обо мне, милорд, — поспешил он добавить, предваряя вопрос Полина. — Я постарался убрать свои защиты, и они никак не могли признать меня. Увы, это означает, что я мог воспользоваться при них лишь простейшими чарами истины... Но они тоже не решились ни на что большее. Именно это я имею в виду, когда говорю, что они вели себя очень скромно. Более того, к чарам истины прибег лишь один герольд. Я ожидал большего. Возможно, попытку прочесть истинные намерения короля, распознать намеренный обман...

— А возможно ли, что он сам блефовал? — спросил один из монахов в черной рясе. — Я имею в виду посланника.

Димитрий медленно покачал головой.

— Не думаю, — промолвил он в задумчивости. — По крайней мере, герольд *верит*, что принц Миклос захватил Кулликерн именно для сына самозванца. И речь идет лишь о том, чтобы оспорить владение замком.

— Тогда, возможно, они хотят оттянуть наши силы к Келдору, в то время как основные торентские войска нападут в другом месте? — предположил темноволосый рыцарь *Custodes* по имени Клойс, один из помощников Альберта.

Димитрий пожал плечами.

— Из того, что мне удалось уловить, милорд, я не могу сделать подобных выводов, — признал он. — Чтобы подтвердить или опровергнуть такую возможность, вам придется прибегнуть к обычным методам получения информации. Я могу утверждать лишь то, что герольд не лгал, когда говорил с королем, и не старался использовать магию для иных целей, кроме как убедиться, что король также говорит ему правду.

Хьюберт поморщился.

— Ну, а как начет короля? Возможно ли, — начал он медленно, — что он сам каким-то образом способен противодействовать силам Дерини? Ты только что упомянул о возможном присутствии кого-то еще из вашего племени в тронном зале. Мы всегда полагали, что эта скверна не затронула Райса-Майкла, и все же его брат Джаван, или кто-то из его свиты, в свое время обладал достаточным талантом, чтобы управлять моим сознанием.

Озадаченный, Димитрий покачал головой.

— Почему вы продолжаете задавать мне эти вопросы, милорд? Вы ни разу не позволили мне и близко подойти к его величеству... И я прекрасно понимаю ваши опасения. Ведь вы боитесь, что я каким-то образом могу установить контроль над его сознанием, а затем манипулировать им в собственных целях, хотя меня огорчает подобная подозрительность после стольких лет верной службы вам... Тем не менее, и у обычных людей порой встречаются защиты, это не такая уж редкость, особенно если человек какое-то время общался с Дерини. Учитывая, что в раннем детстве все трое принцев Халдейнов находились под опекой наставников и Целителей Дери-

ни, именно это и могло дать им небольшое преимущество.

— Ну, я лично бы это преимуществом не назвал, — пробормотал Полин.

Димитрий пожал плечами.

— Если герольду это помешало употребить нам во вред свои таланты, то я все же склонен считать это преимуществом, милорд, — возразил он. — Однако, должен заметить, что подобные слабые защиты, которые порой встречаются у людей, легко поддаются при телесном контакте. Если бы у герольда возникла возможность прикоснуться к королю, исход встречи мог быть совсем иным... Хотя, разумеется, для того чтобы всерьез внедриться в чужое сознание, нужно довольно много времени, в особенности, если эти усилия должны остаться незамеченными.

Если Дерини и хотел развеять возникшие опасения у собравшихся, то едва ли он в этом преуспел. Из всех них один лишь Хьюберт остался невозмутимым.

— Король не так глуп, чтобы позволить Дерини коснуться его, — ровным голосом заметил архиепископ. — Торентцев он опасается куда сильнее, чем нас.

— Пусть лучше боится и тех, и других, — пробурчал Полин, недовольно покосившись на Хьюберта. — Не пора ли нам отправиться в зал Совета? Должно быть, там уже все собрались, а нам предстоит еще выработать план действий, прежде чем мы позовем короля.

— Совершенно верно, — согласился Хьюберт, с трудом поднимаясь на ноги. — Димитрий, позже к вечеру ты нам еще понадобишься, но сейчас можешь идти.

Они с Полином двинулись прочь из комнаты, и двое *Custodes* последовали за ними. Димитрий склонился в низком поклоне, касаясь лбом пола, и оставался в таком положении, покуда за ними не закрылась дверь.

Глава третья

А если прилично будет и мне отправиться, то они со мною пойдут[1]

Тем временем в королевских апартаментах Райс-Майкл наслаждался обществом жены в ожидании, пока советники позовут его в зал заседаний. Когда он вошел в гостиную, соединявшую покои супружеской четы, то обнаружил Микаэлу у окна. Она наслаждалась солнечным светом, в то время как самая младшая и хорошенькая из горничных расчесывала ее свежевымытые волосы.

— Милорд, — лицо ее озарилось радостью, и молодая женщина вскочила на ноги. Платье ее, темно-синего цвета, было чуточку темнее глаз Микаэлы, а влажные волосы, доходившие ей ниже поясницы, ниспадали тяжелой волной.

Три придворные дамы, занятые вышивкой и болтовней в широкой оконной нише, поспешили подняться, завидев короля. Все они были избраны сановниками, — их собственные жены и дочери, назначенные шпионить за королевской четой. Замолкнув при виде Райса-Майкла, они склонились в поклоне, и маленькая горничная также поклонилась и попяти-

---

[1] 1-е Коринфянам 16:4

лась прочь, опустив глаза и прижимая к груди гребень.

— Приветствую вас, сударыни, — произнес король негромко.

Он позволил себе слегка улыбнуться, но не произнес ни слова, пока они с Микаэлой не удалились в опочивальню. Корону он вручил Катану в своих собственных покоях, однако на нем до сих пор был алый плащ, заколотый фибулой Халдейнов.

— Я уезжаю, — объявил он коротко, и жена почувствовала в его словах невысказанную угрозу. Они рядышком присели на край широкой кровати.

Как и все при дворе, она знала, что рано поутру прибыли гонцы из Истмарка, и потому сейчас не сводила взволнованного взора с лица Райса-Майкла, пока тот рассказывал ей обо всем, что произошло в тронном зале и после. Она не промолвила ни единого слова, но он чувствовал, как в душе ее нарастает страх.

— Вот и все, что мне известно, — заключил он наконец, обрисовав свои планы на будущее. — Не думаю, что нам грозит настоящая война. Марек Фестил никогда бы на это не решился, пока у него нет второго наследника. И все-таки опасность несомненна, поэтому я должен отправиться туда самолично. Даже сановники не осмелились возражать. Обещай мне, что будешь очень храброй, пока останешься здесь в одиночестве, ведь если... что-нибудь случится, ты должна стать сильным регентом при Оуэне и...

Голос его прервался, и дрогнувшей рукой он погладил ее по округлившемуся животу. Подавив рыдания, она притянула мужа к себе, а затем оба опустились на постель, в поисках утешения друг у друга. От влажных волос Микаэлы исходил слабый аромат,

и он зарылся в них лицом и руками, стараясь утопить собственные страхи в ее любви. Однако сейчас не время было поддаваться искушению, ибо в любой момент за ним могли прислать советники, поэтому он с сожаление выпустил жену из объятий и слегка отстранился, а затем, приподнявшись на локте, сжал ее бледную руку и нежно поцеловал в ладонь.

— Господи, Мика, я тебя обожаю, — прошептал он, глядя в ее голубые глаза. — Я так желаю тебя, что едва могу дышать, но Катан или Фульк в любой миг могут постучать в дверь. Именно этого я и ждал так долго. Заседания Совета, на котором они будут вынуждены прислушаться к моим словам... Но это означает также, что нам придется разлучиться, и возможно даже, навсегда.

Она отважно заставила себя улыбнуться, и дрожащими пальцами провела по его щеке, а затем коснулась броши на плече.

— Мы же молились о том, чтобы этот день настал, любимый, — прошептала она. — Не о разлуке, конечно, но о том, чтобы получить шанс обрести истинную свободу. Однако все произошло так внезапно... Осталась всего одна ночь. Неужели тебе обязательно уезжать так скоро?

Он на миг прикрыл глаза, силясь подавить нарастающий страх, а затем со вздохом сел на постели, вполоборота к жене.

— Если я позволю им отложить отъезд, они могут отыскать какой-нибудь повод, чтобы не отпустить меня совсем, — сумрачно произнес он. — Кроме того, если Кулликерн и впрямь был захвачен, в чем уже можно не сомневаться, то ситуацию следует разре-

шить прежде, чем торентские силы соберутся там и успеют закрепиться на позициях.

— Я понимаю, что ты должен ехать, — прошептала она, поглаживая его по плечу. — Я бы с радостью отправилась с тобой, ты же знаешь.

— Да, любовь моя. И я был бы счастлив взять тебя с собой, — ответил он. Ненадолго Райс-Майкл опустил взор, а затем вновь обнял возлюбленную. — Боже, Мика, а что, если я не вернусь? Что станет с тобой? Что станет с нашими сыновьями?

— Я попытаюсь... быть сильной, ради них и ради тебя, — промолвила она ласково, смаргивая слезы. — Если нужно, ради них я пожертвую жизнью. Только бы они не забыли о своем наследии. Рано или поздно их корона станет свободной, клянусь тебе.

— О, моя гордая королева, — прошептал он. — Вот теперь я уже точно не хочу уезжать, и в особенности завтра, хотя шесть долгих лет ожидал этого дня... Шанса стать *настоящим* королем. Как жаль, Мика, что ты не видела меня сегодня в тронном зале!

— Я бы очень хотела оказаться там, — промолвила она чуть слышно. — Я бы хотела быть с тобой рядом сейчас... и завтра. Но нам осталось лишь одна ночь, и постараемся сделать так, чтобы ее нам хватило на все дни.

Она хотела сказать еще многое, но неожиданно широко зевнула. В последний раз притянув к себе мужа, она крепко поцеловала его, а затем улыбнулась счастливой извиняющейся улыбкой.

— Мне надо непременно немного подремать, — сказала она. — Честное слово, не потому что мне с тобой скучно, просто этот ребенок, похоже, отнимает у меня куда больше сил, чем Оуэн...

Оба застыли, услышав стук в дверь, и Райс-Майкл неохотно повернулся в ту сторону, хотя по-прежнему не выпустил жену из объятий.

— Войдите.

Катан просунул голову в двери и немедленно принялся извиняться, завидев королевскую чету. В одной руке он держал меч Халдейнов в ножнах, а в другой тонкий золотой обруч с кельтским орнаментом.

— Прости, Мика, — бросил он сестре. — Райсем, они ждут нас.

На мгновение зажмурившись, король тяжело вздохнул и поднялся на ноги, заставляя встать и Микаэлу.

— Не хочу идти, — прошептал он.

— Ты должен, любовь моя, — отозвалась она, поднимая к нему лицо. — Ступай, и пусть с тобой пребудет моя любовь и мои молитвы.

Поскольку из посторонних здесь был лишь ее брат, Райс-Майкл не отказал себе в удовольствии проститься с женой настоящим поцелуем. Прижавшись губами к ее устам, он на несколько блаженных мгновений полностью отдался этому ощущению, с особой остротой сознавая, что это прощание вполне может стать для них последним, если так пожелают люди, которые управляют их судьбами. Когда он наконец оторвался от Микаэлы, все тело его горело от желания. Он еще несколько секунд смотрел на нее, ощущая, как сильно бьется ее сердце под его ладонями, затем решительно чмокнул в кончик носа и, наконец, коснулся губами лба.

— Ну что ж, тогда я пошел, — голос его звучал чуть хрипловато. — Думаю, сегодня мы поужинаем вдвоем. Будет только Катан, потому что я понимаю,

тебе захочется проститься и с ним тоже. Но к счастью, он ложится рано, — Райс-Майкл улыбнулся. — Непременно выспись сейчас. Я вернусь через пару часов.

Мужественно сглатывая слезы, Микаэла проводила супруга в гостиную и не сводила с него взгляда, пока дверь королевских апартаментов не закрылась за ними с Катаном. Любовь ее была так велика, что от нее сжималось горло. Подавив рыдания, она отвернулась от закрытой двери, твердо решившись не показывать своим придворным дамам всей глубины и безысходности своего отчаяния.

В нише у окна дамы поднялись с места, когда король проходил по комнате, но теперь, по знаку королевы, они вновь принялись за вышивание. Одна из них поднесла моток шелка к свету, вытягивая длинную нить. Ей помогала юная горничная королевы. Вопросительно покосившись на свою госпожу, она взяла в руки гребень из слоновой кости и подошла к королеве, пробуя на ощупь прядь влажных волос.

— Почти высохли, моя госпожа, — промолвила она. — Давайте, я еще немного их порасчесываю.

— Да, спасибо, Лизель, — отозвалась королева.

Девушка принялась за работу, и ее госпожа с удовлетворенным вздохом прикрыла глаза.

— Как приятно, — промолвила она через пару мгновений, не поднимая век. — Я бы могла так сидеть с тобой до конца дня.

При этих словах на розовых губках Лизель заиграла слабая улыбка. Очаровательная и живая, она была чуть моложе королевы и ниже ее на целую голову. Волосы ее были пшенично-золотистого оттенка, заплетенные в косу и спрятанные под белым пла-

том. Светло-серое скромное платье едва ли украсило бы большинство женщин, — впрочем, именно поэтому сановники выбрали такой цвет и покрой для женской прислуги замка, — однако, в случае с Лизель, оно лишь оттеняло ее созревающую красоту. Глаза в солнечных лучах казались золотистыми, и во взоре ее читалась искренняя любовь к женщине, чьи волосы она продолжала расчесывать с величайшим тщанием и нежностью.

— У моей госпожи восхитительные волосы, — произнесла она негромко. — Мне доставляет удовольствие заботиться о них.

— Правда? — сонно улыбнулась Микаэла, по-прежнему не открывая глаз. — Да, это должно быть все равно, что гладить кошку, — нравится и кошке, и тому, кто ее гладит.

— Они как тяжелый шелк, и отражают солнечный свет, моя госпожа, — вымолвила Лизель. — Не удивительно, что королю так нравится, когда вы их оставляете распущенными.

— Ты права.

Улыбка исчезла с лица Микаэлы и, открыв глаза, она с внезапным испугом покосилась на горничную.

— Лизель, сегодня вечером ты должна мне помочь мне сделать какую-то особую прическу, — прошептала она. — Король будет ужинать со мной, а завтра он отправляется в Истмарк. Одному Богу известно, увижу ли я его когда-нибудь еще в этой жизни.

Лизель прекратила причесывать волосы, и в золотистых глазах ее мелькнула жалость.

— О, моя госпожа, — выдохнула она.

Микаэла потрепала девушку по руке и заставила себя храбро улыбнуться, внезапно ощущая навалившуюся усталость.

— Ну-ну, не вздумай хныкать, а то и я тоже расплачусь, — прошептала она. — Он не должен знать, как я сильно за него беспокоюсь. — Она словно хотела добавить что-то еще, но только тяжело вздохнула и вновь пощупала свои волосы. — По-моему, они достаточно высохли. Пора мне, и в самом деле, вздремнуть.

— Да, моя госпожа, — чуть слышно отозвалась Лизель, не поднимая глаз.

Изящным движением руки прикрывая зевок, Микаэла приблизилась к женщинам, что сидели в оконной нише.

— Дорогая леди Эстеллан, почему бы вам с Лирин и Аделисией не прогуляться в саду, скажем, час или два? Я немного посплю, поэтому вы мне не понадобитесь. Лизель поможет мне раздеться.

Она не стала ждать, пока они удалятся, и ушла в опочивальню. Собственно, ей не было до них никакого дела, и они ей не слишком нравились, но нужно было поддерживать приличия. В спальне Лизель откинула покрывало на просторной постели под балдахином, и ее госпожа вновь широко зевнула.

— Сама не могу понять, почему во время этой беременности мне все время так хочется спать, — пробормотала она, пока служанка помогала ей снять платье. — Оуэн меня так не утомлял.

— Может быть, на сей раз госпожа больше тревожится, — отозвалась горничная, помогая королеве забраться в постель. — Но теперь ложитесь и немного поспите, ваше величество. Сон — лучшее лекарство от многих недугов.

Вновь зевнув, Микаэла покорно закрыла глаза. Вскоре дыхание ее сделалось ровным и неглубоким, и девушка, разложив синее платье на спинке кресла,

неслышным шагом подошла к кровати и склонилась над спящей госпожой.

— Теперь засни покрепче, — прошептала она, едва заметно касаясь лба королевы.

На несколько мгновений она и сама закрыла глаза, а затем, тряхнув головой, вновь обеспокоенно уставилась на королеву.

— Да подарит вам Господь добрые сны, моя славная госпожа, — прошептала она, убирая руку. — Спите крепко, и проснитесь посвежевшей. Вы дали мне разрешение уйти и принести книгу стихов из библиотеки. Если вы проснетесь до моего возвращения, вспомните также, что вы просили меня нарвать свежих цветов, чтобы вплести их сегодня вечером вам в волосы.

Когда Лизель осторожно вышла из королевской опочивальни, придворные дамы уже удалились, и лишь другая горничная, Элспет, дремала в кресле, наслаждаясь солнцем, но она даже не пошевельнулась, когда Лизель прошла мимо. В коридоре дежурили те же стражники, что и обычно.

— Доброго вам дня, госпожа Лизель, — воскликнул их капитан, широко улыбаясь девушке.

Ей пришлось запрокинуть голову, чтобы взглянуть на него, ибо она доставала стражнику лишь до плеча, однако его она хорошо знала и прекрасно умела с ним управляться.

— Да благословит вас Господь, капитан, — произнесла она без всякого смущения. — Моя госпожа заснула. Пожалуйста, проследите, чтобы никто ее не беспокоил.

Он любезно отступил в сторону, без лишних слов давая ей пройти. Пару месяцев назад, когда Лизель поступила к королеве на службу, он был наглецом и

грубияном, каких мало, но теперь рядом с этой златовласой крохой делался совсем ручным, точно кот у очага.

Дело в том, что, на самом деле, любимую горничную королевы звали отнюдь не Лизель, и она, конечно же, не была обычной горничной. Эта уверенная в себе девушка — дочь Целителя Райса Турина и Ивейн Мак-Рори — была также единственным посредником между королевской четой и некоторыми Дерини, втайне делавшими все для того, чтобы избавить правителя от влияния его сановников.

Разумеется, ни Райс-Майкл, ни его супруга пока и не подозревали о том, кто такая на самом деле их Лизель, и что она делает во дворце. Но ныне, уверенно направляясь по коридору в сторону винтовой лестницы, она сказала себе, что очень скоро эта ситуация изменится.

Изначально в их планы входило получить доступ к королю, дабы пробудить в нем способности Халдейнов, и в этой задаче Райсиль Турин предстояло сыграть ключевую роль, после чего должен был произойти дворцовый переворот, подобный тому, в результате коего взошел на престол отец нынешнего короля, которого четверть века назад поддержали некоторые Дерини, — чьи родичи и друзья сейчас собирали военные силы в отдаленных областях Гвиннеда. Событие это должно было состояться через пять или шесть месяцев, как раз перед тем, как королеве предстояло разрешиться от бремени, ибо именно с появлением второго наследника усиливалась опасность, что сановники решатся-таки устранить короля, исполнившего, наконец, свою династическую обязанность. Угроза была так велика, что оправдывала любой риск, несмотря на несомненные сложности, по-

скольку король мог и погибнуть во время переворота, — однако сейчас все изменилось. Внезапный отъезд в Истмарк подвергал его куда большей опасности, если ему придется противостоять торентской магии в одиночку.

Стараясь подавить нарастающий страх, Райсиль устремилась вниз по тускло освещенной лестнице, левой рукой держась за перила для равновесия. Вот уже не в первый раз она пожалела о том, что ее наставники не сумели раньше установить контакт с королем.

Однако в ту пору, после смерти короля Джавана, это было попросту невозможно. Райса-Майкла тщательно охраняли, но, кроме того, никто не мог знать, как он встретит появление Дерини, поскольку им не было известно, сколь многое успел сообщить брату Джаван, прежде чем отправиться в свой последний поход на север.

Кроме того, дворцовый заговор, возведший Райса-Майкла на престол, дорого обошелся приверженцам его брата. Погибло несколько высокопоставленных Дерини, которые, тщательно скрывая свою подлинную сущность, проникли ко двору и заняли свое место в свите короля, стараясь ослабить влияние сановников. Впрочем, вероятнее всего, те и не подозревали, что имеют дело с Дерини. Они просто хотели покончить со всеми, кто был верен Джавану.

В первые месяцы после переворота стало ясно, что новый король находится в относительной безопасности, — хотя бы до тех пор, пока не произведет на свет двоих наследников. Его сановникам менее всего хотелось бы уничтожить весь королевский род Халдейнов. Все, чего они желали — это вновь сделаться регентами при монархе, который был бы к ним

благосклонен и во всем покорен их воле, а также не возражал бы против того, чтобы передать подлинную власть в руки своих советников.

Но здесь теория могла вступить в противоречие с соображениями выгоды. Разумеется, сановникам хотелось сохранить законность престолонаследия, но если бы Райс-Майкл отказался повиноваться, то с самого начала его сановники решили, что в таком случае оставят короля в живых до тех пор, пока кто-либо другой не исполнит его супружеский долг, и королева не даст жизнь отпрыскам, которые затем займут место Халдейнов. Более всего советников устроил бы марионеточный король Халдейн, но равным образом был бы неплох и марионетка-бастард, всего лишь *носивший имя* Халдейна.

Насколько догадывалась Райсиль, король все это прекрасно понимал. Тайком читая мысли королевы Микаэлы, она знала, что супружеская чета старалась, насколько возможно, оттянуть зачатие наследника, и все же на второй год правления Райса-Майкла у него родился сын, что подвергло его жизнь немалой опасности. Теперь он больше не был единственным Халдейном. Но теперь, если у него родится второй наследник, и особенно если это окажется еще один сын, это вполне может подтолкнуть сановников к повторному цареубийству, едва лишь они убедятся, что младенец жив и здоров, — поскольку для них гораздо больше выгоды сулит регентство при четырехлетнем наследнике, для которого, к тому же, имеется замена в виде второго принца.

Так что у Райсиль не было ни малейших сомнений, что сановники способны в любой момент по собственной прихоти или из того, что им представлялось бы необходимостью, устранить короля, под-

строив ему несчастный случай, как то бывало со многими до него.

Поэтому совершенно необходимо было пробудить магию Халдейнов в короле до рождения его второго ребенка, а теперь это сделалось еще более насущным, ибо после отъезда в Истмарк ему грозила непосредственная опасность от рук торентских Дерини. Задача эта представлялась достаточно сложной, несмотря даже на то, что ей предшествовало несколько месяцев подготовки, однако теперь, когда времени оставалось настолько мало, им необходимо было добиться от короля полного и безоговорочного сотрудничества, чтобы он всецело доверился своим союзникам Дерини. На взаимные опасения и объяснения времени не будет, сейчас их могло спасти лишь безграничное доверие друг к другу и исполнение своего долга.

Насколько Райсиль из своих наблюдений успела узнать короля, она понимала, что завоевать его доверие будет не так-то просто. У него не было причин полагаться на кого бы то ни было, кроме своей жены и ее брата, и уж менее всего на тех Дерини, которые бросили его на произвол судьбы после гибели Джавана. И все же Райсиль надеялась, что ей удастся склонить чашу весов в свою сторону, благодаря единственному фактору, который не учли даже ее наставники. Королева Микаэла, равно как и ее брат, сами обладали частичкой наследия Дерини, хотя кровь эта была сильно разбавлена, и к тому же все ее проявления надежно заблокированы еще в раннем детстве... и все же этот потенциал мог быть им возвращен, если только убрать мешающие преграды.

Насколько было известно Райсиль, единственным человеком, способным на такое, был ее брат Тиег,

которому еще не сравнялось и четырнадцати лет. Она боялась даже подумать о том, какие опасности грозят ему в Ремуте, ибо, уж конечно, Микаэла с Катаном никоим образом не могли бы отправиться к нему сами. И все же они с Тиегом уже обсуждали эту возможность. Кроме того, она нередко задавалась вопросом, способны ли уникальные таланты Тиега подстегнуть развитие магии Халдейнов у короля. Проникнув в сознание Микаэлы, она узнала, что Райс-Майкл обладает защитами и чарами истины, и именно поэтому сама Райсиль не могла прочесть его мысли. Однако, чтобы сражаться с самозванцем Фестилом, ему понадобится развить свои таланты гораздо в большей степени.

Подобрав юбки, Райсиль оглянулась налево, затем направо и, спустившись по винтовой лестнице, вышла в коридор, который вел к библиотеке. Как она и надеялась, в это время дня здесь не было ни души, и, двигаясь совершенно бесшумно, она пробежала вперед по коридору, выложенному черными и белыми плитками. На самом деле ей была нужна, конечно, не сама библиотека, а пустующая комната рядом с ней, однако, если отправиться туда напрямую, это могло бы показаться подозрительным случайному наблюдателю. Поэтому сперва она зайдет в библиотеку, якобы для того, чтобы выполнить поручение королевы, и тем самым обезопасит себя от возможного разоблачения.

Опасения ее оказались не напрасны, ибо она ощутила живое присутствие в комнате даже прежде, чем поднесла руку к дверям. Заранее готовая ко всему, она уверенно вошла в библиотеку. В дальнем левом углу комнаты при свете, льющемся из высокого окна, над своим столом корпел одетый в черное пи-

сец. Заслышав шум, он покосился через плечо, затем неуверенно поднялся на ноги, и солнце озарило знакомую черную рясу, потрепанную и залатанную во многих местах.

Слава Богу! Она-то опасалась, что здесь будет один из угрюмых писцов *Custodes*, но с этим юношей они были давно знакомы...

— А, мастер Донал, да благословит вас Господь, — любезно заметила она, закрывая за собой дверь библиотеки. — Как всегда, за работой, я вижу?

Он склонил голову и покраснел до корней коротко остриженных темных волос. Этот тощий угловатый юноша немел в присутствии Райсиль, и ее это вполне устраивало, ибо благоговеющий поклонник мог оказаться куда более полезен, нежели отвергнутый воздыхатель. Простая вежливость ей ничего не стоила, и к тому же она не питала к Доналу неприязни, несмотря на то, что он, казалось бы, по доброй воле, работает на тех, кто были ее врагами.

— Госпожа Лизель, — произнес Донал, заикаясь. — Ваш неожиданный приход осветил для меня этот мрачный день.

Она поприветствовала его кивком головы и одобрительной улыбкой, отчего он раскраснелся еще сильней, а затем небрежным взором обвела комнату, с любовью задержавшись на манускриптах и переплетенных томах, разложенных на широком столе. Книжные полки и этажерки для свитков занимали всю правую стену до потолка, а знакомый запах кожи и чернил наполнял воздух подобно самым дорогим благовониям.

Ничем не выдавая своих чувств, она подошла ближе к столу с книгами, проведя пальчиками по украшенным золотом переплетам. Донал знал, что

она умела читать и писать, но понятия не имел, что ее страсть к знаниям, скорее всего, превосходит даже его собственную. Таков был дар, унаследованный девушкой от возлюбленных покойных родителей... Также он, скорее всего, никогда не узнает, что она отказалась от этой своей страсти ради более высокой цели. Все эти годы она занималась лишь развитием практических навыков магии, стараясь как можно полнее подготовиться к той роли, что ждала ее во дворце.

— Прекрасные слова, мастер Донал, — промолвила она с легкой улыбкой. — Но если вы рассчитываете смутить меня своими комплиментами и заставить забыть о поручении королевы, предупреждаю, что вам это не удастся. Моя госпожа велела мне принести книгу стихов леди Кайлы... кажется, ее отдавали переплетчику. Он закончил работу?

Довольный, Донал закивал и подбежал к столу, где принялся рыться в стопках книг и отыскал, наконец, томик, переплетенный в алую кожу с богатыми разноцветными вставками.

— Да, вот она. — Он обмахнул корешок книги рукавом, затем протянул ее девушке. — Брат Лоренцо принес ее как раз вчера.

Когда она протянула руку за книгой, ей не составило труда коснуться пальцев молодого человека. В тот же миг она установила контакт по тем самым каналам, которые не раз использовала в прошлом.

— Спасибо, Донал, — прошептала она. — Королева будет довольна. А теперь берись вновь за работу, и пусть тебе снятся приятные сны. — Она на миг сжала его обмякшую руку и взяла томик стихов. — Ты будешь помнить лишь то, что я приходила вот за этим. А теперь ступай.

Без единого слова он повернулся, подошел к столу, сел на стул и мечтательно уставился в окно, упершись подбородком в ладонь. Когда она распахнула дверь, чтобы выйти из библиотеки, он погрузился в легкую полудрему, полную невинных грез, достаточно мимолетных, чтобы даже богобоязненному Доналу не пришло в голову поведать о них своему исповеднику *Custodes*. Для нее это был самый безопасный способ сделать так, чтобы он не заметил чего-то неладного в соседней комнате.

В коридоре, когда она закрыла за собой дверь, по-прежнему не было ни души. С помощью магии она поспешила убедиться в этом. Прижимая к груди томик стихов, который мог бы послужить оправданием ее присутствию в этой части замка, Райсиль осторожно подошла к двери слева по коридору. Она давно знала, что в этой комнате никто не живет, но сейчас, осторожно отодвинув засов и проскользнув внутрь, она впервые задумалась о том, что будет делать, если кто-нибудь поселится в этих покоях. Комната как нельзя лучше подошла бы какому-нибудь книжнику. Но пока что это маленькое помещение с чисто выбеленными стенами оставалось незанятым. Слой пыли покрывал стол и стулья перед остывшим очагом в углу, а тюфяк на узкой койке был свернут и приставлен к стене справа. И все же, несмотря на простоту обстановки, в этой заброшенной комнате она почти могла вообразить себе того человека, который недолго жил здесь и охранял тайну Портала, — человека, которого она никогда не встречала при жизни.

Его звали Этьен де Курси, и лишь очень немногие знали о том, какую огромную помощь он оказал Халдейнам. Из-за его преданности королю Джавану,

сановники казнили его после дворцового переворота, но так никогда и не узнали о принадлежности де Курси к Дерини, и не догадались о том, что именно он похитил прямо у них из-под носа жену и дочь погибшего Целителя Ориэля.

И хотя он мог бы остаться вместе с ними в безопасности в убежище, Этьен по собственной воле решил вернуться во дворец, попросив предварительно заблокировать его магический дар и все лишние воспоминания. Там его схватили, подвергли пыткам и наконец казнили, но он пошел на этот риск ради того, чтобы помешать советникам короля выяснить, каким образом Дерини могли проникнуть ко двору. Именно ради этого, и для того, чтобы подготовить путь для своих будущих соратников, Этьен де Курси пожертвовал жизнью. Его старший сын Гискард также погиб, защищая короля Джавана.

Коротко помолившись за обоих де Курси, отдавших жизнь за выживание ее расы, Райсиль уверенно двинулась к центру комнаты, стараясь как можно меньше оставить следов в пыли. Она встала на каменную плиту, покрепче прижала к груди томик стихов и склонила голову. Стоило лишь опустить защиты, как мощь переходного Портала хлынула через нее, и ей оставалось лишь нужным образом направить энергию, чтобы осуществить перенос.

Глава четвертая

Слушай речи старших, ибо они также учились у отцов своих, и от них обретешь ты понимание[1]

За много миль к северо-востоку от Ремута, светловолосый юноша, который должен был стоять на страже у другого Портала, откинулся на спинку стула, и в задумчивости пожевал кончик своего пера. Бросив мимолетный взгляд на Портал, он прощупал его с помощью магии, и карие глаза затуманились на несколько мгновений. При крещении юноше дано было имя Камбер Эйлин Мак-Лин, но с самого детства его называли не иначе как Камлин, чтобы отличить от знаменитого, позже ставшего святым старшего Мак-Рори, в чью честь он и получил свое имя. Сейчас, в двадцать два года, ровесник короля, внешне он был очень похож на сына Камбера, Джорема, с которым и оставался все последние годы. Самым большим различием в их внешности были белые шрамы на запястьях молодого человека.

Он еще помнил времена, когда шрамов этих не было и в помине, но это было очень, очень давно.

---

[1] Мудрость Иисусова 8:9

Сами же воспоминания о том, как он получил эти отметины, по счастью, затуманились в его сознании. Хотя из рассказов тех, кто обнаружил его, он знал, что солдаты, спалившие отцовский замок, распяли его на опускной решетке. Среди прочих бесчинств того дня это было не самое страшное злодеяние. По крайней мере, Камлину удалось уцелеть.

Прочим обитателям Трурила повезло куда меньше, включая и его отца. Изувеченный, подвергшийся бесчеловечным пыткам, лорд Эдриен Мак-Лин был вынужден, умирая, наблюдать за мучениями посаженного на кол мальчика, которого негодяи приняли за его сына и наследника. На самом деле, то был юный Эйдан Турин, воспитывавшийся у них в замке, любимый старший брат той самой Райсиль, которую он ждал здесь, у Портала.

Перепуганный Камлин, которому в ту пору было одиннадцать лет, трясясь от ужаса, наблюдал за происходящим кошмаром, спрятавшись под кухонной лестницей. Разумеется, его вскоре отыскали там, но налетчики приняли его за обычного оруженосца и ограничились тем, что отхлестали кнутом, а затем распяли на воротах замка прежде, чем поджечь все вокруг и ускакать прочь. Начавшаяся снежная буря погасила пламя, и мать погибшего Эйдана с его младшим братом подоспели вовремя, чтобы спасти Камлину жизнь и исцелить его покалеченные руки.

Поморщившись, он отложил перо и легонько потер узловатые шрамы на правом запястье, невидящим взором уставившись на пустой квадрат Портала. Мыслями он устремился к тому дню, гадая, каким образом Ивейн и малышу Тиегу удалось совершить это чудо. Обычно дар Целителя пробуждается в ребенке не раньше десяти лет, а Тиегу в ту пору ис-

полнилось всего три года и, разумеется, он не получил никакого соответствующего образования. Мать же его, хотя и обладала большим магическим талантом, отнюдь не была Целительницей. Так каким же образом ей удалось вызвать и направить силу своего крошки-сына, чтобы исцелить ранения, которые могли привести Камлина к гибели?

Конечно, она была дочерью святого Камбера, и, возможно, ее многому научил ее муж-Целитель, непревзойденный Райс Турин, хотя, насколько было известно Камлину, никакому другому Дерини до сих пор не удавалось повторить то, что сделали они с Тиегом.

Разумеется, он не мог упрекнуть их в том, что результат исцеления оказался далек от совершенства. Ведь достаточным чудом являлось уже и то, что им, вообще, удалось его исцелить. Но шрамы сделали его запястья недостаточно гибкими для владения мечом. Впрочем, едва ли можно было рассуждать о рыцарстве и праве рождения, поскольку убийцы его отца считали и самого Камлина погибшим, и теперь всеми их землями, которые должны были бы перейти к Камлину по наследству, владел один из королевских сановников. Так что единственным оружием юноши оставался не меч, но перо, и то при условии, что он не будет писать слишком много. Даже здесь, в подземном убежище, руки его часто ныли к перемене погоды, и их нельзя было слишком перетруждать. В иные дни даже просто поднести к губам чашку стоило ему таких невероятных усилий, что невозможно было обойтись без Целителя.

Однако даже боль имела свои положительные стороны, ибо приучила его экономить слова на пергаменте, устремляясь прямо к сердцу любого вопро-

са. Талант Камлина выражать свои мысли на бумаге поражал даже самых требовательных его наставников. В редкой вспышке былого соперничества, которое некогда прежде разделяло религиозные ордена Дерини, гавриилиты отец Рикарт и отец Кверон неохотно признавали, что Камлин своим четким и резким слогом и стилем суждений уподоблялся михайлинцам, тогда как Джорем и епископ Ниеллан, которые некогда принадлежали к этому ордену, могли лишь порадоваться такой похвале. В общем и в целом, Камлину удалось подыскать для себя некую нишу в повседневной жизни михайлинского убежища, и добром и усердием постараться отплатить людям, приютившим его.

С довольной улыбкой он вновь поднял перо и вернулся к работе. Для того, чтобы было чем занять себя, пока он дежурит у Портала, юноша делал пометки в летописи, которую вел епископ Ниеллан со времен восшествия на трон рода Халдейнов.

Сейчас он занимался временем сразу после гибели короля Джавана, переписывая воспоминания, которые Тиег Турин воспринял из памяти Этьена де Курси, прежде чем стереть их и заблокировать его магические способности. Это был один из немногих прямых источников, повествовавший о событиях того дня, когда сановники захватили власть во дворце и подчинили себе тогдашнего принца Райса-Майкла Халдейна, и у Камлина до сих пор кровь стыла в жилах, когда он читал об этом — о хладнокровном предательстве, подстроенном доверенными советниками и так называемыми служителями Божьими, о том, как помощников принца жестоко убили прямо у него на глазах, а еще один был ранен столь серьезно, что чуть позже скончался от ран в ужасных мучениях.

Впрочем, об этом-то Этьен не знал. Не в первый уже раз Камлин задавался вопросом, что заставило такого человека как Этьен, вернуться обратно в замок, где его ожидали пытки и неизбежная гибель. Камлин принес клятву верности делу Халдейнов и королю, с которым никогда не встречался лично, но сомневался, что у него достало бы отваги сделать то, что сделал Этьен...

Покачав головой, Камлин сделал себе пометку постараться выяснить подробнее судьбу одного из заинтересовавших его рыцарей *Custodes*, а затем вновь принялся за чтение воспоминаний Этьена. Внезапно какое-то слово заинтересовало его, и он нагнулся ближе, пытаясь расшифровать написанное. У Тиега был четкий почерк, однако орфография зачастую оказывалась совершенно прихотливой и загадочной. Камлин готов был списать это на леность, однако Тиег утверждал, что у Целителя есть заботы и поважнее, чем думать о том, как правильно написать какое-то слово... лишь бы значение оставалось понятным. В свою очередь, Камлин утверждал, что лишь правильное написание способно верно передать смысл, и потому споры их никогда не прекращались. Впрочем, они были готовы спорить по любому поводу, по мере того, как Тиег взрослел. Это занимало большую часть их времени. И сейчас, едва лишь Камлин сделал очередную поправку, как дверь в коридор распахнулась.

— Привет, Камлин, — окликнул его Тиег, появляясь на пороге. — Дядя Джорем сказал, что я могу тебя сменить, если ты готов передохнуть.

Камлин с улыбкой отложил перо и обернулся к приятелю. Голос у Тиега начал ломаться пару месяцев назад, и хотя в этом не было ничего неожидан-

ного, Камлин до сих пор порой удивлялся, когда слышал этот новый глубокий и звучный голос вместо привычного мальчишеского дисканта.

Тиег, казалось, рос с каждым днем все быстрее. И хотя до его четырнадцатилетия оставалось еще несколько месяцев, он уже был на полголовы выше Камлина, который и сам не казался коротышкой, и у него были крупные руки взрослого мужчины. Россыпь веснушек на переносице усиливало впечатление мальчишеской наивности, однако взгляд карих глаз выдавал отнюдь не детскую мудрость.

И одевался он тоже как подобает взрослому. Хотя Целителями обычно становились не раньше восемнадцати лет, Тиег уже заслужил право носить полное зеленое одеяние Целителя, по крайней мере, здесь, в убежище.

В последнее время, подражая отцу Кверону и отцу Рикарту, он начал заплетать свои волнистые рыжеватые волосы в четырехпрядную гавриилитскую косу.

За пределами этих стен она могла стоить ему жизни, в особенности, если бы в нем опознали Дерини, хотя даже обычному человеку подобная прическа могла стоить сурового наказания. Как минимум, его бы обрили наголо, а затем могли подвергнуть бичеванию, если бы решили, что человек этот заплетает косу, чтобы тем самым негласно выразить поддержку Дерини. По счастью, Тиег очень редко выходил из убежища и никогда не носил за его стенами зеленую тунику и столь вызывающую прическу.

— Я гляжу, ты сегодня при всем параде, — сказал Камлин, сдерживая усмешку. — Тебя, правда, послал Джорем, или ты просто заскучал?

Тиег хмыкнул и тряхнул головой.

— Ну, на самом деле, он меня сюда не посылал... А я, и вправду, слегка заскучал. Они там только и обсуждают новобранцев, доставку продовольствия и стратегические слабости ремутского замка. Так что я был бы рад тебя сменить, если хочешь.

— Очень мило с твоей стороны, однако я лучше посижу еще и закончу свою работу. Я совсем не устал.

— Ты, может быть, и нет, а вот твои руки устали, — возразил Тиег. С самодовольным видом он взял Камлина за запястье. — Ну почему ты всегда пытаешься скрыть боль, хотя прекрасно знаешь, что я могу снять ее?

У Камлина перехватило дыхание, когда Тиег принялся мягко прощупывать его искалеченные руки, а затем с едва слышным вздохом прикрыл глаза, блаженствуя на волне исцеляющей энергии, которая, устремившись в ноющие ткани, мгновенно смыла чувство боли. Он никогда не чувствовал целительского касания, которое могло бы сравниться с тем, что делал Тиег. Возможно, это было связано с его блокирующим талантом.

— Нет, не думаю, — промолвил Тиег вслух, отвечая на незаданный вопрос. — Отец Рикарт как-то сказал мне, что когда он только начинал учебу, в аббатстве святого Неота был пожилой монах, который исцелял точно также, однако отец Кверон утверждает, что похожим было и касание моего отца.

Пожав плечами, он занялся другим запястьем.

— Я сам общался не с таким большим количеством Целителей, поэтому едва ли могу с уверенностью что-то утверждать, и к несчастью, боюсь, я совсем не помню отца.

Камлин пропускал слова Тиега мимо ушей, наслаждаясь тем, как под воздействием силы Целителя уходит боль из второй руки. Он понятия не имел, как Тиег делает это. Ощущение было отчасти сродни тому, что порой приходило в состоянии медитации, когда ему удавалось с особой четкостью уловить ритм движения Сфер. Епископ Ниеллан предполагал, что в эти минуты Камлину удается подключиться к энергетическим потокам, которые способны призвать человека к молитвенной созерцательной жизни. Сам Камлин, правда, не был уверен, что ощущает религиозное призвание, но в такой жизни имелись и свои прелести, и она как нельзя больше подходила калеке.

— А я довольно хорошо помню твоего отца, — заметил он, неохотно возвращаясь мыслями к собеседнику. — Конечно, мне было всего одиннадцать лет, когда он погиб. — Откинувшись на стуле, он опустил исцеленные руки на колени. — Мне очень нравился лорд Райс, его все любили. Жаль, что я не смог узнать его получше, когда повзрослел.

— Мне тоже жаль, — чуть слышно отозвался Тиег.

Но прежде чем оба они могли бы погрузиться в печальные воспоминания и сожаления о том, чему никогда не суждено было произойти, оба внезапно ощутили тревожную нотку в потоке энергий Портала, затронувшую самый край сознания.

— Это Райсиль! — воскликнул Тиег, подбегая к Порталу.

Камлин, заразившись внезапной нервозностью Тиега, также поднялся на ноги. В Портал убежища были встроены постоянные защиты, преграждавшие доступ незваным гостям, но все равно определенная опасность всегда оставалась. Конечно, защиты Пор-

тала были достаточными, чтобы удержать на месте любых нападавших, даже если те придут с силой, по крайней мере, до тех пор пока охраннику не удалось бы позвать на помощь. И все же Камлин был не таким уж сильным Дерини, и, будучи калекой, не годился для физического столкновения. Поэтому любой вновь прибывший изначально воспринимался им как возможная угроза, и оставалось лишь надеяться на то, что в момент перехода враг также может оказаться уязвимым.

Однако на сей раз это был никакой не враг, и уязвимой Райсиль отнюдь не выглядела. Как всегда, один лишь вид ее заставил Камлина отступить на шаг и затаить дыхание. Хотя они с Тиегом были гораздо выше девушки, она с легкостью подавляла их своим спокойствием и невозмутимостью, а взгляд золотистых глаз пронизывал насквозь. Даже в этом уродливом сером платье королевской горничной с волосами, скрытыми под накидкой, в глазах Камлина, она была одним из прелестнейших созданий, какое он когда-либо видел, хотя здесь, в уединении подземного убежища, его опыт общения с женщинами, увы, был довольно ограничен.

— Что стряслось? — взволнованно воскликнул Тиег, заметив тревогу на лице сестры. — Мы ждали тебя только через несколько часов. Какие-то новости?

Она со вздохом вышла из ниши Портала и положила книгу на стол, за которым трудился Камлин.

— Не просто новости, а настоящая катастрофа. Привет, Камлин. Я не знаю, успеем мы или нет. Сегодня поутру прибыли гонцы из Истмарка и сообщили, что торентцы захватили Кулликерн на границе с Толаном. Потом прибыл посланник из Торента. По его словам, Миклос Торентский намерен пода-

рить Кулликерн на крестины новорожденному сыну Марека Фестила. Король направляется в Истмарк на рассвете. Судя по всему, Марек намерен вступить в борьбу за престол.

Камлин уставился на нее, раскрыв рот. Веснушчатое лицо Тиега побледнело, ибо, судя по всему, он куда лучше своего двоюродного брата понимал, что означают для них эти новости.

— Слишком быстро, — пробормотал Тиег. — Боже правый, надо скорее сообщить обо всем дяде Джорему. Они там как раз с Анселем и Джессом строят планы выступления... намеченного через полгода.

— Да, похоже, что нам придется действовать гораздо раньше. Никаких шести месяцев у нас просто нет, — отозвалась Райсиль. — Они в комнате заседаний? Я должна вернуться как можно скорее, и если мы хотим исполнить хоть что-то из своих замыслов, то следует поторопиться.

— Я тебя провожу, — согласился Тиег. — Камлин, к сожалению, должен отказаться от своего предложения тебя сменить.

По дороге, воспользовавшись мысленным контактом, Райсиль изложила брату весь свой план, не скрывая грозящей им обоим опасности. Они с Тиегом всегда были откровенны друг с другом, и уже давно втайне от старших лелеяли этот замысел.

Спустя несколько минут она уже излагала последние новости своему дяде и другим четверым мужчинам, что сидели вместе с ним за столом, заваленном картами и какими-то документами. Она не ожидала встретить здесь Ниеллана с Квероном, но, впрочем, была давно знакома с ними со всеми, и прекрасно знала, какие аргументы они могут выдвинуть в споре, — равно как и то, что любые споры все

равно приведут к единственному выводу, именно такому, какой она и предлагала. Но сперва требовалось настоять на своем.

Разумеется, последнее слово оставалось за дядей Джоремом, хотя епископ Ниеллан и превосходил его как возрастом, так и церковным рангом. Джорем был единственным из них, кто был замешан в эту историю с самых первых дней, еще когда его отец, святой Камбер, только замышлял восстановить на престоле династию Халдейнов. Лишь одному Джорему было ведомо, как все это происходило на самом деле, и лишь Джорем мог взять на себя ответственность за то, что следовало совершить теперь.

Эта власть дорого стоила ему. С каждым годом в волосах появлялось все больше седины, и в последнее время на висках даже обнаружились залысины. Чаще всего он носил простую черную рясу, а не привычное синее михайлинское одеяние. Лицо его, некогда столь миловидное, сделалось аскетично-суровым.

И все же он по-прежнему оставался рыцарем-михайлинцем. И пусть он давно уже не носил свою старую синюю рясу, надевая ее лишь в исключительных случаях, он все же подпоясывался белым рыцарским поясом, словно в одном-единственном человеке воплотился весь символический смысл, коим наделено было самое существование ордена михайлинцев. Если бы орден не был разгромлен в Гвиннеде, то сегодня этот человек мог бы стать его верховным настоятелем. И пусть к сорока трем годам он уже не являлся первоклассным воином, но зато его интеллект достиг высочайшего расцвета.

Его верные товарищи тоже представляли собой значительную силу. Справа от Джорема сидел Ниел-

лан Трей, изгнанный епископ Дхасский. Прежде чем занять этот пост, Ниеллан, подобно Джорему, был михайлинцем. И даже теперь, хотя ему было уже за шестьдесят, во всех его повадках, в гордой посадке седой головы, во всех движениях, чувствовалась былая мощь и властность. Он также носил белоснежный рыцарский пояс.

Отец Кверон являлся одним из постоянных Целителей при убежище, если не считать Тиега. Гибкий, точно стальной прут, и целеустремленный, последние годы он вновь стал заплетать поседевшие волосы в гавриилитскую косу, ибо к этому ордену принадлежал изначально, прежде чем создать общество служителей святого Камбера, а затем сделаться последователем проповедника Ревана. Священником и Целителем он оставался всегда, и в сердце своем пребывал гавриилитом, хотя сейчас носил серую рясу слуг Камбера под зеленой целительской накидкой, предпочитая ее белому гавриилитскому одеянию. Впрочем, вне этих стен и та, и другая ряса означала бы для него смертный приговор.

Кроме того, в комнате находились Ансель и Джесс. Обоим сейчас было под тридцать. Ансель очень напоминал своего дядюшку в том же возрасте. Как и у Джорема, у него были светлые глаза, но волосы более золотистого оттенка, к тому же выгоревшие на солнце почти до белизны. Он стригся очень коротко и носил простые кожаные доспехи, залатанные в нескольких местах. Его домотканая рубаха явно нуждалась в стирке.

Джесс был пониже ростом и поплотнее, чем Ансель, но одевался точно так же, только волосы отпускал длиннее, и завязывал их на затылке в хвост. Воины сейчас сняли мечи и положили их на другом кон-

це комнаты на низенький столик. Клинки эти казались на первый взгляд совершенно непримечательными и не привлекали внимания в своих потрепанных ножнах, однако сделаны были они из лучшей р'кассанской стали. Оба молодых человека последние шесть лет были заняты тем, что собирали информацию и готовили нужных людей, которые рано или поздно помогут им совершить переворот в Ремуте и добиться полного освобождения династии Халдейнов из-под ига советников.

Выслушав доклад Райсиль, Ансель нахмурился и подошел к концу стола, перечитывая один из списков, которые он принес Джорему, а затем вопросительно покосился на дядю. Джесс безмолвно вертел карту в мозолистых, обгоревших на солнце руках, и в золотисто-карих глазах его мелькала тревога.

— Не могу понять, почему они позволили королю направиться в Истмарк, — заметил Джесс наконец. — До сих пор они даже на прогулку не выпускали его из города, не говоря уж о военной кампании. Это слишком опасно, и мы даже не берем в расчет физическую угрозу. Что если он попытается закусить удила и потребовать для себя свободы перед сторонними свидетелями?

— Может, они и не хотят, чтобы он возвращался, — возразил Ансельм. — В конце концов, на подходе еще один наследник. Почему бы им не подстроить королю гибель в бою, точно так же, как якобы умер его брат. Возможно, им даже удалось бы придумать способ обвинить во всем нас.

— Как ты не понимаешь, не имеет никакого значения, *почему* они отпускают его! — воскликнула Райсиль, обеими ладонями упираясь в столешницу. — Самое главное, это то, что он уезжает... И он будет в

большой опасности. Нам необходимо что-то предпринять.

— Досадно, что все произошло столь внезапно, — заметил Ниеллан негромко и потянулся за картой Истмарка. — Но каковы бы ни были замыслы сановников, нам необходимо иметь на севере своего человека. Если повезет, возможно, мы сумеем помешать Мареку использовать какое-нибудь подлое колдовство.

Отодвинув от себя стопку бумаг, Ансель откинулся в кресле.

— Боюсь, этого будет недостаточно, — пробормотал он. — Дядя Джорем, каково будет твое мнение?

Джорем со вздохом отбросил разодранное перо, которое методично доламывал, пока остальные спорили. Он тщательно старался не встречаться взглядом с Квероном.

— Все это делает наш изначальный замысел невозможным, — заметил он. — Однако мы не в состоянии сместить все намеченные действия на целых шесть месяцев. Это попросту невозможно.

— Все целиком, конечно, нет, — промолвила Райсиль.

Все до единого, за исключением Тиега, в изумлении повернулись к девушке.

— Надеюсь, что я ослышался, и ты говоришь совсем не о том, о чем я подумал, — пробормотал Кверон.

Стиснув зубы, Райсиль приготовилась к долгому спору.

— У нас остается один-единственный выход, если мы все еще хотим, чтобы король через полгода оставался в живых... — она заставила себя говорить спокойно. — Мы должны пробудить в нем магические способности не позднее, чем сегодня же ночью.

Закрыв глаза, Джорем глубоко вздохнул. Кверон молча тряс головой. Ансель с Джессом встревоженно переглянулись. Ниеллан наблюдал за ними молча и лишь нервно крутил на пальце епископский перстень, выдавая овладевшее им волнение.

— Об этом не может быть и речи, — объявил наконец Джорем, не глядя на племянницу.

— Нет, речь именно об этом. Выслушайте меня. Мы знаем, что он владеет чарами истины и также обладает защитами. То же самое было и у Джавана, когда вы передали ему магию Халдейнов. Но он должен получить полный доступ к своим способностям прежде, чем отправиться на войну, в ходе которой противник способен использовать против него колдовство, будь то сам Марек, или только Миклос. И тот, и другой готовы разделаться с ним любой ценой, если только дать им шанс. Мы не можем себе позволить окружить его защитниками-Дерини, и кроме того, Ансель с Джессом не смогут охранять его постоянно.

— Вопрос не в этом, — возразил Джорем. — То, что ты предлагаешь, попросту недостижимо. Кто, по-твоему, готов взяться за это дело?

— Вы, я, Тиег, Микаэла.

— Микаэла? — переспросил Джорем.

— Почему Микаэла? — в голос с ним воскликнул Ансель.

— Ну, Ансель, она же твоя сводная сестра. Не надо делать вид, будто тебя это так удивляет, — отозвалась Райсиль. — Мы все почти об этом забыли, потому что ее способности давно блокированы, но ведь она все же Дерини. Конечно, не очень сильная, даже если бы ее способности оставались при ней. И

она не получила должного образования. Но это не самая большая проблема.

— Тиег, — не веря собственным ушам, промолвил Ансель. — Ты полагаешь, что едва он разблокирует ее дар, как она тут же станет опытным магом?

— Конечно, нет. Но король доверяет ей куда больше, чем всем прочим. Она одна может помочь нам раскрыть его способности.

— Не хочу даже думать об этом, — возразил Джорем, стараясь не смотреть на Тиега, чье лицо выражало мольбу и надежду. — Нам нельзя рисковать жизнью Тиега в столь сомнительном предприятии.

— Но вам же нужен будет Целитель! — воскликнула Райсиль.

— У нас есть Кверон и Рикарт, — промолвил Джорем.

— Но они не могут раскрыть дар Микаэлы.

— Зато они опытные Дерини и знают все необходимые обряды, — резонно указал Джорем. — Кроме того, что заставляет тебя полагать, будто Микаэла окажется нам полезной, даже когда ее магия вновь окажется при ней?

— Я точно знаю, что она пойдет на все, чтобы помочь мужу, — пояснила Райсиль. — Кроме того, она носит во чреве сына. Тиег показал мне, как это можно определить, и недавно я в этом убедилась.

Кверон застонал, а Джорем лишь покачал головой.

— Стало быть, у сановников наконец будут вожделенные «наследник и принц на замену», — пробормотал Ансель, потрясенный.

— Верно, — согласился Джесс. — Но они этого пока не знают... И не узнают до рождения ребенка. Много чего может случиться до этого дня.

Ниеллан хмуро покосился на него.

— Полагаю, нам не стоит рассчитывать на выкидыш, Джесс.

— Все это не будет иметь никакого значения, если Марек нападет на короля с помощью магии, и тот окажется беззащитен, — заметил Ансель.

— Именно поэтому мы должны сделать все, чтобы пробудить в нем спящие способности, — воскликнула Райсиль. — И вы это прекрасно понимаете. Джорем, у меня нет времени на споры. Мы должны попытаться. Для него это единственная надежда.

Джорем опустил веки и на несколько долгих мгновений закрыл лицо руками.

— Признаюсь, я в полном смятении, — наконец, промолвил он, заставив себя поднять голову и издав глубокий вздох. — Мы рассчитывали все свои планы исходя из срока в полгода. Хотели сперва пробудить у короля потенциал Халдейнов, а затем переместить в замок верные нам войска с помощью Портала, точно так же, как мы сделали это для Синхила. Однако сейчас у нас нет никакой возможности успеть вовремя. Кроме того, я не желаю рисковать людьми впустую.

— Значит, вторую часть плана мы приведем в исполнение лишь после того, как решится дело в Истмарке, — невозмутимо отозвалась Райсиль. — Я согласна, что провернуть всю операцию целиком нет ни времени, ни возможности. Однако ничто не может помешать нам сегодня пробудить у короля его магию. Если мы не сделаем это сейчас, другой возможности нам уже не представится. А если Марек Фестил использует колдовство в Истмарке, то мы вполне можем потерять еще одного Халдейна. Мне казалось, что все жертвы были именно ради этого,

чтобы сохранить династию Халдейнов на гвиннедском престоле и дать им возможность править независимо от воли сановников и регентов. Но если Райс-Майкл погибнет, то пройдет еще целых десять лет, пока сын его не станет совершеннолетним.

— В отличие от тебя, я прекрасно помню времена регентства, — отрезал Джорем. — И прекрасно представляю, чем нам это грозит.

— Тогда мы должны дать королю шанс уцелеть, — промолвила она. — Мы не можем отпустить его в Истмарк, не попытавшись сперва пробудить в нем магические таланты. В теории мы много раз обсуждали все это, и кроме того, нечто подобное проделывалось и с другими королями династии Халдейнов.

— Однако этому предшествовала особая подготовка, — возразил Джорем, — и действовали опытные адепты, прекрасно представлявшие себе цель ритуала. И все равно, с Алроем это не сработало.

— Только потому, что у вас не было возможности довершить начатое Синхилом, — возразила Райсиль. — Но с Синхилом все получилось, равно как и с Джаваном. А что касается опытных адептов, ну... у вас ведь было не так много опыта, когда вы привели к власти первого из Халдейнов. Вы учились на собственных ошибках. И, по крайней мере, теперь у нас есть один опытный маг.

Джорем вздохнул и, отвернувшись, тряхнул головой, явно готовясь продолжить спор, но она тронула его за запястье и заставила взглянуть ей в лицо.

— Джорем, без тебя у нас нет ни единой надежды на успех, — промолвила она. — Мы с Тиегом вполне готовы, но нуждаемся в твоем руководстве. А Микаэла наверняка согласится помочь, как только Тиег разблокирует ее способности... И Катан тоже.

Ансель невесело хохотнул.

— Райсиль, они же были совсем маленькие, когда утратили те зачатки магии, которой изначально обладали. Я сам попросил сделать это, чтобы их защитить. Но и раньше они не успели получить никакого обучения. Матушка строго-настрого запретила это.

— Знаю, — отозвалась Райсиль. — Но я взяла на себя смелость заложить кое-какие основы в сознании королевы. Конечно, я заблокировала все воспоминания о том, что было сделано, но по крайней мере, она владеет всем знанием того, кто она такая, и сознает, что именно необходимо сделать для спасения мужа. Все эти преграды в памяти можно снять за один миг. С Катаном, возможно, будет чуть сложнее, поскольку с ним мне поработать не удалось, но я знаю, что он безоговорочно предан сестре и королю. В этом не может быть ни малейших сомнений. Я уверена, что он сделает все, что от него потребуется.

— А сам король? — спросил ее Джорем.

Райсиль опустила глаза и обнаружила, что, сама того не подозревая, нервно мнет в пальцах складку платья.

— Я ни разу не осмелилась прикоснуться к нему по вполне очевидным причинам. Его защиты могут оказаться самой большой преградой. Кроме того, он очень подозрителен, и это понятно. Так что, думаю, именно Микаэла станет ключом, чтобы заручиться его согласием. В особенности учитывая, что на подготовку и объяснения у нас осталось так мало времени. Я прекрасно сознаю, насколько велик риск, даже в том, чтобы просто рассказать ему всю правду. Но клянусь, это должно сработать. Джорем, я в этом уверена.

— А если нет? — спросил он у нее.

Она глубоко вздохнула, силясь восстановить утраченное душевное равновесие, а затем уверенно встретилась с ним взглядом.

— Если у нас ничего не выйдет, — промолвила она чуть слышно, — то, скорее всего, нас всех уже не будет в живых, и беспокоиться тут не о чем. Мы много лет ждали этого дня. Если мы проиграем, то за дело возьмутся другие, возможно, в следующем поколении.

— Если мы сделаем все правильно, — впервые подал голос Тиег, — то следующему поколению беспокоиться будет не о чем. Я уверен, что у нас все получится, дядя Джорем.

— Ох уж мне этот юношеский оптимизм, — пробормотал тот. На миг прикрыв глаза, он наконец кивнул. — Ну, что ж. Выбора у нас все равно нет. Кверон и все вы, я как никогда нуждаюсь в вашей поддержке. Вы согласны со мной? Если да, то нам предстоит немало работы на ближайшие пару часов.

Оба молодых человека поспешно кивнули. Ниеллан со вздохом также вымолвил «да», в то время как Кверон, помявшись, также неохотно поднял руку в знак согласия.

— Ну что ж, решено. Райсиль, возвращайся к королеве и сделай все необходимое для подготовки. Тебе нельзя здесь задерживаться, иначе тебя могут хватиться. А мы пока разработаем предстоящий обряд с Тиегом и Квероном. Готовься к тому, что мы вызовем тебя позже вечером, и будь очень, очень осторожна.

Глава пятая

В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх[1]

Когда Райсиль вернулась в замок, то королеву она обнаружила в гостиной. Та читала вслух принцу Оуэну, пока няня мальчика о чем-то сплетничала с придворными дамами королевы, сидя у окна. Мать с сыном уютно устроились в просторном деревянном кресле с мягкими расшитыми подушками, и оба подняли головы, заслышав шаги Райсиль. Сероглазый Оуэн, хрупкий и черноволосый, как две капли воды напоминал своего отца.

— А, вот и ты, Лизель, — воскликнула королева, закрывая книгу. — Что ты принесла?

Сладкий аромат окутывал Райсиль, и, приблизившись, она показала королеве корзину, которую держала в руках.

— Здесь свежесрезанные бутоны, чтобы украсить ваше величество, — с улыбкой сказала девушка, прикладывая маргаритку к волосам своей госпожи. — Ваше величество просили придумать что-нибудь особое для вас сегодня, и я подумала, что мы могли бы

---

[1] 2-е Иоанна 4:18

заплести волосы в косу, а затем пустить их свободно по спине, и вплести побольше цветов.

— Хм, думаю, королю это понравится, — отозвалась Микаэла и, выбрав бледно-золотистую розу, с наслаждением вдохнула ее аромат. — Как ты думаешь, Оуэн, понравится папе, если мы вплетем маме в косу эти цветы?

Четырехлетний мальчуган задумчиво взглянул на бутон, затем покачал головой и оттолкнул цветок.

— Папа больше любит красные, — заявил он и ухватил небольшую пурпурную чайную розу. — Лучше заплети маме красные, Лизель. — Он с удовольствием понюхал цветок и широко улыбнулся. — М-м, сладко пахнет.

Микаэла и Райсиль заулыбались, и королева, пожав плечами, взяла у сына розу.

— Ну, стало быть, решено, — промолвила она. — Судя по всему, мужчины в моей жизни предпочитают красные розы любым другим... возможно, это особенность Халдейнов. — Она позволила себе вздохнуть. — Ну что ж, мне лично больше по нраву нежные цвета, но попроси Агату подобрать мне на сегодня платье, которое бы подошло к *красным* розам, хорошо? И возвращайся после того, как Оуэн поужинает и ляжет спать.

Чуть позже, пока Райсиль укладывала в прическу локоны королевы, у нее было достаточно времени, чтобы дать той мысленные установки, к которым придется вернуться нынче вечером. Жаль, что Микаэла не сможет проститься с мужем так, как ей бы того хотелось, но тут уж ничем не поможешь. Ведь единственной надеждой для короля было пробудить в себе магический потенциал Халдейнов, и перед этой необходимостью отступали все прочие сообра-

жения. Райсиль сожалела о том, что у нее не будет возможности подготовить также и Катана, но они с Фульком весь день провели с королем в зале Совета. По счастью, хотя бы Фульк вечером ужинал со своими родными, поскольку ему, как и всем остальным, на рассвете предстояло отправляться в поход на север.

Последний раз поправив прическу королевы, она выпустила два вьющихся локона на висках, затем отложила гребень и поднесла Микаэле зеркало. Королева сегодня нарядилась с особым тщанием. На ней была свободная домашняя туника из шелка цвета слоновой кости, а поверх накинуто пунцовое сюрко. На груди она застегнула накидку фибулой со львом Халдейнов, которую одолжила у Райса-Майкла, когда тот вернулся с заседания Совета, чтобы принять ванну и переодеться. Цвет сюрко удачно сочетался с розами винного цвета, вплетенными в волосы, и подчеркивал изумительный цвет лица.

— Само совершенство, — промолвила она негромко, и с улыбкой взглянула на Райсиль поверх зеркала. — Спасибо тебе, Лизель. А теперь дай мне жемчужные серьги, и все будет готово.

* * *

Чуть позже, убедившись, что все в гостиной подготовлено к ужину, Микаэла вышла поприветствовать своего мужа и брата. Подобная интимная трапеза была для них большой редкостью, оттого ценимой еще более дорого. Свечи заливали стол золотистым светом, придавая комнате уютный вид и делая ее похожей на солнечный островок, отделенный от остального мира, полного тревог и забот. Пища бы-

ла обильной, но достаточно простой, и Катан одновременно ухаживал за королевской четой и успевал есть вместе с ними. Все трое обсуждали события сегодняшнего дня куда более искренне и открыто, чем могли бы себе это позволить при посторонних, и по-прежнему никто не подозревал, что уготовила им всем горничная королевы.

— О, дорогие мои, мы совсем как настоящая семья, — негромко промолвила Микаэла, взяв за руки мужа и брата. — Знаете ли вы, сколь бесценны для меня такие вечера?! Я и припомнить не могу, когда в последний раз мы собирались вот так втроем за ужином, без Фулька или кого-то еще из посторонних, что следят за нами во все глаза и ловят каждое слово.

Катан негромко хмыкнул и возразил с небрежной усмешкой:

— Фульк не так уж плох. Можно еще сказать, что с ним мы дешево отделались.

Микаэла со вздохом сжала его ладонь и выдавила на губах улыбку.

— Да, это правда. До сих пор нам удавалось уцелеть, верно? И я буду рада, если он вернется живым и невредимым с этой войны. Иначе те, кто его заменят, могут оказаться гораздо хуже.

— Все равно, я рад, что он сегодня не с нами, — отозвался Райс-Майкл, взял в руки бутылку и отставил ее в сторону, заметив, что вина не осталось. — Правда, будь он сейчас здесь, он бы получше прислуживал за столом.

Закатив глаза, Катан с тяжким вздохом откинулся на спинку стула и произнес с тем характерным протяжным выговором, который был в моде среди придворных:

— Этот парень может быть весьма утомителен, но, в основном, это вина его отца. Советникам давно пора бы успокоиться, мы все равно не станем лелеять никаких мыслей о бунте, пока Фульк крутится где-то поблизости... Впрочем, о каком бунте вообще здесь можно вести речь?..

— И уж по крайней мере сегодня-то мы точно не будем говорить ни о чем подобном, — согласился Райс-Майкл, устремляя взор на Микаэлу и с ласковым лукавством улыбаясь жене. — На самом деле, дорогая моя, у меня были весьма *личные* планы на этот вечер.

Взяв ее руку в свои, он легонько коснулся кончиков ее пальцев, и Микаэла разразилась счастливым смехом, одновременно делая вид, будто шокирована подобной вольностью.

— Что такое, сударь? Постесняйтесь хоть моего брата!

— Но ты же сама сказала, что это настоящий семейный ужин, — возразил с улыбкой Катан и поднес к губам другую руку сестры.

К чему бы это все привело, Микаэле так и не суждено было узнать, поскольку им помешал неожиданный стук в дверь. Она принялась безудержно хихикать, а Райс-Майкл закатил глаза и обернулся к дверям.

— Пожалуйста, уходите! — воскликнул он.

— Сир, это Лизель, — донесся негромкий женский голос. — Ее величество просили меня принести книгу стихов. Мне оставить ее у порога?

Отсмеявшись, наконец, Микаэла высвободила руки и покачала головой, а затем поднялась на ноги.

— Вы оба неисправимы, — прошептала она вполголоса, направляясь к дверям. — Впрочем, я и

впрямь хотела показать вам эту книгу. Новый переплет — настоящее произведение искусства. Но не беспокойтесь, я сейчас отошлю ее прочь.

По пути она машинально расправила юбки, затем, обернувшись к мужу и брату, послала им воздушный поцелуй и, наконец, отодвинула засов. Лизель ожидала в дверях, прижимая к груди большой том в кожаном переплете.

— Простите, что помешала, сударыня, — пробормотала девушка, опуская глаза, и присела в поклоне.

— Ничего страшного, я ведь сама просила тебя придти.

Король и Катан не заметили, как горничная, выпрямляясь, ненароком коснулась руки своей госпожи, но от этого касания разум Микаэлы словно заледенел.

«Вы не можете мне сопротивляться, но ничего не бойтесь», — прозвучал голос в ее сознании, хотя губы Лизель даже не шевельнулись.

Микаэла растерянно заморгала, в глубине души сознавая, что во всем происходящем есть что-то знакомое и привычное, что Лизель ей друг... И где-то еще глубже, в самых тайных закоулках сознания мелькнуло воспоминание о том, что именно должно сейчас случиться.

— Я очень долго этого ждала, — прошептала она, на мгновение зажмурившись. — Но входи, покажи королю и моему брату, как замечательно Лоренцо сделал этот переплет.

Катан воззрился на нее в изумлении, однако Лизель уверенно направилась к столу, чтобы показать книгу мужчинам, и одновременно отвлекая их внимание, дабы те не заметили, что Микаэла зачем-то заперла дверь, прежде чем вернуться к ним. Королева

заняла свое место между мужем и братом в тот самый миг, когда Лизель протянула Катану книгу, — и одновременно, коснувшись его руки, установила контроль над его сознанием.

— Райсем, Лизель нам друг, — прошептала Микаэла помимо собственной воли, в то время как Катан с чуть слышным вздохом закрыл глаза. — Она пришла нам помочь. Пожалуйста, не поднимай тревогу, пока не выслушаешь все, что она хочет нам сказать.

— Да, выслушайте меня, сир, — торопливо воскликнула Райсиль, не сводя взгляда с короля и одной рукой по-прежнему удерживая Катана за запястье. — Используйте чары истины, чтобы убедиться в моей правдивости. Клянусь, я вам не враг. А кто я такая, думаю, вы теперь уже знаете и сами.

Потрясенный, Райс-Майкл наполовину привстал со стула, мгновенно насторожившись, но Микаэла успокаивающе кивнула мужу и невозмутимо уселась в свое кресло, так что он на время притих. По-прежнему глядя на короля, Райсиль встала между Катаном и Микаэлой и освободила их сознание. Катан заморгал растерянно, затем изумленно обернулся к ней. Микаэла с трудом сглотнула, но внезапно осознала, к собственному удивлению, что совершенно не чувствует страха.

— Я должна просить у всех у вас прощения, — произнесла Райсиль негромко. — Обычно мы не позволяем себе ничего подобного с друзьями без их дозволения, но я должна была быть уверена, что вы не вздумаете поднять тревогу, прежде чем осознаете, что я не представляю для вас никакой угрозы. А я вам, и правда, не угрожаю, по крайней мере, вам троим. Вот сановники — это совсем другое дело...

— Ты Дерини, — выдохнул Райс-Майкл, широко раскрыв глаза. — Наконец кто-то появился. Джаван мне обещал, но прошло столько времени...

Райсиль слегка расслабилась и наконец позволила себе опуститься на стул.

— Это было для нас страшным ударом, когда они убили вашего брата, государь, — произнесла она негромко. — Были убиты те немногие Дерини, что сумели проникнуть ко двору... Хотя по крайней мере, в них никто не опознал Дерини. После этого... Ну, нас всегда было немного, сир, в особенности тех, кто обладал достаточными талантами и знаниями, чтобы принести вам действительную пользу. Именно поэтому нам пришлось подождать, чтобы подросло новое поколение. Матушку мою звали Ивейн Мак-Рори, а отца — Райс Турин, Целитель, тот самый, в чью честь назвали и вас.

— Дочь Райса и Ивейн, — изумленно пробормотал Райс-Майкл. — Я помню их обоих. Так значит, ты приходишься дальней родней Мике и Катану. — Он неуверенно взглянул на девушку. — И ты тоже... Целительница?

Райсиль с улыбкой покачала головой.

— Увы, нет. Хотя и мой брат, и сестра унаследовали этот дар.

— А каким даром обладаете вы, госпожа Лизель, — спросила ее Микаэла, на сей раз искренне.

Девушка улыбнулась в ответ.

— На самом деле меня зовут Райсиль... Хотя я сделала некоторые, хм... «поправки» в вашем сознании, чтобы вы никогда не ошиблись и не назвали меня этим именем. Отчасти именно в этом и заключается мой дар. — Она вновь взглянула на короля. — Вас я должна тоже попросить быть осторожнее, государь.

— Так это значит, что ты... не пыталась повлиять на меня? — прошептал Райс-Майкл.

Она покачала головой.

— В противном случае вы наверняка бы это почувствовали. Однако если вы хотите уцелеть там, в Истмарке, то сегодня вы должны позволить мне коснуться своего сознания. Знаете ли вы, какой силой обладал ваш брат?

— И что это ему дало? — возразил король, уставившись на свои сцепленные руки. — Сановники все равно прикончили его.

— Королю Джавану просто чудовищно не повезло, и он принял несколько неудачных решений, но это не имеет никакого отношения к магии, — возразила Райсиль. — Однако вы должны быть готовы дать достойный отпор принцу Миклосу и Мареку Фестилу. И тогда, вполне возможно, вашему сыну никогда не придется быть королем-марионеткой.

При этих словах Райс-Майкл резко вскинул голову, а Микаэла, задыхаясь от волнения, схватила Райсиль за руку.

— Ты, и правда, можешь нам помочь?

— Попытаюсь. — Взгляд золотистых глаз Райсиль вперился в короля. — Но все зависит от вас, государь. Нужно, чтобы вы с открытым сердцем встретили то, что должно произойти, и не пытались нам мешать... Хотя даже этого может оказаться недостаточно.

Райс-Майкл тяжело вздохнул.

— Если ты хочешь, чтобы я открыл тебе свое сознание, то, боюсь, я не сумею, — пробормотал он. — У меня есть защиты. Джаван пробовал через них пробиться, но не сумел.

— Это потому, что вы старались ему помешать, — выдохнула Райсиль. — Но вы можете научиться опускать защиты. Мы покажем вам, как это делается.

— *Мы*?

Райсиль кивнула.

— Джорем и мой брат Тиег. Существует тайный способ, как им попасть в замок. Правда, если их поймают и опознают, то они оба погибнут... И, вероятно, мы тоже, вместе с ними, если кто-нибудь поймет, ради чего все это было затеяно. Но мы готовы пойти на риск, если вы будете с нами заодно.

— Но что... что я должен делать? — едва слышно прошептал Райс-Майкл.

— Все, что они у вас попросят. И что бы они ни попросили, сколь бы странным, нелепым или пугающим вам это ни показалось. Это относится ко всем троим из вас, — добавила она, обводя взором Микаэлу и Катана.

Королева сглотнула, не сводя взгляда с Райсиль.

— Я все сделаю, — прошептала она. — Даю тебе слово.

— Я тоже, — согласился Катан.

— А вы, сир? — негромко спросила Райсиль.

На несколько мгновений затаив дыхание, Райс-Майкл испытующе уставился на девушку. С самого начала он использовал чары истины и видел, что может ей доверять... затем он перевел взгляд на свою жену.

— Мика, дай мне, пожалуйста, фибулу Халдейнов, — промолвил он.

Она медленно, трясущимися руками расстегнула застежку, и король поднялся на ноги, уверенно устремив взгляд на Райсиль.

— Я тоже дам вам слово, — промолвил он, взяв фибулу у Микаэлы. — Но это очень важная клятва, и потому я хочу произнести ее над чем-то даже более важным, чем священная реликвия.

Стиснув брошь в ладонях, он протянул руки к Райсиль, которая также поднялась с места.

— Госпожа моя, сознаете ли вы, что эта вещь означает для нас? — спросил он вполголоса.

Райсиль кивнула.

— Для вас это символ обретенной свободы рода Халдейнов.

— Тогда можете мне поверить, если я говорю, что это для меня самая священная клятва, — промолвил король, не сводя взгляд с фибулы. — Жизнью своего сына и того младенца, который должен родиться, — он бросил взгляд на Микаэлу, — я даю тебе слово как помазанник Божий, что сделаю все, что в моей власти, дабы помочь тебе и тем, кто придут за тобой.

— Я тоже клянусь, — прошептала Микаэла, положив ладонь поверх руки мужа.

Катан тоже поднялся с места, когда осознал, что задумал король, и теперь, поцеловав кончики пальцев правой руки, коснулся фибулы в ладонях короля.

— Такова будет и моя клятва, — воскликнул он, глядя на Райсиль. — Самая священная клятва, какую я могу принести своему государю.

В глазах Райсиль блестели слезы, и она неуверенно протянула руку.

— Позвольте и мне, сир, — прошептала девушка.

Кивнув, он протянул к ней фибулу и встретился с Райсиль взглядом. Она легонько коснулась руками броши.

— Даю вам слово, государь, что я служу вам верой и правдой, — промолвила она, — и что я и мои

родичи всегда будут преданы вам. Все, что мы сделаем, будет лишь на благо вам и вашему королевству, да поможет мне Бог. — Она наконец убрала руки и опустила глаза.

— Теперь я схожу за остальными. Катан, если вдруг вернется Фульк, непременно оставь дверь приоткрытой, чтобы предупредить меня.

— Непременно, — отозвался Катан негромко. — Но, возможно, нам следует сделать еще что-нибудь, пока мы ждем... каким-то образом подготовиться?..

С легкой усмешкой она взяла в руки книгу.

— Лучше всего помолитесь за нас.

Скучающие стражники, дежурившие у королевских покоев, ничуть не удивились, завидев горничную, и она знала, что по возвращении они также не доставят ей никаких неприятностей.

Вскоре, сжимая факел в одной руке и книгу в другой, она осторожно принялась спускаться по винтовой лестнице на тот этаж, где располагалась библиотека... якобы исполняя поручение королевы заменить эту книгу на какую-то другую.

В комнате по соседству с библиотекой ее уже ожидали стражник в доспехах цветов Халдейнов и угловатый молодой писец.

На самом деле, разумеется, то были Джорем и Тиег, и по счастью, ни один человек в замке не мог бы узнать их в лицо.

Джорем никогда не проводил много времени при дворе, а сейчас он позаботился о том, чтобы прикрыть белоснежные волосы под кожаной шапочкой и кольчужным капюшоном.

Кроме того, алый плащ, какие носили стражники Халдейнов, ничем не напоминал синюю рясу михайлинцев, в которой привыкли видеть его люди.

Что же касается Тиега, в последний раз он был во дворце, когда ему было всего два или три года, так что никто не узнал бы прежнего младенца в этом худощавом длинноногом юноше, носившем одежду писца. Кто-то успел остричь его рыжеватые волосы под горшок, точно так же, как носили все придворные книжники, так что теперь он мог бы скользить по замку точно невидимая тень, не привлекая к себе непрошеного внимания.

В довершение маскарада, Тиег сжимал в руках две пыльные бутылки вина, которые словно бы только что принес из королевских погребов, тогда как Джорем со скучающим видом держал в руках третью бутылку.

Подобный сценарий ни у кого не мог вызвать вопросов, поскольку все годы своего заточения Райс-Майкл тщательно поддерживал иллюзию, будто время от времени предается безудержному пьянству. На самом деле, куда больше вина было вылито в уборную, но Райс-Майкл прекрасно понимал, что это удачный способ убедить сановников в том, что он не представляет для них никакой угрозы. К тому же, когда они думали, будто король пьян, они были при нем более откровенны в своих речах, — так что никто не удивится, увидев, что он послал за вином и пожелал выпить побольше перед предстоящей разлукой с женой и сыном.

Одобрительно кивнув, Райсиль передала им мысленное сообщение обо всем, что произошло только что в у короля с королевой, затем, выглянув в коридор, она заторопилась обратно, чтобы успеть оказаться у дверей королевских покоев первой. Стражники проводили ее незаинтересованным взглядом, и она предупредила их о том, что сейчас королю при-

несут еще вина, так что появление Джорема с Тиегом не должно было их удивить. Факел она вставила в скобу на стене, а затем вошла внутрь.

Как она и опасалась, дверь между гостиной и приемной оказалась приоткрытой. Оставалось лишь радоваться, что Фульк заявился сюда именно сейчас, а не позже, когда он мог бы помешать магической работе. Проскользнув в гостиную, она обнаружила, что Фульк сидит за столом рядом с Катаном, причем Фульк устроился на том самом стуле, где прежде сидел король, и Райсиль внезапно осознала, что уже очень давно мечтала сделать то, что ей предстояло сейчас.

— О, добрый вечер, сэр Фульк. Королева послала меня за этой книгой.

Фульк с улыбкой поднялся на ноги и отвесил ей поклон. На губах Катана заиграла глуповатая ухмылка. Пока ее не было, со стола почти все убрали, но перед Фульком стоял серебряный бокал, а другой был в руке у Катана. Последний, изображая опьянение, запнулся и неловко оперся рукой о спинку стула королевы.

— Слишком поздно, — воскликнул Катан веселым голосом и приветственно вскинул кубок. — Его королевское величество изменил свои планы на вечер. Могу ли я надеяться, что ты тоже решишь изменить свои?

Райсиль с лукавой улыбкой подошла ближе, удивленная и польщенная тем, какую хитрость он придумал, и тут же подстроилась под него. Несмотря на то, как сбивчиво звучала его речь, Катан, разумеется, не был пьян.

— О, право, — засмеялась она. — Мысль весьма соблазнительная. И жаль, что зря пропадет такая чуд-

ная книга стихов, но коль уж приходится выбирать между двумя очаровательными юношами...

Весело засмеявшись, Фульк подошел ближе и взял книгу у нее из рук.

— Ну-ка, ну-ка, давайте посмотрим, что тут...

Она тут же коснулась его руки и взяла контроль над его разумом.

Глаза молодого человека закрылись, он покачнулся на ногах, но она вовремя поддержала его, а затем взглянула на Катана, подбородком указывая ему на дверь. В тот же миг она усилила контроль над его сознанием и подвела Фулька к стулу на дальнем конце стола, — но на сей раз не к тому, что прежде занимал король.

Катан мгновенно исчез за дверью, ожидая прихода остальных Дерини, а она произвела все необходимые изменения, чтобы отныне Фульк Фитц-Артур в первую очередь всегда был верен своему господину, и лишь потом — отцу и прочим советникам. В остальном, он был ничуть не хуже большинства молодых вельмож, пожалуй, даже лучше многих. А теперь он не сможет ни вспомнить, ни рассказать ни о чем удивительном, что может увидеть или услышать сегодня ночью...

В тот же миг дверь неслышно распахнулась, и внутрь заглянул Катан, а затем отступил в сторону, чтобы впустить Джорема с Тиегом. Райсиль улыбнулась им с облегчением, и подтолкнула Фулька вперед, в то время как Катан вошел в гостиную и запер за собой дверь.

— Заходи и садись, Катан, — велел Джорем негромко, скидывая кольчужный капюшон и кожаную шапочку.

При звуках своего имени, Катан поспешно обернулся, и в тот миг, когда он поймал взгляд серых глаз Джорема, у него перехватило дыхание.

— Пожалуйста, садись, — повторил Джорем.

Двигаясь, словно деревянный, Катан подошел к стулу, который указал ему Джорем. У него за спиной открылась дверь, ведущая в королевскую опочивальню, и на пороге встали Райс-Майкл с Микаэлой. Король успел переодеться, и теперь на нем была алая туника Халдейнов, застегнутая на горле той самой фибулой. И, разумеется, в мочку уха он вдел Глаз Цыгана.

— Прошу вас, входите, — попросил Джорем вполголоса. — Надеюсь, вы извините, что мы сегодня обойдемся без церемоний и поклонов. Но нам предстоит немало работы, а время коротко. Поэтому лучше нам постараться сделать все как можно быстрей. Катан, Микаэла, скажите, помните ли вы, что вы оба — урожденные Дерини?

Катан почти никак не прореагировал на эти слова, поскольку Джорем по-прежнему удерживал под контролем его сознание, но Микаэла побледнела и едва слышно всхлипнула.

— Я вижу, Тавис блестяще исполнил свою работу, — заметил Джорем, покосившись на королеву, а потом опять перевел взгляд на Катана и небрежно присел на краешек стола. — Не так-то просто будет вернуть назад воспоминания, которые у вас отняли. Поэтому сперва мы сделаем это с Катаном, поскольку там работы меньше. Он был гораздо моложе, когда все это случилось. Если хотите, вы оба можете подойти и посмотреть за происходящим. Я постараюсь все объяснить, чтобы это не было страшно. Катан, пожалуйста, посмотри на меня. Бояться нечего.

Катан беспрекословно повиновался.

— Вот так. У нас нет времени вдаваться в детали, но можешь мне поверить, и ты, и твоя сестра некогда обладали зачатками способностей Дерини, или, по крайней мере, их потенциалом, который можно было развить в будущем. Чтобы защитить вас обоих, когда вы были еще совсем маленькими, понадобилось заблокировать этот дар и скрыть самое воспоминание о том, что некогда вы им обладали. За это я прошу у вас прощения, поскольку тем самым мы лишили вас наследия вашей расы, зато таким образом вы сделались неподвластны воздействию мираши, и это, скорее всего, спасло вам жизнь. Если бы это было возможно, мы бы вернули вам ваши способности гораздо раньше, но вы сами знаете, как все сложилось... Способность блокировать способности Дерини была у одного лишь Тависа, и еще у другого человека, которого вы даже не знали. Но они оба погибли. Ныне остался один лишь Тиег... Теперь он разблокирует ваши способности. Бояться нечего. Думаю, у вас появятся защиты. Может быть, что-то еще. Но Тиег сразу передаст мне контроль, как только ваш дар вернется. Тогда мы вступим с вами в мысленный контакт, и я дам вам все необходимые знания, которым должен обладать взрослый Дерини.

Покосившись на Тиега, он едва заметно кивнул, и юный Целитель встал у Катана за спиной, легко касаясь своими крупными руками его макушки. Веки Катана опустились, словно под собственной тяжестью, а взгляд Тиега сделался сонным и затуманенным.

— Хорошие естественные защиты, — произнес он вполголоса спустя некоторое время. — Можно развить еще кое-какие таланты, но не сразу. Совсем ни-

какого обучения. Теперь дело за тобой, дядя Джорем.

Он убрал руки и размял пальцы, а Джорем подошел поближе. Катан даже не шелохнулся, когда Тиег касался его, но теперь, ощутив прикосновение Джорема, молодой человек едва заметно дернулся. Наконец, Джорем отошел, и Катан, издав глубокий вздох, распахнул глаза.

— Катан, — обратилась к брату Микаэла, ища его взгляд.

— Со мной все в порядке, — произнес он негромко и, посмотрев на сестру, перевел затем взор на Райса-Майкла. — Такое чувство, словно... словно кто-то зажег лампу у меня в голове.

Он поднялся со стула, и она, всхлипнув, бросилась к нему, уткнувшись лицом ему в грудь, а он принялся неловко гладить ее по волосам, ненароком стряхнув на пол несколько цветков. Райс-Майкл стоял чуть поодаль, беспомощно глядя на них, не осмеливаясь ни подойти ближе, ни вымолвить хоть слово. Джорем отвел Микаэлу прочь и, опустив руки ей на плечи, усадил на стул, где только что сидел Катан. Все это время она не сводила взгляда с мужа.

— Обещаю, бояться нечего, — вполголоса произнес Джорем. — Твоему мужу понадобится помощь. А теперь просто закрой глаза и расслабься.

Ее руки опустились словно сами по себе. Она почувствовала, как Джорем убрал руки, а затем кто-то другой, по-видимому, этот мальчик, Тиег, легко коснулся ее затылка и прижал кончики пальцев к вискам.

Всякая воля к сопротивлению покинула ее, и настала глубокая пульсирующая тишина, пронзенная единственной хрустальной звенящей нотой, после че-

го где-то глубоко внутри неожиданно вспыхнул теплый огонек.

— Здесь тоже неплохие защиты, — донесся до нее голос юноши, словно через слой плотной ткани. Он убрал руки, и рядом вновь оказался Джорем. — Взгляни, что тут можно сделать.

А в следующий миг — и она сама не понимала, как это произошло — она уже *знала* очень многое о них самих и об их замыслах. Едва открыв глаза, Микаэла тут же принялась гадать, как ей лучше помочь Райсему. Первым делом она потянулась к мужу, широко улыбаясь, чтобы приободрить его. Он опустился на колени рядом с ней, и она заметила слезы в его серых глазах.

— Мика, — прошептал он с трудом.

— Со мной все в порядке, — промолвила она в ответ, силясь прогнать непрошеные слезы. — Райсем, что ты видишь, когда смотришь на меня теперь?

— Я вижу... словно какое-то сияние. Это те самые защиты, да? — Он внезапно нахмурился. — Но если я могу видеть их, то как насчет других Дерини? Что, если это заметит Димитрий?

Она с улыбкой пригасила сияние защит, и на лице его отразилось благоговение.

— Хотя бы на это я теперь способна, — промолвила она. — Не знаю, что еще я могу, но... думаю, рано или поздно я с этим разберусь. Может быть, пока ты будешь в отъезде... А что касается Димитрия, то, полагаю, он отправится с вами, так что нам лучше позаботиться о защите для тебя. Что скажете, отец Джорем?

В это время Джорем о чем-то негромко беседовал у дверей с Катаном и Райсиль, а теперь поманил королевскую чету к опочивальне.

— Нам лучше перейти сюда. Здесь меньше опасность, что кто-нибудь нам помешает, — произнес он. — Все формальности обряда я постарался свести к минимуму, но теперь предстоит более сложная работа. Любая помеха может оказаться роковой. Катан пока проследит за Фульком и постарается сделать так, чтобы сюда не явился никто из посторонних.

Катан перешел в приемную, а Тиег тут же последовал в опочивальню, взяв что-то из небольшого мешочка у себя на поясе. Райсиль тем временем вытащила моток белой пряжи из корзины, оставленной у окна, и последовала за братом. Райс-Майкл поднялся с колен и помог своей жене встать со стула. Джорем, перемолвившись еще парой слов с Катаном, объяснил ему, что следует делать. Когда он присоединился к остальным, Райсиль уже разматывала шерсть, описывая таким образом большой круг, в центре которого оказался келдишский ковер, лежавший у изножья королевской постели.

— Сир, прошу вас, подойдите сюда, — негромко окликнул короля Тиег, который наливал воду в бокал, стоявший на небольшом прикроватном столике.

Король повиновался, бросив опасливый взгляд на небольшую синюю стеклянную склянку в руках у Тиега. В сиянии единственной свечи она как будто светилась изнутри.

— Что это такое?

— Просто снадобье, чтобы помочь вам расслабиться, убрать напряженность. Это совершенно безвредно. Вы не потеряете сознание... ничего подобного.

Райс-Майкл шумно сглотнул и с мольбой уставился на Джорема.

— Боюсь, я не справлюсь, — прошептал он, глядя, как Тиег отсчитывает капли в бокал из синей склянки.

— Увы, но у вас нет выбора, — возразил Джорем негромко. — У вас очень жесткие защиты, которыми вы совершенно не можете управлять. А у нас нет времени на то, чтобы искать обходные пути. Это облегчит задачу и нам... и вам.

Райс-Майкл побледнел при этих словах Джорема и с растущим ужасом уставился на кубок, что протянул ему Тиег.

— Джорем, я не могу, — пробормотал он. — Вы не понимаете. Вы не знаете, что мне довелось пережить. Они много месяцев пичкали меня своими снадобьями после убийства Джавана...

— На сей раз все будет по-другому, — уверенно произнес Джорем и, взяв чашу у Тиега, сам протянул ее королю. — Мы хотим обострить ваше восприятие, а отнюдь не притупить его. Это питье похоже на то, которое дали вам и вашим братьям в ту ночь, когда умер король Синхил. Даю слово, бояться нечего.

Король отвернулся, весь дрожа, и Микаэла поспешила к мужу, чтобы ласково и ободряюще обнять его за плечи.

— Райсем, ты должен им доверять, — произнесла она мягко. — Джорем прав, у нас очень мало времени. Если он говорит, что это поможет, мы должны ему поверить. Выпей, любимый. Сделай это для меня, для Оуэна...

Зажмурившись, он потряс головой.

— Пожалуйста, не проси меня об этом. Я справлюсь без всяких снадобий.

— Но я все же прошу тебя, Райсем, — настаивала она. — Прошу тебя так же, как ты сам просил меня много лет назад, меня и Катана. Ты помнишь?

Открыв глаза, он воззрился на нее в изумлении.

— Я совсем забыла тот день, но Джорем вернул мне эти воспоминания, — продолжила она. — Мне было десять лет. Это случилось в то утро, когда кузина Гизелла умерла во сне, и регенты хотели узнать, известно ли нам с Катаном об этом. Конечно, мы ничего не знали. Но тогда архиепископ Хьюберт сказал, что нас не отведут к родителям, пока мы не выпьем снотворное. Мы не хотели. Мы боялись. Но затем ты подошел, взял две чаши у Хьюберта и сказал: «Мика, не будь такой глупой. Это тебе во благо. Ты просто заснешь».

По выражению его лица она увидела, что он тоже вспомнил тот день, и уверенно взяла чашу у Джорема, силой втолкнув ее в руку мужа.

— Теперь я скажу тебе то же самое, Райсем, — прошептала она. — Не будь таким глупым. Это тебе во благо. И от этого ты даже не заснешь, просто немного расслабишься. Ведь правда, Тиег?

Юный Целитель кивнул. Райс-Майкл перевел взгляд на него, затем на чашу и вновь уставился на Микаэлу. Без единого слова он взял бокал дрожащей рукой, осушил его единым глотком, затем утер губы тыльной стороной ладони и поставил чашу на столик.

— Вот и славно, — произнес Джорем вполголоса, а Тиег с улыбкой потрепал короля по руке, а затем прошел рядом с ним, чтобы занять свое место в круге. — Теперь у вас есть пара минут, чтобы успокоиться, пока мы заканчиваем приготовления. Можете смотреть на огонь свечи или прилягте, если угодно.

С этими словами Джорем подвел Микаэлу к Тиегу и Райсиль и указал ей место в круге, а Райс-Майкл постарался следовать его указаниям. Он сознавал, что, должно быть, поднял шум из-за пустяка, но отнюдь не чувствовал себя виноватым. Хотя он доверял этим Дерини, которые рисковали собственной жизнью, чтобы придти к нему на выручку, все же все это слишком напоминало то, как обращались с ним сановники в первые дни после дворцового переворота, и как они угрожали ему куда худшими карами, если он когда-либо вздумает ослушаться.

Опустившись на край широкой постели, он заставил себя несколько раз глубоко вздохнуть и уставился на свечу. Кажется, он ощущал воздействие напитка, который дал ему Тиег, но, впрочем, не был в этом до конца уверен. Похоже, страх и впрямь отступил, и сердце не так сильно колотилось в груди. Он даже прижал пальцами жилку на шее, чтобы в этом убедиться.

Затем Райс-Майкл закрыл глаза и отдался медленному ровному биению собственного пульса, который уносил его, словно морская волна, смывая все страхи. Внезапно он осознал, что правой рукой касается фибулы со львом у себя на шее... Стиснув ее в кулаке, он склонил голову и безмолвно принялся шептать молитву за успех их нынешнего предприятия.

Но вот уже у него не осталось сил молиться, и даже просто сидеть прямо. С наслаждением отдавшись чувству покоя, он медленно опустился на постель, раскинув руки в стороны. Где-то в самом дальнем уголке сознания мелькнула мысль, что поза эта словно символизирует жертву, которую он, подобно своим братьям, вполне возможно, принесет во имя

удовлетворения амбиций своих сановников. Точно так же, как Христос в свое время отдал жизнь на кресте... Однако Райс-Майкл тут же одернул себя, изгоняя прочь всякие мысли о возможном поражении, и вновь взялся рукой за фибулу, сжимая ее, словно талисман, который призван был защитить его от коварства советников. Подобно льву Халдейнов, он должен быть несгибаем, горд и отважен. Металл приятно холодил ладонь, укрепляя короля в его решимости, и он даже не вздрогнул, когда кто-то легонько тронул его за запястье.

— Сир, у нас все готово, — негромко промолвил Джорем.

Глава шестая

И дух прошел надо мною; дыбом стали волосы на мне. Он стал, — но я не распознал вида его, — только облик был пред глазами моими; тихое веяние, — и услышал я голос[1]

Райс-Майкл ощутил мгновенный приступ головокружения, слишком резко сев на кровати, и с благодарностью оперся о протянутую руку Джорема, который помог ему встать на ноги. Понадобилось несколько мгновений, чтобы взор его сфокусировался. Не то чтобы у него все плыло перед глазами, однако предметы в комнате внезапно показались какими-то далекими, словно окутанными дымкой. Должно быть, так действовало снадобье Тиега.

Тишина, царившая в комнате, была наполнена странной отчетливостью, ощущением ожидания чего-то значительного, и он знал, что никогда прежде не испытывал ничего подобного. У изножья кровати

---

[1] Иов 4:15,16

он видел фигуры, стоявшие на границе круга, обозначенного белой пряжей. Ближе всех держалась Райсиль, Мика справа от нее, у двери напротив — Тиег, спиной к занавешенному окну.

Вид этот пробудил в памяти Райса-Майкла какие-то воспоминания, но он не знал, что именно здесь кажется ему таким знакомым. Почему-то он подумал, что окно комнаты выходит на восток, и в этом была своя значимость.

Свет тоже казался каким-то другим, не то чтобы слишком ярким, но... непривычным. В комнате горели еще две свечи, помимо той, что стояла на прикроватном столике — одна у двери, а другая на полу в центре круга, рядом с небольшой глиняной чашей. Чашу эту было трудно разглядеть, но если прищуриться, то Райс-Майкл словно мог различить слабое серебристое сияние, окружавшее круг, словно огромный перевернутый сосуд. Туман замутнял взор подобно легкой вуали, тонкий, словно паутина, и он легонько потряс головой. Джорем подвел его вперед и заставил стать между границей круга и изножьем кровати.

Инстинктивно он сознавал, что касаться круга не стоит, даже просто оказавшись поблизости, он ощутил, как по коже побежали мурашки. Затем, оказавшись ближе, заметил, что круг не завершен. Концы белой нити, которые должны были сомкнуться, оказались отогнуты, по обеим сторонам оставляя проход для человека. Рядом лежал меч Халдейнов, и кончик его касался восточной части прохода, словно обозначая распахнутую дверь. Приглядевшись, Райс-Майкл осознал, что воздух в этом месте кажется более прозрачным, словно там и впрямь имелись некие врата.

— Войдите в круг и станьте посередине, сир, — негромко пригласил его Джорем, указывая на проход. — Я сейчас вернусь, только предупрежу Катана, что мы начинаем.

Райс-Майкл ощутил внезапный холодок, когда пересек границу круга. Тут же к нему подошла Мика, молча обняла и подвела к центру круга. Он ласково поцеловал жену, а она, коснувшись губ кончиками пальцев, легонько дотронулась до броши Халдейнов у него на шее, и в этот миг он заметил слезы в ее глазах. С улыбкой он повторил ее жест, поражаясь преданности и безграничной любви жены, которая придавала ему отваги и решимости. Вскоре Джорем вернулся, склонился, чтобы поднять меч Халдейнов, и Райс-Майкл заметил у него на груди небольшой серебряный крестик, как символ священного сана Дерини.

Почему-то вид распятия успокоил короля, он отпустил жену, а сам повернулся к открытому проходу в круге. Едва лишь Джорем вошел внутрь, Тиег, нагнувшись, соединил концы белой нити и связал их между собой, символически завершая круг.

Однако именно Джорему предстояло сомкнуть его окончательно. Опустив меч острием вниз, туда, где только что был проход, Джорем уверенным движением провел клинком по полу один раз, а затем повторил это еще дважды. С каждым его движением туман в воздухе сгущался, и когда Дерини закончил и положил меч на пол, лишь положение клинка указывало на место, где некогда имелся проход.

— Теперь мы стоим в защищенном круге, сир, — негромко пояснил Джорем, и взяв короля за плечи, повернул его к Тиегу. — Полагаю, вы ощутили энергию, когда миновали врата, которые теперь закрыты.

Наш круг охраняют святые архангелы, к которым вскорости нам предстоит воззвать вновь. Но сперва следует совершить еще некоторые приготовления. Пожалуйста, дайте мне вашу правую руку.

Хотя Райс-Майкл твердо говорил себе, что бояться нечего, все же сердце его учащенно забилось. Когда он подал Джорему руку, Тиег достал из поясного кошелька свернутый кусочек пергамента и, как это ни поразительно, Кольцо Огня, принадлежащее Халдейнам. Тиег тем временем обнажил небольшой серебряный кинжал, что прежде висел в ножнах у него на поясе, и вновь у Райса-Майкла возникло ощущение, что он уже видел все это прежде, но он никак не мог понять, где и когда.

— Да, вам через все это уже довелось пройти, — промолвил Джорем, прижимая острие кинжала к большому пальцу Райса-Майкла. — Жертва крови и некоторое испытание отваги являются необходимой составной частью, усиливающей большинство известных мне ритуалов. Сейчас мы слегка изменим форму в соответствии с обстоятельствами, однако Кольцо Огня непременно должно получить крещение кровью при формальном признании короля. Те слова, что вы сейчас услышите, были впервые произнесены вашим отцом. Тиег, можно начинать.

Уверенным движением руки Тиег создал магический световой шар размером с кулак, и тот, вспыхнув зеленоватым светом, повис у них над головой. Это произошло так внезапно, что Райс-Майкл невольно вздрогнул. Однако он знал, что это такое, поскольку видел, как Джаван однажды делал нечто подобное. Но даже если бы он пожелал отпрянуть, то не смог бы, ибо Джорем крепко удерживал его за руку, и острие кинжала по-прежнему впивалось в боль-

шой палец. Он заставил себя отвести взор от огненного шара, а Тиег, развернув пергамент, поднес его к свету и принялся читать:

— Сим я завещаю: Господь сказал мне — ты сын мой, в сей день я зачал тебя. Проси меня, и я дам тебе земли в наследие, до крайних пределов земли.

Райс-Майкл растерянно заморгал. Он когда-то уже слышал эти слова, совершенно точно, только никак не мог вспомнить, когда. Он все еще пытался вернуть это воспоминание, как вдруг Джорем резким движением полоснул кинжалом ему по пальцу и произнес слова, задевшие глубокую струнку в его душе:

— Райс-Майкл Элистер Халдейн, король Гвиннеда, будь освящен на служение своему народу.

Он был не в силах пошевельнуться, он словно застыл в этом мгновении времени. Напряженную тишину нарушил лишь чуть слышный шорох, когда Джорем дважды отер лезвие кинжала себе об рукав, а затем с металлическим звоном вложил его в ножны. Лезвие оказалось столь острым, что сперва не было боли, и даже кровь почти не выступила, но Райс-Майкл невольно стиснул зубы, когда Джорем расширил ранку, и кровь крупными темными каплями потекла на Кольцо Огня. Прикосновение кристалла к плоти оказалось столь болезненным, что король едва удержался от крика. Он напрягся всем телом, но тут же кольцо убрали, и раненый палец прижали к листу пергамента, который Тиег передал старшему Дерини. Порез закрылся, и боль начала отступать.

В это время юный Целитель извлек чистую полотняную тряпицу из мешочка на поясе, вытер кровь с пальца, а затем на несколько мгновений

сжал руку короля в своих ладонях, и тут же боль прекратилась, а когда Тиег наконец убрал руки, король с изумлением увидел, что рана полностью исцелена.

Джорем, нагнувшись, поднял чашу, стоявшую у их ног. Райсу-Майклу показалось, что она до половины наполнена водой, но в зеленоватом свете огненного шара он не мог быть в этом уверен до конца. С сосредоточенным видом Джорем взял чашу в левую руку, а пергамент положил на раскрытую правую ладонь. Он даже не моргнул, когда лист внезапно вспыхнул ослепительным пламенем и спустя пару биений сердца превратился в щепотку пепла. Он стряхнул золу в чашу, и та мгновенно растворилась в воде.

— Даруй королю твои суждения, Господи, и истинность Твою королевскому сыну.

Райс-Майкл с горячностью выдохнул «Аминь», чувствуя, как слова Джорема, словно камни, падают в его душу, а священник протянул чашу Тиегу. Целитель обмакнул в воду окровавленное Кольцо Огня, затем создал еще один огненный шар, в то время как Джорем аккуратно поболтал кольцом в воде, чтобы размешать содержимое. Когда все было сделано к их полному удовлетворению, Тиег погасил светошар, и теперь круг освещала лишь свеча у их ног и еще две в других частях комнаты.

— Однажды вы уже испили из этой чаши, сир, — негромко промолвил Джорем. — Полагаю, вскоре вы вспомните об этом. А теперь мы произнесем слова благословения, которые усилят действие напитка и призовем архангелов-хранителей, дабы те стали свидетелями нашего обряда. Оставайтесь на месте и слушайте внимательно. Вам следует поворачиваться к

тому, кто взывает к своей части света, и начнем мы с востока.

С этими словами он передал чашу Тиегу и занял место на границе круга, ближе к изножью кровати, в то время как Целитель отошел к восточной части круга. Сжав чашу в ладонях, Тиег на пару мгновений склонил голову, затем, не открывая глаз, поднял лицо. Низкий голос его звучал тихо, почти выпевая слова, которые Райс-Майкл уже некогда слышал прежде... И теперь он почти мог припомнить, когда это было.

— О, Господи, святы деяния твои. С дрожью и смирением предстаем мы пред тобой с нашими мольбами. Благослови и защити нас в том, что должны мы совершить этой ночью.

Чуть приподняв чашу, он накрыл ее правой рукой, взором приветствуя некую Сущность, которую мог видеть лишь он один.

— Пошли своего Архангела Рафаила, о Господи, чтобы дыханием своим освятил эту воду, дабы пьющие ее могли по праву владеть воздухом. Аминь.

Он поднял чашу на уровень глаз и зажмурился. Невесть откуда взявшийся слабый ветерок взметнул его рыжеватые волосы, затем пронесся вдоль границ круга и затих. Райс-Майкл, стоя посреди круга, ощутил его дуновение, и мурашки пробежали у него по спине, а волоски на руках стали дыбом. Когда Тиег опустил чашу, король против собственной воли молитвенно сложил руки, прижимая пальцы к губам, лишь сейчас начиная осознавать могущество Тех, к кому взывали Дерини.

С чуть заметной улыбкой юный Целитель поклонился королю, а затем передал чашу Микаэле. Райс-Майкл повернулся в ее сторону, но она была так со-

средоточена, что почти не замечала его. Она приняла чашу так благоговейно, словно там были Святые Дары, и почтительно склонила голову, а затем подняла ее точно так же, как Тиег, и накрыла ладонью, припоминая нужные слова, которые пришли к ней сами из глубин возвращенной памяти.

— О, Господи, святы деяния твои. Молим тебя, пошли Архангела Огня, благословенного Михаила, чтобы вода эта зажглась Твоей любовью и стала священной, чтобы все, кто пьет ее, могли управлять огнем. Аминь.

Райсу-Майклу показалось, будто он видит, как голубоватые язычки пламени заплясали над ободком чаши, хотя не мог вообразить, что жена его обладает достаточной магией, чтобы вызвать столь могущественные силы. Но каков бы ни был источник ее власти, теперь лицо ее озарилось внутренним светом, и она уверенно передала чашу Райсиль. Через силу оторвав взор от Микаэлы, он обернулся к молодой женщине, которая, также как и остальные, сперва поклонилась чаше, а затем молитвенно подняла ее вверх.

— О, Господи, святы деяния твои. Позволь своему Архангелу Гавриилу, властелину бурных вод, обрушить на эту чашу дождь Твоей мудрости, дабы те, кто пьют из нее, могли по праву повелевать водой. Аминь.

Райс-Майкл невольно вздрогнул, ибо земля едва заметно задрожала у них под ногами, и испуганно покосился на дверь через плечо Микаэлы, уверенный, что в соседней комнате тоже ощутили неладное. Над чашей как будто собрался сверкающий туман, и когда Райсиль подняла руку повыше, из ладоней ее, потрескивая, вырвались крохотные молнии.

В воздухе внезапно сильно и остро запахло грозой, и когда девушка опустила чашу, с внешней стороны ее появились влажные потеки, и вода закапала на ковер. Она передала сосуд Джорему, которого, казалось, ничуть не удивляло происходящее. Несмотря на то, что все Дерини выглядели совершенно уверенными в себе, король сцепил руки, чтобы унять их дрожь, слушая слова Джорема.

— О, Господи, святы деяния твои. Позволь Уриилу, своему посланнику Тьмы и Смерти, наполнить эту чашу силой и тайнами земли, дабы все, кто пьет из нее, по праву могли управлять землей. Аминь.

Внезапно Райс-Майкл ощутил головокружение, и пол словно ушел у него из-под ног, и хотя все закончилось так же быстро, как и началось, он пошатнулся и взмахнул руками, чтобы восстановить равновесие. Кольцо Огня негромко зазвенело в чаше, когда Джорем опустил ее, и сердце Райса-Майкла учащенно забилось, когда Дерини подал ему знак вновь повернуться к Тиегу. Юный Целитель шагнул вперед, чтобы поднять с пола свечу. Джорем по-прежнему держал в руках чашу, стал рядом с ним, и Райс-Майкл, почти не сознавая, что делает, опустился перед ними на колени. Свеча отбрасывала отблески на их лица, с пугающей четкостью высвечивая чашу, и дрожь вновь охватила короля.

— Я точно не знаю, что должно случиться теперь, — негромко промолвил Джорем, вглядываясь в напряженное лицо молодого человека, стоящего перед ним на коленях. — Полагаю, вы сознаете, насколько огромна сила, что содержится сейчас в этой чаше. Здесь нечто большее, нежели простая вода и кровь Халдейнов. Когда вы изопьете из нее, все преграды должны рухнуть, и вы обретете доступ к могу-

ществу своего отца... Но если это не случится, я помогу. Возможно, Тиег тоже придет на помощь. Постарайтесь нам не противиться. Конечно, вы можете помешать нам, ибо ваши защиты достаточно сильны, но это не в ваших интересах.

Райс-Майкл молча кивнул. Он ощущал силу, таящуюся в чаше, которую протягивал ему Джорем. Там была та самая сила, обещание которой он ощутил однажды из рук отца, но сейчас внезапно его пронзило такое чувство тщетности всего происходящего, что он едва не выронил сосуд.

— Райс-Майкл Элистер Халдейн, ты истинный король Гвиннеда, помазанник Божий, — услышал он, словно сквозь туман, слова Джорема. — Выпей, это таинство даст тебе власть, принадлежащую тебе по Божескому праву как владыке этого королевства. Со временем ты передашь ее и своим сыновьям.

Дрожащими руками Райс-Майкл поднял чашу, поднес ее к губам и осушил до дна, от всей души желая, чтобы эти слова оказались правдой. Жидкость оказалась горькой на вкус и отдавала золой и отчаянием, и у нее был солоноватый привкус крови, напоминавший о бренности всего сущего. На короткий миг ему показалось, будто что-то *шевельнулось* глубоко внутри, замелькали призраки каких-то образов, дразня воображение за сомкнутыми веками, но он никак не мог сосредоточиться на них.

Со стоном отчаяния он попытался уловить и удержать приоткрывшийся дар, вслепую схватил кольцо Огня со дна опустевшей чаши и с силой надел его себе на палец. Было еще мгновение какой-то поразительной отчаянной ясности, но оно тут же миновало, даже прежде чем он успел его осознать.

«Нет! Вернись!» — взмолился он в глубине души, устремив незрячий взор куда-то во тьму.

Молитвенно стиснув руки на груди, он ощупал оцарапанный сустав: поранился, когда надевал Кольцо. И именно в этот миг внезапно ощутил постороннее присутствие в круге, одновременно такое знакомое и чуждое... Это был не Джорем, не Тиег, и никто другой... Нет, перед ним был Тот, кто своей властью мог дать ему второе зрение, если бы только ему удалось сосредоточиться, прорваться сквозь окружавшую его плотную пелену. Но как?

— Пожалуйста, помоги мне, — прошептал он, еще сильнее сжимая руки. — Помоги мне, кто бы ты ни был, помоги мне прозреть, ради моей короны и всего королевства.

И сквозь мрак отчаяния, сквозь совершенную беспросветность окутавшей его тьмы бессилия он вдруг ощутил прохладное касание на шее. То была фибула Халдейнов, и внезапно слова Джорема с необычайной ясностью всплыли у него в памяти: *«Жертва крови... испытание отваги...»* В тот же миг он понял, что делать. Разумом он не желал этого, но страх отступил, и пальцы неуклюже потянулись к застежке броши, высвобождая сверкающую стальную булавку, проверяя ее остроту на нежной коже.

— Сир, в чем дело? — донесся откуда-то издалека встревоженный голос Джорема.

Но он лишь затряс головой и отпрянул, не желая, чтобы кто-либо касался его в этот миг, а затем раскрыл застежку пошире, чтобы крепче ухватиться за саму фибулу, и уверенно прижал острую иглу в ладони левой руки.

— Не трогайте меня, — прошептал он. — *Я должен это сделать!*

Кровь стучала у него в висках, но одновременно в душе на смену отчаянию пришла волна надежды. Смертная плоть страшилась испытания болью, но самый страх свой он с мольбой вознес как жертвоприношение Тем, кто наблюдал за ним, в чьем присутствии он более не сомневался. К самому Господу, кому молился о спасении, и для служения которому был помазан королем. В отличие от своего отца или брата Джавана, он никогда не считал себя особо верующим человеком, но теперь ощущал несомненную правоту и необходимость этого деяния.

— Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, — прошептал он, стремясь наполнить эти слова всем жаром своей души. — Да будет на все воля Твоя!

И с этими словами он с силой вонзил иглу в ладонь, удивляясь, насколько трудно оказалось пронзить сталью плоть и мышцы.

И какая боль... Слепящая, испепеляющая агония волнами распространялась из руки по всему телу, заливая сознание вспышками жгуче-белого света, словно расплавленный металл стекал у него по руке, но куда хуже мучений физических оказалась боль, вспыхнувшая в мозгу.

Пламя озарило давние похороненные в глубинах памяти воспоминания... Вот он бесстрашно стоит перед отцом и пьет из другой чаши, вот руки отца касаются его головы, и сквозь них потоком устремляется тепло и свет, пробуждая в нем силу, открывая доступ и озаряя все уголки рассудка, а затем вновь настает Слепота. И встают в мозгу преграды, которые должны были рухнуть еще шесть лет назад, после смерти Джавана... Но руки отца остались в воспоминаниях, а здесь и сейчас его вдруг коснулся кто-то другой. И это был не Джорем и не Тиег. Он

чувствовал чье-то присутствие совсем рядом, кто-то пытался проникнуть в его мысли, просил, уговаривал, настаивал, но защиты его взбунтовались и восстали со всей жесткостью. Он не ощущал зла в этом Другом, и сознавал, что не должен сопротивляться, но не находил в себе сил уступить. В отчаянии он еще сильнее вонзил иглу в ладонь и провернул ее внутри, вытолкнув золотое острие наружу между костями.

Новый приступ боли с внезапной резкостью помог сосредоточиться, словно огненный цветок расцвел где-то глубоко внутри, и в пламени его защиты сгорели, обнажив душу ожидавшему этого Другому. Он ощутил касание призрачных рук, и свет внезапно вспыхнул за сомкнутыми веками, озаряя все ослепительно-белым сиянием, и тут же все погасло, медленно растворяясь во тьме забвения.

Глава седьмая

Благодарение Богу за неизреченный дар Его[1]

Джорем уловил стороннее присутствие в круге и по потрясенному лицу юноши понял, что Тиег также заметил его. Но в этот миг король со стоном повалился набок и забился в конвульсиях, и потому Джорем мгновенно отринул все личные тревоги и заботы, загнав их в тот угол сознания, что он отводил обычно для вещей, которых опасался или не вполне понимал.

Он сильно сомневался, что Тиег сумел узнать в явившемся им призраке своего деда Камбера, отца Джорема, однако рано или поздно мальчик все равно начнет задавать вопросы. Джорему это было не слишком по душе, но, похоже, в последнее время «святой» Камбер приобрел поразительную привычку объявляться незваным во время магических ритуалов, по крайней мере, когда дело касалось Халдейнов. Неизвестно, стояло ли за этим лишь обычное любопытство и забота о благе королевской династии, или же то был знак неких далеко идущих планов. Однако сейчас, когда жизнь короля повисла на

---

[1] 2-е Коринфянам 9:15

волоске, было не время и не место спорить об этом, даже с самим собой.

— Нет, не прикасайся к нему, — воскликнул он, заметив, что Тиег устремился к королю. — Пусть все идет своим чередом!

Тиег послушно отпрянул, хотя такая покорность явно шла вразрез с инстинктами Целителя, которые подталкивали его оказать помощь человеку. Райсиль тут же поспешила к королеве, чтобы не позволить ей вмешаться, и сейчас она вопросительно взирала на своего дядю, который, внешне совершенно бесстрастно, наблюдал за конвульсиями Райса-Майкла. Наконец, король словно бы успокоился, и Джорем опустился на колени с ним рядом.

— Ну вот, все в порядке, — пробормотал он, взглядом подзывая к себе Тиега и переворачивая Райса-Майкла навзничь. — Надеюсь, он сейчас придет в себя. Пока это мало чем отличается от того, что происходило с остальными Халдейнами во время пробуждения в них магической силы. Райсиль, пожалуйста, разомкни пока круг. А ты, Микаэла, лучше всего сможешь помочь, если не станешь вмешиваться.

Побледневшая королева рухнула на колени прямо там, где стояла, в то время как Райсиль взяла в руки меч и принялась размыкать круг. Тиег присел рядом с королем, отставил в сторону свечу и обе руки возложил на бледный лоб Райса-Майкла.

Некоторое время спустя он занялся его левой рукой, невольно поморщившись при виде золотой иглы, торчащей из ладони. Развернув кисть ладонью вверх, он осторожно разомкнул пальцы, которые до сих пор стискивали тяжелую фибулу, и бережно высвободил ее. Теперь на руке оставались лишь две

крохотных, почти бескровных дырочки с обеих сторон.

— Это далось ему нелегко по нескольким причинам, — промолвил Тиег, протягивая фибулу Джорему. — Человеческая кисть достаточно прочная, но одновременно чувствительная к боли. По крайней мере, он вроде бы сумел сделать именно то, что необходимо. Это было частью обряда?

Джорем покачал головой.

— Нет, не совсем, — отозвался он. — Однако с самого начала было ясно, что потребуется некий решительный шаг, чтобы помочь ему сфокусировать энергию. Похоже, он сам догадался, какой именно.

Покачав головой, Тиег сжал раненую руку в ладонях, пальцами касаясь ранок. Несколько мгновений сосредоточения — и исцеление свершилось.

— Как долго он пробудет без сознания? — спросил Джорем у юного Целителя.

— Трудно сказать. И когда он придет в себя, то будет очень хотеть спать, так что лучше сразу перенести его в постель. Однако прежде чем мы уйдем, я бы хотел еще раз убедиться, что с ним все в порядке.

— Но силу он получил целиком? — настаивал Джорем, в то время как Тиег пытался за плечи приподнять короля и усадить его на полу.

— Ну, я не вполне представляю, что означает «целиком», когда речь идет о Халдейнах. Однако, вне всякого сомнения, теперь он обладает куда большими способностями, нежели прежде.

— Но если понадобится, ты мог бы их заблокировать, — неожиданно поинтересовался Джорем.

Тиег уставился на него в изумлении.

— Если речь идет о том, устроены ли его способности так же, как наши, то я отвечу — да. Я могу на-

щупать нужную точку. Однако это не означает, что я должен сейчас задействовать блокировку?

— Боже правый, конечно, нет, я просто пытался понять, как все это происходит. Позволь, я тебе помогу.

Вдвоем они подняли на ноги бесчувственного короля. Испуганная Микаэла также поднялась с колен, хотя и постаралась не мешать мужчинам. У них за спиной Райсиль разомкнула круг, и теперь уверенными движениями сматывала белую пряжу, которая служила для обозначения его границ. Райс-Майкл постепенно начал приходить в себя к тому времени, как они подтащили его к постели. Сперва задергались ноги, а затем он попытался приподнять голову и оглядеться.

— С вами все будет в порядке, сир, — поспешил успокоить его Тиег. — Но не слишком напрягайтесь, мы сейчас уложим вас в кровать.

Теперь нужно было раздеть его, и они обратились за помощью к Микаэле. Сперва он мертвым грузом висел у них на руках, но затем постепенно начал оправляться от шока. Они уложили его и по грудь укрыли меховым покрывалом. Микаэла забралась на постель с другой стороны и уселась, скрестив ноги, рядом с мужем, не сводя с него испуганных глаз. Он, наконец, сумел приподнять голову, и взор его сделался осмысленным.

— Я понимаю, что вы очень устали, сир, — произнес Джорем, встретившись взглядом с королем. — Это совершенно естественно. Сейчас вам нужно как следует выспаться. Завтра у вас будет тяжелый день, да и дальше придется не легче. Так что будьте очень осторожны, исследуя свое вновь обретенное могущество.

Райс-Майкл с трудом кивнул и потянулся, чтобы взять Микаэлу за руку. Та смеялась и плакала одновременно.

— Мика, все получилось, — прошептал он. — Получилось!

— Да, любимый.

— Но почему я так сопротивлялся? Как может человек не желать подобного дара?

— Вы отказывались не от самого дара, — заметил Джорем мрачно. — Вы отвергали чужое вмешательство в свои мысли. К несчастью, я не могу остаться с вами и обучить вас азам владения этим даром. Я могу лишь посоветовать идти вперед постепенно и очень, очень осторожно, покуда вы не научитесь сами соблюдать равновесие. Ваши сановники не в один день добились для себя такой власти, и в одно мгновение вам не удастся от них избавиться. Даже если бы они все в единый миг сейчас исчезли с лица земли, все равно у вас недостаточно опытных помощников, чтобы править достойным образом, в особенности если в Истмарке разразится настоящая война, хотя я надеюсь, что Господь такого не допустит. Помощников мы вам найдем и поддержку обеспечим, но это случится не в одночасье. Так что сейчас ваша главная забота — это достойно ответить на вызов Миклоса Торентского и остаться в живых. Помните, что несмотря на всю свою магию, вы по-прежнему смертны. Мечи и стрелы, и яд... они могут погубить вас, как и прежде, если вы не будете очень осторожны.

— Я этого не забуду, — решительно пробормотал Райс-Майкл, и глаза его вспыхнули. — Благодарю вас, отец Джорем... И тебя, Тиег. И, пожалуйста... поблагодарите от меня того, другого человека, который

был с нами в круге в самом конце. Не думаю, что я бы преуспел, если бы он мне не помог.

Джорем на мгновение закрыл глаза, сознавая, что еще не раз услышит об этом таинственном «человеке», затем кивнул.

— Нам пора, — произнес он вполголоса, бросая взгляд на Тиега. — Не стоит лишний раз искушать судьбу, ни нам, ни вам тоже. Хорошо было бы еще соприкоснуться мыслями, чтобы облегчить ментальное общение в будущем... Но сейчас для этого вы слишком устали. Надеюсь, мы сумеем сделать это позже, после вашего возвращения из Истмарка. А пока что Райсиль поможет нам общаться друг с другом. Да хранит вас Господь, сир. И вас, ваше величество. А теперь ложитесь спать, и приятных вам сновидений.

Они с Тиегом выскользнули из опочивальни, и Райсиль последовала за ними, а Микаэла улеглась, уткнувшись лбом мужу в плечо. Он с улыбкой обнял ее, и, сами о том не подозревая, они мыслями коснулись друг друга. Ощущение было — словно легчайшее прикосновение перышка, очень хрупкое, но дарующее истинное наслаждение. И так он наконец заснул, окруженный ее любовью, в уверенности, что отныне обрел, наконец, оружие против своих врагов.

* * *

Один из этих врагов сейчас крался во тьме совсем неподалеку, исполняя поручение, данное ему отнюдь не теми хозяевами, которым он повиновался в замке. Никем не замеченный, Дерини Димитрий прошел по тускло освещенному коридору с высоким сводчатым потолком, неслышный и незримый,

словно сгусток тумана. На равных промежутках в стенных скобах были закреплены факелы, но озерца света была расположены так далеко друг от друга, что между ними оставались широкие участки полной темноты.

Димитрий выбрал себе нишу именно в таком месте, где он был полностью невидим, и спрятался там в ожидании. В скором времени послышались шаги — это приближалась намеченная жертва: скучающий простоватый молодой стражник по имени Иосиф, которого Димитрий и прежде не раз использовал в своих целях.

Он был много крупнее Димитрия, моложе и куда более крепкого телосложения. Носил доспехи из потертой вываренной кожи, короткий меч и кинжал на поясе. Все это могло бы сделать его весьма опасным противником... вот только Димитрий отнюдь не намеревался доводить их столкновение до открытой схватки. Сейчас темноволосый стражник шагал неспешно, совершенно не подозревая недоброго. В одной руке он сжимал факел, а в другой позвякивали ключи на большом железном кольце.

Насторожившись и подобравшись для броска, Дерини дождался, пока молодой человек окажется как раз напротив его ниши. Затем рука стремительно метнулась из темноты и ухватила того за запястье, мгновенно устанавливая необходимый телесный контакт, чтобы взять стражника под полный мысленный контроль. Димитрий тут же затащил Иосифа, который не в силах был сопротивляться, в темную нишу, свободной рукой подхватывая кольцо с ключами, прежде чем они успеют упасть на пол. Глаза жертвы закрылись при первом же прикосновении

Димитрия, и рука с факелом медленно начала опускаться.

— Добрый вечер, Иосиф, — прошептал Димитрий с легкой полуулыбкой, подхватывая факел и прислоняя его к стене. — Ты меня, должно быть, не помнишь, но обещаю, что ты запомнишь свою награду, если, конечно, переживешь эту ночь. Сядь и успокойся. Сегодня нам предстоит много работы.

Даже не подозревая о грозящей ему смертельной опасности, молодой человек тут же опустился на пол, прислонившись спиной к стене и, для равновесия, расставив пошире ноги в тяжелых сапогах. Голова его безвольно откинулась назад, затылком упираясь о камень, а крупные руки упали по бокам. Его пленитель отложил ключи в сторону, затем уселся, скрестив ноги, поближе к стражнику. Сделав несколько глубоких вдохов, Димитрий потянулся вперед и обеими руками коснулся курчавых волос, прижимая большие пальцы к вискам.

— Ты не можешь сопротивляться, — произнес он негромко, не сводя сумрачного взора с лица жертвы. — Сожалею, что мне придется причинить тебе боль, но я постараюсь закончить поскорее. Посмотри на меня, Иосиф. Распахни глаза... А теперь распахни свою душу...

Дыхание молодого человека прервалось, но он подчинился. Дерини усилил хватку. Не обращая внимания на тень испуга, мелькнувшую в глазах жертвы, Димитрий уверенно прорвал жалкие защиты человеческого разума, приглушил стон, готовый сорваться с губ стражника, проломил себе дорогу в его разум и вонзился как можно глубже, ища путь к самому источнику жизненной силы. Он почти физически ощущал причиняемую боль, по мере того как начал

выкачивать энергию у безвольного пленника, но постарался сделать эту операцию для него максимально безопасной. Если процесс зайдет слишком далеко или продлится слишком долго, мозгу будут нанесены непоправимые повреждения, но это был рассчитанный риск... Впрочем, рисковал один лишь Иосиф.

С непоколебимой уверенностью Димитрий устремил ввысь свой ментальный зов, уверенно отыскивая тот разум, который должен был ожидать сейчас контакта с ним. На то, чтобы установить связь, ушло больше времени, чем он рассчитывал, — Иосиф быстро терял силы, — но как только нить протянулась между ними, сообщение прошло быстро и без помех. На мгновение у него закружилась голова, когда чужой разум проник в его мысли, считывая последние воспоминания, а затем принялся передавать новые указания прежде, чем резко разорвать контакт.

На долю мгновения Димитрий вновь остался в одиночестве в сознании пленника. Растерянно моргая, он попытался сфокусировать сознание и придти в себя после контакта. Сердце колотилось как безумное, и он осознал, что у него эта работа также отняла куда больше сил, чем обычно, поэтому он заставил себя медленно и глубоко вздохнуть, а затем вновь зачерпнул энергию у Иосифа, чтобы восстановить утраченные силы. Молодой стражник был бледен, как полотно, и на лице его выступила испарина. Дерини коротко оценил нанесенный ущерб и приложил пальцы Иосифу к горлу, нащупывая слабый пульс.

— Да, на сей раз мы подошли к самому краю, мой незадачливый юный друг, — прошептал Димитрий, отдавая ему небольшую толику энергии, чтобы

поддержать угасающие силы. — Ну, а теперь ты получишь то, о чем так мечтал. Но лучше будь осторожен с теми снами, которые пожелаешь себе на будущее. Суккубы капризны и прихотливы, и порой бывают жестоки. Они дарują наслаждение, но не всегда при этом считаются с выносливостью смертного скакуна.

Ироничная усмешка заиграла на его губах, по мере того как он вкладывал в сознание молодого человека все необходимые установки. Это было несложно, ибо он прекрасно знал, чего желают мужчины, подобные Иосифу, в тоскливом одиночестве ночного дозора. Эротическое видение, что забрезжило на границе сознания молодого человека, способно было удовлетворить самые изощренные плотские аппетиты.

Сон будет коротким, но очень ярким, после чего Иосиф проснется совершенно измученным, но счастливым, и вновь отправится в дозор. Конечно, он не поверит всерьез в ночной визит восхитительного суккуба, однако ни на миг не усомнится в том, что причиной его слабости был именно этот чудесный сон, — тайное наслаждение, которое он получил, когда прикорнул на пару мгновений в укромном уголке, где привык прятаться от любопытных глаз своего командира. И, разумеется, он никогда не доложит о случившемся ни начальнику, ни даже исповеднику.

Так что Иосиф будет верно хранить их с Димитрием тайну, и это странное сотрудничество будет продолжаться до тех пор, пока Дерини нуждается в этом человеке... Или пока не наступит момент, и Димитрий заберет у своего пленника слишком много сил, так что тот уже не сможет оправиться. Менее умелый маг попросту убивал бы своих жертв после

каждого такого случая, поскольку дарить им такие сладостные грезы, как это делал Димитрий, требовало дополнительных усилий и изрядную толику воображения, — но Димитрий был слишком опытным адептом и понимал, что загадочные смерти в замке непременно вызовут подозрение.

Нет, куда лучше использовать одного и того же человека раз за разом, а затем щедро вознаграждать его за труды. К тому моменту, как Димитрий поднялся на ноги, дыхание стражника уже участилось, а на щеках заиграл румянец возбуждения.

С легкой улыбкой Димитрий покачал головой и, вмиг позабыв о происшедшем, выглянул в коридор, и с помощью магических импульсов постарался убедиться в том, что ни справа, ни слева от него нет ни души. Он знал, что ему предстоит делать теперь, ибо получил вполне определенные приказы. Завтра же он начнет действовать, как только представится удобный случай. На этот счет ему уже пришло несколько удачных мыслей...

* * *

А тем временем его господин также пытался придти в себя после изнурительного ночного контакта. Очень далеко от Ремута, в прохладной полутьме, царившей в бедно обставленном помещении, под самой крышей донжона замка, именуемого Кулликерн, принц Миклос Торентский лежал неподвижно, словно мертвый, вызывая в мыслях чары, изгоняющие усталость. Ментальные контакты на таком расстоянии всегда отнимали у него огромное количество сил, даже когда он использовал для этого чужую энергию. Капитан стражников, крепкий высокий

мужчина, который сейчас без чувств развалился в кресле рядом с походной койкой своего принца, привык служить ему в этом качестве, но даже услуги Целителя могли поставить его на ноги лишь спустя пару дней после каждого контакта. Тем не менее, Миклосу необходим был дополнительный источник энергии, и уж лучше взять ее у постороннего, чем отдавать свою.

Шевельнув затекшими рукам, принц открыл глаза и осторожно потянулся, а затем с глубоким вздохом сел на постели. Длинные светлые волосы рассыпались по плечам, и он с силой прижал ладони ко лбу. Заметив это, другой молодой человек, чуть пониже его ростом и темноволосый, подошел ближе с двумя бокалами вина, один из которых протянул принцу, а со вторым опустился на стул рядом с узкой походной койкой.

— Ну, как?

— Все идет по плану, — отозвался светловолосый, приветственно поднимая свой кубок и осушая его до дна. — Халдейн заглотил наживку и будет здесь через две недели.

Собеседник его засмеялся и также поднял свой бокал.

— Отличная работа. Честное слово, я до последнего не верил, что они его выпустят. Думал, они просто пошлют войска.

— Войска, конечно, тоже, — мягко подтвердил Миклос. — И еще очень большой вопрос, удастся ли нам по прибытии подбить его на поединок, как ты об этом мечтаешь.

Хмыкнув, Марек Фестил отставил бокал в сторону.

— А почему бы и нет? Если он понадеется вернуть Кулликерн с помощью переговоров и торговли,

то зачем же рисковать человеческими жизнями в бою?

— Это правда. Но, похоже, он догадался и о том, что брат мой не дал нам своей поддержки в этом начинании, и что ты сам еще не обладаешь силами, достаточными для масштабного военного нападения. Если так, то он куда более искушенный политик и стратег, чем мы ранее полагали. Возможно, это все-таки ошибка, и советники отнюдь не управляют им, как марионеткой.

— Но Димитрий клялся, что так оно и есть, — возразил Марек.

— А я предпочел бы судить об этом самому. Мы можем позволить себе не торопиться.

— Миклос, я не торопился двадцать три года, — нетерпеливо парировал Марек. Сейчас мне столько же лет, сколько было отцу, когда он погиб от руки Халдейна. Настало, наконец, время убедиться, переходит ли по наследству эта убийственная магия. Я лично в этом сомневаюсь, иначе он давно бы использовал ее, чтобы избавиться от своих сановников.

— Тут я склонен с тобой согласиться, и если ты прав, я убью его для тебя.

— Я и сам могу его убить.

— Скорее всего, да, однако, если оба мы ошибаемся, и он владеет магией Халдейнов, то лучше бы мне убедиться в этом первому. Сейчас род Фестилов не может позволить себе потерять своего главу. Твоему наследнику не исполнилось еще и года, Марек.

— А у тебя вообще нет наследников, — возразил тот.

Миклос с усмешкой пожал плечами.

— Такова уж судьба младшего сына, кузен. Мне еще только предстоит дать жизнь новой династии,

но если этому суждено случиться, то я хотел бы царствовать на тех землях, которые завоевал для себя сам, а не на тех, которые кто-то подарил мне из жалости, сколь бы ни был щедр сей благодетель.

— Когда я стану королем, — произнес Марек негромко, сжав руку кузена, — и когда мы отвоюем наши земли, я сделаю тебя герцогом Муринским, и отдам во владение весь южный Гвиннед, и это будет отнюдь не подарок. Ты честно завоюешь эти земли.

— Именно поэтому я и готов рискнуть, служа тебе, — отозвался Миклос с полуулыбкой. — А теперь послушай, что я велел сделать Димитрию.

* * *

Но самого Димитрия сейчас беспокоило не столько данное ему поручение, сколько необходимость поскорее добраться до своих покоев и, наконец, лечь спать. Магическая работа изрядно утомила его, и поскольку за эти годы в замке, где он был единственным Дерини, Димитрий сделался слишком дерзок и неосторожен, он даже не заметил или не придал особого значения тому, что защиты его слишком ярко себя выдавали. Сейчас, посреди ночи, когда он неслышным шагом поднимался по винтовой лестнице, ведущей на верхние этажи замка, разве может заметить его уязвимость кто-то из обычных людей?

Но это заметили, и отнюдь не обычные люди. По пути к комнате Портала рядом с библиотекой на выходе с винтовой лестницы, что вела от королевских апартаментов, Джорем с Тиегом на пару мгновений остановились, чтобы обозреть коридор и убедиться в отсутствии посторонних, как вдруг чуть ниже по лестнице ощутили наличие чужой магии. В тот же миг

до них донесся шорох шагов. Но откуда в замке взяться другому Дерини?

Затаив дыхание, Джорем тронул Тиега за плечо и мысленно передал ему все необходимые распоряжения. Сами они постарались максимально приглушить защиты, чтобы никто не опознал в них Дерини, но прекрасно понимали, что из-за факела в руках Тиега им вряд ли удастся вообще остаться незамеченными, и менее всего им хотелось, чтобы кто-то застиг их рядом с библиотекой.

Впрочем, кому могут показаться подозрительными стражник и простой писец? Они имели полное право находиться в замке. А вот мог ли тот, другой, Дерини сказать о себе то же самое? И кто же он, в конце концов, такой?

Единственным способом выяснить это было пойти напролом.

Они затаились на лестничной площадке в ожидании, хотя Тиег, как ни в чем не бывало, продолжал держать в руке факел. Звук шагов по лестнице проносился все громче, и вот уже факел в руках чужака озарил ступеньки перед ними.

Свет ослепил его, так что Джорем не смог разглядеть лица Дерини и заметил лишь, что на нем черное одеяние, похожее на монашескую рясу.

Когда тот обнаружил перед собой двоих незнакомцев, в мыслях его мелькнуло любопытство, но ни тени тревоги. И прежде чем простой интерес мог бы перерасти в подозрительность, Тиег уверенно метнулся вперед, схватив руку, державшую факел, и в тот же миг, ворвавшись в сознание незнакомца, нащупал нужную точку, молниеносно блокируя его магические способности и погружая во мрак бесчувствия.

Человек не успел даже вскрикнуть, хотя бы и мысленно. Разум его просто отключился. Он не рухнул на пол лишь потому, что Тиег удерживал жесткий контроль над его телом. Спустя мгновение, убедившись, что работа выполнена исправно, юный Целитель протянул сперва один факел, а затем и второй Джорему, и обеими руками коснулся висков незнакомца, чтобы проникнуть в его мысли. Несколько мгновений спустя, потрясенный, он повернулся к Джорему.

— Боже правый, да это же Димитрий!

Джорем тут же метнулся к нему, встревоженно оглядываясь по сторонам, затем прислонил оба факела к стене и сам проник в сознание пленника.

Масштабы затеянного Димитрием обмана были столь непостижимы, что в это почти невозможно казалось поверить, если бы не результаты его трудов, столь очевидные отныне для Джорема.

Не имело более никакого значения, что двойной агент Дерини теперь не мог причинить никому вреда, поскольку за эти годы, служа королевским сановникам, он принес смерть множеству невинных мужчин и женщин. Но еще более отвратительны были замыслы принца Миклоса и Марека Фестила, которые он помогал выполнять, ибо эти планы должны были посеять смерть и разрушение во всем Гвиннеде.

— Заберем его с собой в убежище, — мысленно передал Джорем Тиегу. — Я должен узнать все, что ему известно прежде, чем его прикончить.

— Рискованно, — возразил Тиег. — Если он просто исчезнет, советники начнут задавать вопросы и, возможно, даже доберутся до короля.

— Если тела никогда не найдут, то тайну исчезновения Димитрия никто никогда не разгадают, — уве-

ренно промолвил Джорем. — У них ведь нет другого Дерини, который мог бы провести расследование. Фульк подтвердит, что Димитрий и близко не подходил к королевским покоям, а сам король за весь вечер не выходил наружу... И это чистая правда. Помоги мне его поднять.

Глава восьмая

Совращающий праведных на путь зла сам упадет в свою яму[1]

Однако за несколько часов до рассвета Джорем наконец решил, что не станет убивать Димитрия.

— Искушение почти неодолимо, — заявил он своим ближайшим советникам. — Видит Бог, он как никто другой заслуживает смерти. Но, учитывая все, что нам удалось узнать, я полагаю, он куда лучше послужит нашим целям, если мы вернем его именно туда, где его ждут Полин с Хьюбертом... Разумеется, сперва полностью изменив те приказы, что он должен выполнять.

Епископ Ниеллан устало откинулся в кресле, рассеянно потирая коротко подстриженную седую бородку.

— Не знаю, Джорем. Конечно, он занимает во дворце такое положение, что вполне способен оказать нам пару значительных услуг. Однако не усложнит ли это и без того шаткое положение?

Объект их спора лежал неподвижно, ничего не сознавал вокруг себя, на том же самом месте, куда его уложили несколько часов назад, — на длинном

---

[1] Притчи 28:10

столе, освобожденном от карт и бумаг. Димитрия полностью лишили его магических способностей и подвергли самому тщательному обследованию, на который были способны столь опытные адепты как те, что собрались сейчас в этой комнате. Теперь им точно было известно все, что делал этот человек, служа королевским сановникам, равно как и Миклосу Торентскому, — который был его хозяином задолго до того, как Димитрий нанялся к Полину Рамосскому.

— Да, совершенно невероятный двойной обман, — промолвил отец Рикарт, бросая взгляд в сторону стола, где Джесс Мак-Грегор по-прежнему сидел, погруженный в транс, уточняя в сознании Димитрия полученные им новые установки. Кверон и Тиег пристально наблюдали за происходящим. — И какое дивное везение, что он вот так попал к вам в руки.

— Это дивное везение, что кто-нибудь из *наших* людей точно так же не попал в руки к нему за эти годы, — возразил Джорем. — А если бы он сумел добраться до короля, вот это было бы самое страшное. Мы только что видели, что на этот счет он давно питал особые подозрения.

— Тем больше у нас причин просто прикончить его, и на этом успокоиться, — заявил Ансель. — При одной мысли о том, чтобы отпустить его обратно живым, пусть даже под контролем...

— Ансель, мне эта идея и самому не слишком по душе, — резко парировал Джорем. — На нем до сих пор красовались доспехи халдейнского стражника, и вид у него был усталый и раздраженный. — Я прекрасно сознаю, как сильно мы рискуем. Но если он исчезнет прямо сейчас, накануне военной кампании,

это вызовет слишком много вопросов... И не менее подозрительной показалась бы его смерть от «естественных» причин.

— Но разве мы точно таким же образом не убили одного из священников *Custodes* перед коронацией Джавана, выдав это за естественную смерть? — задумчиво переспросил отец Рикарт.

— Да, и Полин тут же заподозрил неладное, хотя и не смог ничего доказать, — проронил Джорем. — Не думаю, что нам стоит повторно прибегать к этой хитрости, по крайней мере, не в этих обстоятельствах. Самым удобным было бы подстроить ему смертельный несчастный случай, но это организовать гораздо труднее, так, чтобы все выглядело убедительным... особенно за столь короткий срок. Ну, и уж тем более не стоит даже говорить об обычном убийстве. Это будет катастрофа.

Ниеллан обреченно вздохнул и, склонив голову, потер глаза рукой.

— Но если мы отошлем его обратно под контролем, ты полагаешь, это будет достаточно действенно?

— Не слишком и не надолго, но, по крайней мере, возможно, он сумеет выбрать время и найти возможность устранить хотя бы некоторых из наших противников, — заявил Джорем. — Более всех прочих нам придется считаться с Миклосом. Они с Димитрием вступают в столь глубокий ментальный контакт, что при первом же мысленном погружении он немедленно заметит следы нашего вмешательства. Поэтому мы не можем такого допустить. А если Димитрий не выйдет на связь, то Миклос также рано или поздно заподозрит неладное и постарается сам наладить контакт, — он на это вполне способен. В любом случае, тогда Димитрию конец.

— А если первыми подозрения возникнут у королевских сановников, — спросил Ансель.

Джорем пожал плечами.

— Многое будет зависеть от обстоятельств. Но конечный результат все равно будет одинаков. Поскольку они знают, что он Дерини, то непременно используют мерашу, прежде чем подвергнуть его допросу. Зная тщание инквизиторов *Custodes*, не сомневаюсь, что они будут его пытать, если он сломается не сразу... А он не сломается. Его последняя линия защиты установлена за очень высоким болевым порогом. Мне наплевать, сознается ли он в том, что работал на Торент, лишь бы умер прежде, чем они узнают в нем тройного агента.

— Полагаю, у него в сознании имеется также установка на самоубийство, — предположил отец Рикарт.

Джорем кивнул.

— И довольно сильная. Как видно, его преданность Миклосу очень велика, если уж он по своей воле разрешил сделать с собой такое, чтобы не предать Миклоса даже под самым сильным давлением. По счастью, теперь, когда мы заблокировали его способности, Джесс может слегка... поправить все, что нужно.

— Вот так запросто? — возмутился Ансель. — Чистая, спокойная смерть от собственной руки? Ты хочешь сказать, после того, как он послужил причиной гибели стольких невинных людей, мы дадим ему вот так запросто покончить с собой?

— Ну, он же будет мертв в любом случае, — с легким неодобрением возразил отец Рикарт. — К тому же, самоубийство едва ли можно назвать хорошим выходом, если вспомнить учение Церкви и ее запрет на то, чтобы самому лишать себя жизни.

Епископ Ниеллан сделал какой-то странный жест рукой, не то в подтверждение, не то в отрицание этих слов.

— На самом деле, мы его убережем от этого, Рикарт. Нужно учесть и такой аргумент, что поскольку он не дал добровольного согласия на установки, которые мы заложим в его сознание, то смерть его уже едва ли можно считать подлинным самоубийством. Если угодно, назови это косвенной казнью... Хотя лично я с огромным удовольствием послал бы его нераскаянную душу прямиком в ад, но, будучи священником, не могу позволить себе предаваться мстительности. Тем не менее, моя совесть будет спокойна при той мысли, что, по крайней мере, он хоть отчасти искупит свои грехи перед смертью... Пусть даже мы силой *заставим* его это сделать.

Ансель, не ожидавший подобной горячности от Ниеллана, удивленно воззрился на епископа, тогда как Рикарт, приподняв брови, спросил у Джорема:

— Так сколько у нас будет времени? Как долго, ты думаешь, он сумеет продержаться?

Джорем с усталым, обреченным видом скрестил руки на груди.

— Он должен связаться с Миклосом, когда войска Халдейнов окажутся в двух днях пути от Кулликерна, то есть где-то через неделю. Разумеется, мы будем исходить из предположения, что Миклос не пожелает наладить контакт ранее этого срока по каким-то неведомым нам причинам. Однако стоит помнить, что ментальная связь забирает куда больше энергии, если происходит без предварительной договоренности, и тем более на таком расстоянии. Естественно, чем ближе они будут друг к другу, тем легче им будет устанавливать контакт.

— Таким образом, — впервые за все время подал голос молчавший до сих пор Кверон, — все шансы за то, что Миклос не будет пытаться отыскать Димитрия первые четыре или пять дней. Учитывая, каких огромных затрат энергии это от него бы потребовало, к чему так перенапрягаться, ведь королевские войска пока не представляют для Миклоса никакой угрозы. А если Димитрий погиб, пытаясь выполнить поручение, данное ему Миклосом, то чем хозяин теперь может ему помочь? Полагаю, он будет рассуждать именно таким образом, а тем временем Димитрий может очень здорово помочь *нам*.

Ниеллан неохотно кивнул.

— С этими доводами я согласен. Возможно, вы и правы. И все равно, мне не по душе мысль о том, что придется его отпускать на свободу без всякого присмотра и, в особенности, без ведома короля. Может случиться все, что угодно.

— Увы, мы никак не сможем присматривать за ним, — вздохнул Джорем. — Однако короля постараемся известить. Лучше всего, через Райсиль, хотя у нас нет уверенности, что она успеет передать ему эту информацию. Но попробовать все же стоит.

— Это я беру на себя, — объявил Тиег, поднимаясь.

Джорем кивнул.

— Тогда постарайся побыстрее. Чем дольше мы держим здесь Димитрия, тем сильнее опасность, что кто-нибудь его хватится.

* * *

Утро нового дня выдалось серым и унылым, ибо за ночь дождевые облака сгустились над Ремутом.

Ливень всю ночь хлестал в окна, и стук капель разбудил Райса-Майкла в тот самый миг, когда Катан раздвинул тяжелые занавески, скрывавшие оконную нишу. Солнце пробивалось так слабо, что он поневоле поспешил зарыться в меховые покрывала, наслаждаясь теплом супружеского ложа, как вдруг вспомнил все, что произошло прошлой ночью.

Он тут же рывком сел на постели, и Катан в недоумении обернулся к королю, а Микаэла протестующе что-то забормотала во сне. Инстинктивно, сам толком не осознавая, что делает, он мысленно коснулся ее сознания, хотя и не стал опускать свои защиты. Первой ее реакцией было изумление, но тут же она ответила мужу ласковым ментальным прикосновением, таким легким, словно крылья бабочек затрепетали у него в мозгу, и таким интимным, что оно казалось почти телесным. И тут же она потянулась к мужу, лаская и пытаясь вновь утянуть его под покрывало. Бросив взгляд на Катана, Райс-Майкл широко ухмыльнулся.

— А, это ты, — с деланной небрежностью воскликнул он, откидываясь на подушки. — Не слишком ли рано?

— Из-за дождя на улице кажется темнее, чем на самом деле, — бодро отозвался Катан и подошел ближе, чтобы разложить халат в изножье королевской постели. — Пажи уже нагрели ванну в гардеробной, а я хотел бы напомнить, что другого случая искупаться еще долго не представится, пока мы будем на марше. Впрочем, полагаю, ванна может немного подождать, если ты... еще не вполне к этому готов. Однако осмелюсь напомнить, что вас обоих ждут к мессе примерно через час, и архиепископ Хьюберт будет весьма недоволен опозданием.

С улыбкой он протянул королю кубок утреннего эля, намеренно коснувшись при этом его руки. И этот краткий контакт позволил Райсу-Майклу лишний раз убедиться, что все происшедшее прошлой ночью на самом деле не привиделось ему.

С веселым смехом Райс-Майкл жестом показал Катану, чтобы тот убирался из комнаты, отставил эль и сгреб Микаэлу в объятия, на несколько сладостных мгновений забывшись в благодати супружеского единения. Почти с самых первых дней в их занятиях любовью присутствовала какая-то нотка отчаяния, словно они опасались, что каждый раз может оказаться последним.

А теперь угроза сделалась вполне реальной и осязаемой. Смерть грозила королю со всех сторон. И хотя они старались быть очень бережны друг с другом в это утро, чтобы не повредить беременности Микаэлы, их страсть была столь велика, что когда все было кончено, Микаэла тихо разрыдалась в объятиях мужа.

И все же, не желая, чтобы он запомнил ее именно такой, она нашла в себе силы улыбнуться дрожащими губами, когда он наконец отстранился от нее. Фульк уже вовсю стучал в дверь, и король, накинув принесенный Катаном халат, отправился принимать ванну.

Микаэла сумела удержаться от слез во время утреннего омовения и пока придворные дамы помогали ей одеться. Их суета и бесконечная болтовня раздражали ее нынче еще сильнее, чем обычно, и лишь Лирин, самая младшая из них, сегодня поутру тоже казалась слегка притихшей, видимо, из-за того, что ее муж Ричард также отправлялся с королем на войну. Их сопровождал и супруг леди Эстеллан, но они бы-

ли женаты уже более тридцати лет, и невесть сколько времени не делили брачное ложе.

— Ваше величество очень бледны сегодня, — заметила Эстеллан, поднося то одно, то другое платье к лицу королевы, хотя сделать окончательный выбор цвета в тусклом сером освещении было довольно затруднительно. — Я думала, утренние недомогания у вас уже миновали.

— Со мной все в порядке, Эстеллан, я просто немного устала.

— И уже, должно быть, скучаете по королю. Ну, думайте просто о том, чтобы благополучно родить здоровенького малыша. Король исполнит свой долг и, если на то будет воля Божья, они все здравыми и невредимыми вернутся домой.

Вопреки этому серому утру и бледности Микаэлы, Эстеллан выбрала для нее просторное шелковое платье глубокого розового цвета, отороченное по подолу и рукавам золотой вышивкой, изображающей переплетенных львов, которые словно бы гнались друг за другом. Микаэле этот наряд пришелся по душе, он был одним из ее любимых, и Райсему тоже нравился... Но лишь когда Райсиль вошла, чтобы заняться ее прической, королева почувствовала, что слегка приободрилась и воспрянула духом.

— А, вот ты где, — бросила ей Эстеллан, когда Райсиль подошла ближе с корзиной гребней, заколок, шпилек и присела в вежливом поклоне. — Она что-то неважно выглядит нынче утром, но волосы должны быть уложены в высокую прическу, как положено по этикету. Думаю, если подобрать подходящую накидку, это придаст лицу живости, и не забывай, что ей предстоит надеть державную корону.

— Да, сударыня.

Опустившись в глубоком реверансе перед королевой, Райсиль установила свою корзину на туалетном столике и принялась расчесывать спутавшиеся за ночь длинные каштановые волосы. После того как накануне она проводила Джорема с Тиегом, то вернулась к Микаэле, проверить, как самочувствие короля. Райс-Майкл крепко спал, и даже не шелохнулся, но Микаэла обрадовалась ей, словно родной сестре, и долго сжимала в объятиях, вся дрожа от пережитых волнений.

После этого Райсиль помогла королеве раздеться и лечь, и чарами навела на нее мирный сон без сновидений, после чего вернулась в скромную комнатушку, которую делила с другой горничной. Ей тоже удалось немного поспать... пока Тиег не разбудил ее своим посланием. Нечего и говорить, что после этого сна не осталось ни в одном глазу, и до конца ночи она проворочалась, бездумно глядя в потолок.

— Притворитесь, будто заняты чем-то, пока я заплетаю вам косу, — прошептала Райсиль, разделяя волосы на три толстых пряди с помощью костяного гребня. — Но что бы вы ни делали, не показывайте своей реакции.

Напыщенная леди Эстеллан ненадолго скрылась, отправившись, вероятно, за короной и подходящей накидкой. Лирин с леди Ниевой расправляли плащ в оконной нише, и потому не могли подслушать их разговора, но Райсиль все равно перешла на мысленную речь.

«Случилось кое-что новое... и возможно, это на благо. Если сумеете, постарайтесь непременно сообщить обо всем королю».

Ловкие пальчики горничной умело свернули заплетенную косу на затылке и закрепили шпильками.

В то же самое время она безмолвно поделилась с Микаэлой теми вестями, которые передал ей этой ночью Тиег.

Она не стала сообщать ей всю информацию целиком, опасаясь, что излишние подробности могут лишь напрасно напугать Микаэлу и затруднить ей жизнь, — ведь той еще предстояло освоиться с вновь обретенными талантами. И без того для Микаэлы известие о поимке Димитрия оказалось настоящим шоком, но одновременно в душе ее вспыхнула искорка надежды, и румянец заиграл на бледных щеках.

«А теперь скажите, что я сделала что-то не то с вашими волосами, — безмолвно передала Райсиль в тот миг, когда Эстеллан вернулась с короной и тончайшей розовой вуалью. — *Не нужно, чтобы ваша надзирательница заподозрила неладное, заметив, что пока ее не было, ваше настроение отчего-то улучшилось.»*

Микаэла со вздохом взяла в руки небольшое зеркальце, придирчиво осматривая работу Райсиль.

— Я бы предпочла, чтобы мы хоть часть волос оставили распущенными, — заметила она, приглаживая выбившуюся прядку, которую Райсиль тут же поспешила закрепить шпилькой. — Королю так больше нравится.

— Королевы никогда не появляются простоволосыми на публике, — сурово возразила Эстеллан, протягивая Райсиль накидку. — Вот, прикрой волосы ее величеству, прежде чем мы оденем ей корону. Так она будет выглядеть чуть поприличнее.

— Да, сударыня, — покорно пробормотала Райсиль.

Вуаль была из тончайшего розового шелка, затканного золотой нитью, и на самом деле очень шла

Микаэле, но в тот момент, когда Эстеллан повернулась к дамам у окна, королева, словно девчонка, показала ей язык, демонстрируя редкое для нее раздражение.

«Старая корова!» — всплеснула ее мысль, по счастью уловленная одной лишь Райсиль.

Подавив улыбку, горничная накинула вуаль на волосы Микаэлы, так, чтобы большая часть ее падала на плечи и на спину, затем одела корону, такую же, как у короля, с переплетенными листьями и крестами и крупными рубинами. Когда Райсиль поднесла Микаэле зеркало, чтобы та могла полюбоваться собой, Эстеллан вернулась вместе с леди Ниевой, бережно неся в руках серый шерстяной плащ, отороченный и подбитый кроличьим мехом.

— Боюсь, дождь никак не кончается, ваше величество, — заметила Ниева, когда королева встала со стула и повернулась, чтобы плащ накинули ей на плечи. — Такая жалость, прятать это чудное платье. Но в такой день... Ладно, ничего, вы все равно прекрасно выглядите. Пора нам идти. Не будем заставлять ждать архиепископа.

— Спасибо тебе, Лизель, — произнесла Микаэла негромко, поворачиваясь к дверям, и прекрасно сознавая, что Райсиль поймет: благодарность эта отнюдь не за помощь с прической. Она была бы рада передать свои чувства непосредственно через мысленный контакт, но, не касаясь Райсиль рукой, сделать это была не в состоянии. Возможно, со временем это ей удастся...

По крайней мере, ее умения хватило, чтобы Райсиль могла передать ей известие насчет Димитрия, а теперь ей самой предстояло сообщить обо всем Райсему точно таким же образом, и чтобы никто не за-

подозрил неладного. Впрочем, самое главное — это то, что для ее мужа одной опасностью в пути станет меньше, ибо неизменное присутствие Димитрия поблизости сильно беспокоило их обоих. Так что известие о том, что этот соглядатай обезврежен, принесет Райсему большое облегчение.

Колокола собора как раз начали свой перезвон, когда она вышла в гостиную, соединявшую обе части королевских апартаментов, и наткнулась там на Райса-Майкла. Он был уже собран в дорогу. На нем были простые доспехи из красной кожи, на груди — проклепанный металлом алый панцирь, а алые перчатки были заткнуты за белоснежный пояс, на котором висел меч Халдейнов. На голове у него красовалась державная корона, а на каблуках золотые шпоры. Кольцо Огня он еще раньше доверил Микаэле на хранение, поскольку эта державная регалия отнюдь не подходила для дальнего похода, однако Глаз Цыгана сверкал у него в мочке уха, а на руке был перстень Халдейнов. Он подошел поцеловать жену, а затем, вслед за Катаном и Фульком вместе с ней вышел из гостиной. Оба оруженосца были в сером, и доспехи их очень напоминали королевские, а рукава были украшены гербами Халдейнов.

В сопровождении пажа с факелом они осторожно начали спуск по тускло освещенной лестнице, и придворные дамы Микаэлы последовали за ними еще с одним факелом. Звуки голосов донеслись далеко снизу, из коридора, который должен был вывести их на помост тронного зала. В тот самый миг, когда они оказались на лестничной площадке, малыш Оуэн вырвался из рук снисходительной няни и бросился к родителям. Радостный мальчуган в красном костюмчике, украшенном на груди и на спине золо-

тыми халдейнскими львами с метой старшего сына, — он заверещал от восторга, когда отец подхватил его и усадил себе на плечи.

Вот в таком виде король Райс-Майкл Элистер Халдейн и вступил под своды тронного зала, а затем двинулся в королевскую часовню, одной рукой поддерживая за талию свою королеву, а другой — хохочущего сына. Собравшиеся в зале придворные почтительно кланялись при прохождении королевской четы. Многие дамы всхлипывали, не стыдясь своих слез при виде маленького принца. Те, кто должен был сопровождать короля в походе, устремились за ним следом, дабы присутствовать на мессе, где им будет дано особое благословение.

Лишь ближе к концу богослужения Микаэла улучила возможность передать мужу все новости Райсиль. Оуэн очень быстро стал проявлять признаки нетерпения, как только началась служба, и Лирин забрала его, чтобы передать няне. Хьюберт начал бесконечное чтение Евангелия:

— Жатвы много, а делателей мало; итак молите Господина жатвы, чтобы выслал делателей на жатву Свою... Вот, Я посылаю вас как овец среди волков...

«Закрой глаза и делай вид, будто ничего не происходит», — мысленно передала Микаэла Райсему, сжав его руку под полой плаща. Хьюберт все продолжал что-то вещать, а ей сейчас очень хотелось склонить голову, чтобы скрыться от посторонних взглядов в тени капюшона... Впрочем, очень трудно человеку склонить голову слишком сильно, когда на ней красуется корона.

«Райсиль мне кое-что сообщила нынче утром, — продолжила она, в надежде, что окружающие примут сосредоточенность на ее лице за напряженное вни-

мание к слову Господню. – *Джорем с Тиегом случайно наткнулись на Димитрия, после того как ушли от нас прошлой ночью. Они захватили его в плен и... кое-что сделали с ним. Он прежде служил не только нашим сановникам, – но теперь он будет повиноваться нам. Райсиль говорит, это не очень надолго... Слишком противоречивы полученные им указания и, скорее всего, он сломается, даже прежде чем вы достигнете Истмарка... Но тем временем – не удивляйся ничему, что бы ни происходило...»*

Он сумел не выказать удивления, пока она передавала ему все это, но осмелился бросить на жену изумленный взгляд, прежде чем вновь отвел глаза и сделал вид, будто всецело поглощен службой.

«То есть как это – что бы ни случилось?»

Она еще сильнее стиснула его руку и с трудом сглотнула.

«Он должен был совершить несколько убийств, и он сделает это, только Джорем назначил ему совсем иные цели...»

«А кто выбирал цели изначально?» – спросил Райс-Майкл.

«Миклос Торентский, он действует по воле Марека. Это все, что мне известно».

Он разорвал их контакт. Точнее, продолжал держать Микаэлу за руку, но она чувствовала, что мыслями он удалился от нее в некое сокровенное внутреннее убежище, куда, по крайней мере сейчас, ей не было доступа. Он продолжал тщательно скрывать свои мысли, и вдруг неожиданно, в самом конце богослужения, стиснул ее ладонь, шепотом велел оставаться на месте и, выступив вперед, снял корону и, невзирая на изумление архиепископа Хьюберта, возложил ее на алтарь.

— Ваша милость, готовясь к предстоящему путешествию, я желал бы посвятить наше предприятие вящей славе Божией и освобождению нашего королевства от всех тех, кто покушается на его независимость, — произнес он негромко, искренне надеясь, что Хьюберт не разгадает двойного смысла его слов. — Да будет Кулликерн освобожден, и пусть Господь дарует нам победу.

С этими словами он стал на нижней ступени алтаря и преклонил колена. Он простоял так до самого окончания мессы, склонив голову над молитвенно сложенными руками. На самом деле, разумеется, им владел отнюдь не религиозный экстаз, но сообщение Микаэлы дало ему много пищи для размышлений. К его удивлению, когда подошло время причастия, Хьюберт поднес ему не только гостию, но и чашу. Со стороны архиепископа это означало большую честь и одобрение, однако по неизвестной причине это глубоко встревожило Райса-Майкла, причем тревога его не имела к религии никакого отношения. Просто испив священной крови, он невольно вызвал в сознании воспоминание о другой крови, его собственной, которая текла прошлой ночью, пролитая сперва Джоремом, а потом и его собственной рукой; вспомнил он и кровь друзей, убитых в день переворота шесть лет назад; и обескровленное тело Джавана, которого доставили во дворец, и его королевскую кровь, оросившую землю в том месте, где самому Райсу-Майклу никогда не довелось побывать — у речной заводи к северу от Валорета, где подлые убийцы лишили его жизни; Райс-Майкл видел всю эту кровь на своих руках... Ее было очень много... и он не мог понять, его ли собственная эта кровь, или чужая. В какой-то миг ощущение сдела-

лось столь сильным, что ему даже захотелось вытереть ладонь о плащ. Ему пришлось сцепить руки, чтобы унять их дрожь.

Именно это волнение Хьюберт принял за религиозное рвение, ибо после окончания мессы, подозвав Микаэлу, дабы та преклонила колени рядом с мужем, он дал Райсу-Майклу особое благословение и сам возложил корону ему на голову, а затем оставил супругов на пару мгновений наедине, чтобы они могли попрощаться. Чуть позже, беседуя с Полином, в ожидании, пока король и королева выйдут из часовни в тронный зал, Хьюберт заметил, что ему представляется добрым знаком то, что король по доброй воле возложил свою корону на алтарь Господень.

— Признаться, я не ожидал от него подобного благочестия, — заметил Хьюберт. — Волей-неволей задумаешься, не могло ли вино из Чаши пробудить в нем некие религиозные чувства. Доселе я был уверен, что король относится к этим вопросам совершенно равнодушно. Ну, разумеется, он исполняет все положенные ритуалы, но... Вы понимаете, о чем я.

Полин не сказал ничего определенного, хотя и заверил Хьюберта, что непременно проследит за духовным здравием короля, — настолько, насколько это не помешает намерениям и планам советников.

— Прирученный король — это, разумеется, вещь очень полезная, — заявил Полин. — Однако следует все же опасаться проявлений непокорного духа. Я все же думаю, что мы вполне сможем без него обойтись, едва лишь на свет появится наследник.

— Случилось нечто внушающее вам опасения? — тут же встревожился Хьюберт.

Полин покачал головой.

— Ничего конкретного. Но прошу вас, Хьюберт, берегите юного принца и молитесь, чтобы мать его счастливо разрешилась от бремени и подарила нам еще одного здорового сына. Я не доверяю королю, и попрошу, чтобы Димитрий также присматривал за ним.

Глава девятая

Не радуйся ради меня, неприятельница моя! хотя я упал, но встану; хотя я во мраке, но Господь свет для меня[1]

Для Райса-Майкла даже те немногочисленные приветственные возгласы, которыми встретили его, когда они с Микаэлой появились на ступенях замка, оказались полной неожиданностью. Во дворе было полно народу, — сплошь воины в начищенных доспехах верхом на боевых конях, от тяжелой кавалерии и пикеносцев, до конных лучников и дозорных, — но никакой пехоты, поскольку советники решили, что пехотинцы могут лишь замедлить продвижение войск. По той же самой причине и обоз должен был быть самым скромным: повозки уже ждали их у распахнутых ворот. По мере того, как войско будет двигаться на север, провинции, расположенные по маршруту следования, должны будут поставлять провиант и воинские пополнения.

Приветственные возгласы переросли в единый приглушенный гул, когда король с королевой мед-

---

[1] Михей 7:8

ленно спустились по ступеням. Катан тут же поспешил накинуть королю на плечи плотный шерстяной плащ, — алый, традиционного цвета Халдейнов, скрепленный на плече фибулой со львом. Райс-Майкл с благодарностью запахнулся в него, поскольку в воздухе висел туман, а от тяжелых туч веяло дождем. Пока Микаэла помогала закрепить застежку, поверх ее плеча Райс-Майкл окинул взглядом свой отряд, пытаясь оценить настроение людей.

Командиры уже дожидались его у подножия лестницы. Все сидели в седле и готовы были тронуться в путь. Ни одного из них он не выбирал самолично... Гофмаршала Альберта окружали преданные ему рыцари *Custodes*, а Ран восседал на коне рядом с Фульком Фитц-Артуром, у которого в стремени было закреплено боевое знамя Халдейнов. Младший брат Фулька, Квирик, держал в поводу серого жеребца, на котором надлежало скакать Райсу-Майклу, а другие пажи подводили гнедого, принадлежащего Катану, и норовистого серого жеребца для графа Удаута, коннетабля замка, который сейчас чуть в сторонке о чем-то совещался с графом Таммароном. Вокруг Рана с Альбертом собрались и остальные сановники, которые также намеревались отправиться в эту компанию: брат Хьюберта Манфред отдавал распоряжения капитану пикеносцев в доспехах цветов Кулди; Ричард Мердок, муж леди Лирин, придворной дамы королевы Микаэлы, сопровождал отряд лучников, одетых в цвета Картана. Их было не меньше двух десятков.

Чуть подальше находился Полин с воинами в черном, препоясанные красно-золотым вервием. Это были его *Custodes Fidei*. Райс-Майкл некоторых из них узнал в лицо, однако не заметил Димитрия... Впро-

чем, у него не было времени искать Дерини. За спиной у Полина собралось не менее трех десятков рыцарей *Custodes* в черных одеяниях, подпоясанных красно-белыми кушаками. Впрочем, придворные также были здесь, большинство из них со своими боевыми стягами: лорд Эйнсли, брат Ричарда Кешел и другие, которых Райс-Майкл не знал в лицо. Судя по всему, их было не меньше сотни, не считая слуг и оруженосцев. Не так уж много, чтобы бросить вызов торентскому принцу и бастарду-самозванцу. Однако еще несколько сотен человек должны были присоединиться к ним, когда они минуют Валорет, Кайрори и Шиил, и, кроме того, отдельный отряд уже собирался на севере, в Истмарке.

Воины затихли, когда на ступенях показался архиепископ Орис в парадной епитрахили и митре. Его поддерживал Хьюберт, а другой рукой он опирался на свой посох. Именно он, как архиепископ Ремутский, должен был благословить войска в поход. Таммарон двинулся в сторону Райса-Майкла, чтобы подвести того к Орису, но король уже сам снял с головы корону и передал ее Микаэле. Няня Оуэна подвела мальчика к родителям. Теперь на нем был алый плащ, защищавший от сырости. Райс-Майкл, нагнувшись, поднял сына на руки и поцеловал его. Затем он повернулся к архиепископам и опустился на колени, по-прежнему сжимая ребенка в объятиях. Войско начало взволнованно перешептываться, поскольку все осознали, что король намерен именно таким образом получить благословение Ориса.

В наступившей тишине раздался приглушенный стук — это пикеносцы ударили копьями о землю. Конные лучники отдали честь своим оружием, спрятанным в промасленные кожаные чехлы против сы-

рости. Головы в шлемах склонились, когда Орис вскинул правую руку, и знаменосец слегка нагнул стяг Халдейнов.

— *Benedicat vos omnipotens Deus: Pater, et Filius, et Spiritus Sanctus.*

— Аминь, — отозвался Райс-Майкл, и сотня голосов присоединилась к нему. Он перекрестился, затем начертал знак креста над головой сына и медленно поднялся на ноги. В тишине громом прозвучал приветственный вопль, вырвавшийся из сотни глоток. Копья вновь ударили о землю, и луки взлетели в воздух. Расцеловав сына в обе щеки, Райс-Майкл передал его матери, затем поднес ее руку к губам, последний раз в безмолвном прощании встретившись с ней глазами.

После чего он развернулся и двинулся вниз по ступеням, натягивая перчатки, и вскочил в седло крупного серого жеребца, которого теперь держал в поводу Катан. Он не решился оглянуться на жену и сына, оставшихся за спиной. Квирик протянул королю шлем с открытым забралом, украшенный золотым обручем, и когда Райс-Майкл надел его на голову, то внезапно осознал всю значимость происходящего. Стяг Халдейнов в руке Фулька... Всего лишь раз в жизни он скакал под этим знаменем по праву, как король Гвиннеда, в тот хмурый ужасный день собственной коронации, когда рассудок его был затуманен снадобьями, что давали ему сановники, а сердце жгла неутолимая боль и скорбь по погибшему брату, который должен был править вместо него.

Былая скорбь вновь вернулась и сжала горло. Ему хотелось самому взять в руки стяг, как это часто делал Джаван, но он знал, что подобное проявление независимости дорого обойдется ему, едва лишь они

остановятся на привал, — если только Альберт сможет сдержаться и не отчитать его при всех задолго до этого. И все же стяг, символизировавший независимость Гвиннеда, теперь был как никогда близко, и именно ему надлежало охранять и защищать его. И, возможно, лишь теперь, наконец, Райсу-Майклу представится возможность отвоевать себе свободу, ради которой погиб его брат Джаван.

Конечно, это произойдет не сразу, но очень скоро. По крайней мере, на поле брани король способен отвагой заполучить то, чего не смог добиться робостью и послушанием в заточении, в котором находился эти шесть лет. Конечно, риск был велик, и прежде всего он рисковал навсегда потерять эту женщину в сером плаще, что сейчас держала за руку маленького мальчика в красном одеянии. Тех самых, что провожали его сейчас взглядами со ступеней... Но и победа принесла бы многое. Свободу и для них, и для него самого.

У него за спиной Катан с Удаутом тоже стали садиться в седло, причем Удауту стоило большого труда справиться со своим капризным скакуном, прежде чем он сумел направить его к дворцовым стражникам, которые должны были провожать короля до городских ворот. В душе Райса-Майкла возбуждение боролось с печалью. Он помахал рукой в перчатке всем тем, кто оставался в замке, стремясь в последний раз запечатлеть их образ в памяти. Затем развернул своего жеребца к воротам и, более не оглядываясь, двинулся следом за Раном и Альбертом. Кавалькада двинулась вперед довольно резво, поскольку туман вдруг обернулся противной моросью, и лошадям не терпелось согреться. Чуть впереди Удаут по-прежнему силился совладать со своим норови-

стым скакуном, который даже пару раз попытался встать на дыбы, пока всадник с силой не ударил его по шее, приводя к повиновению. Фульк при этом весело заметил, что если бы конь принадлежал ему, он давно бы приказал перерезать ему глотку или, по крайней мере, отправил на выпас к кобылам, на что Катан возразил, что и это был бы не самый лучший выход, поскольку свой скверный нрав жеребец передал бы и потомству.

Не слишком прислушиваясь к спору, Райс-Майкл ударил в бока своего коня и выехал чуть вперед, благополучно выбросив из головы Удаута с его неприятностями. Несмотря на все тяготы грядущих дней, он уже наслаждался ароматом свободы. Все эти годы он старался выезжать на конные прогулки, но ни разу ему не позволяли удаляться больше, чем на пару лиг от города.

Невзирая на дождь, вдоль улиц собрались толпы людей, приветствовавших своего короля, точно так же, как в свое время они приветствовали Джавана, а еще ранее Алроя.

Райс-Майкл наслаждался свободой по пути к городским воротам и даже начал понемногу успокаиваться, стараясь изгнать все тревожные мысли о том, что могло ожидать их в Истмарке, поскольку до прибытия туда оставалась еще целая неделя пути. Он даже осмелился робко прощупать окружающее пространство своими недавно обретенными магическими чувствами, — просто чтобы попривыкнуть немного к этим новым, незнакомым ощущениям. Это было безопасно, поскольку в такой толпе никто не заметил бы неладного, даже если бы среди горожан и нашелся какой-то Дерини, способный ощутить присутствие чужой магии.

Впоследствии он осознал, что ему следовало бы обо всем догадаться, еще когда он заметил странное сияние, окружавшее жеребца Удаута, но в тот момент он решил, что это просто иллюзия, вызванная, возможно, случайно пробившимся сквозь тучи солнечным лучом, отразившимся в дождевых каплях. Когда начало твориться неладное, то никто не заметил ничего подозрительного в поведении животного. Всем был известен скверный норов этого жеребца, а он капризничал с того самого момента, как конюх вывел его во двор. И вот, внезапно, напугавшись бог весть чего, животное заметалось с диким ржанием и принялось выделывать головокружительные курбеты, то вставая на дыбы, то вскидывая задом. Не ожидавший этого Удаут вылетел из седла, с силой ударившись о стену. Но, судя по всему, взбесившемуся коню было мало избавиться от всадника. Хрипя в убийственной ярости, он принялся топтать его копытами, лягая и кусая не успевших отскочить зевак, покуда один из стражников, у которого отваги было куда больше, чем здравого смысла, не подскочил ближе и, влетев в седло, не вывернул жеребцу голову, ловким ударом перерезав ему горло.

В последний раз всхрапнув, жеребец рухнул наземь. Кровь хлынула из рассеченной шеи, заливая всех, кто оказался рядом, и алые ручейки потекли по камням мостовой. Смельчак-стражник чудом успел отскочить в сторону, чтобы туша лошади не придавила его. От резкого запаха крови взбесилось еще несколько лошадей, которые принялись хрипеть и биться, пока всадники не усмирили их, но к тому времени, когда хоть кто-то смог добраться до лежащего неподвижно Удаута, помочь тому уже ничем было нельзя.

Первыми к коннетаблю подбежали Ран с Катаном, но уже по хмурому выражению королевского оруженосца ясно было, что все их усилия тщетны. Райс-Майкл с трудом успокоил своего перепуганного коня. Стражники, действуя умело и слаженно, принялись оттеснять толпу, чтобы дать дорогу Альберту, который тут же спешился и устремился к Удауту. По пятам за ним бежал Полин и седоволосый лекарь по имени Стеванус.

— Пропустите лекаря! — воскликнул Полин, и Стеванус принялся проталкиваться сквозь толпу всадников, обступивших несчастного коннетабля, а затем рухнул на колени рядом с ним.

Впрочем, Стеванус после быстрого осмотра жертвы мог лишь подтвердить, что смерть пришла к коннетаблю Ремута быстро и почти безболезненно. При падении Удаут сломал себе позвоночник. Одна рука его была изуродована почти до неузнаваемости, нога подогнулась под совершенно ужасающим углом. Голова осталась практически невредима, если не считать тоненького ручейка крови, стекавшего из раскрытого рта. В глазах застыла не столько боль, сколько удивление. Стеванус закрыл глаза мертвецу и перекрестился, всем видом своим изображая скорбь, а затем осторожно распрямил искалеченную ногу и отошел в сторону. Полин обернулся к остальным.

— Никогда не видел, чтобы лошадь вот так взбесилась, — пробормотал он почти испуганно.

— А мне доводилось, — возразил Альберт и, подойдя ближе, небрежно пнул носком сапога исходящий паром труп жеребца. — Впрочем, все же не совсем так.

Нагнувшись, он принялся снимать седло со спины жеребца, знаком велев одному из стражников

придти ему на помощь. Полин, словно спохватившись, присел на корточки рядом с мертвецом и начертал у него на лбу знак распятия. Катан вернулся к Райсу-Майклу и держал под уздцы его коня, поглаживая животное по шее, чтобы его успокоить. И хотя оба делали вид, будто молятся вместе с Полином, но исподтишка наблюдали за тем, как Альберт снимает седло.

— *In nomine Patris, et Filii, et Spiritus Sancti*, — бормотал Полин. — *Requiem aeternam dona ei, Domine, et lux perpetua luceat ei.*

— *Offerentes eam in conspectu Altissimi*, — донеслись разрозненные возгласы отовсюду вокруг, хотя и остальные также с любопытством наблюдали за действиями Альберта.

Гофмаршал тем временем принялся шарить руками по внутренней стороне попоны, затем зачем-то понюхал свои пальцы, а помощник его, снявший узду с лошади, недоуменно покачал головой.

— *Kyrie, eleison*, — затянул Полин.

— *Kyrie, eleison. Christe, eleison*, — донесся ответ.

Наконец Альберт принялся что-то искать на промокшей от пота спине лошади. Однако и он в конце концов, поджав губы, лишь покачал головой. Полин вновь перекрестил лоб Удаута.

— *Tibi, Domine, commendamus animam famuli tuae, Udauti, ut defunctus saeculo tibi vivat.*

Тебе, Господи, вручаем мы душу слуги твоего Удаута, и пусть он, покинув сей бренный мир, вернется к Тебе. Милостью Твоей безграничной любви очисть его от тех грехов, что он совершил, по смертной слабости своей...

— *...Per Christum, Dominum nostrum.*

— Аминь, — прошептали остальные.

Полин перекрестился и велел одному из стражников прикрыть тело плащом, а затем поднялся на ноги. В этот момент в самом конце кавалькады, прервавшей свое движение, возникло какое-то столпотворение, и сквозь толпу протолкался взволнованный Ричард Мердок, который приходился мужем дочери Удаута. Тот сразу признал огромного жеребца, что лежал теперь, раскинув ноги, перед Альбертом, однако не сразу заметив Удаута, торопливо спешился и бросился вперед, с лицом, искаженным тревогой. Альберт внимательно осматривал окровавленные копыта лошади, острием кинжала расчищая забившуюся в них грязь.

— Слишком поздно, Ричард, — сказал ему Ран, ухватив молодого человека за плечо. — Жеребец его сбросил, а затем затоптал копытами. Вот он лежит, — подбородком он указал в сторону укрытого плащом тела. — Ты ничем не сможешь помочь.

На какое-то мгновение Ричард, обмякнув, повис на руке Рана и громко застонал, а затем отпрянул и медленно потряс головой. Склонившись над телом, он отогнул уголок плаща, и Стеванус, заметив это, присел рядом с ним.

— Мне очень жаль, милорд, — произнес Стеванус негромко. — Я думаю, он почти ничего не чувствовал после падения. А если бы он уцелел, то остался бы калекой на всю жизнь.

С трудом сглотнув, Ричард опустил край плаща, затем тупо уставился на Альберта, который стоял рядом, вытирая руки.

— Но как это могло случиться? — спросил он. — И что вы сейчас пытались найти?

Альберт покачал головой и пожал плечами.

— Колючку, или следы какого-то раздражающего снадобья... Не знаю. Но там ничего нет. Все это просто так... получилось.

Он встал рядом с Ричардом, в то время как стражники, потеснее запахнув плащ вокруг тела, подняли его на руки.

Один из клириков *Custodes* подвел запасную лошадь, и мертвеца уложили поперек седла, чтобы отвезти обратно в замок.

— Хм... но все случившееся создает нам одну неприятную проблему, — негромко заметил Альберт Полину, с неохотой, словно ему неприятно было даже говорить об этом. — В Ремуте теперь нет коннетабля.

— Ну, отложить отъезд мы не можем, но и нельзя оставлять гарнизон без начальника, — отозвался Ран.

Он бросил оценивающий взгляд на ошеломленного Ричарда, затем вновь посмотрел на Альберта с Полином, которые оба едва заметно кивнули в знак согласия. Райс-Майкл, догадавшись, к чему они клонят, ощутил внезапный приступ дурноты.

— Что ж, полагаю, мы должны назначить нового коннетабля и двинуться дальше, — невозмутимо продолжил Ран и тронул Ричарда за локоть. Тот рывком обернулся к нему. — Как ты думаешь, ты готов для этой должности, Ричард? Это отнюдь не поспешное предложение, мы уже довольно давно наблюдали за тобой. Собственно говоря, с того самого дня, как погиб твой отец. Нам нужен верный и надежный человек, который удерживал бы ремутский замок в наше отсутствие и охранял королеву и наследника. Кроме того, — добавил он чуть мягче, — твоей жене понадобится помощь, чтобы похоронить отца. Едва ли в этих обстоятельствах мы могли потребовать, чтобы ты продолжил путь с нами, как было изнача-

льно задумано. Если желаешь, я лично возглавлю твоих лучников.

Сглотнув, Ричард неуверенно кивнул.

— Да, я... благодарю вас. Вы оказали мне огромную честь. Я постараюсь оправдать ваше доверие. Но... Боже правый, как же я сообщу об этом Лирин?

Полин сочувственно приобнял Ричарда за плечи.

— Мне очень жаль, Ричард. Если это хоть немного утешит твою дорогую супругу, напомни ей, что отец ее отправился прямиком на небеса. Ведь всего час назад он получил святое причастие.

Кивнув, Ричард в смятении принял поводья своего жеребца и вскочил в седло, а Райс-Майкл подумал, что эта последняя фраза была, должно быть, самой лицемерной из всех, что ему когда-либо доводилось слышать. К тому же никто и не вздумал посоветоваться с ним насчет нового назначения... Впрочем, они никогда не делали этого и в прошлом.

Катан, судя по всему, разделял его досаду, ибо бросил королю многозначительный взгляд, перед тем как сам вскочил в седло. Наблюдая за ним, Райс-Майкл практически не обратил внимания на одного из *Custodes*, который держал в поводу лошадей Полина и мастера Стевануса, но когда оба они подошли взять своих лошадей, Райс-Майкл наконец признал этого человека. Подобно Стевануcу, на нем была черно-красная туника военного лекаря, и во всем остальном этот темноволосый худощавый человек напоминал одного из *Custodes Fidei*, однако король не сомневался, что перед ним именно Димитрий. Он и не ожидал, что Дерини окажется так близко.

А тот, словно ощутив на себе взгляд короля, внезапно полуобернулся в седле и изобразил легкий по-

клон в сторону короля, а затем как ни в чем не бывало, продолжил путь.

Лишь в этот миг Райс-Майкл осознал, что этот несчастный случай произошел отнюдь не сам по себе, но был подстроен Димитрием. Выглядело происшествие совершенно невинно, и он никоим образом не сожалел о гибели Удаута, который так коварно предал его в день дворцового переворота. Однако, то, что Удаута сменил на его посту именно Ричард Мердок, который был не меньшим предателем, чем его тесть...

Но затем он понял внутреннюю логику, скрытую за этим происшествием, и узнал в этом руку Джорема. Разумеется, как коннетабль Ричард был еще хуже Удаута, но то, что он получил эту должность именно сейчас, должно было помешать ему сопровождать войско в Истмарк, а это означало, что у Райса-Майкла на время станет одним врагом меньше.

— Передайте мои соболезнования вашей супруге, — произнес король негромко, когда Ричард, распрощавшись с Альбертом и Раном, проехал мимо него в сопровождении своих оруженосцев, ведущих в поводу лошадь с ее скорбной ношей.

Кавалькада вновь тронулась в путь, и Райс-Майкл поймал себя на мысли, что путешествие их может стать куда более насыщенным событиями, чем он ожидал поначалу.

Глава десятая

Наблюдайте за собою, чтобы нам не потерять того, над чем мы трудились, но чтобы получить полную награду[1]

В первые дни после отъезда короля в Истмарк, Джорем со своими товарищами начал обдумывать, что они могут предпринять, дабы оказать королю поддержку, когда он, наконец, прибудет на место. Из Торента и Форсина Джорем получал достойные доверия сведения, и соглядатаи его утверждали, что Марек в этом году еще не собрал достаточно сил, чтобы всерьез двинуться против Гвиннеда, а Миклос располагает всего тремя сотнями воинов. Так что, судя по всему, взятие Кулликерна было лишь обманным шагом, нацеленным на то, чтобы выманить короля из Ремута, а отнюдь не являлось прелюдией к настоящей войне.

Логические выводы Джорема вполне совпадали с этой информацией. Чем дальше, тем менее вероятной казалась перспектива военного столкновения, однако именно епископ Ниеллан указал на то, что

---

[1] 2-е Иоанна 1:8

Миклос едва ли мог сильнее оскорбить гвиннедцев, чем когда устроил крестины наследника Фестилов на их земле. И то, что он заранее сообщил королю Гвиннеда о своих намерениях, лишь укрепляло их в подозрении, что подлинной целью всей этой затеи было заманить короля на позиции, заранее подготовленные Миклосом, где, скорее всего, он будет лишен поддержки Дерини против любых обманных действий, которые могли бы предпринять его враги.

Чтобы помешать этим планам, а также предоставить в распоряжение короля дополнительные силы, при возможном столкновении с захватчиками, Ансель и Джесс поспешили собрать отряд из четырех десятков бывших рыцарей-михайлинцев и других верных им людей, многие из которых являлись Дерини. И хотя ни один из них не осмеливался заявить в открытую о своей принадлежности к этой расе, большинство прекрасно зарекомендовало себя за последние десять лет на охране северных границ державы, и в Истмарке им всем вполне доверяли. Именно эти люди должны были составлять авангард отряда. Ансель с Джессом незамеченными ехали вместе с ними, взяв с собой Тиега в качестве оруженосца, ибо им необходимо было присутствие Целителя, — и отряд наконец выехал в Лохаллин, чтобы предложить свои услуги Судри Истмаркской, которая сама вела происхождение от Дерини.

Впрочем, одна лишь принадлежность к этой расе не гарантировала теплый прием. Хотя Судри и была Дерини по крови и приходилась дальней родней как Миклосу, так и Мареку, она никогда в открытую не проявляла своих магических способностей, то ли потому что они были весьма невелики, то ли потому что сознательно отказывалась от их использования

из уважения к обычным людям, к которым принадлежал и ее муж. Однако теперь, после его гибели, она наверняка окончательно отреклась от всех родственных связей с торентцами, и Джорем надеялся, что она согласится закрыть глаза на то, что некоторые из людей, явившихся, дабы отомстить за смерть ее супруга, могли, подобно ей самой, оказаться Деринн.

На самом деле, как оказалось, этот вопрос вообще не поднимался, поскольку Ансель с Джессом представили свой отряд одному из капитанов Судри, и тот был настолько рад принять четыре десятка хорошо вооруженных воинов, что не стал задавать им лишних вопросов. Из разговоров у походных костров в тот вечер выяснилось, что после похорон графа Хрорика леди Судри заставила военных помощников ее мужа принести клятву верности себе лично, несмотря даже на то, что отныне графом Истмаркским должен был стать Корбан, супруг ее дочери.

Однако она полагалась не только на солдат, уцелевших поєле неудачного похода в Кулликерн, где сейчас закрепился Миклос. Племянник Хрорика, двадцатилетний герцог Грэхем Клейборнский, устремился к ней на помощь, едва лишь услышал печальные вести, и привел с собой две сотни воинов, которые встали лагерем вокруг замка Лохаллин. Сигер, брат Хрорика, привел еще сотню человек из Марли, и с каждым днем ряды их ширились, по мере того как известия о грядущей войне достигали самых дальних границ Истмарка. Поговаривали, что король ведет с собой еще двести или триста человек и будет здесь через считанные дни, — это известие доставили гонцы, высланные из королевского отряда, и магия здесь была ни при чем.

Тем временем в Ремуте королева Микаэла практически не имела понятия о том, что творится за стенами королевских покоев. Райсиль старательно докладывала ей о действиях, предпринимаемых Джоремом, однако она имела лишь самое слабое представление о военной тактике и стратегии, и потому для нее эти доклады мало что значили. От короля она пока получила единственное краткое послание, которое он сумел отправить по пути на север, но прекрасно понимала, что все его письма будут прочитаны еще до того, как он сможет отослать их в столицу и затем еще раз вскрыты уже здесь, в замке. Именно поэтому король писал лишь о том, как скучает по ней и Оуэну, тревожился о ее здоровье и о ребенке, которого она носила под сердцем.

В повседневной жизни королевы мало что изменилось, если не считать волнений, вызванных в замке смертью Удаута. Как и положено, она надела траур и посетила похороны в базилике святой Хиллари в стенах замка, однако в сердце ее не нашлось места молитвам за упокой души мертвеца. Пусть Господь простит человека, который участвовал в заговоре и убийстве короля Джавана, но она простить его не могла. Правда, ей было жаль горюющую Лирин, ибо она хорошо помнила, как сама не столь давно оплакивала смерть отца, и потому она с готовностью отпустила от себя единственную дочь Удаута, дабы та могла предаться скорби в уединении.

В остальном, придворная рутина мало изменилась, дни проходили без особых происшествий, и каждый из них был похож на предыдущий. Теперь, после отъезда короля, Микаэлу особенно угнетала пустота и бесцельность той жизни, на которую обрекли ее королевские сановники. Лишь под вечер случа-

лись радостные минуты, когда няня приводила к ней перед сном маленького принца Оуэна.

Но эти посещения всегда были очень краткими и никогда не происходили наедине. Няне был отдан строгий приказ всегда держаться поблизости, и обычно здесь же присутствовало еще несколько придворных дам. Королеве даже не дозволялось посещать детскую, и она опасалась высказывать свое недовольство вслух из страха, что ей могут отказать даже в этой небольшой привилегии.

Так, лишенная даже радостей материнства, Микаэла вынуждена была предаваться положенным ей по рангу занятиям вместе с прочими придворными дамами: слушать кого-либо из чтиц, петь, заниматься вышиванием, которое она все больше ненавидела с каждым днем, и делать вид, будто получает наслаждение от глупых сплетен и бесцельной болтовни, которые выдавались за ученые беседы в этом удушающем окружении. Порой, когда погода чуть налаживалась, ей дозволяли на часок выйти в сад, поскольку считалось, что прогулки полезны для будущей матери, но придворные дамы всегда следовали за ней даже здесь.

На мессу она тоже могла появляться лишь в сопровождении, но там женщины хотя бы были вынуждены молчать. Во время богослужения, отрешившись от монотонного бормотания на латыни, Микаэла окружала себя воображаемым островком безмолвия, стараясь выбросить из головы мысль о том, что большинство священников здесь принадлежали к ненавистному ордену *Custodes Fidei*. Микаэла сильно сомневалась, что для спасения ее души полезно вот так отрешаться от мессы, вместо этого изобретая казни одну хуже другой для королевских советников, но

по крайней мере, это давало ей отдохновение от бесконечной глупой болтовни, и лишь здесь она могла от души помолиться за Райсема, за то, чтобы он остался жив и здоров и привел в исполнение все их планы. Порой ей казалось, она начинает понимать, какая сила подтолкнула Джавана в свое время искать убежища в монастыре, когда он замыслил добиться освобождения для Халдейнов.

Единственной отрадой для королевы оставалась Райсиль, и хотя, будучи простой горничной, та не имела возможности неограниченного доступа к Микаэле, но, по крайней мере, появлялась у нее регулярно, каждое утро и вечером. А поскольку королева все чаще заявляла о том, что ей хочется подремать в середине дня, это давало оправдание Райсиль вновь появляться в королевских покоях, чтобы заплести Микаэле волосы, расчесать их после обеда, а затем вновь уложить в прическу к вечеру, особенно если королева должна была присутствовать на ужине с придворными в тронном зале.

Эти моменты Микаэла особенно ценила, поскольку, пока Райсиль расчесывала ей волосы, физический контакт позволял им обмениваться мыслями под самым носом у Эстеллан и остальных придворных дам, считавших для себя большой честью состоять в свите королевы. В те же редкие минуты, когда им удавалось остаться наедине, пока Райсиль готовила королеву ко сну, она успевала хотя бы немного наставить ее в использовании магических способностей.

— Мы должны быть очень, очень осторожны, — заявила ей Райсиль как-то шепотом, в тот момент, когда придворные дамы ненадолго отлучили из комнаты. — Я знаю, что это пьянящее чувство, но по-

мните, что если когда-нибудь наш секрет раскроется, то мы обе погибнем.

Микаэла встряхнула гривой каштановых волос.

— А как ты думаешь, я жила с этой угрозой последние шесть лет? — с горечью воскликнула она. — Конечно, о тебе тогда речь не шла, но мы с Райсемом всегда ходили по лезвию ножа.

Она тяжело вздохнула, и Райсиль сочувственно кивнула в ответ.

— Я знаю, и вы оба проявили большую смелость и терпение. Просто никогда не забывайте, что Дерини тоже уязвимы, и вы никому не сможете помочь, если позволите советникам убить себя.

В этот момент вернулась леди Эстеллан с бокалом прохладного вина, и разговор пришлось прервать, однако суровая правда, заключавшаяся в словах Райсиль, заставила королеву отныне слегка умерить свои восторги и быть осторожнее. Но надежда все-таки по-прежнему теплилась в ее душе.

* * *

У Райса-Майкла, вместе с войсками двигавшегося к Истмарку, в это время были свои тревоги и заботы. Гибель Удаута открыла простор для самых разных догадок и предположений в королевской свите, и разговоры эти не успокоились до сих пор. Хотя даже Альберт не смог обнаружить никакого подвоха, люди продолжали шептаться, что такой несчастный случай в первые же часы дороги мог служить лишь дурным предзнаменованием. Катан отметил, что капелланы не знают покоя, принимая исповеди, благословляя оружие, лошадей и священные медальоны, а Фульк докладывал, что, по крайней мере, первую па-

ру дней у походных костров солдаты не говорили ни о чем другом.

Райс-Майкл и сам чувствовал себя не в своей тарелке. Что касается королевских сановников, то в немногие свободные минуты, что оставались у них по вечерам, когда войско останавливалось на привал, и были закончены все необходимые дела, проведены проверки, отосланы и приняты ежедневные депеши, — король знал, что, по меньшей мере, Ран и Манфред продолжают обсуждать между собой обстоятельства смерти Удаута. Димитрий мелькал вокруг чаще обычного, но ни разу не подходил близко к королю; по счастью для него, сановникам даже не пришло в голову усмотреть вину Дерини в происшедшем. Райс-Майкл продолжал осторожно исследовать свои магические способности, однако до сих пор не произошло ничего такого, что могло бы принудить его использовать их в открытую.

Первые несколько дней миновали без особых происшествий. Отряд двигался на северо-восток по южному берегу Эйриана, устраиваясь на ночлег то под открытым небом, а порой и в монастырях *Custodes Fidei*, где могли, по крайней мере, расположиться король и его сановники, в то время как остальное войско вставало лагерем в окрестных полях. Они продвигались достаточно быстро, и лишь одно происшествие омрачило дорогу, и вновь это оказалось связано с лошадьми. Райс-Майкл обратил на это особое внимание, поскольку несчастный случай вновь имел касательство к одному из его советников.

Это случилось на третий день, когда они выехали на берег Эйриана. Альберт возглавлял колонну вместе с несколькими рыцарями *Custodes*, когда внезапно пчелиный рой напал на седоков, жаля и людей, и жи-

вотных без разбора. И хотя Альберт остался невредим, точно так же, как и его жеребец, однако на них налетел рыцарь, ехавший рядом, и оба животных, поскользнувшись, полетели с откоса в глубокую воду.

Альберт сумел удержаться в седле, и, отплевываясь и ругаясь, направил лошадь к отмели, но его спутник оказался не столь удачлив. Продолжая отмахиваться от налетающих пчел, он попытался восстановить равновесие, но пошатнулся, когда лошадь вновь поскользнулась, и под тяжестью доспехов мгновенно ушел на дно, в тот самый миг, когда Альберт устремился к нему на помощь. К тому времени, когда несчастного сумели вытащить на берег, ему было уже ничем не помочь.

Это происшествие повергло все войско в еще более мрачное расположение духа. Колонна перестроилась, и теперь позади нее одна из лошадей везла поперек седла тело погибшего *Custodes*, которого должны были передать собратьям для похорон в ближайшем аббатстве. Альберт, которому оруженосец мгновенно подал сухой плащ, на вид, как будто, совершенно бы не пострадал.

Дав лошади шпоры, он стремительно направился в голову колонны, подгоняя отстающих и пристально оглядываясь, не покажется ли еще откуда очередной пчелиный рой. И все же происшествие это показалось королю достаточно странным, и он невольно задался вопросом, не мог ли Димитрий и тут приложить свою руку... и лишь по ошибке поразил не того человека. Этот несчастный случай мало чем напоминал гибель Удаута и выглядел совершенно невинно, и если бы утонул именно Альберт, кто мог бы заподозрить неладное?.. Однако последнее, что

пришло бы в голову Райсу-Майклу, это спрашивать о чем-либо самого Димитрия.

Чуть позже, в тот же день, они миновали Валорет и задержались лишь ненадолго, чтобы отрядить двух человек в Рамос, куда должны были доставить утопленника для похорон, и дождаться обещанных Хьюбертом войск из местного гарнизона *Custodes Fidei*. К ним присоединились восемьдесят рыцарей и оруженосцев *Custodes* под командованием лорда Джошуа Делакруа, одного из близких приятелей Хьюберта. В эту ночь они расположились лагерем под открытым небом, совсем недалеко от владений Рана в Шиале, откуда вечером к ним прибыли еще двадцать рыцарей вместе с кастелланом сэром Дрого де Палансом, который привез несколько телег, груженных жареным мясом, сыром, свежим хлебом и вином, чтобы порадовать своего господина, короля и их приближенных.

Так что в эту ночь в лагере воцарилось радостное настроение, по крайней мере, среди офицеров, которых пригласили отужинать в походном шатре Рана, но Райс-Майкл постарался пить как можно меньше, и вскоре удалился, дабы написать очередное письмо Микаэле.

Разумеется, он не мог доверить бумаге свои подозрения относительно происшествия с Альбертом, и уж тем более касательно гибели Удаута, и изложил все происшествие очень сухо и коротко, даже заставив себя восхититься удачливостью гофмаршала, — что не должно было вызвать особых подозрений у тех, кто станет читать его корреспонденцию, прежде чем вручить письмо Микаэле. Возможно, Райсиль сумеет увидеть истину между строк и сделает все необходимые выводы.

Растущее с каждым днем королевское войско поутру свернуло чуть восточнее, чтобы к ним могли присоединиться полсотни копьеносцев Манфреда в назначенном месте у Эбора, а затем они углубились на равнину Иомейра, где вновь разбили лагерь под открытым небом. Солдатами Манфреда командовал его сын Айвер, граф Кирнийский, получивший этот титул благодаря выгодной женитьбе. Айвер Мак-Иннис, молодой человек слегка за тридцать, был правой рукой отца на севере, и проводил свое время то в Кирни, которое получил в приданое от жены, то на отцовских землях в Кулди, поскольку именно Айвер со смертью отца должен был унаследовать все эти владения. Его присутствие в походе лишь усилило отчаяние Райса-Майкла, который начал опасаться, что с такими сильными противниками он никогда не сможет обрести свободу.

В предпоследний день пути они со всей скоростью устремились на северо-восток по просторам Иомейра. К вечеру, когда они встали на привал у аббатства святого Кассиана, также принадлежавшего *Custodes*, их было уже свыше двухсот человек. Король и его сановники должны были переночевать в странноприимном доме аббатства, где их уже ожидали гонцы от леди Судри с новыми картами местности и последними донесениями. Графиня утверждала, что на равнине перед Колдорским ущельем их будет ждать союзное войско в четыре сотни человек.

После того, как советники ознакомились с полученными посланиями, писцы тут же принялись за работу над ответными письмами, а король и его помощники отправились насладиться ужином в трапезной аббатства, где к ним присоединился сам настоятель и его доверенные лица. Они все поприсут-

ствовали на вечерней мессе в благодарность за оказанное гостеприимство, после чего Райс-Майкл получил возможность наконец удалиться в комнату, отведенную ему и его оруженосцам в дальнем конце странноприимного дома.

Комната отличалась простотой обстановки. Помимо обычной узкой койки сюда добавили два тюфяка для оруженосцев и таз с водой, глиняный кувшин, а также грубые серые полотенца из домоткаиого полотна. Кроме того, если бы король пожелал написать какое-нибудь послание, ему предоставили в распоряжение круглый столик и три шатких табурета, которые установили у единственного узкого окна, рядом с которым горели несколько факелов. Кроме того, комнату освещали железные лампы, висевшие на крюках, вбитых в противоположные стены. В комнате слабо пахло какими-то травами, а каменный пол был посыпан свежим сеном.

— Ну, ничего, приходилось ночевать в местах и похуже, — добродушно заметил Фульк, скидывая седельные сумки на один из тюфяков.

— Да, но зато бывало, что кормили получше, — возразил Катан. — Честно говоря, аббат мог бы найти себе более толкового повара.

— Все равно приятнее, чем походная еда у костра, — заметил на это Райс-Майкл.

Было слишком рано, чтобы ложиться спать, поэтому король послал Катана за бутылкой вина, а они с Фульком разложили на столе те карты местности, что он забрал с собой после совета, который состоялся до ужина, чтобы еще раз ознакомиться с областями, лежащими вокруг Колдорского ущелья и крепости Кулликерн. Неожиданно послышался стук в дверь, и Фульк поднялся, чтобы открыть, уверенный,

что это вернулся Катан... и в изумлении отступил на шаг, завидев на пороге Альберта, вслед за которым вошел и второй человек с факелом в руке.

— Сир, это лорд Альберт, — объявил Фульк напряженным голосом.

Райс-Майкл, обернувшись, медленно поднялся на ноги.

— Милорд, — пробормотал король, внезапно похолодев, ибо в спутнике Альберта он признал Димитрия.

Альберт коротко, почти грубо кивнул королю, сцепив руки за спиной.

— Ваше величество, я хотел осведомиться, имеются ли у вас какие-то вопросы по тем картам, которые вы взяли с собой. Судя по некоторым вашим комментариям за ужином, мне показалось, вы не одобряете наши планы.

Слова эти были чистейшей ложью, Райс-Майкл понял это сразу, без всяких чар истины, хотя он в любом случае не осмелился бы применить их при Димитрии, даже учитывая, что Дерини вроде бы должен теперь работать на них. Изобразив на лице крайнюю степень изумления, он указал на один из стульев, и сам также присел к столу.

— Даже вообразить не могу, что заставило вас так подумать, — заметил он небрежным тоном. — Но прошу вас, садитесь. Возможно, вы согласитесь еще раз обсудить со мной вашу стратегию и задать мне какие-то вопросы, чтобы убедиться, что я все понимаю верно. Увы, я первый готов признать, что все мои познания в военном деле ограничиваются лишь теорией. Прошу вас, садитесь же, милорд.

— Я лучше постою, спасибо, — ледяным тоном отозвался Альберт. — И не вздумайте мне указывать.

Неужто вы полагаете, я не замечаю, как вы послушно произносите все те глупости, которых ждут от вас, в то время как втайне рассчитываете нарушить устоявшийся порядок вещей. Вы имеете какое-то отношение к гибели Удаута?

Этот неожиданный вопрос оглушил его. Медленно, сцепив руки на коленях, Райс-Майкл откинулся на спинку стула и изумленно покачал головой. Он еще не слишком хорошо владел магическими способностями, чтобы узнать, использует ли Димитрий чары истины, но никакого иного объяснения его присутствию здесь быть не могло.

Однако на этот вопрос он мог ответить, не солгав... Но ведь потом будут и другие вопросы. Райсиль утверждала, будто Димитрий «обезврежен», но что это означало на самом деле? Насколько ему можно доверять?

— Разумеется, я ни малейшего отношения не имею к гибели Удаута. Почему вы спрашиваете меня об этом?

— Потому что о силах Халдейнов ходят самые странные слухи, — отозвался Альберт вполголоса. — Ваш отец покровительствовал Дерини и, говорят, порой мог использовать их магию, по крайней мере, в самые первые дни своего правления. Вашего брата Алроя эта скверна не затронула, но Джаван... Ну, доказать мы так ничего и не смогли, но я всегда питал на его счет особые подозрения. Мне хотелось бы верить, что мы вовремя успели вмешаться и не дали вам подхватить эту заразу. Однако в свете последних событий я начал кое о чем задумываться.

— Каких еще последних событий? — смело переспросил Райс-Майкл. — Несчастный случай с Удаутом? Или с вами? Уверяю, я не имею к ним никако-

го отношения. Да и как бы мне это удалось? Спросите у *него*, если не верите *мне*.

И он ткнул рукой в сторону невозмутимого Димитрия, прекрасно осознавая, как сильно рискует, если Димитрий, на самом деле, *не был* обезврежен. Темные глаза Дерини блеснули в свете факела и словно вспыхнули каким-то внутренним огнем. Райс-Майкл затаил дыхание, когда Альберт устремил взгляд на Димитрия, который лишь пожал плечами и покачал головой в ответ... Однако сделал ли он это потому что так ему подсказали чары истины или потому что был теперь союзником короля, Райс-Майкл не знал.

— Он говорит правду, милорд, — произнес Димитрий вполголоса.

Альберт уставился на него в задумчивости, затем снова покосился на короля, взял факел из рук Димитрия и повернулся к двери, где топтался встревоженный Фульк.

— Фульк, запри дверь, а потом иди сюда и помоги мастеру Димитрию. Мне следовало сделать это очень давно.

— Милорд, но сэр Катан должен вернуться с минуты на минуту, — пробормотал Фульк, не двинувшись с места. — Если вы собираетесь сделать то, о чем я подумал, и хотите сохранить это в тайне, то лучше подождите его возвращения, иначе он может поднять тревогу.

Доводы Фулька звучали вполне логично и никак не опровергали его верность сановникам, но, кроме того, он стремился выиграть время для короля. Было совершенно очевидно, что Альберт не получил согласия остальных советников на свои деяния, ибо намеревался заставить Димитрия проникнуть в сознание

Райса-Майкла; но точно также и сам Райс-Майкл не осмеливался поднять тревогу, ибо не желал *слишком* сильно протестовать против чтения мыслей, иначе сановники и впрямь могли заподозрить, будто он от них что-то скрывает и опасается прикосновения Дерини.

— Тогда ступай, поищи сэра Катана и приведи его сюда, — велел Альберт, воткнув факел в пустующую петлю на стене. — И ни слова никому о том, что здесь происходит.

Кивнув, Фульк развернулся, чтобы уйти, но в этот самый момент в дверях показался Катан с пыльной бутылкой вина в одной руке и с несколькими деревянными чашами в другой. Его задорный свист мигом оборвался, как только Фульк втащил его в комнату, и он увидел незваных гостей.

— Сэр Катан, оставайтесь у дверей и проследите, чтобы нас не беспокоили, — велел Альберт, в то время как Фульк забрал у того бутылку, чашки и поставил их на пол. — Заприте дверь. Фульк, поди сюда и помоги мастеру Димитрию.

— Я не потерплю, чтобы меня держали силой, — выпалил Райс-Майкл, вскакивая на ноги.

Альберт рывком развернулся к нему и ткнул в короля пальцем.

— Сядьте.

Райс-Майкл опустился на стул.

— Вы будете делать то, что вам велено. А придется ли вас удерживать силой, будет зависеть лишь от вас.

С трудом сглотнув, Райс-Майкл заставил себя вздохнуть поглубже, пытаясь унять дрожь. В своей гордыне и слепом страхе он едва не осмелился в открытую бросить вызов Альберту, чего тот никогда бы не потерпел. Катан, напряженный и испуганный,

застыл у двери, готовый в любой момент ринуться к нему на подмогу, но Райс-Майкл взглядом остановил его. Он позволит Димитрию коснуться себя. Окажется ли Дерини предателем, вскоре станет ясно. Оставалось лишь молиться, что Райсиль сказала ему правду.

— Я не говорил, что стану сопротивляться, — пробормотал он, старательно опуская глаза, и сжал руки на коленях.

Фульк встал за спинкой его стула.

— Я совсем не хотел спорить с вами.

— Очень рад это слышать, — отрезал Альберт, поднимая брови. — Могу ли я заключить из этого, что вы готовы дозволить мастеру Димитрию раз и навсегда решить вопрос вашей невиновности?

— Все мои возражения, судя по всему, не имеют никакого веса, — промолвил Райс-Майкл негромко. — Мне лично кажется, что вы поступаете весьма опрометчиво, но я сделаю то, что от меня требуется, как делал всегда в прошлом. Я знаю свое место и сознаю, насколько я уязвим. И пусть мне не по душе многое из того, что приходится делать, но это не означает, что я готов вести себя по-детски и бросить вам вызов.

В уголках жесткого рта гофмаршала мелькнула злая усмешка, и он небрежно кивнул Фульку, стоявшему наготове у короля за спиной.

— Изящно сказано... государь, — промолвил он не без сарказма. — Сэр Фульк, полагаю, ваши услуги нам не понадобятся. Мастер Димитрий, я желаю узнать наверняка, владеет ли наш юный король той же силой, что и вы. Вам известны слухи касательно Халдейнов. Я хочу либо подтвердить их, либо опровергнуть.

Райс-Майкл с глубоким вздохом закрыл глаза.

— Альберт, умоляю вас не делать этого, — пробормотал он, стараясь не встречаться взглядом с Дерини, когда тот направился прямо к нему. — Вы же знаете, почему ему не дозволяли прикасаться ко мне все эти годы. А что, если он затевает какое-то предательство? Знает ли Ран, что вы замыслили?

— Пусть это вас не тревожит, — возразил Альберт и коротким кивком подал Димитрию знак.

Отвесив королю поклон, Димитрий небрежно присел на край стола рядом с Райсом-Майклом, размял пальцы, а затем поднес руки к лицу короля.

— Будет проще для нас обоих, сир, если вы не станете сопротивляться, — прошептал Димитрий, и ладони его накрыли глаза Райса-Майкла.

Глава одиннадцатая

Держись подальше от того, кто может убивать... дабы не отнял он жизнь твою[1]

Будет проще для нас обоих, сир, если вы не станете сопротивляться, — прошептал Димитрий.

В тот же миг руки его закрыли королю глаза, и пальцы прижались к вискам, и в сознании Райса-Майкла прозвучал его мысленный голос:

«Сделай вид, что реагируешь как обычный человек, Халдейн, или я не смогу тебе помочь. Притворись, будто лишился чувств. Можешь использовать против меня чары истины, чтобы убедиться в моей правдивости. Мне было велено защищать тебя, чего бы это ни стоило...»

Теперь Райс-Майкл знал, что так оно и было на самом деле, поэтому постарался действовать по возможности правдоподобно. Глаза его закрылись, руки и ноги пару раз дернулись, а затем безвольно обвисли, и он даже склонился вперед, упираясь лбом Димитрию в грудь, — к тому же так проще было скрыть лицо от Альберта. Он почувствовал руки Дерини у себя на затылке, и ментальная связь их поне-

---

[1] Мудрость Иисусова 9:13

многу окрепла и усилилась. Теперь он даже смог отозваться:

«Каким образом ты поможешь мне?»

«Сейчас решим. Альберт уже долгое время питает подозрения, но почему-то решился развеять их лишь сейчас. Я выясню всю правду, прежде чем он выйдет из этой комнаты. У нас нет времени производить серьезные изменения в его сознании, но если все подозрения зиждятся лишь на каких-то отдельных моментах, я смогу сделать все необходимое, и на время сохранить ему жизнь. Мне был дан приказ убить его, но нужно сделать так, чтобы эта смерть не навела подозрения на тебя.»

С этими словами Димитрий усадил Райс-Майкла прямо, по-прежнему придерживая его за плечо так, чтобы пальцы касались затылка короля.

«Делай вид, будто понемногу приходишь в себя, – передал он мысленно. – *И пусть создастся такое впечатление, будто я по-прежнему держу тебя под контролем».*

– Ну что, – спросил Альберт, подходя поближе, и король шевельнулся с негромким стоном.

Димитрий обернулся к гофмаршалу.

– Не знаю, что вы рассчитывали обнаружить, милорд, но он просто... Халдейн. Покорность дается ему нелегко, но, полагаю, вы и не ожидали ничего иного.

– Это все мне известно, – пробормотал Альберт. – А что насчет Удаута?

– Он был так же удивлен этим происшествием, как и вы, милорд.

– Так. А как же насчет пчел?

– Неужто вы и впрямь думаете, что он властен над пчелами?

— Но ведь Халдейны способны... Владеет ли он чарами истины?

— Разве может человек владеть этими чарами, милорд? — переспросил Димитрий, не скрывая насмешки.

— Не смей мне дерзить, Дерини, — рявкнул Альберт. — Его отец знал, как это делать, равно как и Джаван. А он-то точно был человеком. Господи Иисусе, ведь именно ты в свое время подтвердил, что кто-то копался в сознании Хьюберта и что Джаван, скорее всего...

Без малейшего предупреждения Димитрий схватил Альберта за запястье и дернул, лишая того равновесия, одновременно овладевая его сознанием. Райс-Майкл поддержал гофмаршала за другую руку, и тот медленно опустился на колени. Фульк, встревоженный, дернулся вперед, толком не понимая, что происходит, но Катан уже устремился к нему, оттащил подальше от короля и мгновенно взял его разум под контроль.

Альберт тем временем повалился набок. Димитрий по-прежнему удерживал с ним контакт. Король присел на корточки рядом с Дерини, который уже вторгся в глубины сознания Альберта в поисках искомых фактов.

— Именно этого я и опасался, — пробормотал Дерини, когда наконец смог заговорить.

Райсу-Майклу, когда он поймал взгляд Димитрия, показалось, будто глаза его светятся изнутри.

— Он преисполнен подозрений, и это коренится слишком глубоко. Я все равно должен был убить его, но надеялся получше прикрыть следы. И все же, я проделаю все таким образом, чтобы вас никто не заподозрил.

— Постой, — прошептал Райс-Майкл. — Что ты намерен предпринять?

— Просто остановлю его сердце. Это будет куда более легкая смерть, чем та, которая настигла большинство его жертв, куда более милосердная, чем смерть вашего брата.

Похолодев, Райс-Майкл ухватил Димитрия на рукав.

— Так это он убил Джавана?

— Это было сделано по его приказу. Он видел его гибель. Взгляните сами, если хотите, но побыстрее.

От такого приглашения Райс-Майкл не мог отказаться. Весь дрожа, он опустил ладонь на лоб гофмаршала, и Димитрий помог ему добраться до искомых воспоминаний, раскрывшихся перед их совместным напором. Небольшое усилие, и он словно увидел все глазами Альберта, вместе с ним пережил последние мгновения той кровавой сечи на речном берегу, когда король пал жертвой хорошо спланированного предательства, задуманного его же собственными советниками.

Альберт, восседавший верхом на огромном черном боевом коне, обозревал поле брани. Лучники посылали одну стрелу за другой. Стяг Халдейнов покачнулся и выпал из омертвевших рук отважного Гискарда де Курси. И хотя сам Джаван пока не был ранен, лошадь под ним рухнула, обливаясь кровью из полудюжины ран.

Король чудом ухитрился вовремя выскочить из седла. Он отчаянно размахивал мечом Халдейнов, однако пешим сражаться ему было тяжелее из-за увечной ноги. Сэр Карлан, его верный оруженосец, устремился на помощь королю и хотел подхватить его к себе в седло, но рыцари Custodes, по приказу

Альберта, убили и эту лошадь. Тогда король с оруженосцем принялись сражаться бок о бок, и Карлан прикрывал спину своему господину, тогда как Джаван сплетал вокруг них обоих смертоносные узоры из стали, и никто не мог пробиться через эту защиту... пока каленые стрелы не нашли свою цель.

— Взять его! — завопил Альберт, вскидывая окровавленный меч и стараясь пробиться ближе.

Лучники сделали новый залп, и на сей раз король упал. Ранение в грудь, вероятно, оказалось бы смертельным, даже если бы в порезах, нанесенных раньше, не оказалось достаточно мераши, чтобы убить его в считанные мгновения. Сэр Карлан подхватил его у самой земли. Он тоже был ранен, а Альберт все подгонял лошадь ближе к ним, и рыцари Custodes расчищали ему путь.

Вскоре все было кончено. Меч его был весь липким от крови верных воинов Халдейна. Альберт спешился и, охваченный боевым восторгом, устремился вперед, перешагивая через мертвецов и раненых. Карлан, истекая кровью, прижимал к груди голову короля и заливался слезами. Альберту показалось, они оба даже не сознают его присутствия и не слышат шума битвы вокруг.

Ждать дальше не имело никакого смысла. Под безжалостным взглядом Альберта один из его людей приблизился к Карлану со спины, занеся меч над головой, чтобы прикончить молодого рыцаря. Альберт кивнул. Клинок опустился, пронзая Карлану грудь. Кровь хлынула у него изо рта, и с предсмертным хрипом он рухнул на короля, все еще силясь даже в смерти защитить своего господина. Но к тому времени, когда они оттащили тело Карлана в сторону, Джаван тоже был мертв...

«Если желаешь сам отнять у него жизнь, сделай это, — донесся до него мысленный голос Димитрия. — *Ты король, он убил твоего брата. Ты имеешь на это право.»*

«Покажи мне, как это сделать.»

«Тогда лучше я сам, нет времени. Смотри и учись... Вот так.».

И прежде чем Райс-Майкл успел бы возразить, Димитрий уже сплел в сознании своем необходимые чары, не скрывая ничего из происходящего от Райса-Майкла, который все равно был не в силах ему помешать.

Сила Дерини была так велика, что он невольно отшатнулся, когда тот поднес правую руку к груди Альберта. Райс-Майкл чувствовал энергию, исходящую из его ладони, изливавшуюся из кончиков пальцев, и когда смертоносная рука приблизилась, он почти мог видеть ее призрачную огненную тень, которая устремилась вниз, отделившись от плоти, проникла в грудь гофмаршала и сжала огненные пальцы на пульсирующем сердце. Даже находясь без сознания, Альберт еще пытался сопротивляться. Худое лицо его исказилось от боли, тело выгнулось в агонии, ноги и руки судорожно забились. Казалось, он умирал очень долго, хотя, когда Райс-Майкл наконец пришел в себя, силясь подавить нервную дрожь, то осознал, что все это — и убийство, и чтение мыслей, предшествовавшее ему, не заняло больше минуты.

— Теперь последнее, — заявил Димитрий, бросив взгляд на Катана, который тут же подвел Фулька поближе.

Он коснулся руки Фулька, на мгновение закрыл глаза, а затем вновь устремил взгляд на неподвижное тело, распростертое на полу.

— Сэр Фульк, вам лучше позвать сюда лекаря, — произнес он негромко, ослабив ворот одеяния Альберта и выполняя все прочие действия, которых следовало бы ожидать от врача. — У него только что был удар. По-моему, что-то с сердцем.

Фульк покорно устремился прочь, и Катан проводил его до двери, а Райс-Майкл взглянул в лицо Дерини.

— Я знаю, что у тебя не было выбора, и все же хотел бы высказать свою благодарность, — произнес он негромко.

Димитрий пожал плечами.

— Я верно служу своему принцу, в то время как вы старались удержать престол Халдейнов. Я вполне понимаю, что двигало вами, и надеюсь, вы не поставите мне в вину мою преданность. Я думал, что хорошо сознаю опасность своего положения. По-прежнему не могу понять, как вашим друзьям удалось захватить меня и принудить служить вам, однако можете не сомневаться, что я вас не предам, ибо это мне не по силам. Я скорее умру, чем сделаю что-то вам во вред.

Шум шагов в коридоре не позволил им продолжить разговор, и Дерини торопливо коснулся руки Райса-Майкла.

«Встань! Никто не должен видеть, что ты стоишь здесь на коленях. Помни, все считают, что ты боишься Дерини. Когда будут спрашивать, отвечай туманно, но старайся говорить правду, — что Альберт привел меня сюда, дабы использовать чары истины и расспросить тебя о смерти Удаута. Что он также велел мне прочесть твои мысли, и ты возражал против этого. Ты ничего больше не помнишь, и знаешь лишь, что прошло немного времени. Что касается смерти Альберта, ты видел лишь, что с

ним случился сердечный приступ, а я пытался ему помочь. Если они станут настаивать, можешь предположить, что это я повинен в его смерти. Ну же, ступай.»

Все эти указания были переданы во мгновение ока. Шаги еще не достигли двери, а Райс-Майкл уже вскочил на ноги и постарался отбежать подальше, распластавшись вдоль стены, дабы сделаться незаметным. Он все силился напомнить себе, что Димитрий ему враг и поступает так лишь потому, что ему не оставили другого выбора. И все равно это не меняло того факта, что Дерини готов пожертвовать собой, лишь бы отвести подозрения от Райса-Майкла.

Первым в комнате объявился Ран. За ним вбежали Полин и мастер Стеванус, однако военный лекарь уже ничем не мог помочь Альберту. Манфред привел с собой также местного лекаря из аббатства, и в комнату враз набилось слишком много народу. Полин заявил, что слишком потрясен и не находит в себе сил, дабы дать собрату последнее причастие, и потому пришлось позвать на помощь других священников Custodes.

— Но как все это случилось? — пробормотал Полин, выбравшись вместе с Раном в коридор, где уже застыли в неподвижности король, его оруженосцы и Манфред. — И вообще, что он здесь делал, сир?

Изображая растерянность и смущение, Райс-Майкл неуверенно указал на карты, разложенные на столе, прекрасно сознавая, что с каждым сказанным словом приближает смерть Димитрия.

— Он... сказал, что хотел бы убедиться, правильно ли я понимаю нашу стратегию при Кулликерне, — промолвил он. — Полагаю, он заметил, как я забирал с собой карты после ужина.

— И что, потом он просто вот так взял... и рухнул на пол? — изумленно спросил Полин.

Райс-Майкл растерянно развел руками в надежде, что собеседники истолкуют эту реакцию как знак того, что в происходящем было что-то неладно.

— Я... не могу точно припомнить, — пробормотал он. — Мы разговаривали, и вдруг он... оказался на полу, и начались конвульсии. Он схватился за грудь и... стал хватить ртом воздух. Димитрий пытался помочь, но...

— Но как здесь оказался Димитрий? — мгновенно спохватился Ран.

Райс-Майкл шумно вздохнул, прекрасно осознавая, насколько сам он уязвим в этот момент.

— Он... лорд Альберт хотел, чтобы он использовал против меня чары истины.

— С какой стати?

— Это по поводу смерти Удаута.

Манфред, хмыкнув, оглядел комнату, где священник по имени Асцеллин, склонившись над телом Альберта, чертил у того на лбу крест освященным елеем.

— Ну, никак не хотел успокоиться, — промолвил он с досадой. — Не желал признать, что это был всего лишь несчастный случай.

— Так значит, он велел Димитрию использовать чары истины? — переспросил Полин.

Райс-Майкл кивнул.

— А что еще делал Димитрий по его указке? — Полин внезапно уставился на Райса-Майкла с подозрением. — Боже правый, он ведь давно настаивал, чтобы Димитрий прочел ваши мысли. Он сделал это?

Вновь сглотнув, Райс-Майкл отвернулся, сознавая, что если скажет правду, — а лишь это могло отвести

подозрения от него самого, — то окончательно подпишет Димитрию смертный приговор.

— По-моему... да... — прошептал он.

— Что значит, по-вашему? — воскликнул Ран. — Он прикасался к вам?

— Я... не... я не знаю...

— Да, милорд, — внезапно встрял Фульк. — Только на пару секунд, но он точно к нему прикасался.

Райс-Майкл на мгновение зажмурился и покачнулся. Он надеялся, что прямого обвинения удастся избежать, но Фульк принял это решение за него... Возможно, по собственному приказу Димитрия. Дерини ведь некоторое время контролировал сознание Фулька, прежде чем послал его за помощью и, вероятно, вложил в его разум все необходимые команды, — ибо сам он был обязан защищать короля любой ценой.

— Господи Иисусе, Альберт, как же ты мог быть настолько глуп? — пробормотал Полин, в изумлении взирая на неподвижное тело брата. — Накануне столкновения с Торентом ты позволил... Нет, ты сам потребовал, чтобы торентский Дерини проник в сознание короля, а мы даже не можем быть уверены, что он не сделал чего-то еще...

— О чем это вы? — прошептал Райс-Майкл. — Он ничего больше не делал. Это ведь всего пару секунд. Я бы знал...

— Да вы даже не были уверены, прикасался ли он к вам, — ледяным тоном отрезал Ран, стараясь говорить как можно тише. — Будем надеяться, никакого серьезного вреда за столь короткое время он причинить не успел, однако мы должны в этом убедиться, прежде чем он поймет, что мы его в чем-то подозреваем. Я даже допускаю, что именно он повинен в

смерти Альберта. Полин, переговорите с мастером Стеванусом, хорошо?

И с этими словами он незаметно сделал жест правой рукой, показывая два пальца.

По спине у Райса-Майкла пробежал холодок, поскольку он понял, что Ран намекает на деринийскую колючку, сдобренную дозой мераши. И хотя предназначалось это Димитрию, а не ему самому, одна лишь мысль о том, чтобы предать Дерини в руки беспощадных сановников, вызвала у него волну дурноты.

В это время в комнате Димитрий невозмутимо беседовал о чем-то со Стеванусом и монастырским лекарем, тогда как отец Асцеллин читал молитвы над телом Альберта.

Полин ненадолго опустился на колени рядом с ним и также прочитал молитву за упокой души своего брата, а Ран, остановившись в дверях, поманил к себе Димитрия.

— Мастер Димитрий, не могли бы вы подойти сюда.

Кивнув Стеванусу, Димитрий присоединился к Рану, Манфреду и королю, отвесив им почтительный поклон.

— Милорды, государь...

— Скажите-ка, мастер Димитрий, почему лорд Альберт попросил вас сегодня пойти с ним, — спросил его Ран.

Дерини устремил взгляд на Манфреда, затем на Райса-Майкла. На лице его не отразилось никаких чувств, но король был уверен, что тот решил разыграть свою смертельную партию до конца.

— Могу ли я говорить открыто при лорде Манфреде, милорд? — спросил Димитрий негромко.

— В противном случае я ни о чем не стал бы спрашивать вас в его присутствии, — отрезал Ран. — Итак, зачем лорд Альберт привел вас сюда?

— Он хотел, чтобы я присутствовал, когда он станет расспрашивать короля о смерти лорда Удаута.

— Чтобы проверить его ответы с помощью чар истины? — спросил Ран.

— Да, милорд.

— Но зачем ему это понадобилось, — вмешался Манфред. — Неужели у лорда Альберта были какие-то причины подозревать, что королю что-то известно о гибели Удаута?

— По-моему, нет, милорд.

— Очень хорошо, — бросил Ран. — И вы использовали чары истины на короле?

— Да.

— С каким результатом?

— Ну, разумеется, король говорил чистую правду. Да и как могло быть иначе? Смерть лорда Удаута была всего лишь несчастным случаем.

— В самом деле? — переспросил Ран.

Димитрий даже не моргнул.

— Я же сказал, что король не имеет к этому никакого отношения, милорд. Почему вы задаете мне такие вопросы? Разве я не служил вам верой и правдой все эти годы, ни разу не дав оснований усомниться в моих словах?

— Возможно, это было сделано преднамеренно, — заявил Полин, подойдя ближе и вмешиваясь в разговор. — А что еще ты делал с королем, кроме чар истины, а, Димитрий? Может, ты читал его мысли, ты давно этого хотел? И что ты сделал с моим братом?

Димитрий сам намеренно подводил разговор к этой черте. Лишь так он мог удовлетворить подозри-

тельность сановников и полностью отвести подозрения от короля, и Райс-Майкл знал это... И знал, что Димитрий тоже это знает.

— С вашим братом? — переспросил Димитрий с насмешкой. — Да вы, должно быть, сошли с ума от горя.

— Боже правый, ты убил его? — прошептал Полин, убежденный, что наконец докопался до истины.

— Брат Серафин умер «от сердечного приступа» за пару дней до коронации Джавана. И меня это всегда удивляло. Правда, тебя в то время не было в столице, но другие Дерини вполне способны на нечто подобное. Ведь это же деринийские чары, верно? Вы способны убить человека, даже не прикасаясь к нему. Возможно, именно так погиб и несчастный Удаут, а затем ты заставил его лошадь взбеситься и растоптать его, чтобы прикрыть следы. Возможно, ты также вызвал этот пчелиный рой? Ты хотел, чтобы утонул мой брат?

Димитрий презрительно потряс головой, затем с мольбой обернулся к Рану.

— Милорд, клянусь, меня подозревают в чем-то таком, на что я попросту не способен. Однако если вам эти предположения кажутся правдоподобными, то неудивительно, что вы так страшитесь Дерини. В таком случае, какие бы ответы я ни дал, я все равно проклят, от того что принадлежу к этому племени. Но осмелюсь напомнить, что мои способности ограничены, так же, как и у обычных людей. Для любых воздействий нам необходим телесный контакт. Мы...

В этот миг по знаку Полина мастер Стеванус вонзил иглы деринийской колючки прямо в шею Димитрию. Дерини негромко вскрикнул, схватился рукой за смертоносный инструмент и отшвырнул его

прочь. Во взгляде его Райс-Майкл прочел немую обреченность.

Однако в те краткие мгновения, что ему оставались, прежде чем подействует мераша, Димитрий знал, что успеет выполнить еще один, последний приказ. Прежде чем он окончательно утратил бы контроль над собой, а Ран с Манфредом успели схватить его, он всей мощью своей магии обрушился на Полина.Вцепившись смертной схваткой тому в ворот и подтягивая к себе поближе, он призрачными огненными пальцами впился ему не в сердце, но в самый разум. Полин закричал и продолжал кричать так, что от вопля его кровь застывала в жилах. Голос, полный смертной муки, звучал так пронзительно, что Райсу-Майклу казалось, никакая глотка смертного не в силах исторгнуть его. И все же, этот ужас был лишь слабым отражением того, что творилось в его раздираемом на части сознании. Катан, должно быть, тоже ощутил происходящее, но они с Фульком поспешили оттащить Райса-Майкла подальше, чтобы прикрыть его своим телом, опасаясь, как бы Димитрий затем не обрушился на короля.

В то же самое время, не сознавая, что делает Дерини, остальные пытались удержать его за руки, выкрикивая противоречащие друг другу приказы. Манфред вопил, чтобы Дерини немедленно прикончили, Ран рычал, что его нужно взять живым... Съежившись за спиной у Фулька и Катана, бессильный помешать тому, что творилось у него на глазах, Райс-Майкл внезапно ощутил, как слабеют энергетические потоки, и догадался, что мераша начала разъедать силы Димитрия. И в этот самый миг Ран, выхватив кинжал, одним сильным и точным ударом рукоятью по затылку сумел оглушить Дерини.

Глава двенадцатая

Если славно потрудился раб твой, отплати ему добром за труд, и тому кто постарался ради тебя[1]

Буйство магии прекратилось мгновенно, и Димитрий рухнул на пол, как подкошенный. Руки его вяло скользнули по груди Полина, и его поспешили оттащить от несчастной жертвы.

Но на этом мучения Полина отнюдь не закончились. И хотя крики его прервались на полузвуке, тело продолжало биться в конвульсиях и изгибаться в самых невероятных позах.

— Стеванус, помоги ему! — выкрикнул Ран, в то время как они с Манфредом, сорвав с Димитрия пояс, принялись связывать ему запястья.

Стеванус поспешил к Полину. Конвульсии постепенно ослабевали, но взгляд его оставался пустым и ничего не выражающим. Дыхание было натужным и прерывистым, как будто воздух больше не поступал к нему в легкие.

— Он умирает, не может дышать, — захлебнулся Стеванус, силясь развернуть Полина на бок и разжать тому челюсти.

---

[1] Мудрость Иисусова 7:20

Райс-Майкл, ухватившись за притолоку двери, вывернул шею, пытаясь разглядеть происходящее. Кровь хлынула у Полина изо рта, когда Стеванус сумел протолкнуть пальцы ему в рот, вероятно, для того, чтобы обнаружить помеху дыханию.

— Господи, да он проглотил собственный язык! — услышал король его потрясенный возглас.

Пока Стеванус отчаянно силился помочь Полину, монастырский лекарь опасливо выбрался из-под стола, куда забрался в поисках укрытия. Вдвоем они сумели заставить Полина вновь начать дышать, однако обнаружилось, что тот успел в конвульсиях прокусить себе язык почти насквозь. Окровавленный кусок плоти валялся теперь на промокшей от крови соломе рядом с его головой. Стеванус отбросил в сторону нож и трясущимися руками попытался нащупать пульс на шее у пациента. А монастырский лекарь развернул голову Полина так, чтобы тот не захлебнулся собственной кровью.

— Боже правый, — пробормотал Райс-Майкл, оседая. Менее всего он ожидал чего-то подобного.

Тем временем душераздирающие вопли Полина перебудили всех обитателей аббатства, и люди устремились к ним по коридору. Здесь были и монахи, и солдаты с оружием наголо. Все они в испуге столпились в дверях, пытаясь заглянуть внутрь, даже не замечая, что толкают короля и его оруженосцев. Священник Асцеллин трясся от страха рядом с телом Альберта, а Стеванус и его беспомощный помощник с побледневшими лицами взирали на происходящее.

— Он еще жив? — спросил Ран, косясь на бесчувственного Димитрия, в то время как Манфред связывал пленнику ноги.

— Да, — Стеванус поморщился, продолжая щупать пульс Полина окровавленными пальцами.

— Боже, да откуда же столько крови? — Ран подошел ближе.

— Его язык, — Стеванус жестом указал на кусок окровавленной плоти на соломе. — Даже если он сумеет отправиться от того, что сотворил с ним Димитрий, он уже никогда не сможет говорить.

— Боже правый, — пробормотал Ран. — Так значит, он еще может умереть?

— Не знаю. Я ведь понятия не имею, что сотворил с ним Дерини. Я не могу даже сказать, осталась ли еще хоть какая-то надежда.

— Будь прокляты Дерини со своей магией, — Ран с ненавистью покосился на Димитрия. — Я же говорил Полину: что-нибудь подобное рано или поздно непременно произойдет, если он будет и дальше использовать этого негодяя.

Брат Полидор, монастырский лекарь, бросил взгляд на Димитрия и постарался подавить нервную дрожь.

— Это черная магия, — пробормотал он. — Горе всем нам, если Дерини призвал злых духов под сей кров.

Ран закатил глаза, хотя тоже не смог удержаться от того, чтобы опасливо покоситься на Димитрия. Манфред подвинулся ближе к Дерини и приставил кинжал ему к горлу. При последних словах монаха его передернуло, и он побледнел еще сильнее, свободной рукой расстегивая ворот туники, чтобы извлечь массивное золотое распятие.

— Боже мой, неужели...

— Полагаю, — промолвил Ран, — что брату Полидору следует перенести отца Полина в лазарет. Стева-

нус, ты понадобишься мне здесь. Пусть священники займутся Полином и проследят, чтобы *он* не мог ничего сделать, когда придет в себя.

С этими словами он пнул связанного Димитрия носком сапога и наконец заметил людей, толпящихся в дверях за спиной у короля, и обернулся к ним.

— Ты, ты и вы двое, — окликнул он солдат. — Помогите перенести отца Полина в лазарет. А вы, остальные, на что уставились? Ступайте прочь. Здесь все будет в порядке.

Четверо солдат с опаской вошли в комнату, стараясь держаться подальше от связанного пленника, а остальные неохотно принялись расходиться. Следуя указаниям брата Полидора, солдаты подняли бесчувственное тело Полина и вынесли его наружу. Стеванус склонился над Димитрием.

— Так, Фульк, — продолжил Ран, заметив молодого оруженосца и поманив его поближе. — Сообщи аббату обо всем, что случилось, затем приведи сюда отца Лиора, отца Магана и Галларда де Бреффни. Скажи Галларду, чтобы принес свои орудия. Ступай.

Фульк торопливо бросился вон, а Ран повернулся к Катану.

— Ты помоги отцу Асцеллину перенести тело лорда Альберта в часовню, затем отыщи лорда Джошуа Делакруа и расскажи ему о случившемся. Скажи, чтобы он исполнял обязанности верховного магистра рыцарей *Custodes*, покуда орден не назначит преемника Альберта... Или там есть кто-то старше, Стеванус?

— Нет, он вполне подходит, — отозвался военный лекарь. Он на пару мгновений оторвался от Димитрия и отошел вымыть руки от крови, склонившись над тазом у кровати.

— Вот и отлично. Значит, Делакруа на время станет исполнять обязанности магистра. Вероятно, и верховного настоятеля тоже, ведь это не обязательно должен быть священник. Впрочем, вы, *Custodes*, сами с этим разберетесь. Живее, Катан. А пока, как второй помощник Альберта, я сам возьму на себя обязанности гофмаршала, и, стало быть, возглавлю эту военную компанию... Если только ты не желаешь вновь получить эту должность, Манфред, ведь до Альбертуса гофмаршалом был именно ты?..

— И подал в отставку, — возразил Манфред. — Но если пожелаешь, я готов стать твоим помощником.

— Спасибо. Твой опыт мне очень пригодится. Теперь нужно убедиться, что Дерини надежно связан прежде, чем он придет в себя. У нас впереди долгая ночь, но я намерен во всем разобраться уже к рассвету.

Ни Ран, ни Манфред не подумали дать каких-либо указаний Райсу-Майклу и взялись превратить его комнату в камеру пыток. У короля не было ни малейшего желания оставаться и наблюдать за происходящим, но ему было попросту некуда податься. Впрочем, он и не желал уходить далеко, по крайней мере, пока не вернется кто-то из его оруженосцев. К тому же нужно было убедиться, что Димитрий не скажет ничего такого, что могло бы представлять угрозу для короля, пусть даже Дерини и утверждал, что обязан защищать его любой ценой.

Судя по всему, советники о нем на время позабыли. Ран продолжал распоряжаться и отдавать команды, а король тем временем забился в дальний угол комнаты, куда не доходил свет факелов, — по крайней мере, из этого укромного уголка он мог наблюдать за происходящим, оставаясь незамеченным.

Теперь только бы не привлекать к себе излишнего внимания...

Через пару минут монахи *Custodes* появились, чтобы унести прочь труп Альберта. Вскоре после их ухода вернулся Фульк с отцом Лиором, верховным инквизитором *Custodes*, которого сопровождал молодой человек в рясе священника и другой мужчина, чуть постарше, со светлыми седеющими волосами, в черной тунике, подпоясанной красно-белым кушаком рыцарей *Custodes*.

Фульк подошел поближе к королю, а Райс-Майкл уставился на рыцаря, щурясь в полумраке и пытаясь понять, где и когда он видел этого человека прежде. Обстоятельства были не самые приятные, в этом он был точно уверен. Впрочем, для него все, связанное с рыцарями *Custodes*, казалось отвратительным.

— Что тут стряслось? — воскликнул Лиор, в то время как его спутники начали раскладывать на столе какие-то кожаные сумки, для чего рыцарь небрежно, одним движением руки смел на пол карты.

По указке Рана, Манфред сбросил на пол простыни и тонкий тюфяк и вытащил кровать на середину комнаты. Когда он перевернул ее вверх тормашками, Ран пояснил:

— Похоже, наш славный Димитрий обернулся против своих хозяев. Или, возможно, он все это время служил одновременно двум господам. Он убил Альберта и едва не прикончил Полина. Я хочу, чтобы вы сломали его. Я хочу знать, что он сделал с королем, и кому он служил на самом деле.

Лиор уже опустился на колени рядом с Димитрием, приподнял ему веко, затем прощупал пульс пленника. С другой стороны Стеванус вновь взял в руки деринийскую колючку и нервно покручивал

колпачок своего отвратительного орудия в ожидании дальнейших распоряжений.

— Какую дозу он получил? — спросил Лиор.

— Одну-единственную, отче. Ран успел ударить его по затылку, прежде чем мераша подействовала, так что полагаю, нужно будет дать ему еще, когда он придет в себя.

— А это случится довольно скоро, — заметил Лиор, вытирая руки о свою рясу и оглядываясь по сторонам. — Галлард, приволоките сюда еще одну кровать. Они здесь слишком узкие, чтобы нам хватило одной. Сэр Фульк, — подозвал он к себе оруженосца. — Помогите лекарю раздеть его.

Под надзором Лиора, они занялись приготовлениями, с уверенностью, которая слишком ясно выдавала, что им было не впервой участвовать в подобных процедурах с верховным инквизитором. Вскоре появился аббат с одним из своих помощников, а также капитан рыцарей *Custodes*, и Ран коротко обрисовал им ситуацию. Наблюдая за происходящим из своего угла, Райс-Майкл пытался не думать о грядущих пытках, радуясь, что не слишком ясно может разглядеть инструменты, которые молодой священник сейчас вынимал из промасленных свертков и ровными рядами раскладывал на столе. Фульк со Стеванусом раздели Димитрия догола, к тому времени как рыцарь по имени Галлард втащил в комнату еще одну деревянную лежанку. Манфред помог перевернуть ее и положить рядом с первой, связав ближние ножки между собой. Хотя Димитрий и служил чужеземному принцу, Райс-Майкл все равно не смог сдержать отвращения, наблюдая, как они укладывают беспомощного Дерини на этот импровизированный пыточный стол и привязывают его в рас-

пятом положении к ножкам кроватей, с силой растягивая безвольные члены.

Лишь в этот момент, наблюдая за тем, как рыцарь по имени Галлард проверяет надежность узлов, он внезапно вспомнил, где и когда видел этого человека. В ту пору он не знал его имени, и за шесть лет больше ни разу не видел его при дворе, но теперь не сомневался, что именно Галлард де Бреффни был тем самым рыцарем *Custodes*, что сидел рядом с Хьюбертом в то памятное заседание совета, когда сановники внезапно напали на верных ему людей и учинили переворот в замке. В тот самый день, когда другие их союзники предательски убили помазанного короля. Именно Галлард своей рукой прикончил преданного сэра Томейса Эдернольского прямо на глазах у Райса-Майкла, и именно Галлард удерживал его и заставлял смотреть на убийство сэра Сорля и Целителя Ориэля.

Однако то, что произошло в тот ужасный день, было лишь заключительным актом трагедии, частью куда более обширного и коварного предательского замысла, который советники вынашивали в течение долгих месяцев, и именно этот человек, чье имя Райс-Майкл узнал лишь сегодня, в свое время был одним из тех, кто похитил его и удерживал в плену по приказу сановников. Они были *Custodes*, все до единого, хотя Райса-Майкла и пытались убедить, что похитители его действовали по приказу Анселя, что это Дерини обернулись против него, а советники пришли ему на помощь. На самом деле, уже тогда сановники готовились убить Джавана и возвести на трон Райса-Майкла, сделав его своей марионеткой, но по своей юношеской горячности и наивности, он ничего этого не понимал, и осознал правду лишь

когда стало уже слишком поздно. Давний гнев вспыхнул в душе с новой силой. Этот человек один воплощал в себе такие бездны подлости и предательства, каких невозможно было вообразить. Он словно стал самым символом их, обретя плоть и имя. В этот миг Галларду де Бреффни был подписан смертный приговор, в точности как не столь давно он был подписан Альберту. Райс-Майкл Халдейн, будучи помазанником Божьим, имел право казнить и миловать. Кроме того, он вполне был способен отнять жизнь у де Бреффни. Димитрий только что показал ему, как это делается, и сейчас он ощущал, как недавно обретенная сила пробуждается у него внутри, как язычки энергии тянутся к рукам, сжавшимся в кулаки, и заклятье созревает, словно само по себе. Даже не сходя с места, он мог просто потянуться, и...

— Присядьте, и будьте в первом ряду зрителей, сир, — внезапно послышался негромкий голос Рана совсем рядом.

Это застигло Райса-Майкла совершенно врасплох, он дернулся, пригнулся, инстинктивно хватаясь за кинжал на поясе, и лишь тогда понял, кто перед ним. Он испуганно принялся заглушать, заталкивать обратно магию, которая уже готова была нанести свой удар даже помимо его воли. Гнев его был столь силен, что он и не заметил приближения Рана. От облегчения, что все обошлось, у него задрожали колени. Он заставил себя опустить руку и распрямиться, а затем, потрясенный, устремил взор на Рана. Господи, и о чем он только думал! Как ни соблазнительна казалась мысль уничтожить де Бреффни, Рана... уничтожить всех в этой комнате, если уж на то пошло, — он знал, что не осмелится сделать это.

Слишком у многих тут имелась мераша. К тому же оставались считанные дни до решающего столкновения с претендентом на его трон, а у него даже не имелось преданных сторонников, если не считать Катана, которого к тому же сейчас не было в комнате.

— Неплохая у вас реакция, — небрежно заметил Ран, даже не подозревая, что только что стоял на пороге гибели. — Должно быть, он вас здорово напугал. Вот сюда. — Он пододвинул поближе стул и прислонил его к стене. — Имеете на это полное право. Полагаю, вам не терпится, так же как и нам, выяснить, что этот деринийский ублюдок мог натворить у вас в голове. Но не тревожьтесь, мы его сломаем. Довольно ему вести двойную игру!

Больше он не сказал ничего и поспешно отошел от короля, поскольку Димитрий наконец начал приходить в себя. Слабый стон сорвался с губ Дерини, когда Манфред еще раз проверил веревки, стягивавшие его запястья, темные глаза распахнулись, и пустой взгляд начал обретать сосредоточенность. Во взгляде этом была боль, но также и обреченность. Стевanус передвинул подставку с лучинами ближе к его голове, и в их тусклом свете смуглое лицо Димитрия показалось похожим на восковую маску. Факелы на стенах бросали золотистые отблески на его обнаженное тело и на застывшие лица людей, смотревших на него сверху вниз. Аббат, маленький человечек с глазками-бусинками, без единого волоска на голове, перекрестился и поспешно отступил в коридор в сопровождении двух своих помощников.

— Мой дорогой, *дорогой* Димитрий, — негромко произнес Лиор. Покачав головой, он чуть слышно поцокал языком и скрестил руки на груди. Второй

священник и Галлард де Бреффни встали у него за спиной. — Я так надеялся, что нам не доведется с тобой встретиться в подобном положении.

В руке он держал деринийскую колючку, — необычный инструмент, оправленный черным деревом и перламутром, — и костяшки пальцев его побелели от напряжения. Он не сводил взгляда с пленника. Райс-Майкл хоть и ощущал дурноту при мысли о том, что сейчас должно произойти, не мог отвести от них взора. Он чуть заметно поежился и сдвинулся на край стула. Фульк подошел и встал рядом с ним.

— Ты изменил нам, Димитрий, — ледяным тоном продолжил Лиор. — В былые времена казалось, что ты преданно служишь нам, но теперь я начинаю подозревать, что ты был изменником с самого начала, и я спрашиваю себя, какие семена измены мог ты заронить в моем мозгу, и потому попросил отца Магана помочь мне сегодня. — Он повертел в пальцах деринийскую колючку и бросил взгляд на молодого священника. — Ты с ним никогда не встречался, потому и не мог коснуться его своей грязной магией, но будь уверен, он знает, как обращаться с тебе подобными.

Димитрий смерил обоих взглядом, преисполненным презрения, затем отвернулся и подергал веревки, связывающие его запястья.

— Бесполезно, Дерини, — резко бросил Лиор. — Ты убил одного из своих хозяев и едва не довел до смерти второго. И прежде чем мы отплатим тебе той же монетой, нам необходимо получить информацию о *других* твоих господах. — Он безрадостно усмехнулся. — Разумеется, ты не пожелаешь ничего нам сказать об этом. И, разумеется, мы вынуждены будем настаивать.

Димитрий ненадолго прикрыл глаза, и чувственный рот его исказился в гримасе, он с трудом сглотнул. И, хотя, судя по всему, он твердо намерен был сопротивляться, Райс-Майкл понял, что ему было все труднее держаться, учитывая количество мераши в крови. Гладкое тело покрылось испариной, мускулы в растянутых руках и ногах напряглись по мере того, как он пробовал на прочность свои путы.

— Глупейшая игра, не так ли? — промолвил Лиор. — Твои хозяева требуют, чтобы ты противился нам до самой смерти, а мои требуют давить на тебя изо всех сил, убивать твой разум различными снадобьями, а тело подвергать самым изощренным пыткам, подводя тебя к самому порогу смерти, но не давая его переступить... Пока ты не скажешь мне все, что я желаю знать.

Однако слова эти не произвели, как будто, никакого впечатления на пленника, и лицо монаха ожесточилось.

— Что ж, отлично. Я знаю, что мы еще даже не подошли к этой точке. И хотя мастер Стеванус ввел тебе достаточно мераши, чтобы закрыть доступ к источнику магии, ты по-прежнему владеешь рассудком и волей, чтобы нам сопротивляться. К несчастью, лорд Ран ударил тебя и, лишившись чувств, ты ускользнул от этого уникального, насколько я понимаю, ощущения, когда наркотик начинает разрушать твой самоконтроль и размывать колдовские силы. Но будь уверен, что больше тебе таких поблажек никто не даст. Я сделаю так, чтобы ты испытал все дальнейшее в полном сознании.

С этими словами Лиор передал деринийскую колючку отцу Магану, который отвинтил колпачок и осторожно извлек спрятанную внутри двойную иглу.

Капля золотистой жидкости блеснула в свете факелов. Маган, подняв бровь, невозмутимо склонился над пленником.

Райс-Майкл, который уже видел, как используют этот отвратительный инструмент, невольно напрягся в ожидании укола, однако и он от изумления едва не вскочил на ноги, когда Маган вместо этого легонько коснулся иглами пупка Димитрия. В тот же миг, осознав, что происходит, Дерини застонал и попытался вырваться из своих пут, откатиться в сторону, раскачивая деревянные кровати, к которым был привязан, и едва не сумел вырваться на волю.

— Держите его, — велел Лиор, и Манфред с Галлардом тут же бросились на пленника, чтобы лишить его возможности пошевельнуться, тогда как Ран прижал его плечи к полу.

Райс-Майкл заставил себя вновь опуститься на стул, хотя сердце у него, должно быть, колотилось так же бешено, как у Димитрия. Он видел, что у того спазматически задергались мышцы живота, он еще раз сделал попытку вырваться, но судя по всему, столь странный способ введения наркотика оказал свое действие. Задыхаясь, Димитрий обмяк. Все тело его было в поту, глаза затуманились, а зрачки расширились. Ран грубо развернул его голову к свету.

— Это какой-то новый способ введения мераши, Лиор? — спросил он, выпуская пленника и отступая на шаг.

— Зелье поглощается через кожу медленнее, но более постепенно, — произнес Лиор с глубоким вздохом. — Пупок является естественным природным сосудом, и к тому же кожа там очень тонкая. Конечно, метод этот возможно использовать далеко не всегда, но он весьма полезен. Это открытие отца Магана, и,

разумеется, наш Димитрий с подобным еще не сталкивался.

Он покосился на пленника, который слегка подергивался в судорогах с закрытыми глазами.

— Я знаю, Дерини, что ты по-прежнему в сознании, — произнес Лиор чуть громче. — Так что нечего надеяться, что пытки окончатся до срока, если мы неверно рассчитаем дозу. Мы прекрасно знаем, сколько мераши ты способен стерпеть, прежде чем доза станет смертельной. И даже прежде чем сон даст тебе временную передышку. Но сперва придет боль. Точно так же, как отец Маган искушен в различных снадобьях, с помощью которых мы сломаем твою волю, точно так же сэр Галлард искушен в различных способах причинения страданий. И не думай, что истинные твои хозяева сумеют прийти к тебе на помощь.

* * *

В этот самый миг истинные хозяева Димитрия обсуждали различные возможности, почему их соглядатай до сих пор не вышел на связь. Принц Миклос Торентский в своей комнате, под крышей донжона Кулликерна, сидел на краешке узкой походной койки, стискивая виски руками. Напротив, в кресле, нетерпеливо ежился Марек Фестил.

— Но мы же знаем, что они совсем близко! — бросил Марек. — Мы получали сообщения от наших разведчиков с того самого дня, как они выехали из Ремута. Если не считать смерти Удаута, все шло как будто бы спокойно... И уж, по крайней мере, не было ни намека, что кто-то распознал двойную игру Димитрия. Поверь, если бы деринийского шпиона

обнаружили в самом сердце *Custodes Fidei*, мы бы об этом узнали.

— Но он давно должен был связаться с нами, — возразил Миклос, поднимая голову. — Мне все это не нравится. За шесть с лишним лет службы он ни разу не опаздывал больше, чем на пару часов, если контакт был оговорен заранее. Учитывая, что походные условия могут быть довольно сложными, я готов стерпеть отсрочку на день или два. В дороге трудно надолго остаться в одиночестве. Но наши дозорные говорят, что они прибудут в Лохаллин уже завтра. Это означает, что *здесь* они будут послезавтра. А у нас нет даже самого туманного представления о ситуации. Мы не знаем, каких ключевых людей ему удалось устранить или привлечь на нашу сторону, что он разузнал насчет Халдейна...

— Тогда давай сделаем первый шаг и сами установим контакт, — воскликнул Марек. — Раз уж он где-то неподалеку, то это отнимет у нас не слишком много сил. Время сейчас позднее, он, скорее всего, спит. Мы будем действовать с тобой в паре, а в качестве поддержки и источника энергии используем кого-то из твоих людей. Если все в порядке, то в его воспоминаниях мы прочтем все необходимое. Если он в плену или переметнулся на сторону врага, мы его убьем. Ну и, разумеется, если он мертв, мы тоже об этом узнаем.

Принц Миклос потер лицо руками, затем с усталым вздохом кивнул.

— Хорошо. — Он поднялся на ноги. — Я пойду и приведу кого-то нам в помощь. Не хочу использовать того же человека, что обычно, поскольку напряжение вполне может его убить, если мы станем забирать слишком много энергии.

С этими словами он вышел из комнаты, неслышно закрыв за собой дверь. Марек, поднявшись, принялся расхаживать взад и вперед, а затем подошел к окну и окинул взором расстилавшуюся внизу долину.

Чуть дальше за долиной начинался Колдорский перевал, а между перевалом и замком повсюду горели походные огни войска Миклоса, сиявшие в холодном ночном воздухе, словно самоцветы, брошенные на отрез бархата. Это были врата в королевство Марека, которое обманом было похищено у его родителей отцом нынешнего короля... того самого, что скакал сейчас ему навстречу и должен был оказаться здесь через два дня. Так близко, что он почти мог его учуять...

Он обернулся на шум открывающейся двери и кивнул Миклосу, которого сопровождал невысокий, плотно сложенный стражник.

— Садись здесь, — Миклос указал ему на пол рядом с узкой походной койкой, — и прислонись спиной к кровати.

Этой странной команде человек повиновался без колебаний: как видно, Миклос уже успел взять его сознание под контроль. Торентец усталым шагом подошел к постели и тоже сел, издал глубокий вздох, а затем забросил ноги в сапогах прямо на покрывало.

Марек тут же приблизился и сел на стул по другую сторону от стражника, и принялся выполнять то же самое дыхательное упражнение, что и Миклос. Несколько мгновений спустя Миклос протянул руку, чтобы плотнее прижать голову стражника к кровати и легонько провел ему по глазам. Затем он опустил запястье ему на плечо, пальцами обхватывая шею.

— Порядок, он готов, — произнес Миклос негромко, вторую руку вытягивая вдоль бока. — Ты как?

Марек уже тоже успел войти в транс и с легкостью соединил свое сознание в единую цепь с торентским принцем, взяв его за запястье. Марек был сильным адептом и получил отличное образование, так что ни в чем не уступал своему кузену, однако сейчас именно Миклос должен был вести их обоих, поэтому он с легкостью принял на себя подчиненную роль, пока Миклос развертывал заклинание. На заднем фоне он ощущал вибрации жизненной силы стражника, пульсировавшей синхронно с энергетическими потоками Миклоса. Это был тот самый запас, из которого они могли начать черпать в любой момент.

Их мощный сфокусированный зов понесся вперед, нацеленный на сознание одного-единственного человека, охватывая куда меньшую площадь и расстояние, чем пришлось это делать Димитрию неделю назад, когда он выходил на связь со своими хозяевами. На то, чтобы обнаружить его, ушло на удивление много времени, поскольку ментальный след его оказался довольно странным и словно бы спутанным.

«Мераша! — уверенно объявил Миклос. — *Кто-то раскрыл его!»*

Внутреннее напрягшись, ибо воздействие мераши он мог ощутить даже сквозь пелену чужого сознания, Миклос установил контакт, не спрашивая у Димитрия дозволения, да впрочем, он в нем и не нуждался, поскольку защиты у того разлетелись в клочья и не могли представлять серьезной преграды. На поверхности одурманенного сознания мелькали

воспоминания о событиях предыдущего дня: лорд Альберт убит, как ему и было приказано, но в силу обстоятельств Димитрий попал под подозрение... А мерзавцу Полину он успел выжечь мозг, прежде чем его схватили...

Димитрий не лишился чувств, его терзала сильнейшая боль, однако он пока не достиг роковой черты, ему предстояло еще многое вытерпеть, прежде чем сработала бы установка, которую Миклос вложил в его сознании именно на такой случай. И все же что-то было неладно... Что-то не так с самой этой установкой. К своему изумлению, Миклос обнаружил, что чье-то чужое сознание касалось Димитрия, чужеродные следы ощущались, словно слабо окрашенные нити на тончайшей ткани, сплетенной Миклосом. Он не мог распознать их источник, но обрывками сознавал, *что* именно было сделано... и куда вели некоторые из этих нитей.

«*Установка изменена,* — отметил Миклос. — *Теперь посмотрим, удастся ли нам выяснить, кто это сделал. Неужели Халдейн?..*»

Он устремил направленный луч своего разума к источнику произведенных изменений. Теперь он и сам причинял боль тому человеку, который подпитывал их энергией, но меньше всего его сейчас заботили чужие страдания... Вот он уловил какой-то слабый свет, некое сияние...

В тот же миг вступили в игру куда более мощные, недавно наложенные установки, и задействовали рычаг самоубийства, установленный в свое время самим Миклосом. И хотя тот прекрасно сознавал, какой дорогой ценой обойдется попытка приостановить гибель Димитрия, Миклос с помощью Марека бросил все свои силы и последние запасы энергии на

эту отчаянную попытку задержать срабатывание ментальной установки и удержать открытым канал связи еще хоть ненамного, судорожно пытаясь отыскать объяснение, насильно исторгая из разума пленника необходимые сведения.

«Кто? Скажи мне, кто?»

Глава тринадцатая

Не радуйся смерти врага твоего, ибо помни, что все мы смертны[1]

На допросе Димитрий не сказал ни единого слова, несмотря на все чудовищные методы пыток, которые применяли к нему палачи на протяжении многих часов. Галлард де Бреффни, изобретательный и методичный, и, судя по всему, совершенно нечувствительный к чужим страданиям, сделал все возможное, чтобы подтолкнуть жертву к самому пределу выносимого и еще на толику за этот предел, — хотя никогда не доводил Дерини до того порога, где он мог бы шагнуть в беспамятство. Помимо того, сознание его поддерживали различные стимулирующие снадобья, обостряя все чувства и ощущения и противодействующие усыпляющему эффекту мераши. Все это время Димитрий оставался в ясном сознании и был начисто лишен возможности пользоваться своими магическими способностями.

На самом деле, у него не было выбора: выдать ли требуемые сведения или прекратить свою агонию по собственной воле, — ибо он передал сей выбор в чу-

---

[1] Мудрость Иисусова 8:7

жие руки, когда предложил Миклосу стать его соглядатаем. И хотя обычно адепт сам мог принимать решение, когда задействовать точку самоубийства, но в случаях, если необходимо было защитить информацию чрезвычайной важности, то требовалось дать сознанию установки, не зависящие от воли субъекта, над которыми тот не имел бы никакой власти. Димитрий согласился с тем, чтобы Миклос установил точку невозвращения для него на чрезвычайно высоком пороге болевой чувствительности, поскольку чем дольше Димитрий стал бы сопротивляться палачам, чем худшие пытки он сумел бы вытерпеть, тем меньше веры было бы тем обрывочным данным, которые мучителям все же удалось бы выведать у Дерини.

Но сейчас, внезапно, сознание Димитрия пронзила новая боль, не имевшая ничего общего с тем, что творил с ним Галлард де Брефни. Ему показалось, он узнал это прикосновение, и робко потянулся к нему... Или, скорее, к своей точке невозвращения, которая одна могла дать ему благословенный покой. Луч чужой мысли проник в его разум еще глубже, и то ли боль от этого прорыва, то ли его жажда смерти наконец заставили неотвратимое свершиться. Он ощутил мгновенное облегчение, и тут же ослепительная радуга словно взорвалась в его мозгу, уничтожая все остальное, и волны забытья нахлынули, поглощая последние искры разума.

Окровавленное тело Димитрия внезапно задергалось в конвульсиях, дыхание его прервалось, а затем он застыл, словно окаменев.

— Что с ним такое? — воскликнул Ран, и Стеванус поспешил приложить ухо к напряженной окровавленной груди, в то время как Маган приподнял ве-

ко, чтобы взглянуть на зрачок. Остальные схватили Дерини за руки и за ноги, чтобы удержать его от конвульсий. Райс-Майкл уже некоторое время назад вышел в коридор, не в силах далее выносить крики Дерини, отвратительный запах крови, мочи и горелой плоти. Но теперь он испуганно вновь заглянул в комнату, а за ним последовали и Фульк с Катаном. Аббат с двумя своими помощниками наблюдал за происходящим с неприкрытым ужасом.

— Похоже, он сумел таки задействовать свою точку самоубийства, — пробормотал Маган, тщетно пытаясь нащупать пульс на шее. — Вы ведь знаете, они способны умереть по собственной воле.

— Дайте ему еще мераши, — приказал Лиор, трясущимися руками отвинчивая колпачок деринийской колючки. — Если он делает это по собственной воле, то мераша лишит его необходимой сосредоточенности.

— Его еще нельзя убивать, — рявкнул Ран.

— Это его и не убьет. До сих пор он получил не столь уж большую дозу. По крайней мере, отнюдь не смертельную.

— Мы его потеряем, если не сделаем хоть что-то, — заметил Маган, вырывая деринийскую колючку из рук Леора, изо всех сил втыкая ее в шею Димитрия.

Возможно, причиной послужила именно эта новая боль, возможно, нет... Как бы то ни было, хрупкое равновесие наконец сместилось достаточно, чтобы Димитрий раз и навсегда перешел точку невозвращения. Спина его выгнулась в последний раз, а затем полностью расслабилась, руки и ноги безвольно обвисли в путах, а темные глаза закатились, и стали видны одни лишь белки. Воздух с шипением вырвался из почерневших губ.

— Он мертв, — прошептал Стеванус, с посеревшим лицом убирая окровавленные руки с груди Димитрия и остолбенело взирая на них в свете факела.

* * *

И еще один человек умирал сейчас в сумрачной комнате под самой крышей донжона Кулликерна. В то самое мгновение, когда совершил самоубийство Димитрий, Марек, задыхаясь от боли, разорвал ментальную связь, сжимая виски руками, а Миклос Торентский перестал ощущать пульс на горле человека, который сидел у кровати рядом с ним.

Нимало этим не смущенный, Миклос часть своего внимания отдал тому, чтобы рассредоточить внезапно хлынувший обратный поток неуправляемой энергии, вызванной самоубийством Димитрия. Конечно то, что стражник, дававший им запасы сил, теперь оказался при смерти, было печально, но вполне естественно, ибо ни один нормальный человек не уцелел бы, после того как Миклос забрал бы у него такое количество энергии, когда он пытался уловить следы чужого вмешательства в сознании Димитрия. Мигом разорвав и запечатав бесполезный ментальный канал, Миклос беспощадно изъял остатки жизненной силы у умирающего, используя ее, чтобы смягчить последствия психической бури. Он сожалел лишь о том, что все эти усилия оказались почти бесплодны. В остальном же... как военный командир, он привык посылать людей на смерть, и лишь сожалел, когда жертва оказывалась принесенной впустую.

Понемногу, добавочная энергия начала оказывать свое успокоительное воздействие. Сердечный ритм замедлился почти до обычного уровня, и Мик-

лос, закрыв глаза рукой, не спеша совершил все необходимые проверочные упражнения, как это делают Дерини после тяжелой магической работы. Переживать чужую смерть, касаясь сознанием самоубийцы, всегда было тяжело и неприятно, — совсем иное ощущение, чем когда душа спокойно отлетает в мир иной.

Когда он наконец открыл глаза, его охватило легкое головокружение, словно он выпил пьянящего вина, но Миклос знал, что стоит ему как следует выспаться, и все это пройдет. Глубоко вздохнув, он устремил взор на Марека, который по-прежнему сидел, уткнувшись лицом в ладони, и дышал прерывисто и со всхлипом.

— С тобой все в порядке?

Марек поднял голову и глубоко вздохнул, прежде чем обернуться к Миклосу.

— Ничего, я оправлюсь, но... проклятье, что они делали с Дмитрием?

— С его телом? Ну, все те неприятные вещи, каких и следовало бы ожидать. Он знал, на что идет.

— Я не то имел в виду.

— Знаю, и у меня нет на это ответа.

Сев на постели, Миклос опустил ноги на пол и оказался рядом с Мареком, с трудом поднялся и, пошатываясь, подошел к столу у окна, рядом с которым стояли два стула. Дерево скрежетнуло по камню, когда он пододвинул к себе стул, и ему пришлось ухватиться за спинку, чтобы восстановить равновесие, прежде чем провести рукой над погасшими свечами и вызвать свет.

Он тяжело опустился на стул, подтащил поближе поднос, чтобы налить себе вина, чудом ухитрился не пролить ни капли. Однако поднимать бокал при-

шлось обеими руками. Пока он пил, к нему присоединился Марек, тоже налил себе кубок, а затем вновь наполнил бокал своего кузена.

— Как ты думаешь, кто все-таки его поймал? — спросил Марек. — Неужели это Халдейн?

Миклос покачал головой, затем отпил еще вина.

— Не уверен. Насколько мне известно, на такое он не способен. Но если не он, то кто же? Опять эти родичи Камбера, будь они неладны? Но за последние годы Димитрий не видел при дворе ни единого Дерини. Впрочем, не следует забывать, что за все это время он ни разу не имел возможности прямого контакта с самим Халдейном.

— Но кто еще мог сделать такое? — спросил Марек.

Пожав плечами, Миклос отставил чашу в сторону.

— Нам известно, что некоторые из Дерини, помогавшие в свое время королю Синхилу, по-прежнему оставались в живых, когда на престол взошел Джаван, хотя они и не осмеливались показаться в Ремуте. Впрочем, Полин с Альбертом и насчет Джавана питали свои подозрения: — Он поднял брови и почти с сожалением покачал головой. — Если честно, то мне даже будет их недоставать. За эти годы они сделали для нас много хорошего, — они и их *Custodes Fidei*.

Подавив нервную дрожь, Марек сделал большой глоток из своего бокала.

— Я не доверяю религиозным фанатикам, какую бы религию они не исповедовали. И что касается меня, я рад, что их больше нет.

Бледное лицо Миклоса на миг исказилось, когда вернулось воспоминание об агонии Полина, которое

сохранила память Димитрия. Он еще не был мертв, более того, Полин вполне мог протянуть еще много дней и недель или даже месяцев. Он не будет больше чувствовать боли, но и это было слабым утешением после того ужаса, что довелось ему пережить, когда Дерини заживо выжег его разум. Испытав такое, смертная плоть теряла способность всякую способность ощущать страдания.

— Вид у тебя не особо довольный, — заметил Марек, вырвав Миклоса из задумчивости. — Но ведь эти люди стояли у нас на пути.

— Верно, — отозвался Миклос, понемногу приходя в себя. — Тем не менее, сами о том не подозревая, они служили нашим целям. Так, именно они избавили нас от Джавана Халдейна, который мог бы стать для тебя весьма грозным соперником. Хотя теперь я начинаю питать некоторые сомнения относительно его преемника. Возможно, эта замена не так уж хороша, как нам поначалу казалось.

— О чем ты говоришь?

— Лишь о том, что нам не следует недооценивать этого Халдейна, — негромко пояснил Миклос. — Мы считали, что он всего лишь марионетка в руках своих советников. Все эти шесть лет мы жили в уверенности, что он ничем не напоминает Джавана или своего отца.

— Думаешь, он владеет силой Халдейнов?

Миклос пожал плечами.

— Не знаю. Но ведь кто-то выдал Димитрия. Кто-то догадался, что он ведет двойную игру. Ты видел в его сознании следы их вмешательства. Любопытное совпадение, по-моему, что Димитрия разоблачили как раз тогда, когда Халдейн впервые за шесть лет сумел вырваться из дворца.

Марек ничего не сказал на это, и Миклос продолжил:

— Возможно, нам стоит задуматься, не было ли это своевременным предупреждением, знаком, что нам следует несколько отойти от первоначального плана и принять на вооружение иную стратегию, покуда мы не разузнаем об этом Халдейне побольше. Существует возможность, пусть и не слишком большая, что он обрел ту же силу, которой владел его отец. Если так, и если он проявит эти способности, его собственные советники способны убить его... Нет, точнее, они *непременно* убьют его. Если только не вмешаются его тайные союзники.

— Но на это уйдет время.

— Совершенно верно. Но времени у нас в избытке. А вот чего у нас нет... Точнее, чего нет у тебя... так это надежного наследника. Что случится, если мы нападем на него сейчас, и ты погибнешь? Вот почему следует лучше выждать, выгадать время.

— Но я устал ждать. Мы можем напасть сейчас. Я уверен, мы справимся.

— Возможно, да. Но, возможно, и нет. Следует хорошенько все взвесить. Моя сестра Карисса подарила тебе сына и наследника, в котором смешалась кровь Фестила и Торента. И это прекрасно. Но он еще совсем младенец.

— Он крепкий! — выпалил Марек. — И однажды он станет прекрасным королем.

— Он еще очень мал, — возразил Миклос невозмутимым тоном. — Младенцы порой чахнут и умирают без всякой причины. Неужто ты и впрямь готов рискнуть сейчас тем, что имеешь, когда наследник твой — еще крохотный комочек плоти, и мы ничего не знаем о его будущем?

В темных глазах Марека вспыхнул гнев, он устремил взор на своего старшего кузена, но затем, после долго напряженного молчания, устало кивнул головой.

— Так я и думал, — промолвил Миклос. — И я тоже этого не желаю.

— Но что ты предлагаешь? — спросил его Марек, немного помолчав.

— Да попросту вот что, — пояснил Миклос. — Мы будем очень осторожны. Посмотрим, как этот Халдейн ответит на наш вызов. Пусть он сам придет к нам. Мы заставим его встретиться с нами лицом к лицу. Возможно, тут пригодится леди Судри. Скажем, меня терзают муки совести из-за случайной гибели ее мужа, и я желаю искупить свою вину. Возможно, это даже подтолкнет меня уйти из Кулликерна, чтобы больше не было кровопролития, в знак моего искреннего раскаяния.

— Уйти из Кулликерна? — негодующе начал Марек.

— По крайней мере, мы можем *говорить* об отступлении, — смягчился Миклос. — Если представится возможность, и мы не обнаружим у Халдейна тех способностей, которых так опасаемся, то следует попытаться убить его. Но я думаю, что сейчас нам следует подготовить несколько запасных вариантов. К примеру, твой юный сын мог подхватить простуду, поэтому крестины пришлось отложить. Халдейн примет такое оправдание, ведь он и сам заботливый отец. Если мы уговорим его взять Судри с собой на встречу, то тут появятся и другие приятные возможности. Уж эту-то ситуацию мы готовили достаточно давно.

Марек кивнул, неохотно соглашаясь с доводами своего кузена.

— Но главной нашей целью является оценка возможностей Халдейна, — продолжил Миклос. — Поэтому нужно быть готовым к переговорам и даже к отступлению. Кулликерн был удачной ловушкой, чтобы заставить Халдейна показать нам свое лицо. Но, полагаю, он не стоит целого королевства. Будут еще и другие возможности, и другие битвы. Даже если придется отступить, мы все равно не потеряем ничего.

— Полагаю, ты прав, — хмуро отозвался Марек. — И все равно, Миклос, я хочу убить его. Хочу, понимаешь? Я желаю вернуть отцовский престол.

Миклос тряхнул светловолосой головой с усмешкой, которая делала его похожим на мальчишку.

— И ты его получишь, кузен. Обещаю тебе. Получишь в свое время. А сейчас давай займемся подготовкой. Нам нужно быть готовыми к любым превратностям судьбы.

* * *

В другом месте, далеко отсюда, другие Дерини также пережили гибель Димитрия. Отец Кверон Киневан, который должен был отслеживать состояние торентского Дерини, находился в состоянии транса, и сейчас со стоном покачнулся на стуле, а затем поспешно вызвал успокоительное заклинание, и лишь тогда обернулся к хрустальному шару, висевшему над столом в зале Камберианского совета, используя его как точку фокусировки, чтобы усилить ментальный зов, обращенный к Джорему.

Он ничуть не сомневался в значении тех эманаций, которые сумел уловить только что. Они не под-

держивали постоянного канала связи с Димитрием, после того как вернули его в Ремут, оставив в сознании новые установки, однако отслеживали по энергетическим выплескам все магические действия, которые тот мог предпринять. Ниеллан во время своего дежурства поймал отзвуки происшествия с Удаутом, а Джорем уловил те волны, которые должны были привести к смерти Альберта. После этого, Димитрий, похоже, залег на дно... Пока несколько часов назад не начался настоящий переполох.

Сперва последовала мощная вспышка энергии, убившая Альберта, а затем вторая, еще более сильная, которая испепелила разум Полина. Кверон ненадолго окунулся в искалеченный мерашей мозг Димитрия, и тут же поспешил отпрянуть на безопасное расстояние, оставаясь простым наблюдателем. Он прекрасно понимал, что если Димитрий навлек на себя достаточно подозрений, чтобы его принялись испытывать с помощью мераши, значит, их тройному агенту пришел конец.

Лишь после многочасовых пыток, Димитрию удалось ускользнуть за порог невозвращения, использовав установку на самоубийство, которую заложил в его разуме Миклос и слегка подправил своими усилиями Джесс.

Отзвуки пережитых Димитрием мучений были достаточно отчетливы, и для Целителя, столь чувствительного, как Кверон, вынести это оказалось непросто, но гораздо хуже было другое. За несколько мгновений до гибели Димитрия у него появилось чувство, что Миклос сам каким-то образом установил связь со своим агентом и принялся ворошить его сознание, пытаясь понять, что с тем происходит. Именно в этот момент и сработала установка на са-

моубийство. Кверон мог утешаться лишь тем, что Миклос так и не сумел опознать, кто именно оставил следы в сознании Димитрия. А теперь тот благополучно ускользнул в небытие, и никакая боль уже не могла его затронуть.

— Что стряслось? — послышался голос Джорема.

Вырванный из размышлений, Кверон обернулся рывком и уставился на высокие бронзовые двери, которые Джорем как раз закрывал за собой. В свете единственной свечи, горевшей посреди стола, Джорем напоминал призрака. Судя по всему, ментальный зов пробудил его ото сна, и он успел лишь накинуть плащ поверх белоснежной ночной рубахи. Ноги его были босы, серебристые волосы взъерошены, а под глазами залегли темные круги.

— Ты быстро добрался, — заметил Кверон.

— Ты же сказал, это срочно.

Кверон кивнул.

— Димитрий мертв. Альберт тоже. У Полина выжжен разум. А Миклос в самом конце вошел в контакт. Скорее всего, именно благодаря этому Димитрий и смог совершить самоубийство.

— А король в безопасности?

— Да, по крайней мере, на тот момент, когда наша связь прервалась. Димитрий сделал все возможное, чтобы его защитить.

— Лучше тебе передать мне всю картину целиком, — заметил Джорем и подтянул тяжелый стул поближе к Кверону. Не дожидаясь приглашения, Целитель коснулся руки Джорема, закрыл глаза и вошел в контакт, с легкостью, выдававшей большой опыт. Необходимая информация была передана в считанные секунды, мощным уверенным потоком ментальных картин и впечатлений. Кверон наконец разо-

рвал связь, и Джорем со вздохом откинулся на спинку стула.

— Никогда не думал, что произнесу нечто подобное, и все же мне почти жаль Полина, — заметил он.

Кверон уставился на хрустальный шар.

— Да, не самая приятная смерть, — согласился он.

— По-видимому, именно это меня больше всего и тревожит, — возразил Джорем. — Ведь он, на самом деле, еще не мертв.

— Ты думаешь? — переспросил Кверон. — Когда разум выжжен дотла, как у Полина, то что остается от человека? Тело, конечно, может еще просуществовать какое-то время. Но душа?..

— Так ты приравниваешь душу к сознанию? — с полуулыбкой полюбопытствовал Джорем.

Кверон пожал плечами и улыбнулся в ответ.

— Над этим вопросом я долго размышлял... но так и не смог найти ответа. — Он вздохнул. — Непонятно, что заставило Димитрия так поступить?

— Ты имеешь в виду — напасть на Полина? Ведь тот был в списке намеченных жертв, точно так же, как и Альберт.

— Да, но зачем, сжигать его разум? Он мог бы остановить ему сердце. Это был не очень тонкий ход. Он не мог не понимать, что после этого вызовет к себе еще большую ненависть.

Джорем поднял брови.

— Полагаю, он об этом даже не задумывался. Когда под действием мераши сила начала уходить от него, он постарался нанести самый мощный удар, на какой только был способен.

— Но тогда зачем ограничиваться одним лишь Полином? Почему не зацепить и Рана с Манфредом, почему не уничтожить всех, кто был в комнате?

— Ты забыл о короле, — возразил Джорем. — Ему было запрещено причинять боль Райсу-Майклу и Катану. Ну, а другая причина, вероятно, в том, что он не был уверен, достанет ли ему силы нанести столь сокрушительный удар. Гораздо лучше убить одного человека, но наверняка, чем попытаться убить нескольких и не преуспеть.

— Вероятно ты прав. — Кверон потер усталые глаза. — Ладно, теперь я свяжусь с Анселем и расскажу ему все новости... Или хочешь сделать это сам?

— Я этим займусь, — отозвался Джорем. — Тебе сегодня и без того пришлось нелегко. Пришли мне на смену Рикарта, а затем отправляйся спать.

* * *

Даже спустя час королю так и не дали позволения удалиться к себе. Едва лишь труп Димитрия унесли прочь, как все те, кто присутствовал при пытках, переместились в покои аббата, чтобы там, по его требованию, объяснить наконец, что происходит. По счастью, после всех пережитых испытаний о Райсе-Майкле как будто позабыли, и теперь никто не вспоминал, если что-то в его ответах поначалу и казалось им странным. Так что ни у кого даже не возникло подозрений, не был ли король каким-то образом замешан в эту историю. Более всего сановников потрясло то, как Дерини обошелся с Полином.

— Никогда не слышал, чтобы человек так кричал, — пробормотал потрясенный Стевануc, когда они собрались за столом у аббата, и служка принялся разливать вино.

Манфред содрогнулся и вновь сжал в кулаке распятие.

— Впечатление было такое, словно демоны рвут его душу на части, — прошептал он. — Да поможет ему Господь.

При этих словах присутствующие тут же поспешили перекреститься, и кто-то велел принести еще огня. Прислуга поспешила поставить на стол свечи, а на стене закрепили еще несколько факелов. И лишь тогда Ран счел возможным направить разговор в более практическое русло.

— Полагаю, мы вполне можем заключить, что этот Димитрий с самого начала работал на Миклоса, — промолвил он, после того как без лишних эмоций описал аббату, что произошло с Полином. — Понятия не имею, почему Полину вздумалось нанять этого Дерини. Лично мне всегда было не по себе рядом с кем-то из их отродья. Даже когда мы их держали в повиновении с помощью заложников. А уж в данном случае я с самого начала был полон подозрений. Впрочем, мне обо всем доложили уже как о свершившемся факте, так что было слишком поздно протестовать. Вы, *Custodes*, полагали, что этот Димитрий вполне надежен и уже привыкли полагаться на него.

— Отец Полин нас уверял... — начал было Лиор.

— Да, знаю. И Альберт его поддерживал. — Ран вздохнул и потер лицо руками. Затем оперся локтями о стол. — Ладно. Не будем сейчас обсуждать, что мог Димитрий натворить в прошлом, — произнес он. — Подумаем лучше о том, что он сделал за последнее время, и как это может на нас повлиять. Если не брать в расчет то, что он мог исподволь влиять на всех тех, с кем имел дело за эти годы, разумно предположить, что, помимо этого, он регулярно докладывал Миклосу обо всем, что происходило в

Гвиннеде. И, наверняка, делал это с помощью магии. Это означает, что Миклос слово в слово узнал, о чем говорили при дворе после прибытия его герольда и задолго до того, как посланец к нему вернулся.

Галлард де Бреффни, презрительно поморщившись, отодвинул свой кубок.

— Обычные соглядатаи сделали бы то же самое. И почти столь же быстро, если бы посылали донесения с голубиной почтой. В любом случае, какие преимущества это дает Миклосу? Он и без того знает, что мы уже в пути.

— Возможно и так. Но остается вопрос, какие новые указания получил из Торента Димитрий, после того как доложил, что видел и слышал?

— Начать устранение ключевых фигур в обороне Гвиннеда. Насколько я понимаю, вы теперь убеждены, что смерть Удаута была вызвана отнюдь не несчастным случаем?

— Да, но с какой стати Миклосу Торентскому желать гибели Удаута, — удивился Стеванус. — Ведь тот отнюдь не был блестящим военачальником, и его утрата никоим образом нам не повредила. Более того, он и не собирался отправляться в поход вместе с нами.

— Верно, однако его пришлось заменить на Ричарда Мердока, — возразил Ран. — А вот он-то точно пригодился бы нам в этой войне. Кроме того, теперь я убежден, что на переправе утонуть должен был именно Альберт.

— Димитрий все равно до него добрался, — заметил Манфред. — Это просто заняло чуть больше времени. И Полина он также прихватил с собой. Я бы не сказал, что это были самые ключевые фигуры в этой кампании... Вот если бы мы потеряли тебя и

Альберта — это было бы куда хуже... Однако для *Custodes* теперь возникли серьезные проблемы.

Аббат Кимболл кивнул с огорченным видом.

— Отец Полин был основателем нашего ордена и искренне верующим человеком. И найти ему замену будет не так-то просто.

После чего обсуждение перешло, в основном, на повседневные орденские заботы, хотя собеседники все равно оставались на взводе. О короле, вообще, словно позабыли, и он понемногу успокоился, осознав, что выбрался из этого приключения без особых потерь. В то время как Лиор с Маганом начали горячий философский спор, присуще ли зло всем Дерини с самого рождения или нет, Райса-Майкла постепенно начала одолевать сонливость, и он даже пару раз зевнул. Аббат заметил это первым и, дождавшись паузы в разговоре, произнес:

— Я думаю, мы можем позволить его величеству удалиться. — Он и сам прикрыл зевок рукой. — Предлагаю, что мы будем вести разговор в основном о делах ордена. Сэр Галлард, не будете ли вы столь любезны, чтобы показать королю и его оруженосцам новые покои, здесь, в этом крыле здания. Сир, я сомневаюсь, что вам хотелось бы вернуться в прежнюю комнату, и потому взял на себя смелость перенести сюда ваши вещи.

Райсу-Майклу и впрямь менее всего хотелось бы возвращаться на то место, где нашли ужасную смерть два человека, а третьего постигла не менее страшная участь, и потому он мог лишь любезно поблагодарить аббата за его предусмотрительность. Выбор эскорта пришелся ему по душе куда меньше, но он старательно скрывал свои чувства и позволил сэру Галларду де Бреффни препроводить его по корот-

кому коридору в гостевые покои, чуть меньшие по размеру, чем та комната, где сейчас заседали сановники.

— Могли бы с самого начала поместить нас сюда, — заметил Фульк, когда Галлард наконец закрыл за собой дверь. — Та, первая комната совсем не подходила для короля.

— О, вы только доведите меня до ближайшей постели, — пробормотал Райс-Майкл. — Мне совершенно все равно, где спать, лишь бы не в пыточной.

Катан снял с него сапоги, и какое то время король еще ухитрился продержаться на ногах, пока с него стягивали походную одежду и доспехи, и все-таки он заснул даже раньше, чем голова его коснулась подушки.

Однако до самого рассвета его терзали дурные сны. Яркие видения искалеченного тела Димитрия мешались с другими воспоминаниями, более давними, но от того не менее жгучими: вот Галлард де Бреффни пронзает клинком сэра Томейса в день дворцового переворота... а вот сэр Сорль и мастер Ориель падают, пронзенные стрелами...

И стрелы впиваются в тело его брата... Джаван падает на руки верному сэру Карлану, который погиб, когда один из рыцарей *Custodes*, по приказу Альберта, ударил его в спину... и кровь хлынула у него изо рта.

И кровь льется изо рта у Полина, когда Стеванус лезет пальцами ему в глотку, чтобы высвободить язык, прокушенный почти насквозь... Сверкает нож в руке Стевануса, который отрезает язык Полину, чтобы тот не подавился обрубком. И Полин кричит, вопит бездумно, в то время как Димитрий безжалостно сжигает и сжигает его разум...

Глава четырнадцатая

Видел я, как глупец укореняется[1]

Утро началось с мрачного ритмичного перезвона колоколов, который и вырвал Райса-Майкла из объятий сна. Этот тоскливый звук все равно не дал бы ему спать, но как только в воспоминаниях опять всплыли картины минувшего дня, Райс-Майкл окончательно пришел в себя и сел на постели.

Катан загодя выложил для него чистую тунику, которую следовало одеть под походную одежду и доспехи. Сам он уже был вооружен и готов к отъезду.

— Вас спрашивал лорд Манфред, — сказал ему Катан, в то время как Фульк внес таз с горячей водой и полотенца. — Альберта похоронят здесь, сегодня утром, прежде чем мы двинемся дальше. Месса начнется, как только все соберутся.

Райс-Майкл со стоном откинулся на подушки, потер глаза, затем с неохотой вновь уселся и, наконец, поднялся на ноги, прекрасно сознавая, сколь тщетны все его надежды избежать этого испытания.

— А есть ли какие-то вести насчет Полина? — спросил он, направляясь в уборную. — Он пережил ночь?

---

[1] Иов 5:3

— Да, он еще жив, — сухо отозвался Фульк, — однако трудно сказать, хорошо ли это. Разумеется, он останется здесь, в монастыре, под присмотром собратьев. Он до сих пор даже не шелохнулся, не пришел в себя, и отец Лиор говорит, что шансов на это очень немного.

Выйдя из уборной, Райс-Майкл стянул через голову вчерашнюю тунику и бросил ее Катану, а сам отправился умываться.

Поскольку он сам был свидетелем того, как Димитрий напал на Полина, то готов был предположить, что отец Лиор еще слишком оптимистичен в своих прогнозах. Новообретенная мудрость Халдейнов подсказывала, что те немногие, кому удалось выжить после того, как с ними обошлись таким образом, как Димитрий с Полином, могли протянуть еще несколько недель или месяцев, но ни о каком возвращении в сознание тут и речи идти не могло. Он не знал, заслуживает ли такой судьбы даже человек, подобный Полину... Хотя после всего, что пережил вчера Димитрий, чаши весов, должно быть, вернулись в равновесие. Смерть для Полина была бы истинным милосердием, точно так же, как и для Дерини.

Погребальный колокол продолжал звонить, и Райс-Майкл поспешил умыться и одеться, в то время как оруженосцы упаковывали их скудные пожитки, которые пришлось извлечь из седельных сумок поутру. Он спросил их, нужно ли надевать доспехи до мессы, на что Фульк ответил, что новый гофмаршал хотел бы тронуться в путь сразу после похорон.

— Надеюсь, они хотя бы дадут нам поесть перед отъездом, — промолвил Райс-Майкл, пока Фульк застегивал на нем алый нагрудный доспех.

— Только походная еда и завтрак в седле, — отозвался Катан. — Мы и без того опоздаем на несколько часов.

Король закончил одеваться в молчании, прицепил на пояс меч Халдейнов, а Катан встал на колени, чтобы поправить ему шпоры. Затем, запахнувшись в плащи, все они направились вниз по лестнице во двор аббатства. Замыкал шествие Фульк, который нес через плечо седельные сумки. Во дворе их уже дожидался лорд Джошуа Делакруа и шестеро рыцарей *Custodes*. Новый магистр *Custodes* выглядел взъерошенным и слегка смущенным. Он явно не выспался и чувствовал себя не в своей тарелке, что, впрочем, в равной мере можно было отнести и ко всем остальным обитателям аббатства святого Кассиана в это утро. И в первую очередь, к самому Райсу-Майклу.

— Пожалуйста, пойдемте со мной, сир, — велел ему лорд Джошуа. — Мне был дан приказ сопроводить вас троих к лорду Рану.

Странные нотки, прозвучавшие в его голосе, тут же насторожили Райса-Майкла, и он испугался, не просочилось ли за ночь каких-то новых сведений, которые могли возбудить подозрения лорда Рана. Но с другой стороны, *Custodes* никогда не отличались соблюдением придворного этикета и особой любезностью, а то, что вместе с ним позвали и Катана с Фульком, слегка успокаивало. Судя по всему, их просто должны были проводить в церковь аббатства, а Ран таким образом демонстрировал свою новообретенную гофмаршальскую власть. Так что Райс-Майкл просто сухо кивнул Джошуа и, положив руку на крестовину меча, двинулся вслед за ним и его людьми, а Катан с Фульком молча последовали за королем.

Миновав узкую сумрачную галерею, они вышли на яркий солнечный свет, и их на мгновение оглушил шум множества людей и лошадей, которые готовились к отъезду на просторном дворе перед церковью аббатства, возвышавшейся слева от площади. Здесь колокол звучал еще громче, заглушая ругань и крики, которые обычно сопровождали любые воинские сборы. Заметив короля по его алой накидке, выделявшейся среди черных ряс *Custodes*, солдаты поспешили расступиться с мрачной почтительность. Усталый паж тут же подбежал, чтобы забрать седельные сумки у Фулька. Большинство солдат поднимались по ступеням в церковь, но, к вящему недоумению короля, лорд Джошуа повел их прямо через двор.

— Я думал, мы должны идти к мессе, — заметил Райс-Майкл, приотстав на шаг. — Разве нам не в церковь?

— Чуть позже, сир. Лорд Ран хочет, чтобы вы сначала зашли к нему в лазарет.

— Навестить отца Полина?

— Насколько я понял, да, сир.

Райс-Майкл слегка расслабился. Джошуа Делакруа был отвратительно немногословен, однако представлялось вполне логичным, чтобы король навестил умирающего Полина, поскольку сразу после мессы они должны будут тронуться в путь. Конечно, визит этот не доставлял Райсу-Майклу никакого удовольствия, но долг вежливости этого требовал. К тому же, скорее всего, Полин уже больше никогда не доставит ему неприятностей. Не обменявшись более ни единым словом, под траурный перезвон колоколов они пересекли двор аббатства, минуя суетящихся у лошадей рыцарей *Custodes*. Чуть позади, за служебными

помещениями монастыря, он заметил черные клубы дыма, поднимавшиеся к небесам. Похоже, там что-то горело. Вскоре Райс-Майкл узнал дорогу, по которой они шли накануне из трапезной, и догадался, что лазарет должен располагаться где-то поблизости. Колокольный звон заглушил треск костра, когда они миновали очередную галерею, но когда король вышел во внутренний дворик, то почувствовал сильный запах дыма.

И остановился, как вкопанный, левой рукой стиснув крестовину меча. Как хорошо, что он не завтракал нынче утром... Прямо у стены на дальнем конце двора он наконец увидел костер и понял, *что именно* на нем сжигают. От этого зрелища ему едва не сделалось дурно, и никакого значения не имело, что Димитрий был давно мертв, когда его приковали цепями к столбу и подожгли хворост. Вязанки поднимались ему почти до груди и полыхали вовсю, и тело уже поглотили языки пламени.

Это явно была затея *Custodes*, пожелавших отыграться на своем противнике, который, по их мнению, ускользнул от них слишком рано. Несколько рыцарей держались поблизости, шевеля костер длинными шестами, чтобы огонь разгорелся еще сильней. Подавив тошноту, Райс-Майкл перекрестился и отвел глаза.

— Это было совсем не обязательно, — пробормотал он едва слышно.

Лорд Джошуа обернулся к королю и, заметив брезгливое выражение у того на лице, немедленно положил руку на меч.

— Пойдемте, сир, они ждут вас.

— Но зачем это сделали? — спросил его Райс-Майкл, указывая на костер.

Лорд Джошуа подошел ближе, стараясь не встречаться с королем взглядом.

— Сир, было сказано, что он творил в аббатстве черную магию, — пробормотал он так, что расслышать его мог один лишь Райс-Майкл. — Аббат опасался дурных последствий, если тело не сжечь дотла.

— Это глупые предрассудки, — возразил король. — Ведь Дерини был давно мертв.

— К счастью для него, сир. Если бы он уцелел после допроса, его бы сожгли заживо.

— Я всегда считал, что шпионов вешают и четвертуют.

— Да, сир, но наказание за святотатство — это костер. Дерини убил христианского рыцаря с помощью магии и применил колдовство против главы нашего Ордена. Это значит, что Орден имел полное право казнить его по своему усмотрению.

Спорить с Джошуа было бессмысленно. Прикусив язык, чтобы не наговорить резкостей и не вызвать гнева *Custodes*, король, помимо воли, вновь обернулся к костру. Хотя лица было уже не разглядеть, и Райс-Майкл был благодарен за это, но от нестерпимого жара конечности мертвеца начали выгибаться и шевелиться. Впечатление было самым жутким и отвратительным. Содрогнувшись, он, наконец, отвернулся.

— Итак, полагаю, нам пора навестить отца Полина, — промолвил он негромко.

Коротко поклонившись, лорд Джошуа повел их дальше. Они прошли мимо складов келаря, затем миновали кухни и трапезную, а оттуда, по очередной крытой галерее подошли к ступеням лазарета. Все еще не вполне оправившийся от потрясения король не обратил особого внимания на пение, доно-

сившееся изнутри, и вслед за лордом Джошуа двинулся по длинному центральному коридору.

К вящему его изумлению, здесь их ожидала сцена еще более гротескная, чем та, свидетелем коей они стали во дворе аббатства. Рыцари оставили короля у дверей, но Катан с Фульком последовали за ним и едва не столкнулись с Райсом-Майклом, когда тот остановился в проходе, как вкопанный.

В комнате толпилось столько людей, что помещение казалось куда более тесным, чем на самом деле. В центре стояли две кровати. На одной неподвижно лежал смертельно бледный Полин и, к изумлению короля, на второй он обнаружил труп Альберта, обряженный в парадное одеяние, соответствовавшее ему по рангу. Двое монахов с кадильницами воскуряли благовония в изголовье постелей, а еще шестеро, выстроившись в ряд у ложа Альберта, выпевали ответы на молитву аббата. Тот с кропилом в руке окроплял святой водой обе кровати.

– *Pax huic domui...*

– *Et omnibus habitantibus in ea.*

– *Asperges me, Domine, hyssopo, et mundabor...*

– *Lavabis me, et super nivem dealababor.*

– *Miserere me, Deus...*

– *Secundum misericordiam tuam.*

Дым благовоний заполнял комнату, пение монахов било по ушам, так что Райс-Майкл не сразу заметил остальных присутствующих, преклонивших колени вдоль стены у изножья кроватей: здесь были четверо *Custodes*, которые проводили допрос – Лиор, Маган, Стеванус и Галлард, – а также Манфред и Ран. Лекарь брат Полидор стоял рядом с Полином спиной к королю, время от времени приподнимаясь с колен, чтобы прощупать пульс пациента или с на-

деждой заглянуть ему в глаза, приподнимая вялые веки.

— *Adjutorium nostrum in nomine Domine...*

— *Qui fecit caelum et terram.*

— *Deus huic domui...*

— *Et omnibus habitantibus in ea.*

— *Exorcizo te, immunde spiritus...*

Ран заметил короля как раз в тот момент, когда Райс-Майкл, ужаснувшись происходящему, принялся что-то шептать Катану, и бросил на него гневный взгляд.

Аббат принялся кропить святой водой коленопреклоненных зрителей, но как только он повернулся спиной к дверям, Ран, торопливо перекрестившись, поднялся и двинулся к выходу, выталкивая короля и его оруженосцев в коридор.

— Я не желаю слышать ваше мнение по поводу того, что здесь происходит, — очень тихо произнес он, не сводя глаз с аббата. — Просто примите как данность, что аббат Кимболл и отец Лиор делают то, что считают необходимым.

— Так они что, пытаются изгнать злых духов из Полина и Альберта? — прошептал Райс-Майкл в изумлении.

— Я не потерплю от вас никаких комментариев, которые могли бы умалить торжественность обряда, — отчеканил Ран. — Помните, брат Полидор вчера ночью предположил, что черная магия Димитрия могла призвать злых духов в стены монастыря? Они пожелали соблюсти все необходимые меры предосторожности.

— И именно поэтому решили сжечь труп Димитрия? — переспросил Райс-Майкл. — Для успокоения своей души?

— И своей, и *нашей* тоже, — отозвался Ран негромко. — Вот почему и вы сами, и ваши оруженосцы также должны подвергнуться очищению прежде, чем мы отправимся к мессе. — И, видя, что Райс-Майкл пытается возразить, поспешил добавить: — Я бы категорически не советовал вам проявлять непокорность в данном случае, сир, вне зависимости от того, как вы на самом деле к этому относитесь. Подобный жест вам ничего не будет стоить, но вы заслужите одобрение *Custodes*, можете даже извлечь из этого какую-то пользу. Мы ведь до сих пор не знаем, что мог этот Дерини сделать с *вами*, поскольку вы сами утверждаете, будто ничего не помните...

Райс-Майкл тут же прикусил язык, не осмеливаясь больше протестовать. Конечно, Димитрий с ним ровным счетом ничего не сделал, — разве что спас ему жизнь, — но если он хотел создать иллюзию, будто нечто *могло* с ним случиться, и тем самым убедить всех в своей невиновности, то ему необходимо было притвориться, что он готов сыграть в эту нелепую игру.

— Они уже начали очистительный обряд, — шепотом объявил Ран, тронув короля за локоть. — Заходите и встаньте на колени рядом со мной и Манфредом. Катан, Фульк, к вам это тоже относится.

Покорившись, Райс-Майкл сделал то, что ему велели, с суровым видом опустившись на колени рядом с Манфредом и склонив голову над молитвенно сложенными руками. Аббат, тем временем, подошел к отцу Магану, после того как закончил с Лиором, который стоял первым в этой шеренге.

— *Exorcizo te, omnis spiritus immunde, in nomine Dei Patris omnipotentis, et in nomine Jesu Christi Filii ejus, Domini et*

Judicus nostri, et in virtute Spiritus Sancti, ut discedas ab hoc famulo Dei, Maganus...

Изгоняю из тебя всех нечистых духов, во имя Бога Отца всемогущего, и во имя Сына его Иисуса Христа, нашего Господа и Судии, и силою Духа Святого, дабы ты оставил сего слугу Божьего Магана...

Райсу-Майклу никогда доселе не доводилось присутствовать при экзорцизме, а уж тем более самому подвергнуться этому обряду.

Подобно большинству мирян, которые никогда не интересовались сутью религии и ее тайными церемониями, он ограничивался формальным соблюдением обрядов и делал лишь то, что от него ожидали, скорее из чувства долга, чем из подлинного благочестия. И, разумеется, в повседневных обрядах отнюдь не значилось присутствие при изгнании демонов. Нечего и говорить, что в религиозности он сильно уступал и отцу, и своему брату Джавану, так что Ран был совершенно прав, предположив, что к происходящему король относится со здравой долей скептицизма.

— *Et hoc signum sanctae Crucis, quod nos fronti ejus damus, tu, maledicte diabole, numquam audeas violare...*

Райс-Майкл исподтишка осмелился взглянуть на аббата Кимболла, который чертил на лбу у Магана крест освященным елеем, на словах запрещая проклятым демонам преступить сей знак. Король не слишком хорошо владел литургической латынью, чтобы понимать все, о чем говорит аббат, но, к вящему своему изумлению, внезапно ощутил слабое покалывание в кончиках пальцев. Это означало, что где-то рядом пробуждаются потоки магической энергии... И это поразило его, поскольку он совершенно не предполагал ничего подобного в церков-

ном ритуале. По крайней мере, когда его исполняют самые обычные люди.

Что же касается изгнания зла, то единственное подлинное зло здесь таилось лишь в сердцах некоторых из присутствующих, и уж с ним-то точно нельзя было справиться с помощью ритуала, подпитываемого ненавистью и страхом. Райс-Майкл сказал себе, что если в сердце Полина и Альберта таилось зло, то оно не имело никакого отношения к затронувшей их магии Дерини.

— *Per eundem Christum, Dominum nostrum, qui venturus est judicare vivos et mortuos et saeculum per ignem. Amen.*

Аббат Кимболл перешел к Стевануса, и теперь уже король не мог отрицать, что в словах его содержится несомненная сила, даже когда звучат они из уст настоятеля *Custodes*, чья слепая нетерпимость никогда не позволила бы ему осознать истинный смысл происходящего. Поскольку он был не в состоянии сконцентрировать энергию, подобно Дерини, то потоки силы бесцельно клубились в комнате, подобно облачкам дыма от благовоний, скапливаясь над головами людей, подвергшихся экзорцизму. Никакого вреда в этом не было, и все же Райс-Майкл усомнился, сумел бы Кимболл более действенно использовать эту могучую силу, если бы в комнате и впрямь имелось какое-то зло. А так весь этот ритуал превращался в некую смехотворную пародию, и особенно нелепой выглядела напыщенность аббата.

Чтобы не выказать своих истинных чувств, Райс-Майкл закрыл лицо руками, делая вид, будто глубоко тронут происходящим, и не шевелился все то время, пока Кимболл двигался вдоль шеренги коленопреклоненных мужчин, повторяя одни и те же слова, окропляя их святой водой и совершая миропомаза-

ние. Уровень магической энергии так и не поднялся выше определенного уровня и не достиг нужного сосредоточения. И никто в этой комнате, даже Катан, не замечал этого.

— *Exorcizo te, immunde spiritus... et decedas ab hoc famulo Dei, Rhys Michaelis...*

Он так и не поднял головы, заслышав слова аббата, и думал, что ровным счетом ничего не почувствует, однако когда настоятель окропил его святой водой, то Райс-Майкл осознал, что может притянуть к себе толику рассеянной энергии, — совсем немного, — и когда аббат перешел к Фульку, Райс-Майкл сумел хотя бы отчасти с помощью этой живительной силы восполнить свои энергетические запасы, изрядно подрастраченные в переживаниях прошлой ночи. Он размышлял над этим новым для себя достижением все то время, пока аббат завершал ритуал и произносил слова благословения.

—*...Per Dominum nostrum Jesum Christum Filium tuum: Qui Tecum vivit et regnat in unitate Spiritus Sancti Deus, per omnia saecula saeculorum. Amen.*

Едва лишь торжественная церемония закончилась, в комнате тут же поднялся гомон. Монахи друг за дружкой потянулись к выходу, а рыцари Custodes лорда Джошуа зашли на их место, чтобы перенести тело Альберта в церковь. Прижавшись к стене вместе с Фульком и Катаном, Райс-Майкл старался не попадаться им под ноги, и для себя решил, что в будущем станет уделять более пристальное внимание церковным ритуалам. Он понятия не имел, насколько сегодняшний экзорцизм оказался полезен для остальных, включая Полина и покойного Альберта, однако сам он точно кое-что приобрел. Оставалось лишь гадать, всякий ли раз во время религиозных

обрядов повышается уровень магической энергии... Возможно, в прошлом он попросту не обращал на это внимания.

Слегка приободрившись, он проследовал за процессией, сопровождавшей покойника в монастырскую церковь. На сей раз они пошли другой дорогой, вдоль восточной стены аббатства, и вошли в церковь через боковую дверь в южном приделе. Он даже не оглянулся на дым, клубами поднимавшийся с внутреннего двора.

В церкви он занял отведенное ему место на хорах и должным образом исполнил все, что требовалось, произнося вслух слова молитв и оказывая все внешние знаки уважения человеку, что лежал перед алтарем.

Но в душе он молился совсем за другого человека, о котором никто не станет скорбеть, который и после смерти не обретет упокоения в могиле, ибо прах его будет развеян по ветру без всякого благословения и церемоний, как только угаснет пламя костра.

Глава пятнадцатая

И чтобы избавиться нам от беспорядочных и лукавых людей[1]

Аббатство святого Кассиана они покинули ближе к полудню, после того как предали тело Альберта упокоению в крипте под монастырской церковью. Поскольку отец Лиор оказался самым высокопоставленным клириком в королевском войске, то именно он временно возглавил священников *Custodes*, тогда как сэр Джошуа взял на себя командование рыцарями-монахами. Немедленно были отправлены гонцы, чтобы известить прочие аббатства *Custodes* о судьбе, постигшей их верховного настоятеля, чтобы избрание его преемника могло состояться должным образом. Кроме того, гонцы отправились и в Ремут, чтобы сообщить последние новости Хьюберту и прочим сановникам.

Тем временем Ран Хортнесский взял на себя обязанности гофмаршала Гвиннеда. Теперь он ехал по правую руку от короля, прямо под знаменем Халдейнов. Кавалькада на рысях устремилась к северу, так что невозможно было ни разговаривать на ходу, ни даже предаваться серьезным раздумьям, однако

---

[1] 2-е Фессалоникийцам 3:2

ничто не могло отвлечь Райса-Майкла от голодного бурчания в животе. Обещанная походная еда обернулась ломтем хлеба и парой глотков эля, которые удалось урвать, перед тем как садиться в седло во дворе аббатства, хотя, по крайней мере, хлеб оказался свежим, только что выпеченным. Во время небольшого привала в середине пути Фульк извлек из седельных сумок единственный кусок сыра весьма сомнительного вида... так что Райс-Майкл умирал от голода к тому времени, как на пути им начали попадаться разъезды из замка Лохаллин.

К Лохаллину они подъехали, когда сумерки уже начали опускаться на окрестные холмы. Сам замок золотом сверкал в лучах заходящего солнца. Вокруг него, у основания холма, располагались войска союзников; там уже загорались походные костры. Райса-Майкла, проезжавшего вместе со своими помощниками по краю лагеря, провожали хмурыми взглядами грубоватые мужчины в клетчатых накидках и кожаных доспехах, и отовсюду доносился восхитительный запах готовящейся пищи, смешанный с более приземленными запахами древесного дыма, сырой земли и конского навоза.

Когда они приблизились к воротам замка, навстречу королю и его свите выехал почетный караул с факелами в руках. Их возглавлял Сигер Марлийский, брат покойного Хрорика. Райс-Майкл обратил внимание, что в рыжей бороде Сигера значительно прибавилось седины по сравнению с тем днем, когда он видел его в последний раз, — впрочем, то было семь лет назад, на коронации Джавана. Райс-Майкл и сам всего пару месяцев назад вырвал у себя из шевелюры первый седой волос и еще, помнится, заметил на это Микаэле, что если люди и впрямь седеют

от горя и тревог, то удивительно, что он еще не побелел целиком, точно дряхлый старик.

— Приветствуем тебя, король Гвиннеда, — воскликнул Сигер, когда они натянули поводья, поравнявшись с королевским штандартом. — Добро пожаловать в замок! Приветствую тебя от имени Судри Истмаркской и Стейси, ее дочери. — Он показал на старшего из двух мужчин, державшихся чуть поодаль: это был темноволосый красивый молодой человек с коротко подстриженной черной бородкой. — Вот Корбан Хоуэлл, муж моей племянницы. Просим вас признать его графом Истмаркским наравне с возлюбленной нашей Стейси. А вон тот юный красавчик с жуткого вида усами — это мой сын Шон Корис, — добавил он, с лукавой улыбкой указывая на рыжеволосого юношу, державшегося с другой стороны.

Райс-Майкл с трудом сумел сохранить серьезность, ибо усы у юного Шона и впрямь были впечатляющими, — как и он сам, крепкий, словно молодой дубок, хотя ему явно не было еще и двадцати.

— Лорд Корбан, сэр Шон, — поприветствовал он и рукой в перчатке указал на Рана, который держался справа от него под стягом Халдейнов. — Полагаю, граф Марлийский помнит лорда Рана, графа Шиильского, — промолвил он осторожно, ибо знал, что Сигер и Ран не питают друг к другу особых симпатий. — Я вынужден известить вас о гибели лорда Альберта, так что теперь лорд Ран исполняет обязанности гофмаршала.

— Альберт погиб? — воскликнул Сигер, перебив короля. — Когда? Как?

Ран двинул свою лошадь на пару шагов вперед.

— Полагаю, этот вопрос нам следует обсудить чуть позже и наедине, милорд, — ровным голосом

произнес он. — Мой помощник теперь — лорд Манфред, а сэр Джошуа Делакруа временно исполняет обязанности командующего *Custodes Fidei*. Не могли бы вы любезно показать им место для лагеря, чтобы наши офицеры могли позаботиться о своих людях? Мы проделали долгий путь от аббатства святого Кассиана, так что солдаты и лошади нуждаются в отдыхе и пище.

Наблюдая и прислушиваясь к происходящему из надежного укрытия, наряженные на приграничный манер, как и большинство вокруг них, Ансель Мак-Рори и Джесс Мак-Грегор переглянулись и незаметно отступили еще глубже в тень, когда королевская свита числом около двух десятков человек проследовала за Сигером к воротам замка.

«Так, это подтверждает новости Джорема», — передал Ансель Джессу, когда Корбан и Шон подъехали к Джошуа и его капитанам, посовещались какое-то время, после чего новоприбывшие отправились разбивать лагерь.

Прищурившись, Джесс проводил взглядом отряд священников-*Custodes*, проехавших мимо вслед за королем и его свитой.

«Любопытно, как все у них переменилось», — мысленно отозвался он. — *Большое потрясение для Custodes, это уж точно»*.

Ансель, оглянувшись по сторонам, убедился, что никто не может их подслушать, и прошептал вслух:

— На мой взгляд, потрясение недостаточное. Тот пожилой священник, который отправился вместе с королем — это Лиор, их верховный инквизитор. Того, что помоложе, я не узнал. А военный лекарь с ними — это Стевanус, тот самый, что лечил Райса-Майкла после его «похищения» шесть лет назад.

— Да, отвратительная компания, — согласился Джесс. — Полагаю, нам следует выяснить поподробнее, что происходит, когда они наконец станут лагерем на ночь.

— Да, полагаю, что сплетен и слухов у костров будет достаточно, ведь солдаты потеряли своего гофмаршала прямо перед боем. Что-нибудь они наверняка знают об этом. Попрошу наших ребят, чтобы отправились поболтать и разведать все, что можно.

* * *

Леди Судри приняла короля со свитой в парадном зале своего замка. На ней было черное платье, и волосы укрыты под черным платом. Точно также была одета и ее дочь Стейси. Рядом стоял Грэхем, двадцатилетний герцог Клейборнский, приходившийся Судри племянником. Из неловкого длинноного паренька Грэхем сделался изящным красивым молодым человеком за то время, что Райс-Майкл его не видел.

Он был не такой здоровяк, как Сигер с Шоном, гладко выбритый, с длинными волосами, заплетенными в косу. Шевелюра его также отдавала рыжиной, как у всех потомков первого герцога Сигера. У Стейси волосы были куда темнее, и пышными локонами вырывались из-под тонкой шерстяной накидки, так что даже золотой обруч не мог их удержать. Темные глаза она унаследовала от матери.

Судри приветствовала короля глубоким поклоном, едва лишь он показался в дверях. Она упала на оба колена и, когда он приблизился, чтобы поднять ее, поцеловала ему обе руки. Райс-Майкл поразился, как красота у нее сочетается с уверенностью в себе,

впрочем, иного и нельзя было ожидать от супруги Хрорика. Немедленно, как только все уселись за стол, она послала старших помощников своего покойного мужа к королю, чтобы они могли ответить на все его вопросы. Последнее сообщение от принца Миклоса они получили сегодня в полдень. Тот утверждал, что готов к переговорам на следующее утро, но желает иметь дело лишь с самим королем.

— Об этом не может идти и речи, — заявил Ран, когда, рассевшись за длинными столами, они принялись за еду. — Мы сейчас рассказали вам, что случилось прошлой ночью. Я не могу позволить королю подвергнуться дальнейшей опасности от деринийского колдовства.

— Но как вы узнаете, чего хочет Миклос, если даже не согласитесь принять его посланца? — полюбопытствовал Сигер.

— А с какой стати ему нам что-то предлагать? — возразил Манфред, щедро наваливая себе на тарелку жаркое. — Если вы верно оценили его силы, мы можем выбить его из Кулликерна после первой же стычки. Конечно, для подготовки понадобится время, но мы никуда и не торопимся. А вот готов ли он проторчать ближайшие пару месяцев в Кулликерне?

— Мы не хотим, чтобы он торчал в Кулликерне, милорд, — воскликнул юный Грэхем. — Нам нужно, чтобы он убрался прочь. Но если вы откажетесь с ним говорить, тогда он точно не уйдет.

Ран нахмурился.

— Я думал, что ясно выразился: я не желаю иметь дело с предателями-Дерини, и в особенности, когда это может коснуться короля.

— Если вы опасаетесь, как бы посланник не оказался Дерини, — заметила Судри, — то просто укажите, что готовы говорить лишь с обычным человеком. Пригрозите Миклосу, что испытаете его гонца мерашей, а затем сделайте это.

— В Истмарке такое часто происходит, — подал голос капитан по имени Мюррей. — Поднесите ему приветственную чашу, где будет вино с мерашей. Человек от этого просто почувствует сонливость, но Дерини не сумеет скрыть воздействие снадобья.

— Это самый безопасный способ иметь с ними дело, — добавил Грэхем. — И куда более любезный, чем окружать их лучниками, готовыми выстрелить в любой момент. Если вы согласны, мы можем отправить гонца прямо сейчас, чтобы договориться о встрече на завтра.

— Да, полагаю, нам имеет смысл выслушать, что они хотят нам сказать, — неохотно согласился Ран. — Расскажите мне побольше о том, какова ситуация.

Разговор тут же перешел на частные военные проблемы. Были принесены карты местности, а Корбан с Шоном Корисом тем временем отправились в лагерь, чтобы убедиться, как прошло размещение королевских войск. Некоторое время спустя, пока Ран с Манфредом обсуждали военную тактику с Сигером, Грэхемом и остальными, Судри незаметно подошла к королю, который почти не вмешивался в разговор.

— Передать вам не могу, какое для меня облегчение видеть вас здесь, сир, — произнесла она негромко. — Мой муж всегда с любовью отзывался о вашем брате Джаване. Он был благородным и честным королем. Мы все ужаснулись, когда узнали о его гибели.

Райс-Майкл искоса бросил на нее взгляд, гадая, как много ей на самом деле известно об истинных обстоятельствах смерти Джавана.

— Надеюсь, что стану вам хотя бы вполовину столь же хорошим сюзереном, каким лорд Хрорик был для меня вассалом, миледи, — промолвил он негромко. — Меня очень опечалила весть о его смерти.

Она склонила голову.

— И ужаснее всего то, что он погиб от руки моих же бывших соотечественников. Я... — голос ее сорвался, и она с надеждой воззрилась на короля. — Сир, могу ли я попросить вас о небольшой услуге сегодня вечером, пока все остальные заняты? Я понимаю, что у вас сейчас на уме куда более серьезные заботы, но могу ли я попросить вас сопроводить меня в часовню?.. Всего на пару минут, чтобы помолиться за душу моего супруга?

Он сперва хотел было отказаться, зная, что Ран не одобрит подобной отлучки, но она поспешила добавить:

— Прошу вас, сир, это облегчит мою скорбь, если король проявит уважение к моему дорогому супругу. Это отнимет всего пару минут вашего драгоценного времени.

И хотя в ее просьбе не было ни тени угрозы, он все же заподозрил, что она вызвана была не простым благочестием. У Судри явно было что-то на уме, и она не желала говорить об этом при посторонних. Ему стало любопытно, и он покосился на Фулька.

— Передай Катану, что я ненадолго отправлюсь в часовню, чтобы там помолиться за упокой души герцога Истмаркского, — прошептал он. — Я скоро вернусь. Встретимся у дверей.

Не дожидаясь, пока Фульк передаст его слова, Райс-Майкл предложил леди Судри руку и вместе с ней вышел из зала. Поскольку Фульк, который вскоре к ним присоединился, не сказал ни слова, король сделал вывод, что его объяснению поверили. Вероятно, Рану пришлось по душе, что он берет с собой именно Фулька, а не Катана, поскольку в преданность Фулька советники верили куда больше. Теперь главное — не отлучаться слишком надолго, чтобы Ран не встревожился... Пока они шли по двору замка и поднимались по ступеням часовни, Судри не сказала ни слова, но когда Фульк принялся отпирать дверь, она на миг коснулась рукой его запястья.

— Добрый сэр Фульк, прошу вас, проследите, чтобы нашим молитвам никто не помешал, — промолвила она вполголоса.

К удивлению Райса-Майкла, его оруженосец лишь почтительно склонил голову и без единого слова закрыл дверь, и сам остался у входа. Бросив на короля пристальный взгляд, она двинулась вперед по крохотному тускло освещенному нефу часовни и наконец указала вперед, когда они остановились перед алтарем.

— Вот здесь покоится мой Хрорик, в освященной земле перед алтарем, — прошептала она, размашисто перекрестившись. — Сам он, возможно, решил бы, что это не слишком подходящее для него место, но военачальники настаивали. Когда я умру, надеюсь, меня похоронят рядом с ним, и не потому что я претендую на какую-то святость, уверяю, но мое место рядом с тмужем. Он был прекрасным человеком...

Подавив рыдание, она закрыла лицо руками и опустилась на покрытую ковриком молитвенную

скамеечку перед алтарными ступенями. Райс-Майкл, испытывая неловкость, преклонил колена рядом с ней и также перекрестился, вознамерившись прочитать хотя бы положенное «Отче наш» во спасение души Хрорика, но осекся на полуслове, вспомнив странную сцену у дверей часовни. Взгляд его рассеянно прошелся по каменной резьбе за алтарем, задержался на алом огоньке лампады, подвешенной сбоку. По идее, Фульк должен был хоть как-то отреагировать на просьбу леди Судри, но почему-то он промолчал...

— Делайте вид, будто ничего не происходит, на случай, если за нами наблюдают, — внезапно послышался шепот Судри прямо у него под ухом. — Известно ли вам, что кто-то копался в мозгу у вашего сэра Фулька?

От такого вопроса он буквально остолбенел, хотя и постарался ничем не выдать своего изумления. Зажмурившись, он склонил голову над сложенными руками, затем осмелился искоса бросить взгляд на леди Судри, готовый в любой миг использовать чары истины.

— Почему вы так решили? — прошептал он. — И если даже это и правда, то откуда вам знать?

Она подняла лицо к алтарю и молитвенно стиснула руки на груди, но взгляд ее по-прежнему был устремлен на короля.

— А вот такой реакции я не ожидала, — промолвила она. — Вас больше удивило то, что мне об этом известно, но отнюдь не то, что такое вмешательство имело место.

В этот момент он ощутил слабое давление на свои защиты и мгновенно поднял их, даже не раздумывая над тем, что делает. И тут же его охватила па-

ника, едва он понял, что теперь ей известно о его способностях.

— О Боже, — выдохнула она. — Умоляю простить меня, сир, я понятия не имела... Точнее, до нас доходили слухи... Насчет Халдейнов, не о вас лично... Но я не обращала на них внимания. Сир, клянусь, что никогда не причиню вам зла. Вы можете использовать чары истины, чтобы проверить искренность моей клятвы.

Он безмолвно уставился на нее, силясь разумом охватить все открывающиеся возможности, однако у него не было окончательной уверенности, можно ли ей доверять, пусть даже сейчас она говорила чистую правду.

— Значит, вы и впрямь обладаете силой Халдейнов, сир, — прошептала она. — Боже правый, это меняет все. У меня появилась надежда. Сир, хотя я и прихожусь Миклосу дальней родней, и у меня в жилах течет кровь Дерини, однако мои силы очень невелики, и я никогда не пыталась ничему научиться. Я отказалась от этого дара много лет назад, когда дала клятву верности моему мужу и его народу, так что мне почти нечего вам предложить, но все же располагайте мною, как вам будет угодно. Прочтите мои мысли, умоляю, у нас очень мало времени, а мне нужно вам многое сообщить.

Вся дрожа, она склонила голову и оперлась руками о поручень молитвенной скамеечки, левую руку развернув ладонью кверху, так, чтобы он мог коснуться ее, незаметно для стороннего взгляда.

— Прочтите же мои мысли, заклинаю, — продолжала она настаивать и придвинулась чуть ближе. — Я не буду сопротивляться. Если Господу будет угодно, то я даже сумею вам чем-то помочь.

Она говорила чистую правду, и в просьбе этой он не улавливал ни малейшей угрозы. В точности повторив позу женщины, он дотронулся до ее ладони и использовал телесный контакт, чтобы установить ментальную связь, осторожно касаясь мыслью ее слабых защит, которые тут же отступили под нажимом. Она не обладала ни силой, ни самоконтролем прочих Дерини, с которыми ему приходилось иметь дело, — слабее ее были разве что Мика с Катаном, — и все же готова была оказать ему любую посильную поддержку.

Очень быстро он постарался извлечь из ее памяти максимум информации, пока ничего не выдавая взамен. Судьба Судри оказалась той самой искрой, что вновь разожгла старую вражду между Мердоком и келдорскими лордами во время торжеств по случаю коронации Джавана. Райс-Майкл тогда присутствовал при ссоре, но придал этим событиям куда меньше значения, чем следовало бы, поскольку был слишком юн, наивен и даже не подозревал, что рано или поздно ему самому придется столкнуться с данной проблемой. Тогда Миклос впервые поднял этот вопрос, вопросив короля о судьбе Судри Рорау, приходившейся дальней родней королевской династии Торента. Она была взята в плен в Келдоре отцом Хрорика, герцогом Сигером, и вместе с братом сделалась заложницей Эвана, старшего сына Сигера.

Ее брат Кеннет стал оруженосцем, а позднее и рыцарем у Эвана на службе, а затем, защищая своего господина, пал от руки Мердока, тогда как Судри вышла замуж за Хрорика, среднего сына Сигера, и полностью отреклась от магии Дерини и любых связей с Торентом из любви к мужу и его народу. Когда Хрорик наконец отомстил Мердоку за убийство

своего брата Эвана, Судри радовалась вместе с мужем, и пила за здравие короля, который дозволил правосудию свершиться. Теперь же она была готова предложить свою преданность и силу брату того человека, который в свое время проявил справедливость по отношению к Истмарку.

Внезапно скрежетнувший за спиной дверной засов, вырвал Райса-Майкла из легкого транса, и он приготовился разорвать контакт.

— Нет, милорд, да вы взгляните сами... — донесся до них голос Фулька, когда дверь приоткрылась. — Они просто молятся вместе с леди Судри. Она попросила его поклониться могиле своего супруга. Было бы оскорбительно отказать ей в этой просьбе. Что тут может быть плохого?

У Райса-Майкла остановилось дыхание. Он изо всех сил напряг слух, гадая, будет ли их уединение нарушено, или Фульк все же сумеет не пустить в часовню посторонних, но вот наконец раздалось какое-то недовольное бормотание, и дверь закрылась. По-прежнему поддерживая ментальную связь, Райс-Майкл обернулся, чтобы убедиться в отсутствии посторонних, затем вновь сжал пальцы Судри и передал ей мысленные картины пленения Димитрия и его гибели, умолчав лишь о собственном участии в этой истории, чтобы не выдать своих сообщников-Дерини.

— Как по-вашему, что у Миклоса на уме? — спросил он шепотом, переходя на обычную речь, чтобы не утомлять ее. — Судя по всему, Димитрию был отдан приказ убрать с дороги некоторых из моих советников... И он это сделал, чем оказал мне большую услугу. Однако остается вопрос, что он должен был предпринять, когда мы оказались бы в Кулликерне,

будь он все еще жив. Учитывая то, что я только что вам поведал, возможно, вы уловите некий двойной смысл в сообщениях, полученных от Миклоса за прошлую неделю. Что вы посоветуете?

Чтобы сберечь время, она изложила ему свой план мысленно, и он на несколько мгновений погрузившись в раздумья, а затем отпустив ее руку, устало потер лицо и взглянул на фигуры святых над алтарем. Лампада бросала на деревянные изваяния золотисто-алые отблески, слишком напоминавшие кровь.

— Согласен. Никто не усомнится в ваших мотивах, но вы очень рискуете, оказывая мне подобную услугу, — заметил он наконец. — Если все выйдет именно так, то могут пробудиться воспоминания, уже двадцать лет как похороненные, и ваши собственные люди могут обернуться против вас.

— Если против Миклоса нам придется применять не только воинскую силу, то им не следует знать, что вы владеете магией, государь, — отозвалась она шепотом. — И если кто-то заподозрит неладное, вы должны попытаться убедить их, что эта сила принадлежит вам по праву как помазаннику Божьему. И если мне удастся отвести от вас хотя бы часть подозрений, то я готова напомнить им о своем дериний-ском происхождении. К тому же вдова всегда может удалиться в монастырь, дабы принести там покаяние. Вашим *Custodes* это понравится.

Райс-Майкл хмыкнул.

— Скорее, они решат, что вы осквернили этот замок. Нынче утром перед отъездом из монастыря святого Кассиана аббат принялся изгонять злых духов из всех, кто накануне виделся с Димитрием... да-

же из покойного Альберта... А потом они сожгли труп Димитрия.

— Глупцы, как же они боятся нас, — прошептала она. — Но нам необходимо сделать так, чтобы *вас* они не боялись. Димитрий сказал вам вчера, что готов умереть, лишь бы защитить вас. Что ж, теперь я повторю его клятву.

— Я очень надеюсь, что никому не понадобится умирать ради меня, — промолвил он негромко и вновь взял ее за руку. — Разумеется, если не считать некоторых из моих советников, которым давно пора поплатиться за свои преступления. Но я благодарен вам за преданность сильнее, чем могу выразить словами. Если не считать Катана, у меня нет ни единого человека, кому бы я мог безоговорочно доверять.

С этими словами он поднес ее руку к губам, а затем встал сам и помог ей подняться на ноги.

— Нам пора возвращаться. Наверняка там, у дверей, это был лорд Ран или кто-то еще из моих тюремщиков.

— Так значит, это правда... Все те слухи, — прошептала она, глядя ему прямо в глаза.

— Какие слухи? — переспросил он.

— Что король наш сам себе не хозяин, и его сановники правят Гвиннедом.

— Я намерен положить этому конец, — отозвался он. — До сих пор я мало что мог поделать, но они наконец совершили свою главную ошибку, позволив мне приехать сюда. Я впервые в жизни вкусил свободы, и больше не намерен отступать.

— Они могут вас убить, — промолвила она. — Особенно, если узнают, кто вы такой.

Он согласно кивнул.

— Да. Но, возможно, и нет. Хотя, если меня не убьют мои же подданные, это может сделать Миклос... Или Марек. Видит Бог, все они намерены попытаться. Но, по крайней мере, у меня будет шанс наконец сделаться настоящим королем. И с вашей поддержкой, возможно, мне удастся остаться в живых.

С почтительной улыбкой она поцеловала ему руку, затем повернулась, и они вдвоем направились к выходу из часовни.

Судри так рассыпалась в благодарностях, благословляя короля за то, что он вместе с ней согласился помолиться над могилой ее супруга, что даже Ран не осмелился ничего на это возразить, по крайней мере, в ее присутствии. Однако чуть позже, после того как Манфред известил Райса-Майкла обо всех решениях, принятых в его отсутствие, Ран увлек его в нишу для серьезного разговора. Манфред предусмотрительно встал, загораживая их спиной, чтобы никто не мог им помешать.

— Сир, я вынужден настаивать, чтобы больше не было повторения сегодняшних выходок, — произнес Ран с деланным спокойствием, хотя глаза его метали молнии. — И о чем вы только думали? Она ведь Дерини. Я думал, после событий прошлой ночи вы прекрасно сознаете опасность общения с этим племенем.

Райс-Майкл наигранно возмутился:

— Милорд, но эта женщина недавно овдовела, и супруг ее погиб, служа своему королю. Мне показалось, я обязан оказать ей столь небольшую любезность, как помолиться у могилы ее мужа.

— Это чувство похвально, но нельзя преуменьшать опасность, — возразил Ран. — Что если бы она попыталась овладеть вашим сознанием?

— Но зачем ей это делать?

— Она приходится родней Миклосу.

— Ран, он ведь убил ее мужа. Я не думаю...

— Я сам скажу вам, о чем думать, — рявкнул Ран в ответ. — И не надейтесь попробовать на прочность свои узы только из-за того, что вы на время вырвались на волю из Ремута. Ваш наследник по-прежнему в наших руках, равно как и вы сами. Должен ли я продолжать, или этого достаточно?

Райс-Майкл побледнел, вновь осознал, насколько еще велика его несвобода.

— Простите, милорд, — выдавил он шепотом. — Я и не думал идти против вашей воли. Просто леди Судри...

— Я не осуждаю, что вы были с ней любезны, — произнес Ран. — Мне просто не нравится, что вы удалились сами по себе, не спросив даже дозволения.

— Но я ведь попросил Фулька сообщить Катану, куда я направляюсь, — возразил Райс-Майкл. — Мы всего лишь пошли помолиться в часовню.

— Да, и правильно сделали, что ограничились только этим, — отрезал Ран. — Ну да ладно, я надеюсь, что теперь вы осознали свою ошибку.

Райс-Майкл выглядел смущенным и подавленным, и, судя по всему, это вполне удовлетворило Рана, он пробурчал что-то нечленораздельное, а затем окинул взглядом зал, где Фульк с Катаном наблюдали, как королевские рыцари укладываются спать вместе с истмаркскими солдатами. Замок уже был полон народу к их приезду, однако хозяева Лохаллина сказали, что постараются разместить здесь как можно больше людей, — ночевать под крышей было куда лучше, чем в лагере у подножия холма.

— Ну что ж, пожалуй, вам следует пойти поспать, — объявил наконец Ран. — Завтра поутру у нас намечен военный совет.

К вящему изумлению Райса-Майкла, ему выпала несказанная роскошь получить отдельную комнату. Крохотная, похоже скорее на нишу, вырубленная в той же толстой стене, что и винтовая лестница, она вмещала лишь одну узкую койку, умывальник и сундук в изножье кровати. Ни очага, ни уборной там не было, и все же королю впервые выдалась возможность остаться в одиночестве, с самого отъезда из Ремута. Он отослал прочь Фулька и, учитывая размеры комнаты, это не вызвало особых подозрений, а Катан остался с ним, чтобы помочь снять доспехи. И король воспользовался этим, чтобы рассказать о своем разговоре с Судри и с Раном. Катан был изумлен.

«Я помню, поговаривали, что она Дерини, еще много лет назад. Но кто бы мог подумать, что она предложит вам помощь? — мысленно передал Катан, укладывая королевские доспехи поверх сундука у постели. — *Жаль, что нельзя сообщить об этом Джорему и всем остальным».*

«Мне тоже жаль, но выхода нет. Впрочем, постараемся и сами сделать все, что возможно. Нужно не терять бдительности».

На это Катану было нечего сказать, и он со вздохом отвернулся, чтобы разложить у порога свой тюфяк. Райс-Майкл закончил раздеваться и забрался в постель. Катан также скинув одежду, уложил свой меч на пол рядом с тюфяком и вытянулся, укрывшись плащом.

— Доброй ночи, Райсем, — пробормотал он.

Король не отозвался. Катан с довольным вздохом повернулся набок и сонно уставился на лучину, горевшую у постели. Наконец, зрение его замутилось, и он погрузился в сон.

* * *

Вокруг другой лучины, горевшей в шатре, расположенном неподалеку от замка Лохаллин, собрались в этот самый миг трое Дерини. Шепотом они обменялись сведениями, что удалось собрать за вечер.

— Жаль, что мне не удалось добраться до Лиора или до кого-либо из тех, кто при этом присутствовал, — пробормотал Ансель. — Ясно, что это была работа Димитрия, но, похоже, он сделал куда больше, чем мы планировали.

Тиег кивнул.

— Хотя мне не очень по душе, как он поступил с Полином. Насколько я смог узнать, тот остался в живых, даже с выжженным мозгом... Это говорит либо о его бычьем упрямстве, либо о том, что Димитрий был не так искусен, как мы предполагали.

— Или Димитрию помешали прежде, чем он смог закончить, — возразил Джесс. — Полагаю, они схватили его, после того как он убил Альберта, и Димитрий сделал последнюю отчаянную попытку добраться до Полина, поскольку знал, что все равно не сможет уцелеть.

— Честно говоря, лучше бы он его убил, — заметил Тиег. — Одному Богу известно, сколько Полин еще протянет без надежды на выздоровление... Хотя едва ли он осознает, что с ним произошло.

— Ну, по крайней мере теперь, когда Полин с Альбертом сошли со сцены, влияние *Custodes* на

время ослабеет, — заметил Ансель. — И самое главное, что король выбрался из этой переделки, не навлекая на себя подозрений. Насколько я мог заметить сегодня вечером, выглядел он неплохо. Будет любопытно понаблюдать, как сместится равновесие теперь, когда командование принял на себя Ран.

Глава шестнадцатая

Со стрелами и луками будут ходить туда[1]

С рассветом в Кулликерн отправился королевский гонец под белым флагом перемирия с требованием, чтобы Миклос прислал свои предложения с обычным посланником-человеком, который был бы готов к испытанию мерашей, прежде чем его допустят к королю. Дожидаясь возвращения гонца, королевские советники и их союзники-северяне перебрались в походный лагерь, где собрались в общем шатре для обсуждения ситуации.

Два часа спустя их посланец вернулся в сопровождении другого всадника. Это был закаленный воин средних лет в походной одежде с гербом Миклоса на плече. На нем был стальной шлем, но никакого оружия. Лучники постоянно держали его на прицеле, как только они оказались в досягаемости выстрела, и сопроводили его в гвиннедский лагерь, задержав прежде, чем он успел подъехать к шатру, где дожидались Ран, Сигер и Лиор со Стеванусом и Галлардом де Бреффни.

Королевского гонца поспешили увести прочь, опасаясь, что он мог подвергнуться деринийскому

---

[1] Исаия 7:24

влиянию будучи в Кулликерне; тогда как посланцу Миклоса было велено стоять смирно и не делать резких движений. Райс-Майкл незаметно наблюдал за происходящим из шатра, а Галлард и Стеванус, прятавший в руке деринийскую колючку, вышли посланнику навстречу.

— Кто ты такой? — спросил его Галлард.

Солдат окинул взглядом их со Стеванусом и сразу обратил внимание на лекарскую нашивку у Стевануса на плече.

— Хомбард Таркентский, особый посланец его высочества принца Миклоса Торентского. А вы тот самый рыцарь, который должен убедиться, что я не Дерини?

— Прошу вас снять перчатку и дать мне руку, — потребовал Стеванус, доставая деринийскую колючку.

Вид этого инструмента явно поверг Хомбарда в изумление, но он повиновался, даже не думая сопротивляться, когда Галлард схватил его за руку, чтобы Стеванус мог вонзить парные иглы в тыльную сторону запястья. У него лишь дернулась мышца на щеке, и он на миг зажмурился, но не издал ни звука и только потер место укола, когда Галлард наконец опустил его.

— Я ожидал получить снадобье с питьем, — произнес он почти с упреком, а затем снял также и вторую перчатку и засунул их себе за пояс. — Должно быть, это те самые деринийские колючки? Нам доводилось о них слышать.

— А что, в Торенте их не используют? — спросил Стеванус, завинчивая колпачок, но не убирая свой инструмент и продолжая внимательно наблюдать за посланцем.

Хомбард невесело усмехнулся.

— Мы и без того знаем своих Дерини, господин лекарь. Поэтому мераша нам ни к чему. Но я обычный человек. А теперь отведите меня к Халдейну, покуда меня не одолела сонливость, и я еще в силах передать ему послание моего господина.

— Когда мы будем удовлетворены, то тебя отведут к королю, — ледяным тоном заявил Галлард. — И даже обычному человеку следует соблюдать положенный этикет в общении с сильными мира сего.

Солдат пожал плечами и зевнул.

— Хорошо. Тогда отведите меня к вашему господину, — поправился он.

Стефанус заметил, как у того расширились зрачки, и кивнул Галларду.

— Можете забрать его.

Рыцарь *Custodes* подхватил Хомбарда под руку и направился к Рану с Лиором, поддерживая гонца под локоть, когда тот оступался. Хомбард вновь зевнул, когда его подвели к Рану и, похоже, совсем не возражал, чтобы Лиор прощупал его пульс и взглянул на расширившиеся зрачки.

— Как ваше имя, сударь? — спросил его тем временем Ран.

— Хомбард Таркентский, особый посланник его высочества принца Миклоса Торентского.

Дождавшись утвердительного кивка Лиора, Ран подбородком указал в направлении шатра.

— Пойдемте со мной, — и двинулся вперед, не дожидаясь, пока Хомбард последует за ним.

Королевский шатер поутру постарались обставить как можно внушительнее. Райс-Майкл восседал на походном троне, позади него висел его щит, а на коленях он держал меч Халдейнов. Военные командиры и их помощники выстроились по бокам, и

под ноги им был брошен келдишский ковер. Как и все остальные, король облачился в полное боевое снаряжение, за исключением шлема и латных перчаток, и лев Халдейнов ярким золотом сиял на его алом плаще. Манфред стоял от него по правую руку, тогда как Катан с Фульком держались позади трона. Сигер с Грэхемом, представлявшие Истмарк, держались слева. Галлард со Стеванусом, равно как и Лиор, остались у входа, и Галлард опустил полог шатра, когда все, наконец, вошли внутрь.

— Сир, перед вами Хомбард Таркентский, — объявил Ран.

Хомбард наклонил голову... Это было осторожное движение, отнюдь не дерзкое, просто, как почувствовал Райс-Майкл, из-за избытка мераши в крови, гонец опасался утратить равновесие, если попытается поклониться как следует. Знаком велев принести стул торентскому посланцу, король также кивнул ему в ответ.

— Прошу вас, садитесь, милорд.

Хомбард сел, подавляя зевок, и расставил ноги пошире для пущего равновесия. Зрачки его так расширились, что радужки почти не было видно.

— Милорд, мой господин принц Миклос Торентский велел мне передать вам некоторые предложения. Желаете ли вы выслушать их?

— Именно затем мы здесь и собрались, — нетерпеливо перебил Ран, занявший место рядом с Манфредом. — Говорите же, наконец. Мы вас привели сюда не для того, чтобы играть в игры.

— Конечно, нет, — согласился посланец, упираясь руками в колени и делая глубокий вдох. — Я прекрасно сознаю, что это не игра. Господа, принц Миклос желает сообщить вам, что он любезно согла-

сился пересмотреть свои прежние планы относительно замка и города Кулликерн. Если он получит некоторые гарантии, то будет готов оставить Кулликерн без боя, чтобы сохранить жизни и своих людей, и ваших. Однако он желает обсуждать этот вопрос лично, один на один с вашим повелителем.

— И принц Миклос надеется, что я соглашусь на это? — воскликнул Райс-Майкл, прежде чем Ран успел вмешаться.

— Принц Миклос полагает, что вы не пожелаете жертвовать впустую жизнями своих солдат, — отозвался Хомбард. — Он искренне сожалеет о гибели лорда Хрорика, ибо тот был супругом леди Судри, которая приходится моему господину дальней родней. Он предлагает, чтобы вы с ним вдвоем встретились в чистом поле на заранее условленном месте под флагом перемирия ввиду обеих армий, безоружные и в сопровождении единственного спутника. Если пожелаете, моего господина буду сопровождать я, поскольку вам уже известно, что я обычный человек, а не Дерини.

Он сделал паузу, чтобы подавить очередной зевок, и его пробрала дрожь. Сигер напряженно заметил:

— Хрорик тоже согласился встретиться под флагом перемирия, и это стоило жизни и ему, и многим другим отважным воинам. И захват Кулликерна был совершенно противозаконным.

— Это была ошибка, — согласился Хомбард. — Лорд Хрорик должен был оставаться целым и невредимым ради леди Судри. Именно поэтому мой господин и предлагает оставить Кулликерн.

— Почему-то он не предлагал оставить Кулликерн, когда две недели назад его герольд объявился у нас в

Ремуте, — заметил Райс-Майкл. — Равно как он и не выказывал в ту пору особых сожалений по поводу гибели графа Хрорика. Тогда речь шла только о крестинах его племянника, сына человека, который незаконно претендует на мой престол.

— Но мой господин добился желаемого, разве не так? — заметил Хомбард.

— Чего же именно? — спросил его Ран.

— Ну, разумеется, умалив достоинство Халдейна тем, что вынудил его прибыть в Кулликерн ради сына принца Марека, — пояснил Хомбард, и голос его потонул в возмущенных выкриках советников Райса-Майкла. — На сей раз мы не станем требовать ничего более.

— А мы ничего и не намерены уступать вам, — стиснув зубы, прорычал Манфред. — К тому же я не думаю, чтобы Миклос мог искренне надеяться на то, что король Гвиннеда прибудет на крестины наследника бастарда.

Хомбард пожал плечами, никак не отреагировав на это оскорбление.

— Я не вправе обсуждать намерения своего господина, сударь. Могу лишь сказать вам, что принц готов изменить свои планы. Его юный племянник внезапно заболел, его крестили вчера вечером без лишних церемоний, и он с родителями уже отбыл обратно в Толан.

Заслышав это, Райс-Майкл надолго задумался, гадая, может ли это оказаться правдой. Сам Хомбард искренне верил в свои слова, но этого и следовало ожидать от любого гонца, который повторяет лишь то, что ему было велено.

— С какой стати нам в это верить? — воскликнул Манфред. — Нам точно известно, что принц Миклос

— Дерини, и он давно и в открытую поддерживает самозванца, претендующего на гвиннедский престол. Я сомневаюсь, что он согласится подвергнуться действию мераши, подобно вам, дабы мы могли иметь с ним дело, не опасаясь предательства.

— Да, разумеется, он на это не согласится, милорд, — отозвался Хомбард. — Однако осмелюсь заметить, что даже против принца Миклоса можно использовать чары истины, поэтому мой господин предложил, чтобы в этом вам помогла леди Судри, которая могла бы сопровождать короля на переговорах. Мой господин просил вам напомнить, что будучи в родстве с королевской династией Торента, леди Судри также принадлежит к Дерини. И хотя ее сила не настолько велика, чтобы представлять для вас угрозу, однако этого будет достаточно, чтобы убедиться в искренности слов моего господина, когда Гвиннед и Торент будут обсуждать условия сдачи города.

— Когда *Гвиннед и Миклос* будут обсуждать эти условия, — поправил его Ран. — Поскольку мы сильно сомневаемся, чтобы король Арион одобрил подобную дерзкую выходку своего брата.

Хомбард пожал плечами и вновь зевнул.

— Я могу говорить только от имени принца Миклоса, милорд. Больше мне нечего сказать. Меня послали лишь предложить вам условия встречи.

Напряженно поразмыслив несколько секунд, Ран обернулся к Стевануcу.

— Уведите гонца и дайте ему прилечь, пока мы будем обсуждать это предложение, — заявил он. — И оставайтесь все время с ним.

Едва лишь эти двое удалились в сопровождении Галларда, Ран рухнул на стул, где только что сидел гонец. Лиор также подошел ближе и встал рядом с

Манфредом. У Сигера вид был смущенный, Грэхем явно недоумевал. Райс-Майкл протянул свой меч Катану и глубоко задумался, опасаясь, не мог ли он неверно оценить намерения леди Судри.

— Бессмыслица какая-то, — пробормотал Ран. — Почему он вдруг изменил свои планы? С какой стати Миклосу отступать? Единственной причиной может быть — если он узнал о судьбе Димитрия.

Манфред неуверенно покосился на короля.

— Полагаете, он рассчитывал, что Димитрий сможет сместить равновесие в его пользу, когда король окажется здесь? — спросил он.

Они с Раном вдвоем уставились на Лиора, и священник *Custodes* пожал плечами.

— Вполне возможно, милорд. С этими Дерини никогда не знаешь, чего ждать.

Ран побарабанил пальцами по колену, затем обернулся к королю.

— Не может быть и речи о том, чтобы вам встречаться с Миклосом на таких условиях, сир. Я не могу позволить, чтобы вы сошлись с ним один на один.

— Но ведь я не буду один, если со мной отправится леди Судри, — поправил его Райс-Майкл.

Манфред хмыкнул.

— Едва ли это может служить утешением. Если она действительно не слишком владеет магией, как все на том настаивают, тогда от нее будет мало проку, вздумай Миклос напасть на вас. А если она достаточно сильна, чтобы защитить вас от него, это означает, что она опасна и сама по себе... В особенности, если решит хранить верность торентской родне.

Сигер, силясь сдержать гнев, скрестил мощные руки на груди.

— Если уж говорить о торентской родне... Вы, похоже, забыли, что именно эта родня виновна в смерти Хрорика. Уверяю вас, *она* об этом не забыла.

— А *я* прекрасно помню, сколь предан нам был Хрорик, — заметил Райс-Майкл. — Как и вся *его* родня. У меня нет никаких причин сомневаться в преданности леди Судри. Именно Миклос семь лет назад заварил эту кашу, когда впервые стал допытываться у моего брата Джавана о ее судьбе. До тех пор торентцев это не слишком заботило. Она отказалась иметь с ними дело в ту пору, и я не думаю, что события последних дней могли что-то изменить.

Манфред нахмурился.

— Может, он надеется переубедить ее, если сумеет встретиться с ней лично?

— Я не сомневаюсь в преданности леди Судри, — повторил Райс-Майкл, в душе надеясь, что не обманывается на ее счет.

— Все равно, здесь какая-то ловушка, — пробормотал Ран.

— Если и так, то это означает, что весь этот план был задуман еще двадцать лет назад, что довольно сомнительно, — возразил король. — Послушайте, мне и самому эта идея не слишком по душе. Вполне вероятно, что Миклос и впрямь задумал какую-то хитрость. Но нам придется куда хуже, если доведется выйти на поле брани. Разумеется, мы все равно одержим победу, — но какой ценой? И можно не сомневаться, что Миклос с Мареком ускользнут у нас сквозь пальцы, прежде чем мы успеем до них добраться. Впрочем, если верить словам гонца, то Марек уже ускользнул. Так что мы не сможем с ним посчитаться.

— Но если мы просто позволим Миклосу уйти, то день расплаты еще более отсрочится, — промолвил Ран. — А если он задумал какую-то ловушку, и вы погибнете, то день решающей битвы настанет куда скорее. Неужто вам так не терпится, чтобы в Гвиннеде вновь установилась власть регентов?

— Разумеется, нет. Я отнюдь не жажду смерти, не больше, чем вы все. Однако речь идет о том, что для нас важнее — возможное предательство, или уверенность в том, что многие люди погибнут на поле боя.

При этих словах короля Сигер согласно кивнул.

— Я задаюсь вопросом, почему Миклос, вообще, предложил вести переговоры, не говоря уже о том, чтобы отступить, — продолжил Райс-Майкл. — До сегодняшнего утра у него, похоже, были совсем иные планы. Он нанес нам смертельное оскорбление, захватив нашу крепость и преподнеся ее в дар наследнику моего главного соперника... И мы пролили бы много крови, чтобы отвоевать свои земли.

— А теперь он сам предлагает нам их обратно! — воскликнул Грэхем. — Почему?

— Хороший вопрос, — отозвался Райс-Майкл. — Могу лишь предположить, что причиной тому то, что произошло прошлой ночью. Конечно, вполне возможно, что сын Марека и впрямь заболел, но лично я в этом сомневаюсь. Я, вообще, не уверен, что он когда-либо был в Кулликерне. Нет, я полагаю, мы застали Миклоса врасплох, когда захватили Димитрия. Разумеется, нам просто улыбнулась удача, — но он-то этого не знает. И пока он не выяснит наверняка, что случилось с Димитрием, он не осмелится предпринимать никаких решительных шагов. Именно поэтому он и предлагает убраться из Кулликерна, и готов дозволить мне взять на переговоры

единственного Дерини, которым мы располагаем, чтобы удостовериться в искренности его намерений.

— Сир, ваши доводы вполне разумны, — задумчиво произнес Лиор, пристально разглядывая свои ногти. — Но вам не приходило в голову, что, на самом деле, в этой истории с Димитрием осталось много нерешенных вопросов, и именно поэтому Миклос так стремится к этой встрече?

— Что вы имеете в виду?

— А вот что. Нас всех беспокоило возможное предательство леди Судри, если мы отпустим ее с вами на переговоры с Миклосом. Однако существует и иная, куда более ужасная возможность. Что, если Димитрий все же сумел что-то сотворить с вашим сознанием?.. В таком случае, вы сами себя предадите в руки Миклоса.

Присутствующие начали тревожно перешептываться, и Райс-Майкл подумал о том, что подобная возможность предать себя самого действительно существует... хотя отнюдь не в том смысле, как говорил Лиор. Однако он тут же принял решение, которое могло сработать, если только он не ошибся в Судри. Это был единственный способ убедить сановников, что Димитрий не внушил ему никаких ложных установок.

— Мне кажется, я знаю способ, как нам в этом убедиться, — неуверенно произнес он.

— Убедиться в чем? — переспросил Ран.

— Честно говоря, мне эта мысль не слишком по душе, — продолжил Райс-Майкл. — И я даже не уверен, способна ли она сделать это, но вы могли бы попросить леди Судри прочесть мои мысли, чтобы проверить, не вмешивался ли Димитрий в мое сознание.

— Вы предлагаете, чтобы мы позволили Дерини коснуться вас? — возмущенно прошипел Ран.

— Она не просто Дерини, — осторожно возразил Райс-Майкл. — И я думаю, мы сумеем обеспечить мою безопасность, чтобы она не зашла дальше, чем нам бы того хотелось. Хотя я и не думаю, что такая угроза существует, — добавил он, бросив умоляющий взгляд на Сигера с Грэхемом. — У нее есть все причины оставаться верной дому Халдейнов, который многие годы поддерживал ее супруга... Точно так же, как она имеет все причины ненавидеть Миклоса, который убил ее мужа и чья семья бросила ее на произвол судьбы, когда она, совсем юная и испуганная, оказалась заложницей во враждебных краях. С какой стати ей оборачиваться против меня, когда именно Миклос — ее настоящий враг?

Лиор при этих словах медленно кивнул.

— Если магия ее, и впрямь, не слишком велика, то я готов усомниться, способна ли она исполнить нашу просьбу, однако идея эта заслуживает пристального внимания, — промолвил он. — Отец Маган поможет мне проследить, чтобы все прошло нормально. Он знает, как выглядят со стороны различные магические действия.

Ран хмыкнул.

— Вы оба знаете только то, что Димитрий соизволил вам показать за эти годы.

— Ну, полагаю, у меня все же есть кое-какой опыт в этой области, милорд, — возмущенно ответил Лиор, уязвленный тем, что его компетентность была поставлена под сомнение. — Если она сделает что-то подозрительное, деринийская колючка тут же положит этому конец.

— Она не сделает ничего подобного, — возразил Райс-Майкл. — И не смейте давать ей наркотик, иначе она не сможет потом использовать чары истины против Миклоса.

Поспорив еще немного, Ран все же послал Лиора за Судри, дав ему также наказ привести отца Магана. Райс-Майкл с нетерпением ожидал их возвращения, но вот, наконец, Лиор и Маган привели в шатер хозяйку замка. У обоих священников в руках были деринийские колючки, хотя они их пока и не открывали. Побледневшая Судри выглядела испуганной и взволнованной, словно опасаясь, что король мог предать ее.

— Прошу простить, если понапрасну встревожили вас, миледи, — обратился к ней Райс-Майкл негромким голосом. — Насколько я понимаю, вы владеете чарами истины. Прошу вас, используйте их, если желаете, чтобы убедиться, что я хочу вам только добра. Вас привели сюда ко мне, но на самом деле это я должен опуститься на колени у ваших ног, как подобает смиренному просителю.

— Сир, я не понимаю вас, — осторожно отозвалась она.

Он кивнул.

— Сейчас я вам все объясню. Вчера вечером, когда мы рассказывали вам, как накануне обнаружили в своих рядах соглядатая принца Миклоса, мы не поведали вам о еще одной опасности... У нас есть основания подозревать, что он мог вложить какие-то ложные мысли в мое сознание. Я лично не сохранил об этом никаких воспоминаний, однако это вполне возможно, если он и впрямь такой умелый маг, как мы предполагаем. Правда, времени на вмешательство у него было немного... Но опять же, он мог изме-

нить и мое представление о времени. В любом случае, у него была возможность вмешаться в мое сознание, и нам необходимо выяснить, воспользовался ли он этой возможностью.

Лицо Судри озарилось пониманием, и она кивнула, перебив короля, прежде чем тот мог продолжить:

— Так вы предлагаете, чтобы я проникла в ваш разум, сир, и убедилась, не было ли какого-либо чужого вмешательства?

— Совершенно верно, — подтвердил он. — Если это и впрямь имело место, то это может повлиять на ход наших переговоров с Миклосом, если я соглашусь на его предложение. Отец Лиор и его собратья знают, что будучи верной дочерью церкви, вы отреклись от деринийской магии много лет назад, но ныне обстоятельства таковы, что нам необходимо прибегнуть к вашим способностям. Готовы ли вы помочь нам?

Она покосилась на Лиора, который даже не пытался спрятать деринийскую колючку, которую держал в руках.

— По закону мне запрещено использовать свой дар, сир. И Церковь осуждает таких, как я. Эти священники готовы вмешаться, и я сознаю, насколько вмешательство их будет для меня опасно. Мои силы очень невелики, но у нас есть лишь один выбор — либо вы позволите мне использовать мои скромные способности вам во благо, либо нет. Если да, то я не смогу вам помочь под угрозой мераши.

— Мы здесь, чтобы защитить короля, — выдохнул Лиор. — За эти годы мы видели слишком много предательства со стороны Дерини, поэтому едва ли вы можете ожидать от нас полного доверия, в то время

как король, совершенно беззащитный, окажется в вашей власти.

— Но что мне сделать, чтобы вы поверили, что я не причиню ему зла, отче? — негромко спросила она. — Я готова поклясться на любой священной реликвии, я выполню любые ваши разумные условия... Но я не смогу работать, если вы будете стоять у меня над душой, угрожая в любой миг воткнуть иглы с мерашей, как только что-то вам покажется подозрительным. Чего вы боитесь? По меркам моего народа, я почти не владею магией. Если король даст согласие, я могу обследовать его сознание в поисках чужого вмешательства, как вы того требуете. Однако любые иные действия мне не по силам.

— Но как нам это проверить? — спросил Маган.

Пожав плечами, она позволила себе хмуро усмехнуться.

— Вера — это ваше личное дело, отче. Я могу лишь дать вам самую торжественную и священную клятву, — поклясться жизнью дочери или душой моего возлюбленного супруга, который погиб по вине Миклоса Торентского, или собственной надеждой на спасение души, — что я преданный вассал короля, и не сделаю ничего, чтобы повредить ему, даже если это будет стоить мне жизни.

С этими словами она подняла правую руку, коснулась губ кончиками пальцев, а затем медленно перекрестилась. Окинув взглядом остальных присутствующих, Райс-Майкл сделал ей знак подойти ближе.

— Я верю вашему слову, сударыня, — промолвил он. — Что я должен делать? Как мне помочь вам в вашей работе?

— Он должен все время оставаться в сознании, — Лиор схватил женщину за плечо и развернул к себе.

— Мы должны все время видеть, что происходит, чтобы убедиться, что вы не творите зла.

Судри вновь повернулась к королю.

— Сумеете ли вы расслабиться под моим прикосновением, сир? — спросила она. — Если вы останетесь в сознании, то будете ощущать давление моего разума, которое может показаться вам довольно грубоватым, и естественным образом попытаетесь отпрянуть, чтобы не дать мне доступа в ваш разум. Если вы желаете, чтобы я вам помогла, постарайтесь этого не допустить.

— Попытаюсь, — отозвался Райс-Майкл, не сводя с нее глаз. — Когда я был маленьким, у нас был Целитель. Я привык иметь с ним дело.

— Тогда постараемся сделать все возможное, — и она с улыбкой подошла, и остановилась у него за спиной. — Я буду стоять вот так, чтобы священники видели ваше лицо и могли убедиться, что ничего плохого с вами не происходит.

С этими словами она опустила руки ему на плечи и слегка притянула к своей груди, и тут же вступила с Райсом-Майклом в мысленный контакт.

«Что я должна делать?»

Глубоко вздохнув, он заставил себя расслабиться.

«Делайте вид, будто читаете мои мысли. Сперва я притворюсь, будто сопротивляюсь вам. Нам нужно убедить их, что Димитрий ничего не сделал с моим разумом, и тогда, я надеюсь, они отпустят вас со мной на переговоры с Миклосом».

— Вот так, отлично, — прошептала она, большими пальцами поглаживая его затылок. — Постарайтесь расслабиться. Смотрите вот в ту точку на потолке, прямо у вас над головой. Не сводите с нее взгляда, и почувствуйте, будто вы качаетесь на волнах.

Смотрите только в эту точку, и все остальное пусть постепенно расплывается... уходит прочь...

Делая вид, будто повинуется ее указаниям, Райс-Майкл сперва сжал кулаки, а затем нарочито безвольно опустил их на поручни кресла, после чего с глубоким вздохом, по собственной воле, погрузился в легкий транс. Ему с трудом удавалось держать глаза открытыми, но он знал, что если зажмурится, то это может встревожить Лиора с Маганом, поэтому он позволил себе лишь слегка опустить веки.

— Очень хорошо, — шептала она. — Просто качайтесь на волнах. Бояться нечего. А теперь мысленно вернитесь к той ночи, когда все случилось. Вам было страшно, я знаю. Но этот страх теперь не может вас коснуться. Представьте себе человека по имени Димитрий. Он использован чары истины, пока вам задавали вопросы... Что он сделал еще?

Он почувствовал, как ее подбородок уперся ему в макушку, закрепил их ментальную связь и сам взял происходящее под свой контроль, послав леди Судри мысленные извинения. Затем он проник в ее мысли еще глубже, чем тогда, в часовне, чтобы лишний раз утвердиться в сознании того, что она давным-давно отвернулась от своих торентских родичей и теперь готова была служить ему верой и правдой.

«Простите меня, — мысленно передал он ей. — *Но я должен был это сделать. Миклос хочет провести переговоры и предложил, чтобы я взял вас с собой, дабы чарами истины проверить его правдивость. Я должен был окончательно убедиться в том, что вы ничего не скрываете от меня».*

После этого за считанные мгновения он передал ей основные требования Миклоса и те возражения, которые выдвинули против этого Ран и остальные

советники. Восприняв все эти сведения, она слегка отпрянула и вновь принялась разминать затекшие мышцы у него на шее.

— Отлично, сир, — выдохнула она. — Теперь можете потянуться. Вы в полном порядке... Насколько я могу судить, этот Димитрий использовал только чары истины, и больше ничего.

Райс-Майкл заморгал, глубоко вздохнул, затем размял пальцы и потер шею, после чего обвел взглядом шатер, словно пытаясь осознать, где он находится. Лиор с Маганом возбужденно перешептывались. По лицу Сигера с Грэхемом ничего нельзя было прочесть. Ран неохотно кивал в ответ на то, что нашептывал ему Манфред.

— Так вы уверены, — промолвил наконец Лиор, — что Димитрий ничего не делал с его сознанием?

Покачав головой, она обошла кругом и, наконец, опустилась перед королем на колени, целуя его руку.

— Нет, отче. Точно так же, как и его хозяин ничего не сделает *со мной*. Сир, умоляю, позвольте мне отправиться с вами на переговоры с Миклосом. Конечно, по сравнению с принцем, я почти не владею магией. Однако ему это неведомо. Возможно, одно лишь мое присутствие удержит его от предательского нападения. А если нет, то я, по крайней мере, сумею защитить вас достаточно надолго, чтобы вы успели выскользнуть из любой ловушки.

К удивлению Райса-Майкла, Манфред кивнул, услышав эти слова, и даже Лиор, хотя и нахмурился, но возражать не стал.

— Ладно, похоже, что хоть здесь Димитрий не принес никакого вреда, — проворчал Ран. - Признаюсь, мне не по душе мысль отпускать вас на встречу с Миклосом, сир, но похоже, если вы готовы риск-

нуть, то для нас это наилучший выход. Желаете ли вы, чтобы я отослал их гонца обратно с вестью, что мы согласны на переговоры?

Райс-Майкл помог Судри подняться на ноги и взял ее под локоть.

— Да, прошу вас, милорд, — промолвил он. - Я желаю как можно скорее покончить с этим противостоянием, чтобы сие безумие не стоило больше жизни никому из наших добрых подданных. Я готов встретиться с Миклосом Торентским и его спутником сегодня в полдень, и сопровождать меня будет эта отважная леди.

Глава семнадцатая

Благословен Господь, твердыня моя, научающий руки мои битве и персты мои — брани[1]

— Расскажи мне все, что ты узнал о Халдейне, — велел Миклос человеку, который сидел рядом с ним и Мареком в сторожевой башне, что охраняла въезд в Кулликерн. — Мне нужны твои искренние впечатления.

Хомбард Таркентский сдержал зевок и заставил себя выпрямиться на стуле. Снотворное действие мераши, которую дали ему в гвиннедском лагере, уже слегка уменьшилось, и все равно сейчас больше всего он хотел бы лечь и как следует выспаться.

— Он хорош собой, крепкого телосложения, и, судя по всему, прекрасно разбирается в происходящем, — промолвил Хомбард, пытаясь выстроить четкую картину в своих воспоминаниях. — От него исходит ощущение власти и силы, и все же такое впечатление, что он, хотя и против собственной воли, вынужден слишком часто прислушиваться к мнению своих советников, — в особенности, некоего человека, который, по-моему, является его гофмарша-

[1] Псалтирь 143:1

лом. Мне показалось, что между этими двоими существуют некоторые трения.

— Весьма проницательно, — пробормотал Миклос. — Кто еще присутствовал?

— Граф Сигер и молодой герцог Клейборнский; еще один пожилой военачальник... судя по гербу на плаще, по-моему, это был граф Кулдский. Кроме того, несколько человек из Custodes Fidei: рыцарь, военный лекарь, священник... Никого из них при мне не называли по именам. И двое оруженосцев.

— Ясно. — Миклос в задумчивости взглянул на документ, который привез с собой Хомбард, затем повернулся к своему гонцу. — Пожалуйста, продолжай. Возможно, ты сумеешь описать их общую реакцию на наши предложения, пункт за пунктом.

— Хорошо, сударь. Они не уверены, что вы будете соблюдать перемирие, как обещано, памятуя о судьбе, постигшей лорда Хрорика. Они не могут понять, почему вы желаете этих переговоров. Учитывая, что вы Дерини, они, естественно, опасаются вашей магии. Они недовольны, что вы поддерживаете принца Марека и понимают, что здесь вы действуете лишь от своего собственного имени, и ваш брат-король не давал одобрения этим действиям.

— Коротко и ясно. — Миклос кивнул. — Что-либо еще?

— Практически нет, сударь. Халдейн был со мной любезен и даже проявил доброту, ибо предложил мне сесть, когда заметил, что из-за действия мераши я с трудом держусь на ногах. Кстати, наркотик мне ввели посредством деринийской колючки, а не с питьем. От этого она подействовала гораздо быстрее и сильнее. После того как я изложил ваши предложе-

ния, меня перевели в другой шатер, и, признаться, я там задремал.

Он вновь кивнул, и Миклос бросил взгляд на Марека, который все это время стоял у окна, глядя во двор. Рядом с ним стоял старший из его военачальников, опытный воин по имени Валентин, который обучал фехтованию обоих юношей, еще когда они были детьми. Кроме того, здесь находился личный врач Миклоса Козим, внушительный мужчина с проницательными глазами и сединой на висках, в темно-зеленой тунике воинского Целителя.

— Все еще хочешь попробовать? — негромко спросил Миклос.

Марек кивком указал на Хомбарда.

— Думаю, нам следует сперва проникнуть в его воспоминания, даже невзирая на мерашу.

Хомбард не выказал ни смущения, ни страха, когда Миклос подошел к нему ближе и положил ладонь на лоб. Тяжелые веки опустились, голова бессильно повисла, и он глубоко вздохнул. Через несколько мгновений Миклос взглядом подозвал к себе Целителя, который тут же взял сознание Хомбарда под свой контроль, а его господин отступил на шаг.

— Они мало что позволили ему увидеть, — произнес Миклос негромко, подходя ближе к Мареку. — Нашу дражайшую кузину он заметил лишь краем глаза, перед тем как его отпустили к нам. И, похоже, им даже не пришло в голову просить ее о помощи. Хотя, на самом деле, логично было бы повелеть ей использовать чары истины, когда наш посланник докладывал о моих предложениях.

— Тем не менее, похоже, они решили воспользоваться ее услугами на переговорах, — Марек усмех-

нулся. – Ну что ж, посмотрим, что тут можно сделать. Козим, он готов?

Целитель поднял глаза, в которых сверкала магическая сила.

– Готов, господин. Валентин, принеси еще один стул для его высочества.

Капитан повиновался, поставил стул рядом с тем местом, где сидел Хомбард, и Марек, скинув плащ, уселся. Он был одет совершенно так же, как посланник Миклоса, вплоть до мельчайших деталей. И точно так же, как у остальных в этой комнате, его длинные темные волосы были зачесаны назад и по-солдатски перевязаны в хвост. С усмешкой он передал Миклосу свое фамильное кольцо.

– Сохрани его для меня, – попросил он. – Свечи есть?

– Вот, сударь. – И Валентин протянул ему тоненькую церковную свечку медового цвета. – Ее благословил сам патриарх.

– Тебе это не слишком по душе, да, Валентин? – промолвил Марек. – Но поверь, друг мой, это не черная магия... просто обман. Мне нужно подобраться к Халдейну поближе, чтобы я мог убить его.

– Вы слишком торопитесь, – пробормотал Валентин, вторую свечку протягивая Целителю. – Следовало подождать еще пару лет, пока у вас не родится второй наследник.

– Но чем дольше я жду, тем больше наследников будет у *него*, – возразил Марек. – Не тревожься, если я не буду уверен в победе, то воздержусь от нападения.

– Это все слова, – проворчал старый вояка.

Со снисходительной улыбкой Марек потрепал его по плечу, а затем откинулся на стуле, зажав свеч-

ку в обеих руках. Валентин встал сзади и обе руки положил ему на плечи. Тем временем Целитель вторую свечу подал Хомбарду, а затем опустился на корточки между двух стульев, левой рукой взяв Хомбарда за запястье. Правой он провел над свечой, чтобы сотворить огонь, а затем стиснул запястье Марека.

— У вас есть какие-то вопросы, сударь, прежде чем я введу вас в транс? — спросил Целитель.

Глубоко вздохнув, Марек уставился на огонек свечи в руках Хомбарда и с глубоким вздохом постарался расслабиться.

— Я готов, — прошептал он.

Миклос, стоя рядом, с отстраненным любопытством наблюдал за тем, как кузен его погружается в транс по воле Целителя, отмечал все внешние знаки происходящего. Вот, наконец, веки затрепетали и тяжело опустились, и Валентин отступил на шаг.

— От руки... к разуму, — выдохнул Козим, сам погружаясь в глубинный транс и создавая чары. — От разума... к пламени. Вызови свет... и создай личину...

В тот же миг свеча в руках Марека вспыхнула, бросая отблески на его юное лицо, — очертания которого внезапно стали дрожать и изменяться. На юношеском лбу залегли морщины, кожа сделалась более дряблой, седина пробилась в потускневших волосах. Через несколько мгновений перед Миклосом и Целителем оказались два Хомбарда, которых невозможно было отличить одного от другого.

Выйдя из транса, Козим обернулся к Миклосу.

— Этого достаточно, сударь? — спросил он негромко.

Миклос пристальным взором окинул двух мужчин, сидящих перед ним, и медленно кивнул.

— Отличная работа, мастер Козим. А теперь отпустите его.

Вспышка силы, и Марек, потянувшись, издал глубокий вздох, а затем растерянно заморгал, когда Целитель выпустил его сознание из-под контроля. Глаза его, из темно-карих сделавшиеся голубыми, устремились на свечу, горящую в стиснутых руках, и он с широкой ухмылкой задул огонек, а затем поднял взгляд на Миклоса.

— Все в порядке? — спросил он голосом, гораздо более низким и хриплым, чем обычный тенор Марека.

Засмеявшись, Миклос одобрительно потрепал Целителя по плечу.

— *Очень* хорошая работа, мастер Козим. Полагаю, теперь вам с Валентином следует отвести подлинного лорда Хомбарда, чтобы он мог прилечь и выспаться. Он это заслужил. Наденьте на него плащ Марека и надвиньте капюшон поглубже. Не хочу, чтобы кто-то еще знал, что мы сделали. А мы скоро спустимся во двор.

* * *

Часом позже от торентского войска, выстроившегося вдоль колдорского перевала, отделились двое всадников и не спеша направились через равнину в сторону армии Гвиннеда, высоко держа белый флаг перемирия. С холма, возвышавшегося над долиной, Райс-Майкл наблюдал за ними вместе с Судри, Раном и Манфредом. Он был в доспехах, но без оружия, — как, скорее всего, и те двое, с кем ему предстояло встретиться. Чуть поодаль толпились прочие военачальники и оруженосцы, а гвиннедское войско

выстроилось по обе стороны и позади холма, включая келдорцев и те отряды, что король привел с собой.

— Все равно, мне это не по душе, — пробормотал Ран, не сводя глаз с приближавшихся всадников. — С какой стати Миклос вздумал настаивать на личной встрече?

Судри, восседавшая на смирной гнедой лошадке, обернулась к гофмаршалу. Она сменила траурные вдовьи одежды на шерстяную юбку-штаны, какие носили для верховой езды многие женщины в гористом приграничье, однако волосы ее по-прежнему были покрыты темным платом.

— Вы изловили его соглядатая, — заявила она, — и хотя бы отчасти он винит в этом его величество. Все-таки нельзя отрицать все те давние слухи, что Халдейны отмечены божественной милостью.

— О какой это «божественной милости» вы толкуете? — рявкнул Манфред.

— Ну, разумеется, о том, что сам Господь защищает Халдейнов, — отозвалась она. — Разве не Он поразил Имре, когда Синхил заявил о своих правах на престол? Именно властью Божией сумел уцелеть род Халдейнов...

Ран хмыкнул.

— Не думаю, что помощь колдунов-Дерини можно рассматривать как божественное вмешательство. Скорее уж, сатанинское.

— Неужели вы по-прежнему полагаете, что именно магия Дерини помогла Халдейнам вернуть престол? — удивленно спросила Судри, не обращая внимания на намеренную грубость Рана. — Разумеется, Камбер Мак-Рори со своими родичами убедил михайлинцев оказать королю военную поддержку, — но

при чем же здесь магия? Я была еще совсем девчонкой, когда это произошло, и находилась вдали от Валорета, но я помню, что говорил мой дядя Термод. Он был абсолютно уверен, что Синхил Халдейн владел способностями, далеко превосходящими *нашу* магию, и именно с их помощью поразил Имре. Сам Господь защищает Халдейнов, милорд, и Он не позволит Своим помазанникам пострадать от рук колдуна-Дерини.

Когда они с Райсом-Майклом бок о бок начали спускаться с холма на равнину, он бросил на нее удивленный взгляд, поправляя на голове золотой обруч.

— Зачем вы им это сказали? Хотите, чтобы они быстрее прикончили меня?

Она усмехнулась.

— Они, похоже, забыли об этом, сир, но вы король по Праву Господню. Я не знаю, откуда пришло к вам это могущество, но очень важно, чтобы *они* верили, что оно от Бога. Теперь, если нам все же придется использовать магию против Миклоса, у вас будет свое оправдание, даже если по какой-то причине мы не сможем все списать на меня.

— Так вы ожидаете предательства, — спросил он.

— Нет, не ожидаю, но лучше нам быть готовыми ко всему.

Задумчиво кивнув в знак согласия, он устремил взор вперед, стараясь издалека оценить противника. Наконец они остановились в том месте, что было назначено для встречи. Там, под белоснежным шелковым флагом, что держал в руке Хомбард Таркентский, принц Миклос уже ожидал их на тонконогом степном жеребце удивительной лисьей масти. Льняная грива и хвост коня были того же оттенка, что и

светлые волосы всадника, заплетенные сзади в хвост на солдатский манер и перехваченные обручем красного золота.

Если не считать нескольких новых морщинок в уголках темных глаз, Миклос едва ли выглядел старше, чем в тот день, когда Райс-Майкл впервые увидел его. Правда, вместо просторных шелковых одежд коричневого цвета, что были на нем в день коронации Джавана семь лет назад, сейчас принц надел кожаные доспехи с круглыми клепками из полированной желтой меди, в которых свет отражался, словно в крошечных солнцах. Наручни, блестевшие на запястьях, охватывали его предплечья поверх латных рукавиц, а высокие сапоги были проклепаны и соединены с наголенниками. Насколько мог разглядеть Райс-Майкл, принц был безоружен. Как и положено придворному, Хомбард поклонился в седле, когда Райс-Майкл и Судри натянули поводья, но ни Миклос, ни король не опустили даже веки.

— Доброго дня тебе, Халдейн, — ровным тоном приветствовал его Миклос. — Ты был еще совсем мальчишкой, когда мы встречались в последний раз. Похоже, время пошло тебе на пользу. Теперь, хотя бы внешне, ты выглядишь тем, кем желал бы быть.

— Речь не идет о желаниях, — отозвался Райс-Майкл, тщательно выбирая слова. — Я есть тот, кто я есть — король Гвиннеда. И именно им твой родич, что называет себя Мареком Фестилом, не будет никогда.

— В самом деле? — с усмешкой Миклос нагнулся вперед, опираясь о высокую луку седла. — Ну, это мы еще посмотрим.

— Когда-нибудь в другой день, — отозвался Райс-Майкл. — Однако я полагаю, что сейчас мы встрети-

лись, дабы обсудить вопрос с Кулликерном. Твой гонец указал, что ты готов оставить город.

— Все в свое время, — Миклос кивнул в сторону Судри. — На самом деле, сперва я желал бы поговорить со своей кузиной. Спасибо, что пошел мне навстречу и привез ее сюда.

Райс-Майкл покосился на Судри, застывшую в седле.

— Мне нечего сказать убийце моего мужа, — отрезала она ледяным тоном. — И я бы никогда не согласилась на эту встречу, если бы меня не попросил об этом мой государь. Я здесь лишь для того, чтобы оказать помощь королю Гвиннеда, чьим преданным вассалом я являюсь.

— Именно об этом я и хотел поговорить, — заметил Миклос. — Кузина, семь лет я пытался выяснить, что стало с тобой. Я не желал поверить, что ты по доброй воле согласилась предать своих родных и выйти замуж вопреки интересам Торента.

— А что сделал Торент для меня, если не считать того, что выходец из Торента убил моего супруга? — возразила она. — Где был Торент, когда нас с братом бросили на произвол судьбы после падения Фестилов? И то, что я обрела любовь среди своих пленителей, я считаю милостью Господней.

— Сомнительная милость, если она заставила тебя предать свою страну, свою расу и родных, — обманчиво мягким тоном заявил Миклос. — В твоих жилах течет королевская кровь Торента, Судри Рорау. Помнишь ли ты, как в Торенте мы обращаемся с предателями?

И без лишних предисловий он вскинул сжатую в кулак правую руку, а затем, пробормотав некое Слово, устремил руку к женщине, широко раскрывая

пальцы. Огненный шар размером с кулак с громовым грохотом полетел в ее сторону, разрастаясь по мере приближения. Вне себя от страха и гнева, она попыталась поднять свои защиты, но Райс-Майкл уже встал перед ней, чтобы защитить Судри от нападения.

Огненный шар ударился о его собственные защиты и разлетелся мириадами сверкающих искр, не причинив королю никакого вреда, к вящему изумлению Миклоса и Хомбарда.

Теперь атака Миклоса была направлена не только на Судри, но и на Райса-Майкла, который каким-то образом ухитрился отвести от женщины гнев принца. Хомбард неуверенно покосился на своего господина, стараясь удержать в повиновении встревоженную лошадь. Миклос ткнул указательным пальцем в землю перед Райсом-Майклом, и Судри вскрикнула, когда огонь внезапно вырвался из земли и начал распространяться вширь, образуя окружность, в которой оказались замкнуты все четверо.

— Нет!

Едва лишь это началось, Райс-Майкл тут же осознал опасность: если круг замкнется, им будет отрезан путь к отступлению. Сам не сознавая, что делает, он запрещающим жестом вскинул руку. По его Слову над пламенем тут же сгустилась тяжелая туча, и пролившийся из нее дождь превратил огонь в пар, — еще больше напугав лошадей, удерживать которых всадникам становилось все сложнее. Вместо пламени теперь осталось лишь полукружье сожженной травы, и вторая атака Миклоса была отражена, — чтобы это подчеркнуть, на сей раз уже Райс-Майкл нанес предупредительный удар против самого принца.

Торентец с легкостью отразил нападение, но на лице его застыл ужас. Лошадь, обезумев, начала судорожно биться, и ему все свои усилия пришлось направить на то, чтобы удержать ее в повиновении. Конь Хомбарда попятился прочь от Миклоса, а Судри развернула своего скакуна, готовая по первому же слову короля пуститься прочь.

— Не вмешивайся, Халдейн, — прокричал Миклос, вновь пытаясь вызвать огонь, чтобы преградить им путь к отступлению. — Мне нужна одна лишь только Судри.

— И ты ее не получишь! — отозвался Райс-Майкл, силясь удержать свою собственную лошадь, которая то и дело норовила встать на дыбы и скинуть всадника.

— Вот как?

Вместо ответа Райс-Майкл послал в Миклоса новый заряд энергии, подобный волне алого света. Торентский принц отразил атаку и нанес свой удар по Судри: раздвоенную молнию, которая взметнулась из его руки и поразила лошадь женщины в бок и в грудь. С истошным визгом животное замертво повалилось на траву, грозя придавить собой всадницу, и Райс-Майкл лишь в самое последнее мгновение успел выхватить ее из седла. Он усадил ее перед собой и попытался развернуть своего жеребца, чтобы обратиться в бегство, но внезапно Хомбард подлетел к ним, и конь его грудью ударил королевского скакуна, с такой силой, что Райс-Майкл и Судри вылетели из седла.

Он рухнул навзничь, помертвевшими губами хватая воздух, и лишь чудом сумел удержать в руках поводья. Торжествующий Хомбард заставил своего жеребца отступить на пару шагов и теперь разворa-

чивал его для нового захода, с силой ударяя шпорами в бока. Райс-Майкл постарался подняться на колени, хватаясь за поводья, и почти успел ускользнуть, но тут подкованное сталью копыто со всей мощью вонзилось ему в правую ладонь и вбило в мягкую землю.

С истошным криком он выпустил поводья. Боль была так сильна, что он едва не лишился чувств, и скорее по чистой случайности ухитрился отразить очередной магический выпад Миклоса, а затем откатился в сторону и, наконец, пошатываясь, поднялся на ноги, прижимая к груди раненую руку.

Судри поймала его лошадь и протянула королю поводья, придерживая стремя, чтобы дать ему сесть в седло. И тут, на глазах у изумленного Райса-Майкла, «Хомбард», кого он считали обычным человеком, также вступил в колдовской поединок и нанес Судри удар, от которого она с тихим стоном рухнула на колени. Лошадь вскинулась на дыбы, а затем устремилась обратно к гвиннедским войскам, откуда по склону холма уже во весь опор неслись всадники.

Миклос, соединив свою силу с магией Хомбарда, устремил стиснутый кулак в сторону Судри, которая испуганно хваталась за грудь. Превозмогая боль, Райс-Майкл ринулся к ней, ухватил ее со спины и, используя единственную уцелевшую руку, постарался парировать удар и нанести ответный. Первый энергетический выплеск остановил атаку Миклоса и заставил его попятиться. Второй удар едва не выбил Хомбарда из седла.

Но как мог Хомбард оказаться Дерини? Они ведь испытывали его мерашей!

В воздухе мелькали молнии, и чувствовался острый запах разбушевавшегося колдовства. Хом-

бард, потрясенный и встревоженный, понемногу пятился, но лицо Миклоса от ярости обратилось в неживую маску. Теперь он пытался напасть на Райса-Майкла, и король собрал все оставшиеся силы, вложив их в то заклятье, которому обучил его Димитрий, — то же самое, которое до этого Миклос пытался использовать против Судри, — и швырнул свою силу вперед, пробивая щиты Миклоса и огненной дланью стискивая сердце принца-Дерини.

Райсу-Майклу удалось защитить Судри от заклятия Миклоса, но сам Миклос не сумел ускользнуть от магии Райса-Майкла. Он схватился за грудь, сгибаясь пополам от боли, и в этот миг лошадь начала предательски бить задом, пытаясь сбросить седока... Но нога его запуталась в стременах, и он полетел на землю вниз головой — прямо на яростно бьющие копыта.

Перепуганное животное вновь взбрыкнуло, продолжая метаться и выгибать спину. Миклос делал отчаянные попытки высвободиться, вскинув руки в тщетной попытке защитить голову. Но несколько ударов копытами — и он наконец обмяк. Поток силы иссяк, к тому времени как Хомбард сумел ухватить лошадь за поводья и заставил ее стоять смирно.

Вот только Хомбард теперь выглядел совсем иначе. Бледно-голубые глаза сделались карими. На вид он казался не старше Миклоса, и в густых каштановых волосах, рассыпавшихся по плечам, не было ни единой седой нити. Во взгляде, который он устремил на Райса-Майкла, читалась убийственная ярость. Но он тут же отвернулся и, ухватив принца за пояс, попытался приподнять его и уложить тело поперек седла.

Ухватив Райса-Майкла за здоровую руку, Судри направила ее на спасителя Миклоса, и сила вновь начала подниматься в ней.

— Помогите мне с ним разделаться, сир, — выдохнула она, делая отчаянную попытку собрать энергию для нового удара и взывая к нему за поддержкой. — Быстрее, прежде чем ваши люди окажутся здесь.

Райс-Майкл повиновался и направил поток своей жизненной силы в ее руки. Огонь взметнулся из земли прямо перед всадником, и тот с яростным криком развернулся и пустился галопом в сторону торентских войск, унося с собой обмякшее тело Миклоса. Ран с Манфредом и отрядом лучников уже неслись к ним во весь опор. Судри, изнемогая от усталости, рухнула королю на грудь.

— У нас мало времени, — выдохнула она. — Слушайте внимательно. Скажите, что это моя магия помогла одолеть Миклоса, но для этого я черпала у вас жизненную силу. Я сумела сделать это, потому что вы принадлежите к роду Халдейнов, самим Господом предназначенному править Гвиннедом. Попробуйте убедить их, что ваша магия не имеет ничего общего с Дерини, она исходит от Господа. Пусть моя смерть не пройдет втуне.

— Нет, вы не умрете!..

— Сир, мои ранения смертельны, хотя и незаметны обычным взглядом, — отозвалась она с исказившимся от боли лицом. — Лучше мне умереть сейчас, на поле брани, чем подвергнуться обвинениям ваших сановников за использование колдовства. Обещайте, что не позволите им сжечь мое тело.

— Обещаю, — прошептал Райс-Майкл, стараясь изгнать из памяти воспоминания о том, как корчился в огне труп Димитрия во дворе аббатства святого

Кассиана. – Но не надо, не сдавайтесь, я сумею вас защитить.

От боли она зажмурилась, затем вновь распахнула глаза. Стук копыт слышался уже совсем близко.

– Не хочу пугать вас, сир, но вам еще повезет, если вы сумеете защитить самого себя. Да будет с вами Бог, помолитесь за меня.

На сей раз, когда она закрыла глаза, то больше не открыла их вновь. Еще один слабый дрожащий вздох... и более ничего. Он прижался ухом к ее неподвижной груди, зная, что не услышит ударов сердца. Всадники наконец подъехали к ним.

– Проклятье! Что здесь произошло? – воскликнул Ран, натягивая поводья и спрыгивая на землю. Лучники рассыпались полукругом, загораживая их от рядов торентцев, откуда в этот миг отделился вооруженный отряд и устремился навстречу Хомбарду.

Райс-Майкл медленно поднял голову, все еще прижимая к груди тело Судри.

– По-моему, они с самого начала охотились именно за ней, – произнес он негромко. – Миклос заявил, что она предала свою родину и свою расу... А затем они вдвоем напали на нее с помощью магии.

– Вы что, будете утверждать, что Хомбард тоже оказался Дерини? – возмутился Манфред, спешиваясь рядом с Раном. – Но это невозможно, мы же его проверяли.

– Не думаю, что это был тот же самый человек, – неуверенно отозвался Райс-Майкл, опуская неподвижное тело на землю. – В самом конце лицо его изменилось, и в нем появилось что-то знакомое... Но Судри дала отпор им обоим и, по-моему, убила Миклоса. А тот, второй... Ай!

Он вскрикнул от боли, когда случайно задел поврежденную руку. До сих пор ему удавалось не шевелить ею, но теперь, когда возбуждение боя постепенно отхлынуло, боль пульсирующими волнами распространилась вплоть до локтя.

— Вы ранены? — спросил его Ран, а Манфред принялся разглядывать руку в поисках повреждений.

Райс-Майкл со свистом втянул воздух, когда Манфред нажал на самое болезненное место под кожаной рукавицей.

— Осторожнее! — рявкнул он. — Лошадь, будь она неладна, наступила мне на руку своим огромным копытом, когда я упал на землю. Должно быть, там сломаны кости.

— Попытайтесь шевельнуть пальцами, — велел Манферд.

Райс-Майкл попытался, но от одного лишь усилия тошнота поднялась к горлу. Подняв дрожащую руку, чтобы осмотреть ее поближе, он увидел кровь и грязь на порванной перчатке, и смог разглядеть ужасную рану с разорванными сухожилиями и осколками костей. Стараясь не лишиться чувств, он прошептал:

— Проклятье.

— Борк, иди сюда и взгляни на это, — окликнул Манфред через плечо одного из лучников.

Но Ран уже вновь поднялся в седло, настороженно косясь в сторону торентцев.

— Сейчас нет времени, — воскликнул он. — По коням! Если не уберемся как можно скорее, то пожалеем об этом. Борк, отдай королю свою лошадь, а тело леди Судри уложи в седло к лорду Манфреду. Живее!

Манфред помог Райсу-Майклу подняться на ноги, и лучник по имени Борк подвел лошадь, а затем поддержал короля, чтобы дать ему взобраться в седло. Держаться на коне без помощи правой руки оказалось не так-то просто, и от боли он едва не лишился чувств. Стараясь удержаться в сознании, он устремил взор на тело Судри, которую Манфред нес в седле перед собой. Боль оставалась с ним всю дорогу до расположения гвиннедской армии, и еще долго после этого.

* * *

А тем временем в Кулликерне Марк Фестил с закаменевшим лицом наблюдал, как бородатые священники в черных рясах бережно снимают доспехи Миклоса, чтобы затем омыть его тело и поместить на ночь для прощания в часовню замка. Рядом стоял Целитель Козим, но он оказался бессилен помочь Миклосу, ибо раны, нанесенные копытами лошади, оказались не единственной причиной гибели торентского принца.

Марек сперва не мог заставить себя поверить в это. Вместе с Козимом он провел считывание мыслей умершего, прежде чем позволить священникам заняться телом его кузена. После он стер все следы своей магии. Теперь они с Целителем знали наверняка, что именно колдовство погубило принца, — и сила этого заклятия исходила отнюдь не от Дерини Судри, а от Райса-Майкла Халдейна.

— Сбывается худший мой кошмар, Козим, — пробормотал Марек, когда они удалились из комнаты, где остался труп Миклоса. — Нет, больше всего я боялся, что сам паду от руки Халдейна, или, хуже того,

что он убьет и моего сына. Но погиб Миклос... Как мог Халдейн совершить подобное? Как такое возможно?

Козим с безрадостной усмешкой поднял брови.

— Слухи о магических способностях Халдейнов известны уже давно, сударь... Хотя, признаюсь, до сегодняшнего дня я не слишком в это верил, учитывая, что на протяжении последних шести лет мы слышали рассказы о том, что нынешний король Халдейн всецело находится во власти своих советников.

— И все же отнюдь не кузина Судри так обошлась с Миклосом, — пробормотал Марек. — Я до сих пор не понимаю, как это произошло. Я не сомневался, что Миклос вполне способен одолеть Халдейна в магическом поединке... Да и *я* сумел бы добиться победы. Мы хотели лишь произвести пробу сил... хотя и готовы были подстроить ему ловушку, если бы представилась такая возможность. Истинной целью оставалась Судри. Миклос буквально с ума сошел от ярости, когда узнал, что она предала своих родных. И я готов поклясться, что в ту пору, когда мы с ним впервые встретились на коронации Джавана Халдейна, этот Райс Халдейн никакой магией не обладал... У него не было даже ментальных щитов, — хотя брат его, несомненно, и владел какими-то зачатками дара.

— Возможно, магия Халдейнов напрямую связана с короной Гвиннеда, — предположил Козим после недолгого размышления. — Именно поэтому вы заметили ее проявление только у Джавана.

Марек пожал плечами.

— Я был тогда еще молод, и нам не удалось физически прикоснуться ни к одному из братьев Халдейнов. Но как может быть их сила столь велика? Она

ведь, тем не менее, не спасла Джавана Халдейна от предательства его сановников, и не позволила Райсу Халдейну сбросить их иго за шесть лет своего правления.

— И все же этой силы оказалось достаточно, чтобы сегодня убить моего господина, — шепотом отозвался Козим.

Марек поник головой.

— Я должен просить тебя никому не открывать эту тайну, Козим.

— Не понимаю, как вы можете надеяться скрыть это, — возразил Целитель. — И зачем вам это нужно? Все Дерини наблюдали за происходящим, и даже издалека прекрасно видели, что там имел место магический поединок.

— Да, конечно. Но они должны верить, что это не магия убила Миклоса... Что это был несчастный случай. Несомненно, он бы умер от ран, даже без всякого вмешательства колдовства.

— Возможно. Но зачем вам внушать им эту мысль? Зачем вселять в души неуверенность?

— Потому что я не желаю, чтобы его люди возгорелись жаждой мщения и устремились в битву, которая изначально не должна была состояться, ибо на сегодняшний день мы пока не можем одержать победу. — Марек уставился на свои руки, затем поднял взгляд на Целителя. — Козим, я не знаю, как тебя просить об этом, но вынужден прибегнуть к твоей помощи. Когда я буду рассказывать эту историю, другие Дерини смогут использовать чары истины.

Козим устремил мрачный взгляд на молодого человека.

— Так вы просите изменить ваши воспоминания, сударь? Чтобы ложь ваша осталась незамеченной?

– Я прошу тебя изменить мои воспоминания, чтобы я мог представить всем полуправду и не быть пойманным на лжи. Я хочу объявить, что Миклос погиб не по вине колдовства. Я не собираюсь утверждать, что магии там не было вовсе, однако, если все поверят в то, что смерть его была просто несчастным случаем, то люди его уйдут восвояси... И, возможно, дождутся того дня, когда я вновь поведу их в бой против Халдейнов.

Козим медленно кивнул.

– Я понимаю вас, сударь, – пробормотал он. – И полагаю, что принц Миклос согласился бы с этим.

Он оглянулся, чтобы убедиться в отсутствии посторонних глаз, а затем вновь обернулся к Мареку.

– Кроме того, я сниму вашу усталость, сударь, – пояснил он негромко, одной рукой касаясь лба Марека. – Откройтесь передо мной.

Четверть часа спустя, чувствуя себя слегка окрепшим после усилий Целителя, Марек встал перед необходимостью сообщить подробности гибели Миклоса его офицерам. Где-то в глубине его сознания таилась мысль, что после этого Козим желает еще раз увидеться с ним, – хотя он не помнил, какова может быть причина для этой встречи, – но пока что Марек с радостью покинул Целителя наедине с его скорбью и постарался больше не думать о нем.

Военачальников Миклоса он собрал в парадном зале замка, но, разумеется, не стал садиться в почетное кресло, что стояло посреди помоста. В былые беззаботные деньки, пока они ожидали ответа Халдейна, Миклос частенько собирал их здесь, а теперь рядом с креслом стоял сам патриарх, мрачно косясь на Марека из-под своей высокой шапки.

Подозвав к себе Валентина, который также искренне скорбел о гибели молодого человека, которого любил, как собственного сына, Марек встал перед креслом, но чуть поодаль от него, чтобы ясно дать понять, что он не собирается узурпировать место покойного. Не в первый раз он порадовался, что вовремя отослал Кариссу с ребенком обратно в Толан, ибо менее всего ему хотелось сейчас сообщать жене весть о гибели ее брата.

И еще больше он страшился, когда в будущем ему придется поведать обо всем королю Ариону.

Хотя покойный король Нимур, отец Ариона, дал убежище новорожденному сыну Имре и Эриеллы Фестилов после реставрации Халдейнов, но Арион никогда не оказывал действенной поддержки своему честолюбивому кузену-изгнаннику, в особенности, после того как сам стал королем десять лет назад. Сказать по правде, если бы не дружба и покровительство принца Миклоса, то Марек мог бы никогда не дожить до взрослых лет, и еще меньше было бы у него шансов снарядить сегодняшний поход... который, к несчастью, обернулся столь сокрушительной неудачей.

Теперь Марек опасался, что его положение при королевском дворе Торента станет еще более шатким, нежели в юности. И хотя незаконность происхождения и инцест его родителей никто в открытую не ставил Мареку в вину, он прекрасно сознавал, какое пятно лежит на его имени, и стереть его можно было лишь отвоевав родительскую корону. Но теперь вместе с гибелью Миклоса умерла и надежда на успех, а этого никогда бы не произошло, если бы Марек сам не поторопился ринуться в бой.

– Господа, вы, должно быть, уже много чего слышали об обстоятельствах гибели принца, – заявил Марек собравшимся воинам, едва осмеливаясь поднять на них глаза. – В том, что несчастный случай стоил жизни моему кузену, я вижу глубочайшую насмешку судьбы, ибо слишком многое было нынче поставлено нами на кон, однако магия не имеет к его смерти никакого отношения.

– Но там же было колдовство, – воскликнул один из капитанов, – и именно вы с принцем первыми применили его, сударь.

– Принц Миклос нанес первый удар по предательнице Судри Рорау, – возразил Марек, – и хотя она ответила ему с помощью магии, мы были к этому готовы. Однако мы не ожидали вмешательства Халдейна, хотя и давно подозревали, что у этого рода имеется доступ к неким способностям, сродни колдовству Дерини. К несчастью, я до сих пор не могу сказать точно, какая там была доля магии Судри, а что исходило от Халдейна. Однако вопрос этот чисто риторический, поскольку причиной гибели моего кузена послужили обычные телесные ранения. Тем не менее, мы постараемся в будущем внимательно изучить вопрос о способностях Халдейнов.

– Но только не в этом походе! – воскликнул другой капитан. – Он уже стоил жизни нашему принцу.

– И я скорблю вместе с вами, – начал Марек.

– Это понятно, сударь, – произнес другой голос. – Однако мы не готовы следовать за вами через границу Гвиннеда. Пока был жив наш принц, мы подчинялись его приказам. Но теперь наша преданность принадлежит его брату-королю, которому может не слишком понравиться то, что вы использовали торентские войска для достижения своих целей.

Марек склонил голову.

— Я принимаю ваши слова, сколь бы горьки они мне ни казались, сударь, — произнес он негромко. — И отчасти я также виню себя за гибель принца Миклоса, и хочу напомнить вам, что он приходился мне кузеном, а моей жене — братом. Мне страшно подумать о том, как я стану отвечать на вопросы, что зададут мне моя супруга и ее брат король Арион, когда я скажу им о смерти Миклоса... Что же касается похода на Гвиннед, то уверяю вас, принц Миклос никогда не питал таких намерений, по крайней мере, в эти дни. Поэтому я уважаю ваше решение, и даже не стану предлагать вам пересмотреть его.

Солдаты возбужденно зашептались, выражая свое согласие, и он подождал, пока шум замолкнет, чтобы продолжить:

— Остается еще несколько практических вопросов. — Он поднял руку, чтобы привлечь их внимание. — Если военачальники его высочества согласны, то я предлагаю на рассвете начать отступление из Кулликерна, с поднятыми знаменами и под бой барабанов. Гонец в течение часа отошлет соответствующую ноту в гвиннедский лагерь, а нынче ночью я намерен бодрствовать у тела моего кузена. Те из вас, кто желает последовать моему примеру, могут ко мне присоединиться.

Глава восемнадцатая

Ибо золото испытывают в огне, а верных людей в горниле вражды[1]

Келдорцы выехали навстречу королю, и весть о гибели Судри очень опечалила их всех. Корбан немедленно отправился в Лохаллин, чтобы доставить тело ее дочери, а Сигер с Грэхемом остались в лагере. Ясно было, что они не винят Райса-Майкла в случившемся, — Судри прекрасно осознавала грозящую ей опасность, — и все же король в полной мере разделял их скорбь.

— Так что все-таки там произошло, — спросил его Ран, скакавший рядом с Райсом-Майклом.

Он то и дело оглядывался через плечо на выстроившихся торентцев, опасаясь, что те нарушат перемирие и нападут, чтобы отомстить за своего принца. Манфред ехал с другой стороны от короля, а Катан с Фульком следовали за ними, вместе с Сигером и Грэхемом.

Два десятка рыцарей *Custodes* сменили лучников и теперь окружали королевскую свиту плотным кольцом.

---

[1] Мудрость Иисусова 2:5

— Миклос нарушил перемирие, в точности как вы и говорили, но по иным причинам, нежели мы опасались, — пояснил Райс-Майкл. — Но думаю, сейчас мне не стоит вдаваться в детали. Посмотрим сперва, нападут ли его люди, или все же будут соблюдать перемирие.

Эти доводы как будто удовлетворили Рана на время... и дали Райсу-Майклу возможность обдумать, что он скажет своему гофмаршалу позже, когда настанет неминуемый момент допроса. Он прижимал к груди раненую руку, ибо теперь, когда первоначальный шок отступил, боль принялась терзать его с новой силой.

Они остановились на склоне напротив своего лагеря, чтобы посмотреть, что предпримут торентцы. Те не двинулись с места. Пронаблюдав за ними целый час и обсудив все варианты военной стратегии, Ран со своими помощниками решили, что с наступлением темноты нападения едва ли следует опасаться. Препоручив Джошуа Делакруа охранять подходы к лагерю, Ран сопроводил короля в центральный шатер, куда за ними последовали Манфред, Сигер, Грэхем и оба оруженосца. Перед шатром уже встревожено расхаживал мастер Стеванус, которому сообщили о том, что король ранен, и он тут же поспешил на помощь высокопоставленному пациенту.

— Давайте войдем внутрь и посмотрим, что у вас с рукой, — предложил он, после того как король, осторожно перекинув ногу через седло, спрыгнул на землю, пытаясь не задеть ноющую руку.

Король покорно последовал за ним в шатер и сел, где ему было велено, на край походной постели. Там уже дожидался отец Лиор. Стеванус тут же опустился на корточки перед королем, принялся прощу-

пывать порванную алую перчатку, попросив Фулька принести поближе подсвечник. Ран с Лиором нависли над ними точно две хищные птицы. Катан незаметно подошел и опустился на колени, чтобы расстегнуть у короля шпоры, после чего остался рядом, на случай, если понадобится какая-то помощь. Манфред держался у входа в шатер вместе с Сигером и Грехемом в ожидании возможного послания от торенцев.

— Проклятье, так что там все-таки случилось? — требовательно воскликнул Ран. — Вы сказали, Миклос нарушил перемирие.

— Мне показалось, он был готов отступить, хотя мы даже не начали обсуждать условия, — отозвался Райс-Майкл, поморщившись, когда Стеванус причинил ему боль. — А затем он магией напал на леди Судри. Теперь, оглядываясь назад, я понимаю, что именно поэтому он изначально так настаивал на ее присутствии. Похоже, его очень оскорбило то, что она предала свою семью и свою расу, выйдя замуж за графа Истмарского. Когда магический выплеск начал угрожать и мне тоже, она бросилась наперерез, чтобы меня прикрыть. Она отдала свою жизнь ради меня.

— Никогда бы не подумал, что у нее хватит сил противостоять столь опытному Дерини как Миклос, — заметил Лиор. — И мне почему-то показалось, что и вы тоже были в этом замешаны.

Райс-Майл застонал от боли и попытался отдернуть руку, когда Стеванус принялся разгибать его раздробленные пальцы.

— Я... не слишком хорошо все это помню, — выдохнул он наконец. — Мне... мне кажется, что она каким-то образом... стала брать у меня энергию, чтобы

с еще большей силой обрушиться на него. Все равно он был слишком силен для нее. Если бы его лошадь не взбрыкнула, он мог бы... Ай!

— Прошу прощения, — прошептал Стеванус. — Лорд Ран, я вынужден просить вас продолжить этот разговор после того, как я займусь рукой его величества. И без того, она уже порядком распухла. Нам придется срезать перчатку, прежде чем я сумею оценить, насколько серьезна эта рана. Катан, пожалуйста, налей его величеству двойную порцию макового отвара... это будет довольно болезненно.

Не скрывая недовольства, Ран отошел к выходу их шатра, а Стеванус принялся за работу не обращая внимания на военачальников, которые вполголоса совещались чуть поодаль. Один лишь Лиор остался наблюдать. Райс-Майкл, едва углядев посиневшую плоть, запекшуюся кровь и грязь в глубоких ссадинах, тут же поспешил отвернуться, более всего желая в этот миг оказаться где угодно в другом месте. Тем не менее, он выпил лишь половину того снадобья, что принес ему Катан.

— Я бы не хотел заснуть от ваших лекарств прежде, чем мы узнаем, что намерены предпринять торентцы, — сказал он Стеванусу, возвращая чашу и заскрипел зубами, когда лекарь принялся ощупывать сломанные кости.

— Как угодно, но не говорите, что я вас не предупреждал. Как только мы очистим рану, надо будет наложить швы, прежде чем я смогу вправить перелом. Сможете ли вы потом держать меч, это еще большой вопрос.

— Если понадобится, я научусь драться левой рукой. Делайте свое дело.

Фульк принес полотенце и таз с водой, а Стеванус разложил повязки и все необходимые инструменты. Катан помог королю сбросить накидку и кожаную тунику, поскольку ясно стало, что рукава у одежды слишком узкие, и ее нельзя будет снять после того, как руку перевяжут. Но даже и без повязок протаскивать поврежденную руку через рукав оказалось мучительно. Райса-Майкла била дрожь, и он, обессиленный, откинулся на подушки, а Катан забросил его ноги прямо в сапогах на постель. На теле у короля также обнаружилось несколько внушительных кровоподтеков, хотя он и не помнил толком, каким образом их получил.

Фульк поставил таз с теплой водой на низенький столик рядом с кроватью, чтобы он мог погрузить туда руку. Тепло сперва словно бы успокоило боль, но лишь до тех пор, пока Стеванус не начал вычищать из раны грязь и запекшуюся кровь. Он постарался внутренне отстраниться от этих страданий. Здоровой рукой прикрыв глаза, он постарался отделить от себя чувство боли и погрузиться в легкий транс. Постепенно успокоительное снадобье начало оказывать свое воздействие, и мыслями он смог вернуться к событиям последних нескольких часов... Как вдруг внезапно припомнил, где и когда видел лицо, обнаружившееся под обманной личиной Хомбарда. Любопытно, заметил ли это изменение Ран и все остальные.

— Ран, тот человек, которого мы принимали за Хомбарда, был Дерини, — произнес он, открывая глаза и устремляя взор на гофмаршала, который тут же обернулся к нему. — Мне кажется, это был Марек Фестил.

— Быть такого не может, — заявил Ран, подходя ближе. — Тот был слишком старый. Кроме того, мы его проверяли мерашей.

— Нет, мы проверяли *первого* посланца, — уточнил Райс-Майкл. — Но тот человек, который приехал на переговоры вместе с Миклосом, был просто *похож* на него, хотя в тот момент у него не было ни малейших причин в этом усомниться... Но лицо его изменилось, когда Миклос с Судри начали свой магический поединок, и он попытался вмешаться. Все произошло очень быстро, но я готов поклясться, что это тот же самый человек, который был на коронации Джавана в качестве оруженосца Миклоса. Возможно ли, что оба раза это был Марек?

Ран подтянул поближе походный табурет и уселся перед постелью, тогда как остальные собрались ближе, внимательно прислушиваясь к разговору.

— Марек? — задумчиво протянул Ран. — Не могу в это поверить. Даже у Миклоса не хватило бы дерзости взять с собой самозванца Фестила на коронацию его главного врага.

— Именно так все и должны были подумать, — возразил Райс-Майкл, радуясь, что этот спор отвлекает его от действий Стевануса, который тем временем убрал из-под руки таз и положил ее обсохнуть на чистое полотенце. — Но, согласитесь, это был лучший способ оценить противника. И как бы мы могли догадаться? Теперь я готов поверить, что Миклос был достаточно дерзок, чтобы сделать все, чего ему хотелось. Кто-нибудь из нас, вообще, в своей жизни видел Марека Фестила?

— Однажды я видел портрет его отца, короля Имре, в одном из аббатств Ордена, — отозвался отец Лиор. — Возможно, некоторое сходство между ними

есть, особенно учитывая, что матерью Марека была родная сестра Имре.

— Опиши человека на портрете, — велел Ран священнику.

Лиор нахмурился и принялся рыться в памяти.

— Худощавый... не слишком крупный мужчина, так мне кажется. Очень светлая кожа, но волосы темные, до плеч. Тонкие черты лица, прямой тонкий нос, глаза слегка навыкате... кажется, темно-карие. И выражение лица какое-то вялое, безжизненное.

Райс-Майкл прикрыл глаза, стараясь не обращать внимания на уколы иглы Стевануса, который начал накладывать швы. Описание Лиора вполне подходило к тому человеку, которое он видел на поле переговоров... и к оруженосцу Миклоса, который был с ним на коронации. Неужели он и впрямь дважды оказывался лицом к лицу с Мареком Фестилом и даже не знал об этом?

— Ну, того парня, который был на коронации с Миклосом, ты описал так, как будто видел своими глазами, — бросил Ран священнику, хотя бы в этой части подтверждая выводы Райса-Майкла. — Богом клянусь, а ведь он и впрямь мог быть сыном Имре!

— Описание также подходит и к тому человеку, которого я видел сегодня, — заметил Райс-Майкл и поморщился от очередного приступа боли. — Учитывая, что против нее действовали одновременно Марек и Миклос, поразительно, что леди Судри могла продержаться так долго. Нам остается лишь возблагодарить провидение Господне за...

Он не договорил, поскольку в этот миг в шатер ворвался Джошуа Делакруа и протянул Рану запечатанный воском пакет.

— Только что получили, сударь, — объявил Джошуа. — Это привез герольд. Полагаю, они опасались, что мы больше не поверим белому флагу.

Ран поспешил разломать печати и развернул лист пергамента. Манфред тут же подошел ближе, заглядывая ему через плечо.

— «Принц Марек Фестил, законный король Гвиннеда, узурпатору Халдейну, — прочел Ран вслух. — Знай же, что я считаю тебя повинным в гибели моего возлюбленного кузена, принца Миклоса Торентского. Можешь не сомневаться, что следующее послание ты получишь уже от короля, его брата. Дабы дать телу моего кузена надлежащий эскорт, я на рассвете начинаю уводить войска, которыми он командовал. Мы не потерпим никаких преград на своем пути. И хотя нынешние обстоятельства заставляют меня отказаться от прямого столкновения, будь уверен, что рано или поздно я отвоюю то, что принадлежит мне по праву. Теперь я знаю, кто ты такой, и приму надлежащие меры, чтобы уничтожить тебя полностью и окончательно. Подпись: Марек, *Princeps*.»

— Вот дерзкий щенок, — прорычал Манфред, потянувшись за посланием. — Покажи-ка мне письмо!

Пожав плечами, Ран протянул ему пергамент.

— Ну что ж, если он бежит прочь из Кулликерна, поджав хвост между ног, то, по крайней мере, на сей раз мы одержали победу. Конечно, Арион еще может попытаться осложнить нам жизнь. Но сейчас об этом можно не беспокоиться. По крайней мере, прямой схватки удалось избежать. Джошуа, вышли дозорных, чтобы они ночью дежурили на подступах к лагерю и отслеживали отход войск противника. Надеюсь, милорды Клейборнский и Марли помогут

нам, предоставив опытных разведчиков, знающих местность.

Сигер и Грэхем тут же кивнули.

— Манфред, что ты думаешь насчет пикетов?

Они отошли на другой конец шатра, чтобы обсудить военные приготовления, а Стеванус закончил накладывать швы и принялся за куда более тонкую и болезненную работу, стараясь вернуть на место осколки костей. Даже хотя Катан дал ему толстый кусок кожи, чтобы зажать его в зубах, а сам придерживал раненую руку, Райс-Майкл с огромным трудом заставлял себя сидеть спокойно и не кричать от боли. Когда Стеванус закончил, он был обессилен и весь взмок от пота. Наконец, лекарь с помощью плотных повязок на всю длину руки от локтя до кончиков пальцев примотал ему к предплечью плоскую широкую деревяшку.

— Увы, я не могу вам пообещать, что когда все заживет, вы сможете владеть рукой как прежде, — заметил Стеванус, забирая кусок кожи у короля изо рта. — В руке очень много мелких костей, и в большинстве своем они довольно хрупкие. Так что выдержать вес лошади им явно не под силу. Не удивляйтесь, если какие-то осколки начнут выходить наружу, пока рана будет заживать. Я сделал все, что мог, но, увы, я не Целитель-Дерини.

Пока лекарь пристраивал ему на шею полотняную петлю, чтобы продевать в нее руку, Райс-Майкл ненадолго прикрыл глаза, раздумывая над своим следующим шагом. Он не рассчитывал на то, что его могут ранить. Теперь он оказался в куда большей зависимости от своих сановников, чем прежде. Тот план, который зрел в его мозгу, был довольно рискованным, однако едва ли удастся дождаться лучшего

времени. Как раз сейчас советники вышли из шатра, пораженные тем, как терпеливо король переносит крайне болезненную процедуру, и лишь Катан с Фульком остались помогать Стевануcу.

— Возможно, нам было бы полегче, если бы Целители остались, — пробормотал король. — Мне бы сейчас они точно пригодились.

Стевануc ответил мимолетной смущенной улыбкой, поправляя кончик повязки.

— Если бы мы могли твердо знать, что они не попытаются сделать ничего другого, кроме исцеления, то я бы с вами согласился, — отозвался он. — Но вы сами видели сегодня, как Дерини держат свое слово.

Едва лишь Стевануc обернулся, чтобы долить обезболивающего снадобья в чашу, которую король не допил чуть раньше, Райс-Майкл мысленно окликнул Катана, и тот тут же поспешил к королю и помог ему сесть на постели. Райс-Майкл воспользовался этим контактом, чтобы сообщить Катану, что он задумал. Кивнув, тот накинул плащ ему на голые плечи, а затем, как ни в чем не бывало, вернулся к Фульку. Стевануc обернулся, держа в руках небольшую металлическую чашу.

— Это поможет вам спокойно проспать ночь, — пояснил лекарь. — Рука будет сильно ныть первые несколько дней, — может, и дольше, — но, выспавшись, вы почувствуете себя куда лучше. Сейчас вид у вас хуже некуда, да и ничего удивительного...

Райс-Майкл отказался взять чашу у Стевануса, поскольку даже здоровая рука его дрожала, и Стевануc сам поднес чашу к губам короля. Тот, словно для того, чтобы ему помочь, придержал лекаря за запястье. Он выпил все до дна, и одновременно использовал телесный контакт, чтобы взять под контроль созна-

ние Стевануса. Тот вздрогнул, но даже не подумал сопротивляться, и глаза его закрылись. В тот же самый миг Катан погрузил в транс Фулька.

— Стеванус, слушайте меня внимательно, — прошептал Райс-Майкл, стиснув здоровой рукой запястье лекаря и заставляя того опуститься перед ним на корточки. — С этого момента, невзирая на любые приказы, которые вы можете получить от кого бы то ни было, вы должны выполнять лишь мои собственные указания. Вы никогда никому не скажете об этом, но все ваши действия будут направлены на то, чтобы сохранить мне жизнь и здоровье. Ни при каких обстоятельствах вы не должны давать мне мерашу, а если сановники вам это прикажут, вы сделаете вид, что подчинились, но дадите мне какое-то другое снадобье с похожим действием. Кивните, если поняли мои слова.

Стеванус тут же опустил голову.

— Хорошо. А теперь скажите, как долго будет действовать ваше снотворное, если я выпью его до дна?

— Только до утра, сир, хотя сон будет крепким.

Кивнув, Райс-Майкл допил последние капли снадобья, затем вновь поставил лекаря на ноги и отпустил его запястье.

— Ну что ж, кажется, все в порядке, — промолвил он, разрывая ментальную связь. — Не знаю, что будет со мной поутру, однако, если понадобится, я должен быть в состоянии сесть в седло и возглавить войска. Очень важно, чтобы люди видели меня живым и невредимым. Ну, относительно невредимым. — Он усмехнулся, глядя на перевязанную руку, затем с трудом поднялся на ноги, тяжело опираясь на руку Стевануса.

— В какой-то момент завтра я должен буду навестить леди Стэйси. Она потеряла обоих родителей, которые отдали жизнь за своего короля, и я обязан почтить своим присутствием похороны ее матери. Полагаю, они должны состояться послезавтра. Перед отъездом я также утвержу ее с мужем в достоинстве графов Истмаркских. Нет никакого смысла им ехать в Ремут, раз уж я оказался здесь. Тем более что в приграничье еще долго будет неспокойно.

— Вам понадобится согласовать свое расписание с лордом Раном, сир, однако физически вы это должны выдержать, — согласился Стеванус. — Постарайтесь не задевать лишний раз руку, но, думаю, понемногу вы привыкнете ее оберегать.

Райс-Майкл широко зевнул и прижал руку к груди.

— Думаю, я этому уже научился, Стеванус. Едва ли это самая большая тайна бытия.

Стеванус хмыкнул.

— Я пойду с вами и помогу вам лечь в постель, сир. Не дело, если вы упадете по пути в свой шатер. Чего доброго, люди решат, что вы ранены слишком сильно... или пьяны.

* * *

В сгустившихся сумерках неподалеку от командного шатра трое мужчин в грубых клетчатых одеждах истмаркских горцев наблюдали из темноты, как король вышел наружу, опираясь на руку военного лекаря по имени Стеванус. За ними проследовали оба королевских оруженосца. Хотя у короля на плечах был плащ, почти скрывавший тело, наблюдатели заметили, что правая рука его забинтована почти до

локтя и висит на широкой петле. Руку он прижимал к груди и, похоже, с трудом удерживал равновесие. Лицо казалось напряженным и бледным в свете факелов, которые держали двое стражников, сопровождавшие короля и лекаря.

Они явно направлялись к королевскому шатру, и непохоже, чтобы Райс-Майкл был под стражей. Безмолвно переглянувшись, трое наблюдателей разделились и окольными путями двинулись к королевскому шатру, стараясь не привлекать к себе излишнего внимания. Наконец, когда король, лекарь и оруженосцы прошли в палатку, над которой лениво развевался штандарт Халдейнов, все трое вновь встретились, стараясь держаться подальше от света и часовых, охранявших вход.

Шатер этот слишком хорошо охранялся со всех сторон, с первого дня прибытия королевских войск. Повсюду были установлены факелы, и рыцари *Custodes* расхаживали по всему периметру, постоянно держа часовых в поле видимости. Пару минут спустя лекарь вышел в одиночестве, и трое наблюдателей молча проводили его взглядами, пока он не скрылся в командном шатре, а затем и сами растворились во тьме.

Чуть позже, в своей собственной палатке, окруженной преданными людьми, которые не подпустили бы сюда посторонних, все трое, шепотом переговариваясь, принялись делиться впечатлениями обо всем, что произошло за этот день.

— Не могу сказать, насколько серьезна его рана, — произнес Ансель. — Когда он только въехал в лагерь, то выглядел не так уж скверно.

— Как Целителю, мне показалось, что он в шоке, — отозвался Тиег чуть слышно. — Не знаю, что там у

него с рукой, но Стеванус занимался ею очень долго. Слишком долго, даже для лекаря-человека.

— Я порасспрашивал одного из лучников, после того как в воспоминаниях его прочел все, что он видел из магического поединка, — вмешался Джесс. — Ему показалось, что королю на руку наступила лошадь. Вопрос в том, насколько это серьезно. Лучник не видел крови, но это не обязательно к лучшему.

— Верно, — согласился Ансель. — Если его придавило копытом, то может быть все, что угодно, от простого синяка до переломанных костей. К тому же, это та рука, в которой он держит меч.

Тиег хмыкнул:

— С точки зрения того, насколько это больно, не имеет значения, какая именно рука пострадала. К тому же, ранение его заметно ослабит.

— Даже и не думай о том, чтобы проскользнуть туда незамеченным и попытаться помочь, — пристально глядя на юношу, заявил Ансель. — По крайней мере, не сейчас. Нам сперва нужно разобраться, что происходит. И мы не можем позволить тебе рисковать жизнью впустую.

Тиег, хотя и выглядел слегка удрученным, все же не мог не согласиться с такой логикой.

— Ну что ж, — пробормотал Ансель. — Думаю, нам следует сообщить обо всем Джорему. События приняли оборот, которого, сдается мне, никто не ожидал... И менее всего сам король. Не знаю, какова была доля его участия в том поединке, но Судри погибла, и Миклос, вероятно, тоже. Я также не знаю, что за вопросы задавал ему Ран, но молю Бога, чтобы король нашел на них убедительные ответы.

Джесс кивнул.

— Ну, по крайней мере, сегодня, полагаю, его больше никто ни о чем спрашивать не станет. Если Стевануcу пришлось вправлять раздробленные кости, скорее всего, он дал ему сильное успокоительное и болеутоляющее... Должно быть, именно поэтому король так нетвердо держался на ногах. Хочешь сам известить Джорема или лучше мне?

— Я это сделаю, — заявил Ансель. — И на всякий случай давайте поставим кого-нибудь наблюдать за его палаткой на эту ночь. А потом возвращайтесь сюда, вы оба. Я думаю, мы узнали все, что возможно... Жаль только, что нет возможности порасспросить основных участников... А время уже слишком позднее, чтобы шататься по лагерю, не вызывая подозрений.

— Согласен, — отозвался Джесс и, попрощавшись с друзьями, ушел прочь, чтобы установить наблюдение за королевским шатром.

Тиег с недовольным видом уселся у входа в палатку, следя, чтобы никто не побеспокоил Анселя, который вытянулся на своем тюфяке и погрузился в транс, устанавливая связь с Джоремом.

Глава девятнадцатая

Кто введет меня в укрепленный город?[1]

Райс-Майкл Халдейн ничего не знал о тех усилиях, что предпринимались ради него этой ночью. Вскоре, благодаря снадобью Стевануса, он впал в забытье, и сон его был глубоким, полным тревожных видений, которых поутру он не мог припомнить... Но, по крайней мере, как и обещал лекарь, боль не мучила его.

Шум пробуждающегося лагеря и начавшаяся пульсация в руке пробудили его вскоре после рассвета, и первое, что он ощутил, была тупая головная боль, отвратительный привкус во рту и ужасающая жажда. Катан заснул прямо на стуле рядом с походной койкой, а Фульк уже предусмотрительно принес горячей воды для утреннего омовения, и эля, чтобы заглушить жажду. Напившись, он почувствовал себя чуть получше, но все тело болело, словно избитое. Его и самого ужаснуло, насколько он стал беспомощным, владея одной лишь рукой, и даже в самом малом ему пришлось звать на помощь обоих оруженосцев, которые и помогли своему господину с омовением

[1] Псалтирь 59:11

и одеванием. Поскольку никто ничего не сказал ему по этому поводу, он решил, что сегодня наряжаться в доспехи ни к чему, по крайней мере, с самого утра, а потому попросил принести ему льняную тунику с широкими рукавами, кожаные штаны и сапоги. Стеванус вошел как раз в тот момент, когда Катан поправлял петлю, что поддерживал правую руку, и король тут же позвал его на помощь. Рука к тому времени уже вовсю ныла от боли, но Стеванус отсоветовал вновь принимать маковую настойку, по крайней мере, до завтрака. По просьбе короля, Катан набросил ему на плечи легкий плащ и застегнул на плече фибулу Халдейнов. Полой накидки они прикрыли перевязанную руку, и все вместе отправились в командный шатер на утреннее совещание.

За обильным завтраком советники сообщили ему добрые вести. Ничто не нарушило ночью покой лагеря, и Марек, как и обещал, с первыми лучами рассвета начал выводить торентские войска из Кулликерна. Длинная колонна, вытянувшись по колдорскому перевалу, постепенно исчезала на равнинах Толана. Больше от торентцев не было никаких известий.

— Разведчики Сигера донесли, будто видели похоронный кортеж принца Миклоса, который выехал из ворот одним из первых, прямо на рассвете, — сказал королю Манфред. — Там было несколько конных носилок, а также клирики... скорее всего, свита патриарха. Последние остатки войск уйдут к полудню. Так что мы можем ближе к вечеру отправиться взглянуть на город.

Тем временем дозорные отряды Марли и Истмарка наблюдали за отходом торентцев, преследовали их по пятам, готовые напасть на отстающих. По-

завтракав, Ран с Манфредом отправились вместе с Корбаном и еще несколькими истмаркскими военачальниками проехаться по округе, взяв с собой лорда Джошуа и еще нескольких *Custodes*. Короля препоручили заботам отца Лиора и мастера Стевануса, неохотно дав ему дозволение отправиться в Лохаллин, дабы засвидетельствовать свое почтение новой владелице замка. К вящему отвращению короля, Лиор принялся настаивать на том, чтобы взять с собой в сопровождение рыцарей *Custodes*, включая ненавистного ему Галларда де Бреффни.

Короткий путь до Лохаллина из-за ноющей боли в руке показался Райсу-Майклу бесконечным, но все это время, стараясь не обращать внимания на телесные муки, он пытался придумать, как ему отделаться от своих тюремщиков, чтобы поговорить со Стэйси наедине. Постепенно у него созрело в мозгу некое подобие плана, но теперь все зависело от того, поддержат ли его келдорские лорды.

К вящему своему облегчению, он обнаружил стяг герцога Клейборнского, развевавшийся рядом со знаменем Истмарка над сводчатыми вратами замка, и не менее дюжины хмурых клейборнцев несли почетный караул у входа в часовню. Дерзость Галларда де Бреффни на сей раз пошла ему не на пользу, зато сыграла на руку Райсу-Майклу... ибо когда Галлард попытался поставить своих *Custodes* на замену людям герцога, велев приграничникам расступиться, дабы дать дорогу королевскому эскорту, то без вмешательства Райса-Майкла словесная перепалка и возмущение могли бы перерасти в настоящую потасовку. После того как король утихомирил спорящих, его любезная просьба дать возможность лично выразить соболезнования скорбящей графине нашла горячий

отклик в сердцах солдат герцога, которые ясно дали понять Галларду, Лиору и остальным *Custodes*, что дадут дорогу одному лишь королю, но никому более.

— Думаю, вы могли бы пройти со своими людьми в парадный зал и выпить там чего-нибудь прохладительного, милорд, — заметил Райс-Майкл рассерженному Галларду. — Возможно, вино слегка остудит разгоряченные головы. Не хотелось бы оскорблять хозяев замка из-за такого мелкого недоразумения.

Когда Лиор попытался все же последовать за ним, Райс-Майкл и его сумел поставить на место.

— Пожалуйста, ступайте с лордом Галлардом, отче. Я задержусь ненадолго. Катан с Фульком подождут меня здесь... и мастер Стеванус, если не возражаете. Матушка леди Стэйси отдала за меня жизнь не далее, как вчера. Самое меньшее, что я могу сделать, это принести ей свои соболезнования и провести время в молитве.

На это даже у Лиора не нашлось возражений. Не дав священнику *Custodes* возможности опомниться и задержать его, Райс-Майкл развернулся на каблуках и уверенно двинулся в часовню.

Когда он тихонько прикрыл за собой дверь, то тут же ощутил слабый запах благовоний и пчелиного воска. Он двинулся вперед по тесному узкому нефу, нарушая тишину позвякиванием шпор. Шесть толстых медового цвета свечей в высоких подсвечниках горели вокруг открытого гроба, установленного на подставках в центре толстого ковра келдишской работы, прямо перед алтарем. Женщина в черном платье и черном платке сидела у изголовья гроба, спиной к дверям. Юный Клейборн преклонил колени у алтаря слева от гроба, закрывая лицо руками.

Заслышав шаги, он обернулся к королю и хотел было подняться, чтобы засвидетельствовать ему свое уважение, но Райс-Майкл жестом показал, что все в порядке, и сам остановился, чтобы поклониться алтарю, и встал справа от гроба.

Завидев Райса-Майкла, Стэйси изумленно вскрикнула, прижав к себе малютку-сына. Ее хорошенькое личико казалось измученным и бледным, в особенности на фоне черной накидки, скрывавшей огненно-рыжие волосы. Казалось, скорбь полностью лишила ее жизненных сил. Перед ней в открытом гробу лежала ее мать в саване из тончайшей синей шерсти, с лицом, полуприкрытым белой шелковой вуалью.

Райс-Майкл неловко перекрестился перевязанной рукой и опустился на колени рядом с гробом, склонив голову. Именно он был повинен в утрате, понесенной Стэйси, которая потеряла отца и мать менее чем за две недели. И оба они отдали жизнь, служа своему королю. Когда он молился здесь с Судри, каких-то три дня назад, он и представить не мог, что вскоре увидит и ее здесь в гробу, рядом с ее возлюбленным Хрориком, которого похоронили здесь же, под плитами пола, на которых теперь стоял саркофаг самой Судри.

Когда он ехал из лагеря, то поневоле вспоминал события прошлого дня, прекрасно сознавая, что не смог бы уцелеть без ее помощи... И что *она* могла бы остаться в живых, если бы не Райс-Майкл. Не в первый раз он задался вопросом, на самом ли деле столь смертельными оказались ее раны, или же она сама принесла себе гибель, не желая держать ответ перед королевскими сановниками и инквизиторами *Custodes*? Вопрос лишь в том, осмелится ли король

просить о помощи ее родню, после всего что произошло.

Помолившись за упокой души Судри Истмаркской и о милосердии Господнем для всех Дерини, он неловко поднялся на ноги и осторожно откинул белую вуаль, чтобы почтительно прижаться губами ко лбу покойной.

Затем, глубоко вздохнув, он вновь опустил вуаль ей на лицо и обернулся к ее дочери и племяннику. Юный Клейборн также поднялся на ноги, едва лишь король встал. Лицо его, как и у Стэйси, казалось мрачным и невыразительным.

— Судри Истмаркская была великой женщиной, — произнес король негромко. — Я сожалею, что не имел возможности узнать ее лучше.

Клейборн неуверенно покосился на свою двоюродную сестру, затем вновь уставился на короля.

— Если бы ваше королевское величество чаще снисходили до посещения своих северных провинций, вам бы представилась такая возможность, — промолвил наконец герцог, хотя в тоне его не было ни намека на осуждение. — Как бы там ни было, она осталась верна своему королю.

Укачивая ноющую руку, Райс-Майкл задумчиво принялся потирать предплечье.

— Если бы выбор был за мной, — вымолвил он вполголоса, — я бы приехал. Из всех сановников Гвиннеда никто не служил престолу хотя бы вполовину так хорошо, как дети и внуки Сигера Келдорского... В том числе и леди Судри, хотя она и не принадлежала к этому роду по крови, — добавил он, взглянув на женщину в гробу. — Клейборн, Истмарк и Марли — это самые драгоценные самоцветы в моей короне.

— Если они такие драгоценные, то почему вы не приехали? — спросила Стэйси. — Разве вы не король? Кто же еще волен выбирать, если не вы?

Райс-Майкл сумрачно покосился на нее, гадая, рискнет ли открыть сейчас правду, — и решился заговорить, вызвав предварительно чары истины. Пока Ран с остальными был в отъезде, ему представился, возможно, единственный шанс поговорить с келдорцами наедине и убедиться в их преданности. Грэхем со Стэйси были с ним одного возраста и принадлежали к молодому поколению, у которого было мало общего с советниками, правившими Гвиннедом. К тому же отца Грэхема убили из-за предательства одного из сановников. Возможно, отныне Келдор станет источником военной силы, в котором так нуждался Райс-Майкл, чтобы вновь сделаться хозяином в своем королевстве. Но он никогда не узнает этого наверняка, если не задаст вопрос в открытую.

Бросив взгляд на двери церкви, которые по-прежнему оставались запертыми, он подошел ближе к северянам и, взяв Грэхема за руку, заставил его преклонить колени у ног Стэйси, и сам встал рядом с ними.

— Пожалуйста, слушайте внимательно, потому что у меня мало времени, — прошептал он. — Если кто-то войдет сюда, за исключением моего светловолосого оруженосца, то мы все вместе молимся за упокой души леди Судри. Мои советники очень старались это скрыть, но, поверьте, все шесть лет своего правления я был пленником во дворце, с того самого дня, как они подстроили убийство моего брата и захватили власть в Ремуте.

— Убийство... — начал Грэхем. — Вы говорите о короле Джаване?

Райс-Майкл кивнул.

— Но ведь говорили, что ренегаты-михайлинцы...

— Не было никаких ренегатов-михайлинцев, — тихо возразил Райс-Майкл. — Собственные советники предали его. И в тот же самый день, когда был убит Джаван, вероятно, в тот же самый час, архиепископ Хьюберт вместе со своими помощниками сделал меня пленником в Ремутском замке. Они опоили меня наркотиками и заставили смотреть, как у меня на глазах убивают тех немногих людей, кто еще оставался предан Джавану. Шок был столь силен, что у моей жены случился выкидыш... в то время она носила под сердцем нашего первенца.

— Матерь Божья, — широко раскрыв глаза, прошептала Стэйси, прижимая к груди своего малыша. — Но *почему*?

— Разумеется, для того, чтобы сохранить власть. Джаван оказался слишком своенравным королем. Они хотели обойти его в престолонаследии в мою пользу, надеялись запереть его в каком-нибудь аббатстве, чтобы он посвятил жизнь Богу. Они не понимали, что он сам избрал для себя монастырь как убежище, дабы возмужать в безопасности и получить образование, необходимое для будущего правителя. Он никогда не собирался становиться монахом. Разве вас не удивило, когда вы узнали, что Алрой умер и коронован должен быть именно Джаван, а не я?

— Ну да, — признал Грэхем. — Но, похоже, вас это не слишком огорчило. Мы видели это, когда прибыли в Ремут на коронацию.

— Разумеется, не огорчило. Я всегда считал, что именно Джаван должен занять престол после Алроя. Вспомни о судьбе своего отца, Грэхем, и поверь мне, если я скажу, что сановники не остановятся ни

перед чем, чтобы удержать власть, которую захватили после смерти короля Синхила. Пока правил мой брат Алрой, даже после окончания их срока регентства, они все время держали его на различных успокоительных снадобьях, чтобы обеспечить его покорность, и фактически правили вместо него.

— Полагаете, мой отец узнал об этом, и они его убили? — в ужасе спросил Грэхем.

— Если он и не знал, что наверняка все выяснил бы, если бы стал проводить больше времени при дворе, — отозвался Райс-Майкл. — И я убежден, что тебе самому удалось уцелеть, лишь поскольку твои дядья поспешили увезти тебя подальше из Ремута в Келдор, куда регенты не осмеливались сунуться. И до тех пор, пока никто из вас не вмешивался в столичные дела, они готовы были оставить вас спокойно править северными землями. Но ты сам видел, с какой яростью напал Мердок на Хрорика, когда они прибыли на коронацию Джавана.

— Но они ведь все поклялись Джавану в вечной преданности перед Богом и на святых реликвиях, — шепотом возмутился Грэхем. — Я там был, я сам все видел и слышал.

— Да, и нарушили эту клятву в течение первого же года, — отозвался Райс-Майкл. — Джаван с самого начала видел эту опасность и пытался меня предупредить, но я был слишком юн и наивен. Когда он начал набирать силу, они повели против него коварную игру. Хьюберт с Манфредом втайне подговаривали меня жениться... хотя Джаван и предупреждал меня об опасности, если появятся несовершеннолетние наследники, пока наши сановники еще обладают достаточной властью. Я ему не поверил... *не хотел* верить, потому что очень люблю Микаэлу... Но все

же согласился подождать. Однако когда стало ясно, что я не пойду против воли брата, они организовали мое «похищение» ренегатами-михайлинцами, после чего меня «спасли» люди Манфреда. Они даже подстроили, что я якобы был ранен во время стычки, — и вот я оказался в «безопасности» в замке Манфреда, и там же по весьма удачному стечению обстоятельств оказалась и Микаэла, которая ухаживала за мной до выздоровления. Разумеется, она не знала о том, как ее используют. Мы оба верили, что похищение было настоящим, и обстоятельства сложились так, что привели нас к браку. А едва лишь Микаэла забеременела, советники тут же начали готовить убийство Джавана.

Грэхем упрямо покачал головой.

— Не могу поверить, чтобы они решились убить миропомазанного короля, — прошептал он. — То есть я, конечно, верю вам, сир, но...

Бросив взгляд на дверь церкви, Райс-Майкл вновь взглянул на Грэхема.

— Понимаю, — промолвил он. — Я тоже сперва не хотел верить. Но есть кое-что и похуже. Когда Джавана не стало, они пичкали меня наркотиками до самой коронации, точно так же, как это делали с Алроем, а как только Микаэла оправилась после выкидыша, они... приказали нам начать производить на свет наследников Халдейнов.

— Приказали... — начала Стэйси. — Но как можно приказать человеку сделать такое?

Райс-Майкл невесело усмехнулся.

— Чтобы выжить и обеспечить выживание своего рода, человек учится куда большей гибкости, чем вы можете представить себе, сударыня, — произнес он негромко. — Мы медлили с этим столько, сколько

могли. Но в конце концов прозвучала угроза, что если *я* не стану отцом наследника, то найдутся желающие, которые сделают это за меня... И кто бы об этом узнал? Ни мне, ни Микаэле не дозволяют безнадзорно общаться с окружающими. С того момента, как умер Алрой, советники преследовали единственную цель — обеспечить престолонаследие, а затем убрать с пути и Джавана, и меня... Таким образом, они бы получили для себя еще одно долгое регентство и окончательно укрепили свою власть... А теперь у них есть один наследник, а в начале года они, вероятно, получат и второго. Так что, может статься, я доживаю последние дни. К тому времени, как сыновья мои достигнут совершеннолетия, вся власть в Гвиннеде будет столь прочно принадлежать сановникам, что никто и не вспомнит о том, что когда-то могло быть иначе. Если только... Слушайте внимательно, — заявил Райс-Майкл, привлекая обоих северян поближе. — У меня есть план.

Стэйси робко коснулась его руки, выражая ободрение и сочувствие.

— Вы так говорите, словно... не надеетесь вернуться в Ремут живым, сир...

Он пожал плечами.

— Ран, по всей видимости, был бы рад, если бы я погиб вчера вместе с Судри. Это значительно упростило бы жизнь и ему, и прочим сановникам... Хотя, по крайней мере, теперь их на трех человек меньше, чем когда мы выехали из Ремута.

Грэхем кивнул, стиснув зубы.

— Вот уж о ком мы жалеть не станем, так это о таких как Полин и Альберт, — пробормотал он. — Будь они прокляты, эти *Custodes*. Но... чем мы можем вам помочь? Что мы можем сделать для вас?

От облегчения Райс-Майкл на миг прикрыл глаза.

— Вы предлагаете это от всей души? — прошептал он.

— Ну, конечно, — отозвался Грэхем. — Халдейны всегда были верными друзьями нашего рода, и отнюдь не Халдейны предали и убили моего отца. Я уверен, дядя Сигер бы тоже с этим согласился. Так чем мы можем вам помочь?

С трудом сглотнув, Райс-Майкл здоровой рукой коснулся запястья Грэхема.

— Я так рад, что ты предложил мне помощь, но... я еще не уверен. Я надеялся обрести у вас поддержку, но у меня пока не было времени продумать все детали. Со временем мне, несомненно, понадобится военная сила. Но пока... — внезапно охваченный вдохновением, он поднял брови. — А не согласитесь ли вы с Сигером стать регентами при моем сыне, если со мной что-нибудь случится, пока он не достиг совершеннолетия?

— Регентами? Ну, конечно, как вы пожелаете, сир, — Грэхем немного помолчал. — Вы уверены?

— О, да. Чем больше я думаю, тем больше в этом уверен. Я знаю, что вы не можете позволить себе надолго пренебрегать своими обязанностями здесь, на севере, чтобы постоянно поселиться при дворе, но, возможно, вы могли бы приезжать в Ремут по очереди. В моем завещании уже указан состав регентского совета. Советники меня заставили все подписать с их слов много лет назад. Но теперь, когда Полин с Альбертом вышли из игры, им, по меньшей мере, понадобится составить кодицилл. Возможно, перед отъездом отсюда я мог бы написать свое собственное дополнение к завещанию, если вы отыщете мне местного священника, чтобы его засвидетельствовать. А я

постараюсь сформулировать все таким образом, чтобы прочие регенты не могли сместить вас из совета, как они это сделали с герцогом Эваном и епископом Элистером. Если бы они оба остались регентами, как того хотел мой отец, Джаван наверняка был бы еще жив, и...

Внезапно в дверях послышался шум, и Райс-Майкл поспешно замолк. Это Катан предупреждал его, что вскоре их уединению может настать конец. Король поспешно поднялся на ноги.

— Ладно, будем торопиться, — прошептал он. — Не знаю, как долго Катан сможет удерживать посторонних снаружи. Ран уже знает, что я не уеду до похорон леди Судри. Постарайтесь устроить их как можно позже в течение дня, чтобы к тому времени, когда мы закончим, отъезд пришлось бы отложить до утра. Кроме того, сегодня я бы хотел перебраться в свои покои здесь, в замке. В лагере меня ни на миг не оставляют в одиночестве, а у Катана уйдет большая часть ночи, чтобы написать нужные бумаги и сделать с них копии. Грэхем, тебя я попрошу обо всем рассказать своему дяде и найти священника. — Глубоко вздохнув, он перевел взгляд на Стэйси, которая внимательно прислушивалась к каждому его слову. — Сударыня, о вас я тоже не забыл. К несчастью, женщину, не принадлежащую к королевской династии, я не могу назначить регентом, но я признаю вас и вашего мужа новыми владыками Истмарка и приму вашу вассальную клятву. На вашу долю выпадет поддерживать мир здесь, на севере, пока Грэхем с Сигером будут исполнять свой долг в столице.

— Я понимаю, сир. Можете рассчитывать на мою помощь и поддержку... И супруг мой скажет вам то же самое.

— Благодарю. И последнее, Грэхем. Мы не сумеем подписать все бумаги одновременно, поскольку вряд ли сможем надолго собраться наедине... Именно поэтому нам необходим очень надежный свидетель. Как бы то ни было, в знак вашего одобрения и поддержки Стэйси и Корбана здесь, в Келдоре, было бы неплохо, если бы вы с Сигером вновь принесли мне вассальную клятву, как и в день коронации. Сейчас мы бы могли частным образом договориться о том, что это послужит и публичным утверждением вас как будущих регентов, и именно так мы укажем в дополнении к завещанию.

Потрясенный, Грэхем молча кивнул.

— Вот, пожалуй, и все на сегодня. — Райс-Майкл в последний раз опустился на колени у алтаря. — Думаю, теперь нам всем стоит помолиться.

Он едва лишь успел склонить голову, прижав руку к груди, как дверь церкви, скрежетнув, распахнулась, и на входе показался граф Кирнийский, который пришел за королем, — Айвер Мак-Иннис, сын Манфреда, в полных доспехах и вооружении.

— Кулликерн свободен, сир, — объявил он, поприветствовав кивком всех присутствующих. Вслед за ним в дверях появился Катан. — Последние торентские войска час назад ушли через колдорский перевал. Отец говорит, что если рука вас не слишком беспокоит, то вы могли бы проехать туда с нами, чтобы взглянуть на город. Лорд Корбан уже размещает в замке войска Истмарка. Вы бы даже могли, если пожелаете, заночевать сегодня в Кулликерне.

Порадовавшись, что Айвер предлагает ему выбор, Райс-Майкл поднялся на ноги. Рука у него вновь начала ныть, но он постарался внешне ничем не выдать своей слабости.

— Признаюсь, мысль о нормальной постели кажется мне весьма привлекательной после ночевки в лагере, — заявил он. — Но я уже принял любезное приглашение леди Стэйси остаться на ночь здесь, из уважения к ее покойной матери. Кроме того, мне кажется, нам следует организовать на завтра торжественный прием. Лучше всего сделать это сразу после похорон. Я хотел бы посвятить в титул графа и графиню Истмаркских и принять у них вассальную клятву.

К его вящему удивлению, Айвер согласился:

— По-моему, лорд Ран именно так все и планировал, сир. Но вы все равно поедете с нами? Мы могли бы вернуться до темноты.

Райс-Майкл кивнул, укачивая ноющую руку.

— Рана болит, но этого и следовало ожидать. Пожалуй, пора мне принять еще немного болеутоляющего средства мастера Стевануса. Он грозится, что завтра будет хуже всего.

— Сочувствую, — произнес Айвер с неожиданной искренностью. — Если вы готовы, тогда пойдемте.

Простившись со Стэйси и Грэхемом, Райс-Майкл верхом вернулся в лагерь, вместе с Айвером, Лиором и эскортом *Custodes*. Когда он начал сползать с седла, Катан подбежал поддержать его под руку и, воспользовавшись этой возможностью, Райс-Майкл успел мысленно передать ему, какие документы следует срочно подготовить. Поскольку о смерти Хрорика они узнали еще до отъезда из Ремута, то уже в дороге Катан начал составлять грамоты, утверждавшие Стэйси и ее мужа в титуле графа и графини Истмаркских. После смерти Судри понадобилось внести небольшие изменения в этот документ, — так что у Катана была великолепная отговорка не ехать в Куллин-

керн и заняться бумагами... А заодно и составить дополнение к завещанию, в котором Грэхем и его дядя будут названы будущими регентами при малолетнем короле.

— Тщательно выбирай слова, — шепотом велел ему король, пока Катан застегивал на нем легкий нагрудный доспех. — Нужно написать так, чтобы никто не мог придраться ни к единой букве. И у этого кодицилла должно быть преимущество перед всеми иными бумагами, которые меня заставят подписать по возвращении в столицу. Это наша единственная надежда обеспечить будущее моих сыновей, если со мной что-нибудь случится.

Он выпил немного макового отвара, который дал ему Стеванус, а затем тронулся в путь, стараясь не обращать внимания на боль. Фульк и Айвер вместе с небольшим военным эскортом двинулись вслед за королем в Кулликерн, чтобы обозреть плоды своей победы.

* * *

В Ремуте в это самое время все мысли королевы Микаэлы были о ее возлюбленном супруге. Она прогуливалась по дворцовому саду вместе с Райсиль. Чуть раньше, воспользовавшись тем, что день выдался ясным и солнечным, королева вымыла волосы, и, поскольку ей не хотелось оставаться взаперти вместе со своими кудахчущими придворными дамами, Микаэла решила, что обсохнет, прогуливаясь по саду. Тихонько мурлыча модную при дворе мелодию, она время от времени останавливалась, чтобы срезать алые розы, карабкавшиеся по окрашенной в белый цвет решетке, и укладывала бутоны в плоскую корзи-

ну, которую несла в руках Райсиль. Солнце отбрасывало нежно-золотистые отблески на ее руки и лицо, а также заставляло блестеть волосы, ниспадавшие до середины бедер густой каштановой волной.

С деланным безразличием оглянувшись по сторонам, Райсиль пощупала пальцами влажноватый локон и указала на садовую скамеечку под ближайшим деревом.

— Скоро высохнет. Давайте я вновь их расчешу.

Не заподозрив никакого двойного смысла в этой просьбе, Микаэла покорно уселась на скамейку и закрыла глаза, лишь только Райсиль поставила рядом свою корзину и ласковыми уверенными движениями принялась расчесывать влажные пряди.

— Сидите спокойно, если вдруг за нами наблюдают... я хотела сказать, что вчера вечером получила весть от Джорема, — шепотом сообщила Райсиль. — Вопрос с Кулликерном решен. Принц Миклос мертв. К несчастью, погибла и Судри Истмаркская. Она ведь была Дерини, вы знали об этом?

Микаэле показалось, словно ледяная когтистая лапа сжала ее сердце, ибо Райсиль ни слова не сказала о Райсеме, но она заставила себя не открывать глаза, надеясь, что на лице ее не отразится никаких чувств.

— А как там Райсем? — едва слышно выдохнула она.

— С ним пока все в порядке, — отозвалась Райсиль. — У него что-то с рукой, но, похоже, это не слишком серьезно. Куда опаснее то, что, судя по всему, на его встрече с Миклосом начался настоящий магический поединок. Король взял с собой леди Судри, и большинство свидетелей убеждены, что именно она сражалась с Миклосом, но многим известно, что она не обладала большой силой. Разумеется, с уве-

ренностью этого не может утверждать никто, поскольку она отказалась от своих способностей, когда вышла замуж за обычного человека, а это было двадцать лет назад.

— Но как... — Голос Микаэлы прервался, она сглотнула и лишь тогда смогла продолжить. — Как все это случилось? Я бы никогда не подумала, что Ран позволит Райсему встретиться с Миклосом лицом к лицу.

Пожав плечами, Райсиль продолжила расчесывать королеве волосы.

— Ничего не могу вам сказать. Джорем все узнал от Анселя, а у того не было возможности получить сведения из первых рук. Пока он может лишь наблюдать... готовый в любой момент вмешаться, если это будет возможно и необходимо. Я надеюсь, что нынче вечером узнаю что-то еще. Хотя весьма вероятно, что через пару дней войско двинется домой. Если повезет, то ваш Райсем вернется к вам уже через две недели.

Взяв розу из корзины, Микаэла глубоко вдохнула сладкий аромат.

— Боже милосердный, пусть все так и будет, — прошептала она.

После этого она вернулась к себе, чтобы немного поспать, одновременно приободренная и встревоженная новостями, которые принесла ей Райсиль. Сложнее всего было не выдать никому то, что ей известно, ибо она единственная во дворце владела самыми последними сведениями, куда более свежими, чем те, которые получала из писем мужа.

В последнем послании говорилось об Альберте и странном нападении пчелиного роя, хотя теперь уже от Райсиль она знала, что Альберт давно мертв, а По-

лина постигла едва ли не худшая участь, и что погиб также шпион Димитрий... А главное — Райсем выбрался из этой переделки невредимым. Она полагала, что вести эти дойдут до Ремута со дня на день, и заранее предвкушала, как это потрясет лицемерного и самодовольного архиепископа Хьюберта, а также остальных сановников, — поскольку теперь чаши весов власти значительно сместились.

Позже вечером, когда ей позволили навестить сына в детской, она крепко обняла его и расцеловала, прежде чем уложить в постель, и взъерошила малышу густые темные волосы, сказав себе, что, возможно, если судьба и дальше будет улыбаться его отцу, то юный Оуэн может унаследовать королевство, в котором станет полноправным владыкой.

Глава двадцатая

Приятны царю уста правдивые, и говорящего истину он любит[1]

Король со свитой вернулись в Лохаллин еще засветло, вполне удовлетворенные всем, что увидели в Кулликерне, но Райс-Майкл был на грани нервного истощения. Рука его не давала ему ни мгновения передышки, и он опасался, что может начаться жар. Без всякого аппетита поужинав в парадном зале замка, он попросил Стевануса взглянуть на рану.

— Может, следует чуть ослабить повязку? — предположил он. — Похоже, рука распухла куда сильнее, чем вначале, но ведь это так и должно быть, верно?

Стэйси любезно пригласила короля расположиться в апартаментах, которые прежде занимали ее родители, и именно туда были перенесены все личные вещи короля в его отсутствие. Молодая графиня помогла Стевануса размотать повязку, но вид у обоих был не слишком довольный. Тыльная сторона ладони приняла пурпурный оттенок, а кожа вокруг швов натянулась и блестела.

---

[1] Притчи 16:13

— Да, распухло очень сильно, — пробормотал Стеванус, осторожно прощупывая опухоль. — Но этого следовало ожидать. Куда сильнее меня волнует то, что у вас поднимается жар. Это может означать, что зараза проникла в кровь. Едва ли следует говорить, что лошадиное копыто оставляет очень загрязненные раны.

— Но мы же все прочистили, — возразил Райс-Майкл и поморщился, когда Стэйси начала накладывать на ладонь свежее снадобье из мха и каких-то грибов.

— Такие раны трудно вычистить по-настоящему, — проговорила она огорченно. — А у вас еще и кости раздроблены. Это особенно опасно.

— Насколько опасно? — Райс-Майкл обернулся к Стеванусу.

Военный лекарь пожал плечами и принялся вновь наматывать повязку.

— Не хочу лгать вам, сир. Везде, где кость выходит наружу, угроза возрастает. Возможно, понадобится даже отнять руку. Видит Бог, это самое последнее средство, ибо тут имеется своя опасность, но...

— Нет, — выдохнул Райс-Майкл, прижимая ноющую руку к груди. Ему вспомнился Целитель Тавис, который в свое время также подвергся этой операции. — Стеванус, я не хочу терять руку. Ни за что.

— Будем надеяться, до этого не дойдет, — обнадежил его лекарь. — Слишком рано говорить. Небольшой жар — это вполне нормально, при любом ранении. Если нам повезет, то скоро он спадет.

После ухода Стэйси лекарь приготовил очередной маковый отвар и проследил, чтобы король выпил все до дна, прежде чем оставить его на Катана с Фульком. Когда лекарство немного сняло боль, но

Райс-Майкл еще не успел почувствовать сонливость, он попросил Катана показать ему набросок дополнения к завещанию. Фульк тем временем улегся на свой тюфяк у дверей и, с небольшой помощью Катана, крепко заснул.

— Надеюсь, ты именно это имел в виду, — промолвил Катан, присаживаясь на край королевской постели. — Если ты это одобришь, то за ночь я напишу пять копий. Не знаю, как нам удастся сделать так, чтобы все успели подписать, но что-нибудь придумаем. По крайней мере, Ран уже точно согласился остаться здесь еще на одну ночь. Корбан завтра вечером намерен дать торжественный ужин, после того как завершатся похороны и все официальные церемонии. Думаю, там нам представится удачная возможность, когда все как следует перепьются.

Он поднес лучину поближе, чтобы Райс-Майкл мог прочитать текст кодицилла, в котором Грэхем Мак-Дэвон, герцог Клейборнский, и Сигер Марлийский назначались регентами до совершеннолетия королевского наследника, и должны были исполнять эту должность вне зависимости от того, какие еще регенты могут быть назначены в ныне существующих или будущих документах, либо в последующем завещании Райса-Майкла Элистера Халдейна. Назначение могло быть отменено лишь самим королем или по желанию Грэхема и Сигера. Если же Сигер умрет прежде, чем наследник Халдейна достигнет совершеннолетия, то его преемником в качестве регента назначался двадцатилетний Шон Коррис, владетель Марли.

— Ты уверен, что хочешь сделать это назначение безусловным? — спросил Катан, когда король прочел документ до конца. — Райсем, я знаю, ты доверяешь

Клейборну, потому что получил возможность поговорить с ними и использовать чары истины. Но с Марли ты даже двух слов не сказал. У тебя есть лишь слово Клейборна, что он, вообще, согласится на это предложение. Особенно на таких условиях. А уж о сыне Марли ты и вовсе ничего не знаешь.

Райс-Майкл прикрыл глаза. От настоек Стевануса его клонило в сон.

— Сигер и его братья всегда были верны моему роду, — прошептал он. — Их отец поклялся в преданности моему отцу и заставил сделать то же самое своих сыновей. И в жилах их детей течет чистая кровь... я должен верить, что Сигер такой же, как они. Грэхем и Стэйси — оба доверяют мне.

— Но почему бы тогда не назначить саму Стэйси? — спросил Катан. — По крайней мере, насчет нее ты точно знаешь, что она тебе предана. Кроме того, в ней есть несколько капель крови Дерини, если это имеет значение.

— И за это я буду особенно ценить ее, как и за ту преданность, которую она проявила сегодня. — Райс-Майкл с улыбкой взглянул на Катана. — Но я не посмею назначить регентом женщину. Закон запрещает это, и всегда запрещал. Исключение можно сделать лишь для членов королевской семьи. Кроме того, я и так ступаю по тонкому льду, когда, вообще, делаю какие-то назначения. Один Бог ведает, во что все выльется, если Грэхему придется предъявить этот документ. Но он, по крайней мере, герцог, так что не будет никого выше его рангом.

Катан позволил себе вздохнуть с досадой, но, судя по всему, у него не было достаточных доводов, чтобы оспорить эти слова.

— Вынужден согласиться, — пробормотал он. — Так что, мне начинать делать копии? Именно этого ты хотел?

Райс-Майкл кивнул, потирая руку поверх повязки.

— Конечно, я бы предпочел, чтобы над этим поработали искушенные законники, но такую роскошь мы себе позволить не можем. Сделай пять копий. Завтра подумаем, как их подписать, чтобы не помешали Ран или Манфред.

Остаток ночи он то проваливался в неровный, беспокойный сон, то просыпался, никак не в силах устроиться поудобнее. Где-то неподалеку скрипел пером Катан, за маленьким столиком переписывая такой важный для всех них документ, и лучина у него горела почти до рассвета. В те редкие моменты, когда глубокий сон поглощал его, короля мучили тревожные видения, которых он не мог припомнить, пробудившись.

Фульк поднял его с постели спустя несколько часов после рассвета, и выглядел он самым свежим из троих, поскольку единственный хорошо выспался. Райс-Майкл чувствовал себя не более отдохнувшим, чем когда лег вечером в постель. Он подозревал, что жар за ночь усилился, — вся правая рука казалась горячей и распухшей, — но он заставил себя подняться, умыться и одеться, ибо ему необходимо было показаться на похоронах Судри, во время торжественного приема и пиршества.

Перед похоронами Ран неожиданно собрал всех королевских приближенных в зале, чтобы выслушать отчеты о состоянии торентских войск и составить окончательные планы на завтра. Райс-Майкл старался внимательно слушать, отмахнувшись от заботливых

вопросов Стевануса, поскольку он не хотел, чтобы лекарь велел ему лечь в постель. Однако, выпив немного эля, которого ему совсем не хотелось, и прожевав пару кусочков хлеба, он все же согласился принять еще одну дозу болеутоляющего. Как он и опасался, заупокойная месса по Судри Истмаркской длилась целую вечность. Его колотил озноб, и он кутался в свой алый плащ с фибулой Халдейнов на плече, а потом ему делалось так жарко, что он едва удерживался, чтобы не сбросить с себя всю одежду. В крохотной часовне народу набилось битком. Люди стояли плечом к плечу от стены до стены и даже в дверях. К окончанию богослужения у Райса-Майкла кружилась голова, но он даже не мог сбежать оттуда в числе первых, поскольку герцог Грэхем ухитрился сообщить ему по пути в часовню, что нашел священника, некоего отца Дерфеля, абсолютно достойного доверия, который согласился засвидетельствовать документы. Однако именно король должен был обо всем с ним окончательно договориться.

Священник скрылся в крохотной ризнице вместе со своими алтарными служками, и лишь один мальчик остался, чтобы погасить свечи на алтаре. Скоро часовня опустела. Ран и Манфред вышли вслед за скорбящим семейством, и Грэхем сопровождал их по пути в парадный зал, но Райс-Майкл остался в церкви вместе с Катаном и Фульком, — а также попросил задержаться Стевануса, если вдруг кто-то начнет задавать вопросы, — и опустился на колени у алтаря, делая вид, будто молится... ожидая, пока служки выйдут наружу. Закрытый гроб Судри все еще стоял перед алтарем, и четверо крепких истмаркцев должны были опустить его в крипту, когда удалятся последние молящиеся.

Вскоре мальчики выбрались из ризницы, словно радостные щенки, и веселье их приугасло лишь на краткое мгновение, когда они завидели короля и с торопливыми неловкими поклонами устремились прочь из часовни, к ожидавшей их снаружи свободе. С легкой полуулыбкой Райс-Майкл покосился на своих спутников и поднялся на ноги. Ему понравилось то, что он смог с помощью магии узнать об отце Дерфеле во время мессы. От человека исходила аура доброты... качество, которое он не так часто встречал в вечно хмурых священниках *Custodes*, что обычно окружали его.

— Подождите здесь. Я хотел бы поблагодарить святого отца за эту мессу, — промолвил он. — Я задержусь всего на пару минут. Я знаю, что нас уже ждут в парадном зале.

Улыбка стерлась с его лица, когда он миновал гроб Судри, который истмаркцы уже начали сдвигать, вынимая из-под него подставки и перемещая саркофаг к открытой крипте. Глубоко вздохнув, он отворил дверь ризницы и вошел.

Священник по-прежнему был в стихаре и епитрахили, и стоял спиной ко входу, осторожно встряхивая и складывая черную ризу. Рыжеволосый, с аккуратной бородкой, возраст клирика было определить невозможно, даже когда Райс-Майкл увидел его вблизи. С некоторым удивлением священник воззрился на короля.

— Надеюсь, я вас не напугал, отче? — негромко произнес Райс-Майкл. — Насколько мне известно, его милость герцог Клейборнский должен был поговорить с вами сегодня утром... Или, возможно, накануне вечером.

Священник неуверенно кивнул и отложил в сторону ризу.

— Да, он говорил со мной, сир. И если то, что он сказал мне — правда, то вы очень сильно рискуете.

Райс-Майкл невесело усмехнулся и потер ноющую руку.

— Да, рискую, если мои советники обнаружат, что я сделал, пока я еще жив. Именно поэтому я вынужден просить вас сохранить все, что вам известно, как тайну исповеди. Разумеется, как только меня не станет, вы будете свободны от этой клятвы. Тогда вы должны будете как можно скорее обнародовать все, что знаете.

— Даю вам слово, сир, — священник слегка поклонился, правой рукой касаясь епитрахили.

— Благодарю вас. — Райс-Майкл вытащил многократно сложенный пергамент, который прятал внутри своей повязки, и передал его священнику. — Это набросок того документа, который я буду просить вас засвидетельствовать. С него было снято пять копий, которые надлежащим образом оформлены. Их должны подписать и поставить свою печать все заинтересованные лица, прежде чем смогу подписать я сам. Не возражаете, если я присяду, пока вы читаете, отче? У меня слегка кружится голова. Боюсь, рана начинает гноиться.

Священник торопливо подвинул табурет и помог Райсу-Майклу сесть, а затем подошел ближе к свету, лившемуся из узкого стрельчатого окна у маленького походного алтаря.

Шевеля губами, он прочел документ, с каждым мгновением бледнея все больше, так что даже веснушки выступили у него на выбритой тонзуре и на щеках.

— Сир, вы удостаиваете огромным доверием герцога Клейборнского и графа Марлийского, — промолвил он. — Я хорошо знаю их обоих, и полагаю их достойными доверия, но сознаете ли вы, что если этот документ вполне законен, — то есть если вы имеете право назначать таких регентов, — то сместить их уже нельзя будет никоим образом.

С тяжким вздохом Райс-Майкл покачал головой.

— Отче, если вы советуете мне быть осторожнее, то знайте, что я ухватился за эту возможность, потому что это мой единственный шанс. И мне остается лишь уповать на то, что я верно оценил этих людей. Как только мои советники вновь запрут меня в Ремуте, у меня не будет больше никакой возможности изменить условия будущего регентства... А если я откажусь возвращаться, или позволю друзьям удержать меня здесь, то моя жена и сын, и неродившийся младенец окажутся полностью во власти сановников.

— Что же касается законности этого документа, — пусть это решают другие, если и когда до этого дойдет дело, — продолжил он. — Я могу лишь постараться сделать все, что в моих силах, пока я еще жив, чтобы дать моим сыновьям лучших регентов, чем те, которые достались нам с братьями... если, вообще, им суждено иметь регентов. Разумеется, я молюсь, чтобы Господь позволил мне дожить до преклонных лет и увидеть, как сыновья моих сыновей играют у меня на коленях, и в старости со снисходительной улыбкой вспоминать о тревогах этих дней. Но я не питаю особых иллюзий насчет того, какая судьба постигнет меня, едва лишь моя супруга-королева разрешится от бремени... В особенности, если это окажется мальчик, а я думаю, что так оно и будет.

Он не признался священнику, что знает это наверняка, ибо даже такому святому человеку не осмелился открыть тайну своих способностей. Но и без того отец Дерфель взирал на него словно громом пораженный, а затем рухнул на колени у ног короля.

— Я предан вам всей душой, сир, — прошептал он. — Граф Хрорик, да упокоит Господь его душу, всегда говорил, что ваш род отважен и справедлив, а теперь я знаю, что так оно и есть. Но как же вы хотите исполнить свой замысел, если сановники так пристально наблюдают за вами.

Райс-Майкл потер лицо здоровой рукой, пытаясь собраться с мыслями. Его вновь начал бить озноб.

— После того, как закончится церемониальный прием, сэр Катан принесет вам копии документов. Их всего пять. По одной для Клейборна, для Марли и леди Стэйси, одна для вас, и одна — для меня. Все остальные подойдут к вам поодиночке во время ужина. Вы будете ждать их там, где укажет леди Стэйси. Они все подпишут и поставят печать в вашем присутствии. В какой-то момент я постараюсь присоединиться к вам и добавлю свою подпись, насколько у меня это получится, — он приподнял перевязанную руку. — Это еще одна причина, почему я должен подписать бумаги при вас. Я оставлю вам свою печать, чтобы поставить ее на документах, когда я вернусь в парадный зал. Но вы должны вернуть ее мне либо сэру Катану как можно скорее, чтобы никто не заподозрил неладного. Кроме того, я должен получить свою копию этого документа перед отъездом из замка.

— Я все понимаю, — согласился священник. — Но... сир, вы достаточно хорошо себя чувствуете,

чтобы через все это пройти? Вид у вас совсем нездоровый.

Райс-Майкл тыльной стороной ладони дотронулся до лба и с трудом подавил дрожь.

— Я *должен* чувствовать себя хорошо, отче, — прошептал он. — Уверен, все будет в порядке. Мастер Стеванус говорил, что жар может мучить меня первые пару дней. — Он с ироничной усмешкой взглянул на свою перевязанную руку. — Они вам рассказали, что случилось? Проклятая лошадь наступила на меня.

Без приглашения, священник дотронулся до лба Райса-Майкла и поморщился, ощутив, какой он горячий.

— Это дело нешуточное, сир, — пробормотал он. — Они вам что-нибудь дают от лихорадки?

Король покачал головой.

— Насколько я знаю, нет. Только маковый настой, чтобы убрать боль. Но если честно, жар усилился совсем недавно. Все равно, я должен как-то пережить сегодняшний день.

— С Божьей помощью вам это удастся, сир, — отозвался священник. — Позвольте, я обо всем скажу леди Стэйси. Ее матушка владела целительскими искусствами, которые сейчас мало кому известны.

— Она помогала Стеванусу менять мне повязки вчера вечером, — промолвил Райс-Майкл. — Думаю, она сделала все, что могла. Но, впрочем, скажите ей, если думаете, что это поможет.

В этот миг осторожный стук в дверь вернул их к насущным заботам.

— Ну, мне пора, — объявил король, поднимаясь на ноги. — Думаю, это сэр Катан. Он обещал предупредить, если меня хватятся.

— Да, сир. Позвольте, я предложу вам попить перед уходом. Вам нужно потреблять много жидкости, с таким-то жаром...

— Да, пожалуйста, если это вас не слишком затруднит, — отозвался король.

С небольшого столика у алтаря священник взял серебряный кувшин и поставил рядом с сосудами для причастия, которые принес с мессы.

— Кстати, я заметил, что вы не подошли к причастию, — заметил он, наливая вино в потир. — Тому есть какая-то причина? Возможно, вы хотели бы исповедаться?

Райс-Майкл хмыкнул.

— Мои советники никогда не позволят мне исповедаться перед священником, который не принадлежит к ордену *Custodes*, — пробормотал он. — К тому же сегодня утром я уже поел. Мастер Стеванус отказывался давать мне болеутоляющее, пока я не позавтракаю. И я подумал, что это важнее, чем поститься ради причастия. — Он удивленно поднял брови, когда священник вручил ему потир. — Мне что, пить прямо отсюда? Я думал, что священные сосуды предназначены для церковных обрядов.

— Что может быть более священным, чем помочь одному из чад Божиих, страдающему от боли? — отозвался Дерфель с улыбкой. — В особенности, если чадо сие — миропомазанный король. Вы по-прежнему желаете получить причастие, сир?

Райс-Майкл застыл, не донеся потир до губ, внезапно осознав, как сильно он этого желал. Почему-то предложение простого сельского священника означало для него куда больше, чем подобные слова от всех епископов и прочих высокопоставленных прелатов, с кем ему доводилось иметь дело.

— Да, хотел бы, отче. Но только если вы уверены, что мы не нарушим никаких правил.

— Я соблюдаю лишь те правила, которые служат Ему во благо, — отозвался Дерфиль, указывая на лампаду, горевшую над маленьким алтарем. — А Ему во благо видеть своих детей, что приходят к нему с любовью и молитвой. Не думаю, что Ему есть дело до тех законов, которые приняли люди, правящие Его Церковью на земле... Особенно, когда законы эти отказывают в Его утешении Его же чадам, кои в Нем так нуждаются. Вы приняли пищу как часть лекарства. — Он указал на потир. — Это тоже лекарство. Выпейте, сир, а затем преклоните колени с благодарностью, а я дам вам Тело Господа нашего.

Даже одни эти слова приободрили Райса-Майкла, и он осушил кубок до дна, наслаждаясь вкусом прохладного вина, смочившего пересохшее горло, а затем опустился на колени, прижимая потир к груди. Отец Дерфель почтительно поклонился дароносице на алтаре, а затем распахнул золотую крышку, и наконец, извлек небольшую гостию, которую вознес над чашей.

— *Ecce Agnus Dei, ecce qui tollit peccata mundi*, — произнес он торжественно. — Се Агнец Божий, что взял на себя грехи мира.

Склонив голову, Райс-Майкл прошептал:

— *Domine, non sum dignus, ut intres sub tectum meum: sed tantum dic verbo et sanabitur anima mea.*

Господи, не достоин я, чтобы Ты вошел под кров мой. Скажи лишь слово, и душа моя будет исцелена...

С этими словами он уставился в пустой кубок, мысленно представляя себе свет на дне золотой чаши, и впервые за много дней ощутил душевный по-

кой. Он поднял глаза на отца Дерфеля, который вознес гостию чуть повыше.

— *Corpus Domini nostri Jesu Christi custodiat anumam tuam in vitam aeternam.*

Тело Господа нашего Иисуса Христа сохранит душу твою для жизни вечной...

— Аминь, — пробормотал Райс-Майкл и закрыл глаза, когда отец Дерфель положил гостию ему на язык.

Он не мог бы утверждать, что вкус у облатки был иной, чем у всех тех Святых Даров, что он получал сотни раз до этого, но для него это означало куда больше. Он понимал, что не должен задерживаться здесь, чтобы в полной мере насладиться этим ощущением, но когда отец Дерфель наконец закрыл дароносицу, он впервые ощутил священность своего королевского сана так остро, как никогда прежде, даже в тот день, когда получал миропомазание. Несмотря на лихорадку, терзавшую его тело, он ощущал огромный внутренний покой, протягивая потир обратно отцу Дерфелю, и когда священник подал руку, чтобы помочь ему подняться, Райс-Майкл вместо этого склонился и поцеловал ее.

— Сир, не нужно этого, — пробормотал Дерфель, другой рукой в благословении поглаживая Райса-Майкла по смоляным волосам.

— Но мне этого хотелось, — прошептал король, глядя на священника. — Это просто знак моей вечной благодарности. Вы вернули мне утраченное равновесие, и теперь я могу идти и делать то, что должен, как подобает миропомазанному королю. Я почти утратил это ощущение, ибо столько лет меня окружали священники, которых я искренне презираю, чьи души преисполнены греха, на устах их

ложь, а руки замараны кровью невинных. Спасибо, что напомнили мне о том, что не всегда это бывает именно так.

— Мой бедный, бедный мальчик, — прошептал Дерфель.

В дверь опять постучали, на сей раз более настойчиво, и король наконец поднялся на ноги, ибо время и впрямь поджимало.

— Ступайте же, сир. Я обо всем позабочусь. Да пребудет с вами Господь.

Сглатывая слезы, Райс-Майкл направился к дверям, и ему пришлось на пару секунд задержаться, чтобы на лице не отразилось владевших им чувств. Стеванус ни слова не сказал при виде короля, но тот решил, что следует предложить хоть какое-то объяснение своему долгому отсутствию. Как только они вышли из часовни, где истмаркцы уже заканчивали опускать в крипту гроб Судри, он взглянул на лекаря.

— Я хотел лишь поблагодарить его за мессу, но он отметил, что я не подходил к причастию, — пояснил он Стеванусу, пока они шли в парадный зал. — Я ему сказал, что уже завтракал, потому что мне нужно было выпить лекарство, но он возразил, что это было лишь в лечебных целях, под давлением обстоятельств, и поэтому не считается. Надеюсь, вы не возражаете, что я заставил вас ждать.

— Это было очень любезно с его стороны, — отозвался Стеванус. — Думаю, даже Ран бы не стал возражать... Но теперь нам нужно поспешить. — Он коснулся руки короля, а затем его лба. — Похоже, жар и не думает спадать. Вы выдержите сегодня до вечера? Я мог бы попросить лорда Рана заменить вас.

— Нет, я хочу сам, — возразил король. — Истмаркцы потеряли своего господина и госпожу, и все это ради меня. Так что я обязан им хотя бы этим. Кроме того, я очень голоден, так что не пытайтесь отослать меня в постель, пока я не отведал всех тех лакомств, что здесь готовились уже целые два дня.

Разумеется, он совершенно не ощущал голода, но понимал, что с самого начала должен объявить во всеуслышанье, что намерен выполнить свой долг до конца.

Голова кружилась все сильнее, возможно, отчасти в том было повинно вино, но все же он должен был выдержать... По тем причинам, что он только что изложил Стеванусу, и по другим, о которых Стеванус ничего не должен знать. Он надеялся, что почувствует себя лучше, когда поест. Но пока что от одного запаха еды ему сделалось дурно, когда по ступеням они поднялись в парадный зал.

У входа уже дожидались основные действующие лица готовящегося торжественного действа. Там была Стэйси с мужем и небольшой свитой, девушка-подросток держала на руках маленького Кеннета, а у двух девочек помладше в руках были бархатные подушечки с серебряными обручами. Граф Сигер на сгибе руки держал стяг с гербом Истмарка, а сын его Шон — длинный широкий меч с поясом, намотанным вокруг ножен... вероятно, оружие это прежде принадлежало Хрорику. Завидев короля, Сигер передал знамя своему сыну и подошел поприветствовать Райса-Майкла.

— Рад видеть вас, сир, — произнес он негромко, склоняя голову. — Во время мессы вы не слишком хорошо выглядели.

Райс-Майкл через силу улыбнулся.

— Немного поднялся жар, — признал он. — Но я не мог позволить такой мелочи омрачить столь торжественное событие. Я слегка задержался, чтобы поблагодарить отца Дерфеля за прекрасное богослужение за упокой души леди Судри. Жаль, что у меня самого слишком мало подобных священников.

Сигер осторожно кивнул.

— Отец Дерфель хороший человек, он делает честь всему духовному званию.

— Именно таково и мое мнение, — согласился Райс-Майкл.

— Да, — Сигер метнул взгляд на Стевануса, на Катана, затем вновь вернулся к королю, но на лице его не отразилось никаких чувств.

Фульк двинулся первым в зал.

— Вас там ждут, сир. Ступайте. Я благодарен вам, что вы пришли нам на помощь. Келдор всегда будет предан вам, точно так же, как мы служили вашему величеству все это время. С вашего позволения, сир...

С этими словами он еще раз кивнул королю и отошел, чтобы взять обратно свой стяг. Стевануса проводил его взглядом, затем, судя по всему ничего не заподозрив, повернулся к королю.

— А вид у вас и впрямь изможденный, сир. Вы уверены, что выдержите?

— Со мной все в порядке, — отрезал Райс-Майкл.

Они вошли в зал, который уже стал заполняться народом. Райсу-Майклу прежде не приходила в голову эта мысль, но зал был вполовину меньше, чем в Ремуте. Раньше, когда он пустовал, то казался просторнее.

Учитывая, что затем ожидалось пиршество, на помосте, как обычно, был установлен длинный подко-

вообразный стол, составленный из множества столов поменьше, с лавками вдоль стен зала. На открытом пространстве между сторонами подковы, почти у самого стола, установили кресло с высокой спинкой, призванное заменить трон. Справа от него герцог Грэхем с не слишком довольным видом выслушивал какие-то указания от Рана и Манфреда. Лорд Джошуа и отец Лиор, стоявшие поблизости, озирались по сторонам.

Все они разошлись при приближении Райса-Майкла. Ран отвел в сторону Манфреда, чтобы о чем-то посовещаться с ним наедине, а Грэхем начал распоряжаться прислугой, суетящейся в зале, призывая всех встать у возвышения, оставив по центру проход. Пока король беседовал с Сигером, в зале появился отец Дерфель с Евангелием в серебряном переплете и в белой епитрахили поверх ризы и стихаря. Отец Лиор, судя по всему, был весьма недоволен тем, что посторонний священник намерен участвовать в церемонии.

— Ваше предложение весьма любезно, отче, но, полагаю, мы справимся и сами, — заявил ему Лиор.

— Ни на миг в этом не сомневаюсь, отче, — ровным тоном отозвался Дерфель. — Но я исповедник леди Стэйси и лорда Корбана. Они попросили дозволения принести свои клятвы на Библии, из которой каждый день слышат слово Господне. А кто лучше, чем их духовник, может напомнить им о данной клятве, когда король будет далеко от Истмарка?

На подобные доводы даже Лиор не нашелся, что возразить, а если бы и попытался, то Райс-Майкл уже готов был и сам встать на защиту Дерфеля. По счастью, в этот момент подошел Ран, жестом велев Фульку принести королю корону и меч.

— Думаю, пора начинать, сир, — сказал он, тогда как Катан, взяв у Фулька корону, возложил ее Райсу-Майклу на голову.

«*Ты весь горишь*», — мысленно передал Катан, поправляя корону и коснувшись влажного от испарины лба короля.

На это Райс-Майкл лишь пожал плечами и уселся на свое кресло, тогда как Фульк положил вложенный в ножны меч Халдейнов ему на колени. Остальные также заняли свои места поблизости, а приближенные Истмарка, Клейборна и Марли столпились в зале.

Отчаянным усилием Райс-Майкл попытался собрать остатки сил, чтобы как-то пережить эту церемонию. Чувствовал он себя все хуже и хуже с каждым мгновением.

Приглушенный рокот барабанов потребовал внимания всех присутствующих, а затем начал отбивать медленный ритм, подходящий для торжественной процессии. В более счастливые времена ее сопровождали бы и горские волынки, однако, учитывая, что всего час назад похоронили Судри, а две недели назад — покойного графа, это едва ли было уместно.

Новые граф и графиня с поклоном склонились перед королем. На Стэйси было все то же глухое черное платье, которое она одела на похороны матери, а на Корбане — темные горские одежды. Сигер развернул знамя Истмарка и установил его на ступенях помоста, тогда как Грэхем подошел к Райсу-Майклу со всеми необходимыми документами. Отец Дерфель, прижимая Библию к груди, стоял рядом с юным герцогом.

Райс-Майкл покосился на Рана с Манфредом, стоявших с другой стороны от трона, затем устре-

мил взор на своих истмаркских сторонников и их новых графа и графиню.

— Милорды, леди, народ Истмарка, — произнес он негромким голосом, который, однако, разнесся по всему залу. — Мне недостает слов, чтобы выразить, какая честь для меня быть сейчас здесь, среди вас, и как я восхищен той преданностью, что окружала меня все эти дни, когда мы готовились отразить нападение захватчиков. Вы заплатили дорогую цену, ибо ваш граф и его супруга отдали жизнь за своего короля. Они были готовы к этому, но я сожалею, что эту цену нельзя было заплатить какой-либо иной монетой. Я не слишком хорошо знал лорда Хрорика, ибо видел его лишь в детстве, а с леди Судри встретился вечером, накануне того дня, когда она отдала жизнь в мою защиту. Но оба они были отважными и честными людьми. Могу лишь молиться и надеяться, что наш Господь на небесах вознаградит по заслугам тех, кто при жизни так преданно служил своему земному господину.

Слушая Райса-Майкла, зал притих, и лишь одобрительный шепоток пронесся при последних словах по рядам слушателей. Ран взирал на короля со все более кислым видом.

— Но сегодня мы собрались здесь не для того, чтобы вести речь о лорде Хрорике и его супруге, которых больше нет с нами, но дабы признать их дочь и наследницу, которая сейчас стоит перед нами, дабы быть посвященной в титул графини Истмаркской, и также мужа ее, лорда Корбана Хоувелла, который будет править рядом с ней. Нечасто случается, чтобы столь благородный титул передавался по женской линии, но памятуя о том, какой женщиной была леди Судри, я убежден, что ее дочь благородством

и преданностью ничем не уступает ей и своему покойному отцу. Сударыня, лорд Корбан...

По его знаку, супруги преклонили колени перед троном: Стэйси прямо у ног короля, а Корбан чуть подальше, ибо они должны были приносить свои клятвы порознь. Стэйси протянула королю руки, и он, вытащив из петли перевязанную руку, легонько сжал ее ладони. Вперед выступил отец Дерфель и вознес Библию над их соединенными руками.

— Стэйси, графиня Истмаркская, я готов выслушать твою клятву, — произнес король негромко.

Она взглянула ему в лицо и ни разу не отвела взора.

— Я, Стэйси, графиня Истмаркская, становлюсь пожизненным твоим вассалом и клянусь в вечной преданности, за себя и за все земли Истмарка, коими прежде правил мой отец Хрорик, а до него мой дед Сигер, правитель Келдора и первый герцог Клейборнский. Верой и правдой буду я служить тебе до самого смертного дня против любых врагов, и да поможет мне Бог.

Пальцы ее слегка дрожали и сжимали раненую руку, причиняя боль, но король никогда не пренебрег бы этим важнейшим ритуальным жестом только ради собственного удобства. Его поразила мысль, что впервые за все эти годы он обменивается подобной клятвой с кем-то из своих вассалов, точно зная, к чему это приведет и чем каждый из них обязан другому. На самом деле, ему, вообще, до сих пор никогда не предоставляли возможности общаться ни с кем из своих вассалов, как подобает королю. И осознание этого привело его в такое возбуждение, что кровь запела в жилах, и лицо слегка раскраснелось, причем отнюдь не от жара.

— Я слышал твои слова, Стэйси Истмаркская, и со своей стороны я клянусь защищать Гвиннед, ради тебя и всего твоего народа, охранять вас от любых врагов всей своей силой и властью, платить верностью за преданность и правосудием за честь. Таково слово Райса-Майла Элистера Халдейна, короля Гвиннеда, владыки Меары и Мурина, и Пурпурной Марки, и сюзерена Истмарка. И да поможет мне Бог.

Вдвоем со Стэйси, они возложили руки на Библию и приложились губами к оправленному серебром переплету, после чего Корбан Хоувелл также коснулся рук короля и поцеловал Священное Писание, хотя от него не требовалось повторять клятву, — лишь подтвердить ее.

Райс-Майкл воспользовался телесным контактом, чтобы стремглав проникнуть в мысли нового графа Истмаркского, и ему пришлось по душе то, что он прочел в его сознании. Корбан был предан ему и вполне доволен своим положением. С практической точки зрения, этот младший сын обедневшего дворянина останется теперь графом Истмаркским до самой смерти Стэйси, а затем титул этот перейдет к их сыну, и если человек сам не родился в столь знатном семействе, то получить титул благодаря женитьбе было делом совершенно естественным и почетным, так что многие могли бы позавидовать юному Корбану.

Затем новые владыки Истмарка были удостоены эмблем своего ранга, каждая из которых имела особый символический смысл. Передав оруженосцам меч Халдейнов, король поднялся на ноги, чтобы возложить им на головы серебряные обручи, сперва Стэйси, а затем ее супругу. Ему было не слишком удобно управляться одной рукой, — ибо раненую ру-

ку он вернул обратно в повязку, — но отец Дерфель помог ему.

Со знаменем, которое принес Сигер, однорукому справиться было легче. Объявив его залогом власти Стэйси на землях Истмарка, король вручил его в руки графине. Она, в свою очередь, передала его на хранение Мюррею, одному из своих капитанов, и затем сын Сигера Шон вынес меч, прежде принадлежавший Хрорику. Его король также отдал Стэйси, как знак ее долга защищать свой народ. Поцеловав святую реликвию в рукояти, Стэйси передала оружие Корбану, который повторил ее жест и с помощью герцога Грэхема застегнул перевязь у себя на поясе. Справившись с этим, молодой граф обнажил клинок и поприветствовал короля, прежде чем вновь вложить его в ножны.

Последним, что преподнес Райс-Майкл Стэйси, был медный котелок, символ ее долга заботиться о благе своих подданных. Его взяла сама графиня, прежде чем передать одному из капитанов. Завершив церемонию, Райс-Майкл наконец поднял ее с колен и развернул лицом к собравшимся, также подозвав поближе Корбана.

— Народ Истмарка, перед вами ваши новые граф и графиня. Будьте им верны и преданы, и они также будут верны и преданы вам.

Одинокая волынка на этих словах заиграла бодрый марш, воины с приветственными криками вскинули мечи, приветствуя короля и графа с графиней. Стражники подхватили Стэйси и Корбана на плечи и торжественно пронесли их по всему залу и обратно. Ран с Манфредом и еще некоторые гвиннедцы взирали на это с искренним изумлением и неодобрением, но вскоре стало ясно, что никакая опас-

ность королю не грозит, ибо столь бурная реакция была вызвана лишь гордостью и одобрением.

В ожидании, пока утихнут восторги, Райс-Майкл опустился в кресло, чтобы сберечь силы, стараясь не подавать вида, что именно сейчас для него начинается самая ответственная часть церемонии.

Когда присутствующие, наконец, поуспокоились, юный Грэхем вскинул руки, призывая их к молчанию, затем поклонился королю. Сигер также подошел ближе.

— Сир, я хотел бы попросить вас о милости, прежде чем мы начнем пиршество, — промолвил Грэхем. — И я уверяю вас, что эта услуга вполне в вашей власти и не будет в ущерб короне.

Ран с Манфредом, мгновенно насторожившись, тут же подошли ближе, но Райс-Майкл сделал вид, будто понятия не имеет, к чему клонит Грэхем.

— Говорите, герцог, — промолвил он. — Король слушает.

Грэхем склонил голову, развернувшись так, чтобы обращаться одновременно и ко всем собравшимся.

— Сир, как и положено, я принес вам верноподданническую клятву на вашей коронации. Однако оба мы в ту пору были еще юнцами, и поговаривали, будто здоровье вашего величества в ту пору пошатнулось из-за гибели брата. Так что, возможно, два этих обстоятельства не позволили вашему величеству должным образом оценить те клятвы, коими мы обменялись. С тех пор у меня не было возможности побывать в Ремуте, но зато ваше величество оказался в Келдоре. За эти дни я и мои люди вполне убедились, что король, которому я принес вассальную клятву из чувства долга, достоин также и того, чтобы быть ему преданным по собственным заслу-

гам. Именно поэтому, если угодно вашему величеству, я просил бы дозволения сегодня повторить свою вассальную клятву.

Даже хотя Райс-Майкл знал заранее, что скажет Грэхем, сердце его забилось от гордости и восторга, и он поспешно протянул здоровую руку, давая знак Грэхему приблизиться, прежде чем Ран с Манфредом могли бы возразить. Полин или Альбертус запретили бы это не сходя с места, ибо не могли потерпеть столь публичного выражения личной поддержки вассалов королю, но Райс-Майкл поставил на то, что ни Ран, ни Манфред еще не чувствуют себя достаточно уверенными в новых должностях, чтобы устраивать прилюдный скандал так далеко от дома, и тем более, что в этом вопросе их ссора с королем лишь продемонстрировала бы всем собравшимся, насколько в действительности они настроены против него.

Грэхем опустился перед троном на колени, Райс-Майкл вновь вытащил из повязки раненую руку и сжал ладони юного герцога в своих. Когда Грэхем приготовился произносить торжественные слова обета, Райс-Майкл позволил себе скользнуть по поверхности сознания герцога, читая в его мыслях истинные намерения в подтверждение тех обещаний, что тот дал ему накануне.

— Пред Богом и всеми собравшимися здесь свидетелями я, Грэхем, герцог Клейборнский, подтверждаю, что принадлежу своему королю душой и телом, и буду служить ему верой и правдой до последних дней жизни, против любых врагов, и да поможет мне Бог.

С этими словами он склонился и прижался лбом к рукам короля, сперва дотронувшись губами до

кончиков его пальцев. Райс-Майкл ощутил в душе молодого человека горячую преданность, и, надеясь, что Ран с Манфредом ничего не заметят, еще сильнее стиснул его ладони, даже несмотря на то, что от этого раненая рука заболела еще сильнее.

— Грэхем Клейборнский, я слышал твой обет, — промолвил он, стараясь скрыть свою радость и все же донести до молодого человека свои подлинные чувства. — Я поклялся тебе в день своей коронации и вновь повторяю свой обет: защищать весь Гвиннед и всех твоих подданных от любого врага, изо всех моих сил, отвечать верностью на преданность и правосудием на честь. Такова клятва Райса-Майкла Элистера Халдейна, короля Гвиннеда, владыки Меары и Мурина, и Пурпурной Марки, и сюзерена Клейборна. И да поможет мне Бог.

Он отпустил руки Грэхема, и молодой человек осенил себя крестным знамением в подтверждение данной клятвы, а затем поднялся на ноги. Граф Сигер тут же занял его место и преклонил колена, протягивая руки королю.

— Я тоже хочу повторить свой обет, сир, — произнес он негромко, и Райс-Майкл взял его ладони в свои. — Я предан вам душой и телом, и если угодно, мы просто вместе скажем аминь, чтобы это подтвердить, ибо здесь есть еще множество людей, которые хотели бы повторно принести вам свою клятву.

С этими словами он также, склонив голову, поцеловал руку королю, а затем лбом коснулся их сплетенных пальцев. Райс-Майкл прошептал «Аминь», а затем с нарастающим изумлением и восторгом увидел, что вперед выходят все новые и новые воины, которые также желают принести свою клятву королю. Ран с Манфредом кипели от ярости, ибо хоро-

шо сознавали, что происходит, и каков подлинный смысл этого действа.

Отойдя в сторону, сановники принялись встревоженно перешептываться, и Райс-Майкл осознал, что ему придется ответить на пару неприятных вопросов, когда все это будет кончено. Но сейчас восторг, владевший им, был столь велик, что ему было на все наплевать. Он использовал чары истины на каждом, кто подходил к нему, но не видел в их душах и тени двуличия или предательства, и лишь поражался той глубине преданности, что лежала за простыми словами: «Я ваш верный слуга, сир». И этой преданностью он мог воспользоваться, дабы, наконец, отвоевать себе свободу в собственном королевстве.

Когда церемония подошла к концу, рука его болела так, как никогда прежде... но за все блага мира он бы не пожертвовал пережитыми мгновениями радости.

Однако расплата наступила немедленно, ибо по мере того как присутствующие стали расходиться и занимать места за пиршественным столом, Ран с Манфредом оттащили его в сторону, в оконную нишу, где никто посторонний не мог бы помешать их разговору.

Глава двадцать первая

И за сие пошлет им Бог действие заблуждения, так что они будут верить лжи[1]

— Проклятье! Что означает вся эта ерунда? — воскликнул Ран, силой задвигая короля поглубже в нишу, тогда как Манфред встал на страже в проходе, чтобы вовремя отвлечь посторонних. — Они вам целовали руку! Все до единого!

— Полагаю, это какой-то местный обычай, — вполголоса отозвался Райс-Майкл, бережно прижимая ноющую кисть к груди. — Они страстный народ, эти приграничники, вы же видели их в действии.

— Да, и я прекрасно знаю, что они означают, когда они таким образом скрепляют клятву, — прорычал Ран. — Это означает, что теперь обет принесен лично человеку, а не только короне.

— В самом деле?

— Проклятье, вам это прекрасно известно! — рявкнул Ран, стараясь все же приглушить свой голос. — И нечего тут изображать святую простоту. Вы знали, что Клейборн это сделает?

---

[1] 2-е Фессалоникийцам 2:11

— Разумеется, нет, — солгал Райс-Майкл. — Если бы знал, то сказал бы вам. Но как только они все пошли один за другим, что мне оставалось делать? Отдернуть руки и оскорбить их? Подвергнуть презрению искренность и преданность доброй четверти нашего королевства? Возможно, Ран, это ускользнуло от вашего внимания, но без помощи келдорских лордов и, в особенности, без помощи той женщины, которую мы похоронили несколько часов назад, мы бы могли сейчас не разговаривать с вами, и вполне возможно, что не я один оказался бы в могиле.

Ран изумленно выдохнул сквозь зубы. Ему явно стоило огромного труда сдержать свое бешенство.

— Ладно, не имеет значения теперь, когда все кончено, — пробормотал он. — Просто смотрите, чтобы вам это не ударило в голову.

— Ударило в голову? Да о чем вы? — возмутился Райс-Майкл, вновь ощущая прежнее, ставшее ему привычным за последние шесть лет отчаяние, которое словно пульсировало в такт с ноющей рукой. — Проклятье! Да что, по вашему, я мог бы сделать? *Что* я могу поделать?

— Не знаю, — отрезал Ран, затем оглянулся по сторонам и понизил голос, продолжив примирительным тоном: — Просто не выводите меня из себя, сир. Как вы, наверно, догадались, вся эта история с Истмарком мне очень не по душе... эти смерти в походе, то, как все закончилось с Миклосом, а теперь эти Клейборн с Марли, которые устроили тут представление. Альберта с Полином больше нет, а значит, в Ремуте равновесие сил также сместится. Если кому-то покажется, что проще будет обойтись без вас... Ну, я же не обязан повторять это вслух, верно?

Растерянно заморгав, Райс-Майкл с трудом сглотнул и покачал головой.

— Я так и думал, — негромко промолвил Ран, вновь оглядываясь на зал. — Ну, думаю, никто не станет теперь возражать, если вы уйдете сегодня вечером пораньше. Меня беспокоит ваша рука, и вид у вас не слишком здоровый.

Райс-Майкл отвел глаза, прижимая ноющую руку к груди.

— Со мной все в порядке, — пробормотал он. — Да и какое вам дело? Я думаю, для вас, вообще, было бы всего удобнее и приятнее, если бы я умер от этой раны.

— Не совсем, — возразил Ран. — На самом деле, я бы предпочел сам выбрать место и время, которое бы мне показалось удобным. — Он наградил короля быстрой гримасой, которая могла бы сойти за улыбку, хотя в ней не было и следа веселости, затем опустил руку на крестовину меча.

— Но, полагаю, нам не стоит сегодня больше говорить об этом, сир. Мне попросить Стевануса проводить вас в свои покои?

Райс-Майкл выпрямился во весь рост, здоровую руку положил на пояс и попытался отыскать золотую середину между настойчивостью и покорностью. Если бы речь шла о его собственном удобстве, то он уже давно отправился бы в постель, однако у него еще оставалось самое важное неисполненное дело, и он не мог себе позволить отдыха, равно как и не мог допустить, чтобы Ран ему помешал.

— Если не возражаете, я бы задержался еще ненадолго, — промолвил он. — На самом деле, я чувствую себя куда лучше, чем, вероятно, выгляжу. А наших хозяев могло бы оскорбить, если бы я, вообще, не

появился на пиршестве. Кроме того, я голоден. Впрочем, если вам так хочется, я не задержусь надолго. Признаюсь честно, что мысль о постели кажется мне весьма привлекательной.

— Ну, ладно, — согласился Ран. — Если вам так угодно.

Райс-Майкл ощущал на себе взгляд гофмаршала все время, пока шел по залу. По счастью, ни он, ни Манфред, не стали больше ни на чем настаивать, хотя явно велели Катану с Фульком и, скорее всего, Стеванусу, внимательно наблюдать за состоянием короля. Впрочем, если только этим троим, то с такой ситуацией он справится. Райс-Майкл мысленно помолился об успехе своего предприятия, ибо сознавал, что от этого зависит все будущее Халдейнов.

В скором времени их позвали за стол. Райс-Майкл был рад, что ему не нужно больше поддерживать светскую беседу с гостями. Впрочем, присутствующие вели себя достаточно тихо из уважения к скорбящей графине, понесшей двойную утрату. Стэйси сидела по правую руку от короля, на почетном месте; рядом с ней ее муж, а затем Грэхем и Сигер, хотя с ними он не мог говорить свободно, поскольку сразу по левую руку от него занял место Лиор, рядом с которым сидели Джошуа Делакруа, Ран и Манфред со своими ближайшими помощниками, которые все исподтишка наблюдали за королем.

Катан с Фульком по очереди ухаживали за своим господином, также давая указания местным пажам, назначенным прислуживать за столом. Ран строго-настрого приказал королевским оруженосцам сопровождать короля повсюду, даже если тот отправится в уборную, но чуть позже Катан сумел шепнуть Райсу-Майклу на ухо, что успел передать доку-

менты отцу Дерфелю, который будет дожидаться в крохотной комнатке, прямо позади гардеробной.

Прошлые дни были столь насыщены событиями и пронеслись так стремительно, что по контрасту этот обед казался бесконечным. Перемены блюд перемежались заунывной игрой на арфе и пением, в основном, на диалекте, которого Райс-Майкл не понимал. Он ел совсем немного, но выпил достаточно вина, чтобы приглушить ноющую боль в руке, — хотя и постарался сохранить умеренность, дабы алкоголь не затуманил ему мозги. И Грэхем, и Стэйси по очереди улучили момент, чтобы ненадолго отлучиться во время пиршества, а Сигер выходил даже несколько раз, давая указания, чтобы принесли еще вина.

— Все подписали, — наконец доложил Катан, нагнувшись, чтобы наполнить королевский кубок. — Но документ недействителен без вашей подписи и печати. Однако, учитывая, как пристально Ран следит за вами, это будет очень непросто. У нас будет единственный шанс.

Возможность представилась очень скоро, когда Манфред, вернувшись из уборной, вновь уселся рядом с Раном, и принесли новую перемену блюд. Ран и сам не столь давно выходил из зала, так что, скорее всего, не вздумает вновь покинуть свое место. Стеванус разговаривал о чем-то с одним из солдат, кто был вместе с Хрориком в том незадавшемся походе.

Негромко извинившись перед Стэйси и Корбаном, — Лиор был погружен в беседу с Джошуа и одним из оруженосцев Манфреда, — Райс-Майкл неуверенно поднялся на ноги, опираясь на плечо Катана, и вышел прочь из зала. Фульк, спустя несколько мгновений, последовал за ними. В дверях они столкнулись с Сигером, который держал в руке кубок с

вином и не слишком уверенно держался на ногах, но Райс-Майкл подозревал, что тот куда трезвее, чем выглядит. Комнатенка, отведенная священнику, находилась на пару ступеней выше по лестнице, чем закрытая занавесом уборная, расположенная на площадке сразу за выходом из парадного зала. Метнув взгляд по сторонам, Райс-Майкл поднялся по лестнице и вошел в комнату, тогда как Катан невозмутимо встал напротив уборной дожидаться Фулька.

— Какие-то проблемы? — спросил Фульк.

— Нет, но он может задержаться на пару минут, — отозвался Катан. — Скажи, ты заметил ту хорошенькую темноволосую красотку, что сидела за столом от нас слева? Она тебе строила глазки.

— Правда? Это какая же?

Положившись на Катана, который должен был занять Фулька болтовней, Райс-Майкл отворил дверь и повернулся к столу, за которым сидел отец Дерфель, уже протягивавший королю перо. В воздухе ощущался слабый запах растопленного воска. Сняв перстень с пальца, он протянул его священнику, затем неловко взял перо в левую руку и, нагнувшись, принялся ставить свою подпись. Пришлось нелегко, но он постарался справиться, выводя вполне разборчивое «*Rhys R.*» на всех пяти копиях документа. Дерфель тут же принялся ставить печать, едва лишь Райс-Майкл подписал первый документ.

— Верните печать сэру Катану как только сможете, — прошептал он, завершив последнюю подпись дрожащей завитушкой, а затем бросил перо в чернильницу. — За мной следят во все глаза. Если кто-то увидит, что перстень пропал, начнутся вопросы.

— Дайте мне полминуты, и можете забрать его прямо сейчас, — отозвался Дерфель, который уже

ставил печать на третий из подписанных документов.

Кивнув в знак согласия, король неслышным шагом прошел к двери и приоткрыл ее, чтобы выглянуть в щелку. К его вящему ужасу, первым, кого он увидел на площадке, оказался Ран, который, хмуря лоб, переводил взгляд с Катана и Фулька на вход в уборную.

Райс-Майкл отпрянул, охваченный паникой, затем, постаравшись унять дрожь, вновь приник к щелке. Пока что вид у Рана был еще не слишком встревоженный, но все равно он никуда не делся со своего места. Фульк любезно кивал, в ответ на какие-то слова гофмаршала, и Райс-Майкл, напрягшись, послал ментальный зов Катану, надеясь, что сможет дотянуться до него без телесного контакта.

«Катан...»

В мыслях вспыхнуло удивление, хотя внешне Катан ничем не выдал себя. Райс-Майкл с огорчением осознал, что судя по всему, его оруженосец способен на таком расстоянии посылать обратно не отчетливые мысли, а лишь эмоции и впечатления.

«Не трать силы на обратную связь, просто сделай, что я тебе говорю. С Фульком ты справишься. Кроме того, постарайся развернуть Рана так, чтобы он оказался ко мне спиной».

От Катана донеслась вопросительная эманация.

«Это все, что я могу сделать. Отключить его сознание секунд на пять, чтобы успеть проскользнуть в уборную... но тебе придется заставить его подняться на пару ступенек, чтобы я успел до него дотянуться, прежде чем он меня увидит или услышит».

Он ощутил согласие Катана, и тот сразу повернулся к Рану. Он уже открыл рот, чтобы заговорить,

когда внезапно на лестничную площадку из зала ввалился Сигер, расплескивая вино и хватаясь за притолоку двери, чтобы восстановить равновесие.

— О, да это же Ран Беспощадный, — любезно промолвил он заплетающимся языком, не в силах сфокусировать свой взгляд на Ране. — Я тебя помню. Ты что делаешь в Марли, Беспощадный.

Он надвинулся на Рана, мрачно взирая на него, и тот отпрянул с отвращением. Райс-Майкл от всей души надеялся, что Сигер рассчитывал лишь отвлечь Рана, а не затеять с ним серьезную свару. Лишь в одном он был уверен — Ран за весь вечер почти ничего не пил. Впрочем, и Сигер был не настолько уж пьян. Однако эти двое всегда недолюбливали друг друга. Если дойдет до драки, то прольется кровь... И, возможно, для одного из них это кончится смертью.

Конечно, по Рану он бы горевать не стал. Но если погибнет Сигер, то документ, который Райс-Майкл только что подписал с таким трудом, наполовину утратит силу. Именно в этот момент священник неслышно приблизился и помог надеть перстень на палец. Да, и кроме того, если погибнет Ран, то придется судить Сигера по обвинению в убийстве...

— Ты пьян, — бросил Ран с отвращением. — Почему бы тебе не пойти проспаться?

Сигер отступил, изображая оскорбленное достоинство, — таким образом, что оказался прямо между Раном и входом в уборную, — и демонстративно поморщился.

— Ну, как невежливо. Я ведь дал клятву вашему королю Халдейну, значит, мы союзники. Почему бы нам вместе не выпить? — провозгласил он.

И он, покачиваясь, протянул Рану свой кубок. Тот подозвал Фулька и Катана, — который готов быть также стать между Раном и уборной, чтобы еще больше загородить ее от гофмаршала, если тот отвлечется на Сигера. И, по счастью, Ран как раз оказался спиной к лестнице.

— Фульк, уведи его отсюда, пока я не сделал что-то, о чем мы оба потом пожалеем, — прорычал Ран. — Боже, все эти приграничники одинаковы...

— А что неладно с моим вином? — пьяно бормотал Сигер, тупо уставившись в свой бокал. И, когда Фульк с Катаном попытались под локти увести его прочь, он потянул с собой и Рана. — Это хорошее вино, а ты его разливаешь. Осторожнее!

На несколько мгновений наступила полная неразбериха. Сигер пытался удержать свой кубок, остальные силились вытолкать его прочь, и Райс-Майкл воспользовался этим, чтобы стремглав пролететь несколько ступенек и укрыться в уборной, а затем вновь отдернул занавеску, неторопливо выходя наружу.

— Проклятье! Что тут творится? — воскликнул он, опуская за собой занавес.

— А, вот вы где, — промолвил Ран, оправляя тунику, в то время как Катан с Фульком добродушно выталкивали Сигера обратно в зал. — А я-то гадал, куда вы подевались. Простите, сир, но ваш драгоценный граф Марлийский напился, как свинья. Этот глупец пристал ко мне.

— Что, прямо рядом с уборной? — Райс-Майкл не смог сдержать насмешки. — Думаю, он это не всерьез.

Закаменев лицом, Ран надвинулся на него.

— И что сие должно означать?

— О, да ничего особого. Просто я не вижу смысла обижаться на людей, которым мы многим обязаны, пусть даже они не всегда ведут себя так, как нам хочется... А с какой стати вы, вообще, здесь оказались? Вы же знаете, что Сигер к вам не слишком расположен.

— На самом деле, я искал вас, — отозвался Ран.

— Меня? Зачем? Я что, уже не могу и в уборную сходить без тюремщиков? Не хватит ли и того, что Фульк с Катаном за мною повсюду следуют, как тень?

Как ни странно, вид у Рана сделался слегка смущенным.

— Ну, уж больно долго вы там пробыли.

— Что, думаете, вел тайные переговоры? — засмеялся Райс-Майкл, осознав внезапно, что он практически загнал Рана в угол и теперь может говорить правду, выдавая ее за нечто смехотворное. Он указал на свою раненую руку.

— Полагаю, вам и в голову не пришло, что меня могло задержать вот это, — продолжил он, сдабривая свои слова изрядной долей сарказма. — Или вы полагаете, что я пригласил с собой в уборную каких-то тайных союзников, чтобы мы могли вволю поинтриговать, пока они помогают мне мочиться? Вы становитесь не в меру подозрительным, Ран. Хотите взглянуть, чтобы убедиться, нет ли там посторонних?

И он с насмешкой указал на занавес уборной. Ран без единого слова развернулся на каблуках и устремился обратно в зал. Как только он скрылся, Райс-Майкл согнулся пополам от безмолвного хохота. Катан с Фульком также едва удерживались от смеха. И один из клейборнцев, случайно заглянув на

площадку, при виде их троих лишь пожал плечами и вернулся обратно в зал.

Через пару секунд Райс-Майкл, отсмеявшись, пришел в себя, ибо боль в руке вернула его к действительности.

— Ладно, господа, — произнес он поморщившись. — На этой замечательной ноте, пожалуй, я и откланяюсь. Фульк, передай мои извинения леди Стэйси, а затем попроси мастера Стевануса, чтобы он зашел ко мне.

К тому времени, как он забрался в постель, его вновь била лихорадка, и он свернулся в калачик под меховыми покрывалами в ожидании прихода лекаря. Вместе со Стеванусом явилась также и Стэйси, а с ней — полная пожилая женщина в простой домотканой рубахе и шерстяной юбке, какие носят местные крестьяне. В руках у нее была плетеная корзина из лозы.

— Сир, я вам привела матушку Ангелику, — сказала Стэйси, пока Стеванус, коснувшись лба короля, пытался оценить, насколько сильно поднялся у него жар. Затем, поджав губы, лекарь уступил место женщине.

— Она наша деревенская повитуха, но мать ее когда-то работала с Целителем, что жил здесь прежде. У нее есть средство, которое она использует при родильной горячке. Оно может помочь и сейчас.

Райс-Майкл в душе понадеялся, что старуха и сама окажется Целительницей, но когда она коснулась его лба, недовольно цокая языком и покачивая седой головой, он понял, что она даже не Дерини.

— Я бы взглянула на рану, — произнесла она, нащупывая пульс у короля на шее.

Прикосновение мозолистых старческих рук оказалось на удивление бережным и приятным. Ногти ее были коротко остриженными и безукоризненно чистыми.

Он поморщился, когда Стэйси принялась разматывать повязку, не сводя взгляда с матери Ангелики и пытаясь прочесть ее мысли с поверхности сознания, не осмеливаясь, однако, проникнуть глубже, поскольку опасался, что она сможет ощутить его прикосновение, ибо некогда имела дело с Целителем. Стэйси, накладывая повязку накануне вечером, расположила ее таким образом, что компресс можно было менять, не сдвигая дощечку, которая удерживала на месте разбитые кости. Мать Ангелика внимательно исследовала обнажившуюся рану, ощупала кожу вокруг, а затем и предплечье, неодобрительно фыркнула и велела хозяйке Лохаллина вновь очистить рану и наложить свежий мох. На взгляд Райса-Майкла рука выглядела точно так же, как и прошлой ночью.

— Рана воспалена, но, похоже, яд не пошел дальше в руку, — сказала старуха, роясь в своих корзинах. — Вот это должно снять жар.

Она достала небольшой глиняный кувшинчик с деревянной затычкой, открыла, сунула туда мизинец, попробовала содержимое на вкус, затем кивнула и обернулась к Стеванусу.

— Насыпайте столько, чтобы покрыть дно небольшой чашки, и разводите водой или вином четыре раза в день.

— А что там такое? — спросил ее Стеванус.

— Моя мама называла это тацилем, — отозвалась старуха. — Это остатки, больше у нас нет. Раньше делал Целитель, но теперь он умер.

— Какое-то деринийское средство? — нахмурился Стеванус.

— Средство, которое снимает жар, — отрезала Стэйси и, взяв чашку со столика у кровати, высыпала на донышко белый кристаллический порошок. — Вы хотите помочь королю, или нет?

— *Король* хочет, чтобы ему помогли, — заявил Райс-Майкл и сел, потянувшись за чашкой. — И если бы здесь был Целитель, я с радостью к нему бы обратился, невзирая на то, какого мнения о Дерини наш мастер Стеванус. Впрочем, полагаю, что здесь Целителя не имеется.

— Увы, нет, еще с тех пор, как я была совсем девчонкой, — отозвалась Стэйси, с удивлением покосившись на короля.

Катан вернулся с флягой вина, и она наполнила чашу до половины, а затем размешала жидкость прежде, чем вручить ее Райсу-Майклу.

— Выпейте до дна, сир.

Он повиновался, прежде чем Стеванус решился бы вмешаться. Ему пришлось сделать три или четыре глотка. Настой оказался горьким, и он невольно поморщился, протягивая чашку обратно и откидываясь на подушки. Это усилие окончательно измотало его, хотя рука, вроде бы, стала болеть чуть меньше, после того как ее растревожили новой перевязкой.

— А мне можно выпить еще макового настоя, или этот тациль снимет также и боль? — спросил он. — Мне нужно выспаться, потому что мы выезжаем завтра поутру.

— Маковая настойка не помешает, — заявила матушка Ангелика, — но с рукой надо поосторожнее. И лучше бы вам, конечно, не пускаться в дорогу.

— Гофмаршал желает вернуться в Ремут как можно скорее, — заявил Стеванус, не давая королю молвить и слово. — Не думаю, что мы можем его задержать, сир. Однако в военном обозе полно лекарей, и по дороге мы сможем останавливаться в подобающих местах со всеми удобствами.

— Ладно, обсудим это с Раном поутру, — отозвался Райс-Майкл. — Если жар спадет, то придется выезжать. Ваше гостеприимство здесь, в Лохаллине безупречно, леди Стэйси, но я должен возвращаться к жене и сыну. Она ведь опять в тягости, вы знаете, и будет очень встревожена, когда ей сообщат о моем ранении.

С этим Стэйси не могла поспорить, и матушка Ангелика лишь молча пожала плечами. Катан проводил их к выходу, а Стеванус, тем временем, отмерил очередную порцию макового настоя, — и ушел, лишь убедившись, что Райс-Майкл выпил все до дна. Как только дверь за ним закрылась, король отправил Фулька ночевать в соседнюю комнату, а сам подозван Катана поближе.

— Я бы хотел добраться домой как можно скорее, но думаю, было бы разумнее на всякий случай заранее послать Мике копию приложения к завещанию.

— На случай чего? — изумленно пробормотал Катан, наклоняясь ближе к королю.

— Точно не знаю, — Райс-Майкл рассеянно потер ноющее плечо. — В Ремут нам еще ехать целую неделю, а за такой срок многое может случиться. Конечно, оттого, что лошадь наступит на руку, еще никто не умирал, но я... мне было бы спокойнее, если бы я знал, что она уже получила свою копию этого документа.

— Разумно, — согласился Катан. — Ты уже придумал, кого послать гонцом? Или лучше поехать мне?

— Нет, только не тебе, — возразил Райс-Майкл. — Разумеется, ты понимаешь, что вопрос здесь не в доверии, но тебя тут же хватятся. Кроме того, мне и самому без тебя не обойтись. Тем не менее, для нас важно, чтобы все эти копии разошлись как можно скорее. Не думаю, что я уже сделался слишком большой помехой для Рана, однако, если мне покажется, что он теряет терпение, то придется рассказать ему, что я подписал дополнение к завещанию. Тогда, если он не хочет разделить власть с Грэхемом и Сигером, то ему волей-неволей придется оставить меня в живых. Однако произносить вслух подобные угрозы я осмелюсь лишь тогда, когда буду точно уверен, что он не сумеет заполучить все копии.

— Совершенно согласен. Но это не решает вопрос с гонцом.

— А какой у нас есть выбор? — спросил Райс-Майкл. — В любом случае, я сделаю в сознании этого человека определенные ментальные установки, но всегда лучше иметь дело с тем, кто нам изначально предан.

— А как насчет местных? К примеру, сын Сигера. Он на меня произвел впечатление парня вполне достойного.

Райс-Майкл покачал головой.

— Гонец должен иметь возможность увидеться с королевой, а приграничника к ней не пустят. Нет, это должен быть кто-то из наших... Но тот, кого бы не сразу хватились.

— Так, не подойдут ни *Custodes*, ни люди Рана или Манфреда, — принялся перечислять Катан. — Значит, это должен быть человек на службе у кого-то из дво-

рян помельче или... Да, я знаю, кто нам подойдет. Роберт, сын лорда Эйнсли... Я его сегодня вечером видел в зале. Помнишь такого?

— Ну, конечно, отличный выбор.

— Тогда попробую его отыскать. Сомневаюсь, что он уже спустился в лагерь. Ты, должно быть, хочешь, чтобы он выехал сегодня же вечером?

— Разумеется. И когда будешь уходить, пришли мне Фулька. Я хочу продиктовать еще один короткий документ... Тем самым постараюсь позаботиться и о тебе, на случай крайней необходимости. И эту бумагу ты передашь Грэхему поутру, прямо перед отъездом.

Катан пристально уставился на короля.

— Райсем, ты *уверен*, что ничего от меня не скрываешь? Ты же не умрешь, верно?

— Ну, по крайней мере, не собираюсь. — Райс-Майкл заставил себя улыбнуться, вновь пытаясь поудобнее пристроить ноющую руку. — Просто я хочу предусмотреть все возможности. А теперь вернемся к нашему кодициллу. У нас есть своя копия, или они по-прежнему у отца Дерфеля?

— У отца Дерфеля, — отозвался Катан. — Но я прихвачу один экземпляр, прежде чем приведу юного Эйнсли. Вернусь, как только смогу.

Через несколько минут Фульк зашел к королю, подвинул поближе к постели столик, взял также низкий табурет и подсвечник. Потянувшись к нему мысленно, Райс-Майкл убедился, что сознание оруженосца уже взято под контроль.

— Ты сейчас запишешь то, что я продиктую, — велел ему Райс-Майкл негромко. — Но потом забудешь все до единого слова. Начни с сегодняшней даты и места.

«Грэхему, герцогу Клейборнскому и Сигеру, графу Марлийскому. В случае, если по моей смерти вы сделаетесь регентами моего сына, как указано в моем завещании, я позволяю и повелеваю вам назначить сэра Катана Синхила Драммонда третьим регентом, в качестве первого законнодательного акта вашего правления в качестве регентов...»

Фульк закончил писать под диктовку, Райс-Майкл еще раз перечитал этот документ, нацарапал под ним достаточно разборчивую подпись и велел Фульку запечатать письмо. Фульк как раз отодвигал столик от кровати, когда Катан вернулся в одиночку.

— Ты его не нашел? — спросил король.

Катан, покачав головой, тронул Фулька за плечо.

— Ступай в постель, Фульк. Я подежурю первым.

Когда за Фульком закрылась дверь, Катан присел на корточки рядом с королевской постелью.

— Он все еще пьет внизу с остальными, и я взял нашу копию кодицилла, однако мне не удастся провести его сюда незамеченным. Слишком много народу в замке. Если хочешь, чтобы он уехал сегодня же, то разреши мне отправить его самому.

Райс-Майкл прикрыл глаза, силясь подавить дрожь.

— Я очень хотел поговорить с ним лично.

— Знаю. Но что если нам подождать до завтра и перехватить его в течение дня, чтобы он потом незаметно ускользнул из лагеря?

Райс-Майкл покачал головой.

— Слишком рискованно. Когда мы уедем из Лохаллина, меня, вообще, перестанут оставлять в одиночестве. Кроме того, мы не знаем, в каком я буду состоянии. Возможно, мне сделается еще хуже, хотя это лекарство, вроде бы снимает жар.

Он широко зевнул, так что даже челюсти заныли.

— Ладно. Я знаю, что ты не сможешь управлять его сознанием так, как это сделал бы я. Но постарайся изо всех сил. Я отдам тебе мой перстень. Передашь его гонцу. Таким образом, Мика будет точно знать, что послание от меня.

Остальные распоряжения он передал Катану мысленно, вручил ему кольцо для Роберта и еще одно письмо для Грэхема Мак-Эвана, затем пожелал удачи и отослал прочь. Когда Катан ушел, он выпил еще немного макового отвара, что оставил Стеванус, ополоснул чашу водой и выпил также и воду. Рука болела еще хуже, чем за все эти дни, хотя жар, похоже, и впрямь начал спадать. К тому моменту, как вернулся Катан, он уже крепко спал, и даже не шелохнулся, пока его не пробудили колокола, зовущие к утренней службе, и первое, что он ощутил, была уже ставшая привычной боль в руке.

Глава двадцать вторая

Толпою устремляются они на душу праведника, и осуждают кровь неповинную[1]

По крайней мере, жар, как будто, начал спадать. Голова болела почти так же сильно, как и рука. Сказывалось действие маковой настойки, и Райс-Майкл знал, что ему придется принимать еще это снадобье, чтобы вытерпеть все тяготы поездки. Однако ни лоб, ни рука уже не горели огнем, как накануне. Стэйси оставила им тациль, и Катан дал королю еще одну порцию лекарства, прежде чем помог ему подняться с постели.

Райс-Майкл сморщился от горечи, но выпил все до дна. Затем он со стоном выбрался из кровати, и Катан помог ему умыться и одеться. Все тело его болело, и каждое движение причиняло страдание.

— В общем-то, этого и следовало ожидать, учитывая, что вам пришлось перенести еще до того, как лошади вздумалось на вас наступить, — бодро воскликнул Фульк, запаковывая их вещи в седельные сумки. — Хотите, чтобы Стеванус вас осмотрел прежде, чем спуститься вниз.

---

[1] Псалтирь 93:21

— Ни к чему. У него все равно не осталось болеутоляющих, которых бы я не попробовал. Увижусь с ним в зале после мессы.

— Хорошо. Я пока спущу вещи вниз, во двор, а потом встретимся в часовне.

Как только он ушел, Райс-Майкл взглянул на Катана, который принес ему шлем и накидку. Как и накануне, он надел кожаные штаны, сапоги и тунику с широкими рукавами, поскольку перевязанная рука не влезала в обычную тунику.

— Как все прошло вчера с нашим другом? — спросил он шепотом.

Катан надел шлем королю на голову и принялся подтягивать ремешки в боковых петлях.

— Можешь прямо все прочесть у меня в памяти, будет безопаснее не говорить об этом вслух.

Закрыв глаза, Райс-Майкл здоровую руку положил Катану на предплечье, и принялся рыться в его воспоминаниях, где увидел наконец образ худощавого, крепко сложенного молодого человека с вьющимися каштановыми волосами и пронзительно-синими глазами, затененными длинными ресницами. Сэр Роберт Эйнсли бесстрашно согласился исполнить поручение короля, которое передал ему Катан, и без малейшего сопротивления подчинился мысленным установкам, которые тот вложил ему в сознание, по мере своих сил и способностей.

— Он уехал еще до полуночи, — пояснил Катан шепотом, когда Райс-Майкл разорвал контакт. — Если будет достаточно часто менять лошадей и не останавливаться на отдых, то прибудет в Ремут через четыре дня.

Сам король выехал из Лохаллина ближе к полудню, поприсутствовав на мессе вместе с леди Стэй-

си, ее семьей и ближайшими помощниками. Затем был завтрак, во время которого ему пришлось съесть куда больше, чем на самом деле хотелось, и лишь тогда Стеванус дал ему, наконец, снадобье от боли. Вскоре они были уже в седле, и Грэхем, и Сигер с Корбаном выехали следом, поскольку намеревались первые несколько миль провожать короля в качестве почетного эскорта.

Отряды из Ремута, разумеется, отправились с ними, но ополченцы из Кайрори, Шииля и Валорета должны были остаться на севере еще на неделю под командованием Джошуа Делакруа и Айвера Мак-Инниса, на тот случай, если отход торентцев окажется военной хитростью.

Вскоре троим келдорским лордам пришло время проститься с королем.

Натянув поводья, они коснулись рукой груди, безмолвно склонив гордые головы. Райс-Майкл, от которого Ран с Манфредом не отходили ни на шаг, не смог подъехать к ним, как бы ему того ни хотелось, но, восхищенный их горячей преданностью, он отвесил им церемонный поклон, сожалея лишь о том, что не может сказать вслух, как высоко ценит их верность, и как сильно он мечтал бы остаться среди них.

Вскоре всадники исчезли в облаке пыли, направившись обратно в Лохаллин, а королевский отряд двинулся дальше.

Маковая настойка приглушила боль, и вскоре Райс-Майкл перестал предаваться пустым размышлениям и бесплодным надеждам, поскольку мог думать лишь о том, чтобы не задремать и случайно не упасть с седла.

* * *

Тем временем, из опустевшего военного лагеря Ансель, Джесс и Тиег незаметно наблюдали за отъездом короля, отметив и его перевязанную руку, и бледный вид, и худобу. Тиег покачал головой, когда отряд двинулся прочь через равнину Иомейра.

— Хотелось бы мне взглянуть на его руку, — пробормотал он. — Похоже, рана причиняет ему сильную боль.

— Видимо, нам с тобой следует ненадолго навестить леди Стэйси, — заметил Джесс. — Думаю, это наш лучший шанс, пока мужчины уехали провожать короля.

Четверть часа спустя слуга ввел двоих гостей в гостиную замка Лохаллин, где худощавая энергичная молодая женщина с темно-рыжими волосами разбирала содержимое объемистых сундуков. Еще несколько служанок подметали и скребли полы, вытряхивали меховые покрывала и занимались прочими хозяйственными делами, как заведено в любом поместье. В изящной резной колыбели довольно агукал ребенок, а рядом дремала пара серых волкодавов, — достаточная причина, почему слуги не возражали проводить двоих незнакомцев к своей госпоже.

— Эти люди хотели видеть вас, леди Стэйси.

Рыжеволосая женщина покосилась на двоих пришельцев, продолжая складывать зеленую тунику.

— Да?

Джесс склонил голову и попытался ментально прощупать ее, но у женщины имелись хоть и слабенькие, но защиты, поэтому он тут же отступил.

— Мы друзья короля, сударыня. Могли бы мы поговорить с вами наедине?

Она оценивающе смерила их взглядом.

— Король уехал час назад, — промолвила она.

— Да, верно, — отозвался Джесс.

Взор темных глаз вновь остановился на них, затем она указала на дверь в углу комнаты, что вела к винтовой лестнице.

— Пойдемте сюда.

Они последовали за ней, и один из волкодавов тут же устремился на винтовую лестницу, нетерпеливо виляя хвостом. Отворив низенькую дверцу на верхней площадке, она впустила гостей на огражденную парапетом ровную крышу донжона. Теплое солнышко припекало, и легкий ветерок шевелил волосы. Потрепав волкодава по лобастой голове, она обернулась к мужчинам.

— Несмотря на то, что вы одеты по-нашему, не думаю, что вы из Келдора, — заявила она. — Я готова поговорить с вами ради короля, который является моим сюзереном. Что вы хотели мне сообщить?

Вместо ответа Джесс протянул ладонь, сложенную лодочкой, и создал в ней серебристый огонек. Свет его был почти не заметен под прямыми лучами солнца, но этого оказалось достаточно, чтобы у женщины от изумления расширились глаза. Волкодав зевнул.

— Мы пришли сюда в надежде помочь королю, сударыня, — прошептал Джесс, загасив огонь. — К несчастью, нам так и не удалось приблизиться к нему, чтобы предложить свою поддержку. Мой спутник — Целитель. Мы надеялись, вы сможете рассказать нам о том, что за рану получил король. Возможно, мы постарались бы подобраться к нему позже в пути.

Удивленным взглядом она смерила голенастого, нескладного Тиега, затем вновь устремила взор на Джесса.

— Он никогда не говорил, что ему помогают Дерини, — промолвила она.

— Сановники не должны догадываться об этом, — пояснил Джесс. — Дружба с Дерини уже стоила жизни одному королю Халдейну.

— Так это правда? — прошептала она. — Он сказал, что советники убили его брата Джавана и всех остальных, а его самого оставили в живых только для того, чтобы дать жизнь наследникам.

— Если он поведал вам это, то значит, он вам доверяет, — промолвил Тиег. — Но поверите ли вы нам? Нам нужно знать все про его рану.

Прикусив губу, Стэйси потрепала пса за ушами.

— Вы должны знать кое-что еще, — выдохнула она наконец. — С рукой дело плохо, на нее наступила лошадь, и все кости раздавлены... Но, думаю, его беспокоит не только это. Он написал бумагу, в которой дядю Сигера и моего кузена Грэхема назначил регентами.

— Документ? — изумленно воскликнул Джесс, переглядываясь с Тиегом.

Юный Целитель подошел ближе к Стэйси и ласково и серьезно взглянул на молодую женщину.

— Сударыня, у нас много вопросов и совсем мало времени. Я думаю, вы сознаете, точно так же как и мы, насколько отчаянно положение короля. Мы знаем, что ваша мать была Дерини. Позволите ли вы прочесть в вашем сознании все, что я должен знать? Клянусь своим священным саном Целителя, что не причиню вам вреда, и прочту лишь то, что имеет отношение к королю.

Слабая улыбка тронула ее губы.

— У тебя голос мужчины, но по возрасту ты никак не можешь быть Целителем.

Он тоже улыбнулся в ответ с несколько самодовольным видом.

— Мои наставники говорят, что это особый случай. Мой отец был Целителем, его звали Райс Турин. Возможно, вы слышали о нем?

— О, да, — теперь и она широко улыбнулась в ответ. — Райс Турин и вся его родня были преданы Халдейнам. Я сделаю то, что вы мне скажете.

— Тогда присядьте на корточки рядом со мной, — предложил он, опасливо покосившись на волкодава. — И, пожалуйста, заверьте вашего приятеля, что я не желаю вам зла.

— Это ты о Конни? О, да он просто большой младенец. Он тебе ничего плохого не сделает.

Она присела, спиной опираясь о парапет, и волкодав тут же развалился у ее ног, опустив огромную голову хозяйке на колени. Джесс устремил взгляд на равнину, чтобы вовремя заметить, когда вернутся мужчины, а Тиег присел рядом со Стэйси.

— Постарайся быстрее, — шепотом велел ему Джесс.

— Ну, конечно, — подтвердил тот.

Стэйси закрыла глаза даже прежде, чем Тиег коснулся ее висков. Защиты, которые ощущали они с Джессом прежде, растаяли при первом же прикосновении, и она лишь тихонько вздохнула, когда он взял контроль над ее сознанием. Заблокировав ее скромные способности, он двинулся глубже, поглощая все воспоминания, накопленные со дня прибытия Райса-Майкла. План короля можно было бы назвать блестящим, если только он сработает... но он

также был очень опасен. И все же теперь, когда они знали обо всем, то, возможно, сумели бы помочь привести этот замысел в исполнение, невзирая на все сопротивление королевских сановников.

Однако состояние раненой руки короля внушало опасения, даже хотя Тиег заключил, что этот «таципь», который вручила Райсу-Майклу повитуха Стэйси, скорее всего, был ничем иным, как снадобьем под названием «таллицил», которое Целители всегда применяли в подобных случаях. Он бы сам предложил именно это. Жаль только, что с собой у него таллицила не было, чтобы дать его Стэйси взамен утраченного, а со смертью деревенского Целителя не осталось никого, кто смог бы приготовить его заново.

Тем не менее, теперь он знал все, что необходимо. Вернув Стэйси ее способности, — которые сводились лишь к слабеньким защитам и зачаткам чар истины, — он поспешил ее заверить в том, что все друзья и союзники короля, если понадобится, окажут поддержку келдорцам. Она изумленно взглянула на него, когда Тиег вывел ее из транса.

— Моя мать была куда способнее меня, — прошептала она, вновь принявшись почесывать за ухом своего волкодава. — Не знаю, чем я сумею помочь королю.

— Вы можете стать его глазами и ушами в Истмарке, — отозвался Джесс, присаживаясь на корточки рядом с ними, чтобы Тиег наскоро поделился с ним полученными сведениями. — Если Грэхем с Сигером станут регентами после смерти короля, то, по крайней мере, у нас будет хоть небольшая надежда сломить власть сановников. Теперь, когда Альберт с Полином вышли из игры, можно сказать, что про-

цесс начался. Нужно только не дать ему замедлиться.

— Если король умрет, — Стэйси решительно вскинула подбородок, — то Грэхем с Сигером придут к воротам Ремута с вооруженным отрядом за спиной и потребуют уважать свои права и права юного принца. Мы его не подведем, мастер Целитель. Скажите ему это, если его увидите. И передайте то же самое всем его друзьям-Дерини.

— Непременно, сударыня, — заверил ее Тиег.

* * *

С того самого дня, как король прибыл в Лохаллин, Джорем велел, чтобы в зале Камберианского Совета на страже постоянно находился кто-то, готовый ответить на мысленный зов Анселя и его товарищей. Когда Тиег попытался нащупать контакт, после того как они с Джессом встретились с хозяйкой Лохаллина, был как раз черед дежурить Кверона Киневана. Спустя полчаса, как он получил доклад Тиега, он собрал всех прочих вождей повстанцев вокруг восьмиугольного стола и рассказал им обо всем, что поведал ему Тиег.

— Замысел с приложением к завещанию просто блестящий, — признал Джорем. — Но сможет ли он осуществить его до конца?

Кверон пожал плечами.

— По крайней мере, у меня возникло впечатление, что Стэйси и ее родичи сделают все от них зависящее, чтобы в случае необходимости исполнить королевскую волю. По счастью, их преданность всецело перевешивает тот факт, что им самим смерть короля принесет определенные выгоды. Поэтому нам

не стоит тревожиться о том, вправе ли мы оказать им поддержку.

— Верно, — согласился Ниеллан. — И одной лишь угрозы существования этого кодицилла должно оказаться достаточно, чтобы удержать в узде Рана с Манфредом, поскольку теперь смерть короля не принесет им желанной выгоды, ведь им придется делить власть с келдорцами. Как только они об этом узнают, то думаю, сделают все от них зависящее, чтобы сохранить королю жизнь. Жаль только, что он не смог издать воззвание, в котором бы обличил своих сановников во всех их злодеяниях и призвал верных келдорцев освободить его и всю его семью от гнета советников. Они бы ему помогли, если бы он решил остаться на севере. Увы, но он должен вернуться в Ремут из-за Микаэлы и маленького принца.

— Все мы исходим из того, — заметил отец Рикарт, — что король сможет оправиться от раны. — Молитвенно сложив руки перед собой, он принялся кончиками пальцев постукивать по губам. — Конечно, мы получили сведения даже не из вторых, а из третьих рук, и все же этот жар меня очень тревожит. Мы должны благословлять того неведомого нам Целителя, который оставил таллицил повитухе, но даже этого средства может оказаться недостаточно.

— Вы утверждаете, что рана может угрожать его жизни? — переспросил Джорем.

Рикарт пожал плечами.

— Невозможно утверждать наверняка, ведь я сам не видел короля. У него жар, его терзают сильные боли. Не говоря уже о том, что я отнюдь не доверяю любым лекарям *Custodes*, я сильно сомневаюсь, что добрый мастер Стеванус сумел как следует выправить сломанные кости. Если рука так и заживет, не-

взирая даже на прочие возможные осложнения, скорее всего, он никогда не сможет владеть ею в полной мере. И Кверон вам скажет, — а Камлин подтвердит на собственном опыте, — что впоследствии Целитель зачастую оказывается бессилен что-либо поправить.

Камлин невольно потер запястья и кивнул, искренне сочувствуя королю.

— А может, нам послать Целителя, чтобы он мог исподволь затесаться в королевскую свиту? — спросил он. — Если его переодеть...

Джорем покачал головой.

— Все это кончится для нас только потерей еще одного человека... если и не самого Целителя, которого могут схватить даже прежде, чем он встретится с королем, то, возможно, самого короля, едва лишь окружающие обнаружат, что он был чудесным образом исцелен.

— Я думал, мы уже согласились с тем, что существование кодицилла его защитит, — заметил Ниеллан.

— Оно *могло бы* его защитить, *если* они поверят, что он на самом деле написал этот документ и сумел раздать по экземпляру всем заинтересованным лицам. Однако Целителя это отнюдь не спасет.

— Согласен, определенная опасность существует, — пробормотал Кверон. — И все равно мне кажется, что Целитель должен отправиться к нему.

Ниеллан нахмурил седые брови.

— Надеюсь, ты не предлагаешь, чтобы мы рискнули Тиегом?

— Нет, нет, я говорю только о себе, — отозвался Кверон и вскинул руку, предупреждая возможные возражения. — Нет, не набрасывайтесь на меня всем скопом. Я прекрасно понимаю, что делаю. Пока ждал вашего прихода, я как следует изучил карту.

Они непременно остановятся сегодня в аббатстве святого Кассиана. А завтра направятся через Эбор и Шиил к Валорету. Я первым соглашусь с вами, что слишком опасно использовать Порталы в этих местах, однако не забудьте о существовании второго Портала в Кайрори, который находится не так уж далеко от дороги, по которой движется войско. Я мог бы переодеться странствующим монахом, дойти из Кайрори до Валорета, а затем двинуться на север по королевской дороге, пока не встречусь с войском.

— И что тогда? — спросил его Джорем. — Подойдешь к Рану, представишься и потребуешь, чтобы тебя допустили к королю?

Кверон закатил глаза и откинулся на кресле, кончиками пальцев постукивая по столешнице.

— Конечно, нет. Но, возможно, я сумею выяснить, в каком состоянии король. И если мне самому не удастся встретиться с ним, не подвергаясь чрезмерному риску, то, возможно, я сумею повлиять на кого-то, кто имеет к нему доступ. Может статься, что обычная медицина также может ему помочь, и просто его нынешние лекари намеренно предпринимают не все необходимые меры.

— Да, такой риск вполне приемлем, — отозвался Рикарт, прежде чем Джорем успел возразить. — Кстати, Тиег может делать то же самое, до тех пор, пока Кверон не явится ему на смену. Мы бы могли попросить их с Анселем и Джессом потихоньку следовать за войском на юг и стараться по возможности выведать как можно больше.

Ниеллан нахмурился и, когда Рикарт закончил говорить, сердито откашлялся.

— По-моему мы упускаем из виду тот факт, что Тиегу нет еще и четырнадцати лет. Я знаю, он выгля-

дит старше, очень здорово вырос за последний год, и руки у него не по-детски крупные, и все же он остается ребенком. У него недостаточно опыта и знаний, чтобы осуществить подобное воздействие. Поправьте меня, если я ошибаюсь, но до сих пор его готовили именно как Целителя.

— Верно, — кивнул Кверон, — и я не готов рисковать его жизнью ни при каких обстоятельствах. Однако Ансель с Джессом вполне способны получить для нас те сведения, о которых говорил Рикарт. Вполне возможно, что к тому времени, как мы с ними встретимся, они будут знать куда больше, чем сейчас, а если понадобится, чтобы Тиег дал оценку происходящему как Целитель, то он может сделать это косвенным образом, не ставя свою жизнь под угрозу.

— Я по-прежнему убежден, что это самый разумный выход из положения, — продолжил он. — Есть два основных воздействующих фактора — это существование приложения к завещанию и ухудшившееся здоровье короля. Одновременно это делает ситуацию более — или менее стабильной, нежели она была за последние шесть лет. Это может полностью изменить наши планы, намеченные на конец года. Думаю, нам следует быть одновременно гибкими и консервативными в своих замыслах, покуда нынешнее положение не изменится.

Еще целый час они обсуждали практические детали предстоящей операции, согласившись также и на том, что следует в первую очередь известить Райсиль о происходящем, но ни слова не сообщать королеве.

— Очень боюсь за нее, бедняжку, если король все же не уцелеет, — признался Кверон Джорему, когда

остальные вернулись в убежище. Ее беременность лишь в начале срока, если она потеряет и короля, и этого младенца, как потеряла своего первенца, то не думаю, что нам удастся спасти династию Халдейнов... и вообще, что стоит продолжать делать такие попытки. Один четырехлетний принц — это недостаточная основа для сильной династии.

Джорем лишь покачал головой и устало потер лоб.

— Кверон, я не хочу даже *думать* о такой возможности, — произнес он чуть слышно. — И не хочу думать о том, что может случиться *с тобой*. Конечно, с того самого дня, как мы узнали, что королева вновь в тягости, нашей основной задачей стало подготовить все для попытки переворота, который вернул бы власть в королевстве Райсу-Майклу. Но не следует забывать и о том, что все эти шесть лет мы с тобой не просто следили за благополучием династии Халдейнов...

Кверон с улыбкой потрепал Джорема по руке.

— Ты замечательный сын и брат, Джорем, — произнес он негромко. — Для человека, который наотрез отрицает святость своего отца, ты проявляешь поразительную веру в него. Впрочем, не бойся, я не стану делать глупостей. Я прекрасно сознаю, что вне зависимости от того, удастся ли нам на сей раз помочь Халдейнам, для Дерини, в общем-то, ничего не изменится. Если же возродить жизнеспособный культ святого Камбера, то это может дать нашему народу надежду на долгие годы вперед, и, таким образом, рано или поздно Дерини все же сумеют отвоевать себе равные права с людьми.

— По правде сказать, я бы не отказался от небольшой помощи со стороны святого Камбера в нашей

затее, — пробормотал Джорем. — К несчастью, похоже, он сам решает, где и когда ему появляться. — Он насмешливо изогнул бровь. — Отец всегда был себе на уме.

— Как и ты сам. — Кверон улыбнулся. — И как твоя сестра. Будем надеяться, что сын ее не унаследовал материнское упрямство и в точности исполнит все, что я ему скажу. Впрочем, наверное, мне лучше бы связаться с Джессом и Анселем и предупредить их, чтобы держали малыша Тиега на коротком поводке.

Джорем наконец позволил себе намек на улыбку.

— Ладно, займись этим, а я пока сделаю все необходимые приготовления в убежище. Камлин придет тебя сменить, когда ты закончишь.

* * *

Тем временем, далеко на юге архиепископ Хьюберт Мак-Иннис наконец получил известия, с которыми уже давно ознакомился Джорем и его близкие. Монах *Custodes* по имени брат Фабий прибыл в столицу Гвиннеда на закате и принес вести столь ужасающие, что Хьюберт с трудом мог поверить собственным ушам. Они с отцом Секоримом, который был настоятелем ремутского собора, как раз навещали хворающего архиепископа Орриса, когда к ним привели утомленного с дороги монаха.

— Димитрий убил Альберта? — шепотом повторил Хьюберт, когда посланец выпалил основные новости. — А Полин на пороге смерти?

Секорим принялся расспрашивать монаха, поскольку они с Полином были друзьями еще со времен учебы в семинарии, а Хьюберт тем временем

быстро пробежал глазами письмо, привезенное гонцом, — подписали его и Ран, и Лиор, — но по-прежнему не мог себя заставить поверить в прочитанное.

— Я должен созвать совет, — объявил наконец Хьюберт, складывая листы пергамента и засовывая их себе под кушак. — Секорим, не желаете ли отправиться со мной? Полагаю, вы вполне подходящая кандидатура, чтобы занять место Полина, если он так и не оправится. По крайней мере, сейчас вы можете выступать как его заместитель.

— Я приду, — отозвался Секорим. — Брат Фабий, пожалуйста, пойдемте с нами. Возможно, совет захочет расспросить вас поподробнее.

Полчаса спустя все они расселись за длинным столом в зале Совета, где к ним присоединились Таммарон, Ричард Мердок и молодой граф Тарлетонский — Боннер Синклер, чей отец, граф Тарлетонский, носил этот титул, прежде чем стал лордом Альбертом, магистром *Custodes Fidei*. И хотя Альберт никогда не был слишком близок со своим старшим сыном, все равно вид у молодого человека был потрясенный, такой же, как и у всех остальных.

— Я виню прежде всего себя, — пробормотал Хьюберт, когда гонец вновь пересказал основные новости, а Секорим наконец прочел послание от Рана и Лиора. — Это я согласился, чтобы Димитрия взяли к нам на службу. И все эти годы... Боже правый, неужто я своими руками их послал в ловушку? Выходит, Димитрий все эти годы работал на Торент, и это была намеренная хитрость, чтобы заманить короля на встречу, подстроенную на условиях торентцев?

— Если и так, — равнодушно отозвался Ричард, — то их стратегия оказалась весьма близорукой. Даже

если король погибнет, у нас все равно остается наследник и беременная королева. Неужто вы думаете, у Марека Фестила хватит сил осадить Ремут? Конечно, нет. Так что все карты по-прежнему у нас на руках.

— Вероятно, ты прав, — согласился Таммарон. — Тем не менее, полагаю, нам следует вызвать в столицу дополнительные войска, — на тот случай, если мы недооценили Марека. Ричард, твои земли ближе всего. Как много людей ты можешь вызвать из Картана?

— А сколько вам нужно? — отозвался Ричард. — Сотню? Больше? Думаю, мы также можем рассчитывать на помощь *Custodes*, — добавил он, покосившись на Секорима.

Аббат кивнул.

— Думаю, уже завтра я могу обеспечить сотню человек из гарнизона *Arx Fidei*. Еще больше придут, если разослать гонцов в дальние аббатства, однако значительная часть наших рыцарей отправились с королем на север.

Ричард покачал головой, что-то подсчитывая на обрывке пергамента.

— Нет, двух сотен нам вполне хватит. Если гонец отправится немедленно, то мои люди здесь будут уже через два дня. С практической точки зрения, я сомневаюсь, что нам следует предпринимать еще какие-то шаги, покуда не получим известия от Рана. В конце концов, нам ведь еще предстоит кормить дополнительные войска, которые останутся в столице.

Хьюберт, который наконец начал понемногу приходить в себя, кивнул в знак согласия.

— Да, верно. Нам следует подождать, чтобы ситуация прояснилась, а уж потом ударяться в панику.

Ричард совершенно разумно отметил, что пока в наших руках юный принц Оуэн, то сила на нашей стороне. Именно поэтому, однако, — он покосился на Таммарона, — будет разумно скрыть все последние новости от королевы. Кроме того, возможно, нам следует впредь перехватывать все письма от короля, если в них будут содержаться намеки на эти события.

— Вас тревожит возможность выкидыша, если что-то случится с королем? — спросил Ричард.

Хьюберт кивнул.

— Возможно, до конца беременности нам придется заставить королеву не вставать с постели. Таммарон, я полагаюсь на вас, чтобы должным образом проинструктировать придворных лекарей. Впрочем, в ближайшее время можете ничего не предпринимать... Не думаю, чтобы одних слухов и отголосков тревожных вестей было достаточно, чтобы случился выкидыш... И все же нам следует держаться наготове. И, кроме того, нечего и говорить, что самым главным для нас отныне должна быть безопасность принца Оуэна.

— Насчет писем и гонцов от короля я позабочусь, — заявил Таммарон. — Если мы будем осторожны, то еще неделю или две можно делать вид, что все идет как прежде. Однако для этого следует предпринять необходимые меры безопасности.

Глава двадцать третья

Держись подальше от того, кто может убивать... дабы не отнял он жизнь твою[1]

Пока сановники в Ремуте обсуждали то, что произошло в аббатстве святого Кассиана неделю назад, королевское войско приближалось к монастырю по дороге домой. От целого дня пути в памяти Райса-Майкла почти ничего не удержалось, ибо он провел его одурманенный маковым зельем, однако к вечеру, когда они въехали во двор аббатства, воздействие снадобья практически рассеялось. Первая новость, которую они услышали, это что Полин Рамосский, наконец, умер прошлой ночью, и утром был похоронен в крипте аббатства рядом с братом.

Новость эта, хотя и не была неожиданной, вызвала горестные восклицания в рядах *Custodes*. Ран и Манфред также сочли необходимым высказать соболезнования, и их примеру последовали младшие офицеры. И прежде чем им всем разойтись на ночлег по кельям аббатства, отец Лиор и настоятель пригласили короля и его приближенных присоеди-

---

[1] Мудрость Иисусова 9:13

ниться к монахам *Custodes* в крипте под церковью, дабы помолиться у могилы Полина. Райс-Майкл попытался избегнуть этого, сославшись на усталость, поскольку не мог вообразить себе большего лицемерия, нежели ему молиться за упокой души Полина, однако Ран ясно дал ему понять, что король обязан проявить уважение к покойному.

Так что король преклонил колена в крипте вместе с остальными и произнес положенные молитвы, пытаясь не обращать внимания на пульсирующую боль в руке и терзавшую его лихорадку. Выбравшись наконец из церкви во двор монастыря, он обнаружил, что повсюду в лагере только и разговоров о том, как коварный Дерини прикончил верховного настоятеля *Custodes*. Похоже, за неделю волнение отнюдь не улеглось. Чуть позже в трапезной аббатства разговоры также неизбежно свернули на смерть Полина.

— Оглядываясь назад, я теперь понимаю, что было глупо надеяться на иной исход, — промолвил аббат, отвечая на вопрос Манфреда. — Против колдуна-Дерини у него не было ни единого шанса.

— Но вы же продолжали экзорцизм и очистительные обряды? — промолвил Лиор.

— А также общие моления братии, — добавил настоятель, задумчиво глядя в свою миску. — И все равно мне кажется, отче, что скверна осталась. Боюсь, всем нам понадобится долгое время молиться, поститься и усмирять плоть, дабы окончательно очистить сию обитель.

Покачав головой, Манфред бросил взгляд на Рана, который, похоже, с трудом удержался от насмешливого ответа, затем на брата Полидора, лекаря аб-

батства, который сидел за столом рядом с мастером Стеванусом.

— Я, конечно, не клирик, — произнес он неуверенно, — но мне кажется, вы сделали все, что в ваших силах, для его духовного благополучия. Жаль только, что это не помогло Полину оправиться физически.

Брат Полидор недоуменно приподнял брови и взял в руки свой кубок.

— Мы пытались, милорд, но, как и сказал отец настоятель, с самого начала надежды было мало. Он не мог есть, не управлял выделениями своего тела, сердце билось ровно, и он продолжал дышать, но ни я, ни мои помощники так и не сумели добиться от него никакой реакции. За исключением тех случаев, когда ему делали кровопускание, — поправился он, словно только что вспомнил об этом. — Несколько раз казалось, что он вот-вот пошевельнется, и мы надеялись узреть в этом свидетельство того, что скверна покидает его. — Он покачал головой. — Но он так и не пришел в себя. По крайней мере, надеюсь, что под конец он ничего не чувствовал. Пусть Господь дарует ему покой, — заключил он и набожно осенил себя крестным знамением.

Райс-Майкл и все остальные также перекрестились, но в душе король отнюдь не жалел о судьбе, постигшей Полина. Прикрыв зевок и постаравшись поудобнее пристроить ноющую руку, он невольно задался вопросом, не ускорило ли кровопускание, устроенное Полидором, смерть Полина, ибо *Custodes* давно были знамениты тем, что использовали эту процедуру и во благо, и во зло, как часть внутренней дисциплины Ордена. Возможно даже, они рассматривали ее как замену coup-de-grace для тех своих со-

братьев, у кого уже не оставалось надежды на выздоровление, хотя coup-de-grace обычно применялся лишь для раненых на поле боя, и Церковь крайне неохотно смирялась с подобной практикой. Он припомнил разговоры о том, как военный лекарь *Custodes* сделал это с Мердоком Картанским на следующий день после коронации Джавана, — точнее, это сделал Ран, по его указке. Обычно *Custodes* использовали кровопускание как меру запугивания, но порой доводили дело и до смертельного исхода. Если Полин умер от потери крови, Райс-Майкл невольно подумал о том, что это весьма символично, — на себе испытать ту же участь, к которой он приговорил многих других.

Но сейчас его куда больше заботила собственная судьба. Послушав еще немного скучную болтовню *Custodes* и выдавив пару сочувственных банальностей по поводу смерти Полина, он наконец извинился и вместе с Катаном и Фульком ушел в покои, отведенные ему аббатом. С огромным трудом он дотащился до постели, оруженосцы помогли ему раздеться, и наконец, весь дрожа, он забрался под меховые покрывала, а Катан принес ему еще одну дозу тациля. Хотя никто его и не приглашал, вскоре явился Стеванус с братом Полидором, а с ними еще один молодой монах, который нес деревянный ларец и подсвечник, чтобы дать больше света. Катан едва успел убрать пустую чашку и маленькую глиняную флягу с тацилем на столик у кровати, и постарался спрятать их как можно глубже в тень, прежде чем монах поставил подсвечник.

— Я хотел бы сменить повязку и посмотреть, как чувствует себя ваша рука после целого дня в седле, сир, — сказал ему Стеванус, опустив свою лекарскую

сумку в изножье кровати. — Брат Полидор также пожелал на вас взглянуть. Брат Дениол, не могли бы вы принести нам таз и теплую воду?

Молодой монашек повиновался, и Райс-Майкл неохотно вытащил раненую руку из-под покрывала, позволив Стевануcу размотать повязку, в то время как Полидор, огорченно цокая языком, щупал его горячий лоб.

— О-хо-хо, это всегда самое скверное, когда приходится иметь дело с открытой раной и сломанными костями. Предплечье, правда, выглядит довольно чистым. Не вижу там красных полос.

— Да, но лихорадка пока не спадает, — заметил Стевануc.

— Это я почувствовал.

— Кроме того, швы воспалены сильнее, чем мне бы того хотелось, и я не могу понять, что происходит со сломанными костями. Там по-прежнему слишком много кровоподтеков, чтобы можно было разглядеть или прощупать раны.

Оба принялись разглядывать раненую руку, надавливая на припухлости. Райс-Майкл застонал и несколько раз даже вскрикнул, стараясь не дергаться от боли. По просьбе Стевануса, Катан с Фульком придержали руку, чтобы он ею не шевелил, пока лекари продолжали свой осмотр. И наконец брат Дениол вернулся с полотенцами, тазом и кувшином, от которого шел пар. Все это он поставил у очага.

— Думаю, некоторые швы могут разойтись, — заметил Полидор, вытирая руки чистым полотенцем. — Плоть очень вздутая, кожа распухшая и блестит. Я бы сказал, что следует прижечь рану, дабы выжечь всю грязь. Вы уже пускали ему кровь?

— Я не хотел его ослабить, — начал Стевануc.

— Нет, не надо пускать кровь, — испуганно прошептал Райс-Майкл и сел на постели. — И не надо ничего прижигать. Рука заживает, просто дайте мне чуть больше времени.

— Если вы желаете сохранить руку, — ледяным тоном отрезал Полидор, — то должны позволить нам сделать то, что мы считаем нужным. — Он коротко кивнул своему помощнику, который, повернувшись спиной к камину, принялся вынимать из деревянного ларца какие-то предметы. — Учитывая, что кости сломаны, возможно, понадобится предпринять более решительные меры, — продолжил он, поворачиваясь к Стеванусу. — Но мы пока это отложим. Посмотрим, как он будет чувствовать себя через день-другой. Что вы ему даете от боли? Маковый настой?

— Да.

— Но я не могу здесь оставаться! — воскликнул Райс-Майкл. — Я должен выехать завтра.

— Ладно, тогда дайте ему половину обычной дозы, — продолжил Полидор, не обращая на короля ни малейшего внимания. — А вы, сударь... — он кивнул Фульку, — наполните этот таз горячей водой, пусть рука его отмокнет. Жар уберет припухлость и облегчит нам снятие швов.

— Я же сказал вам, нет! — вновь воскликнул Райс-Майкл. — Оставьте швы. Я не желаю никаких прижиганий, и тем более, чтобы мне пускали кровь.

— Не говорите глупостей. Вы не в том состоянии, чтобы сознавать, что пойдет вам на пользу, — уверенно произнес Полидор, поворачиваясь, чтобы проследить за действиями помощников.

Стеванус отошел и, взяв свою лекарскую сумку, принялся отмерять дозу болеутоляющего, как велел

ему Полидор. Райс-Майкл, воспользовавшись этим, здоровой рукой подтянул к себе Катана.

— Беги и расскажи Рану, что они делают, — прошептал он, и мысленно добавил: *«Скажи ему, что я отказываюсь оставаться здесь, и если я умру, то они получат совсем другой регентский совет, чем рассчитывали. Скажи ему про дополнение к завещанию... Но объясни, что оригинала у тебя нет, и я не велел тебе говорить, у кого он. Скорее.»*

Стеванус с недовольным видом проводил Катана, который бросился к дверям и, качая головой, поднес пациенту небольшую железную чашку с маковым настоем.

— Сир, Ран не станет вмешиваться, — промолвил он, помогая королю выпить лекарство. — Пейте, не стоит осложнять себе жизнь больше необходимого.

— Я не желаю прижигания, — упрямо повторил Райс-Майкл, не обращая на чашку внимания. — Если хотите, можете дать сюда горячую воду, чтобы я опустил туда руку... Возможно, это поможет. Но рана не кровоточит, и я не потерплю, чтобы мне пускали кровь, иначе из-за слабости я не смогу ехать верхом. Мне нельзя здесь оставаться. Я должен вернуться к Микаэле.

— Сир, вы получили образование лекаря? — с легким презрением спросил его Полидор.

— Нет, конечно, нет.

— Тогда не пытайтесь учить меня моему ремеслу. Возьмите и выпейте это. Что нужно сделать — должно быть сделано, с вашей помощью или без нее.

Он вручил Райсу-Майклу чашку, и сделал знак Фульку, который поставил таз с горячей водой на прикроватный столик. Там по-прежнему стояла пустая чашка и глиняная фляжка с тацилем, и монах

убрал их, прежде чем расстелить на столе полотенце. С любопытством понюхав пустую чашку, он повернулся к королю.

— Что это такое?

— Какое-то снадобье от лихорадки, — отозвался Райс-Майкл, прежде чем Фульк или Стеванус успели вмешаться. — Оно вроде бы помогает, мне дала его хозяйка замка Лохаллин.

— Какое-то деревенское снадобье, да? Как оно называется? — монах покосился на Стевануса, затем, открыв флягу, понюхал содержимое.

— Старая повитуха, которая была с ней, называла это лекарство тацилем, — ответил Стеванус. — Леди Стэйси сказала, что ее мать получала порошок от Целителя, который давно умер.

— От Целителя? Так это деринийское снадобье? — Полидор с отвращением оттолкнул от себя лекарство. — Я не потерплю ничего подобного в стенах нашего монастыря.

— Не надо, оно мне помогает! — воскликнул Райс-Майкл. Он попытался выхватить фляжку у монаха, и нечаянно задел больной рукой о край таза, с такой силой, что слезы выступили на глазах.

— Не надо глупостей, сир, — наставительно произнес Полидор, пока Райс-Майкл баюкал у груди ноющую руку, едва не всхлипывая от боли. — Брат Дениол, избавьтесь от этого. Сожгите, или как угодно.

— Но снадобье и впрямь как будто помогало, — неуверенно заметил Стеванус, хотя и не позволил Фульку помешать молодому монаху, который взял тациль у Полидора.

— Глупости, — Полидор решительным движением расправил второе полотенце и постелил его на кровать у столика. — Если это деринийское снадобье, то

оно никак не может помогать. А теперь давайте мне руку, сир, и пусть она отмокнет, пока вода не остыла. Стеванус, либо вы сами убедите его выпить настойку, либо нам придется позвать сюда крепких парней, чтобы придержали его величество, пока мы сумеем его напоить.

В этот миг Райс-Майкл услышал, как в гардеробной разбилась о каменный пол глиняная фляга, и рухнул на подушки, больше не пытаясь сопротивляться, когда Полидор взял раненую руку и опустил ее в кипящую воду. Тациль и впрямь помогал ему, он был в этом уверен, но теперь облегчения больше ждать неоткуда, и все лишь потому, что это снадобье было изготовлено Дерини...

С трудом подавляя тошноту и головокружение, стиснув челюсти от боли и стараясь не обращать внимания на жар, охвативший руку, Райс-Майкл взглядом проследил за молодым монахом, вернувшимся в комнату, в то время как Полидор подошел к очагу, чтобы проверить инструменты для прижигания, которые нагревались на огне. Стеванус вновь вложил ему в руку маленькую чашку с обезболивающим, и Райс-Майкл осознал, что его единственная надежда заключалась в том, чтобы Катан успел привести сюда Рана, прежде чем эти палачи *Custodes* расправятся с ним.

И дело не только в том, что страх перед предстоящей болью терзал его сердце.

Он мог бы перенести прижигание, даже не вскрикнув, если бы был убежден, что оно пойдет ему на пользу. Однако даже при одной мысли о кровопускании, холодок бежал у него по спине, в особенности после того, как он услышал о судьбе, постигшей Полина. Он встревоженно повертел чашку в па-

льцах и попытался припомнить, что именно ему известно об этой процедуре.

В первый раз, хотя сам он этого не помнил, его подвергли кровопусканию после «спасения» из рук похитителей, поскольку нужно было его убедить, что он якобы потерял куда больше крови от своих «ранений», чем на самом деле. Вероятнее всего, тогда кровь ему отворял именно Стеванус. Потом ему еще несколько раз пускали кровь в те ужасные месяцы после убийства Джавана, чтобы держать его ослабленным; и еще несколько раз он пережил кровопускание перед коронацией, с тем чтобы вид у него был бледный и вялый, словно король и впрямь восстал после долгой болезни.

Разумеется, существовали и вполне разумные медицинские причины для кровопускания. В некоторых случаях врачи очень рекомендовали это средство. Кроме того, его использовали в некоторых монастырях, порой даже добровольно, чтобы соблюсти целомудрие, поскольку разжижение крови также усмиряло плотские страсти. В монастырях процедура эта именовалась минуцией, от латинского слова minuere, что означало «уменьшать».

Однако *Custodes* обнаружили и куда более отвратительное применение кровопускание, не только как испытание обета послушания, но в некоторых случаях и для запугивания. Джаван ему рассказывал, как в *Arx Fidei* отворяли кровь невинному священнику по имени Фаэлан, пытаясь добиться от него, почему Джаван именно этого монаха попросил стать своим исповедником. Они отворяли кровь и самому Джавану, пока он оставался в монастыре, чтобы продемонстрировать, сколь велика их власть над ним.

«Поверь мне, — как-то раз сказал ему Джаван, — это одно из самых отвратительных ощущений в мире. Никогда не чувствуешь себя таким бессильным, как когда видишь, что кровь твоя вытекает из жил, и сознаешь, что лишь те, кто стоят рядом с тобой, в силах прекратить эту пытку...»

Райс-Майкл оторвался от этих воспоминаний, завидев, что Полидор возвращается с новым кувшином горячей воды, однако появление монаха вселило в него еще большую тревогу. Тот нагнулся, чтобы проверить, насколько остыла вода в тазу. По счастью, к удивлению Райса-Майкла, боль действительно слегка уменьшилась после первоначального шока, но когда Полидор принялся подливать горячую воду в таз, боль вновь сделалась настолько невыносимой, что король тут же вспомнил про чашку с обезболивающим, которую до сих пор держал в здоровой руке, и поспешил выпить половину, прежде чем вернуть ее Стевануса.

— Выпейте до дна, — велел ему военный лекарь, глянув в чашку. — Этого недостаточно, чтобы заставить вас заснуть.

— Я и не хочу спать, — упрямо возразил Райс-Майкл. — Я хочу оставаться в сознании, чтобы поговорить с Раном.

— Это ничего не изменит, — возразил Стевануc. — По крайней мере, откиньтесь на подушки, и пусть снадобье подействует. Первая часть процедуры будет еще не самой болезненной.

— Сир, если желаете, я схожу, посмотрю, почему задержался Катан, — встревоженно предложил Фульк, стоявший в дверях.

Райс-Майкл покачал головой, ненадолго прикрыв глаза, обрадованный, что Фульк по собственной воле

предложил ему помощь, но с запозданием сожалея, что не заложил в сознание юного рыцаря более сильных установок, чтобы впредь он мог бы наверняка рассчитывать на его преданность.

— Я уверен, он скоро вернется, — прошептал король. — Не оставляй меня одного.

— Только не вздумай вмешиваться, — резко поправил брат Полидор и наклонился взглянуть поближе на руку своего строптивого пациента.

Сейчас ни у Райса-Майкла, ни у Фулька не оставалось иного выбора, кроме как подчиниться. По крайней мере, на время, либо от горячей воды, либо под действием обезболивающего, боль почти прошла. Однако она начала возвращаться, когда Полидор принялся очищать рану, но все же была не столь сильна, как король опасался. По крайней мере, прикосновения монаха оставались достаточно бережными. Особенно тяжело пришлось, когда Стеванус начал ощупывать первый шов, ибо стежки впились глубоко в кожу. Сопротивление лишь усложняло работу лекарей, и Полидор вновь принялся грозить, что вызовет на подмогу монахов, которые держали бы Райса-Майкла силой, поэтому тот наконец сдался и откинулся на спину, отвернувшись к стене, чтобы не видеть, как кровь его окрашивает алым воду в тазу. Однако закрывать глаза было нельзя, поскольку тогда его тут же начинала охватывать сонливость под действием макового настоя. Это было слишком опасно, ведь сперва следовало поговорить с Раном. Поэтому он старался держать глаза открытыми...

— Проклятье! Что здесь происходит! — прогремел в дверях сердитый голос.

Это был Ран, и Райс-Майкл тут же вскинул голову.

— Стеванус, что вы творите?

— Таково было мое решение, — заявил брат Полидор. — Рану его величества следует прижечь, дабы уничтожить все следы заражения. Кроме того, я полагаю, что необходимо отворить ему кровь. Сейчас горячая вода помогает снять воспаление.

Ран подошел ближе, взглянул на руку в тазу, покосился на побледневшее и осунувшееся лицо Райса-Майкла, затем широким жестом обвел комнату.

— Ладно, все вон отсюда. Я желаю поговорить с его величеством наедине. Катан, ты можешь остаться.

Стеванус отложил инструменты, торопливо вытер руки и, отвесив Рану встревоженный поклон, направился к дверям вместе с Фульком. Катан выпроводил следом Полидора с помощником, однако монах успел что-то прошептать Катану, прежде чем тот закрыл дверь. Задвинув засов, Катан вытащил руку короля из таза и уложил ее на чистое полотенце.

— Что ты делаешь? — спросил Ран, увидев, что Катан выплескивает горячую воду в уборную.

— Брат Полидор велел, чтобы король держал руку в воде, пока мы разговариваем, — отозвался Катан и вернулся к очагу, чтобы долить в таз горячей воды. — Это помешает заражению и снимет жар. С прижиганием я не согласен, если король этого не хочет, но вода мне представляется довольно безопасной мерой.

Он вновь поставил таз на стол и осторожно опустил руку в воду, под пристальным наблюдением Рана. Райс-Майкл тихонько вздохнул, пробормотал слова благодарности, затем обернулся на гофмаршала, который пристально взирал на него, стоя в изножье кровати.

— Спасибо, что пришли, — выдохнул король, тревожась лишь о том, как бы ему не потерять сознание в самый ответственный момент.

— Похоже, вы мне не оставили выбора, — отозвался Ран. — Что это за нелепая история, которую Катан мне стал рассказывать о каких-то дополнениях к завещанию, что вы написали в Истмарке?

— Это не история, и она вовсе не нелепая, — ровным голосом промолвил король. — Если я умру прежде, чем мой наследник достигнет совершеннолетия, то герцог Клейборнский и граф Марлийский сделаются регентами без права отвода, независимо от того, кто еще будет назначен вами через королевский совет. А прежде чем вам придет на ум их убить, они заранее назначат своих преемников... А их преемники также назначат преемников. Так что Келдор непременно будет в числе следующих регентов.

— Келдор будет править королевством! — зло возразил Ран. — И не успеем мы опомниться, как Келдор посадит на трон своего короля.

— Не думаю, — возразил Райс-Майкл. — А если и так, это едва ли будет хуже, чем то, что сделали вы сами. Вы так и не дали Алрою даже крохотного шанса стать настоящим королем, и убили Джавана, заподозрив, что он может сделаться таковым. А меня оставили в живых лишь до тех пор, пока не появится наследник и еще один сын «про запас», чтобы вы могли взять полностью их под свой контроль. Так что если уж королям Халдейнам все равно не суждено обрести свободу на гвиннедском престоле, то, сказать по правде, Ран, я готов предпочесть короля-келдорца. Из герцога Клейборнского вышел бы прекрасный правитель. Или, возможно, ему удалось

бы добиться, чтобы мои сыновья стали полноправными властителями своей державы.

— Не верю ни единому слову, — отрезал Ран. — Вы блефуете.

Райс-Майкл откинул голову на подушки и уставился в потолок.

— Покажи ему черновик, Катан. — И пока оруженосец рылся в седельной сумке, чтобы достать документ, Райс-Майкл добавил: — И не думайте, что вам удастся попросту уничтожить все копии и сделать вид, будто их никогда не существовало. Мы их сделали довольно много, — я не скажу вам сколько именно, — и хотя бы одна непременно попадет в руки человека, который не побоится использовать ее по назначению. Но сразу могу сказать, что у меня нет ни единого экземпляра.

Катан вручил пергамент Рану, и гофмаршал, вырвав лист из его рук, подошел ближе к огню, чтобы прочитать документ. Побледнев, он взглянул затем на короля и медленно свернул пергамент, а затем вновь подошел к изножью постели. Катан тем временем прислонился спиной к дверям.

— И чего вы хотите? — спросил Ран, разминая лист в пальцах и оценивающе глядя на короля.

На мгновение зажмурившись, Райс-Майкл вздохнул с облегчением, стараясь удержаться в ясном сознании и не поддаться действию макового отвара.

— Прежде всего, я хочу попасть домой, я хочу увидеть жену и сына, мне не нужно никакого прижигания, не нужно отворять мне кровь, и я не хочу, чтобы кто-то отрезал мне руку. Если бы у нас еще были Целители... Если бы ваши друзья шесть лет назад не прикончили несчастного Ориэля... Он был бы со мной в Кулликерне, и ничего этого не произошло

бы. Но Целителя нет, и мне остается лишь надеяться на удачу. Если же все закончится скверно, можете обвинить ваших драгоценных *Custodes*. Набожный брат Полидор выбросил «деринийское снадобье», которое дала мне леди Стэйси против лихорадки. Оно мне помогало, но теперь это не имеет значения, ведь его изготовил деринийский Целитель. Стало быть, оно заключало в себе зло.

О чем бы ни думал Ран про себя, на лице его не отразилось никаких чувств. После натянутой паузы он промолвил:

— Почему-то подобная симпатия к Дерини меня ничуть не удивляет.

— Симпатия к Дерини тут ни при чем, я просто признаю, что от Целителей была своя польза, — возразил Райс-Майкл. — И я бы дорого дал сейчас за то, чтобы один из них оказался рядом. Но этого не случится, потому что, обрушившись на Дерини, вы лишили нас также и Целителей.

Ран пожал плечами, по-прежнему вертя в руках свернутый пергамент, но глаза его потемнели от сдерживаемого гнева.

— Нет смысла спорить об этом. Вы мне перечислили все то, чего не желаете делать со своей рукой, и сказали, что хотите сказать домой. Что будет тогда?

— После того, как я вернусь в Ремут и поправлюсь? — Райс-Майкл слегка улыбнулся. — Вам бы очень хотелось это знать, не правда ли? Пока на вашем месте я бы позаботился о том, чтобы помочь мне остаться в живых. Кроме того, в ваших интересах также позаботиться о Катане, — добавил он, на сей раз уже отчаянно блефуя, чтобы защитить своего оруженосца, но не открывая, что его он также назначил будущим регентом, ибо это означало бы для Ка-

тана немедленный смертный приговор. Если с ним что-нибудь случится, то вас лично, Ран, я назвал виновником его смерти. Если вы убьете брата королевы, вас повесят. Я написал отдельную бумагу на этот счет.

Ран кивнул, теперь уже не скрывая своей ярости.

— Так вот что там были за пляски вокруг уборной! — заметил он. — Вы же мне *предложили* заглянуть внутрь, но я этого не сделал...

Райс-Майкл слабо усмехнулся.

— Я не подписывал документы в уборной, Ран. Чуть выше по лестнице была маленькая комнатушка. Сигер просто помог вас отвлечь, чтобы я успел проскользнуть вниз и сделать вид, будто выхожу из уборной.

— Так что, и Фульк тоже в этом участвовал? Катана я еще могу понять, он вам родня... Но Фульк...

— Нет, его мы просто использовали, — пояснил Райс-Майкл. — Он понятия не имел о том, что происходит, ведь он немедленно донес бы обо всем отцу.

— И все равно Таммарон его убьет, — пробормотал Ран.

— Надеюсь, что нет. Он славный парень, и тоже придет в ужас, как и вы, когда узнает обо всем, что творилось у него за спиной.

Ран громко хмыкнул и уперся руками в бока. Затем, склонив голову, уставился на короля.

— Ладно. Я человек приземленный, сир. Поэтому давайте поговорим о вещах практических. Что мы будем делать с вашей рукой? Если вы умрете от воспаления, потому что не пожелали слушаться своих лекарей, то это уж никоим образом не *моя* вина.

— Лучше уповайте на то, что я не умру, — отозвался Райс-Майкл. — Взгляните на нее сами, вы же опытный вояка. Что вы думаете об этом?

Он слегка приподнял руку из таза, и вода с шумом принялась стекать обратно, бросил на рану косой взгляд и тут же с отвращением отвернулся и откинулся на подушки.

Ран и впрямь согласился подойти и двумя пальцами приподняв ладонь, внимательно осмотрел рану. В тот момент, когда он повернулся, чтобы взглянуть на Райса-Майкла, тот вперил в него взгляд своих серых глаз и мгновенно захватил контроль над сознанием гофмаршала, — но сделал это очень осторожно, чтобы Ран не осознал, что с ним происходит.

— Похоже, что Стеванус начал снимать швы, — заметил Ран.

Райс-Майкл кивнул.

— Я не мог ему помешать.

Ран поморщился.

— Рана начнет гноиться, если не дать ее прижечь.

— Скажите мне честно, — попросил Райс-Майкл. — Будь это ваша рука, вы позволили бы прижигать?

Ран вновь посмотрел на него и растерянно заморгал, все глубже попадая под власть чар Райса-Майкла.

— Я... не знаю. Тут несомненная лихорадка и местное заражение, однако выше по руке оно пока не пошло. Тем не менее, если вы намерены отправиться в путь...

— Я *должен* ехать, Ран, — произнес король негромко. — Я хочу домой. И заставлю везти меня в повозке, если понадобится. Но я должен ехать. Не знаю, что случится дальше, но... я хочу увидеть жену и сына.

С этими словами здоровой рукой он тронул Рана за запястье и стиснул его пальцами, используя более близкий телесный контакт, чтобы глубже войти в его сознание. Глаза Рана закрылись, и он покачнулся, но Катан тут же поддержал его со спины, чтобы Райс-Майкл мог завершить свою работу.

Ему было очень трудно сосредоточиться, учитывая воздействие макового отвара, но он опасался, что больше никогда подобный шанс не представится. Огибая всю ту грязь, чувство вины и ненависть, которыми был полон разум гофмаршала, не касаясь их предыдущего разговора о документах, он поместил в сознание Рана несколько установок... прекрасно сознавая, что о некоторых из них очень пожалеет, когда будет призван на Страшный Суд. Но сейчас они были необходимы, чтобы обеспечить династии Халдейнов будущее. Все это заняло какое-то время, однако он заранее продумал свои действия, пока ждал появления Рана.

Закончив, он стер все воспоминания о своем вмешательстве, отпустил запястье Рана и освободил его из-под контроля. Катан тихонько вернулся к своему месту у дверей.

— Я очень устал, — пробормотал Райс-Майкл, вновь погружая руку в воду, которая к этому времени уже успела остыть.

Затем он вновь взглянул на Рана.

— Не могли бы вы попросить мастера Стевануса вернуться сюда и перевязать мне руку. Надеюсь, мы договорились, что не будет ни прижиганий, ни кровопускания.

Ран, выпрямившись, вытер полотенцем руки. Челюсти его были крепко сжаты, в глазах тлел неприкрытый гнев.

— Вы очень упрямый человек, сир. Всегда были таким. Однако если вы твердо намерены выехать завтра...

Король позволил себе зевнуть, и в этом не было никакого притворства.

— Я совершенно не желаю обсуждать этот вопрос, милорд. — Мне дали изрядную дозу болеутоляющего, так что, боюсь, я начинаю терять сознание. Пожалуйста, приведите мастера Стеванус.

— Я схожу за ним, сир, — воскликнул Катан.

Ран ушел в тот же миг, когда Стеванус вернулся в комнату вместе с Фульком, но Полидора к королю не допустили. Райс-Майкл слышал их сердитый спор в коридоре, но постепенно голоса отдалились, и Стеванус подошел к нему.

— Никакого прижигания и никаких кровопусканий, — велел Райс-Майкл, протягивая мокрую руку. — Просто высушите ее, перевяжите и вновь замотайте повязкой. Я хочу уехать отсюда как можно раньше поутру.

Он заснул даже прежде, чем Стеванус закончил перевязывать ему руку, в надежде, что Катан с Фульком проследят, дабы воля короля была исполнена, и остаток ночи проспал глубоко и без сновидений. Он был бы рад узнать, что Целитель Кверон уже двинулся в путь, направляясь на встречу с королем и неся с собой надежду на избавление от боли, — но он не ведал об этом.

Глава двадцать четвертая

Предатели наглы, напыщенны, более сластолюбивы, нежели боголюбивы[1]

В Ремуте вести о ранении короля и об исходе поединка в Истмарке были получены ранним утром того самого дня, когда Райс-Майкл оказался в аббатстве святого Кассиана. И хотя войска уже двинулись в столицу из Arx Fidei и Картана, причем последних ожидали уже нынче к полудню, сановники дружно вздохнули с облегчением, собравшись в зале заседаний совета, чтобы прослушать отчет Рана о событиях в Кулликерне.

То, что король уцелел, судя по всему, благодаря помощи Судри Истмаркской, было воспринято почти как чудо, в особенности, когда они узнали, что графиня сумела выстоять не только принца Миклоса, но и против его спутника, которым был, вероятно, никем иным, как переодетым Мареком Фестилом.

— Но чего же они, по-вашему, добивались? — спросил отец Секорим, рассеянно потирая глаза, поскольку, как и всех остальных, его подняли с постели

---

[1] 2-е Тимофею 3:4

с прибытием гонца, которым оказался рыцарь по имени Генри Резерфорд.

Хьюберт лишь развел руками в ответ, радуясь, что в полутьме никто не заметит на его лице раздражения. Секориму предстояло еще многому научиться, прежде чем он сможет сравниться с Полином.

— Если бы они добились своего, то, уверен, прикончили бы короля на месте, — пояснил он. — Однако я сильно сомневаюсь, что именно в этом заключался их замысел. Скорее всего, они добивались смерти Судри Истмаркской, урожденной Рорау, которую считали предательницей, после того как она вышла замуж за графа Истмаркского. Правда, я бы лично сказал, что это *Истмарк* предал своих, породнившись с Дерини, — он вздохнул, — но едва ли нам сейчас следует обсуждать этот вопрос, поскольку мы узнали обо всем спустя пятнадцать лет после того, как эта свадьба состоялась. По крайней мере, гадина теперь мертва.

Таммарон, заслышав подобную грубость, удивленно поднял брови, но Ричард лишь усмехнулся, ибо был столь же хитер, как его отец, но отличался еще большей безжалостностью.

— Значит, Миклос мертв, а Марек сбежал в свою нору зализывать раны и держать ответ перед братом Миклоса, — промолвил Ричард с волчьей усмешкой. — Это означает, что король все же вернется домой.

— Пока королева не разрешилась счастливо от бремени, — резко заметил Таммарон, — вам лучше надеяться, что король благополучно вернется в столицу, и не рассчитывать на это, пока мы своими глазами не увидим, как он въезжает в городские ворота. Я лично не успокоюсь ни на миг, пока мы не удос-

товеримся, что Марек действительно вернулся к себе, а Кулликерн занят войсками Истмарка.

Ричард, зевнув, поднялся, изображая на лице равнодушие и скуку.

— Господа, можете продолжать эту беседу до самого утра, если пожелаете, но лично я хотел бы еще пару часов поспать. Пока король не вернулся, на мне по-прежнему лежит ответственность за город и за войска, которые должны прибыть к полудню.

После ухода Ричарда остальные также потянулись к выходу, а Хьюберт, взяв письмо Рана, сам перечитал его, взвешивая каждое слово, ибо Ран всегда очень точно выражал свои мысли. Миклос Торентский сполна поплатился за свое предательство, но это лишь подчеркивало масштабность заговора, в котором участвовал Димитрий, и теперь Хьюберт беспокоился, насколько далеко могла распространиться эта зараза.

В особенности встревожило его то, что Марек лично встречался с королем. Хотя Ран придерживался того мнения, что они с Миклосом прежде всего стремились покончить с леди Судри. Тем не менее, памятуя о прошлом Халдейнов, Хьюберт невольно задался вопросом, только ли магия Судри помешала Мареку напасть и сокрушить своего соперника Халдейна. Менее всего его встревожили слова Рана о том, что король при падении повредил себе руку.

* * *

В это самое время Мареку предстояло испытать на себе силу гнева короля Торента, аудиенции с которым он дожидался сейчас в освещенной факелами приемной с двумя своими спутниками. Ему уже

пришлось вытерпеть гнев и слезы своей супруги в Толане. Козим, зная горячий нрав короля Ариона, посоветовал ему сперва послать гонца с письменным донесением, а Валентин вообще не хотел ехать, но Марек настаивал на том, чтобы лично сообщить правителю печальные вести. В Белдор они прибыли через королевский Портал, и по их траурным одеждам, видя отсутствие Миклоса, слуга тотчас догадался о происшедшем и провел их в самую строгую из приемных Ариона, где оставил томиться на целый час, не предложив ни присесть, ни выпить чего-то освежающего с дороги.

Наконец дверь распахнулась, и, взъерошенный со сна, в комнату вошел король Арион. На нем был черный шелковый халат, ноги оставались босы, а длинные волосы, еще более светлого оттенка, чем у Миклоса, рассыпались по плечам. Козим, который долгое время был вассалом Ариона, лишь завидев искаженное от ярости лицо сюзерена, рухнул на колени, ударяя лбом об пол и не смея даже приподняться. Старый Валентин поприветствовал молодого короля на военный манер и поспешил отвести взор, держась у Марека за спиной. Сам Марек, прекрасно сознавая грозящую ему опасность, все же осмелился приблизиться к королю и опустился на колени, целуя подол королевского одеяния.

— Как ты посмел показаться здесь? — прошептал Арион и, выдернув полу халата из рук Марека, отступил на шаг. Вокруг головы его тут же вспыхнул магический нимб, и глаза в свете факелов сделались почти бесцветными. — Разве я не предупреждал, что еще не настало время для решительных действий? Разве я не говорил о том, сколь безумна вся эта затея?

— Сир, это не совсем вина принца Марека, — осмелился вмешаться старый Валентин.

— Молчать! — скомандовал Арион. — Это я буду решать, где вина Марека, а где нет.

В наступившем молчании Марек осторожно осмелился поднять глаза, но по-прежнему остался на коленях, скрестив руки на груди, изображая покорную почтительность. Король был всего на пять лет старше Марека, однако производил впечатление человека гораздо более зрелого и умудренного опытом, — и обладал куда большими магическими способностями, нежели Марек когда-либо мог надеяться достичь. Миклос также был искусным адептом, но использовал свою магию слишком небрежно. Арион же обладал стальной волей и сосредоточенностью, и хотя гнев Ариона страшил Марека, тот сознавал, что у него есть лишь единственный шанс вновь завоевать прощение и даже доверие короля.

— Сир, я молю вас о милосердии, — прошептал он, устремляя взор на правителя. — Если вы сочтете, что это моя вина, то я готов подвергнуться любой каре, которая покажется вам справедлива... и даже с радостью приму смерть, если таково будет ваше решение. Я любил Миклоса, как брата, которого у меня никогда не было и теперь уже никогда не будет. Мы вдвоем разделяли одну и ту же мечту, и оба ошибались. Мы всего лишь надеялись испытать Халдейна с расчетом на будущее, единственной нашей целью было уничтожить предательницу Судри Рорау. Но и она, и Халдейн отреагировали совсем не так, как мы ожидали. Она...

— Ты что, осмелишься заявить мне, будто это *Судри* одолела моего брата? — воскликнул король. — Это невозможно!

— Я знаю, — дрожащим голосом отозвался Марек, — и все же магия сыграла свою роль. Она словно передавала силу или знания, или *нечто* еще Халдейну. В моем сознании вы прочтете истину. Я *не знаю*, как это произошло. Вы знаете, что я не могу лгать вам.

Глаза Ариона сверкнули, точно озерца ртути, лишая Марека остатков воли, и он навис над ним, словно ангел мщения. Не утруждая себя словами, король послал мысленную команду Козиму, который со страхом поднял голову, наблюдая за происходящим. Целитель торопливо подбежал к королю, опустился на колени позади Марека, дабы подготовить его к касанию короля, и готовый помочь при первой же необходимости.

— Предупреждаю тебя по чести, Марек, если попытаешься сопротивляться, то я могу нанести твоему мозгу непоправимые увечья, — сказал Арион, сильными пальцами обхватывая голову Марека и прижимая большие пальцы к вискам. — Я так зол, что не могу обещать быть с тобой мягким.

Марек обреченно закрыл глаза, готовый стерпеть все, что необходимо. Руки его безвольно упали по бокам, в знак полной покорности. Он мгновенно опустил защиты, почувствовав мягкое касание разума Целителя, расслабился всем телом и вошел в легкий транс, опускаясь на первый уровень пассивной готовности. Затем разум Ариона, точно ледяной кинжал, вонзился в его сознание, с хирургической точностью обнажая все воспоминания, имевшие отношение к Миклосу за последние две недели, все догадки и впечатления о Райсе-Майкле Элистере Халдейне, о Судри Истмаркской, урожденной Рорау, которая предала своих родных и стала причиной гибе-

ли Миклоса... все его самые темные воспоминания и глубинные страхи...

Арион погружался все глубже, коснувшись теперь истории с Димитрием и его таинственной гибели, и растущий дискомфорт Марека перешел в настоящую боль, но поскольку он отдал всю власть над собой Козиму, то теперь мог лишь довериться Целителю, который помог ему пересечь этот порог и перейти в бессознательное состояние, ибо Арион не прекращал своего натиска, желая убедиться, что Марек отдал ему все мысли и воспоминания, имевшие хоть какую-либо значимость.

Первое, что ощутил Марек, помимо тупого покалывания в висках, было то, что он лежит на коленях у Валентина, силясь отдышаться.

Рядом на корточках сидел Козим, одной рукой по-прежнему касаясь Марека и одновременно передавая королю воспоминания о посмертном считывании мыслей Миклоса, которое они вдвоем совершили после его гибели. Марек услышал голос Ариона, прежде чем увидел его, — приглушенное рыдание, донесшееся из ближайшей оконной ниши, где таилась темная тень, едва освещенная мерцающими отблесками факелов.

— Арион, — прошептал он, пытаясь сесть, несмотря на предупреждающий шепот Валентина.

Это усилие вызвало у него приступ острой головной боли, которая отнюдь не прошла в тот миг, когда король, обернувшись, уставился на него сверкающими от ярости глазами.

«Ничего не надо говорить, — предупредил его Козим, одновременно стараясь унять боль, терзавшую Марека. — *Он сознает, что это не совсем ваша вина. Но это не смягчает боль утраты.»*

— Сейчас мы ни о чем не будем говорить, — промолвил Арион негромким, тусклым голосом, и этот тон его был куда более пугающим, чем любая вспышка гнева. — Возвращайся к моей сестре, постарайся утешить ее, насколько можешь. Привези сюда тело моего брата для похорон, но не смей являться через Портал. Двигайся обычной дорогой, с должным эскортом, и путь ваш пусть займет не меньше недели. Может быть, тогда я найду в себе силы быть вежливым с тобой.

С этими словами он развернулся и ушел, и черный шелк в последний раз взметнулся в дверях, оставив после себя ощущение безысходного мрака. Несколько мгновений Марек не осмеливался пошевелиться, и лишь затем неуверенно покосился на двоих людей, которых оставил с ним король.

— Козим, он когда-нибудь меня простит? — спросил он.

Целитель опустил седую голову.

— Вам еще долгое время лучше не рассчитывать на его поддержку, друг мой, — промолвил он негромко. — Никогда не видел его в таком гневе. Сейчас он сердится лишь на вас одного. Но когда гнев его обернется также против Миклоса и Халдейна, возможно, он сумеет смириться с происшедшим. Полагаю, теперь ясно, что мы значительно недооценивали Халдейна, даже если это не он лично убил Миклоса.

— Рано или поздно я с ним посчитаюсь, Козим, — воскликнул Марек. — Однако даже если магической силой я его превосхожу, мне все равно понадобятся войска, чтобы укрепить отвоеванный престол. А солдат я могу получить лишь от Ариона.

— Возможно, со временем вам удастся заслужить его поддержку, — ответил Целитель. — Но пока будьте благодарны судьбе и за то, что он сохранил вам жизнь и здравый рассудок. Вы сможете подняться на ноги?

— Полагаю, что да, — промолвил Марек, и Валентин помог ему встать.

— Тогда давайте исполним волю короля и вернемся к принцессе Кариссе.

— Хорошо, — прошептал Марек, дрожащей рукой проводя по глазам. — И да падет проклятье на голову человека, именующего себя королем Гвиннеда.

* * *

Наутро, как и в предыдущее свое посещение аббатства святого Кассиана, поутру короля разбудил перезвон колоколов, и он с трудом поднялся с постели, готовясь к путешествию. Ему отнюдь не улыбалось еще один день провести в седле, однако больше всего он хотел как можно скорее покинуть монастырь. Опухоль заметно спала, однако все тело его по-прежнему болело. Шея и плечи оставались напряженными, и он чувствовал, как вновь начинается лихорадка.

Утреннюю мессу он пропустил, настолько отвратительна была ему мысль о то, что служить ее станет священник *Custodes*, в особенности после благородной святости отца Дерфеля. Намеренно презрев советы Стеванус, ибо военный лекарь все же принадлежал к братьям-мирянам ордена *Custodes Fidei*, он выпил болеутоляющее на голодный желудок. От этого его начало слегка подташнивать, как и предупреждал Стеванус, однако у него совершенно не было ап-

петита, и король лишь с трудом заставил себя проглотить немного эля и хлеба, а затем вышел из-за стола и направился во двор, где Ран с Манфредом мрачно ожидали дальнейших распоряжений. Судя по злобному взгляду, каким одарил его Манфред, Ран уже успел поделиться с тем неприятными новостями, и Лиор также, похоже, был в курсе; к отряду *Custodes*, сопровождавших верховного инквизитора присоединился и брат Полидор.

Второй день пути прошел точно так же, как и первый, но Райс-Майкл с каждой минутой чувствовал себя все хуже. По пути через равнину Иомейра, он заставил себя немного поесть на привале, — по крайней мере выпить вина, чтобы подкрепить силы, — но жар делался все сильнее, а у него больше не было тациля, чтобы сбить лихорадку. Ран и Манфред ни на миг не оставляли его одного, а телохранители *Custodes* казались внимательными, как никогда. В особенности это относилось к Галларду де Бреффни. Когда они встали лагерем на ночь, Катан доложил, что сегодня вокруг королевского шатра было еще больше стражников, чем обычно, вероятно, чтобы помешать ему написать еще какие-то недозволенные бумаги.

Он поужинал в своем шатре вместе с Катаном и Фульком, поскольку не желал терпеть общество своих врагов еще и вечером. После ужина, несмотря на усталость, он попросил Катана под диктовку написать письмо Микаэле, поскольку накануне не имел такой возможности. Разумеется, в письме следовало быть чрезвычайно осторожным, поскольку множество чужих глаз станут читать его слова прежде, чем послание попадет к королеве, но он знал, что письма его доставят ей радость и утешение. Прежде чем они

закончили, Стеванус явился осмотреть его руку, а вместе с ним брат Полидор, отец Лиор и даже Ран с Манфредом, но за все это время никто не произнес и двух слов. Стеванус лишь обмолвился, что жар, похоже, усилился, по сравнению с утренними часами. Райс-Майкл решил, что бесполезно напоминать им, что именно Полидор отнял у него то единственное лекарство, которое могло бы помочь против лихорадки. Когда они наконец удалились, он улегся на походную койку и предался размышлениям, пока Катан при свете масляной лампы заканчивал письмо, а Фульк расстилал свой тюфяк у входа в шатер, готовясь ко сну. Стеванус оставил ему обычную порцию болеутоляющего, но Райс-Майкл пока не притронулся к чашке.

Снаружи шум лагеря постепенно затих, и доносились лишь обычные звуки ночи, да чуть слышное похрапывание Фулька. Когда Катан поднес королю перо и чернила, чтобы подписать письмо Мике, Райс-Майкл уже знал, какие следующие шаги ему надлежит принять, дабы обеспечить будущее своей семьи, ибо начал тревожиться, что либо по слабости здоровья, либо из-за козней озлобленных Рана и Манфреда, он может так никогда и не добраться до столицы.

— Прежде чем ты отдашь это письмо Рану, пожалуйста, принеси мне фибулу Халдейнов из плаща, — шепотом велел он Катану, дрожащей рукой подписывая письмо. — А когда вернешься, не тревожь меня, пока я сам не подам тебе знак. Тогда я расскажу, в чем дело.

— Хорошо.

Катан подал ему брошь и вышел, а Райс-Майкл, сжимая фибулу в кулаке, откинулся на постели, лего-

нько поглаживая большим пальцем острую застежку. Собравшись с силами, он погрузился в глубокий транс, отстраняясь от терзающей его боли и лихорадки, сжигающей тело. Вся его сила была сейчас сосредоточена на единой цели, и он точно знал, что надлежит сделать. Он не мог и не желал возложить полный вес наследия Халдейнов на плечи своего сына в столь юном возрасте, однако прекрасно сознавал, что должен проложить путь для раскрытия магического потенциала как у Оуэна, так и у второго сына, что должен был вскоре родиться у Микаэлы. И, возможно, именно Микаэле придется исполнить его замысел, если сам он окажется не в состоянии довести начатое до конца.

Используя фибулу как точку фокусировки для этой новой цели, точно так же, как они с Микаэлой прежде сосредотачивали в ней все свои чаяния и надежды, он создал в сознании необходимые чары и скрепил их своей магией, также, на более поверхностном уровне, закладывая указания для Микаэлы. Это отняло у него очень много сил.

Когда он наконец закончил, то весь трясся в лихорадке, и пот обильно выступил на лбу. Чтобы закрепить свое намерение и всецело подчинить его своей воле, он развернул фибулу и прижал ее к груди, застежкой наружу. Острая игла блеснула в свете лампы. Даже здоровая рука его дрожала, и ему пришлось придержать брошь перевязанной ладонью, чтобы не выронить ее.

Лучше всего было бы проткнуть иглой руку точно так же, как он сделал это, когда получал могущество из рук Дерини, но он сознавал, что на это сил не хватит, и не мог рисковать лишиться и второй руки, поскольку здесь не было Целителя, который мог

бы залечить рану. Поразмыслив, он коснулся острия иглы тем местом, где большой палец соединялся с указательным, затем перенес на участок кожи, где сходились мускулы и сухожилия от среднего и безымянного пальца, закрыл глаза — и с силой надавил.

Боль была резкой, но краткой, и казалась совсем слабой по сравнению с теми мучениями, что причиняла ему другая рука.

Он глубоко вздохнул еще раз, чтобы развеять чары. Когда он открыл глаза, то увидел Катана, который тихонько присел на край постели и во все глаза взирал на короля. Тот улыбнулся ему дрожащими губами и взглянул на золотую иглу, торчавшую между пальцами.

— Можешь вытащить ее теперь, если хочешь, — прошептал он и, поморщившись, протянул руку Катану. — Все сделано. Теперь главное, чтобы ты отдал ее Микаэле, если со мною что-то случится. И Глаз Цыгана тоже.

Катан взял его за руку, готовясь извлечь иглу, но при этих словах короля замер, испуганно взглянув на крупный рубин, украшавший мочку уха короля, а затем уставился ему прямо в глаза.

— Ты знаешь что-то такое, чего не знаю я?

Райс-Майкл шумно вздохнул, покосился на фибулу и жестом указал Катану извлечь заколку, негромко вскрикнув от боли, когда тот наконец сделал это.

— Спасибо, — прошептал он. — Нет, не то чтобы я предчувствовал какое-то несчастье. Я просто предпринимаю нужные меры предосторожности. Больше всего меня тревожит рука.

Он вновь сглотнул, и Катан, отложив фибулу, осмотрел два небольших ранки. Крови было совсем мало, и Катан сжал руку посильнее, чтобы кровь

смыла грязь, которая могла попасть в место прокола.

— Позволь, я этим займусь, — пробормотал он, смочив чистое полотенце в кувшине с водой.

Сделав это, он также промокнул влажным полотенцем взмокший лоб и шею короля, затем опустился на колени и прижал его руку к своей груди. В глазах его стояли слезы.

— Ты уже не веришь, что выживешь, да, Райсем? — шепотом спросил он. — Боже правый, что же с нами станется.

— Не знаю, — пробормотал Райс-Майкл. — Но сделай мне такое одолжение, положи фибулу в свою седельную сумку прямо сейчас. Надеюсь, что я стал таким мнительным просто из-за лихорадки, но хочу быть уверен, что она останется у тебя, что бы ни случилось.

Исполнив волю короля, Катан вернулся к своему господину, который улыбнулся ему с благодарностью.

— Спасибо. И еще одно я хочу сделать сегодня. Если я все же умру в дороге, то хочу, чтобы Микаэла знала, что последние мои мысли были о ней и о наших сыновьях. Я не хочу этого писать, потому что сомневаюсь, получит ли она мое послание. Но я *могу* оставить эти слова тебе, чтобы ты передал ей, если... если возникнет необходимость. Ты позволишь мне сделать это?

— Конечно. Чем я могу тебе помочь?

— Сперва дай мне болеутоляющее, что оставил Стеванус. Тогда я смогу спокойно заснуть, когда все закончу. Затем сядь у постели, чтобы я мог положить руку тебе на голову. Ты ничего не будешь помнить, пока не придет время. Я принимаю меры

предосторожности, поскольку разумный человек всегда стремится предусмотреть любые варианты. Но поверь, умирать я не собираюсь.

* * *

Другие люди сейчас также строили планы, о которых король даже не подозревал. В том самом лагере, где он не столь давно погрузился в сон под действием усыпляющих снадобий и собственного истощения, Ансель, Джесс, Тиег и значительно поредевший отряд «приграничников» собрался у Анселя в палатке, чтобы обменяться сведениями, которые им удалось добыть с тех пор, как они в полдень присоединились к королевскому отряду.

По первым наблюдениям выходило, что лихорадка причиняет королю куда большие страдания, чем прежде. Кроме того, он явно окончательно рассорился со своими военачальниками, а клирики *Custodes* теперь находились у него еще в меньшем фаворе, нежели раньше.

Никто не знал точных причин этого, однако многие ссылались на разногласия, вызванные тем, как лучше лечить короля. Военный хирург *Custodes*, некий мастер Стеванус, оставался главным лекарем при короле, но кроме того, появился и другой, из аббатства святого Кассиана, когда они нынче утром уехали из этого монастыря. По общему мнению, брат Полидор был абсолютно несносным, высокомерным типом, и даже *Custodes* были о нем не лучшего мнения. Тиег был особенно взволнован этими известиями, и очень обрадовался, узнав, что отец Кверон уже движется им навстречу, чтобы попытаться вмешаться в происходящее.

Именно в этот момент Кверон Киневан выбрался на свет Божий из подземного хода у подножия замка Кайрори, в нескольких милях к востоку, одетый, как простой монах. Ему вновь пришлось пожертвовать своей гавриилитской косой и выбрить обычную монашескую тонзуру. Миновав деревеньку рядом с замком, он неслышно проскользнул в сарай, где оседлал смирную каурую кобылу, и вывел ее наружу, оставив в сарае золотую монету и кусочек пергамента с печатью прежних владельцев Кулди. Тот, кто найдет ее поутру, отнесет послание деревенскому священнику, который прочтет: «Другу отца Джорема понадобилась эта лошадь, и он вернет ее при первой возможности».

Кверон нахлестывал кобылу всю ночь. Утро застало его на дороге в Валорет, и оттуда он двинулся к северу напрямик в сторону королевской дороги, чтобы успеть проехать как можно дальше, прежде чем найти себе укрытие на день. Он не хотел лишний раз попадаться на глаза посторонним, ибо хотя в своей коричневой рясе он ничем не отличался от монахов аббатства святого Ярлата, находившегося неподалеку, но породистая лошадь могла показаться отнюдь не подходящей для простого клирика.

Разумеется, и ему, и его кобыле требовался отдых, и все же Кверон досадовал на задержку, поскольку сознавал, что каждый проходящий час мог оказаться роковым для короля. По крайней мере, теперь они двигались навстречу друг другу. Если верить Анселю, чей доклад передал ему Камлин, прежде чем Кверон покинул убежище, с королевским отрядом он должен был встретиться в районе Эбора или даже Шииля, но до этого Кверону еще предстояло одолеть немало миль.

Глава двадцать пятая

Как разбойники подстерегают человека, так сборище священников убивают на пути[1]

Состояние Райса-Майкла поутру не улучшилось, но, по счастью, ему не сделалось и хуже. Хотя лихорадка терзала его по-прежнему, он настоял на том, чтобы вновь двинуться в путь. Аппетита все еще не было, и он лишь с огромным усилием заставил себя поесть.

Несмотря на увеличенную дозу болеутоляющего, рука ныла нестерпимо, и тело поочередно то билось в ознобе, то горело от жара. После полудня, когда кавалькада миновала крохотный монастырь на далеком холме, ему резко сделалось хуже.

Несколько часов он ехал словно в ступоре, склонив голову на грудь и накинув капюшон, чтобы укрыться от солнца, когда озноб внезапно перешел в легкие конвульсии. Цепляясь за луку седла, он сумел преодолеть первый приступ незаметно для окружающих, но час спустя это случилось вновь, и гораздо сильнее, так что ему пришлось стиснуть зубы, когда от спазмов спина внезапно принялась выгибаться, и

---

[1] Осия 6:9

голова запрокинулась назад, так что он едва не вылетел из седла.

— Райсем, что с тобой? — воскликнул Катан, подъезжая ближе и хватая поводья, тогда как Фульк поддержал короля за плечо.

Спазмы начали утихать к тому моменту, когда место Фулька занял Стеванус, ухвативший короля за запястье. Ран с Манфредом тут же остановили колонну и на рысях устремились назад, чтобы выяснить, что стряслось.

— Иисусе, он весь горит, — пробормотал Стеванус.

— Что с ним такое? — воскликнул Ран. — Сир, вы можете говорить?

Райс-Майкл слышал их, но слова не шли с языка. Спазмы понемногу прекратились, но в глазах у него стоял туман, а в ушах звенело, и ему стоило огромных усилий удержаться в седле.

— Надо доставить его в укрытие и сбить жар, — заявил Стеванус, с тревогой оглядываясь по сторонам. — Что тут есть поблизости?

— Мы еще в часе пути от Эбора, — заявил Манфред, посовещавшись со своим оруженосцем. — Он продержится на лошади все это время?

— Сомневаюсь, — отозвался Стеванус. — По-моему, милю или две назад мы проехали какой-то монастырь.

Отпустив запястье короля, он достал из-за плеча лекарскую сумку и принялся рыться в ней.

— Катан, сядь к нему за спину и проследи, чтобы он не свалился, иначе мы уже не сможем посадить его обратно в седло. Фульк, или кто-нибудь, принесите мне какой-нибудь жидкости в чашке — вода, вино, не имеет значения. Что угодно, чтобы растворить ле-

карство. Нет, не подходит, — пробормотал он, отбросив несколько маленьких пергаментных пакетов.

— Х-холодно, — выдавил Райс-Майкл сквозь стиснутые зубы. Почти вся сила его ушла на это единственное слово. — Весь г-горю.

Катан забрался в седло позади него и обхватил короля руками. Стеванус продолжал рыться в своей сумке, а Фульк, спешившись, бросился назад вдоль колонны. Вскоре он вернулся с маленькой чашей в руках.

— Тут у меня вино, — крикнул он, проталкиваясь к Стеванусу.

Тем временем двое рыцарей *Custodes* спешились и встали по обе стороны от лошади короля, удерживая его ноги в стременах и успокаивая разволновавшегося скакуна. Ран с Манфредом в тревоге переглянулись, когда короля вновь начала бить дрожь. Отец Лиор с отцом Маганом тоже поспешили подъехать поближе, чтобы выяснить, что происходит, а за ними появился и брат Полидор. Как только Фульк передал ему чашу, Стеванус высыпал туда содержимое двух пакетиков.

— Растворите это в вине и помешайте немного, чтобы порошок растворился, — велел он, а затем повернулся к королю и тронул его за плечо. — Сир, вы должны выпить лекарство. От него вы заснете, но зато прекратятся спазмы. Катан, помоги ему.

Фульк поднял чашу, и Райс-Майкл с помощью Катана сумел взять ее, но тут его пронзили новые конвульсии, и рука сжалась с такой силой, что хрупкая чаша разлетелась вдребезги, залив ему грудь вином. Его стащили на землю, прежде чем он сам свалился с седла. Началась суета, чьи-то руки хватали его, перекликались встревоженные голоса, раздава-

лись разноречивые приказы... А следующее, что он ощутил, была острая боль в шее, и еще один приступ, после чего волна тошноты накрыла его с головой, и мысли начали путаться.

— Проклятье, Лиор, я не хотел давать ему мерашу! — откуда-то издалека услышал он голос Стевануса, прежде чем тьма стеной навалилась на него. — Не знаю, как он отреагирует в таком состоянии!

Прежде, чем потерять сознание, Райс-Майкл еще успел испугаться, заметят ли окружающие, что он отреагировал на мерашу так, как положено Дерини, но спазмы, сотрясавшие все тело, не позволили ему додумать эту мысль до конца, а двойная доза мераши, впридачу к прочим лекарствам, быстро погрузила его в бессознательное состояние, и ему все сделалось безразлично.

* * *

Он не знал, как долго оставался без чувств, но когда, наконец, пришел в себя, то обнаружил, что лежит в полутемной прохладной комнате, и его окружают несколько женщин неопределенного возраста в темных одеждах с мягкими руками и добрыми лицами. Две из них омывали его обнаженное тело прохладной водой, тогда как третья накладывала холодные компрессы на пылающий лоб.

Широкие полотняные ленты на груди и на бедрах привязывали его к кровати. Словно сквозь туман он осознал, что руки и ноги его закреплены точно таким же образом. Казалось, что у него ноют все до единого мышцы и суставы.

Он с трудом выдавил стон, мечтая лишь о том, чтобы ему дали попить чего-то холодного и еще о

каком-нибудь снадобье, что притупило бы боль в висках.

— А, вы вновь вернулись в мир живых, — раздался бодрый женский голос, и четвертая женщина в черном присоединилась к своим подругам, и склонилась пощупать лоб короля под влажным компрессом. — Не пытайтесь шевелиться. Ваши лекари наложили эти повязки, чтобы удержать вас от конвульсий. Но теперь, когда вы пришли в сознание, мы должны постараться сбить лихорадку. Сестра Регина, снимите повязку с груди, чтобы мы могли его приподнять. Нам ведь не нужно, чтобы он захлебнулся.

Тут же на зов поспешила другая женщина, подав говорившей деревянную чашку. Монахини, обмывавшие его тело, отодвинули свои тазы и накрыли его до пояса простыней, а затем ослабили повязку, стягивавшую ему грудь. Несмотря на общее отупение, головную боль и слабость, Райс-Майкл с трудом сообразил, что находится, видимо, в каком-то женском монастыре, и его ангелы-хранители принадлежат к религиозному ордену. Мысли в голове ворочались с огромным трудом, и он осознал, что виной тому проклятая мераша, а не только горячка и раненая рука.

— Где Катан? — с трудом прошептал он, и невольно застонал, когда одна из сестер ласково приподняла его за плечи. — Катан.

— Один из ваших оруженосцев, да, сир? — прошептала женщина с чашей. — Сперва выпейте это, я его позову.

— Что там такое? — прошептал он.

— Это настойка, которую мы варим из ивовой коры, очень хорошо против лихорадки. Поверьте, это поможет.

— Голова болит, — выдавил он, когда чашку прижали к его губам.

— Это из-за горячки. Просто выпейте. Лекарство снимет и боль тоже.

У него не оставалось иного выбора, кроме как повиноваться, хотя пить он смог лишь крохотными глотками, с трудом шевеля пересохшими губами. От этого усилия он настолько ослабел, что вновь погрузился во тьму бесчувствия.

Когда он проснулся вновь, в голове слегка прояснилось, но все тело болело по-прежнему, и в особенности рука. Он почувствовал, что путы на груди, на руках и на ногах остались на месте, и чьи-то руки не слишком бережно мяли ему живот.

Он постарался с помощью своего дара установить личность человека, что так неласково обращался с ним, но эта попытка вызвала новую волну резкой боли и тошноты, и он осознал, что мераша по-прежнему сильна у него в крови. Нажатие в районе мочевого пузыря вызвало резкий приступ боли и, открыв глаза, он обнаружил, что его мучитель никто иной, как брат Полидор. Рядом стоял Стеванус, заметно встревоженный и чем-то очень недовольный.

— Что, больно? — спросил военный хирург почти с надеждой, в то время как Полидор продолжал обследовать его тело.

Райсу-Майклу пришлось несколько раз сглотнуть, прежде чем он сумел набраться сил и покачать головой.

— Мочевой пузырь переполнен.

После того как принесли, использовали и унесли прочь соответствующую посудину, Стеванус занял место Полидора и с хмурым видом коснулся лба пациента. В комнату вошли Катан и Фульк, а следом за

ними Манфред с Раном. У этих двоих вид был особенно сердитым. В комнате, как и прежде, царил полумрак, но теперь Райс-Майкл ощутил свет за тяжелыми занавесями. Интересно, какой сейчас день...

— Как вы себя чувствуете? — негромко спросил его Стеванус.

— А что, я должен чувствовать себя лучше? — спросил король.

На губах Стевануса мелькнула тень улыбки, и он убрал руку.

— Не нужно терять надежды. Лихорадка слегка спала, но у вас продолжались конвульсии, всю ночь и утро напролет. Рука воспалена, но этого и следовало ожидать.

Райс-Майкл попробовал свои путы и ненадолго прикрыл глаза.

— Меня, правда, нужно привязывать?

— Когда начинаются спазмы, то это довольно жуткое зрелище. Вы можете переломать себе все кости, так что, боюсь, повязки придется оставить.

— Как надолго?

— Пока конвульсии не прекратятся.

— Нет, как долго до ближайшего приступа? Стеванус, я что, от этого умру? — спросил он, пытаясь поймать взгляд лекаря.

Стеванус отвел глаза.

— Я... не думаю, что вы умрете от этого, сир, — отозвался он шепотом. — Но вот, я принес вам еще настойки из ивовой коры и успокоительное. Похоже, оно отчасти снимает спазмы. Катан, приподними ему голову.

Могло ли помочь успокоительное, им так и не удалось выяснить, поскольку желудок короля оказался не в силах удержать жидкость достаточно надолго,

чтобы она оказала свое целительное воздействие, и тело его вновь принялись сотрясать жестокие спазмы. У него начался приступ кашля, и наконец, Райс-Майкл потерял сознание. Когда он вновь пришел в себя, не ведая, сколько прошло времени, то вокруг постели вовсю звучали сердитые голоса, и он с огромным трудом смог разлепить веки, чтобы оглядеться по сторонам.

— С медицинской точки зрения, это именно то, что требуется, — твердил брат Полидор, в то время как Лиор удерживал за плечо рассерженного Стевануса. — Я хотел сделать это еще несколько дней назад, вы мне не позволили, и теперь смотрите, что происходит.

Манфред с хмурым видом держался чуть поодаль, а его оруженосец и двое рыцарей *Custodes* удерживали отчаянно сопротивлявшегося Рана, чтобы отец Маган мог вонзить тому в руку деринийскую колючку. Катан также был в комнате, но его удерживал Галлард де Бреффни, прижимавший кинжал к горлу оруженосца. Еще двое рыцарей *Custodes* удерживали за руки Фулька, который с беспомощным видом взирал на происходящее.

— Но он и без того слишком слаб! — пытался возражать Стевануc. — Если вы отворите ему кровь, то этого он точно не переживет.

Алая пелена вновь застила сознание короля, и конвульсии возобновились с новой силой, погружая его в беспамятство, и все же от этих слов Стевануса ужас ледяной рукой сжал его сердце. Они все-таки решили пустить ему кровь! Он запретил это Стевануcу и Рану, но, похоже, Лиор с Полидором ослушались даже их распоряжений. Огромным усилием воли, несмотря на то, что мераша по-прежнему лишала

его доступа к магическим способностям, Райс-Майкл сумел не поддаться последнему приступу конвульсий, но когда спазмы затихли, он уже начал сомневаться, не лучше ли ему было бы лишиться чувств, и не знать, что творится вокруг.

Ибо теперь они больше не спорили. Катан стоял на коленях справа от постели, поглаживая короля по лбу и заливаясь горькими слезами, а левую руку его внезапно пронзила жгучая боль... Повернув голову, он увидел, как Полидор поднимает окровавленный нож.

— Нет! — вскрикнул он слабым голосом, пытаясь отпрянуть, но Полидор уже ослабил жгут, мешавший кровотечению.

— Не-ет, — застонал он, когда горячая кровь потоком хлынула по руке, стекая в таз, установленный у него под локтем.

Но рыцарь *Custodes* жестко удерживал его за плечо, а отец Маган за запястье, чтобы помешать строптивому пациенту вырвать руку. Еще один рыцарь *Custodes* встал между Катаном и королем и схватил оруженосца за плечо. Стевануса нигде не было видно.

Ужас и чувство беспомощности охватили Райса-Майкла в тот миг, когда он понял, что сопротивление бесполезно. Все равно он попытался вырваться из своих пут с возмущенным стоном, но вынужден был смириться, когда Галлард де Бреффни с силой прижал его к постели, выдавливая воздух из легких, а остальные мучители навалились на дергающиеся конечности. От этого усилия кровь потекла еще сильнее, и даже перелилась через край чаши прежде, чем Полидор успел переставить ее на другое место. Осознав всю тщету своих усилий, король перестал сопро-

тивляться, Галлард ослабил хватку, а рыцари *Custodes* отпустили его плечи.

— Райсем, прости, я не сумел их остановить, — прошептал Катан, отворачивая лицо короля, чтобы тот не смотрел на происходящее. — Они бы не убили меня, ради Мики, но пригрозили, что разлучат нас с тобой, если я не перестану сопротивляться. Я не мог допустить мысли, что ты останешься страдать в одиночестве.

— Но зачем? — прохрипел Райс-Майкл. — Они все же решились убить меня?

— Ну, ну, сир, что за странные мысли, — промурлыкал Полидор, сжимая его предплечье, чтобы усилить ток крови. В руке он по-прежнему сжимал окровавленный нож. — Вы очень упрямый пациент, сами не знаете, что вам на пользу. Кровь выпустит все дурные гуморы, которые являются причиной болезни. Поверьте, мы точно знаем, что делаем.

Не в силах спорить со столь бесчеловечной логикой, Райс-Майкл беспомощно обвел взглядом комнату, и увидел, что Ран сидит на стуле у дверей с закрытыми глазами, затылком опираясь на стену. Рядом, положив руку ему на плечо, стоял Манфред и время от времени поглядывал на гофмаршала. Лиор также держался поблизости. А кровь Райса-Майкла продолжала течь по руке в подставленную чашу, и ее становилось все больше и больше, в точности, как описывал Джаван, когда *Custodes* отворяли кровь ему... Казалось, это было целую вечность назад.

— Ран, послушай меня, — окликнул Райс-Майкл так громко, как только сумел. — Ран, если они убьют меня... Я тебе сказал, что случится тогда. Не дай им сделать этого — для своего же блага, если не ради меня.

Манфред стиснул плечо Рана и презрительно усмехнулся.

— Не думаю, что он слышит вас, сир. Как бы то ни было, я не столь доверчив, как лорд Ран. Я вам не верю.

— Пусть Катан покажет вам этот документ, — предложил король.

— Кто угодно может подписать любые бумаги в своих мечтах, — возразил Манфред. — Полагаю, что вы блефуете.

— А если нет?

Манфред пожал плечами.

— Сир, как это ни печально, порой, несмотря на всю заботу лекарей, даже самые высокопоставленные пациенты не могут оправиться от столь серьезной болезни, как ваша. У нас будет полно свидетелей, что мы сделали все от нас зависящее, дабы вылечить ваше величество. Но было слишком поздно, и мы не сумели вас спасти.

— Но это убийство! — прошептал в отчаянии Райс-Майкл. — Более того, это святотатство. Впрочем, вы же уже убили одного короля, не так ли? Но, по крайней мере, Джавану позволили умереть на поле брани, с мечом в руке...

С отвратительной улыбочкой Манфред подошел к постели, безучастно глядя на кровь, бегущую по руке короля, и на уже почти доверху наполненную чашу.

— Я человек не мстительный, сир. Даю вам честное слово, что когда настанет время, вы можете умереть с мечом в руке, если пожелаете... С тем самым мечом, что держал в руке Джаван в его последние мгновения. Но это случится не сегодня.

По его знаку, брат Полидор отложил нож и чистым полотенцем зажал разрез, а затем приподнял руку короля, чтобы отец Маган мог унести чашу, полную крови. Когда они омыли рану, Полидор вновь перевязал ее, а затем велел Катану прижать пальцами повязку, поскольку они не хотели снимать путы.

— Благодарю вас, брат Полидор, — проронил Манфред. — Возможно, ваши услуги нам еще понадобятся сегодня ночью, если пациенту не станет лучше, но пока вы можете идти. Сир, я пришлю вам мастера Стевануса и лорда Фулька, после того как отец Лиор перемолвится с вами парой слов.

Отвесив Манфреду поклон, Полидор удалился, а за ним ушли и рыцари *Custodes*, уводя с собой одурманенного Рана. Когда дверь за ними закрылась, Лиор подошел к постели и с пренебрежением взглянул на чашу с кровью, стоявшую на столике у постели. Отец Маган невозмутимо собирал окровавленные полотенца и инструменты, раскладывая их на деревянном подносе.

— Какая жалость, что здесь нет ваших друзей-Дерини, сир, — мягким голосом промолвил Лиор. — Без сомнения, ваша королевская кровь им пригодилась бы для своих отвратительных обрядов. Но в монастырях принято этой кровью удобрять сад. Возможно, через год или два добрые сестры расскажут нам, превосходит ли кровь короля по своим достоинствам кровь простых смертных.

У Райса-Майкла все сильней кружилась голова, то ли от кровопотери, то ли от действия успокоительных снадобий, и потому он никак не отреагировал на слова священника. Однако Катан возмущенно воскликнул:

— О чем это вы говорите? Что за глупая ложь насчет Дерини?

— А вы разве не слышали об их кровавых ритуалах? — поинтересовался Лиор. — Разумеется, ведь вас не затронула их скверна. Я помню, как сам испытывал вас... Но всем известно, что Дерини якшаются с демонами, которые требуют крови от своих служителей. Насколько мне известно, для них королевская кровь почти столь же драгоценна, как кровь девственниц и младенцев, так что порадуйтесь, сир, что они не имеют доступа ни к вашему телу, ни тем более, к вашей душе.

Катан не нашелся, что ответить на это, а Райс-Майкл, сгорая от ненависти, отвернулся, чтобы не смотреть на Лиора. Дыхание его сделалось хриплым и прерывистым, а мысли путались.

— Кстати, — продолжил Лиор. — Вскоре я пришлю к вам священника. Уверен, что вы желаете исповедоваться и получить последнее причастие, поскольку находитесь на пороге смерти. Я бы предложил свои услуги, но почему-то сомневаюсь, что вы на это согласитесь. Полагаю, к отцу Магану это тоже относится.

На это Райс-Майкл смог лишь покачать головой.

— Ладно, я вам кого-нибудь подыщу. Доброй ночи, сир.

И они с Маганом удалились, унося поднос и чашу с кровью. Стеванусу позволили вернуться в комнату и вместе с ним вошел также Фульк, который в смущении опустился на колени у постели короля.

— Мне очень жаль, сир, — пробормотал военный лекарь с несчастным видом. — Я пытался их остановить. Сэр Фульк тоже пытался, но нас никто не пожелал слушать.

Райс-Майкл прикрыл глаза, чувствуя, что сейчас его вновь охватят конвульсии.

— Я знаю, — выдохнул он. — Вы ни в чем не виноваты. Катан...

Катан стиснул его ладонь в своих, и он ухватился за его руку, пытаясь бороться со спазмами, в то время как Стеванус и Фульк удерживали его за плечи. Затем он погрузился в тревожный сон, и даже не заметил, как день постепенно сменился вечером, а затем перешел в ночь.

Глава двадцать шестая

Ибо я уже становлюсь жертвою, и время моего отшествия настало[1]

Кверон въехал в расположение гвиннедского войска утром следующего дня. Он ожидал, что отыщет их гораздо южнее, но вскорости после рассвета узнал, где они встали лагерем, от крестьян, которые предложили ему позавтракать с ними.

— Да, отче, они там, у монастыря на холме, — сказала ему селянка, наливая свежего молока из кувшина. — Говорят, король заболел, и его отвезли к добрым сестрам.

Кверон улучил момент, чтобы прочесть мысли женщины, но она уже рассказала все, что знала. Попросив с собой немного хлеба и сыра, он оставил каурую лошадку и взял взамен у крестьянина серого ослика, куда более подходящего для монаха, а затем двинулся в путь, надеясь поесть по дороге и придумать, как лучше получить доступ к королю.

Монашеский наряд являлся отличным прикрытием. Прежде всего, благодаря своему преклонному возрасту, Кверон ни для кого не представлял угрозы и явно не мог вызвать подозрений у королевских

---

[1] 2-е Тимофею 4:6

стражей, но кроме того, монахов с радостью приветствовали под крышей монастыря любого ордена. Странствующий клирик всегда мог рассчитывать на то, что получит ужин и постель в обмен на новости из внешнего мира, позволив, таким образом, гостеприимным хозяевам проявить христианское милосердие. Кроме того, монахов порой просили выслушать исповедь и даже отслужить мессу, если в деревеньке не было своего постоянного священника. Конечно, просить пристанища днем было не столь убедительно, как явиться в монастырь под вечер, когда его непременно пригласили бы переночевать, но Кверон не мог терять столько времени в ожидании, и решил, что, на крайний случай, заставит ослика захромать, чтобы добиться своего.

Впрочем, ему не пришлось прибегать к подобным уловкам. Никто даже не окликнул его и не задал вопросов, пока он проезжал по лагерю и входил в ворота монастыря. Он спокойно провел своего ослика во внутренний двор. Там несколько вооруженных мужчин запрягали лошадей, рядом со строением, где, по всей вероятности, располагался странноприимный дом. Когда он отыскал конюшню и натянул поводья, навстречу, улыбаясь, вышла юная монахиня в черном платье и покрывале. Натруженными руками она взялась за поводья ослика и помогла Кверону спуститься на землю.

— Да хранит вас Господь, добрый брат. Добро пожаловать в монастырь святой Остриты. Чем мы можем вам помочь?

— Да хранит вас Бог, сестра. Могу ли я попросить у вас немножко еды для себя и моего четвероногого друга? Мне еще предстоит долгий путь до аббатства

святого Ярлата, и я не знаю, где застанет меня вечер. Мое имя — отец Донат.

— А я сестра Виннифред, — отозвалась она, приседая в поклоне. — Конечно, вы можете воспользоваться гостеприимством нашего дома, отче. Боюсь, что пища куда более скудная, чем обычно, поскольку у нас остановился король со свитой, но мы с радостью поделимся с вами тем, что имеем. Пойдемте, я покажу вам, где поставить вашего ослика.

Кверон, проследовав за ней во двор конюшни, постарался как можно лучше запомнить расположение монастырских строений, оглядываясь в поисках короля, но нигде не мог его заметить.

— Но скажите мне, что привело сюда его величество? — спросил он у монахини.

Та печально пожала плечами и потрепала ослика по шее, заводя его в просторное стойло, усыпанное ароматно пахнущим сеном.

— Боюсь, он очень болен, отче. Его привезли сюда накануне, и он был почти без сознания. Говорят, что не помогло даже кровопускание. Матушка аббатисса велела нам молиться за него, вчера вечером и нынче утром.

Потрясенный, Кверон положил ей руку на плечо, осторожно беря сознание под контроль, и, развернув ее лицом к себе, погрузился глубже в воспоминания монахини. Как оказалось, несмотря на то, что сестра Виннифред была в монастыре совсем недавно, но ей было известно обо всем не из вторых рук, поскольку именно она с несколькими другими сестрами ухаживала за королем сразу после его прибытия в обитель.

Именно от нее Кверон узнал, в каком состоянии был тогда король и что сделали для него в ее присут-

ствии. Раненой рукой никто не занимался, поскольку путешествие прервали из-за горячки и конвульсий. Кверон бы предпочел, чтобы от лихорадки королю дали таллицил, и мог бы предложить еще несколько деринийских снадобий, которые облегчили бы эти пугающие спазмы, однако отвар из ивовой коры также мог оказать свое благотворное воздействие, подобно таллицилу, и обычно помогал против конвульсий.

К несчастью, сестра Виннифред ничего не знала напрямую о кровопускании, хотя поговаривали, что королю в течение ночи отворяли кровь не единожды, — возможно, даже три или четыре раза. Это было тревожно и само по себе, но чуть раньше сегодня утром один из королевских военачальников стал расспрашивать сестре, не найдется ли где-то поблизости священника, — что показалось юной Виннифред довольно странным, поскольку в свите короля было немало клириков. Один из них даже отслужил мессу нынче утром, поскольку монастырский священник сейчас находился в отъезде. От этих новостей у Квернона по спине пробежал холодок. То, что королю искали священника, было худшей новостью, которую он только мог услышать, ибо означало, что король на пороге смерти. И как это похоже на Райса-Майкла, отвергнуть услуги священников *Custodes*... Кверон вспомнил, что ему рассказывали, как умирающий Алрой сделал то же самое, и принял последнее причастие лишь из рук своего брата Джавана.

Однако здесь таилась возможность получить доступ к королю, не просто как странствующему лекарю, но как священнику, который мог показаться вполне приемлемым для человека, что слишком хорошо осознавал пороки собственных священнослу-

жителей и потому не решился вверить свою душу их заботам на пороге смерти. Разумеется, изначально Кверон рассчитывал отнюдь не на это, и сейчас продолжал надеяться, что сумеет помочь королю и в качестве Целителя; по крайней мере, если ему уже и не удастся спасти королю жизнь, то он сможет хотя бы дать этой жизни более мирное завершение, подарив утешение дружеского присутствия даже в кругу врагов...

— Мне скорбно слышать о болезни короля, сестра, — промолвил Кверон негромко, качая головой и выпуская женщину из ментальных тисков, после того как стер все воспоминания о своем вмешательстве. — Так далеко от дома и от родных, должно быть, он счастлив обрести любовь и уход в вашем аббатстве. Что же касается забот о душе, то, полагаю, священники из его свиты в состоянии позаботиться об этом.

Она опустила взор и затеребила подол рукава.

— Я... не уверена, что он получил уже последнее причастие, отче. Сегодня утром один из его оруженосцев спрашивал у нас про священника. Увы, но наш отец Томас сейчас в отъезде. Чуть позже один из священников короля отслужил для нас мессу, отец Лиор его зовут, но вид у него был встревоженный и почти сердитый. И мне показалось... что он с братией не пользуется доверием короля. Наверное, именно поэтому они искали другого священника.

Кверон поднял брови.

— Так вы полагаете, он не желает видеть своих собственных священнослужителей? Но.. о, Боже, сестра, едва ли меня можно считать таким утонченным придворным священником, как те, к которым король, должно быть, привык, но, как вы полагаете,

ему по-прежнему нужна помощь? Для меня была бы большая честь предложить ему то утешение, что в моих силах, если он согласится принять его из рук скромного сельского клирика.

Сестра Виннифред улыбнулась с надеждой.

— Вы очень щедры, отче. Я отведу вас к людям короля. Может статься, его величество будет рад исповедоваться священнику, который его совсем не знает. Возможно, проблема именно в этом.

— Возможно, — согласился Кверон.

Вместе с сестрой Виннифред они вышли из конюшни и вернулись в центральный двор аббатства, а затем через дворик клуатра прошли в дом капитула. Именно там королевские военачальники расположились временной штаб-квартирой. Несколько рыцарей *Custodes* стояли на страже у открытых дверей. Мрачным взглядом они окинули престарелого монаха в коричневой рясе, который проследовал внутрь за хорошенькой сестрой Виннифред, молитвенно сложив руки на груди и склонив голову под капюшоном, но никто даже не окликнул его. По счастью, никогда прежде Кверону не приходилось лицом к лицу встречаться с теми людьми, которые сейчас были при короле, хотя большинство из них он знал по чужим воспоминаниям и описаниям.

— Прошу прощения, господа, — промолвила сестра Виннифред, робко заглядывая в приоткрытую дверь и кланяясь, когда мужчины обратили на нее внимание. — Сегодня поутру один из ваших солдат спрашивал насчет священника. К нам прибыл отец Донат, он остановился здесь по пути в монастырь святого Ярлата. Может быть, он сумеет вам помочь?

Жилистый черноглазый священник в одеянии *Custodes* отошел от группы собравшихся внутри лю-

дей и встал в дверях, — отец Лиор, догадался Кверон.

— Как вы сказали, вас зовут, отче? — спросил Лиор.

— Донат, — отозвался Кверон, низко кланяясь Лиору и почтительно отводя глаза. — Прошу простить меня, отче, но, возможно, сестра ошиблась... мне сказали, что нужен священник, однако среди вас я вижу нескольких священнослужителей.

За спиной у Лиора Манфред выразительно хмыкнул. Ран Хортнесский стоял рядом, вертя в руках вместительный кубок.

— Ну, Лиор, ваши молитвы были услышаны, — произнес Манфред. — Сомневаюсь, что для *него* это будет иметь значение, но вам, священникам, ведь очень важно, чтобы были соблюдены приличия.

У Лиора явно готов был сорваться с уст какой-то резкий ответ, но он сдержался и лишь, заложив руки за спину, вышел в коридор, поманив Кверона за собой.

— Пойдемте со мной, отче. Благодарю вас, сестра.

Пару минут спустя Лиор провел Кверона мимо стражников *Custodes* в маленькую тускло освещенную комнату, где стоял аромат благовоний и пчелиного воска, заглушавший слабый запах крови. Две неподвижных фигуры в походной одежде стояли на коленях по обе стороны от постели, а третий человек в черной тунике военного лекаря *Custodes* менял компресс на лбу у пациента. Хотя Кверон никогда не встречал этих троих, он сразу их узнал, — это были Катан, Фульк и Стеванус, — и тут же послал быстрый мысленный оклик Катану, который, единственный, мог догадаться, кто перед ним.

«Ничего не говори. Меня прислал Джорем.»

— Это отец Донат, — заявил Лиор, указывая на Кверона. — Как себя чувствует его величество?

— Он спокоен, — отозвался Стеванус, убирая компресс, и поднялся на ноги, избегая встречаться взглядом с Лиором. — Осталось... уже недолго.

Поджав губы, Лиор покачал головой, набожно сложив руки на груди.

— Право же, какие печальные времена, отче. Сегодня поутру я совершил над его величеством помазание, когда состояние его ухудшилось. Но он не пожелал говорить со мной, и не стал исповедаться, а также не получил виатикум. Если сумеете, постарайтесь убедить его примириться с Господом. Я бы счел это большой любезностью с вашей стороны.

— Для меня большая честь оказать утешение любой душе, что в этом нуждается, отче, — произнес Кверон негромко, удивляясь, что сожаление Лиора кажется вполне искренним... Хотя он прекрасно сознавал, что Лиор мало чем рискует, обратившись с просьбой к другому священнику выслушать исповедь короля, поскольку любые обвинения, которые тот может выставить против Лиора сотоварищи, должны быть сохранены как тайна исповеди.

— Не могли бы вы оставить нас наедине?

— Разумеется.

Окинув взглядом остальных присутствующих, Лиор жестом стал выгонять их из комнаты. Катан покорно поднялся, с трудом удерживаясь от слез, но задержался у изножья постели, когда Фульк, Стеванус и Лиор уже вышли наружу.

— Пожалуйста, отче, дозвольте мне остаться в комнате! Я сяду в уголке... Он был мне как брат, а королева — моя сестра.

— Не сейчас, сынок, — отозвался Кверон, подталкивая Катана за плечи к выходу — и в эти мгновения считывая в его сознании воспоминания о том, что произошло с королем. — Почему бы тебе не подождать снаружи с остальными? Обещаю, что позову вас, когда конец будет близок.

Катан кивнул, всхлипывая, и повиновался, поскольку Кверон успел дать ему на это мысленную установку. Когда он наконец вышел, священник закрыл дверь, а затем вернулся к королю.

Райс-Майкл лежал с закрытыми глазами, и дыхание его было прерывистым и хриплым, так что грудь едва вздымалась под белоснежной простыней. Путы уже не стягивали тело, руки лежали неподвижно, и обе были перевязаны выше локтя в подтверждение многочисленных кровопусканий. Катан был свидетелем четырех, хотя должно быть, сам король о них уже не помнил. Он по-прежнему еще возвращался в сознание, но все реже, и все более ненадолго.

Перекрестившись с обреченным вздохом, Кверон опустился на колени по левую руку от короля и стиснул его ладонь, другой рукой касаясь лба Райса-Майкла, производя глубокое считывание сознания, как это заведено у Целителей. Очень скоро он осознал, что всех его немалых талантов будет недостаточно, чтобы исправить происходящее. Руку по-прежнему можно было исцелить, и Кверон готов был рискнуть собственной жизнью ради этого, если бы подобное исцеление могло бы спасти жизнь королю, — но он ничего не мог поделать, чтобы возместить то количество крови, которое потерял король, или изгнать лихорадку, сжигавшую его последние силы.

По крайней мере, Кверон убрал боль — хотя бы это было ему по силам. Но в остальном, он оказался бессилен помочь измученной плоти, с которой уже готовилась расстаться душа Райса-Майкла Халдейна. Король слегка шелохнулся, ощутив дружеское прикосновение, хотя дыхание его по-прежнему оставалось затрудненным, и он не открывал глаза.

— Райсем, я знаю, что ты слышишь меня, — прошептал Кверон ему на ухо. — Это отец Кверон. Джорем прислал меня. Я очень сожалею, что не в силах исцелить тебя, но могу ли я помочь чем-то еще? Не пытайся говорить вслух, просто подумай об этом. Покойся в благодати Господней и позволь мне помочь тебе обрести мир в душе.

В душе Райса-Майкла слабой искоркой вспыхнула надежда, но тут же угасла под волной отчаяния, ибо он утратил всякую надежду выжить, когда они отворили ему кровь во второй раз. Перед третьим разом Манфред даже положил ему под руку меч Халдейнов, в подтверждение их намерений, хотя он был слишком слаб, чтобы удержать его. И все же, из последних сил, прекрасно сознавая, что ждет его вскорости, он послал свою мысль Кверону:

«Отец Кверон... Наконец-то утешение... Прошу вас, выслушайте мою исповедь, отче. Я не желаю отправляться к Господу нераскаянным, но не могу исповедоваться Лиору...»

«Возлюбленный сын мой...»

Мысли их слились и переплелись воедино, и там, где уже не было нужды в словах, король раскрыл перед духовным Целителем все свои страхи, опасения и недостатки, со смирением принимая оценку священника и искренне раскаиваясь в грехах. Ничего не утаивая, он также поведал Кверону, что сделал для

того, чтобы обеспечить в будущем передачу магического потенциала Халдейнов своему сыну... Оуэн, которому сейчас было четыре года, не должен был обрести эти способности сразу целиком, но лишь открыть себе доступ к ним и заложить основы на будущее. Отныне огромная ответственность возлагалась на Катана, ибо именно он должен был все рассказать и объяснить Микаэле, передав ей также последние прощальные слова умирающего супруга, и потому он не должен был ни делать, ни говорить ничего такого, что могло бы возбудить подозрения у королевских советников, чтобы они не помешали ему вернуться к сестре. Это все, что успел сделать король перед смертью, — в последний раз позаботившись о благе королевства, которым он никогда не правил по-настоящему. Теперь же он мог упокоиться с миром, во всем положившись на заботу Кверона, и тот наконец негромко произнес ритуальные слова отпущения грехов и осенил умирающего крестным знамением.

— *Ego te absolvo, in nomine Patris, et Filii, et Spiritus Sancti, Amen.*

— Аминь, — прошептал Райс-Майкл, наконец открывая глаза, и свет вспыхнул в них, ярко и сильно.

— Райсем, я принес тебе Святое Причастие, — прошептал Кверон, касаясь рукой крохотной дароносицы, которую прятал на груди под монашеским одеянием. — Желаешь ли ты сейчас принять виатикум? Это хлеб небесный, Тело Господа нашего, чтобы укрепить тебя перед дорогой.

Слишком ослабший, чтобы говорить вслух, Райс-Майкл кивнул, и слезы выступили у него на глазах, когда он вспомнил, что точно также умирал его брат Алрой, и тогда Джаван подозвал его самого к умира-

ющему, дабы в последний раз разделить с ним причастие.

— Позовите Катана, — с трудом выдохнул он. — И Фулька, и Стевануса, если они пожелают. Они служили мне... чем могли. Будь у меня больше времени, думаю, я бы по-настоящему завоевал их преданность... Но времени нет.

— Возможно, вы уже завоевали их сердца, — шепотом отозвался Кверон. — Я их позову.

Так он и сделал. Катан проскользнул внутрь, едва лишь Кверон открыл дверь, и Фульк со Стевануса с благодарностью проследовали за ним, повинуясь приглашающему жесту священника. Лиор с Манфредом, Раном и еще несколькими священниками Custodes попытались также войти в комнату, но Кверон преградил им путь, суровым взором окинув их всех.

— Он пожелал видеть только этих троих, господа.

— Но я должен быть там, — попытался настаивать Лиор. Лицо его на фоне черного одеяния Custodes сделалось пепельно-серым. Он понимал, что Кверон теперь знает о его преступлении. — Невольно я нанес королю обиду, и теперь желаю просить у него прощения.

— Полагаю, вам лучше остаться здесь и помолиться за него, отче... и за себя самого, — ровным голосом отозвался Кверон. — Он прощает вас, но не желает вас видеть.

С этими словами Кверон затворил дверь и вернулся к постели Райса-Майкла. Катан с Фульком встали с другой стороны, и Катан, опустившись на колени, осторожно вытащил из-под кровати меч Халдейнов, уложив его поверх тела короля, крестовиной к

груди, и ласково взяв короля за руку, опустил ладонь на рукоять. Это был символ веры и в то же время королевской власти. Стевануса Кверон велел стать рядом с ним, слева от короля. А затем он и сам преклонил колени и достал из-под монашеской рясы кожаный мешочек.

Крохотная серебряная дароносица, что находилась внутри, была совсем простенькой, без всяких украшений, но в глазах Кверона, который видел больше, чем просто физическую сторону вещей, она вспыхнула подобно солнцу, когда он достал оттуда маленькую освященную гостию. Держа ее у короля перед глазами, священник-Целитель произнес положенные слова веры, а затем повторил их на доступном всем языке, чтобы смысл их вполне дошел до присутствующих:

— Возлюбленный сын мой, се Агнец Божий, что взял на себя грехи мира. Получи эту пищу для пути твоего: хлеб небесный, что содержит в себе все радости мира, Тело Христа, дабы поддержать в тебе жизнь вечную.

Райс-Майкл едва слышно выдохнул «Аминь», и слезы блеснули на дрожащих ресницах, словно жемчужины, когда Кверон положил облатку ему на язык.

Оставив короля примириться с Господом, священник устремил взор на сияющий, как солнце, сосуд в своей руке, и бережно достал оттуда еще одну гостию, разломив ее на четыре части; одну дал Катану, другую — Фульку, третью — Стевануса, четвертую он взял сам, после того как почтительно прошептал на латыни:

— *Corpus Domini nostri Jesu Christi custodiat animam meam in vitam aeternam. Amen.*

Когда он касался поочередно каждого из присутствующих, то получил доступ в их сознание, и теперь, вознося благодарность Господу за причастие, соединил их ментальные потоки воедино, сплетая иное, безмолвное воззвание, призывая к незримым Сущностям, дабы засвидетельствовать уход того, кто вскорости станет на пороге Их царства. Это были те же самые Сущности, которых видел Райс-Майкл в час гибели Алроя, те же самые, что были свидетелями, когда Райс-Майкл принимал свое наследие; их же призывал множество раз Кверон как стражей, защитников и наставников... Они же провожали душу в мир иной. В душе Квернона печаль смешалась с радостью, когда он поприветствовал их, торжественно взывая и безмолвно приветствуя архангелов по именам, которые лишь отчасти отражали могущество и красоту своих носителей.

Рафаил, владыка ветров, ласковый и спокойный, воздушный, словно предрассветный туман, и властный, как бушующий шторм, распахнул прозрачные крылья, в которых отражались лучи солнечного света.

Михаил, владыка огня, — который более был сродни Джорему и его родичам-воинам, нежели Целителю Кверону, — он являлся преданным и верным защитником всех тех, кто живет своим мечом... или огнем разума.

Гавриил, покровитель самого Кверона, принесший радостную весть Благословенной Деве, преисполненный мощи и сострадания, подвижный и изменчивый, словно ртуть, неудержимый, как прилив, и непостижимый, как море.

И, наконец, Уриил, который проводил души умерших через Великую Бездну. Уриил, надежный,

точно скала, владыка земли, что поглотит любую плоть, но который ныне готов был принять душу. Незримые радужные крылья шелестели в воздухе вокруг Кверона, и он всем Четверым вознес благодарность за их появление и представил им короля.

Райс-Майкл не смог открыть глаз, но рука его чуть заметно стиснула крестовину меча Халдейнов. Он содрогнулся, дыхание со свистом вырвалось из горла, и Кверон благословляющим жестом начертал крест у короля на лбу, а затем накрыл его ладонь своей, склонив голову в почтении перед владыкой земным и Владыками Небесными, что ожидали его.

«Дражайший сын мой, ты, наконец, свободен, – прошептал он прямо в сознании короля. – Тело твое более не в силах служить тебе. Ты сражался, сколько мог, против сильных врагов, и отвоевал надежду на лучшее будущее для своих сыновей. Теперь в битву вступят другие. Ты же ступай в мире, когда будешь готов.»

Король ушел не сразу, он еще задержался ненадолго, устремивши мысленный взор глубоко внутрь, возможно, собираясь с силами для последнего прыжка в Неведомое, но Кверон ощутил тот миг, когда Райс-Майкл Элистер Халдейн, наконец разорвал последние узы, привязывавшие его к земной жизни.

Хриплое дыхание внезапно прервалось, рука под ладонью Кверона обмякла. Устремив взор на бледное лицо короля, Кверон на мгновение узрел его таким, каким должен был бы стать Райс-Майкл в жизни, – в алых одеждах, увенчанный большой державной короной, светлоглазый и пышущий здоровьем, уверенно взирающий на что-то поверх головы Кверона, – именно таким он восстал из ненужной более плотской оболочки и двинулся навстречу другому

молодому человеку, очень на него похожему, у которого были те же серые глаза и черные, как смоль, волосы, и корона с изображением бегущих львов. Этот второй юноша также указывал в ту сторону, куда взирал Райс-Майкл. Обернувшись, Кверон узрел другую фигуру, в черном плаще с капюшоном, которая протягивала руки к изумленному Катану. Ни Фульк, ни Стеванус, казалось, не сознавали происходящего. А в это время незнакомец опустил руки, словно желая показать то, что держал в ладонях, и Кверон вдруг узнал лицо, глубоко скрытое под капюшоном... То самое лицо, о котором он грезил много лет.

Камбер!

Он почти выдохнул это вслух, но едва лишь губы его разомкнулись, как видение начало исчезать, и призраки, закружившись в сверкающем вихре, с головокружительной скоростью исчезли вдали, в последний раз вспыхнув точкой слепящего света прямо над головой Райса-Майкла.

Все было кончено. Кверона била дрожь, и он глубоко вздохнул, осознав, что несколько бесконечно долгих секунд сдерживал дыхание. Катан, заливаясь слезами, смотрел в лицо королю и кивал. Остальные двое не шелохнулись, низко склонив головы.

— Пусть же Христос, что призвал тебя, ныне примет тебя, возлюбленный сын, — с трудом прошептал Кверон и медленно перекрестился, тщась унять биение сердца. — *Requiem aeternam dona ei, Domine...*

— *Et lux perpetua luceat ei,* — прошептал Катан, и остальные дрожащими голосами повторили за ним:

— *Kyrie eleison.*

— *Christe eleison, kyrie eleison...*

Глава двадцать седьмая

Видел я нечестивца грозного[1]

Чуть позже Кверон с Катаном вдвоем преклонили колена в монастырской церкви, и священник, как мог, постарался принести молодому человеку, утешение, прежде чем его покинуть. Катан больше не плакал, но по-прежнему, весь дрожа, закрывал лицо руками.

Кверон до сих пор не знал, что именно Камбер показал этому мальчику, хотя догадывался, что это имеет какое-то отношение к тому, последнему поручению, которое дал своему оруженосцу король. У него не было времени спросить об этом у ложа умирающего. Все другие молитвы, кроме Kyrie казались излишними в сравнении с простой святостью ухода Райса-Майкла, и Кверон прекрасно сознавал, что ему самому надо поскорее убираться из монастыря.

Вот почему, после того как Катан, заливаясь слезами, убрал меч Халдейнов обратно под кровать и, вытащив из уха короля Глаз Цыгана, спрятал серьгу у себя на поясе, дабы позднее передать ее Микаэле, Кверон оставил горюющих Фулька и Стевануса рядом с королем, а сам мысленно велел Катану как

---

[1] Псалтирь 36:35

можно больше выставить свою скорбь напоказ, чтобы оправдать их совместное бегство из этой комнаты.

— Король упокоился с миром, — сообщил Кверон Лиору и всем остальным, кто дожидался снаружи, выводя в коридор Катана, который захлебывался рыданиями. — Смерть была очень легкой. Сейчас я выведу этого юношу во двор, чтобы он слегка успокоился. Отче, не могли бы вы прочесть над покойником все необходимые молитвы?

Лиор вместе со свитой устремился в комнату, дабы лично убедиться в смерти короля, почти не обратив внимания на Кверона с Катаном. Теперь, когда короля не стало, у каждого были свои заботы, — Лиор трезво взвешивал следующие ходы, Полидор вынюхивал вокруг точно лисица, Манфред словно бы до сих пор не верил, что они и впрямь сделали это, тогда как Ран, напротив, слишком хорошо сознавал, что именно они натворили. Катану отнюдь не хотелось оставлять Райсема в таких руках, но умом он понимал, что эти люди уже ничем более не могут повредить королю.

— Я сделал все, что мог, но теперь мне пора, — шепотом сказал Кверон Катану, разорвав утешающий мысленный контакт. — Однако прежде чем уйти, я должен спросить, что именно ты видел там под конец. Это не праздное любопытство, я действительно должен это знать.

Катан поднял голову, не глядя на Кверона, весь еще во власти того, что ему довелось пережить.

— Это было просто напоминание о том, что я должен сделать для Оуэна, — отозвался он шепотом. — Райсем хотел, чтобы он получил фибулу Халдейнов. Серьга — глаз Цыгана — тоже очень важна, но

какая-то магия заключена и в фибуле. — Он покачал головой. — Больше я ничего не могу сказать.

— И не нужно, — мягко отозвался Кверон, ибо Райс-Майкл сам поведал ему о поручении, данном Катану.

Оруженосец с трудом сглотнул, затем взыскующе уставился на Кверона.

— Отче, вы можете сделать так, чтобы Мика узнала обо всем? Оуэн обязательно должен получить брошь, но никто об этом лишний раз не побеспокоится, ведь это не державный символ. Если... со мной что-то случится, и я с ней не увижусь, они ведь все равно должны будут отдать ей вещи Райсема, правда? Они ведь убили его, так неужто они откажут ей в столь малом утешении?

Он опять всхлипнул и отвернулся, покачав головой.

— Боже правый, стать вдовой в двадцать лет.

— Не тревожься, сынок, я ей расскажу обо всем, но ты должен добраться в столицу живым. Не дай им повода убить себя.

Катан кивнул, сглатывая слезы и обернулся на шум шагов: это Фульк вбежал в церковь, встревоженно оглядываясь по сторонам, затем направился прямо к ним.

— Отче, они вас ищут, — сообщил он шепотом. — Уезжайте скорее, вам слишком многое известно о смерти короля.

Кверон кивнул и, прошептав: «Спасибо», велел молодому человеку преклонить колена у алтаря.

— По крайней мере, его мы завоевали на свою сторону, — прошептал он, в последний раз сжимая руку Катана. — Если он уцелеет, не теряй его из виду, он еще будет вам полезен.

— То есть как это, «если уцелеет»?

— Конечно, то, что он сын Таммарона, может его спасти, и все равно он слишком много знает, как и Стеванус, как и ты сам. Будь очень осторожен.

— Постараюсь, — согласился Катан. — А как насчет вас?

Кверон хмуро улыбнулся.

— Твой Райсем своим кодициллом, возможно, нанес регентам смертельный удар. Но все это пропадет втуне, если мы не сможем добиться исполнения его последней воли. Я сообщу всем нашим о том, что здесь случилось, а они известят келдорских лордов. Затем каждому из нас надлежит исполнить свою роль, дабы все наши жертвы не оказались впустую.

Мрачно кивнув, Катан вновь воззрился на священника-Дерини.

— Я постараюсь, отче, и спасибо, что пришли. Я понимаю, что вы очень многим рисковали.

Улыбка Кверона смягчилась.

— Жаль только, что я не успел вовремя, дабы исцелить не только душу его, но и тело. Халдейнам не улыбалась удача в этом поколении. Возможно, Господь проследит, чтобы его сыновьям повезло больше.

— Катан вновь обреченно кивнул, и Кверон благословляющим жестом коснулся его макушки, одновременно посылая поток мысленной информации, которая может пригодиться Катану. А вслух произнес традиционные слова:

— *Benedicat te omnipotens Deus, Pater, et Filius, et Spiritus Sanctus. Amen.*

Катан с трудом выдавил положенное «Аминь» и слегка пошатнулся. От нахлынувших чувств в глазах у него помутилось, но когда он вновь пришел в се-

бя, то Керона уже не было рядом. Катан простоял неподвижно еще несколько минут, закрыв лицо руками, затем подошел к Фульку и опустил руку ему на плечо.

— Пойдем, нужно исполнить наш долг перед королем, — промолвил он негромко. — Если дозволят, я хотел бы побыть с ним сегодня ночью. Ты присоединишься ко мне?

Медленно кивнув, Фульк поднялся на ноги. Лицо его исказилось от горя.

— Это большая честь для меня, — произнес он едва слышно.

Все еще не в силах преодолеть боль потери, Катан все же попытался заставить себя думать о более практических вещах, пока они с Фульком шли по двору, направляясь к монастырскому клуатру. Керона он нигде не заметил, но у конюшен царила непривычная суета. Оставалось лишь надеяться, что пожилого Дерини не успели схватить, но когда он увидел, что всадники во весь опор мчатся за ворота аббатства, то догадался, что поиски таинственного отца Доната еще продолжаются. Однако старый Дерини был слишком хитер, чтобы так запросто дать загнать себя в угол.

Поблагодарив судьбу хотя бы за эту маленькую милость, он прошел дальше по крохотному дворику и направился в лазарет, туда, где покоилось тело короля. К изумлению своему, снаружи он не заметил никакой суеты, но когда они с Фульком вошли в комнату, то поняло, в чем дело.

Судя по всему, стражникам у дверей даже не пришло в голову, что не следует пускать внутрь оруженосцев короля. У смертного ложа двое монахов *Custodes* держали факелы, которые отбрасывали от-

блески на закаменевшие лица Манфреда и Рана, наблюдавших за тем, как Полидор накладывает швы на окровавленный обрубок, в который превратилась правая рука короля. Ему помогал отец Маган, а мастер Стеванус, хотя и находился поблизости, но не принимал участия в осквернении тела, и стоял, склонив голову, между Лиором и Галлардом де Бреффни. Отрезанная рука короля лежала в окровавленном тазу, распухшая и отвратительная, почти неузнаваемая.

Когда Катан с Фульком появились в дверях, все взгляды устремились на них, и Лиор торопливо подал знак Галларду в тот самый миг, когда Катан выдохнул: «Что вы творите?» — и бросился вперед, невзирая на то, что Фульк попытался удержать его.

— Лорд Катан, я должен просить вас не усложнять нам жизнь сверх необходимости, — обманчиво мягким голосом произнес Лиор, в то время как Галлард заломил молодому человеку руки за спину, а другой рукой ухватил его за шею, чтобы тот не мог высвободиться. — Ваша преданность королю несомненна, но теперь она ему уже не поможет. Сейчас я объявлю вам официальную версию случившегося. Если вы ее забудете, это будет стоить вам жизни. Лорд Фульк, вам я советую также слушать очень внимательно. Повторять я не собираюсь.

Фульк попытался было броситься Катану на помощь, но заслышав предостережение Лиора, застыл на месте, а Манфред, подойдя ближе, опустил тяжелую руку ему на плечо.

— Вспомни, кто ты такой, сынок, — произнес Манфред негромко. — Все это тебя не касается.

Фульк устремил на Катана беспомощный негодующий взгляд, но все же притих, равно как и второй

оруженосец. Физическое сопротивление было бесполезно. Катан перестал отбиваться и застыл в неподвижности, но Галлард, хотя и слегка ослабил хватку, все же не выпустил его.

— Вот так-то лучше, — промурлыкал Лиор, оглядываясь на Полидора с Маганом, которые продолжали свою отвратительную работу, и намеренно не глядя на Стевануса. — Так вот, как вам известно, король был окружен лучшими лекарями, которые заботились о нем изо всех сил, но болезнь его оказалась куда серьезнее, чем предполагалось вначале. Несмотря на самый тщательный уход, у него началась гангрена, и руку пришлось ампутировать. К несчастью, его величество не выдержал этой операции.

— Но это же неправда, — прошептал Катан. — Вы довели его до смерти своими кровопусканиями.

— Отнюдь нет, — вмешался Полидор, продолжая накладывать швы на мертвую плоть. — Разумеется, его величеству несколько раз отворяли кровь, дабы изгнать дурные гуморы, ставшие причиной лихорадки, но еще сегодня утром множество свидетелей видели, что он был жив после последнего кровопускания.

— Все равно, именно это его и убило, — упрямо повторил Катан.

Ран, нахмурившись, наконец, двинулся с места и встал прямо перед оруженосцем. Взгляд его прозрачных глаз был еще более холодным и безжалостным, чем обычно. Если прежде у них с Манфредом и имелись какие-то разногласия, то теперь, судя по всему, эти двое вновь действовали заодно.

— Если скажешь хоть слово за порогом этой комнаты, то тебя ждет так же судьба, будь ты хоть трижды братом королевы, — произнес он негромко. — У

короля воспалилась раненая рука, и ее пришлось ампутировать. Он ослаб из-за горячки и не пережил операции. Любой, кто скажет еще хоть слово, жестоко поплатится за это. *Любой.*

Катан в отчаянии зажмурился и с трудом сглотнул. Побледневший Фульк съежился под рукой Манфреда. Стеванус лишь покачал головой с закрытыми глазами и пошатнулся, так что Лиору пришлось подхватить его под локоть.

— Надеюсь, теперь все понимают правила игры, — ровным тоном произнес священник *Custodes.* — Лорд Фульк, полагаю, что ни вы, ни лорд Катан не сумели как следует выспаться прошлой ночью. Надеюсь, мастер Стеванус будет столь добр, чтобы дать каждому из вас снотворное... и сам также примет это снадобье. Я бы добавил, что оно должно быть довольно сильным. Займитесь этим, Стеванус, — велел он резко, отпуская руку лекаря. — До завтра нам никто из вас не понадобится, и я не желаю никого из вас видеть до отъезда в Ремут.

Возмущенный Катан вновь принялся отбиваться, пока Галлард не стиснул его горло с такой силой, что он лишился чувств. Задыхаясь, он с трудом пришел в себя и обнаружил, что лежит навзничь на полу, а Стеванус, приподняв его голову, прижимает к губам маленькую железную чашечку.

— Пей, — настойчиво прошептал военный лекарь, когда Катан упрямо сжал губы и попытался потрясти головой. — Если не выпьешь, мне придется уколоть тебя мерашей, у меня нет выбора.

От сознания собственной беспомощности слезы навернулись у Катана на глаза. Одним глотком он осушил чашу со снадобьем, а затем вновь лег на пол, чтобы отдышаться. Мгновенно волны забытья нака-

тили, размывая его сознание. Пару минут спустя Галлард и еще несколько рыцарей *Custodes* перенесли их с Фульком в соседнюю комнату, но ничего этого Катан уже не помнил.

* * *

А тем временем Кверон без помех выбрался из монастыря святой Остриты, стерев воспоминания у всех, кто видел его по пути, и проскользнув в монастырские ворота верхом на сером ослике, прежде чем кто-то успел принять решение задержать монаха. Добравшись до соседней деревеньки, он спрятал ослика в сарае, а сам, зарывшись в стог сена, вошел в транс, посылая срочный зов Джессу, Анселю или Тиегу, которые должны были оказаться неподалеку.

Именно Джесс первый установил с ним связь, хотя они договорились о том, чтобы подождать с полным докладом до того времени, когда Кверон сможет подыскать для себя более безопасное убежище. Тем не менее, вкратце он передал все, что узнал и чему стал свидетелем в аббатстве святой Остриты, умолчав лишь о последней исповеди Райса-Майкла. Джесс был поражен и согласился с тем, что весть о смерти короля следует немедленно передать в Келдор.

«Они ни в коем случае не должны трогаться в путь, пока не получат официальное известие, — указал Кверон, — *однако, могут воспользоваться этим временем, чтобы спланировать свои дальнейшие действия. Никто из нас не предполагал, что все случится так скоро.»*

«Так мы пошлем их в Ремут?» — спросил Джесс.

«Да, и чем скорее, тем лучше. Не сомневаюсь, что регенты постараются побыстрее короновать юного

Оуэна... Могут даже попытаться провести частную церемонию в узком кругу... И все же у них уйдет немало времени, чтобы установить новое регентство, учитывая, что Альберт с Полином сошли со сцены. Я также опасаюсь за Катана. Очень важно, чтобы он живым добрался в Ремут, – причины этого я подробно изложу Джорему, – но жизнь его отныне под угрозой. Подумай об этом, а я пока отправлюсь обратно в убежище.»

На этом он прервал связь и еще с четверть часа сидел неподвижно, особыми заклятиями восстанавливая силы и изгоняя усталость. Он подумал, не попытаться ли ему также наладить контакт с Джоремом или кто там еще может быть на связи в Зале Совета, но решил, что с этим можно подождать, а пока ему следовало уехать как можно дальше от монастыря, и оторваться от солдат, высланных для поимки пожилого священника по имени Донат, который принял последнюю исповедь короля. Выбравшись из сарая, он забрал своего ослика и без помех добрался до другой деревеньки, где перед этим оставил свою кобылу. Вновь забрав лошадь, он оставил золотую монету как плату за крестьянские штаны и рубаху, и за кусок хлеба, чтобы подкрепить силы, а к вечеру уже скакал по лесным тропинкам, которые через пару дней должны были вывести его к Кайрори.

Он собирался через несколько часов сделать привал и попытаться вызвать Джорема, но сейчас продолжал скачку, молясь лишь о том, чтобы все их усилия последних дней увенчались успехом, молясь за юного короля, умершего в аббатстве святой Остриты, и за другого короля, совсем еще ребенка, который спал сейчас в Ремутском замке, даже не подозревая о тяжести королевского венца, который только что унаследовал от покойного родителя.

Глава двадцать восьмая

Худой посол попадает в беду, а верный посланник — спасение[1]

Пока новый король Гвиннеда мирно спал в Ремутском замке, не подозревая еще, что уготовила ему судьба, — впрочем, если бы даже и знал, то со всей наивностью четырехлетнего ребенка едва ли был в состоянии осознать это, — женщина, считавшая себя хранительницей его благополучия, незаметно проходила мимо мужчин, что с шумом пировали в парадном зале дворца, при необходимости наполняя вином бокалы и пытаясь отыскать взглядом молодого рыцаря, которого она никогда прежде не видела.

О его прибытии Райсиль известили два дня назад. Джорем сообщил, что имя молодого человека сэр Роберт Эйнсли, и кодицилл, который он привезет с собой, обладает огромной ценностью для будущего династии Халдейнов. То, что король сумел не только написать приложение к своему завещанию, в котором лично назначил новых регентов, но также передал этот документ в замок прямо под носом у своих советников, было просто поразительно. В замке уже

---

[1] Притчи 13:17

вовсю шептались, что лорд Альберт погиб по пути в Истмарк, а отец Полин ранен так серьезно, что едва ли долго протянет.

Правда, слуги ничего не знали о том, что именно стряслось с Альбертом и Полином. Разумеется, Райсиль была в курсе, поскольку Джорем передал ей все, что они узнали через Димитрия. Она не сомневалась, что все известно также Хьюберту и прочим советникам... По крайней мере, сами они так считали. Райсиль до сих пор с трудом могла поверить, что королю удалось выйти целым и невредимым из этого приключения, и даже не навлечь на себя подозрений. Королеве она не сказала ни слова, равно как и не сообщила ей о ранении Райса-Майкла, хотя теперь опасалась, что рана эта оказалась куда серьезнее, чем все думали на первый взгляд.

Точно также ни словом не обмолвилась она королеве о гонце, которого ожидала сейчас, ни о том, *что* он должен был привезти с собой. Как только Райсиль получит послание, у нее еще будет на это время. Точно так же, как накануне и за день до того, она вглядывалась в каждого незнакомца, входившего в зал. Хотя ей было известно имя посланца, и то, что он достаточно молод, но девушка понятия не имела, как он выглядит. Оставалось лишь надеяться, что его появление не вызовет излишних вопросов, к примеру, почему он так рано вернулся в столицу из похода, а не остался с королем...

Когда с помощью ментальных сетей она уловила его след, то поняла, что беспокойство было излишне. На такого человека никто не стал бы оглядываться, будь он даже в самом своем парадном одеянии. Не то, чтобы он был непривлекательным, просто незапоминающимся. Крепкого сложения, почти на голо-

ву ниже большинства других мужчин в зале, в неприметном коричневом костюме для верховой езды, с позолоченными шпорами и белым рыцарским поясом, на котором висел добрый, но совершенно обычный меч, — он выглядел как любой из тех юных рыцарей, что постоянно являются ко двору, дабы наняться на королевскую службу. В дверях он затоптался неуверенно, с усталым и слегка раздраженным видом стянул с головы кожаную шапочку и обвел взглядом зал, судя по всему, пытаясь отыскать знакомых.

Подхватив полный кувшин вина, Райсиль взяла пустой бокал и начала продвигаться к выходу, изменив затем направление, когда заметила, что он медленно пошел вдоль оконных ниш, выходивших в сад. К тому времени, как она оказалась поблизости, он уже подыскал себе место на дальнем конце одного из длинных столов, и устало рухнул на скамью. Дружески улыбнувшись молодому рыцарю, она наполнила кубок и поставила его перед ним с поклоном, при этом успев легонько коснуться его руки, дабы, ощутив ауру молодого человека, убедиться, что перед ней и впрямь сэр Роберт Эйнсли.

— У вас усталый вид, милорд, — произнесла она лукаво, наполняя бокалы солдат, сидевших вокруг. — Проделали далекий путь сегодня?

— Ну, ночью я мог бы уехать еще дальше, — отозвался он с усмешкой и бросил на нее оценивающий взгляд, приветственно приподнимая кубок.

Вокруг послышались грубоватые возгласы одобрения. Допив вино, он с широкой улыбкой усадил ее к себе на колени, чтобы наградить жадным поцелуем. Она не слишком сильно сопротивлялась, позволяя ему получить удовольствие, — ибо сама вло-

жила эту мысль ему в сознание, — и воспользовалась возможностью проникнуть в его мысли. Послание было спрятано у него под туникой. Убедившись в этом, она внушила ему мысль о том, чтобы встретиться с нею чуть позже, если предоставится возможность. Юный Роберт раскраснелся от поцелуя, голубые глаза его зажглись огнем, и все же он без возражений отпустил девушку, когда она с чарующей улыбкой выскользнула из его объятий и вновь взяла в руки кувшин.

— Прекрасно для знакомства, сэр рыцарь. Но вам сперва нужно накормить свое усталое тело, прежде чем дать волю прочим аппетитам, — заявила она со смехом и поманила ближе мальчишку-разносчика с подносом, полном жареной свинины. — По крайней мере, Ремут может спать спокойно, когда знает, что на защите города стоят такие отважные рыцари.

Ухмыльнувшись, он вновь попытался схватить ее, но успел лишь поцеловать руку и, по-прежнему широко улыбаясь, принялся за еду, о чем-то весело переговариваясь со своими приятелями.

Райсиль, как только смогла, выскользнула из зала и направилась в королевскую часовню. Это было одно из тех немногих мест в замке, где оба они могли появиться, не вызвав ни у кого ненужных вопросов, и даже, если повезет, остаться наедине. В часовне не было сейчас никого, кроме старого солдата и пожилой прачки, которые молились у алтаря, и Райсиль также зажгла свечу, ненадолго преклонила колени, а затем скользнула в тень.

Он явился полчаса спустя, уже не столь уверенно держась на ногах, как раньше, но взгляд его оставался внимательным и все подмечающим. Он тут же заметил, когда она поманила его к себе, и вышел в не-

большую комнатку за дверями часовни. В голубых глазах его застыло удивление, и теперь она решила, что он, должно быть, моложе, чем ей показалось вначале, может быть, едва ли старше ее самой.

— У вас что-то есть для меня? — прошептала она, когда он взял ее за руку.

— Для королевы, — отозвался он. — Но как это вы решились так открыто заговорить со мной в зале? Мне велели соблюдать сугубую осторожность.

«Совсем не открыто, — прошептала она в его сознании, тут же взяв контроль над его разумом, прежде чем он в испуге успел бы закричать или отпрянуть. — *Я Дерини и служу королю. Вам не грозит никакая опасность. Отдайте мне то, что вы привезли с собой.»*

Не в силах сопротивляться, он сунул руку под тунику и достал запечатанный пергаментный лист, сложенный до размеров ладони. Но едва лишь она протянула руку, как дверь часовни отворилась изнутри.

К тому времени, как в проходе, прихрамывая, появился старый стражник, тяжело опиравшийся на палку, Райсиль уже вовлекла своего зачарованного сообщника в объятия с поцелуями, ничем не уступавшим тем, в зале. Опасный документ оказался зажат между ними, и Роберт мгновенно подчинился ее мысленному приказу, разыграв эту сцену, чтобы случайный зритель не заподозрил неладного.

Частью сознания она проследила за тем, как стражник, прихрамывая, с улыбкой прошел мимо, и успокоилась лишь тогда, когда шаги его затихли вдали... но внезапно обнаружила, что тело ее отвечает на поцелуи рыцаря, и сознание также оказалось вовлечено в эту игру. Когда она, наконец, отпрянула, сердце билось стремительно, готовое вырваться из гру-

ди. Теперь она ослабила контроль над его разумом и смущенно взглянула молодому человеку в глаза.

— Прошу меня простить, — прошептала она. — Надеюсь, вы понимаете, зачем я это сделала.

С глубоким вздохом он кивнул и из кожаного кошеля на поясе достал королевский перстень, который с кривой усмешкой сунул ей в руку.

— Я бы дорого дал за то, чтобы оказаться по-настоящему вашим избранником, — прошептал он. — Вы же вошли в мое сознание, да?

Она лишь молча взглянула на него и надела кольцо себе на палец печатью внутрь. Он осторожно кивнул.

— Я не испугался, — прошептал он. — Лорд Катан объяснил мне, что бояться нечего. Вы прочли в моей памяти все, что нужно?

— Мне не хватило времени и сосредоточения, — признала она. — Можно, я сделаю это сейчас?

Он усмехнулся с легкой иронией.

— А у меня есть выбор?

— Лучше, когда я сделаю это с вашего позволения, — отозвалась она. — Мне очень жаль, что пришлось так вас использовать, но я зашла бы и гораздо дальше, если бы это пошло на службу королю и его близким. Если это может вас утешить, то признаюсь, что мне это даже понравилось, несмотря на то, что я ужасно боялась, как бы тот стражник не вмешался.

Он улыбнулся еще шире.

— Тогда это утешает. Я полагаю... теперь вы сотрете все это из моей памяти? Я знаю, что вы должны защищать себя.

— Да, — произнесла она негромко, коснувшись его лица. — Но я могу оставить память об удовольствии... И сохранить свою собственную.

Ее поцелуй принес ему обещанное забвение, и одновременно она погрузилась глубоко в его сознание, отыскивая следы наставлений, которые передал рыцарю Катан, когда вручил ему документ, а также собственные наблюдения Роберта во время этой военной компании. Она осознала, что имеет дело с очень достойным молодым человеком, умным и добрым, который всегда держит слово и остается верен друзьям. А что касается пользы, которую он в будущем мог принести королю, то она отметила, что он согласился на поручение Катана даже прежде, чем тот коснулся его сознания и поместил в него необходимые установки.

У нее не было никакого права активно вмешивать его в их дела, особенно сейчас, когда равновесие оставалось столь шатким, а все они были весьма уязвимы, но обнаружила, что если предоставить ему такую возможность, то он с радостью сделает все, что в его силах, дабы помочь законному владыке Гвиннеда. И она решила дать ему этот шанс, прекрасно сознавая, что принимает такое решение по личным мотивам, а не только по необходимости. Оставив в неприкосновенности все воспоминания о том, что он сделал и по собственному выбору, и по принуждению, она лишь наложила запрет на разглашение любых сведений, которые могли бы повредить королю, так что даже под пыткой враги ничего не смогли бы выведать у Роберта Эйнсли.

Она также дала ему намек на то, кто она такая, и что делает в замке, хотя об этом он не мог бы ни говорить вслух, ни даже написать ни слова. Однако того, что произошло между ними двоими, она не коснулась вообще, и позволила себе разделить его радость, когда прервала ментальный контакт, но не их

поцелуй, дав тому возможность прекратиться самому по себе. Наконец он слегка отодвинулся и с изумлением уставился в ее карие глаза.

— У меня тысяча вопросов, но я знаю, что сейчас на них нет времени, — прошептал он, дрожащими пальцами поглаживая ее по щеке. — Когда я смогу увидеть тебя вновь?

С шумом сглотнув, она запрокинула голову, чтобы встретиться с ним взглядом.

— Ты должен вернуться к королю, после того как отдохнешь и выспишься, — прошептала она. — Нужно, чтобы рядом с ним были надежные друзья, а сановники ни в коем случае не должны заподозрить, что именно ты привез сюда этот документ. — Она легонько коснулась рукой своего лифа, куда спрятала пергамент. — Чем скорее ты отправишься обратно, тем меньше шансов, что тебя хватятся.

— Я отправлюсь в дорогу *ради него*, — согласился Роберт. — Но могу ли я увидеться с тобой до отъезда, хотя бы ненадолго?

— Тогда завтра утром постарайся выйти в сад, — ответила она. — Там у стены посажены розовые кусты. Мы часто гуляем по этой дорожке с королевой, и я постараюсь выйти туда поутру. Скажу, что ее величество пожелала вплести розы себе в волосы, но если случится так, что до полудня я не появлюсь, тогда уезжай.

Он кивнул и поднес ее руки к своим губам.

— Я буду там. Да хранит тебя Бог.

— И тебя также, — шепотом отозвалась она.

Он поцеловал ее ладони, затем губы, очень ласково и нежно, а потом отвернулся и по коридору двинулся к парадному залу, не желая навлекать на них опасность. Она проводила его взглядом, пока он не

исчез за поворотом, и вернулась в крохотную комнатушку, которую делила с другой служанкой.

Элспет уже спала, но Райсиль сделала ее сон еще более глубоким, и лишь затем зажгла лучину на крохотном столике рядом с кроватью. Было слишком поздно, чтобы идти к королеве прямо сейчас, это могло вызвать ненужные расспросы и подозрения, но она, по крайней мере, могла убедиться, что получила именно то послание, которого они и ожидали. Перстень она также отдаст королеве поутру, в подтверждение, что документ получен.

Вытащив пергамент из лифа, она сняла с себя все, кроме нижней рубашки, погасила лучину и улеглась рядом с Элспет, сжимая пергамент в ладонях, закрыла глаза и с глубоким вздохом погрузилась в транс. Выдохнув, перед внутренним взором она представила магический символ, именуемый *Ан Суиль-Диа*, то есть Глаз Божий, и устремила свое сознание к центру этой фигуры, похожей на лабиринт, погружаясь все глубже в транс. Достигнув полного сосредоточения, она мысленным импульсом проникла внутрь послания и медленно прочитала слова:

> Мы, Райс-Майкл Элистер Халдейн, милостью Божией король Гвиннеда, владыка Меары и Мурина, и Пурпурной Марки, и сюзерен всех земель Келдора, будучи в здравом уме и твердой памяти, объявляем сие неотзывным приложением к нашему последнему завещанию, и тем самым отрицаем любые прочие записи, которые могут противоречить этому приложению, и устанавливаем следующие распоряжения, которые не могут быть изменены или отменены, кроме как по единодушному согласию всех сторон, названных ниже, или их за-

конных наследников, каковые должны являться совершеннолетними в глазах закона.

В случае нашей смерти до совершеннолетия нашего сына и наследника, принца Оуэна Джавана Синхила, или до совершеннолетия ребенка, коим ныне беременна наша королева, если упомянутый выше Оуэн умрет прежде совершеннолетия нашего второго ребенка, мы назначаем регентами королевства Гвиннедского его милость герцога Клейборнского, известного также как Грэхем Мак-Эван, и достопочтенного графа Марлийского, Сигера, сына Сигера, которые должны исполнять свои обязанности совместно или поочередно, как предпочтут они сами, и как сие послужит во благо нашего королевства, независимо от того, какие еще регенты могут быть назначены в иных документах, подписанных нами, либо якобы подписанных нами. Сии назначения останутся в действии до времени, когда наследники наши достигнут совершеннолетия, либо пока названные регенты в случае их отставки или смерти не будут заменены их совершеннолетними наследниками.

Сим мы утверждаем, что полностью и безоговорочно доверяем указанным лордам Клейборнскому и Марлийскому и тем самым дозволяем любые военные действия, которые им покажутся необходимыми, дабы обеспечить и закрепить свою законную власть регентов при наших наследниках.

Скреплено нашей подписью и печатью в двадцать четвертый день месяца июня, на праздник святого Иоанна Крестителя, в год Господа нашего девятьсот двадцать восьмой, в замке Лохаллин, Истмарк, провинции Келдор, где в этот день все ниже-

подписавшиеся публично подтвердили нам свою вассальную клятву, дабы еще раз засвидетельствовать свою преданность и приверженность нашей высочайшей воле.

(подписано) Райс Р. (его печать).

Согласен: Клейборн (его печать)

Согласен: Марли (его печать)

Свидетель: Стэйси, графиня Истмаркская (ее печать)

Свидетель – отец Дерфель (священник)

Райсиль еще некоторое время не выходила из транса, закончив чтение документа, дабы полностью осознать все его невероятное значение. Как и говорил ей Джорем, документ был составлен блестяще, — конечно, он не гарантировал, что сановники не попытаются убить Клейборна и Марли, дабы устранить противников, но все же это могло подтолкнуть их как можно дольше сохранить жизнь королю, чтобы избежать подобной проблемы. Ибо если они откажут Келдорским лордам в том, что принадлежало им по праву, то в королевстве могла начаться гражданская война, — а Райсиль сомневалась, чтобы сановники на это решились, поскольку оказались значительно ослаблены, с утратой Удаута, Альберта и Полина.

Скорее всего, советники намеревались оставить Ричарда Мердока на посту коннетабля, поскольку именно Ричард был женат на дочери Удаута, но до тех пор, пока *Custodes* не разберутся со своими внутренними проблемами и не назначат преемников Альберта и Полина, которые должны еще получить одобрение королевского совета, скорее всего, сановники будут осторожны в своих поступках, а с помощью документа, который она держала в руках, на них теперь можно оказывать определенное давление.

По-прежнему пребывая в состоянии промежуточном между трансом и бодрствованием, Райсиль прижала руки к груди, решившись спрятать пергамент именно так, а затем, по-прежнему не выходя из транса, подумала, что сперва следует сообщить Джорему о том, что все прошло благополучно.

В этот час они должны были находиться на связи в ожидании известий, но, к ее удивлению, Джорем не просто пассивно ожидал вызова, а сам стремился наладить связь со своей стороны. Едва лишь контакт был установлен и закреплен, как Джорем всей своей мощью обрушил на Райсиль трагические известия, и она, в ужасе, с трудом удержалась от крика.

Новость о том, что гонец благополучно доставил в столицу кодицилл, оказалась мелочью перед той вестью, что документ этот уже полдня как вступил в силу, ибо королем Гвиннеда сделался отныне принц Оуэн. Райс-Майкл умер в каком-то безвестном монастыре по дороге между Шиилем и Эбором, его измучила лихорадка и раненая рука, но причиной гибели стало кровопускание, которое устроили ему по приказу *Custodes Fidei*, несмотря на то что Ран точно знал о существовании приложения к завещанию, и о том, *что* этот документ означает для него и для прочих регентов, едва лишь разнесется весть о смерти короля.

Теперь все изменилось. Несмотря на героические усилия Райса-Майкла обеспечить будущее своих сыновей, теперь его усилия могли сгореть в горниле междоусобиц и даже гражданской войны; а если от шока королева потеряет и этого ребенка, то юный король Оуэн Халдейн вполне может оказаться последним в своей династии.

Райсиль постаралась воспринять указания Джорема, но внутри у нее все словно заледенело от ужаса, и мгновенно оказался позабыт хрупкий восторг от краткого флирта с Робертом Эйнсли. Теперь все ее мысли были лишь о королеве. Когда Джорем разорвал контакт, она целый час лежала неподвижно, даже не пытаясь утирать горючие слезы, текущие по щекам, и прижимая к груди бесценный ныне пергамент, кончиками пальцев поглаживая королевский перстень и оплакивая крушение всех их надежд и мечтаний.

Наконец, она поднялась с постели и зажгла крохотный магический огонек, чтобы при его робком свете спрятать пергамент и королевский перстень под одной из деревянных половиц, наложив особые чары, которые не позволили бы случайным любопытным даже приблизиться к этому месту. Затем, в полной тьме, она вновь улеглась в постель, но прошло еще очень много времени, прежде чем Райсиль смогла забыться тревожным сном.

Глава двадцать девятая

Ибо ведомы ей тайны знания Господа, и возлюбила она труды Его[1]

На следующее утро Райсиль очень не хотелось идти к королеве, ибо ей совсем не улыбалась мысль что-либо скрывать от своей госпожи. Разбудил ее перезвон колоколов собора, разносившийся по всему городу, который вскоре подхватили колокола базилики святой Хиллари и других церквей поменьше. И хотя она знала, что весть о смерти короля еще не могла достичь Ремута, все же от дурных предчувствий в горле застыл комок. К удивлению своему, она вскоре выяснила, что скончался архиепископ Орисс, и ощутила легкую печаль, поскольку он являлся единственным из членов королевского совета, кто не был активно замешан в убийстве короля Джавана шесть лет назад. Теоретически, его преемник должен был быть избран собором епископов, но на самом деле именно Хьюберт, примас-архиепископ, решит, кто станет преемником Орисса, и выберет его по своим собственным соображениям выгоды, а отнюдь не на пользу династии

---

[1] Мудрость Соломонова 8:4

Халдейнов. Единственное, что во всем этом можно было усмотреть хорошего, это что после этой смерти положение в совете сделается еще более неустойчивым, в особенности, после того как сановники потеряли Удаута, Альберта и Полина.

Однако сейчас ей надлежало должным образом выражать скорбь по поводу кончины архиепископа и притворяться, будто она не знает об иной, куда более тяжелой утрате, постигшей Гвиннед далеко на севере. Она появилась в будуаре королевы и обнаружила, что Микаэла сидит, погрузившись в тяжелую задумчивость, и вертит в руках маленькое золотое распятие, в то время как Эйтни, одна из ее служанок, затягивает на своей госпоже темно-пурпурное платье. Этот наряд выбрала для королевы леди Эстеллан, в знак скорби по архиепископу Ориссу, и предложила ей также надеть черную вуаль с самой простой золотой короной в виде обруча. Однако когда Райсиль, как обычно по утрам, принялась расчесывать и заплетать волосы своей госпожи, то обнаружила, что печаль королевы вызвана не столько кончиной архиепископа, сколько тревогой за безопасность супруга.

И Райсиль, увы, не смела никоим образом обнадежить Микаэлу, ибо правду она была вынуждена скрывать, а дарить ложную надежду казалось ей слишком жестоким. Поэтому, чтобы отвлечь свою госпожу от печальных мыслей, а также приготовить ее к известию о полученном письме, Райсиль перевела разговор на молодого рыцаря, который накануне вечером ухаживал за ней в парадном зале. Это заинтересовало всех придворных дам, которые были рады поболтать с малышкой Лизель о ее новом увлечении, и за сплетнями и шуточками никто не заметил

облегчения на лице королевы, когда Райсиль мысленно сообщила ей, что именно этот рыцарь вручил ей искомый документ от короля. Показное смущение по поводу этой якобы начинающейся любовной истории также избавило Райсиль от опасности случайно намекнуть на другие, куда более трагические известия, что она получила позже ночью.

По придворному протоколу, все обитатели замка должны были присутствовать на утренней заупокойной мессе. По дороге в часовню, Райсиль успела передать Микаэле перстень короля и невольно закусила губу, ощутив радость своей госпожи, которая тут же поспешила надеть кольцо на палец печатью внутрь и молитвенно сложить на груди руки.

На время богослужения Райсиль смогла сосредоточиться на том поручении, которое дал ей Джорем накануне. Стоя на коленях рядом с королевой, которая молилась за благополучное возвращение мужа, стискивая в руках его кольцо, Райсиль помолилась за упокой души Райса-Майкла, а затем незаметно принялась воздействовать на сознание Микаэлы, подготавливая почву для печальных новостей, дабы смягчить ее неминуемую скорбь, когда придет весть о кончине ее возлюбленного Райсема... ибо ни в коем случае нельзя было допустить, чтобы королева потеряла ребенка, будущего наследника Гвиннедской короны.

Чуть позже, когда королева вернулась в свою гостиную, дабы, как обычно, вместе с придворными дамами заняться вышиванием, даже не подозревая о том, что сделала с ней ее служанка-Дерини, Райсиль ускользнула в сад. Там она принялась срезать цветы, неторопливо укладывая их в плоскую корзину и уходя все дальше по широким тропинкам, ведущим

вглубь сада. У беседки, увитой розами, она сделала вид, будто любуется алым бутоном, когда наконец Роберт присоединился к ней и обнял девушку за талию, ласково целуя в шею.

Она напряглась, застыла и отвернулась, готовая вмешаться в его сознание, дабы предотвратить взрыв эмоций, если сам он не сумеет скрыть свои чувства, и прошептала:

— Пожалуйста, не надо. У меня дурные вести. Король скончался.

Он мгновенно закаменел, и скорбь объяла его душу, но он ничем не выдал своих чувств, лишь крепче прижав к себе девушку и уткнувшись лицом ей в шею, скорее в поисках утешения, чем из нежной страсти.

— Это из-за его руки? — спросил он.

— Из-за его лекарей, — отозвалась она, поворачиваясь чтобы взглянуть ему в лицо. — Точнее следует сказать, из-за лекарей *Custodes*. Они пустили ему кровь, Роберт. Четыре раза за один день и одну ночь. Даже если бы это сделали единожды или дважды, это было бы слишком опасно, ведь он очень ослаб. Один из наших успел добраться до него перед кончиной... и это был Целитель... Но оказалось слишком поздно. Он умер вчера после полудня.

С трудом сглотнув, Роберт прижал ее к себе. Она чувствовала биение его сердца, но постаралась сдержать свои собственные чувства и, обняв его за талию, легонько потянулась к нему сознанием.

— Ты должен вернуться как можно скорее, — прошептала она. — Маленький король пока в безопасности, но нужно защитить лорда Катана. Он один из немногих, кто сможет дать королеве утешение, когда она узнает о смерти супруга... Но для этого он дол-

жен остаться в живых. Он это понимает, но горе может сделать его безрассудным. К тому же он, возможно, не сознает, сколь бесценна будет его помощь, когда келдорским лордам придется утверждать себя в качестве регентов. Ты должен отправиться к нему и постараться, если нужно, вразумить его. В твое сознание я вложила послание для него. Ты сам ничего не будешь помнить об этом, пока он не прочтет мои слова у тебя в памяти. У тебя хватит сил выдержать его прикосновение?

— Чтобы он использовал на мне свою магию? — спросил Роберт. — Он уже делал это прежде, и ты тоже. Так что мне уже поздно бояться, не правда ли?

Слегка отпрянув, она печально улыбнулась, легонько касаясь его щеки кончиками пальцев.

— Мой отважный рыцарь, — прошептала она. — Как бы я желала, чтобы мы встретились в не столь опасные времена, и мне совсем не по душе силой навязывать тебе свою волю.

— Дорогая моя, я с радостью сам предложу тебе все, что я есть и чем владею, — выдохнул он. — Будь ты Дерини или нет, тебе не нужно принуждать меня помогать нашему новому королю. Если ты думаешь, что я отказал бы тебе в помощи, то плохо же ты меня знаешь! Я хочу быть не просто орудием в твоих руках, однако я не такой гордец, чтобы отказаться помочь, если ты считаешь, что так будет лучше всего. Так что используй меня, как считаешь наилучшим, ибо я знаю, что ты делаешь это из самых добрых побуждений. Если это только будет в силах человеческих, я постараюсь доставить лорда Катана к королеве живым и невредимым. Скажи ей, что она может на это рассчитывать. — Он нахмурился. — Она ведь пока еще ничего не знает, да?

Райсиль покачала головой.

— Нет, и не должна знать, пока об этом не сообщат сановники. Она не сможет скрыть своих чувств, и тогда мой секрет неминуемо будет раскрыт. Кроме того, отсрочка дает мне время хотя бы отчасти подготовить ее. Сегодня я уже начала это делать. Ничто не должно повредить ребенку, которого она носит во чреве.

— И да поможет нам Бог, — прошептал он, ласково целуя ее в лоб.

Она использовала этот миг телесного контакта, чтобы поместить в его сознание послание для Катана, и затем сказала Роберту, вопросительно взглянувшему на нее:

— Ты должен постараться отыскать Катана и дать ему возможность прочесть твои мысли, — прошептала она. — Надеюсь, он попытается сделать это, как только увидит, что ты вернулся. И там в отряде должен быть еще один человек, который должен помочь. Он сам отыщет тебя. Как только Катан получит мое послание, повинуйся ему во всем, и постарайся, чтобы вы оба вернулись живыми и здоровыми. И королева, и я будем с нетерпением ждать вас.

И она поцеловала его, на этот раз без всякого обмана или мысленного вмешательства, просто позволив себе раствориться в его объятиях, наслаждаясь сладостной волной, что захлестнула их обоих, и он первым оторвался от нее, весь дрожа от сдерживаемой страсти, и взыскующе взглянул в золотистые глаза девушки.

— Когда я вернусь, Райсиль Турин, то буду просить твоей руки, — прошептал он. — Не давай ответа прямо сейчас, просто подумай об этом до моего возвращения. Мне все равно, кто ты такая, возмож-

но, я даже больше люблю тебя из-за этого. А я точно уверен в своей любви, Бог мне свидетель, и да сохранит он тебя в безопасности!

С этими словами он склонился, чтобы поцеловать ей руки, затем, взяв из корзины восхитительно алую розу, унес ее с собой, и двинулся прочь по тропинке, ни разу не оглянувшись. Райсиль рухнула на колени и разрыдалась над своими цветами, не в силах смотреть, как он уходит прочь, и гадая в душе, не пропадут ли все их усилия впустую... Документ, написанный королем, уже вступил в силу, но сумеют ли келдорские лорды добиться исполнения последней воли своего государя?

* * *

И для многих других в Ремуте приложение к завещанию короля представляло огромный интерес, однако о нем им предстояло узнать лишь несколько дней спустя. В то время как сэр Роберт Эйнсли галопом двинулся к северным воротам города, церковная процессия, окруженная эскортом *Custodes*, медленно и торжественно двинулась обратно в замок, отслужив в полдень заупокойную мессу по усопшему архиепископу Ориссу, тело которого покоилось ныне под транцептом собора в ожидании похорон, что должны были состояться два дня спустя. Мессу отслужил архиепископ Хьюберт вместе с ремутским помощником епископа Альфредом Вудборнским, а теперь благословлял прохожих, восседая на открытых носилках, обтянутых алой тканью, ибо именно таким образом он передвигался последние несколько лет, когда сделался слишком грузным, чтобы удержаться в седле.

Носилки покоились на плечах шестерых дюжих стражников, а сам архиепископ торжественно возвышался над толпой в черной епитрахили и золотой митре, украшенной самоцветами. В руке он держал епископский посох, для которого в носилках была сделана специальная подставка. Перед ним шествовал монах с распятием в руках и двое священников с кадильницей. По бокам ехали верхом лорд Таммарон и Ричард Мердок, оба в черных траурных одеяниях.

Когда процессия начала взбираться на холм, направляясь к воротам замка, они оба проехали вперед, а Хьюберт слез на землю лишь у входа в парадный зал и с удивлением обнаружил там Таммарона, который читал послание, которое только что доставил ему усталый гонец в накидке, украшенной гербом Рана.

— Думаю, нам лучше обсудить последние новости внутри, — произнес Таммарон, бросив на Хьюберта странный напряженный взгляд, и, сложив письмо, спрятал его в рукаве. — Это от Рана. Похоже, что с королем дела обстоят хуже, чем мы думали. Да, и кстати — умер Полин.

Когда они заперлись в апартаментах Таммарона, и Хьюберт в третий раз перечитал письмо, он швырнул лист пергамента на стол и со злостью потряс головой. Митру и епитрахиль он скинул еще раньше, и теперь восседал лишь в своем просторной пурпурной рясе.

— Наверняка это какой-то блеф, — произнес он. — У него не было никакой возможности составить дополнение к своему завещанию, а если бы он и сделал это, то никакой суд это не примет, по крайней мере, *наш* суд.

— Вы же прочли письмо Рана, — тусклым голосом возразил Таммарон. — Он своими глазами видел черновик. Если это не блеф — если оригинал был исполнен в нескольких экземплярах и засвидетельствован достаточным количеством людей... Тогда даже наш суд будет вынужден принять этот документ к рассмотрению, и у меня нет никаких сомнений, что келдорцы будут изо всех сил настаивать на этом. Я всегда говорил, что было ошибкой устранять герцога Эвана из регентского совета, а теперь мы вынуждены считаться с последствиями того опрометчивого шага. Прошу прощения, Ричард, но твой отец порой переходил все границы...

Ричард взял в руки письмо и вновь пробежал его взглядом, никак не отреагировав на слова о своем отце.

— Мы можем его заставить написать новое завещание, когда он вернется, — объявил он наконец. — Мы уже начали прикидывать список будущих регентов, которые должны заменить Альберта и Полина. Надо просто составить документ так, чтобы он железно отменял все прочие, которые могли быть подписаны прежде.

Таммарон пренебрежительно отмахнулся.

— Понятно, но Клейборна и Марли это не остановит. Они все равно примутся размахивать своим документом и пытаться заявить о своих правах.

Хьюберт со вздохом взял чистый пергамент и перо.

— Я пошлю за отцом Секоримом, — заявил он и начал писать. — После смерти Орисса в составе совета образовалась брешь, которую нужно заполнить как можно скорее, и уж точно до возвращения короля. Надеюсь, никто из вас не станет возражать, если

я назначу на это место Секорима? Конечно, по идее, его кандидатуру сперва должны были бы одобрить епископы, но они сделают все, как я им прикажу. Так что у нас в Совете окажется еще один человек, которому можно доверять.

Таммарон задумчиво посмотрел на архиепископа.

— А не его ли вы собирались поставить вместо Полина?

— Да, но если он будет всего лишь верховным настоятелем *Custodes*, то его можно изгнать из совета, а с архиепископом Ремутским уже никто ничего сделать не сможет. Другого верховного настоятеля мы найдем без проблем. Им может стать Лиор или, к примеру, Халекс, настоятель *Arx Fidei*. А пока у нас будет еще один голос в совете, чтобы оказать давление на короля, когда он вернется. Ричард, пожалуйста, передай это гонцу.

Когда Ричард вышел из комнаты, Таммарон неуверенно покосился на Хьюберта.

— Он сделал очень умный ход, наш хитрый молодой король, — пробормотал он. — Одной лишь опасности существования подобного документа достаточно, чтобы мы изо всех сил постарались сохранить ему жизнь. Теперь будут недейственны все наши прежние угрозы, покуда Оуэн не достигнет совершеннолетия.

Хьюберт вновь взял в руки письмо, взвесил его на ладони и поджал розовые губы с видом крайнего отвращения.

— Да, согласен, он бросил нам вызов, но думаю, вскоре он обнаружит, что ему нас все равно не перехитрить. Он полагает, что теперь может угрожать нам, но все его угрозы бессмысленны, покуда он

жив. А пока он жив, мы можем им управлять. Для короля существуют угрозы и похуже смерти.

* * *

Однако покойный король был уже недоступен ни для каких угроз. Воинский эскорт, что привез его в монастырь святой Остриты два дня назад, этим утром покинул аббатство уже как похоронный кортеж. Солдаты двигались молча, и тишину нарушало лишь поскрипывание кожаных доспехов, да звякание упряжи и всхрапывание скакунов. Монахи *Custodes* верхом на черных жеребцах возглавляли процессию. Один нес распятие, а другой — королевское знамя, обрамленное черными ленами, ниспадавшими с древка.

Тело короля в деревянном гробу, покрытом похоронным платом, везли в повозке две вороных лошади в сопровождении десятка одетых в черное рыцарей *Custodes*. Поверх черного бархатного покрова лежал золотой обруч, который король носил на шлеме, и его меч. Гофмаршал со своим заместителем ехали по обе стороны от гроба как почетный караул, и оба, несмотря на жару, были в черных плащах, позаимствованных у *Custodes*.

Сэр Катан Драммонд, ближайший родич покойного короля, ехал чуть дальше, бледный и изможденный. Тому были и иные причины помимо очевидной скорби, ибо лишь нынче поутру он с трудом выбрался из наркотического забытья и обнаружил, что в течение ночи ему отворили кровь, — возможно, не настолько сильно, чтобы всерьез подвергнуть угрозе его здоровье, ибо необходимо было сохранить жизнь брату королевы, но достаточно, чтобы в

значительной мере ослабить его. Вторая пустовавшая койка в его крохотной спальне, где должен был ночевать Фульк, оказалась смятой, и на ней виднелись потеки крови, так что, как видно, второй оруженосец покойного короля также претерпел кровопускание.

Эта угроза была достаточно ясной и не требовала дальнейших пояснений, о сопротивлении не стоило даже думать, и пока Катан размышлял над этим, разглядывая повязку у себя на руке и пытаясь справить с ужасающей головной болью, к нему вошел Стеванус вместе с незнакомым монахом.

Без единого слова они осмотрели его руку, а затем проследили, чтобы Катан до дна выпил содержимое принесенной ими чаши. На вид, и на вкус это был обычный утренний эль, возможно, лишь чуть более горький.

Но там был какой-то странный привкус, и Катан даже не осмелился спросить, что это такое, однако как только монах ушел, он в панике обернулся к Стеванусу.

— Что все это значит, — воскликнул он. — Что это было? — Он показал на свою перевязанную руку. — И где Фульк?

— Тебе лучше одеться, пока мы будем разговаривать, — негромко отозвался Стеванус, подавая Катану одежду и присаживаясь на край постели.

Усталым голосом он поведал о том, что Фулька, дабы отбить у него всякую охоту рассказывать кому-либо об обстоятельствах смерти короля, подняли на ноги с рассветом и отправили в Кассан в сопровождении двоих рыцарей *Custodes* и полудюжины лучников из Кулди, дабы там он пребывал под домашним арестом у брата, покуда все не удостоверятся в том, что он готов держать язык за зубами.

— Что же касается тебя, — продолжил Стеванус, — то ты только что видел своего нового лекаря, брата Эмберта. В эль, что он дал тебе, был подмешан наркотик, с помощью которого регенты удерживали в повиновении Алроя. Боюсь, что то же самое ты будешь получать каждое утро. Кроме того, именно Эмберт отворил тебе кровь по приказу Манфреда. Не думаю, что они вскоре решатся это повторить, однако тебе следует быть очень, очень осторожным. Ран даже не пытался им помешать. Едва ли мне следует напоминать тебе, что он уже очень давно желает твоей смерти. Единственное, что пока тебя спасает — это то, что они с Манфредом сознают, что им придется держать ответ перед архиепископом Хьюбертом, если ты умрешь, и от этого у королевы, не приведи Бог, случится выкидыш. Если бы Хьюберт отправился с нами в этот поход, все могло бы получиться совсем иначе. Он человек гораздо более приземленный и не склонный поддаваться чувствам.

— Он такой же убийца, как и все они, — вполголоса отозвался Катан, натягивая сапоги.

Стеванус обреченно вздохнул.

— Да, теперь я это понимаю. Не думаю, однако, что весь орден *Custodes* состоит из одних лишь предателей. Лично мне кажется, что мое призвание было истинным, и что орден мог бы принести много пользы. Более того, в свое время я был уверен, что поступаю совершенно правильно, принимая участие в «похищении» короля, когда он был еще наследным принцем. И я отлично исполнил свою работу.

— Но все это была ложь, — продолжил он, протягивая Катану тунику. — *Custodes Fidei* изначально были предназначены для того, чтобы помочь советникам обрести еще большую мирскую власть. Прежде

всего, я виню в этом Полина и Альберта, но едва ли стоит надеяться, что их преемники будут чем-то от них отличаться в лучшую сторону.

Катан надел через голову кожаную безрукавку, поморщившись, когда случайно задел раненую руку, а затем принялся затягивать шнуровку на груди.

— Так значит, этот брат Эмбер будет моим новым лекарем? Означает ли это, что тебя, как и Фулька, тоже отошлют прочь?

Стеванус растерянно кивнул, стараясь не встречаться взглядом с Катаном.

— Хотел бы я, чтобы дело кончилось только этим. Никто не осмелится разделаться с сыном графа Таммарона, но что касается меня... Мне было велено завтра отправляться в Рамосское аббатство, когда мы проедем мимо. Отец Лиор сказал, что это необходимо, дабы я отдохнул после пережитых волнений. Он мой прямой начальник, и поэтому я обязан подчиниться. Но Рамосское аббатство славится самой суровой дисциплиной, среди всех обителей ордена. Один Бог знает, покину ли я когда-либо его стены... если только в гробу, как наш король. — Он неуверенно поднял голову. — Сможешь ли ты простить меня за то, что они сотворили с ним?

— Ты никогда не был таким, как они, — заверил его Катан, нагнувшись, чтобы застегнуть шпоры. — И под конец попытался честно служить нашему королю.

— Да, но сделал слишком мало и слишком поздно.

— Для него, возможно... но не для всей династии Халдейнов.

— Если сумею, я постараюсь сделать что-то еще, — прошептал Стеванус. — И для тебя тоже.

Катан не сказал больше ни слова, постарался скрыть овладевшее им отчаяние. Он выпрямился, чтобы прицепить на пояс меч, удивленный, что ему позволили оставить себе оружие...

Хотя теперь, после смерти короля, какую опасность он мог собой представлять? Но хуже всего было то, что колени его подгибались от слабости, а перед глазами все мутилось, так что пришлось даже ухватиться за руку лекаря, чтобы не упасть, пока пройдет головокружение.

— Голова кругом, — пробормотал он. — Это от кровопускания? Или от наркотика?

— Думаю, и от того, и от другого. Если сумеешь изобразить, что тебе еще хуже, чем ты чувствуешь себя на самом деле, то постарайся. Тогда, возможно, они уменьшат дозу снадобья через пару дней. Жаль, что я ничем больше не могу помочь, но... — Пожав плечами, он вздохнул, судя по всему, смирившись со своей судьбой. — Думаешь, ты сумеешь удержаться на лошади?

Катан хмыкнул.

— Уверен, за мной будет кому присмотреть. Ты ведь не думаешь, что они позволят мне свалиться на землю, верно?

Впрочем, вопрос этот был чисто риторический.

Одним из этих заботливых стражей оказался Галлард де Бреффни, хотя в это утро Катан почти не обращал внимания на тех, кто ехал с ним рядом. Просто удерживаться в седле требовало от него таких немыслимых усилий, что он был не в силах думать ни о чем ином, так что *изображать* дурное самочувствие не было никакой нужды. Только ближе к вечеру Катан хотя бы отчасти обрел ясность мысли, но к тому времени он уже был настолько изнурен

поездкой, что свалился на койку и мгновенно заснул, даже толком не поев.

Следующие несколько дней принесли с собой мало утешительного. Хотя стражи его как будто бы сделались менее внимательными, убедившись, что брат королевы не собирается предпринимать никаких решительных действий, сосредоточившись лишь на том, чтобы удержаться в седле, но все равно Галлард де Бреффни постоянно ехал с ним рядом, служа живым напоминанием о той роли, что он сыграл в похищении Райсема за несколько месяцев до убийства Джавана...

Насколько мог судить Катан, после первого дня ему значительно уменьшили дозу успокоительного снадобья, но он по-прежнему продолжал изображать куда большую слабость, чем чувствовал на самом деле, в надежде, что рано или поздно он сможет окончательно придти в себя.

Он постоянно помнил о том, что в любой момент на смену этому наркотику, который давал ему Эмберт, может придти мераша, если только Ран с Манфредом решат, что это может оказаться полезным...

На второй день путешествия он с трудом удержался от слез, когда к полудню увидел, как Стеванус с полудюжиной *Custodes* уезжает на восток в направлении Рамоса. Ненависть его к *Custodes Fidei* крепла с каждым часом.

А впереди были лишь страх и неуверенность, как за себя лично, так и за будущность их великой цели. Ему оставалось лишь гадать, сумел ли Роберт Эйнсли успешно добраться до Ремута, и молился, чтобы Мика сохранила свою копию драгоценного кодицилла в безопасности.

И, кстати, интересно, что стало с теми, еще более важными экземплярами приложения к завещанию, что остались в Келдоре. Известно ли было их держателям, что уже настало время для этого документа? Отец Кверон обещал сообщить обо всем их союзникам в замке Лохаллин, но успеют ли Клейборн и Марли вовремя предпринять необходимые действия?

* * *

Пока Катан терзал себя этими вопросами, Ансель и Тиег в сопровождении четырех вооруженных людей подъезжали к замку Лохаллин, где попросили срочной аудиенции с кем-то из владельцев поместья. Время близилось к полудню, и двор замка практически пустовал. Только кузнец работал у своей наковальни рядом с конюшней, а поблизости несколько оружейников приводили в порядок оружие. Вскоре к ним спустилась Стэйси в сопровождении своего волкодава. Она побледнела, узнав Тиега.

— Могли бы мы поговорить с вами наедине, сударыня? — негромко попросил ее Ансель.

Она позвала отца Дерфеля, как только услышала их новости, и к середине дня в гостиной к ним также присоединились Грэхем, Сигер и Корбан.

— Будь они все прокляты, эти ублюдки! — выпалил Сигер, огромным кулаком ударив по столу, после того как Ансель поведал им о смерти короля и вкратце описал возможные последствия. — Бедный паренек! А теперь, если мы не выдвинемся как можно скорее, то все окажется впустую...

— А вы сможете выехать прямо сейчас? — спросил его Ансель. — Достаточно ли спокойно на границе, чтобы отвести войска немедленно?

— О, да, — отозвался Грэхем. — Торентцы за эту неделю даже не шевельнулись, и нет никаких вестей касательно Марека. Кроме того, нам не нужен большой отряд. Человек двадцати будет вполне достаточно, иначе мы не сможем двигаться с нужной скоростью. Корбан, дашь нам людей?

Корбан кивнул.

— Да, чем меньше народу поедет, тем меньших хватятся. Другое дело, что непросто будет прикрыть ваше с Сигером отсутствие. Я бы не хотел, чтобы эти чертовы *Custodes* разнюхали и донесли в Ремут, что вы едете туда. Это только усложнит вашу задачу.

— Боже упаси, — выдохнул Тиег. — Но что тут можно придумать?

— Есть одна мысль, — предложил Сигер. — Можем послать *Custodes* на север, вместе с Делакруа, чтобы проверить Оранайский перевал. А отряды из Кайрори и Шииля можно рассредоточить по границе.

Корбан кивнул в знак согласия.

— Я вас только об одном попрошу. Придумайте какой-нибудь способ, чтобы заткнуть пасть этому парню, который командует отрядом из Кайрори. Он ведь сын Манфреда Мак-Инниса. Мне совсем не хочется, чтобы кто-то из этой семейки остался тут у власти, пока вы уедете в Ремут.

— Думаю, с этим мы справимся, — мрачно отозвался Ансель. — Кроме того, думаю, вам не следует никому сообщать о смерти короля до своего отъезда. Полагаю, что гонца с официальными вестями постараются задержать как можно дольше, ведь Рану с Манфредом известно о существовании дополнения к завещанию. А что представляют из себя офи-

церы Мак-Инниса? Кому-нибудь из них можно доверять?

Сигер пожал плечами.

— Понятия не имею. Впрочем, он их держит в ежовых рукавицах, так что лучше всего будет сделать вид, будто он уехал с нами. Может, подделать какие-нибудь приказы, чтобы прикрыть его отсутствие.

Тиег хмыкнул.

— Ничего не придется подделывать, милорд. Только заманите его сюда, и я сделаю так, чтобы лорд Айвер Мак-Иннис собственноручно отдал замечательные приказы, которые прикроют все, что угодно. Обычно я не люблю вмешиваться в чужое сознание против воли человека, но в данном случае с удовольствием сделаю исключение.

— Полагаю, у меня есть мысль еще лучше, — предложил Ансель. — Мы пошлем Айвера Мак-Инниса вместе с *Custodes* на север, с разведывательной миссией... после того как оба командира напишут соответствующие бумаги, объясняющие свое отсутствие. Таким образом, они еще не скоро узнают о смерти короля, и это даст нам фору в несколько дней. Если мы преуспеем в Ремуте, то это случится либо сейчас, либо уже никогда.

— А что касается Ремута... — начал Грэхем. — Думаете, нам хватит двух десятков человек?

Ансель усмехнулся.

— К тому времени, как мы доберемся в столицу, нас будет гораздо больше.

И он вкратце изложил свой замысел, представлявший собой измененный вариант тех планов, что были намечены на конец года. Сигер расхохотался от восторга, и даже Стэйси кивнула, улыбаясь, после того, как Ансель изложил, какие именно приказы по-

надобятся, чтобы убрать Айвера и Джошуа из Лохаллина.

К вечеру после ряда суматошных приготовлений, лорд Айвер Мак-Иннис и лорд Джошуа Делакруа вывели половину остававшихся королевских войск на север, чтобы разведать, каково положение на перевалах. Оставшиеся войска были переданы под командование Корбана Хоувелла.

Вскоре после их отъезда, куда более малочисленный отряд двинулся к югу. Там были герцог Клейборнский и граф Марлийский, а также двое мало кому знакомых приграничников, и священник средних лет, неуверенно восседавший на смирной пегой лошадке. Новый граф Истмаркский проводил их до самого лагеря, тогда как его супруга помахала отъезжающим платочком с замковых укреплений. Когда всадники исчезли за поворотом, графиня удалилась в часовню, дабы помолиться за успех предприятия, а также, по-матерински, — за маленького мальчика в Ремуте, что отныне сделался их королем.

Глава тридцатая

И из любостяжания будут уловлять вас льстивыми словами[1]

А лишь следующим утром — на третий день, после того как отряд выехал из монастыря святой Остриты, и на четвертый после смерти короля, — у Катана Драммонда наконец зародилась хотя бы слабая тень надежды. Накануне войска разбили лагерь в поле недалеко от Рамоса, на берегу реки Эйриан. Туман, поднявшийся ночью от воды, до сих пор бледными щупальцами жался к земле, и вдруг, когда Галлард подсаживал его на лошадь, Катан заметил неподалеку Роберта Эйнсли, который подводил отцу оседланного скакуна.

Взобраться в седло стоило Катану таких усилий, что у него закружилась голова, и пришлось ухватиться за гриву лошади на несколько мгновений, прежде чем в глазах у него прояснилось. Когда он огляделся по сторонам, Роберта уже не было видно. Но невзирая на туман и на то, что по утрам сознание его было замутнено сильнее всего из-за снадобья брата Эмберта, он был твердо уверен, что видел именно Ро-

---

[1] 2-е Петра 2:3

берта. Однако наркотик лишал его уверенности в том, вернулся ли молодой рыцарь, исполнив данное ему поручение, или просто предал Катана и, вообще, короля и никуда не ездил. Катан дал ему лишь самые слабые ментальные установки, ибо сознавал свою неопытность в магии, но надеялся, что он не настолько сильно ошибся в Роберте. Немыслимо было и представить, чтобы тот немедленно отправился к Рану с Манфредом и передал им заветный кодицилл... Тем более что в этом случае они едва ли пощадили бы и его самого.

Весь день напролет Катан пытался придумать способ поговорить с Робертом. Шансы на это были очень невелики, поскольку Галлард со своим напарником, рыцарем по имени Клойс Кларендон, постоянно находились рядом, якобы окружая брата королевы любезной заботой, но на самом деле являясь самыми бдительными его тюремщиками.

Так что следовало придумать что-то очень ловкое... По крайней мере, насколько Катан был на это способен, учитывая туман, окутывавший его сознание, и физическую слабость. Хвала Господу, они хотя бы больше не отворяли ему кровь... Он решил, что если Роберт и впрямь был в Ремуте и вернулся обратно, — а все же это было наиболее вероятно, — то скорее всего, он передал свое послание через Райсиль. А если он встречался с юной Дерини, то, весьма вероятно, в сознании Роберта она оставила какое-нибудь послание для Катана, — возможно, наставления и указания к действию... хотя, скорее всего, в ту пору она еще не знала о смерти Райсема.

Но как же ему встретиться с молодым рыцарем? Поскольку Роберт не был Дерини, а способности Катана казались весьма ограниченны даже когда он

вполне владел собой, то прочесть подобное сообщение в мыслях человека он мог лишь посредством физического контакта. Однако разве сумеет Роберт пробраться к Катану, невзирая на его бдительных охранников?

Катан принял решение сам создать для этого возможность и понадеяться, что Роберт вовремя успеет сориентироваться и начнет действовать сообразно обстоятельствам. Всю вторую половину дня он пытался улучить подходящий момент, старательно изображая рассеянную усталость, и даже как будто начиная дремать в седле, но ни разу за все это время он больше не увидел Роберта. И лишь когда они начали переходить вброд Эйриан по направлению к очередному монастырю *Custodes*, где должны были остановиться на ночь, Катану впервые представился слабенький шанс.

Конечно, если сам Роберт не поймет, в чем дело, и не бросится ему навстречу, то ничего не получится, но попробовать все же стоило. День был теплый, купание не пойдет ему во вред.

В это самое время Роберт еще с одним молодым рыцарем двинулись мимо отряда, чтобы о чем-то переговорить с офицером, который ехал прямо позади Катана, и тот уже обернулся в седле, заслышав окрик Роберта. Катан подождал, пока эти двое поравнялись с ним и его стражами, и внезапно обмяк в седле... а затем бесшумно повалился набок, в ту сторону, где ехал Роберт... По счастью, Галлард оказался с другого бока, а Клойс был не столь бдителен и проворен.

Галлард встревоженно закричал, когда Катан вывалился из седла, но Клойс Кларендон уже не успевал подхватить его. Изумленный *Custodes* успел лишь вцепиться своему подопечному в тунику, но тут же вы-

пустил ткань, поскольку иначе Катан увлек бы его за собой в воду.

Катан принялся слабо отбиваться, мгновенно погрузившись на дно, и порадовался, что на нем сейчас лишь легкая одежда для верховой езды, а вода приходится лошадям всего по колено. К его огромному облегчению, Роберт Эйнсли тут же спрыгнул с седла и уже вытаскивал его из воды, прежде чем Катан начал бы всерьез опасаться, что какая-то лошадь случайно лягнет его или заденет копытом.

— Все в порядке, милорд, — пробормотал Роберт, пока Катан откашливаясь, пытался сесть, изображая полную потерю сил. В тот же самый миг у Катана возникло такое впечатление, что Роберт сам, даже не являясь Дерини, с силой вкладывает ментальное послание ему в сознание. Мысль его донеслась до Катана с кристальной ясностью, — весточка и впрямь была от Райсиль, и содержала подробные указания на ближайшее время. Катан решил, что обдумает все это чуть позже... и в этот самый миг Галлард де Бреффни принялся вырывать его из рук Роберта.

— Я его держу, — рявкнул Галлард, и Катан растерянно пробормотал:

— Прошу прощения, я задремал.

— Оставьте его мне, он плохо спал с самого дня смерти короля. Просто помогите мне усадить его обратно на лошадь, — бросил Галлард Роберту.

Тот безмолвно повиновался, и пока Катан смущенно бормотал какие-то возражения и извинения, Роберт подсадил брата короля в седло. За это время Катан успел передать ему вкратце все, что происходило с ним за время отсутствия Роберта. Сострадание и решимость отразились на лице молодого рыцаря, когда он подал Катану поводья, но, не сказав

ни слова, он лишь отвернулся и сам вскочил на лошадь, двинувшись прочь, как ни в чем ни бывало.

Несмотря на то, что летний вечер выдался довольно теплым, Катана вскоре стал пробирать озноб, то ли от волнения, то ли от того, что он и впрямь промерз, и он с благодарностью завернулся в сухой плащ, который накинул ему на плечи Клойс. Кожаная одежда насквозь промокла, и когда они приблизились к воротам аббатства, он подумал, что едва ли сможет сегодня отстоять на дежурстве у гроба Райсема, как это делал предыдущие ночи. Наверное, Райсем не обидится на него... К тому же теперь, когда действие утреннего снадобья понемногу рассеивалось, Катан знал, что едва ли сумеет скрыть облегчение от тех новостей, что принес ему Роберт.

Его очень обрадовало, что гонец доставил кодицилл в целости и сохранности; то, что келдорцы уже двинулись в путь, было еще более ободряющим. Но лучшей новостью для него лично было наличие в отряде еще одного тайного союзника, о котором сообщала Райсиль.

* * *

Чуть позже вечером, освободившись наконец от своих обязанностей, сэр Роберт Эйнсли прошел к шатру, где располагались на ночлег горцы, которые присоединились к отряду его отца несколько дней назад. Их капитан отыскал его нынче поутру и дал новые указания.

— А я все ждал, когда же вы сюда доберетесь, — сказал ему Джесс Мак-Грегор, пригласив присесть у тускло горящей лампы за походным столиком. — Хорошо, что сейчас не так холодно. Насколько я понимаю, вы смогли все передать Катану.

— Да.

— Отлично. Тогда садитесь и посмотрим, что он сумел передать вам обратно. Все остальные будут спать крепко и ничего не заметят.

Роберт оглядел людей, мирно спящих в палатке, но те и впрямь не шелохнулись, и, как и было велено, он поближе подвинулся к Джессу. Тот крепкими руками обхватил его голову, прижимая большие пальцы к вискам, — и время словно остановилось. Когда Роберт вновь пришел в себя, то услышал глубокий вздох Дерини, и сильные пальцы его принялись разминать напряженные мускулы на шее рыцаря, прежде чем отпустили его. Роберт ощутил себя приободрившимся и окрепшим, словно после хорошего отдыха, хотя и знал, что заснет немедленно, едва лишь сумеет добраться до постели.

— Вы отлично справились, — прошептал Джесс. — И он тоже справился великолепно, несмотря на все, через что ему пришлось пройти.

Роберт кивнул.

— Я и сам этому поразился.

— Но самое главное — он жив, — прошептал Джесс, устремляя взгляд на горящую лампу. — Через пару дней мы доберемся до Ремута, и если будет на то воля Божья, то келдорцы окажутся там вскоре после нас. Как только это произойдет, то, полагаю, что события станут развиваться очень быстро, к лучшему или к худшему. — Он покосился на Роберта. — Страшно?

— Нужно быть глупцом, чтобы не бояться, — признал Роберт, кивая. — Но это не удержит меня от того, чтобы исполнить свой долг.

Джесс улыбнулся.

— Вот и славно. Вы помогли нам куда больше, чем сами об этом знаете. Пока оставайтесь неподалеку... возможно, сумеете каким-то образом связаться с Катаном. Тогда я дам вам знак, что следует делать. А теперь идите и выспитесь, как следует.

Когда молодой человек ушел, Джесс погасил лампу и улегся на свой тюфяк, чтобы передать все новости Джорему, который был готов присоединить этот последний кусочек головоломки к той большой картине, которая составлялась сейчас военными стратегами в михайлинском убежище, в том самом, что уже почти десять лет давало укрытие изгоям-Дерини.

«А сам ты не сможешь подобраться к Катану?» — спросил его Джорем.

«Не уверен, но, по крайней мере, до Ремута мы довезем его в целости и сохранности. Что слышно от келдорцев?»

«Они уже в пути, — донесся ответ. — *Скорее всего, задержатся всего на два или три дня».*

* * *

В тот же самый час в Ремуте значительно поредевший королевский совет выслушивал последние вести, достигшие столицы из королевского войска. Архиепископ Хьюберт ужинал с Таммароном, Ричардом и Секоримом. Чуть раньше он присутствовал на похоронах архиепископа Орисса, — это затянулось надолго за полдень, когда они наконец упокоили тело Орисса рядом с его предшественниками в епископальной крипте под большим алтарем собора.

Теперь они наслаждались вином и сластями, отдыхая после тяжелого дня и обсуждая дальнейшие планы. Таммарон с Ричардом по-прежнему были в трауре, Секорим, как и положено *Custodes*, всегда но-

сил черное, а Хьюберт нынче в честь похорон сменил свое обычное пышное одеяние на простую черную рясу, оставив лишь широкий кушак епископского пурпурного цвета, повязанный вокруг необъятной талии, — а также пастырское кольцо и украшенное аметистами распятие на груди.

Именно за это распятие ухватился он пухлой рукой, когда стражник впустил утомленного с дороги гонца с гербом Кулди на плече, — это был сэр Ронделл, старший из оруженосцев лорда Манфреда. Скинув перчатки, Ронделл опустился на колени перед Хьюбертом, поцеловал его кольцо и остался так стоять, склонив голову, покуда дверь за ним не закрылась. Хьюберт заметил, что руки гонца дрожат.

— Что, мой брат мертв? — негромко спросил Хьюберт.

Ронделл покачал головой и лишь тогда осмелился поднять глаза.

— Нет, ваша милость. С лордом Манфредом все в порядке. Я... со скорбью должен сообщить вам, что скончался король...

— Что?

— Когда? Где?

— Дайте ему закончить! — рявкнул Хьюберт и вскинул руку, чтобы остальные замолкли. — Говори же! Как это случилось?

— В монастыре святой Остриты, на берегу Эбора, три дня назад, — выдавил Ронделл. — У него была сильная горячка. Рука... воспалилась, и ее пришлось отнять. К несчастью, он не пережил операцию.

Изумленный гул голосов затих, когда Хьюберт медленно перекрестился. Розовое круглое лицо его сделалось пепельно-серым, а губы задрожали.

— Тебе... известно что-то еще? — прошептал он через несколько секунд.

— Да, ваша милость. — Посланник поднялся на ноги, наконец овладев собой. — Но могу ли я предложить, чтобы все перешли в зал совета? — Он коснулся рукой груди. — У меня есть еще некоторые сведения, которые лорд Манфред просил передать всем вам. Однако это лучше всего сделать в совершеннейшей тайне.

Ошеломленные такими известиями и двусмысленностью последних слов Ронделла, советники безмолвно повиновались и, не обменявшись ни единым словом, двинулись в зал заседаний королевского совета.

Едва лишь слуги зажгли свечи и факелы, как Секорим поспешно выгнал их прочь и поставил у дверей стражников *Custodes*. Советники заняли свои обычные места за длинным столом, с одной стороны — Хьюберт и Секорим, с другой — Таммарон и Ричард; и Хьюберт в который раз отметил, что теперь их слишком мало... В особенности если, как и угрожал король, действительно имеется некоторое приложение к завещанию, которое, отрицая его собственное последнее волеизъявление, назначает келдорцев в регентский совет.

Но не все из присутствующих знали о существовании этого документа, — в частности, о нем не ведал Секорим, — и пока Хьюберт не узнает все подробности о смерти короля, он не собирался заговаривать об этом. В свете свечей, установленных на том конце стола, где все они расселись, он протянул руку сэру Ронделлу, занявшему обычное место Манфреда на три стула справа от архиепископа, и посланец молча и невозмутимо передал запечатанный па-

кет через отца Секорима, прямо в руки Хьюберту. Тот сломал печати и пробежал глазами текст, написанный каракулями Манфреда, но также подписанный и запечатанный Раном, а затем вручил его Таммарону, который, придвинув поближе подсвечник, начал читать вслух.

«Манфред Мак-Иннис, брату своему и отцу в глазах Господа, Хьюберту, архиепископу Валорета и примасу всего Гвиннеда, а также графу Таммарону Фитц-Артуру, канцлеру Гвиннеда, и Ричарду Мердоку, действующему коннетаблю. Привет вам...»

Поскольку имени Секорима здесь не значилось, Таммарон неуверенно покосился на Хьюберта, который, однако жестом велел ему продолжать.

«С сожалением извещаю вас, что сегодня после полудня скончался наш государь, король Райс-Майкл Элистер Халдейн, не в силах справиться со смертельной болезнью. Его величество получил последнее причастие и отошел с миром, ибо настолько ослабел телом, что не смог пережить необходимую операцию.

Тело его величества будет доставлено в Ремут с королевским траурным кортежем, после того как завтра поутру мы покинем монастырь святой Остриты. Полагаю, что в Ремут мы прибудем третьего июля. Учитывая летнюю жару, я думаю, что публичное прощание с телом следует сделать как можно более кратким и назначить похороны на пятое июля.

Подписано в монастыре святой Остриты, двадцать восьмого июня, в год Господа нашего девятьсот двадцать восьмой. Нашей рукой и под печатями: Манфред, вице-маршал и регент, Ран, гофмаршал и регент.»

Закончив читать, Таммарон поднял глаза, покосился на Хьюберта, а затем на Ронделла.

— Я надеялся, здесь будет больше подробностей, — заявил он слегка разочарованно. — Сэр Ронделл, не желаете ли вы сообщить нам что-то еще.

Ронделл опустил глаза.

— Мне велели быть с вами предельно откровенным, милорды. Знаете ли вы о существовании приложения к завещанию короля?

Таммарон с Ричардом кивнули, а Хьюберт обратился к Секориму.

— Король утверждает, что, будучи в Истмарке, подписал некий документ, в котором назначает герцога Клейборнского и графа Марлийского регентами в случае своей смерти. Он также утверждал, что было сделано несколько экземпляров, должным образом подписанных и засвидетельствованных. Сэр Ронделл, верно ли я понял с ваших слов, что вы не верите в существование подобного документа?

Ронделл уверенно встретил взгляд Хьюберта.

— Нет, не верю, ваша милость. Более того, в это не верит также лорд Манфред.

— Зато верит Ран, — возразил Таммарон.

— Возможно, и так. — Ронделл неожиданно смутился. — Господа, я должен сказать вам об этом, поскольку милорд Ран все равно скажет вам то же самое, когда они с лордом Манфредом вернутся в Ремут. Там имелось некое... разногласие относительно выбора лечения для короля. У него начался жар, еще прежде чем он покинул замок Лохаллин. Мастер Стеванус, военный лекарь, который за ним ухаживал, дозволил использовать деринийское снадобье, чтобы снять лихорадку. Это лекарство дала ему графиня Истмаркская, но местный лекарь в аббатстве

святого Кассиана запретил применять снадобье Дерини, и рекомендовал прижигание и кровопускание, дабы убрать дурные гуморы. Король решительно отверг и то, и другое. Именно тогда он и сообщил лорду Рану о существовании пресловутого приложения к завещанию.

— Так вы предполагаете, что король все это придумал, чтобы избегнуть неприятного, но необходимого лечения? — переспросил Хьюберт.

Ронделл склонил голову.

— Так решил ваш брат, ваша милость. Он также пришел в ярость из-за того, что король осмелился угрожать им с лордом Раном. Когда состояние короля еще более ухудшилось, лорд Манфред решил прибегнуть к кровопусканию, как и советовал брат Полидор. Официальная версия — и ее подтвердит то состояние, в котором вы найдете тело — это что королю пришлось ампутировать руку, и он не перенес операцию.

— А какова же *подлинная* история? — прошептал Таммарон, внезапно побледнев.

Ронделл сглотнул и лишь с огромным трудом выдавил:

— Если позже вы предъявите мне какие-то обвинения, я буду отрицать, что когда-либо говорил вам об этом. У короля горячка усилилась настолько, что начались конвульсии, и нам пришлось прервать путешествие. Брат Полидор вновь начал настаивать на том, чтобы отворить ему кровь, и на сей раз лорд Манфред это дозволил.

— А король согласился с подобным лечением? — резко перебил его Хьюберт.

— Это было ради его собственного блага...

— *Он согласился?* — повторил Хьюберт. — Я скажу точнее, применяли ли вы силу?

Ронделл уставился взглядом на свои сцепленные руки.

— Это понадобилось только в первый раз, — пробормотал он. — Его держали *Custodes*.

— Ясно. — Хьюберт не мигая уставился на рыцаря, затем покосился на бледного, как мел, Секорима и вновь вернулся к Ронделлу.

— Отец Секорим является священником *Ordo Custodum Fidei*, сэр Ронделл. Знаете ли вы, что *Custodes* именуют «минуцией»?

Ронделл сглотнул.

— Да, ваша милость.

— Тогда вы должны сознавать также, что это особая форма кровопускания, которая служит для физического и духовного исцеления человека. Порой в совершенно особых случаях минуция используется также взамен *coup-de-grace*, не так ли, Ричард? Прошу тебя, поведай сэру Ронделлу, как это произошло с твоим отцом.

Ричард испуганно заморгал.

— Лорд Ран с лекарям *Custodes* вскрыли ему вены, — прошептал он.

— Ронделл, это именно то, что вы сделали с королем? — спросил его Хьюберт.

— Речь не шла о *coup-de-grace*, — выдавил Ронделл в ответ. — Они просто хотели выпустить дурные гуморы, ставшие причиной лихорадки.

— И сколько же раз королю отворяли кровь, — настаивал Хьюберт. — Тебе это известно?

— Я присутствовал только при первом кровопускании, ваша милость.

— *Сколько раз?*

— Че-четыре, по моему.

— И за какой период времени, — уже мягче поинтересовался Хьюберт.

— В течение дня.

— Понимаю. И после того как он, наконец, скончался от столь заботливого ухода, ему пришлось отрезать руку, чтобы сделать все ваши объяснения более приемлемыми?

— Он очень ослаб, — выпалил Ронделл. — Если бы даже ему не пустили кровь, он бы все равно, скорее всего, не выжил. Теперь это не имеет никакого значения.

— Имеет, если правда все то, что он говорил о приложении к завещанию, — рявкнул Хьюберт. — А мой дражайший брат решил поставить на то, что король солгал. Боже правый, Манфред, каким же ты всегда был ослом!

— Ваша милость, мы не могли потерпеть от короля сопротивления! — возразил Ронделл. — Какая разница, наступила ли потеря крови *до* того, как ему отняли руку, или *после*. Все равно, теперь будет новое регентство.

— Будем лишь молиться Господу, чтобы оно не оказалось куда более *новым*, чем все мы рассчитывали, — пробормотал Таммарон. — Но почему Ран не попытался остановить все это безумие, он ведь наверняка понимал, что задумал Манфред. Из его предыдущего письма я понял, что он убежден в существовании кодицилла.

Ронделл издал глубокий вздох.

— Они, э-э, они сильно поспорили по этому поводу, милорд. И после того как лекарь *Custodes* начал настаивать на том, чтобы отворить королю кровь, и лорд Манфред, наконец, согласился, то пришлось...

подвергнуть лорда Рана воздействию мераши, пока приказ лорда Манфреда приводили в исполнение. По-моему, позже, он сам признал, что Манфред поступил совершенно правильно.

— Нам остается ради нашего же собственного блага надеяться, что так оно и есть, — промолвил Хьюберт, сложив перед собой руки и большими пальцами постукивая по губам. — Разумеется, в данном случае лично я предпочел бы, чтобы событиям предоставили идти своим чередом, но что сделано, то сделано. Многим ли людям известны все подробности этой истории?

Ронделл нервно окинул взглядом стол.

— Если не считать здесь присутствующих — то это лорд Манфред и Ран, сэр Катан и сэр Фульк. Все прочие были *Custodes*, монахи и миряне, включая брата Полидора, лекаря, который производил лечение, и военного лекаря Стевануса, который отказался в этом участвовать. Все те, кого мы сочли слабыми звеньями, были вовремя устранены.

— А где мой сын? — ровным голосом спросил Таммарон.

— О, с ним все в порядке, милорд, не бойтесь, — заверил его Ронделл. — Его на следующее утро под охраной отослали в Кассан. Лорд Манфред надеется, что вы сумеете внушить ему, дабы он держал язык за зубами. Военного лекаря Стевануса и тех из *Custodes*, кому, мы сочли, нельзя доверять, были отосланы в Рамосское аббатство *Custodes*, и, полагаю, оттуда они живыми не выйдут. Учитывая то, что лорд Катан еще может нам пригодиться ради королевы, он путешествует вместе с похоронным кортежем, под действием успокоительных снадобий, также значительно ослабленный кровопусканием. Думаю, он вполне

имел возможность убедиться о том, какая судьба его постигнет, если он не проявит послушание. Надеюсь, вы одобряете принятые нами меры предосторожности, ваша милость?.. милорды?

Хьюберт медленно кивнул, стараясь приспособиться к новой ситуации, которая создалась по вине его брата, слишком поспешного в своих решениях.

— Да, мы удовлетворены, — произнес он негромко. — Если никакого приложения к завещанию не существует, то Манфред, вероятно, сделал именно то, что надлежало сделать еще некоторое время назад. Думаю, что та версия случившегося, которую мы предложим окружающим, их вполне удовлетворит. — Он покосился на Секорима, который был последним из присоединившихся к заговору. — Вы с этим справитесь, Секорим? Если нет, скажите сразу, и я отошлю вас в какое-нибудь дальнее аббатство, где вы сможете в мире и покое прожить до конца дней своих... если только сами останетесь *спокойны*.

Разумеется, это было ложью чистой воды, поскольку он приказал бы убить Секорима на месте, если бы тот хоть на мгновение заколебался. Но у аббата *Custodes*, хотя он явно был потрясен услышанным, даже ресницы не дрогнули, когда он с серьезным видом кивнул.

— Ваша милость, я принес вам обет повиновения, — прошептал он. — Меня очень опечалила весть о безвременной кончине короля, но я убежден, что о нем заботились наилучшим образом.

На губах Хьюберта мелькнула самодовольная усмешка.

— Ну что ж, теперь я вижу, что мы с моим новым архиепископом Ремутским найдем общий язык, — заявил он. — Однако довольно об этом. Те-

перь мы стали регентами при новом короле. Сейчас слишком поздно, чтобы поднимать его с постели, однако матери следует сообщить печальные вести. Очень бережно, дабы скорбь ее не повредила нерожденному младенцу... и в присутствии лекаря, который немедленно даст ей успокоительное снадобье. После того как она как следует выспится, надеюсь, что шок уже пройдет, и она сможет поутру сопровождать нас в детскую к мальчику. А тем временем я усилю стражу у его покоев, однако до завтрашнего дня мы никому не должны сообщать о смерти короля. Вы согласны?

Остальные поспешили кивнуть, и он поднялся с места.

— Что ж, вот и отлично. Таммарон, пожалуйста, позовите мастера Джеймса и скажите ему, чтобы он приготовил снотворное для ее величества.

* * *

Чуть позже, когда Райсиль расчесывала королеве волосы перед сном, вошел архиепископ Хьюберт с одним из придворных лекарей, дабы сообщить королеве о смерти ее супруга. Райсиль догадалась, в чем дело, едва лишь они показались на пороге и стиснула руку королевы... И тут же поняла, что королева также обо всем догадалась, не успел еще Хьюберт и рта раскрыть. Побледнев, Микаэла сперва вскочила со стула, а затем вновь опустилась обратно, прикрыв лицо рукой, и Райсиль постаралась, как могла, смягчить шок, вызванный неумолимыми словами архиепископа.

— Полагают, что он не очень мучился, сударыня, — произнес Хьюберт негромко. — У него просто не

осталось сил, чтобы пережить операцию. Я очень сожалею. Я попросил мастера Джеймса приготовить для вас снотворное. Очень советую вам выпить его — ради блага нерожденного ребенка, если даже и не ради вас самой. Поутру, если желаете, я... позволю вам сообщить обо всем юному Оуэну. Разумеется, теперь он становится королем, и нужно издать соответствующий указ и подготовиться к церемонии. Но, полагаю, что нет нужды будить его в столь поздний час.

Микаэла без единого слова кивнула, и Райсиль, взяв чашку у лекаря, протянула ее королеве и заставила выпить до дна. Та покорно повиновалась, и, с трудом переставляя ноги, отправилась в опочивальню. Вскоре она заснула. Слезы придут к ней лишь только поутру...

Глава тридцать первая

В чести ли дети его, он не знает[1]

Микаэлу разбудил медленный глухой перезвон церковных колоколов и тупая боль в сердце от сознания того, по кому они звонят. Рядом с ней, одетая, лежала Райсиль, которая была ее верной хранительницей всю эту ужасную ночь. Заметив, что Микаэла шевельнулась, девушка ласково тронула ее за запястье.

— Мика, ты должна быть сильной, — прошептала она.

Микаэла с тяжким вздохом обернулась к ней, радуясь, что ее не оставили в одиночестве в столь страшный час.

— У меня словно все онемело внутри, — отозвалась она. — Я знаю, что его больше нет, но почти ничего не чувствую. Это ты так устроила?

Райсиль медленно кивнула.

— Ты ожидаешь ребенка, а другой твой малыш сегодня будет особенно нуждаться в тебе. Мне не довелось потерять мужа, но мне было всего семь лет, когда умер отец. — Она тускло улыбнулась. — Когда я узнала об этом, мне пришлось всего лишь справля-

---

[1] Иов 14:21

ться со своим горем, хотя оно было безмерно. Но я-то, конечно, не стала в тот день королем.

Микаэла почувствовала, как слезы навернулись ей на глаза, но постаралась сморгнуть их, и решительно вытерла глаза рукой.

— Я попытаюсь , — прошептала она. — Помоги мне одеться. Я хочу быть готова, когда они придут, чтобы отвести меня к Оуэну. Как ты думаешь, он ни о чем не догадался, когда услышал колокола?

Райсиль покачала головой.

— Он еще совсем маленький. А за последние дни колокола звонят довольно часто.

Полчаса спустя, в глубоком трауре Микаэла вышла к своим одетым в черное придворным дамам, которые ожидали ее в гостиной. Опустив глаза, она бездумно вертела на пальце обручальное кольцо, которое подарил ей Райсем. Конечно, она бы предпочла увидеться с сыном без всяких церемоний, распустив волосы так, как он это любил, но придворный протокол требовал от королевы совсем иного, в особенности в такой день. Под суровым надзором леди Эстеллан Райсиль была вынуждена собрать роскошные волосы королевы в тугой пучок, а затем закрыть их покрывалом с вуалью, как и полагалось вдове. Микаэла ни единым словом не возразила против этого, однако упрямо отказалась надеть диадему с самоцветами, а велела принести ей легкий золотой обруч, украшенный серебряными розами — тот самый, который так любил Оуэн.

Теперь им оставалось только ждать. Придворные дамы Микаэлы расселись вокруг, бормоча молитвы, а Райсиль опустилась к ногам королевы, легонько опираясь головой ей на колени, по-прежнему мысленно внушая своей госпоже душевный покой и рав-

новесие, — ибо она знала, что никто не позволит ей сопровождать королеву в детскую.

В дверь постучали. Райсиль тут же вскочила, а леди Эстеллан поторопилась открыть. Вскоре она вернулась, ведя за собой архиепископа с Секоримом, а также Таммарона и Ричарда Мердока. Их сопровождал королевский лекарь. Архиепископ с Секоримом низко поклонились, а Таммарон с Ричардом опустились на колени, чтобы поцеловать королеве руку.

— Ваше величество, свои соболезнования сегодня утром вам выражает регентский совет, — промолвил Хьюберт. — Спокойно ли вам спалось этой ночью?

— Со мной все в порядке, ваша милость, — отозвалась она, не встречаясь с ним взглядом. — Могу ли я теперь увидеть сына?

— Только если мастер Джеймс сочтет, что у вас хватит на это сил.

Микаэла вздохнула, и лекарь, бесшумно приблизившись, взял ее за запястье. Затем он отпустил ее руку и легонько пощупал лоб.

— Пульс ровный, ваша милость. Похоже, она вполне владеет собой, хотя день предстоит очень тяжелый. Ваше величество, могу ли я предложить вам какое-нибудь успокоительное снадобье, разумеется, не столь сильное, как вчера вечером? Я прекрасно понимаю, что вы желаете оставаться в ясном рассудке, когда будете говорить с королем.

— Благодарю вас, это ни к чему, мастер Джеймс, — отозвалась она, решительно поднимаясь с места. — Ваша милость, я желала бы увидеть сына.

Одной лишь супруге Таммарона, леди Ниеве, позволили сопровождать королеву и регентов в детскую, которую занимал юный принц. Все прочие остались ждать в прихожей, а королева прошла в ма-

лую гостиную, где малыш выстраивал игрушечных рыцарей на полу в оконной нише. Алая туника ярким пятном выделялась на фоне свежепобеленного камня. Опечаленная няня наблюдала за играющим ребенком, но немедленно удалилась при появлении Микаэлы, с сочувственным видом поклонившись матери.

— Доброе утро, любовь моя, — с улыбкой окликнула его Микаэла и протянула Оуэну руку.

Тот с радостным возгласом вскочил на ноги и уткнулся матери в колени.

— Мама, иди посмотри на моих рыцарей. Там один совсем как папа. Он будет драться с плохим принцем, который хочет отнять у него корону.

Стараясь заглушить скорбь и невольно заулыбавшись, Микаэла нагнулась поцеловать сына, и он тут же потащил ее к оконной нише, где она присела на ступеньку и позволила ему показать ей своих любимцев. Там и впрямь был рыцарь на белой лошади, отдаленно напоминавший Райсема, с крохотным золотым львом на алом щите и в короне поверх шлема. Его сделал для Оуэна Катан прошлой зимой, и эти фигурки размером были куда больше обычных, ибо доходили мальчику почти до колен. Другой рыцарь на сером скакуне нес крохотный стяг Халдейнов.

— А это дядя Катан, — указал на него Оуэн. — А вот плохой принц. Он все время падает.

Она взглянула поверх королевского войска на маленькие деревянные фигурки, разрисованные в черно-белые цвета Торента, — одна из них и впрямь лежала на боку. Набравшись решимости, Микаэла протянула руки к Оуэну.

— Милый, иди сюда, мама возьмет тебя на колени. Мне нужно кое-что тебе сказать.

Оуэн с любопытством покосился на нее, взял фигурки своего отца и Катана, а затем, поднявшись на ступеньку, уселся матери на колени, развернувшись, чтобы посмотреть ей в глаза. Она стиснула его в объятиях, целуя черные ароматно пахнущие волосы, а затем легонько тронула кончиком пальца корону на игрушечном рыцарей.

— Милый, с твоим папой случилось что-то очень плохое. Он поранил руку и от этого сильно заболел. Лекари изо всех сил пытались помочь, но он...

— Папа заболел? — с испугом прошептал Оуэн.

Микаэла покачала головой, смаргивая слезы.

— Нет, милый, — прошептала она. — Твой папа теперь с ангелами. Рука у него очень, очень болела, и поэтому... ангелы забрали его к Богу.

— К Богу? — изумленно переспросил мальчик.

— Твой папа умер, малыш. Он отправился на небеса, чтобы быть там с Господом.

— Нет, — уверенно отозвался Оуэн. — Папа не мог умереть.

— О, милый, мне очень жаль, но... это правда. Все это очень, очень грустно, но...

— А кто ранил папе руку? — спросил Оуэн, и гнев вспыхнул в серых глазах Халдейнов. — Это плохой принц ранил папу?

— Я... точно не знаю, милый, — с трудом отозвалась она. — Мы все выясним, когда...

Голос ее прервался, и он, рыдая, рухнул в ее объятия, по-прежнему сжимая в руках игрушечных рыцарей. Она плакала с ним вместе, наконец дав волю слезам, которые не смогла пролить накануне. Отдаленным уголком сознания она понимала, что лишь благодаря вмешательству Райсиль до сих пор способна держать свое горе в узде, и была благодарна ей за

это, ибо иначе могла бы повредить той крохотной жизни, что зрела сейчас в ее чреве. И все же она ощущала в душе глубокую печаль, которая, должно быть, останется с ней до последних дней, — и все же, по счастью, то была не разрушительная скорбь, которая могла бы свести ее с ума.

Рыдания Оуэна постепенно затихли, и теперь он лишь тихонько икал и шмыгал носом, съежившись у матери на коленях, и Микаэла также совладала со слезами. Вытащив носовой платок из рукава, она промокнула глаза и постаралась взять себя в руки, а затем утерла слезы сыну.

— Дай я вытру тебе нос, — прошептала она.

Он повиновался, но ни за что не пожелал выпустить из рук игрушечных рыцарей.

По-прежнему шмыгая носом, он поднял на нее покрасневшие глаза.

— Мама, а можно спросить? — дрожащим голосом промолвил он.

— Да, милый.

— А что, плохой принц отнял у папы корону?

Она ласково улыбнулась и убрала волосы у него со лба.

— Нет, милый, не отнял. Папа оставил свою корону тебе, и у тебя ее никто никогда не заберет... Обещаю.

Оуэн с сомнением воззрился на мать.

— Но ведь я еще маленький, мама. Что, если придет злой принц?

— Злой принц умер, милый, — прошептала она, искренне желая, чтобы второй «злой принц» умер тоже. — Он больше не может придти и забрать твою корону, а ты вырастешь и станешь очень храбрым, умным и сильным королем, как и хотел твой папа.

— Я буду таким королем, как папа?

— Да, милый, а пока ты не подрастешь, то рядом будут мудрые люди, которые научат тебя быть королем.

Оуэн вздохнул.

— Опять уроки?

— Боюсь, что да, — улыбнулась Микаэла. — И еще много-много лет вперед... Но я думаю, сегодня у тебя будет всего один урок — как быть настоящим королем. Там, снаружи, тебя ждет архиепископ и другие сановники. Теперь ты стал королем, и они должны кое-что сделать и сказать тебе. Как ты думаешь, ты сможешь им показать, какой ты смелый мальчик?.. Ради меня, и чтобы папа на небесах гордился тобой.

— А что я должен делать? — с подозрением спросил он.

— Просто быть вежливым, и отвечать, когда к тебе обращаются. Все будут много кланяться, после того как скажут свои слова, и они будут подходить и целовать тебе руку... Ты видел, они это делали мне и папе. Так они показывают, что ты теперь король. Все будет в порядке?

Он задумчиво кивнул.

— А могу я взять своих рыцарей?

— Ну... Давай возьмем только того, который как папа, и ты должен держать его вот так, в левой руке, чтобы они могли поцеловать правую. А дядю Катана мы оставим здесь, он проследит, чтобы остальные рыцари вели себя хорошо. Ладно?

— Ладно.

— А теперь дай мне руку, как это делал папа, и мы с тобой выйдем в соседнюю комнату. Вот так. — Поднявшись, она положила левую руку на его пра-

вую. — Теперь ты король, а я твоя дама, и мы должны выглядеть очень достойно перед твоими советниками.

Она видела, что Хьюберту очень понравилось, как это все прошло. Маленький Оуэн со всем достоинством четырехлетнего мальчугана прошел с матерью в соседнюю комнату, должным образом принял поклоны своих сановников и подождал, чтобы матери также принесли стул, прежде чем сесть на тот, который предложили ему. После этого, пока граф Таммарон зачитывал вслух указ о престолонаследии, Оуэн сидел неподвижно, и лишь крепко прижимал к себе игрушечного рыцаря, а затем позволил каждому поцеловать ему руку. Он едва не расплакался, когда Хьюберт ненадолго надел ему на палец отцовское Кольцо Огня, ибо его очень напугало то, насколько велик оказался перстень, но он тут же развеселился, когда леди Ниева дала ему крепкую золотую цепочку, чтобы подвесить кольцо на шею.

Учитывая то, сколь примерно он себя вел, Микаэле позволили взять его в свои покои до конца дня. Секорим сперва пытался возражать, поскольку его лишь недавно посвятили в истинную природу взаимоотношений покойного короля со своими сановниками, но Таммарон, будучи сам отцом четырех детей, заявил, что в такое время малыш должен оставаться с матерью, будь он хоть трижды король, и даже обычно непреклонный Ричард, у которого самого сын был всего на год старше Оуэна, согласился, что, хотя бы на ближайшие дни, юного короля не следует разлучать с матерью, в особенности, когда ожидалось возвращение похоронного кортежа в Ремут, встреча его на ступенях собора, а затем и державные похороны. Хьюберт согласился.

Возблагодарив Господа за эту маленькую милость, Микаэла позволила препроводить их с Оуэном обратно в королевские апартаменты, и сама принесла туда рыцаря, изображавшего дядю Катана, тогда как Оуэн крепко сжимал в руках папу-рыцаря. Как только они с Оуэном оказались в гостиной, она избавилась от вуали и короны, попросила Райсиль распустить ей волосы по плечам, так, как это больше всего любил Оуэн, и нагнулась, чтобы обнять малыша.

В опочивальне она с благодарностью обнаружила, что леди Эстеллан с прочими придворными дамами оставили ей легкий завтрак, — ведь перед этим Микаэла так и не смогла ничего поесть. У нее самой по прежнему не было аппетита, но зато малыш Оуэн перекусил с удовольствием, позаботившись о том, чтобы и папа, и дядя Катан, и их лошади, получили понемногу хлеба и сыра. Когда он наелся, Райсиль помогла Микаэле снять с него сапожки и алую тунику, а затем уложила маленького короля поспать, после того как, сочувственно поцокав языками и повосхищавшись мужеством маленького короля, удалились все придворные дамы, Райсиль попросила королеву тоже ненадолго прилечь.

— Вы не меньше его нуждаетесь в отдыхе, — прошептала она, помогая королеве снять верхнее платье. — И ни о чем не тревожьтесь, я все прочту в вашем сознании, пока вы спите, а затем позабочусь и о маленьком короле.

Этот отдых пошел ей на пользу, и когда она проснулась, то с радостью осознала, что осталось вытерпеть всего несколько часов, прежде чем наконец наступит вечер. Няня Оуэна с помощью пажа перенесла в материнские покои остальных рыцарей и мале-

нькую черную тунику, и Микаэла до самого ужина сидела молча, наблюдая за тем, как играет ее сын. Вытащив из ивовой корзины рыцарей, он устраивал засаду для злого принца... И сама эта игра, и черная туника казались слишком мрачными для столь маленького мальчика, но королева прекрасно сознавала, чем вызвана подобная серьезность.

После ужина Микаэле позволили самой выкупать малыша, и она с радостью занялась этим, поскольку ее уже давным-давно отлучили от этой обязанности. Позже, когда мальчик заснул в ее постели, которую она прежде делила с его отцом, она опустилась на колени, погладила его по черным, как смоль, волосам и прошептала слова молитвы. Под сердцем у нее ждал своего часа второй ребенок, но именно этому мальчику предстоит научиться выживать под властью регентов в ближайшие дни, недели и годы. Очень скоро ему придется пойти по стопам отца и взять на себя всю тяжесть наследия Халдейнов.

А завтра ему предстоит увидеть, как тело отца в гробу доставят из Ремута. Хьюберт после ужина явился сказать ей, что кортеж прибудет вскоре после полудня. Новость эта омрачила весь остаток вечера, и она постаралась уйти спать пораньше, попросив Райсиль подарить ей глубокий сон без сновидений.

* * *

Поутру они получили известие, что процессия, вероятно, достигнет собора около трех часов. С самого утра Микаэла вновь надела траурное платье, но волосы пока оставила распущенными ради Оуэна и все утро провела у окна, любуясь садом, пока сын у ее ног играл со своими рыцарями. На черной похо-

ронной тунике ярким пятном выделялось Кольцо Огня на золотой цепочке. После завтрака она позволила Райсиль убрать волосы в прическу, накинула вдовью вуаль и надела державную корону с переплетенными крестами и листьями.

В два часа за ними пришли Таммарон с Ричардом, и это не слишком напугало мальчика, поскольку он знал обоих мужчин, но когда король с матерью оказались на ступенях парадного зала, то почетный караул *Custodes* тут же встал по стойке смирно с таким топотом, грохотом и лязгом оружия, что малыш Оуэн невольно оступился и зарылся в материнские юбки.

— Ничего, ничего, милый, — прошептала Микаэла, нагнувшись, чтобы приободрить его, в то время как граф Таммарон жестом показал ей на носилки под балдахином, что ожидали у подножия лестницы. — Эти люди просто хотят поприветствовать тебя. Сегодня многие будут делать то же самое. Ты помнишь, как вчера сановники целовали тебе руку?

Он неуверенно кивнул.

— Ну вот, а солдаты выражают свое уважение, лязгая оружием, потому что именно так они служат тебе — своей силой и отвагой. А теперь подними головку и возьми маму за руку, как вчера. Смотри, мы поедем в этом замечательном паланкине архиепископа. Тебе никогда не хотелось прокатиться в одном из них? Я об этом давно мечтала!

Успокоив сына, Микаэла медленно спустилась по ступеням, и он забрался в роскошный паланкин с достоинством бывалого придворного. Правда, оказавшись наверху, тут же растерял всю свою невозмутимость и схватил мать за руку.

— Высоко, — прошептал он, стискивая в руках папу-рыцаря.

— Да, немножко, — согласилась она. — Но зато смотри, как отсюда хорошо видно.

Поначалу паланкин неуверенно подпрыгивал, но затем движение сделалось более мягким, когда лошади, наконец, принялись шагать в ногу. Будучи коннетаблем замка, Ричард ехал рядом с ними с конным эскортом своих людей в доспехах цветов Картана. Таммарон держался рядом с Оуэном, а сэр Ронделл — неподалеку от Микаэлы. Позади следовали рыцари *Custodes*. Всю дорогу толпа, собравшаяся на улицах, молча провожала их взглядами. Мужчины ломали шапки при виде маленького короля, а многие женщины плакали, умиляясь его юному возрасту и сожалея об утрате, постигшей их всех.

Когда они, наконец, подъехали к ступеням собора, там их встретил архиепископ Хьюберт вместе с епископом Альфредом, которого прежде прочили в архиепископы Ремутские, а также аббат Секорим, который теперь был самым вероятным кандидатом на сей пост. Там же ожидали клирики с факелами, кадильницами и огромным распятием, украшенным драгоценными камнями, но Хьюберт сразу отвел королеву с сыном под крышу собора, подальше от солнечных лучей, чтобы переждать в прохладе баптистерия, пока похоронный кортеж не покажется в поле зрения. В соборе было полно богато одетых мужчин и женщин, и Оуэн принялся с любопытством наблюдать за ними.

— Мама, а эти люди что, пришли сюда ради папы? — шепотом спросил он.

— Полагаю, что да, — отозвалась она.

«И для того, чтобы узреть своими глазами этого малыша, который станет их новым королем», — подумала она про себя, вновь охваченная жалостью к нему... и к самой себе.

— Почему бы тебе не посидеть тихонько со мной рядом, пока архиепископ не вернется за нами? Давай помолимся за папу.

Они прочли несколько молитв, и Оуэн вновь принялся играть со своим рыцарем, когда за ними, наконец, пришел лорд Таммарон.

— Пора, ваше величество, — произнес он шепотом, и стражники *Custodes* у входа вытянулись на караул. — Сир, прошу вас, пойдемте со мной.

Оуэн напряженно вскинул голову и протянул матери руку, с серьезным видом шествуя с ней вместе вслед за Таммароном, который прикусил губу, чтобы не выдать своих чувств при виде маленького короля.

Хор затянул латинский гимн, едва лишь Микаэла с сыном вышли на солнце, и она увидела процессию, приближающуюся к ступеням собора. В числе первых ехал ее брат Катан, рядом с ним Ран с Манфредом, а позади, в окружении рыцарей *Custodes*, под огромным распятием и стягом Райсема, лошади везли дроги с укрытым черной тканью гробом. Она видела отблески солнца на его мече и короне, и слезы затуманили ей глаза. Она стиснула руку сына, не сводя взора с приближающегося кортежа.

Первые всадники уже начали спешиваться. Ран с Манфредом вместе с Катаном двинулись по ступеням собора, в сопровождении пары рыцарей *Custodes*. Брат ее выглядел ужасно. Он осунулся, похудел и побледнел за то время, пока она его не видела, но, по крайней мере, он вернулся домой живым.

Она перевела взгляд на Рана с Манфредом, которые в полных доспехах с самодовольным видом преклонили колени у ног Оуэна и поцеловали его маленькую ручку, а затем, невозмутимо поприветствовав Таммарона, расступились, чтобы дать дорогу Катану. Тот сумел выдавить на губах ободряющую улыбку в адрес маленького племянника, когда склонился над рукой мальчика, но когда он поднялся, чтобы обнять и расцеловать сестру в обе щеки, она увидела, что зрачки его остаются расширенными даже на ярком солнце. Так, значит, он одурманен... Это объясняло и его внешний вид, и замедленность движений, и то, что он, казалось, с трудом удерживается на ногах. Все эти признаки были ей слишком хорошо знакомы, ведь она помнила, как то же самое было с Райсемом много лет назад. Она попыталась поддержать его под руку, предлагая мысленно свое утешение и поддержку, но он не впустил ее в свой разум, остекленевшим взглядом уставившись на гроб Райсема, который сейчас уже начали опускать на землю подоспевшие стражники.

Со слезами на глазах, Микаэла наблюдала, как священники воскуряют благовония над гробом мужа и окропляют его святой водой, и услышала молитву Хьюберта, который взывал к святым и ангелам, дабы они пришли на помощь Райсему и явили душу его пред всемогущим Господом.

— *Suscipiat te Christus, qui vocavit te...* — выпевал Хьюберт. — Да примет тебя Христос, который призвал тебя, и пусть ангелы вознесут тебя на лоно Авраамово.

«А ведь так оно и было, знаешь, — донеслась до нее мысль Катана в тот миг, когда он стиснул ей руку. — *Ангелы явились за ним... Точнее, это были архангелы... Те же самые, что пришли в ту ночь, когда он получал свою*

магию. Их призвал отец Кверон, я точно знаю, что он упокоился в мире, Мика...»

— *Requiem aeternam dona ei, Domine,* — выводил Хьюберт, — *et lux perpetua luceat ei...*

— *Offerentes eam in conspectu Altissimi...*

Ошеломленная и обрадованная этим известием, с глазами, туманящимися от слез, Микаэла каким-то образом сумела дожить до конца церемонии, последовав за гробом мужа в притихший собор. Катан поддерживал ее под правую руку, а Оуэн цеплялся за левую. Саркофаг несли королевские сановники, Таммарон, Манфред, Ран, Ричард, — а также лорд Эйнсли и сэр Ронделл, поскольку Хьюберт и Секорим не могли в этом участвовать.

Облака благовонного дыма окружали их, и путь показался Микаэле гораздо, гораздо более долгим, чем обычно. А ведь ей не так редко приходилось проделывать этот путь по нефу собора. Радостнее всего, когда она давала брачный обет человеку, за чьим гробом следовала теперь; а труднее всего, если не считать сегодняшнего дня, было идти за ним в день коронации, сознавая, что он должен будет принести перед Богом клятву, которую ему никогда не позволят сдержать.

Хор затянул гимн, обещая воскресение и спасение, и сановники поставили гроб на заранее подготовленный катафалк, а затем установили по местам похоронные свечи: толстые, желтые столпы, закрепленные в шести высоких серебряных подсвечниках, по три с каждой стороны. Хьюберт вознес очередную молитву, после того как сановники преклонили колена за спиной у королевы и маленького короля, а затем вновь окропил гроб святой водой и воскурил благовония, отчего Оуэн едва не расчихался.

После Таммарон с Раном принесли державную корону и скипетр, лежавшие на алтаре. Ран положил жезл из слоновой кости, украшенный золотом, рядом с мечом Халдейнов, а Таммарон возложил державную корону на гроб вместо простого обруча, в котором король отправлялся в Истмарк. Этот обруч он, опустившись на колено, вручил королеве.

Она негромко поблагодарила его и прижала обруч к груди, затем, вместе с Оуэном и Катаном опустилась на колени в изголовье гроба под звуки продолжающихся молитв, и вместе со всеми собравшимися шепотом повторяя должные ответы. Лишь теперь, взяв в руки тонкую корону Райсема, которую не столь давно сама возложила на его шлем, она начала по-настоящему осознавать, что он мертв. Разумеется, не его вечная душа, ибо Катан заверил ее, что душу Райсема вознесли к Господу архангелы, и все равно она оплакивала ту его смертную часть, что лежала сейчас в дубовом гробу, то тело, которое никогда больше не сожмет ее в объятиях...

Когда все было кончено, она негромко рыдала, но скорее во власти печали, чем от душераздирающей скорби. Таммарон вместе с мастером Джеймсом приблизился к ней, когда процессия двинулась к выходу, но она заверила обоих, что все будет в порядке, и Катан сопроводил ее с сыном к выходу, где уже дожидалась свита.

По счастью, на паланкине опустили занавески, так что они с Оуэном могли укрыться от любопытных глаз по дороге в замок. Кроме того, ткань приглушала звуки, доносящиеся снаружи: мерное постукивание лошадиных копыт по камням мостовой и гул толпы, запрудившей улицы.

— Мама, — прошептал Оуэн чуть погодя, прижавшись к ней и стискивая в руках папу-рыцаря. — Папа ведь на самом деле не был там, в ящике, правда?

Она удержалась от улыбки, гадая, не мог ли он уловить отголосков ее собственных мыслей.

— Нет, милый, там было его тело, но теперь это просто пустой дом. Его душа, самая важная часть, ушла к Богу.

Он отодвинулся от матери, взглянул себе на грудь, а затем вновь поднял глаза.

— А это мой дом, да, мама?

— Да.

— А когда... когда я сплю, моя душа тоже выходит из дома?

Она ненадолго закрыла глаза, пытаясь представить себе картинку, понятную для четырехлетнего мальчика и которая не напугала бы его.

— Некоторые люди говорят, что да, но ты не должен бояться засыпать, милый. Мы всегда возвращаемся в свое тело, пока не придет время Богу позвать нас к себе. Говорят у нас есть серебряная ниточка, которая привязывает душу к телу. Это волшебная нить, которая может растягиваться до самых пределов земли, но всегда возвращает нас обратно, когда приходит час. Когда человек стареет, ниточка начинает перетираться и рвется. Когда она порвется совсем, тогда человек уходит к Богу.

— Но папа не был старый, что случилось с его серебряной ниточкой?

— Ну, иногда, когда мы сильно болеем или тяжело ранены, нить обрывается. Когда такое случается, то приходят ангелы и уносят душу к Господу. Так случилось и с папой, можешь спросить дядю Катана. Он говорит, что видел ангелов своими глазами.

— Правда? — Оуэн сердито топнул ножкой. — Он видел, как ангелы забрали моего папу?

— Они сделали это не со зла, — поспешно поправилась она. — Такая у ангелов работа — охранять нас и беречь. Но папина ниточка уже порвалась. Его тело очень сильно болело, вот поэтому ангелы и пришли забрать его к Богу.

— А-а...

Гнев Оуэна на злых ангелов тут же улегся, когда он принял объяснение матери, и мальчуган затих в ее объятиях, укачивая на груди своего рыцаря. К тому времени, когда паланкин остановился во дворе замка, он уже крепко спал, и Катан, отдернув занавески, взял задремавшего ребенка на руки.

— Пусть спит, — прошептал Катан, когда Микаэла попыталась возразить, что он еще слишком слаб для этого. — Ничего, я отнесу его. Он совсем не тяжелый.

Ему это было дозволено, хотя, разумеется, не в одиночестве. Манфред с Таммароном последовали за ними до самых королевских апартаментов. Как только Катан уложил мальчика в материнскую постель, Манфред, согнув палец, поманил его из дверей.

— Могу ли я хоть немного побыть с сестрой... Прошу вас! — взмолился Катан.

— Это подождет. Мы должны идти вниз.

— Хоть пару мгновений. Я хотел передать ей кое-что на память о муже.

— Что еще? — воскликнул Манфред и ворвался в комнату, волоча за собой смущенного Таммарона.

Дрожа от волнения, ибо он опасался, что другой такой возможности ему не представится, Катан торопливо достал из кошеля на поясе сложенный носовой платок и извлек оттуда Глаз Цыгана.

— Это одна из королевских регалий Гвиннеда, — промолвил он, положив серьгу в протянутую ладонь. — Надо будет проколоть мальчику ухо, чтобы он мог носить ее.

«И сделай это как можно скорее», — сумел он передать ей во время краткого телесного контакта.

Она кивнула и сжала ладонь, а Манфред дернул Катана за рукав.

— Совет требует вашего присутствия, сэр Катан. Не заставляйте меня просить вас еще раз.

Внутренне съежившись при мысли о том, что ждет его впереди, Катан сунул сестре в руку фибулу Халдейнов, по-прежнему завернутую в платок.

— Он также просил передать тебе... Милорд, это личное! — воскликнул он резко, когда Манфред попытался отнять брошь у королевы. — Это просто застежка с его плаща, подарок королевы мужу после рождения принца Оуэна. Неужели вы не позволите ей хоть это напоминание об их любви?

— Манфред, оставь их в покое, — устало произнес Таммарон. — Ваше величество, прошу вас простить лорда Манфреда. Похоже, манеры его значительно ухудшились после этого путешествия. Манфред, совет, несомненно, пожелает задать вопросы и тебе, а не только сэру Катану. Вы оба пойдете со мной, или мне позвать стражников?

— Не смей на меня давить, — проворчал Манфред, разворачиваясь на каблуках к дверям. — Драммонд, пойдем, или ты еще об этом пожалеешь.

Понурившись, Катан двинулся к выходу.

— Если мне позволят, я постараюсь вернуться к ужину, Мика. Да хранит тебя Бог, сестрица.

— И тебя, мой дорогой брат, — прошептала она, когда дверь за ними закрылась.

Глава тридцать вторая

Тогда тысяченачальник, приблизившись, взял его и велел сковать двумя цепями[1]

Расплата, ожидавшая Катана в зале совета, оказалась одновременно и более милосердной, и более страшной, нежели он опасался. Как и следовало ожидать, на входе Ричард отобрал у него меч. Катан почти физически ощутил на себе давление враждебных взглядов людей, сидящих за столом, когда медленно расстегнул пояс, обмотал его вокруг ножен и передал коннетаблю замка, использовав это время, чтобы оценить свои шансы, и сожалея лишь о то, что в голове по-прежнему стоит туман, а руки дрожат от воздействия наркотического снадобья.

Хьюберт уже восседал на своем привычном месте, слева от пустующего кресла короля. Лиор с Раном сидели справа от него. Жестом велев Катану сесть на противоположном конце стола, где обычно было место королевы, Ричард препроводил Таммарона и усадил его напротив Хьюберта, а сам сел рядом, небрежно бросив перед собой на стол меч Ката-

[1] Деяния 21:33

на. Аббат Секорим сидел по правую руку от Катана, а Манфред примостился на пустующий стул между Лиором и Раном.

— Манфред, с вами мы поговорим чуть позднее, в частном порядке, о некоторых действиях, предпринятых вами за время отсутствия, — объявил Хьюберт без лишних предисловий и принялся перебирать лежащие перед ним бумаги. Аметистовый перстень на руке блеснул в солнечном свете. — Но пока меня больше тревожит доклад, присланный несколько дней назад лордом Раном, где утверждается, будто покойный король написал недозволенное приложение к своему завещанию, в котором назначил дополнительных регентов, не получивших одобрения этого совета. Отец Лиор полагает, что именно это черновик документа, который король показывал Рану в подкрепление своих слов. — Он указал на лист пергамента перед ним на столе. — Сэр Катан, полагаю, это писано вашей рукой? Не будете ли вы столь любезны, дабы пролить свет на этот вопрос.

Катан склонил голову, прекрасно сознавая, что с каждым произнесенным словом угроза смертного приговора все основательнее нависает над ним. Он полагал, что Лиор отыскал черновик в седельных сумках короля, к которым сам Катан не имел доступа с момента смерти Райсема.

Отрицать что-либо было бесполезно. Черновик и впрямь был написан его рукой, равно как и все существующие копии, — и они вскоре обнаружат это, когда приедут келдорцы и привезут кодицилл с собой. Он не мог и не желал скрывать истину о своем участии в этом деле, но если он не поостережется и вызовет у сановников слишком сильный гнев, то они тут же прикончат его.

— Приложение к завещанию существует, — произнес он негромко. — Оно было заверено в замке Лохаллин перед достойными доверия свидетелями. Король, по причине раненой руки, не мог написать его сам, и поэтому продиктовал мне текст документа, и я, как велел мне долг по отношению к своему господину, сделал несколько копий с этого кодицилла.

— А как насчет твоего долга перед этим советом? — резко бросил Хьюберт. — Насколько я припоминаю условия твоего назначения на королевскую службу, мы говорили о том, что в первую очередь ты должен быть предан именно нам. Ты принес клятву на священных реликвиях.

— Но другую клятву, и куда более искреннюю, я принес своему королю, — отважно возразил Катан. — Я произнес эти слова в тот миг, когда он сжимал мои руки в своих освященных ладонях, как миропомазанный владыка Гвиннеда. Именно тогда я поклялся служить ему верой и правдой, перед Богом и людьми. Повинуясь его приказам, я исполнил свой обет, и не жалею об этом.

— Ну, в этом у нас давно уже нет сомнений, — произнес Манфред. — Сколько было сделано экземпляров этого документа?

— Достаточно, — осмелился сдерзить Катан.

— Не смей играть со мной в игры, — воскликнул Манфред. — Сколько?

— По одной копии для всех, кто назван в этом приложении, один экземпляр для леди Стэйси, один — для священника, который засвидетельствовал документ, и еще один — для короля, — ровным голосом ответил Катан, сознавая, что не имеет никакого значения, узнают они об этом, или нет... А желаемые

сведения они все равно вырвали бы у него под пыткой.

Лиор откашлялся.

— Ваша милость, среди вещей короля мы ничего не нашли, кроме этого наброска.

— Куда делся документ, принадлежащий королю, а, Катан? — спросил его Таммарон.

Катан уставился ему прямо в глаза. Таммарон был самым приличным человеком из всех, кто сидел за этим столом, и все же он был одним из них.

— Король отослал эту бумагу в Ремут. Я не знаю, ни с кем, ни кому.

Первое утверждение было правдой, остальное явной ложью, но достаточно правдоподобным, чтобы они не вздумали прибегнуть к пыткам, дабы добиться прямого ответа.

— Невозможно, — пробормотал Ран. — Ты наверняка бы узнал, и *мы* должны были узнать. Не так много людей могли свободно ходить по замку.

— Со всем уважением к вам, милорд, но это был не *ваш* замок, — негромко произнес Катан с невозмутимым выражением лица, стараясь не выдать своих чувств. — Поскольку король только что назначил регентами своего юного сына герцога Клейборнского и графа Марлийского, неужто вы думаете, они не помогли бы ему подыскать гонца, который взял бы на себя доставку этого документа?

Ран с Манфредом уставились на него, точно громом пораженные. Хьюберт хмыкнул и оттолкнул черновик от себя подальше, а затем окинул собравшихся жестким взглядом своих водянисто-голубых глаз. Все они в ответ выжидающе воззрились на него, явно дозволяя именно архиепископу принять на себя всю ответственность.

— Катан, у меня нет времени играть с тобой в игры, — заявил Хьюберт, раздраженным тоном родителя, который не в силах больше терпеть капризы ребенка. — Твоя сестра носит во чреве своем будущего наследника. Понятно, что я не могу убить тебя сейчас, пока она благополучно не разрешится от бремени, однако обещаю, что эти последние месяцы жизни не доставят тебе удовольствия.

Катан сидел, не поднимая глаз, стиснув руки на коленях.

— Полагаю, тебе известно, каким образом мы обошлись с покойным королем вскоре после смерти короля Джавана, — невозмутимо продолжил Хьюберт. — Так вот, на твою свободу будут наложены еще большие ограничения, и ты можешь не сомневаться ни на единое мгновение, что, без всякой надежды на отмену приговора, в тот же день, когда королева разрешится от бремени, ты умрешь... Легкой и быстрой смертью, если ребенок выживет. Но если она потеряет ребенка... ты даже не можешь вообразить себе, какую боль способно вытерпеть человеческое тело, прежде чем наконец обрести освобождение в смерти. Возможно, конечно... Хотя, нет, ты ведь не был свидетелем той участи, что постигла некоего Деклана Кармоди, который много лет назад предал наше доверие. Ты был тогда слишком юн. Это случилось в тот же день, когда отец Ричарда избавил нас от прежнего владыки Келдора — отца нынешнего герцога Клейборнского, если я не ошибаюсь. Мердок рассказывал тебе об этом, Ричард?

Райсем обо всем рассказывал Катану, и, судя по всему, Мердок тоже не скрыл от своего сына подробностей того дня, ибо Ричард без единого слова кивнул архиепископу и побледнел, как полотно.

— Я так и думал, — с ледяной улыбкой проронил Хьюберт. Затем глубоко вздохнул и продолжил: — Но довольно переливать из пустого в порожнее. Что касается твоего ближайшего будущего, мой дорогой Катан, то твое покорное присутствие потребуется через два дня на похоронах короля. Кроме того, ты еще один раз покажешься на людях через несколько месяцев, во время коронации нового правителя. Отец Лиор, если я препоручу его бережной заботе *Custodes*, могу ли я быть уверен в том, что вы приведете его к послушанию?

Лиор кивнул.

— Клянусь в этом, ваша милость, тем обетом покорности, что я принес вам лично.

— Тогда уведите его прочь, — ледяным тоном приказал Хьюберт. — Не желаю больше смотреть на него.

Лиор крикнул стражей, Катана связали и вытолкали из зала совета. Возблагодарив Господа за эту недолгую отсрочку приговора, он постарался смириться с судьбой... хотя в глубине души и позволил себе надеяться, что келдорцы могут успеть вовремя, дабы спасти его от той участи, которую уготовил ему Хьюберт. Несколько дней он еще сможет потерпеть, сколь бы неприятны они ни были.

А после... После, если келдорцы потерпят поражение, уже ничто больше не будет иметь значения.

* * *

Когда настало время ужина, а Катан так и не появился, и ни о чем не сообщил, Микаэла начала тревожиться всерьез. Она то и дело выходила в коридор, расспросить стражников, и наконец их капитан

сочувственно сообщил королеве, что сэр Катан почувствовал себя дурно и потому не сможет присоединиться к ней нынче вечером. Она со слезами на глазах продолжала настаивать, но добилась лишь того объяснения, что брат королевы слишком устал с дороги и ближайшую пару дней намерен отсыпаться.

Райсиль также не слишком преуспела в своих попытках разузнать, что происходит вокруг. Она несколько раз улучила возможность прогуляться по замку этим вечером, сперва, чтобы забрать свои пожитки из прежней комнаты, а затем спустилась в кухню за чашкой теплого молока для Оуэна, все это время пытаясь уловить хоть какие-то отголоски того, что творится за закрытыми дверями зала совета. Она узнала только, что сановники по-прежнему совещаются, и попросили подать им ужин прямо в зал заседаний. Никто не знал, там ли по-прежнему находится Катан, или нет.

Когда она принесла в королевские покои молоко для маленького Оуэна, то обнаружила, что королева как раз закончила купать сына, и теперь натягивала на него чистую ночную сорочку.

Позже, когда они уложили мальчика в постель, поставив в изголовье рыцарей, изображавших его папу и дядю Катана, дабы они охраняли сон малыша, Райсиль с королевой вышли и присели в нише у окна.

Райсиль теперь спала на тюфяке у изножья постели своей госпожи, но сейчас, когда обе женщины были лишь в ночных рубахах, и распущенные локоны вольно ниспадали на плечи, они были похожи скорее на сестер или на двух школьниц, нежели на королеву и ее служанку.

— Ты что-нибудь смогла разузнать? — спросила Микаэла, поставив между ними лучину. — С ним все в порядке?

Райсиль пожала плечами и качнула головой.

— Не знаю. Совет все еще заседает. А раз нам сообщили о его «недомогании», то, как видно, в ближайшие дни мы с ним не увидимся.

— Может, он и впрямь просто отсыпается? — с надеждой промолвила Микаэла. — Он выглядел таким усталым...

— Но он также сказал, что постарается вернуться к ужину, если ему позволят... — возразила Райсиль. — Впрочем, не думаю, что они осмелятся сделать ему что-то плохое... по крайней мере, до похорон, — добавила она, когда лицо королевы исказилось от ужаса. — К тому времени приедут келдорцы, и я надеюсь, что все будет в порядке.

— А если нет? — прошептала Микаэла.

— Мы не станем говорить об этом сейчас, — отрезала Райсиль. — А пока следует внушить сановникам мысль, что ваше здоровье в опасности. Пусть они боятся, что вы можете потерять ребенка. Конечно, не следует переигрывать, иначе мастер Джеймс пожелает уложить вас в постель до конца беременности, однако полагаю, было бы неплохо, если бы вы продолжали настаивать, чтобы вам позволили увидеться с Катаном, и ясно дали им понять, что тоскуете по брату, особенно теперь... когда короля не стало.

Микаэла склонила голову, силясь не дать волю скорби — по обоим мужчинам — затем вспомнила о фибуле, которую Катан с таким трудом сумел ей передать. Вернувшись к столу, под удивленным взглядом Райсиль, Микаэла взяла Глаз Цыгана и фибулу Халдейнов и принесла их обратно в оконную нишу.

— Не понимаю, зачем ему понадобилось отдавать мне это сейчас, — промолвила она, отложив серьгу с рубином и вертя брошь в пальцах. — С Глазом Цыгана все ясно, это одна из регалий Халдейнов. Но хотя фибула, конечно, была очень важна для нас, как символ...

Голос ее прервался, и Райсиль тронула королеву за руку.

— Позвольте мне взглянуть.

Микаэла безмолвно передала ей брошь, изумленно взирая, как юная Дерини внимательно ощупывает украшение, а затем сжимает его в пальцах, после чего, закрыв глаза, она приложила брошь ко лбу, эмалью к коже. Через несколько мгновений она с улыбкой протянула украшение королеве, ласково поглаживая золотого льва.

— Ваш брат отважный человек, моя госпожа, а ваш Райсем был куда более мудрым, чем даже я могла предположить. Я не способна прочесть послание, ибо оно предназначено не для меня, но в этой фибуле что-то есть, Мика... И это Райсем вложил туда свое послание, с помощью тех магических способностей, что мы вручили ему здесь, в этой самой комнате. Я отнюдь не удивлюсь, если он оставил вам ключ, чтобы открыть доступ к магии вашему сыну Оуэну.

— Оуэну? — переспросила Микаэла. — Райсиль, но он ведь совсем маленький.

— Он слишком юн, чтобы владеть магией, но это не означает, что он не может получить эти способности в потенциале, чтобы он мог взрослеть вместе с ними, под руководством мудрых людей, которые с радостью обучат короля всему, что он должен знать... конечно, если мы сумеем короновать его по-настоящему. Именно поэтому Катан доставил

вам также и Глаз Цыгана. Вы ведь знаете, что он всегда являлся чем-то большим, нежели просто частью наследия Халдейнов. Что сказал Катан, когда вручил его вам?

— Только то, что мне следует проколоть Оуэну ухо, чтобы он мог его носить... *И чтобы я сделала это как можно скорее*, — добавила она, внезапно вспомнив мысленный призыв брата, о котором совсем позабыла за тревогами этих часов.

Она взяла Глаз Цыгана и пристально посмотрела на ограненный рубин размером с ноготь, закрепленный на золотой проволоке.

— Райсиль, я не знаю, как это сделать, — прошептала она, округлив глаза. — Нет, конечно, не как проколоть ему ухо, я помню, как это делала мне мать, но все остальное... этот обряд. Я как в тумане вспоминаю все, что мы делали для Райсема, но я сама не делала ничего, я только произносила те слова, которые мне как будто кто-то подсказывал свыше...

Райсиль с улыбкой взяла у нее Глаз Цыгана и вручила королеве фибулу.

— Взгляните, что он оставил вам, Мика, — прошептала она. — Закройте глаза и расслабьтесь, глубоко вздохните, а потом выдохните... А теперь подумайте о Райсеме. Вот он лежит в какой-то темной комнате и держит в руках эту брошь, и думает о вас и об Оуэне... А когда будете готовы, прижмите брошь ко лбу, как я это сделала только что... и откройте свой разум посланию Райсема... Услышьте его последние слова любви и силы, которые поддержат вас и Оуэна, и второго нерожденного сына, даже после смерти Райсема... когда будете готовы...

Микаэла ощутила, как постепенно погружается в транс, вызванный магией Райсиль, и понемногу

осознала, что способна сделать то, что просила от нее Дерини. Она почувствовала, как вся ее магия сосредотачивается вокруг фибулы в руке, этом символе свободы Халдейнов, который так много значил для них с Райсемом, и ее собственная рука словно помимо воли поднялась, удерживая брошь, а голова начала клониться все ниже и ниже, покуда не коснулась прохладной эмали.

Знание возникло в ее голове полностью и без малейших неясностей. Теперь она точно знала, что и как следует делать. Он упростил и сделал более утонченным тот обряд, что проводился над ним самим в ту ночь, когда Микаэла была тому свидетельницей, и в другую ночь, много лет назад, когда его отец открыл своим сыновьям доступ к магии Дерини. Природа способности Халдейнов была такова, что отец при жизни не мог передать их наследнику в полной мере, но эта магия давала ощутить себя каждому своему носителю инстинктивно, и он без лишних слов знал, каким образом должен быть передан этот потенциал. Оуэн и впрямь был слишком мал для подобного обряда, но Райсем доверял мудрости новых регентов, которых постарался назначить. А если Микаэла доверится *ему*, и сделает для сына то, что он требует, и если Райсем и впрямь верно оценил преданность келдорских лордов, то династия Халдейнов еще может обрести вожделенную свободу.

Слезы блестели у нее на ресницах, когда королева, наконец, подняла глаза, но на устах ее играла улыбка. Все еще пребывая в легком трансе, она подала Райсиль руку, чтобы поделиться с ней новым знанием. Райсиль также расплакалась, когда осознала в полной мере послание покойного короля, и придви-

нулась ближе, чтобы обнять королеву и дать ей утешение в миг скорби.

— Как ты думаешь, нам стоит сделать это сегодня? — прошептала Микаэла, утирая слезы рукавом. — Или, может, лучше подождать до завтра? Возможно, Катан нам поможет, если мы его дождемся.

— Полагаю, следует сделать это сейчас, пока у нас есть такая возможность, — возразила Райсиль. — Положение может измениться к худшему. Новые регенты вполне могут решить, что за вами нужно следить более пристально, во-первых, опасаясь за ваше здоровье, а во-вторых, из страха перед келдорцами. — Она улыбнулась, чуть приподняв брови. — Вот это будет забавно: без всяких снадобий, без Целителя, без священника...

— Просто две женщины, которые сами толком не знают, что делают, — поддержала ее Микаэла с отважной улыбкой. — Но Райсем решил, что мы справимся. Он был уверен, что *я* справлюсь, даже если ты не сумеешь придти мне на помощь. А если мы сделаем это вдвоем, то неужели мы так много напортим?

— А вот *этот* вопрос, — перебила ее Райсиль, широко улыбаясь, — никогда не следует задавать.

Почти час у них ушел на то, чтобы приготовить и собрать все необходимые предметы для обряда, после чего они дождались, пока вокруг затихнет обычная суета, и слуги разойдутся по своим комнатам. Наконец, сменились также стражи снаружи, и Райсиль проскользнула в гостиную, где на кушетках спали Ниева и Лирин — придворные дамы, дежурившие здесь на случай, если вдруг ночью что-нибудь понадобится королеве, — и углубила их сон настолько, что лишь какой-то очень сильный шум в коридоре мог бы их пробудить. Со стражниками она, ко-

нечно, ничего не могла поделать, но маловероятно, чтобы в столь поздний час кто-то явился к королеве, учитывая ее состояние.

Она на цыпочках вернулась в опочивальню и обнаружила, что Микаэла, скрестив ноги, сидит на широкой постели, держа на коленях корзину с вышиванием, а Оуэн спит рядом с ней. Пока не было Райсиль, она размотала шелковую нить, чтобы описать круг у постели, — алый цвет Халдейнов, почти незаметный на темных половицах. В круг оказался включен небольшой ночной столик слева от кровати, где стояла миска с водой, полотенце, и горела единственная свеча. Как и было велено, на северо-востоке она оставила нить разомкнутой, точно так же, как это было сделано с другим кругом в этой самой комнате несколько недель назад.

— Признаюсь честно, что это самый примитивный обряд, с которым мне лично когда-либо доводилось сталкиваться, — прошептала Райсиль, войдя в круг, и связала за собой концы шелковой нити, а затем забралась на постель рядом с королевой.

— Кому бы это понравилось, так это моей матушке. Она обожала экспериментировать. Отец пришел бы в ужас. Но, впрочем, все Целители консерваторы. Взгляните хоть на моего брата. Такое впечатление, что ему тридцать лет, а не тринадцать. — Она улыбнулась и взглянула на мирно спящего Оуэна. — Впрочем, во всем этом есть и своя хорошая сторона. Если нас кто-нибудь застигнет врасплох... ну, разве что кроме *самого* рокового момента... то нет никаких доказательств того, что мы заняты чем-то неподобающим. Я постараюсь свести все формальности к минимуму. Вы готовы начать?

— Да, готова.

И правда, Райсиль с улыбкой вытянула руки, и Микаэла сжала их в ладонях, затем склонила голову и закрыла глаза. В круг своих сомкнутых рук они заключили спящего Оуэна.

— И окропишь меня гисопом, Господи, и я очищусь, — пробормотала Райсиль, взяв этот простой стих как символ подлинного очищения, которое они не смели сейчас осуществить ввиду отсутствия благовоний и святой воды для кропления. — Омой меня, и стану я белее снега. Господь — Пастырь мой, я ни в чем не буду нуждаться. Он покоит меня на злачных пажитях...

— ...И водит меня к водам тихим, подкрепляет душу мою, — негромко продолжила шепотом Микаэла, и они хором дочитали псалом до конца.

Затем, повторив «Отче наш», она перекрестилась, моля о покровительстве Святую Троицу, и также осенила крестным знамением лоб Оуэна, а затем взглянула на Райсиль, которая медленно поднялась в центре постели лицом к востоку.

Головой она почти касалась балдахина из светло-желтого фарсинского шелка, расшитого золотом, почти того же цвета, что и волосы девушки. Сцепив перед собой руки и прижав кончики пальцев к губам, Райсиль затем выпрямилась, развела руки в стороны и, вновь скрестив их на груди, низко поклонилась. После чего, левую руку прижимая к сердцу, двумя пальцами правой руки повелительным жестом указала на пол, туда, где лежала шелковая нить. Микаэла почти могла видеть, как воля ее словно стальным мечом коснулась пола, и шелк вспыхнул незримым пламенем, которое горело, но не обжигало.

Не произнося вслух ни единого слова, Райсиль начала поворачиваться через правое плечо, двумя па-

льцами следуя по кругу за шелковой нитью, и Микаэла ощущала, как устремляется сила, сосредоточенная в ее руке, и ощущала незримый свет, который устремлялся за ней следом, словно призрачной вуалью окружая обеих женщин. Наконец, Райсиль вскинула руку, провела ею над головой, и защитный покров окутал их сверкающим куполом не-света. К этому моменту Райсиль уже совершила полный круг и вновь вернулась в исходную точку. Теперь она вновь сцепила перед собой руки, слегка поклонилась востоку, затем прислушалась к звукам, доносившимся откуда-то из коридора, и наконец, решившись, развернула ладони наружу прямо перед грудью и шепотом начала взывать:

— О, Господи, святы деяния твои, и Ты есть источник всяческой благости. Во имя Света восходящего, взываем мы к Твоему святому Архангелу Рафаилу, Целителю Небесному, Стражу Воздуха, дабы стать свидетелем сего обряда и исцелить нас разумом, и духом, и телом.

Соединив руки, она поклонилась, затем на четверть оборота повернулась к югу.

— О, Господи, святы деяния твои, и Ты есть источник всяческой благости. Во имя Света восшедшего, взываем мы к Твоему святому Архангелу Михаилу, Защитнику, носящему Меч Огненный, дабы стать свидетелем сего обряда и оборонить нас в час нужды.

Еще один поклон, поворот.

— О, Господи, святы деяния твои, и Ты есть источник всяческой благости. Во имя Света нисходящего, взываем мы к Твоему святому Архангелу Гавриилу, Посланцу Небесному, владыке Воды, дабы

стать свидетелем сего обряда и донести мольбы наши милостивой Богоматери.

И, наконец, к северу:

— О, Господи, святы деяния твои, и Ты есть источник всяческой благости. Во имя Света возрожденного, взываем мы к Твоему святому Архангелу Уриилу, владыке Земли и проводнику душ, дабы стать свидетелем сего обряда и изгнать всякий страх из сей обители. Да будет на то воля Твоя.

Когда она, наконец, вновь повернулась к востоку, то опять поклонилась, раскинула руки и запрокинула голову, шепча:

— Вот стоим мы вне времени, и вне пределов мира нашего. Как завещали нам предки, мы соединились и сделались едины. Аминь. Селах. Да будет так.

— Да будет так, — повторила Микаэла, склонив голову, и перекрестилась.

Наступило молчание, и Райсиль с чуть слышным вздохом опустилась на колени напротив королевы, так что спящий Оуэн оказался между ними, а Микаэла придвинула ближе свою корзинку с вышиванием, и вытащила иглу, в которую была вдета алая шелковая нить, и жестом велела Райсиль ближе подвинуть лучину.

— Твой отец, когда делал то же самое с Райсемом и его братьями, имел большое преимущество, — прошептала Микаэла, нагревая иглу на огне и глядя на спящего сына. — У него были снадобья Дерини для очищения ран и Целитель, чтобы их заживить.

Райсиль с улыбкой подала Микаэле лучину и, перегнувшись, подставила ближе миску с водой.

— Что касается исцеления, тот тут я ничем помочь не могу, но не нужно быть Дерини, чтобы знать о том, что кипячение очищает, — и она, выу-

див из корзинки фибулу Халдейнов и Глаз Цыгана, опустила их в миску. — Сюда же можно бросить и иглу, только оставьте ниточку, чтобы торчала наружу. А теперь отодвиньтесь слегка... Вот для того, чтобы вскипятить воду таким образом, действительно, нужен дар Дерини.

Широко раскрыв глаза, Микаэла уставилась на Райсиль, которая поднесла раскрытую ладонь поближе к воде и закрыла глаза. Через несколько мгновений вода забурлила, и начал подниматься пар.

— Отец меня этому научил незадолго до смерти, — прошептала Райсиль, убирая руку, и кипение тут же прекратилось. — Это старый прием Целителей, однако для этого не нужно обладать их способностями, лишь самыми обычными талантами Дерини. Позже я изучила разновидность этого заклинания, чтобы производить также ментальное и магическое очищение, но в данном случае нам не нужно таких сложностей. Мы же не хотим уничтожить то, что вложил в эти предметы король. Пожалуйста, дайте мне полотенце, и мы протрем мочку уха нашему мальчику, прежде чем проколоть ее.

Они молча подождали, пока вода слегка остынет, и Микаэла чутко прислушивалась к собственному сердцебиению и далеким звукам, доносившимся из коридора снаружи. Наконец Райсиль обмакнула кончик полотенца в горячую воду и протерла ухо Оуэну, велев королеве также промакнуть руки. Затем, пока Райсиль удерживала неподвижно голову мальчика, используя также свои способности, чтобы он не пробудился и не почувствовал боли, Микаэла осторожно проколола иглой мочку правого уха сына. Он даже не шелохнулся, и крови выступило совсем мало.

— У меня есть серьга из золотой проволоки среди моих драгоценностей. Ее носил Райсем, прежде чем стал королем, — прошептала Микаэла, вставляя Глаз Цыгана сыну. — Она полегче, и с ней ухо быстрее заживет, однако сейчас ему следует вдеть именно серьгу с рубином.

Райсиль кивнула.

— Тяжеловата для такого малыша. Он может носить ее только по особым случаям, пока не станет постарше. Самое главное — это магия.

— Да, и теперь мы позаботимся также об *этом*.

Вместе с Райсиль они приподняли Оуэна за плечи, уложив его к матери на колени, так чтобы голова прижималась к ее животу. Райсиль придержала его, пока Микаэла мыла сыну левую руку, и в этот момент мальчик шевельнулся.

— Мама... Ты зачем моешь мне руку? Что, уже наступило утро?

— Еще нет, милый, это папа просил, чтобы мы с тобой сделали. Но ты должен лежать совсем-совсем тихонько. Может быть, будет даже немножко страшно, но ты ведь будешь смелым, правда?

— Для папы? — прошептал Оуэн, свободной рукой потирая глаза. — А помой и эту руку тоже.

— Хорошо, помоем обе, — отозвалась негромко Микаэла, покосившись на Райсиль, которая с трудом сдерживала улыбку. — Садись поудобнее, вот так. Дай я тебя обниму покрепче. М-м, как же я тебя люблю, — объявила она, целуя его в макушку.

Широко улыбаясь, он поуютнее устроился на руках у матери.

— И я тебя тоже люблю, мама. Что мы сделаем для папы?

— Понимаешь, дядя Катан привез одну вещь, которую папа очень хотел тебе передать. Это совсем особый подарок.

— Папин лев, — выдохнул Оуэн, когда она извлекла фибулу из миски, стараясь не притрагиваться к застежке, и стряхнула с нее воду.

— Все верно. Вскорости, после того как ты родился, я попросила одного человека, чтобы он сделал ее для твоего папы, дабы она всегда напоминала нам о папиной короне... Той самой, которую теперь будешь носить ты. — Она вложила брошь в маленькую ручку Оуэна, расстегнув застежку так, чтобы золотая игла торчала под нужным углом, взяла его руку в свою для пущей уверенности и покосилась на Райсиль.

— А вот теперь нужно сделать что-то очень важное. Ты ведь сейчас не видишь льва? Правильно?

— Нет.

— Верно. А еще ты не можешь видеть в этой броши особую магию, которую папа оставил специально для тебя, чтобы рано или поздно ты стал настоящим королем, совсем как он сам, — и она легонько взяла его за левую руку, разжимая крохотные пальчики. — Я не могу объяснить тебе сейчас, как и почему это происходит... Ты все узнаешь, когда станешь постарше... Но даю слово, что папа хотел, чтобы мы сделали именно это. Ты можешь немножко испугаться, но постарайся быть храбрым. Я обещаю, что больно не будет. Не испугаешься ради папы?

Слегка нахмурившись, он изогнулся, чтобы посмотреть матери в лицо.

— Храбрым для папы? — прошептал он.

И, прежде чем он успел бы передумать — или успела бы передумать она сама, — она стиснула его

руку в своей и концом иглы пронзила его плоть... Плоть от *ее* плоти. Не сквозь ладонь, как сделал его отец в ту ночь, когда обрел свое могущество, но лишь сквозь тонкий слой кожи между большим и указательным пальцем, — и пронзила также и собственную руку.

Райсиль держала его сознание под контролем, чтобы мальчик не чувствовал боли, и хотя он чуть слышно вскрикнул от изумления, но самое поразительное было не это, а когда из рук матери к нему потекла *сила*.

Силовые потоки закружились по кругу, а затем сфокусировались на броши Халдейнов, что пронзила руки матери и сына. Большая часть энергии хлынула в Оуэна, проникая и пропитывая магическим потенциалом самые глубокие тайники его существа, но часть энергии устремилась и к матери, и лишь затем, уже через нее, вернулась к сыну.

А еще часть силы, а затем все больше и больше, через мать устремилась внутрь, в поисках плоти Халдейнов, насыщая младенца в ее чреве, закладывая основы магического наследия, даже прежде чем созрело его крохотное тельце, и пробуждая в нем магический потенциал Халдейнов.

Микаэла чувствовала, как сила, текущая сквозь нее, увеличивает и ее собственные способности, и, потрясенная таким чудом, узрела золотистое сияние, окружавшее ее и Оуэна, а за ним — призрачные фигуры крылатых Существ, которые перемещались в этом свете, одновременно касаясь изящными прозрачными руками своих прекрасных лиц.

Со слезами радости на глазах она прижала к себе сына, и в тот самый миг, когда она уже подумала, что сердце ее не выдержит такого счастья, внезапно

среди прочих созданий заметила мелькнувшую алую тень... и догадалась, что это ее возлюбленный Райсем на мгновение вернулся к ней, во всей своей вечно юной красоте. Лицо его сияло, украшенное золотой короной, и он легонько коснулся губ кончиками пальцев, с улыбкой посылая Микаэле воздушный поцелуй.

А позади него виднелась другая фигура, с глазами, словно озерца ртути, с серебристыми волосами и умудренным улыбающимся лицом. Призрак этот исчез в тот самый миг, когда свет любви вспыхнул так ярко, что Микаэла невольно лишилась чувств.

* * *

Когда королева пробудилась около часа спустя, то первой ее мыслью было — уж не пригрезилось ли ей все это.

Лучина по-прежнему горела на маленьком прикроватном столике, а Оуэн мирно посапывал рядом, прижимая к себе папу-рыцаря. Она улыбнулась и осторожно вытащила у него игрушку, установив ее в изголовье постели вместе со вторым наперсником-стражем, а затем рассеянно убрала прядь черных волос, упавшую сыну на лицо... и случайно задела золотую серьгу у него в правом ухе.

— С ним все в порядке, — негромко послышался голос Райсиль сзади, и тут же рука ее ласково опустилась на плечо испуганной королеве. — Я поменяла серьги... А Глаз Цыгана и Кольцо Огня смочила кровью, прежде чем убрать их в вашу шкатулку с драгоценностями. Затем я умыла вас обоих и убрала все на место. Хорошо, что вы не попытались провести обряд в одиночку.

Микаэла, с трудом сглотнув, растерянно заморгала, глядя на юную Дерини, поражаясь ее спокойствию перед лицом того, что только что произошло.

— Ты... видела *что-нибудь*? — спросила она.

Райсиль медленно кивнула.

— Видела и чувствовала тоже. Теперь я понимаю, почему никто не должен во время обряда касаться того человека, над кем он производится. Конечно, никто не пострадал, — она протянула руку, чтобы успокоить Микаэлу. — Я была готова, но ощущение было весьма... сильным. — Она склонила голову. — Никогда не встречалась лично с Синхилом или Джаваном, но могу сказать, что ваш Райсем, наверно, был самым лучшим из своей династии в том, что касается разработки ритуала передачи могущества Халдейнов. Если сыновья унаследуют от него все отцовские таланты, то это будут очень *особенные* мальчики, можете мне поверить.

— Но ты... видела Райсема? — спросила ее Микаэла.

— Да. И по-моему, там был еще мой дед, — она вздохнула. — Жаль, что я не была с ним знакома. Дядя Джорем говорит, он был настоящий святой... Или, по крайней мере, делал такие вещи, которые обычно делают лишь святые. Совершенно точно одно: он не просто умер, как умирают все люди... много лет назад.

Микаэла медленно кивнула, зевая, затем вновь опустилась на подушку.

— Вам лучше теперь поспать, — ласково сказала Райсиль, взяв королеву за руку. — Не могу этого объяснить, но по-моему, ваша собственная сила тоже увеличилась после этого обряда. Так что отдых вам

необходим. Следующие несколько дней будут очень тяжелыми. Пожалуйста, не противьтесь мне.

Но Микаэла и не думала противиться, покорно опустив веки. Прежде чем погрузиться в сон, она успела еще удивиться, что же это такое сделал с ней Райсем из своей могилы... Точнее, поправилась она, из собора, ведь король еще даже не был погребен...

Глава тридцать третья

Я говорю: песнь моя о Царе[1]

Когда Райсиль поведала Джорему о том обряде, что совершила королева, восторг его не знал пределов. Ей показалось, она даже слышит, как он смеется в комнате совсем рядом с ней, а ведь она не слышала его смеха уже долгие годы.

«Так значит, новый король обрел магический потенциал, а собственные способности Микаэлы чудесным образом увеличились? Это и впрямь прекрасная новость. Я начинаю надеяться, что мы все же преуспеем в наших замыслах. Никогда не слышал о подобном вторичном воздействии, но разве нам по-настоящему хоть что-то известно о магии Халдейнов? Ансель с Квероном и все остальные будут счастливы узнать об этом.»

В свою очередь, рассказав ей о своих делах, он отдал Райсиль новые распоряжения:

«Постарайся, чтобы королева, как и прежде, появлялась на людях в ближайшие дни, и чтобы маленький король оставался с ней. Не нужно дать регентам повод подумать, что она не выдержит испытания на похоронах, и это может плохо сказаться на ней и на нерожденном младенце. С другой стороны, если они увидят,

---

[1] Псалтирь 44:2

какая она сильная и крепкая на самом деле, то могут решить, что больше не нуждаются в Катане... Тебе не удалось пока выяснить, что с ним сталось?»

«Официальная версия такова, что он страдает от «недомогания». Говорят даже, что он просто пытается отоспаться с дороги, но мне не понравился тон, каким с ним разговаривали Таммарон и Манфред, когда увели на первое заседание регентского совета. Постараюсь завтра узнать больше».

«Хорошо, — отозвался он. — *А пока, если удастся, постарайся помочь Микаэле освоиться с ее новыми знаниями и умениями. Ты знаешь, чему следует уделить внимание в первую очередь».*

«Постараюсь, — согласилась она. — *Завтра будет прощание с телом короля в соборе, но не думаю, чтобы они позволили ей отправиться туда, рз уж она видела тело накануне. И все равно, Оуэна они бы точно с ней не отпустили, а без него она никуда не пойдет. Впрочем, это и не нужно. Однако в собор отправятся все советники... либо будут продолжать свои совещания, пытаясь решить, что делать с келдорцами. В любом случае, у меня будет возможность выяснить, что происходит с Катаном. Как грустно будет, если он, сделав так много, погибнет, прежде чем увидит завершение нашего замысла...»*

* * *

Но Катан еще не погиб, хотя порой желал смерти, как избавления. Насколько он мог судить, ему опять собирались отворять кровь, поэтому он без всякого удивления встретил Лиора и стражников *Cus-*

todes, которые отвели его в крохотную комнатенку без окон в самых недрах замка, куда вскоре вошел брат Полидор со своим ланцетом, тазом для крови и тканью для перевязок. Стражники удерживали Катана, пока Полидор вершил свое черное дело, и, перестав отбиваться, Катан мог лишь с отвращением смотреть, как вытекает из него живительная влага.

Лиор прекратил процедуру, прежде чем здоровью брата королевы был нанесен непоправимый ущерб, ведь они нуждались в нем — по крайней мере, на ближайшие несколько дней. Так что кровопускание было применено просто как мера запугивания; одних успокоительных снадобий вполне хватило бы, чтобы обеспечить его покорность. Однако тот наркотик, что позднее дал ему Полидор, хотя и затуманил зрение и лишил возможности без посторонней помощи стоять на ногах, все же не дал благословенного забытья, которое бы избавило его хотя бы на несколько часов от страха перед грядущим... Он лишь дремал, терзаемый кошмарами. В полночь, оставшись в одиночестве в своей тюремной камере, он пробудился и долго лежал, уставившись в низкий, нависающий потолок, молясь об освобождении. Одна лодыжка его была прикована к железному кольцу в стене, прямо у изножья деревянной лежанки.

* * *

И ровно в полночь факелы и свечи по-прежнему горели в зале совета, поскольку регенты до сих пор продолжали обсуждать необходимые меры для защиты неправедно нажитого.

— Сильно сомневаюсь, чтобы кто-то из Истмарка добрался сюда раньше, чем через два или три дня, —

говорил Таммарон, устало потирая глаза. — Скорее всего, до похорон нам не о чем беспокоиться. А после этого мы разместим войска и запрем город. К тому же, чем больше солдат они возьмут с собой, тем медленнее будут двигаться. Как вы полагаете, когда гонец мог доставить на север вести о смерти короля?

— Ну, от аббатства до замка Лохаллин два полных дня езды, — отозвался Манфред. — Мы-то, конечно, и не подумали посылать весть на север, но, полагаю, вполне возможно, что вместе с нашим отрядом они тайно послали своих людей, которые могли вернуться обратно с этим известием. Однако наши собственные солдаты узнали о кончине короля лишь на следующее утро. Конечно, обо всем знали сестры в монастыре, но ворота были закрыты на ночь, и никто из них не выходил.

— Если не считать того священника, что выслушал последнюю исповедь короля, — пробормотал Ран. — Кто бы мог подумать, что этот дряхлый старик бесследно исчезнет, и никто не сумеет его отыскать.

— Что еще за священник? — спросил Хьюберт, с тревогой глядя на Лиора.

— Да просто... какой-то бродячий монах, который случайно забрел в монастырь, ваша милость, — запинаясь, ответил Лиор. — Кажется, некий отец Донат из ордена святого Ярлата. Ночью я совершил над королем помазание, но он отказался исповедоваться и принять святое причастие. К тому времени он... не слишком был расположен к клирикам *Custodes*.

Поймав гневный взгляд Хьюберта, он поежился, лишь затем вспомнив, как король Алрой точно так-

же, будучи при смерти, отказался принять последнее причастие от самого Хьюберта.

— Я пытался отыскать кого-нибудь не из нашего ордена, — продолжил Лиор. — Не мог же я позволить ему умереть нераскаянным.

— Какой бальзам на вашу совесть, после того как вы довели его до смерти, — пробормотал Ран, но тут же притих под пронзительным взглядом Манфреда.

— Собственный священник аббатства оказался в отъезде, но вскоре после полудня одна из сестер привела нам этого отца Доната, — осторожно продолжил Лиор. — Вид у него был самый безобидный... Маленький такой старичок... и он был не в рясе *Custodes*. Я сразу отвел его к королю. Похоже, его величество это вполне устроило. Священник оставался с ним до последних мгновений, а после постарался утешить сэра Катана.

— И исчез, прежде чем вы успели его допросить, — ледяным тоном заключил Хьюберт. — И поскольку он выслушал последнюю исповедь короля, то прекрасно осведомлен обо всех обстоятельствах его смерти.

Нахмурившись, Секорим попытался выступить в защиту Лиора.

— Со всем должным уважением к вам, ваша милость, священник все же связан печатью...

— Судя по всему, Секорим, вы куда более высокого мнения об ордене святого Ярлата, чем о своем собственном, — отрезал Хьюберт. — Сколько раз вы и я, и Полин, если уж на то пошло... нарушали тайну исповеди, когда нам было это удобно. Донат... Донат... Это имя, кажется, означает «дар», не так ли? Лиор, как он выглядел?

— Да просто пожилой сельский священник, ваша милость. Невысокого роста, некрупный, — продолжил он под пристальным взором Хьюберта. — Жилистый, я бы сказал... Темные глаза, белые волосы, аккуратная тонзура.

— И ряса ордена святого Ярлата, — Хьюберт недовольно потряс головой. — Секорим, пришли ко мне аббата из монастыря святого Ярлата и постарайся выяснить, есть ли у него священник, отвечающий этому описанию. Я знаю, что на это уйдет какое-то время, но я хочу знать наверняка. А тем временем... — с коварной улыбкой он откинулся на спинку стула, — я хотел бы узнать, не расскажет ли нам сэр Катан чего-нибудь еще об этом человеке.

Четверть часа спустя Катана вновь усадили на стул в дальнем конце стола. Он был босиком и в кандалах, ибо теперь его положение заключенного ни у кого не оставляло сомнений. Он вновь пожалел в душе о том, что ему не дали какого-то более сильного снадобья, чтобы он мог избегнуть допроса, а так приходилось все время следить, чтобы не потерять равновесие и не упасть со стула, одновременно пытаясь уловить смысл вопросов Хьюберта.

— Говорю же вам, я никогда прежде не видел этого человека, — промолвил Катан, и это было совершенной правдой. — Неужели вы думаете, что я могу знать в лицо всех священников даже из самых маленьких религиозных орденов Гвиннеда? Кроме того, я был не в том состоянии, чтобы подмечать подробности. Он был священником, и король согласился ему исповедаться. Это все, что я запомнил.

— А что он тебе сказал, после того как вы вдвоем вышли оттуда? Куда вы пошли? Куда пошел *он*?

— Я точно не помню его слов, просто он пытался меня утешить. Боюсь, я был не в том состоянии, чтобы оценить его заботу.

— И куда же вы пошли? — повторил Хьюберт.

— В... в часовню, — Катан рассеянно покачал головой. — По-моему, мы молились... Да, молились. А затем он... ушел. А мы с Фульком вернулись к королю.

— Ты видел, как он уходил? Он взял лошадь?

— Я ничего не видел, — прошептал Катан, и это тоже было правдой. — Я только хотел вернуться к Райсему, я хотел... поухаживать за ним, послужить ему в последний раз. Но они... они отрезали ему руку.

Картина эта внезапно вновь всплыла в его памяти, слишком яркая и неудержимая, возможно, еще более усиленная наркотиками, которых было полно в его крови. Он ощутил, как ужас подступает к самому горлу, закрыл лицо скованными руками и разрыдался. Уголком сознания, сохранившим способность мыслить логично и последовательно, он понадеялся, что этот взрыв чувств произведет на его мучителей достаточное впечатление, чтобы они наконец отпустили его.

Даже размытая наркотиком, логика его оказалась вполне действенной. Заключив, что он больше ничего не сможет им поведать, советники велели страже отвести пленника обратно в камеру.

На сей раз он, наконец, заснул от истощения. Но во сне вновь и вновь продолжал переживать те ужасные минуты.

На следующий день он не видел никого, кроме своих тюремщиков *Custodes*. Большую часть дня он продремал. В еду, которую принесли ему в полдень, были опять подмешаны какие-то снадобья, но он все

равно съел все до крошки, поскольку понимал, что от голода ослабеет еще больше, а они все равно найдут способ одурманить его. Если же этим способом окажется мераша, то это уничтожит его окончательно. Единственное, что поддерживало надежду в душе Катана, была мысль о том, что завтра, в день похорон, им придется вывести его на свет божий, ибо им отнюдь не хотелось рисковать здоровьем Микаэлы, если та не увидит рядом брата.

Микаэла тоже проспала почти весь день, хотя сон ее был скорее сродни глубокому трансу. Архиепископ Хьюберт пригласил ее поприсутствовать на утреннем богослужении в королевской часовне, но она не пожелала отправляться туда без Оуэна, а мальчик явно был не готов к тому, чтобы вновь появиться на людях. В любом случае, одна мысль о то, чтобы получить причастие из рук Хьюберта, казалась ей отвратительной. Довольно и того, что через это ей придется пройти завтра.

Хвала Господу, хотя бы с Оуэном по пробуждении все было в порядке. Он был бодр и весел, и щебетал, как маленькая птичка, за завтраком, и, судя по всему, ничего не помнил из того, что произошло с ним прошлой ночью, по крайней мере, в этом заверила королеву Райсиль.

— Сейчас он во многом напоминает маленького Дерини, — сказала она Микаэле, когда принялась заплетать ей волосы после завтрака. Оуэн играл в оконной нише со своими рыцарями, изображавшими папу и дядю Катана, а также расставлял прочие фигурки, которые няня принесла ему накануне, доставая их из ивовой корзины и выстраивая, как на парад.

— Если он и дальше будет развиваться как Дерини, — продолжила Райсиль, — то доступ к магии получит лишь ко времени полового созревания... Но это совершенно естественно, ведь никому не нужно, чтобы ребенок владел слишком большой силой, пока еще не может толком ее осознать и при необходимости скрыть. Ведь ему все же предстоит жить среди людей, которые, в большинстве своем, страшатся Дерини.

— Вот почему нам так нужны хорошие регенты, которые бы защищали его, пока он не повзрослеет, — прошептала Микаэла. — О, Райсиль, как ты думаешь, они сумеют сделать это? Успеют ли келдорские лорды прибыть вовремя?

— Если будет на то воля Божья, — прошептала Райсиль. — Видит Бог, они попытаются.

* * *

А келдорцы тем временем во весь опор неслись по равнине южнее Валорета, безжалостно загоняя лошадей, взятых из конюшни архиепископа. Они предпочли двинуться напрямик, вместо того, чтобы ехать вдоль берега реки Эйриан. Здесь дорога была тяжелее, зато они срезали изрядную часть пути, — и лишь так у них была возможность добраться до Ремута, прежде чем завершатся похороны короля. Сановники в столице не ожидают, что они объявятся так скоро, ибо рассчитывают на то, что у них есть еще несколько дней форы.

Они собирались на пару часов остановиться в Молинфорде, чтобы опять сменить лошадей. До этого трехдневный переход до Валорета они преодолели всего за двое суток, а там Кверон уже обо всем дого-

ворился с епископом Эйлином Мак-Грегором, многострадальным помощником архиепископа Валоретского.

Эйлин уже давно стал одной из ключевых фигур их замыслов. В свое время, еще совсем юным, этот клирик служил секретарем архиепископа Джеффрая, которому был предан всей душой. Всего год довелось Эйлину побыть при нем вторым епископом, когда после смерти Джеффрая понадобилось избрать его преемника, — и Эйлин не оказал поддержки тому человеку, который на этих выборах победил и стал новым архиепископом. Он не только поддержал кандидатуру Элистера Келена против Хьюберта Мак-Инниса, но даже осмелился отказаться участвовать в голосовании, когда через несколько дней оно было назначено повторно.

За это Хьюберт не имел права сместить его с должности, — и Эйлин должным образом принес своему новому начальнику обет послушания, как это требовалось при вступлении в сан, — но Хьюберт вскоре ясно дал понять, что ни на какое повышение Эйлину рассчитывать не приходится, по крайней мере, при жизни самого Хьюберта. Не мог он также и надеяться на спасение, получив сан епископа без кафедры, ибо те пользовались слишком большой свободой. В Валорете, сделавшись винтиком в епископской машине Хьюберта, Эйлин оказался фактически пленником; он не мог причинить своему начальнику никакого вреда, ибо за ним пристально следили соглядатаи Хьюберта, — которые все чаще оказывались в рясах *Custodes Fidei*, ибо один из их основных монастырей находился неподалеку. Смирившись с судьбой, Эйлин продолжал честно исполнять свои обязанности, ибо был ответственным человеком и пре-

данным сыном Церкви. И все же он таил в душе обиду на человека, который по злопамятству уничтожил его карьеру, а теперь использовал сан примаса и архиепископа, дабы добиться для себя еще большей мирской власти.

Его чувства не прошли незамеченными, хотя Эйлин и старался держать их при себе. Изгнанный епископ Дермот — а через него и все союзники Джорема и епископа-Дерини Ниеллана — обхаживал Эйлина несколько лет, добиваясь, чтобы тот присоединился к их планам.

Эйлин заявил, что не готов поддержать военное выступление против короля, однако в том, чтобы заменить Хьюберта и его сообщников на других регентов, которых король выбрал самолично, он не видел ничего плохого. Внимательно изучив экземпляр кодицилла, — заверенный братом королевы и священником, который не принадлежал к презренным *Custodes Fidei*, — который представили ему герцог Клейборнский и граф Марлийский, епископ Эйлин с довольной улыбкой спрятал одну из копий в архив Валоретского собора. Свое одобрение действиям северян он выразил также, предоставив в их распоряжение лошадей, солдат... и себя самого.

Теперь они все вместе скакали в Молинфорд, и епископ Эйлин, пришпорив лошадь, поравнялся с Анселем.

Как и все остальные, он был в простой походной одежде и в кожаных доспехах. Тонзуру скрывала кожаная шапочка, и на первый взгляд, этот человек больше ничем не напоминал священника. Правда, в отличие от остальных, он не привык так много времени проводить в седле, хотя и сохранял неплохую форму для своих лет. И все же они скакали всю

ночь, делая лишь короткие привалы, чтобы напоить лошадей и перекусить самим...

— Не могли бы мы остановиться ненадолго, — попросил он, задыхаясь.

— Ноги болят по-прежнему? — спросил его Ансель.

Эйлин с досадой кивнул, и Ансель, окинув дорогу впереди и сзади, поймал взгляд Сигера и дал знак к остановке. Они скакали по широкому лугу, усеянному крохотными озерцами, и, насколько хватало глаз, вокруг не было ни души.

— Четверть часа, чтобы дать отдых лошадям, — крикнул он, спрыгивая на землю. — Тиег, посмотри, не нужна ли кому-то помощь. Кверон, не могли бы вы подойти к нам сюда?

Вручив поводья своей лошади одному из келдорцев, Кверон подошел ближе и помог Эйлину спешиться. Он был лет на десять старше епископа, но за последнюю неделю вновь успел привыкнуть к тяготам походной жизни, и потому точно знал, как должен себя чувствовать сейчас Эйлин.

— Искренне сочувствую вашей милости, — бодрым тоном промолвил Целитель, пока Ансель усаживал Эйлина на поваленное дерево. — По собственному опыту, хорошо могу представить, что у вас сейчас творится с ногами. Я могу дать вам какое-нибудь снадьбье, чтобы приглушить боль — или помочь этой беде напрямую... Решать вам.

Эйлин, поморщившись, вытянул сперва одну ногу, потом другую, для поддержки откинувшись к Анселю. Лицо его посерело от боли и усталости.

— Ну, думаю, что в таком состоянии никакие снадобья мне уже не помогут, — заявил он, потирая внутреннюю поверхность бедер. — Так что нам оста-

ется лишь действовать... «напрямую». Не буду скрывать, что мне слегка боязно, но я уже вверил вам свою жизнь и сан, и возможно, даже, свою душу. Так что не вижу большой беды, чтобы вверить вам еще и свое тело.

Кверон с улыбкой опустился на колени перед Эйлином и бросил быстрый взгляд на Анселя, давая тому мысленные распоряжения.

— Подобно обетам священника, клятва Целителя для меня столь же свята, и состоит в том, чтобы не причинять зла, — мягко промолвил он. — Так что ваша милость может не тревожиться.

С этими словами он опустил руки Эйлину на колени, и в тот самый миг Ансель взял контроль над его сознанием, заставив епископа откинуть голову, упираясь затылком в грудь молодому Дерини. Веки Эйлина опустились, и тело его обмякло. Погрузившись в целительский транс, Кверон очень быстро сделал все необходимое, расслабляя затекшие мышцы в районе коленей и бедер, а затем накладывая на епископа чары, изгоняющие усталость. Разумеется, перед въездом в Ремут их придется возобновить, но, по крайней мере, это облегчит Эйлину остаток пути. Он позволил Эйлину поспать еще пару минут, а сам отправился проверить остальных, но, похоже, никто больше не нуждался в его услугах. Келдорцы успели пару часов отоспаться в Валорете, пока Грэхем, Сигер и его союзники Дерини разговаривали с епископом, а валоретские солдаты — их было около тридцати человек, еще не успели утомиться с дороги. Они с любопытством наблюдали за Целителем, поскольку большинство были достаточно молоды, и уже не помнили тех времен, когда Дерини ценили за их практические дела, а не осуждали за «грязную» кровь. Но

Эйлин прекрасно отобрал своих людей. Ни в одном из них не чувствовалось ни враждебности, ни страха. С одним из этих солдат дружески болтал сейчас Тиег, одновременно исцеляя сбитые бабки его лошади, и продолжая разговор. Юный герцог Грэхем, присев на корточки, наблюдал за происходящим. Кверон одобрительно кивнул пареньку и вернулся обратно к Эйлину с Анселем. Сигер подошел взглянуть на епископа, пока тот спал, глотнул немного эля из кожаной фляги, затем заткнул ее пробкой и вновь повесил на луку седла.

— Он выдержит? — тихо спросил он у Кверона.

— О, да... Особенно теперь, когда он позволил мне помочь ему. Я не очень на это рассчитывал, но не хотел ничего делать насильно. Нам нужен либо добровольный союзник, либо уж лучше, вообще, никакого.

— Ну, прежде всего нам нужно добраться до места, а там уже будем думать о добровольности, — пробормотал Сигер, оглядываясь на Грэхема с Тиегом. — Может, когда будем менять лошадей в Молинфорде, я вас попрошу со мной сделать то же самое, что с епископом. Грэхем, давай в дорогу.

По приказу тут же поднялась суета, солдаты повскакивали в седла, и тут же пустили лошадей рысью. Кверон вновь опустился на колени рядом с Эйлином, Ансель вырвал его из объятий сна, и сам также вышел из легкого транса, в который погрузился, дабы восстановить энергию.

— Получше? — спросил Кверон, когда Эйлин с изумлением воззрился на Целителя.

Ансель помог епископу встать на ноги, и тот с удивленным вздохом потер ноги, а затем поднял взгляд на Кверона.

— Просто чудо, — прошептал он. — Как может кто-то говорить, будто в этом есть зло?

Склонив голову набор, Кверон пожал плечами.

— Я-то уж точно не знаю. Впрочем, можете поразмыслить об этом, пока будем ехать дальше.

Через пару минут они все уже вновь двинулись в путь, в ожидании следующей остановки, которая будет уже совсем неподалеку от Ремута.

* * *

А в Ремуте, когда сумерки уже начали опускаться на город, самозваные регенты Гвиннеда вновь собрались в одном из залов дворца, — здесь были Хьюберт, Ран, Манфред и Таммарон.

— Значит, просто запрем ворота перед носом у Клейборна и Марли, — заявил Таммарон. — Не пустим их в город. Ведь стража наверняка их узнает.

— Верно, — согласился Манфред. — Но очень многое будет зависеть от того, сколько людей они приведут с собой. Ворота мы закрыть, конечно, можем, но рано или поздно все равно придется держать ответ, а как только они повсюду раззвонят о существовании приложения к завещанию, будет очень трудно не впустить их в город.

— Ричард готов выслать войска на север, чтобы их перехватить, — промолвил Ран. — Если угодно, мы можем отправить их сегодня же вечером.

— Сколько человек? — Хьюберт задумчиво принялся постукивать пухлыми пальцами по поручню кресла.

— Около двухсот, — отозвался Ран. — Сводный отряд Картанских пикеносцев и рыцарей *Custodes*. Думаю, этого больше чем достаточно, чтобы справить-

ся и с Клейборном, и с Марли. Уж эти мне пограничники, — хмыкнул он. — Ричард утопит их прямо в реке.

— Манфред, что ты думаешь об этом, — спросил Хьюберт.

Тот кивнул.

— Я дал указание Ричарду. Мы можем на него положиться.

— Тогда отправляйте войска, — кивнул Хьюберт. — А как насчет восточных ворот. Могут ли они приехать оттуда?

— Едва ли, — отозвался Манфред. — С востока путь короче, но там не пройдет большой отряд, особенно если они будут торопиться. Там очень плохие дороги, а местами и вовсе непроходимые. Так что, полагаю, чтобы выиграть время, они двинутся вдоль реки... А Ричард будет их там поджидать. А если они все же зайдут с востока... Что ж, отдадим приказ, чтобы никаких приграничников в город не пускали. В любом случае, сомневаюсь, чтобы это случилось завтра.

— Отлично, — заявил Хьюберт. — В таком случае предлагаю нам всем отправиться на покой.

Глава тридцать четвертая

Тела их покоятся с миром; но имена будут жить вечно[1]

На утро, когда были назначены похороны короля, и колокол «Большой Георгий» медленно начал звонить на колокольне собора, Галлард де Бреффни вместе со стражниками *Custodes* вывел Катана из его темницы. Час спустя, после того как его выкупали, побрили и одели в черное, по-прежнему под надзором, Катана отвели к Манфреду Мак-Иннису, в сопровождении неизбежного монаха *Custodes* по имени брат Эмберт.

— Сдается мне, что день выдался прекрасный для похорон, — холодно произнес Манфред, в то время как Галлард опустил тяжелые руки Катану на плечи, чтобы не дать ему подняться. В руках у графа был меч Катана с белым поясом, обмотанным вокруг ножен, а Эмберт держал в руке чашу. — Надеюсь, ты не станешь портить нам этот прекрасный день. Мне бы менее всего хотелось огорчать королеву.

Катан покачал головой, не разжимая губ, прекрасно сознавая, что за снадобье готов предложить ему Эмберт.

---

[1] Мудрость Иисусова 44:14

— Хорошо, я рад, что ты все понимаешь правильно. А теперь будь так любезен и выпей лекарство, которое принес тебе наш добрый монах. Думаю, вкус его тебе знаком.

Катан взял протянутую чашу и с ненавистью взглянул на Манфреда.

— А что вы сделаете, — промолвил он негромко, — если я вылью эту гадость на пол?

Лицо Манфреда застыло, прозрачные глаза сузились.

— Тебя заставят встать на колени и вылакать все до капли, как собаку, а затем брат Эмберт опять пустит тебе кровь.

Подняв брови, Катан поприветствовал чашей всех присутствующих, — он почувствовал, как напряглись при этом руки Галларда, — а затем одним глотком осушил содержимое и поморщился, протягивая чашу обратно Эмберту.

— Эль скверный, но угроза хороша, Манфред. Куда оригинальнее, чем я думал. Ладно, да будет вам. Вы же не думали, что я и впрямь буду настолько глуп, чтобы отказать сестре в утешении именно сегодня, из всех дней, только для того, чтобы досадить вам. Галлард, прочь руки. Я едва ли сейчас в таком состоянии, чтобы бросить вызов кому бы то ни было. Я принял ваше снадобье... еще повезет, если я смогу продержаться на ногах.

— Еще повезет, если ты останешься в живых, коли будешь продолжать в том же духе, — пробормотал Манфред и всучил Катану его меч. — Надень.

— Ну, конечно.

И хотя Галлард по-прежнему не отпускал его, Катан поднялся, размотал пояс и застегнул его на талии, отметив, что кто-то успел вычистить белую ко-

жу. Кроме того, хотя это его уже почти не удивило, у самых ножен была закреплена тоненькая проволока, протянутая сквозь кольца таким образом, чтобы не дать обнажить оружие. Его тюремщики не желали рисковать.

Когда он застегнул пояс, продев его в петлю и затянув потуже, то обернулся за принесенной специально для него черной шапочкой, надел ее на голову, а затем повернулся к Манфреду.

— Я в вашем распоряжении, милорд.

— Это правда, — подтвердил Манфред издевательским тоном. — И постарайся не забывать об этом до конца дня, в особенности, если тебе придет мысль предпринять что-либо такое, против чего я мог бы возразить. Займись им, — велел он Галларду.

Его отвели вниз по лестнице, чтобы дожидаться там сестру с маленьким королем. Наркотик начал действовать уже на полпути, и тут же все чувства затуманились, и его охватило головокружение, так что пришлось даже ухватиться за руку Галларда, чтобы не свалиться с лестницы.

К тому времени, как он добрался до двора и сел верхом на белого скакуна, которого ему подвели, — поскольку с ним в седле до собора должен был ехать маленький король, — он понял, что все силы сегодня у него уйдут на то, чтобы им с Оуэном удержаться на лошади и не опозориться прилюдно. Под солнцем было очень жарко, в особенности в траурных одеждах, и в ожидании королевской свиты он даже слегка задремал в седле.

* * *

А королевская свита тем временем завершала приготовления к выходу. Придворные дамы короле-

вы взволнованно порхали по гостиной, словно стайка черных птиц, в ожидании своей госпожи, а королева с Райсиль тем временем одевали Оуэна. За этим процессом надзирали рыцари, изображавшие папу и дядю Катана, которых мальчик поставил рядом на столик у ларца с драгоценностями.

— Стой спокойно, — прошептала Микаэла, потрепав сына за ухо. — Сейчас Лизель принесет зеркало, чтобы ты мог на себя полюбоваться.

С этими словами она закрепила у него в мочке уха Глаз Цыгана, а прежнюю серьгу из витой золотой проволоки убрала в шкатулку, после чего наскоро пригладила черные волосы костяным гребнем. У нее самой из всех украшений, если не считать державной короны и обручального кольца, была только фибула со львом Халдейнов, застегивавшая платье на шее.

— Все отлично, — промолвила она, оборачиваясь к одетой в черное Райсиль, которая держала в руках зеркало. — Серьга не очень тяжелая, нет? Она чуть большая, чем та, которую ты носил раньше.

Мальчик неуверенно коснулся Глаза Цыгана и с серьезным видом начал оборачиваться... И внезапно застыл, узрев свое отражение в зеркале, и рот его приоткрылся от изумления. После того как ему два дня пришлось носить простые черные туники, он почти не обратил внимания на новую одежду, которую принесла для него мать, но теперь с благоговением провел ладошкой по алому с золотом гербу Халдейнов, вышитому на накидке из черного бархата. Кольцо Огня висело на цепочке у него на груди, однако сейчас его интересовал только золотой лев.

— О, мама, какой он красивый, — прошептал мальчик.

— Да, милый, я так и думала, что тебе понравится, — отозвалась она, надевая сыну черную бархатную шапочку, отороченную горностаем, с закрепленным на ней золотым обручем. Его розовые губки округлились при виде столь роскошного головного убора, и у Микаэлы самой перехватило горло, ибо вид сына напомнил ей о муже так сильно, что ей на миг показалось, что у нее вот-вот разорвется сердце.

— Мама, я стал совсем как папочка, — прошептал он и коснулся своей крохотной короны. — Мама, думаешь, папа выглядел точно также, когда был маленьким?

Райсем, уж конечно, не выглядел так в его возрасте, будучи третьим сыном короля, но Микаэла вспомнила, что именно так он выглядел на похоронах Джавана, единственный раз, когда она, вообще, видела его в трауре. Сморгнув слезы, она поспешила изгнать этот образ из памяти и, опустившись на колени, обняла сына.

— Да, дорогой мой, ты очень, очень похож на папу, — прошептала она, глотая слезы. — Папа бы гордился тобой...

— Не плачь, мама, — прошептал он, гладя ее по щеке, — ты же сама сказала, мы должны быть храбрыми ради папы.

— Да, милый, я знаю.

— Тогда улыбайся, мама. Надо быть смелой.

— Да, милый, мама будет смелой, — промолвила она и крепко расцеловала его в обе щеки, а затем неуверенно поднялась на ноги.

«Помоги мне, Райсиль, — мысленно передала она молодой женщине, которая поспешила поддержать ее. — *Не знаю, как долго я еще смогу это вынести.»*

— Ваше величество, вам нужно быть сильной, — прошептала Райсиль, увидев, что придворные дамы уже начали заглядывать в опочивальню из гостиной, в нетерпении дожидаясь выхода королевы. — Позвольте, я закреплю вам вуаль. — В то же самое время она мысленно потянулась к сознанию Микаэлы, успокаивая ее, приглушая скорбь, внушая отвагу и надежду.

Микаэла вполне пришла в себя и, наконец, миновав гостиную, вышла в коридор, где Таммарон уже ожидал, чтобы сопровождать вниз их с Оуэном. Поскольку по протоколу она должна была взять его под руку, то Райсиль двинулась впереди вместе с маленьким королем, а прочие придворные дамы сопровождали их, продолжая о чем-то щебетать, преисполненные гордости, что составляют свиту королевы. В последнюю минуту Оуэн принялся настаивать, чтобы ему позволили взять с собой папу-рыцаря, и Райсиль пришлось сходить за ним, но она уговорила малыша, что и дальше понесет игрушку сама, потому что в собор ему предстояло ехать в седле, вместе с дядей Катаном.

Когда они вышли на лестницу, ведущую во двор, то стражники, выстроившиеся по обе стороны, взяли на караул, и почетный эскорт из двух десятков конных рыцарей *Custodes* приветственно склонил копья. Все они были в траурных одеяниях и черных плащах поверх черной брони. На сей раз, понимая, что тем самым ему оказывают большую честь, Оуэн не испугался и проследовал вниз по лестнице вслед за матерью и Таммароном, высоко вскинув голову. Затем, проследив, чтобы Райсиль никуда не спрятала его драгоценного папу-рыцаря, а, как и было обещано, поставила его к матери в паланкин, помахал ей

рукой, и лишь затем вместе с Таммароном направился к Катану, который наблюдал за ним, восседая верхом на белом жеребце. Поблизости ожидали и Ран с Манфредом, верхом на вороных конях, а Галлард де Бреффни держался слева от Катана.

— Дядя Катан, — воскликнул мальчик и, вырвав ладошку из руки Таммарона, метнулся вперед, ухватившись за стремя Катана.

Медленно нагнувшись, ибо от резких движений у него начинала кружиться голова, Катан взял мальчика за руку и поднес ее к губам.

— Доброе утро, — прошептал он, и в этот момент Таммарон, подхватив мальчика, усадил его в седло перед Катаном.

— Только без фокусов, Драммонд, — шепотом предупредил его граф, помогая усадить мальчика. Во взгляде его, устремленном на Катана, также читалась угроза, но тот лишь стиснул племянника в объятиях, взял из рук конюха алые кожаные поводья и отвернулся. Его приободрило то, что он заметил Глаз Цыгана, красовавшийся в мочке уха Оуэна, и Катан понадеялся, что Мика в точности исполнила все его указания. Более того, ему даже показалось, он заметил фибулу Халдейнов у нее на груди, пока она поднималась в свой паланкин.

— Рад тебя видеть, Оуэн, — прошептал он, отчаянно желая, чтобы в голове у него прояснилось, и как можно скорее прибыла помощь. — Ты чудесно выглядишь сегодня, папа гордился бы тобой.

— Мама сказала, мы должны быть храбрыми ради папы, — прошептал Оуэн в ответ. — Ты тоже будешь храбрым, дядя Катан?

Нагнувшись, Катан поцеловал мальчика в затылок.

— Мы все будем очень храбрыми, мой принц. Да поможет нам Бог. Мы постараемся быть храбрыми.

Королевская процессия медленно выехала из ворот замка и двинулась по улицам Ремута, — это был не настоящий похоронный кортеж, ибо тело покойного короля немедленно по приезде в город поместили в собор, и все равно люди толпились вдоль улиц, чтобы хоть краем глаза взглянуть на своего нового короля и его овдовевшую мать, причем многие поражались, как замечательно выглядит мальчик, и как уверенно и прямо он держится в седле. Многие кланялись ему, даже не пытаясь сдержать слезы.

И вновь архиепископ Хьюберт встретил их на ступенях собора вместе со всем клиром, готовый сопроводить королевскую свиту внутрь на заупокойную мессу, после которой тело Райса-Майкла Элистера Халдейна должны были похоронить рядом с отцом и братьями. Передав Оуэна Таммарону, Катан осторожно спустился с седла и был вынужден на мгновение опереться на плечо графа, поскольку сейчас действие наркотика достигло наивысшей точки.

— Ты лучше соберись с силами, а не то пожалеешь, — угрожающе прошептал Таммарон.

Головокружение миновало, и Катан ровным голосом отозвался.

— Если я свалюсь прямо в соборе, скажите спасибо за это вашему благословенному архиепископу. Я тут ни при чем.

С этими словами он осторожно распрямился, взял Оуэна за руку и подвел его к паланкину, откуда выходила Микаэла, с видимой неохотой опираясь на протянутые руки Манфреда и Рана. Однако когда Оуэн потянулся, чтобы забрать своего папу-рыцаря, Манфред хотел было запретить ему это.

— Папа, — захныкал Оуэн и полез за игрушкой.

— Его нельзя брать с собой в собор, — возразил Манфред, убирая рыцаря, и на глазах у Оуэна выступили слезы. — Так не подобает.

— Ради Бога, милорд, позвольте ему взять игрушку, — взмолилась Микаэла. — Это его утешит, он ведь еще ребенок.

— Он король.

— Ему четыре года, — мягко произнес Катан, ухватив Манфреда за запястье.

— Драммонд, ты испытываешь мое терпение, — прошипел Манфред, однако рука его начала опускаться.

— Просто верни мальчику игрушку.

Хмыкнув, Манфред отдернул руку, но все же сунул деревянного рыцаря Оуэну, а затем, что-то бурча себе под нос, отошел к Рану. Катан поймал на себе взгляд Рана, преисполненный ненависти, но тут же поспешил выбросить это из головы и нагнулся, чтобы утешить мальчика, который с дрожащими губами прижимал к себе деревянную игрушку, одновременно цепляясь за материнскую руку.

— Ну ладно, ладно, что тут у нас такое, — прошептал он, легонько щекоча мальчику подбородок. — Я же обещал твоему папе, что мы все будем очень храбрыми. Постарайся вести себя как настоящий король, когда мы пойдем внутрь, чтобы папа тобой гордился.

В последний раз шмыгнув носом, Оуэн поднял голову и кивнул, и даже почти сумел улыбнуться. Катан поправил на нем шапочку и корону, а затем встал рядом с Микаэлой.

— Спасибо, — прошептала она, не решаясь встретиться взглядом с братом, когда он взял ее под руку,

и был вынужден опереться на нее, чтобы восстановить равновесие. — Катан, что с тобой такое?

— Ничего, — пробормотал он в ответ. — Просто голова кружится.

«Расскажу позже», — добавил он мысленно.

Он подождал, пока процессия двинулась в собор, заполненный клубами благовонного дыма, и послышался голос певчих, и лишь тогда решился мысленно обратиться к сестре:

«Помнишь, что они делали с Райсемом, после того как умер Джаван. Так вот, за эти шесть лет они ничего не забыли. С того дня, как Райсем умер, мне два раза отворяли кровь, и все время давали какие-то снадобья. Сейчас все в порядке, — добавил он, ощутив ее ужас. — *Я просто ослаб, и немножко подташнивает. Но... если келдорцы не подоспеют вовремя, то шансы уцелеть у меня невелики.»*

«Думаешь, они приедут сегодня?» — осмелилась она спросить.

«Возможно», — отозвался он.

«Молю Бога, чтобы они успели».

В это самое время келдорцы во весь опор приближались к городу, во время последнего привала постаравшись сделать все возможное, чтобы скрыть свое происхождение. Теперь отряд возглавлял епископ Эйлин в алой епитрахили и с большим нагрудным распятием, которое ясно провозглашало его высокий церковный сан.

Рыцари, которых он взял с собой из Валорета, ехали следом, в синих с золотом плащах, украшенных гербом Валоретского духовного престола. Чуть позади Эйлина скакал Тиег, переодетый оруженосцем, и нес стяг с епископским гербом Эйлина. На Квероне вновь была простая коричневая монаше-

ская ряса, в которой он явился в монастырь святой Остриты, и он изображал из себя капеллана Эйлина. Позади епископских рыцарей ехали Грэхем, Сигер и их приграничники, которые переоделись в самые простые доспехи и одежду, надежно скрыв слишком приметные горские одеяния в седельных сумках. Среди них скакали также отец Дерфель, Ансель и его михайлинцы. В общей сложности, в их отряде было около пятидесяти человек. Не так уж много, но учитывая, что их возглавлял епископ, поддерживаемый Дерини — с такой силой следовало считаться.

Именно Эйлин помог им без помех войти в город через восточные ворота.

— Я Эйлин Мак-Грегор, епископ Валоретский. Почему ворота закрыты? Меня пригласили сюда на конклав, дабы избрать нового архиепископа Ремутского, а в дороге мы узнали о смерти короля.

— Да, все верно, ваша милость. Его хоронят прямо сейчас, в соборе, — отозвался стражник, отдал честь и подал знак открыть ворота. — Но, возможно, вы не слыхали, что на севере, в Келдоре начался какой-то бунт. Поговаривают даже, что именно келдорцы виноваты в смерти короля, а теперь они движутся на юг.

— Быть не может! — выдохнул Эйлин.

— О, не думаю, что они доберутся сюда. Граф Картанский уже повел отряд в две сотни человек им наперерез по главной дороге, и он задержит их, если они осмелятся сунуться в столицу. В любом случае, если это и случится, то не раньше, чем через пару дней.

— Похоже, мы поспели как раз вовремя, — бросил Эйлин своему «капеллану». — Спасибо, сержант. *Dominus vobiscum.*

Он поднял руку в благословении, затем пришпорил лошадь и устремился через ворота в город, давая знак своим людям следовать за ним. По его сигналу «капеллан» чуть приотстал, чтобы о чем-то посовещаться с людьми, ехавшими в хвосте колонны.

Улицы города оказались пустынны, равно как и подступы к собору, поскольку горожане в большинстве своем собрались на главной площади, в надежде полюбоваться на своего нового короля. Когда отряд епископа подъехал ближе к площади, Ансель отдал приказ михайлинцам и северянам окружить всю эту территорию, тогда как Эйлин продолжил ехать прямо, чтобы занять непосредственные подходы к собору. Грэхем с Сигером, а также Кверон и отец Дерфель держались позади, и старались не поднимать головы, в особенности Сигер, который спрятал свои слишком приметные рыжие волосы под шлемом, и даже сбрил густую рыжую бороду и усы, чтобы остаться неузнанным.

На площади перед собором было полно народу, но, в основном, все толпились с той стороны, куда должна была двинуться королевская процессия. Большой колокол собора как раз начал звонить, показывая, что служба подходит к концу, и Эйлин со своими людьми натянули поводья и перевели лошадей на шаг, с достоинством выехав на площадь. Два десятка рыцарей *Custodes*, сопровождавшие короля из замка, уже строились, готовились к возвращению, но, заслышав шум, с любопытством обернулись на новоприбывших. Они тут же заметили штандарт в руках у Тиега и опознали герб епископа. Несколько человек, подчинявшихся лорду Эйнсли, держали оседланных лошадей, принадлежавших тем, кто был сейчас внутри собора. Эйлин окликнул своего капи-

тана, что-то негромко сказал ему, а затем искоса бросил взгляд на Тиега.

— Сынок, мы сейчас подъедем к этому капитану *Custodes* и постараемся отослать его подальше, — заявил он. — Ты просто держись рядом со мной и не удивляйся ничему, что бы я ни сказал.

— Хорошо, — пробормотал Тиег в ответ, мысленно послав предупреждение Кверону. В тот же миг офицер *Custodes* отделился от своих людей и на рысях отправился к ним навстречу.

— Мак-Грегор из Валорета, капитан, — представился Эйлин, прежде чем тот успел раскрыть рот. — Мы прибыли, чтобы вас сменить. По дороге сюда столкнулись с гонцом, и он сообщил, что вы нужны им на северной дороге. Можете взять еще людей в *Arx Fidei*. Похоже, что келдорцы и впрямь движутся к Ремуту.

— Вы здесь из Валорета? — переспросил рыцарь. — Но как...

— Мы прибыли восточной дорогой, — пояснил Эйлин. — Меня вызвали на конклав, который должен избрать нового архиепископа. Провели в дороге три дня, почти не делая привалов. Я не могу сейчас попросить своих людей развернуться и без отдыха отправиться на север. Мы готовы взять на себя ваши обязанности почетного эскорта, а вы езжайте скорее. Я все объясню сановникам.

Капитан неохотно кивнул: он не мог ослушаться приказа вышестоящего прелата.

— Тогда оставляю здесь все в ваших руках, ваша милость. Можете занять наши места. Они появятся где-то через четверть часа. Полагаю, что сейчас гроб как раз опускают в крипту.

Эйлин отдал ему честь своим хлыстом.

— Благодарю вас, капитан.

Отряд *Custodes* устремился прочь, а Эйлин тут же дал знак валоретским рыцарям занять их место, расставив двадцать человек в шеренгу на ступенях собора. Из бокового придела выглянул лорд Эйнсли и, заметив Эйлина, который спешился вместе с десятком оставшихся рыцарей, тут же велел своим людям принять у них лошадей, а затем взбежал по ступеням, чтобы встретить Сигера и Грэхема.

— Так это правда? — спросил он Сигера, бросив взгляд на герцога Клейборнского, но пока не обращая внимания на остальных.

Вместо ответа Сигер достал свой экземпляр королевского кодицилла и протянул Эйнсли, который быстро пробежал глазами пергамент и с улыбкой вернул его владельцу.

— Все остальные уже на позициях, милорд. Господи, как же хорошо, что у нас в королевстве наконец появятся честные регенты! Хьюберт с королем и сопровождающими уже спустился в крипту. У нас будет минут десять, пока они не двинутся обратно.

— Вот и отлично. Тогда пора начинать, — произнес Сигер и уверенно двинулся в собор. — А кто там вместе с королем? Кстати, познакомься с епископом Эйлином Мак-Грегором. Если бы не он, то нас бы здесь не было. Слушай его приказов как моих собственных. Он знает, что делать.

Кивнув в знак согласия, Эйнсли двинулся внутрь вместе с Сигером, Грэхемом, и Кверон с отцом Дерфелем также последовали за ними, а Эйлин принялся расставлять своих рыцарей на ключевых постах.

— Значит, так, — начал Эйнсли загибая пальцы. — Там внизу королева и король, разумеется, а также Хьюберт, Ран, Манфред, Таммарон, аббат Секорим,

— который, кстати, должен стать следующим архиепископом Ремутским. Также Катан и рыцарь *Custodes*, который его охраняет, — знаешь, Сигер, они с ним сделали что-то ужасное... Да, и еще четверо монахов *Custodes*, которые внесли гроб в крипту. Но не думаю, что с ними у тебя возникнут проблемы.

— Я, вообще, не думаю, что у меня возникнут проблемы с кем бы то ни было, — зловеще отозвался Сигер, берясь за рукоять меча. — Ну, пора очистить собор и подготовить торжественную встречу, когда они выйдут наружу.

* * *

В прохладном тихом подземелье, освещенном факелами и свечами, обряд захоронения близился к завершению. Монахи *Custodes* опустили гроб короля в заранее подготовленный саркофаг, после того как Хьюберт окропил его святой водой, а Секорим воскурил благовония, сладкий аромат которых не мог полностью заглушить влажный запах тления, витавший в крипте, которая простиралась анфиладой залов почти под всем собором.

— *Ego sum ressurectio et vita*, — начал Хьюберт. — Я есмь воскрешение и жизнь, и тот, кто верует в Меня, даже если умрет, будет жить, а тот, кто жив и верует в Меня, не умрет вовеки...

Хьюберт продолжил молитву, монахи отвечали ему, а Микаэла на мгновение отвлеклась, стараясь не думать об этой мраморной плите, которую Ран, Манфред, Таммарон и помогавшие им монахи, медленно опускали поверх саркофага... Все было лучше, чем думать о том человеке, который покоился сейчас в этом гробу, а ведь ей даже не позволили его уви-

деть, после того как привезли сюда в собор... Нет, ей не хотелось помнить его таким, не нужно вспоминать это обескровленное неподвижное тело, эти затуманенные серые глаза, этот погребальный саван и гроб... руку, отсеченную от тела. Сильную изящную руку, что должна была уверенно сжимать бразды правления... Руку, что так часто дарила ей наслаждение...

Зажмурившись, она заставила себя перестать думать и об этом тоже, и на миг отпустила плечо Оуэна, чтобы вытереть слезы под вдовьей вуалью.

Мальчик стоял прямо перед ней, и слезы катились по его щекам. Папу-рыцаря он изо всех сил прижимал к груди. Справа от королевы, чуть покачиваясь, держался Катан, а рядом с ним неотступно находился отвратительный Галлард де Бреффни. За могилой Райсема находились могилы трех последних королей Халдейнов: Синхила и его несчастных сыновей.

Изваяния, высеченные на крышках саркофагов, изображали тех, кто покоился внутри. Скульпторы постарались представить их в наилучшем виде, и даже Алрой, слабый и болезненный, выглядел здесь здоровым и полным жизни юношей, сорванным безжалостной рукой смерти в расцвете своей молодости. Микаэла задумалась, каким изобразит художник ее Райсема, который, возможно, был самым отважным из них из всех...

— Дражайшие братья и сестры, — произнес Хьюберт. — Мы будем с верой и любовью вспоминать брата нашего, Райса-Майкла Элистера, которого Господь взял к себе и избавил от испытаний бренного мира...

Они все преклонили колена для последней молитвы, и Катан оперся рукой о край саркофага Джавана, лбом упираясь в прохладный камень.

То, что Райсем тоже оказался здесь, и так скоро, по-прежнему казалось ему величайшей несправедливостью. С такой отвагой, с такой верой в свои силы, как он мог не преуспеть? Неужто никто и никогда не сможет свалить власть старых регентов? Отчасти он винил в этом короля Синхила, который сделал столь неразумный выбор.

После его смерти казалось, что звезда Халдейнов начала свое стремительное падение. Он отчаянно надеялся, что именно Райсему удастся вернуть Халдейнам утраченную славу и величие, в особенности после той судьбы, что постигла Джавана. Но теперь, даже если обстоятельства сложатся наилучшим образом, пройдет много лет, пока наследник Райсема, юный Оуэн, повзрослеет достаточно, чтобы исполнить мечту своего отца.

— *Kyrie eleison... kyrie eleison... Christe eleison... Pater noster...*

Скорбь тяжким гнетом давила ему на плечи, и к этому примешивалась еще физическая слабость и действие наркотиков, которыми его напичкали, так что больше всего сейчас Катану хотелось разразиться беспомощными рыданиями, однако он сумел, сосредоточившись на привычных словах молитвы, все же взять себя в руки.

Наверняка еще не все потеряно. Друзья спешат на помощь. Поспеют ли они вовремя, еще неизвестно, но, возможно, они сумеют добиться исполнения последней воли Райсема.

— *A porti inferi.*

— *Erue, Domine, animam eius.*

Из врат ада вызволи его душу, Господи. Да упокоится он с миром... Аминь.

— *Domine, exaudi orationem meam...* — молился Хьюберт.

И Катан тоже принялся молиться, чуть заметно шевеля губами:

— О, Господи, услышь мою мольбу, и позволь мне воззвать к тебе. Отмсти за него, Господи. Враги принесли его в жертву своим нечестивым помыслам, творя зло во имя Твое. Порази их, Господи. Дай силу тем, кто желает исполнить его волю и сделай меня орудием в руках Твоих, Господи. Руками моими исправь причиненное зло, прошу Тебя, Господи.

— Господи, молим тебя даровать милосердие рабу твоему, Райсу-Майклу Элистеру, которому ты повелел оставить мир сей, — молился Хьюберт, и Катан поразился, насколько фальшиво звучит молитва архиепископа. — И пусть он, всегда исполнявший верно волю твою, за деяния свои не понесет кары, но обретет место в свете и покое, вместе с ангелами небесными. К Христу, Господу нашему, взываю. Аминь.

— Аминь, — раздался ответ.

— О, великий и всемогущий Судия над живыми и мертвыми, пред коим все мы предстанем в конце жизни своей, дабы дать отчет о делах своих, молим Тебя, пусть смерть эта глубоко тронет наши сердца, и когда мы предаем земле тело раба Твоего Райса-Майкла Элистера, напомни нам о собственной бренности и близкой смерти, и не дай нам уклониться с путей Твоих и верно следовать заповедям Твоим, дабы, после того как покинем мы мир сей, Ты был бы милосерден к нам, и вознес нас к счастью вечному. Аминь.

— И даруй ему, Господи, вечный покой, — поддержал Хьюберта Секорим.

— И да воссияет над ним свет вечный.

— И да упокоится он в мире.

— Аминь.

— И пусть душа его, и души всех истинно верующих милостью Божией упокоятся в мире.

— Аминь.

Завершив молитву, Хьюберт осенил себя крестным знамением и с трудом поднялся на ноги, ухватившись за край саркофага. «Большой Георгий» продолжал звонить где-то вдалеке. Секорим извлек из боковой ниши канделябр с тремя незажженными свечками и поставил на крышку саркофага, тогда как Хьюберт, взяв вощеный фитиль, поджег его от ближайшего факела, и подозвал к себе Микаэлу, Катана и маленького Оуэна.

— Вы можете каждый зажечь по свече, ваши величества, — произнес он негромко, протягивая фитиль, — присоединяя свои молитвы к нашим.

Микаэла, взяв себя в руки, откинула назад вуаль, затем подняла Оуэна и свободной рукой взяв фитиль у Хьюберта, зажгла первую свечу, после чего, вложив фитиль в ручонку сына, помогла ему сделать то же самое со второй.

— Да благословит Бог папу, — подсказала она тихонько. — И пусть он возьмет его к своим ангелам. Аминь.

— Да благословит Бог папу, — послушно повторил Оуэн, в то время как Микаэла передала горящий фитиль Катану. — Мама, а ангелы тут повсюду. Они что, пришли вернуть нам папу обратно?

Услышав это, Катан едва не выронил фитиль, но Микаэла, слегка побледнев, покачала головой, не

осмеливаясь признаться, что тоже слышит трепетание незримых крыл, и молча возблагодарила небесные Создания, за то, что они явились сюда в этот час... одновременно молясь в душе, чтобы Хьюберт не обратил особого внимания на слова Оуэна и не стал расспрашивать его о том, каких это ангелов тот видит на самом деле.

— Едва ли ангелы смогут вернуть нам папу, милый, — прошептала она, в то время как Катан принялся вслух читать молитву, чтобы заглушить ее голос. — Порой ангелы приходят утешить нас, когда мы печалимся... А твой ангел-хранитель всегда рядом, когда он нужен тебе. Может быть, это папин ангел-хранитель пришел попрощаться с нами.

Оуэн нахмурился, но, повинуясь мысленному приказу матери, больше не сказал ни слова, а вместо этого обернулся к остальным саркофагам, что стояли в усыпальнице.

— Теперь можем подняться наверх, — заявил Хьюберт, указывая на лестницу, что вела обратно в собор. — Не могу понять, почему колокол до сих пор звонит. Ведь он должен был замолкнуть, отбив столько ударов, сколько было лет королю.

— Мама, постой! — воскликнул Оуэн и потянул мать за рукав. — А почему у папы нет своего короля?

— Что?

Он указал на остальные могилы.

— У дедушки Синхила есть свой король, у дяди Джавана и...

— Полагаю, он имеет в виду изваяния, — со снисходительной улыбкой произнес Хьюберт, оглядываясь на остальных. — Ваше величество, резчики по камню сделают статую для вашего папы, у них просто пока еще не хватило на это времени.

Оуэн недовольно поджал розовые губки.

— У моего папы тоже должен быть король.

— Будет, обещаю...

— Он должен быть *сейчас*!

— Ваше величество, это невоз...

— Мама...

— Я постараюсь решить эту проблему, — прошептал Катан и подхватил Оуэна на руки. — Оуэн, Оуэн, послушай меня, не надо плакать. Послушай меня.

Несколько минут он что-то нашептывал мальчику на ухо, и слезы Оуэна понемногу высохли, и вскоре он даже принялся кивать темноволосой головкой.

— Ну, что скажешь? — наконец промолвил Катан. — Так будет хорошо.

Оуэн с серьезным видом кивнул.

— Папе понравится.

— Вот и славно. Помочь тебе?

Оуэн вновь кивнул, и Катан поднес его к пустой могильной плите, чтобы Оуэн с торжественным видом мог водрузить своего папу-рыцаря перед канделябром лицом к свечам.

— Мой папа-рыцарь — король, — пояснил он в ответ на изумленный взгляд Хьюберта. — Видите корону? Он останется здесь, пока у папы не будет большого короля.

— Но, милый, ты не будешь скучать по своему папе-рыцарю? — спросила его Микаэла, с благодарностью глядя на Катана. — Если ты оставишь его здесь, то ведь это будет надолго... Может, на несколько месяцев. И если ты захочешь, чтобы он был рядом, мы не сможем просто прийти сюда и забрать его.

— У меня дома еще остался рыцарь, который дядя Катан, — напомнил ей Оуэн. — Теперь дядя Катан позаботится обо мне.

— У «дяди Катана» есть и другие дела, — заявил Манфред, жестом велев Катану поставить мальчика на пол. — Пойдем, Драммонд. Мы здесь и без того слишком задержались. Галлард, уведи его наверх.

С болью в сердце Катан повиновался. Он сумел на время утешить своего маленького племянника, но едва ли регенты позволят ему и впредь оставаться с малышом. С тоской взглянув на сестру, которая взяла сына за руку, он обреченно отвернулся и последовал за Галлардом вверх по лестнице. Остальные потянулись за ними.

Он увидел, что стражники взяли на караул при их появлении, хотя рассеянно отметил, что, кажется, Хьюберт прежде не располагал таким количеством рыцарей из своего валоретского гарнизона, и лишь когда он уже почти выбрался на поверхность и чьи-то сильные руки внезапно подхватили его и Галларда, зажимая рот, чтобы не дать им закричать, как внезапно он узнал старых знакомых среди валоретских стражников... и осознал, что в самое ближайшее время династия Халдейнов либо погибнет окончательно, либо станет навсегда свободной.

Глава тридцать пятая

Если же друг друга угрызаете и съедаете, берегитесь, чтобы вы не были истреблены друг другом[1]

Манфред с резким возгласом отпрянул, едва заметил, что случилось с Катаном и Галлардом, увернулся от удара мечом и устремился вниз по лестнице, спасаясь от валоретцев, которые бросились за ним следом. Ран также кинулся назад по ступеням, с такой силой толкнув Лиора, что тот едва не упал навзничь, а затем затолкал королеву с Оуэном обратно в крипту и стал звать Таммарона на помощь.

Ни Ран, ни Манфред на лестнице не смогли обнажить мечи из-за тесноты, но в первом же зале крипты они немедленно извлекли из ножен оружие и рывком обернулись, дабы сразиться с нападающими. Таммарон также поспешил схватиться за меч, помогая одновременно Лиору передать королеву и маленького короля в руки Хьюберта и Секорима, которые грубо потащили их назад, укрываясь за спинами шестерых невооруженных монахов *Custodes*.

---

[1] К Галатам 5:15

Хьюберт схватил королеву за руку, а Лиор подхватил перепуганного Оуэна. Когда валоретские рыцари рассыпались по крипте с мечами наголо, *Custodes* вместе с заложниками попятились через арку в соседний зал.

— Бросьте оружие! — прокричал один из валоретцев. Из-за его спины, спустившись по лестнице, вышел седовласый мужчина в легких доспехах и алой епископской епитрахили, а следом за ним показался лорд Эйнсли и двое его верных людей.

— Мак-Грегор, — прорычал Хьюберт, узнав валоретского епископа. — Что, черт возьми, ты здесь делаешь? Немедленно вели этим людям сложить оружие!

— Не могу, ваша милость, — возразил Эйлин, в то время как люди его начали осторожно продвигаться мимо саркофагов ко входу во второй зал крипты. Сигер и Грэхем также появились рядом с Эйнсли, а с ними еще двое мужчин в одежде священников. — Я действую по приказу законных регентов Гвиннеда.

— *Я* законный регент Гвиннеда, — надменно отозвался Хьюберт. — И кроме того, я твой непосредственный начальник. Ты дал мне обет повиновения.

— Я также принес клятву поддерживать власть короля и его законы... Включая все законным образом изданные указы, подписанные королем.

В руках у него оказался развернутый пергамент с алой восковой печатью.

— По-моему, лорд Ран видел черновик этого документа, а сейчас у меня должным образом подписанный и заверенный экземпляр, и я могу также предоставить свидетелей. Другой такой же документ был уже записан и внесен в архив Валоретского собора. В нем Грэхем Клейборнский и Сигер Марлийский назначаются регентами Гвиннеда. И у них есть во-

просы, которые они хотели бы задать *прочим* гвиннедским регентам, которые были напрямую повинны в смерти покойного короля.

— Это ложь! — выпалил Манфред, размахивая мечом. — Кто осмелится это утверждать?

— Я, милорд, — и Кверон вышел из-за спины Эйлина, скрестив руки на груди. — Сам король сказал об этом в своей предсмертной исповеди... после того как ему четырежды отворили кровь в течение одного дня. Это сделал монах *Custodes* по имени брат Полидор, но король заявил без тени сомнения, что приказ отдал некто Манфред Мак-Иннис, а согласился на это Ран Хортнесский.

— Неправда! — воскликнул Ран. — Полидор хотел этого, и Лиор его поддерживал... А меня они одурманили, когда я пытался их остановить. Спросите любого, кто там был. Сам король бы сказал вам об этом, если бы был здесь.

— Именно потому что его нет здесь, нам и приходится вести с вами эту беседу, милорд, — резко парировал Эйлин. — И обвинения весьма серьезны...

— Это подлая ложь! — выдохнул Лиор, с трудом удерживая Оуэна, который пытался вырваться у него из рук. — Это правда, что королю отворили кровь — в соответствии с общепринятой медицинской практикой. Рука его воспалилась, он был охвачен горячкой. Когда кровопускание не помогло, стало ясно, что руку придется отнять. К несчастью, он не перенес шока операции.

— У короля были обе руки, когда он умер, — негромко возразил Кверон. — Если угодно, я готов поклясться в этом, возложив *свою* руку на его могилу.

— Кто этот человек?! — воскликнул Секорим, обращаясь к Лиору.

— Скажите ему, отче, — попросил Эйлин, прежде чем Лиор успел ответить. — Скажите ему, как вам пришлось обратиться к отцу Донату, чтобы выслушать последнюю исповедь короля, потому что его величество не пожелал иметь дела ни с вами, ни с вашими клириками, и предпочел рисковать спасением своей бессмертной души, умерев нераскаянным, нежели получить последнее причастие от любого священника *Custodes*.

— А чем этот священник лучше? — возразил Манфред, указывая мечом. — Как мы можем доверять его словам? Что это за священнослужитель, который нарушает тайну исповеди?

— Это правда, — промолвил Эйлин. — Однако сам король дал отцу Донату дозволение поведать вслух обо всем, что он сказал ему, дабы свершилось правосудие над его убийцами. Поэтому тайна исповеди не нарушена.

— Это не тебе решать, — со злостью воскликнул Хьюберт, подтолкнул королеву к Секориму и сделал несколько шагов вперед. — У тебя нет здесь никакой власти... И ни в каком ином месте. — Он дрожащим пальцем указал на своего помощника. — Эйлин Мак-Грегор, отныне я отстраняю тебя от должности и велю под угрозой отлучения от Церкви увести отсюда солдат и подчиниться церковной дисциплине. Как осмелился ты судить кого бы то ни было?

— Это *я* осмелился вас судить, архиепископ, — ровным голосом произнес герцог Грэхем и, положив руку на перевязь меча, встал рядом с Эйлином. Сигер также сделал шаг вперед, скрестив на груди мощные руки. — Являясь одновременно регентом и герцогом этого королевства, я имею право осуществлять правосудие высшее и низшее, могу заслуши-

вать свидетелей и выносить приговор. Я обвиняю тебя, Манфред Мак-Иннис, граф Кулдский, и тебя, Ран Хортнесский, граф Шиильский, в государственной измене и святотатственном убийстве...

— Я не признаю твоей власти, — с презрением воскликнул Манфред.

— Я также признаю вас виновными в этих преступлениях и выношу вам смертный приговор, — продолжил Грэхем, словно и не слышал Манфреда. — Бросьте оружие. Спастись вам не удастся, и на вашем месте я бы поостерегся осквернять это святое место своей кровью... Хотя, возможно, для вас это был бы достойный конец: умереть здесь, перед могилой короля, чью священную кровь вы пролили.

— Перед могилами двух королей, — мягко добавил Сигер. — Король Джаван также погиб под клинками предателей.

Никто не шелохнулся в напряженном выжидающем молчании, наступившем после слов Сигера, не слышалось ни единого звука, кроме хриплого дыхания загнанных в ловушку людей, приглушенных всхлипываний Оуэна, который все еще пытался вырваться от Лиора, и единственного приглушенного возгласа Микаэлы. Затем, к вящему изумлению всех вокруг, Ран с презрением швырнул свой меч на пол, и лязг железа эхом отразился от каменных стен. Затем он потянулся за кинжалом на поясе.

— Ран, ты что делаешь? — воскликнул Манфред, взирая на него в изумлении и медленно опуская меч.

Но не успел он договорить, как Ран, внезапно обернувшись, вонзил кинжал прямо в грудь Манфреда и рванул лезвие вверх. Кровь потоком хлынула у Манфреда изо рта, Микаэла пронзительно закричала, а один из валоретских рыцарей устремился впе-

ред, но Ран уже успел растолкать монахов *Custodes* и выхватил Оуэна из рук Лиора. Затем он с силой полоснул кинжалом Лиору по шее, когда тот пытался его остановить, и, подхватив отбивающегося мальчика подмышку, устремился прочь по анфиладе залов крипты. В тот же самый миг Таммарон с обезумевшим лицом схватил королеву за руку и развернул ее спиной к себе, прикрываясь ее телом, как щитом, а обнаженный меч приставил ей к горлу.

* * *

Когда чьи-то руки внезапно схватили Катана и поволокли его прочь от лестницы, что вела из крипты в собор, он сперва попробовал было сопротивляться, но тут же успокоился, узнав в своем «пленителе» сэра Роберта Эйнсли. Другие рыцари мгновенно ринулись вниз по лестнице, чтобы поддержать епископа Эйлина и его людей, а когда Роберт отпустил Катана, по-прежнему поддерживая его под руку, чтобы тот не рухнул от слабости, брат королевы увидел, что никто иной, как его кузен Ансель схватил Галларда де Бреффни и заломил ему руку за спину, другой рукой зажимая рот, чтобы тот не закричал.

— Убей его немедленно! — выдохнул Катан, цепляясь за Роберта.

— Уверен? — совершенно равнодушным тоном переспросил Ансель.

— Он помогал держать Райсема, когда ему отворяли кровь, — выдохнул Катан и потряс головой, чтобы восстановить все случившееся в памяти. — И еще много других людей он убил за эти годы. Он бы и меня убил тоже, прикончи его!

Услышав свой смертный приговор, Галлард принялся отбиваться, но ему тут же пришел конец. Рука Анселя стремительно метнулась вверх, выворачивая Галларду голову набок и назад, и тут же послышался негромкий отвратительный хруст.

Ансель разжал руки, и обмякшее тело рухнуло на пол, а он небрежно отер ладони о штаны и повернулся, чтобы заглянуть с лестницы в крипту. Катан силился побороть тошноту, пока какой-то солдат с невозмутимым видом оттаскивал труп Галларда прочь с дороги, и с благодарностью приветствовал юного Тиега, который внезапно оказался рядом и помог Роберту усадить брата королевы, прислонив его спиной к каменной колонне.

— Меня предупреждали, что с тобой неладно, — пробормотал Целитель, сжимая голову Катана в своих руках. — Позволь мне взглянуть. Да, думаю, что смогу помочь.

Это был скорее даже приказ, а не просьба. От внезапного приступа головокружения Катан застонал и зажмурился, ибо перед глазами у него все плыло, но тут же почувствовал, как кто-то запрокидывает ему голову и что-то прижимает к губам.

— Ты должен это проглотить, — послышался негромкий голос Тиега, и прохладная жидкость потекла ему в горло. — Вот так. Еще. Я заранее подготовился к нескольким возможным исходам, в зависимости от того, что за наркотики они давали тебе. Вот это снадобье прочистит тебе мозги и через пару минут придаст бодрости и сил. Потеря крови не так серьезна, однако ты очень изнурен. На какое-то время я могу это поправить. Просто расслабься.

Катан ощутил мысленное прикосновение Тиега, но тут же его охватила такая всепоглощающая сла-

бость, что он перестал отдавать себе отчет в происходящем. Однако когда он вновь открыл глаза, то мог бы вообразить, будто ничего из событий последних дней не происходило в действительности, по крайней мере, в том, что касалось его физического состояния. Туман в голове исчезал с каждым мгновением, и когда Роберт помог ему сесть, он уже чувствовал себя почти в отличной форме, хотя Тиег продолжал контролировать его состояние, прижимая пальцами запястье.

— Иди сюда, Катан, — негромко окликнул его Ансель с лестницы. Вокруг них и дальше в соборе стражники в простых доспехах без украшений помогали людям лорда Эйнсли очистить здание. Кое-где заметны были трупы *Custodes*, но в большинстве своем горожане были рады по доброй воле покинуть это священное место, внезапно превратившееся в поле брани. Катан, с трудом поднявшись на ноги, присоединился к своему сводному брату, и внезапно перестал звонить большой колокол собора.

— Отлично, — прошептал Ансель. — Наконец кто-то добрался и до колокольни. А теперь скажи точно, кто там внизу с Микой и мальчиком.

Катан, прищурившись, заглянул в крипту. Он видел со спины Грэхема, Сигера и отца Дерфеля, но ему не нужно было видеть своих врагов в лицо, чтобы их перечислить.

— Манфред, Ран и Таммарон вооружены, — отозвался он. — Там еще шестеро монахов *Custodes*, у которых под рясой может быть оружие. Скорее всего, ножи. А еще Хьюберт, Секорим и Лиор. Что они делают?

— Болтают, спорят. — Ансель подозвал одного из капитанов лорда Эйнсли, который подошел и опус-

тился на корточки рядом с ним. — Есть другой выход из крипты?

— Да, милорд. Слева от главного алтаря.

— А другие выходы из собора, кроме главных дверей и того пути, которым пришел я?

— Еще боковая дверь в южном транцепте, она ведет во внутренний двор к дому капитула, резиденции архиепископа и так далее. И еще одна дверь из ризницы, которая также выходит...

Снизу из крипты донесся звук стали, лязгнувшей о камень, затем шум борьбы, какие-то возгласы и крики.

— Ран схватил короля, — донесся встревоженный возглас снизу. — Он движется к другому выходу. Не дайте ему уйти!

Катан уже устремился по нефу церкви, выхватив оружие и молясь лишь о том, чтобы успеть вовремя, — ибо поскольку Ран знал, что все раскрылось и ему подписан смертный приговор, он готов был не пощадить никого из Халдейнов, даже четырехлетнего малыша.

* * *

Тем временем в крипте Микаэла, вся дрожа, слабо пыталась отбиться от своего пленителя и, выворачивая шею, разглядеть, куда унес Ран ее сына, но пальцы Таммарона впивались ей в плечо мертвой хваткой, а стальной клинок с силой был прижат к ее горлу. Манфред, мертвый, лежал в луже собственной крови с выражением величайшего изумления на искаженном лице, а двое монахов *Custodes* тщетно пытались что-то сделать с раной Лиора. Валоретские рыцари устремились вперед в тот же миг, когда Ран

ударил кинжалом Манфреда, но Сигер резко отозвал их, едва увидел, что Таммарон схватил королеву.

И они отступили, опустив мечи и косясь на Сигера в ожидании приказа, но он лишь умоляющим жестом протянул руки к Таммарону. Грэхем немедленно уступил место своему более опытному дяде, а сам поспешил оттащить отца Дерфеля обратно на лестницу, где тот оказался бы в безопасности, в то время как Эйлин торопливо отозвал своих людей, чтобы те своими действиями не спровоцировали Таммарона на какой-то безумный, отчаянный шаг. Кверон укрылся за одним из саркофагов, оставаясь невидимым для Таммарона, и все позабыли о нем в суете схватки.

Как безумный, Таммарон заозирался по сторонам, медленно отступая вместе с королевой к соседнему залу, куда незадолго до этого устремился Ран с королем.

— Отойдите! Вы все, отойдите!

— Таммарон, ты сошел с ума, — выдохнул Хьюберт, пятясь прочь и с ужасом взирая на сановника. — Она же носит в чреве будущего наследника!

— Она носит последнего короля Халдейнов, — взвизгнул Таммарон, а я убью и ее, и ребенка во чреве... Все лучше, чем быть казненным как предателю!

— Таммарон, ты этого не сделаешь, — негромко произнес Сигер, осторожно продвигаясь ближе. — Ты не сможешь убить женщину в тягости, это не в твоей природе. И что проку, если даже ты сделаешь это? Они заберут маленького короля у Рана. Ты не можешь сбежать, все кончено.

С искаженным лицом Таммарон продолжал отступать к соседнему залу.

— Да, верно, скоро все будет кончено. Я, наконец, все понял. Тот парень не настоящий принц, а значит, и не король. Если только вы не хотите, чтобы династия Мак-Иннисов сменила династию Халдейнов. Хьюберт, твой брат что-нибудь говорил тебе об этом?

— О чем это ты? — воскликнул Грэхем.

У Хьюберта отпала челюсть.

— Спросите королеву, — произнес Таммарон, лезвием меча поглаживая ей горло. — Чем угрожали королю, после того как он взошел на престол, а, ваше величество? Как вас с ним пытались заставить дать жизнь наследникам Халдейнов?

— Господи Иисусе, нет, — прошептала она, ибо прекрасно понимала, что именно Таммарон имеет в виду, и была уверена, что это неправда.

— Об этом знали только мы пятеро, — продолжил Таммарон, — что если он не исполнит свой долг, то найдутся те, кто с радостью его заменят.

— Нет, — всхлипнула она.

— Но король оказался упрямым, и Манфред устал ждать. Как-то ночью он подмешал в вино снотворное. Полагаю, что прочие подробности вам подскажет воображение.

Прячась за саркофагом, Кверон погрузился в транс и, использовав чары истины, убедился, что Таммарон лжет.

— Неправда, — всхлипнула Микаэла.

— Ее ни в чем нельзя винить, — продолжил советник. — Она не знала. Никто из нас не знал, пока Манфред не убил короля. Но как вы думаете, какая у него была причина так поступать, раз он знал о существовании нового завещания? Просто он понимал, что со смертью короля его собственный бастард

взойдет на трон. Так что Ран забрал отсюда Оуэна Мак-Инниса.

«Неправда, Мика, — внезапно услышала Микаэла мысленный голос Кверона в своем сознании. — *Он Оуэн Халдейн, и ты знаешь это. Разве мог бы сын Манфреда принять магию Халдейнов? Таммарон лжет от первого до последнего слова, это измышления безумца, и ты единственная, кто может остановить его и опровергнуть ложь».*

«Но как?»

Воспользовавшись замешательством, вызванным невероятным признанием Таммарона, Кверон проскользнул ближе к остолбеневшему епископу Эйлину и, воспользовавшись теми установками контроля, которые заранее вложил в его сознание, смог наблюдать за всем происходящим глазами епископа, одновременно продолжая мысленный разговор с Микаэлой.

«Убей его, Мика. Ты единственная можешь это сделать, прежде чем он убьет тебя... И уничтожит твоего сына, смешав с грязью его доброе имя».

«Но я не знаю, как! — отозвалась она в замешательстве. — *Кверон, я не...»*

«Я не могу до него дотянуться, потому что никогда прежде не касался его, — резко отозвался Кверон. — *Но ты стоишь рядом. И он касается тебя. И его меч у твоего горла, близкий, как поцелуй возлюбленного. У тебя есть сила. Все, что нужно сделать, это просто потянуться сознанием и...»*

«Не могу....»

«Я помогу тебе через епископа Эйлина. Никто не заподозрит, что в дело замешана магия. Просто сделай то, что он тебе подскажет».

— Таммарон, ты лжец, — ледяным тоном заявил Эйлин. — Это самое нелепое обвинение, какое я когда-либо слышал. Достаточно взглянуть на мальчика, чтобы увидеть, что он чистейший Халдейн.

— Нет, он бастард, — повторил Таммарон. — Он бастард Манфреда и никогда не сядет на трон. Ран позаботится об этом... А я убью настоящего наследника еще до рождения, если вы не дадите мне выбраться отсюда вместе с королевой.

— И что тогда? — воскликнул Сигер. — Думаешь, ты по-прежнему сможешь править как регент? Конечно, новорожденный младенец будет в твоих руках, но это не сделает тебя королем.

— Либо я буду регентом, либо у вас не будет короля, которому регент, вообще, понадобится, — пробормотал Таммарон и сделал еще шаг назад вместе с королевой, по-прежнему прижимая меч ей к горлу. — Я убью ее, клянусь, убью!

— Ты не сделаешь этого, — ровным тоном отозвался Эйлин. — Господь этого не допустит.

— В самом деле?

— Гнев его падет на тебя, Таммарон. Господь защищает Халдейнов, ибо они — Его избранники.

— Пустые слова, епископ!

— Если ты допустишь, чтобы хоть один волосок упал с головы королевы, которая носит во чреве Его избранного короля, ты умрешь.

— Откуда тебе знать, — взвизгнул Таммарон, и глаза его побелели от страха.

— Умрешь, — повторил Эйлин, указывая пальцем на дрожащего графа. — Ты святотатствуешь, касаясь королевы, особенно здесь, в этом месте. Господь поразит тебя, Таммарон, ты умрешь!

«Давай, Мика, — мысленно велел ей Кверон. — *Разумом своим потянись в его грудь и сожми ему сердце».*

И внезапно наступила ясность. Она поняла, как сделать это. Но не могла...

«Давай, Мика, ради Оуэна, ради Райсема, ради Джавана, ради нерожденного ребенка, он заслуживает смерти. Это не убийство, это – казнь...»

«Казнь...»

Закрыв глаза, словно собираясь упасть в обморок, она сосредоточилась на том, что необходимо сделать, и протянула ментальную нить к его самому сердцу.

— Ты умрешь, Таммарон, — услышала она голос Эйлина.

Она сжала воображаемый кулак. И он умер.

* * *

Катан бежал по нефу церкви, а за ним по пятам следовал Ансель с полудюжиной своих людей. Благодаря снадобью и чарам Тиега, сил у Катана прибавилось, и хотя он знал, что позднее за перенапряжение придется жестоко поплатиться, но сейчас думал лишь о том, как ему остановить Рана.

Они добежали до середины церкви как раз вовремя, и увидели, как Ран выбрался по другой лестнице, ведущей из подземелья, и устремился в северный трансепт, в одной руке удерживая отбивающегося Оуэна, а в другой сжимая окровавленный кинжал. Заметив преследователей, Ран выругался и устремился в поперечный неф. Но когда Катан добежал до угла, там уже не было ни души.

— Проклятье, куда он подевался? — выдохнул Ансель, оглядываясь по сторонам. Люди его рассыпа-

лись по транцепту, обыскивая боковые часовни, простенки и пространство между колоннами, в то время как Катан в немом изумлении продолжал взирать на опустевший неф.

Сзади к ним, задыхаясь, подбежал Роберт и, остановившись рядом с Катаном, также обернулся по сторонам.

— Он убил Манфреда и ранил Лиора, а Таммарон схватил королеву.

— А король в руках у Рана, — пробормотал Катан. — Но *где* они?

— Здесь никого нет, милорд, — воскликнул один из солдат Анселя, в то время как сам Ансель в отчаянии уже начал приподнимать мечом алтарные покровы, заглядывая под них. Со всех сторон доносились голоса солдат: «Никого нет!..»

Но внезапно Катан заметил, как один из солдат заглядывает за небольшую приоткрытую дверь в северо-западном углу, образованном перекрещивающимися нефами. Потянув за собой Роберта, Катан немедленно бросился туда, устремив взор наверх, туда, где, уровнем выше, вдоль всей стены собора протянулась колоннада, единственный доступ к которой начинался отсюда, с узкой винтовой лестницы.

— Наверху? — спросил Роберт, проследив за взглядом Катана и взяв меч в ножнах, который тот сунул ему в руки, а вместо того отдавая Катану свой кинжал. Тот солдат, что первым углядел дверь, ведущую на лестницу, обернулся при их приближении. Он был слишком крупного телосложения, чтобы протиснуться внутрь.

— Я займусь этим, — произнес Катан негромко, и, взглянув вверх, сунул кинжал за пояс, а затем поставил ногу на первую узкую ступеньку.

Винтовая лестница оказалась очень крутой и очень тесной. Свет сюда доходил лишь из узких окон бойниц, проделанных высоко в стенах собора и почти незаметных среди каменной резьбы, украшавшей верхний уровень. Где-то высоко над головой Катан слышал топот подкованных сапог и испуганный детский голосок, эхом разносившийся в этом каменном туннеле, где была проложена лестница.

Он уже задыхался к тому времени, как добрался до выхода на колоннаду, и осторожно выглянул, озираясь направо и налево. На том длинном отрезке, что простирался на запад вдоль нефа, не было ни души, однако в том месте, где колоннада сворачивала на север, ему показалось, что он заметил какую-то стремительно движущуюся черную тень. Катан бросился в ту сторону, придерживая кинжал и стараясь отыскать Рана с Оуэном.

В северо-восточном углу они уже ждали его. Ран усадил Оуэна на перила, так что ноги мальчика болтались снаружи, придерживая его рукой за плечи, а к горлу приставил кинжал. Шапочку и корону Оуэн потерял еще раньше во всей этой суматохе, а сейчас вид у него скорее был оскорбленный, чем испуганный, но у Катана упало сердце, когда он представил себе возможное падение с высоты сорока или пятидесяти футов на мраморный мозаичный пол внизу.

— Ты мне надоел, Драммонд, — произнес Ран, когда Катан осторожно двинулся к нему по галерее. — Надо было убить тебя много лет назад, когда у меня была такая возможность.

— Да, надо было, — отозвался Катан, пытаясь отдышаться. Если ему удастся разговорить Рана, то, возможно, тот не станет предпринимать никаких резких шагов, а за это время Катан что-нибудь при-

думает. И все же что-то странное было во всем происходящем, и удивительным образом Ран повел себя там, внизу. Манфред с Раном всегда были близки, несмотря на временные разногласия, и все же он убил своего друга. Впрочем, Ран начал совершать несвойственные ему поступки раньше, когда сам Райсем осмелился, покопавшись в его сознании, произвести там некоторые тонкие изменения... Хотя они не должны были заставить Рана поступать так, как ему несвойственно, иначе кто-то мог заподозрить вмешательство Дерини.

Вплоть до сегодняшнего дня. Ибо то, как действовал Ран в крипте, было для него совершенно необычно. И это произошло уже не в первый раз, хотя никогда прежде не было столь явным. Так, раньше Ран едва ли стал бы возражать, чтобы Райсему отворяли кровь, если бы это усилило его власть как регента, — и все же Ран попытался этому помешать.

А затем до Катана медленно начало доходить. Все началось с той ночи, когда Райсем рассказал Рану о приложении к завещанию, чтобы тот не позволил делать королю кровопускание; а потом, когда он наконец сумел подчинить себе сознание Рана, то довольно долго работал с его разумом.

Он никогда в подробностях не рассказывал Катану, что сделал, однако наверняка те приказы, что он заложил в мозг Рана, должны были сохранить жизнь Оуэну.

— Ран, ты не сможешь убить мальчика, — прошептал Катан, теперь уверенный, что он на правильном пути. — Ты не можешь его убить. Король запретил тебе причинять вред *ему*, и ты прекрасно знаешь, что это относилось и к его сыну.

Ран бросил быстрый взгляд на мальчугана, который сидел, свесив ноги с парапета, на меч, приставленный ему к горлу...

— Втащи его обратно и отпусти, — прошептал Катан. — Что велел тебе сделать король? Он приказал тебе убить остальных регентов, если представится такая возможность?

Ран с изумлением уставился на него.

— Я... убил Манфреда. Не хотел, но... должен был это сделать.

— Но разве он не заслужил смерти? Он ведь помешал тебе спасти короля, когда *Custodes* решили убить его.

— Я... пытался удержать их, — прохрипел Ран.

— Знаю. Я был там. Я тоже не смог их остановить.

Ран с трудом сглотнул, и слегка отвел в сторону кинжал, приставленный к горлу Оуэна. По счастью, мальчик не дергался и сидел совсем тихонько. Правда, Катан не знал, понимает ли он хоть что-нибудь в происходящем. Далеко внизу уже собиралась толпа, их запрокинутые лица были бледными и испуганными — Ансель, Роберт, лорд Эйнсли, Сигер и Грэхем. Все они стояли неподвижно, прямо под ними, в надежде, что успеют поймать Оуэна, если Ран все же сбросит его вниз.

— Но сейчас ты можешь все прекратить, Ран, даже если в прошлый раз у нас ничего не вышло, — мягким голосом продолжил Катан. — Мальчик не должен умереть. Если ты сохранишь ему жизнь, Господь этого не забудет.

— Я уже проклят, — прошептал Ран, отворачиваясь, и костяшки пальцев, стискивавших рукоять кинжала, побелели.

И внезапно Катан догадался, каков был последний приказ, который Райсем отдал Рану.

— Ран, король, что, приказал тебе покончить с собой, после того как ты убьешь всех регентов, до кого сможешь дотянуться?

Ран прижал к себе мальчика и зарылся лицом в его черные волосы. Нож опустился еще ниже, и лезвие теперь уже не касалось кожи.

— Моему сыну сейчас десять лет, — прошептал Ран. — Я хотел бы увидеть, как он повзрослеет.

«Райсем хотел того же самого», — подумал Катан, но вслух сказал лишь:

— Мальчику тяжело без отца. Я... надеюсь заменить отца Оуэну, если ты мне позволишь.

Ран медленно поднял голову, чтобы взглянуть на Катана, и в глазах мелькнуло прежнее злое лукавство.

— Возможно, я и дам тебе шанс, — произнес он негромко. — Но, конечно, за это будет своя цена.

— Назови ее.

Ран задумчиво поджал губы, затем стащил мальчика с парапета и поставил на пол перед собой, одной рукой придерживая его за плечо, а другой прижимая к горлу кинжал.

— Ты утверждаешь, будто исполняешь королевское правосудие, да?

Катан кивнул, гадая, успеет ли он выхватить Оуэна и убежать с ним, прежде чем Ран перережет ему горло.

— А королевское правосудие требует моей смерти, верно, несмотря даже на то, что я избавил вас от необходимости казнить Манфреда с Лиором?

Катан вновь кивнул.

— Так вот, я не желаю класть голову на плаху, или совать ее в петлю. Я не потерплю, чтобы меня схва-

тили, но зато постараюсь прихватить с собой тебя. Такова моя цена, если я отпущу мальчишку.

Глубоко вздохнув, Катан понял, что ему придется дать согласие, хотя и сильно сомневался, что имеет хоть самый маленький шанс устоять против Рана. Конечно, снадобья Тиега и его чары по-прежнему действовали, и он был вполовину моложе Рана — а значит, и быстрее — но зато у Рана было гораздо больше опыта, и он превосходил его силой.

— Отпусти его, — произнес Катан ровным голосом.

Зло усмехаясь, Ран встал перед Оуэном и подтолкнул мальчика в спину.

— Прочь с дороги, сынок, — промолвил он. — Дядя Катан с дядей Раном сейчас будут драться.

Катан осознал, что противник ему не по зубам после первого же удара. Когда Ран оцарапал его повторно, он твердо понял, что проиграет. И все же он продолжал сражаться, поскольку у него не было выбора, и потому что всегда оставался шанс, что Ран допустит ошибку. Вот только ошибок он не допускал.

Пригнувшись, чтобы ускользнуть от очередного жестокого удара, Катан ударился о перила с такой силой, что часть их обрушилась, и обломки посыпались сверху на мраморный пол, прямо на испуганных зрителей. Катан также едва не свалился вниз, но Ран ухватил его за рукав и втащил обратно, и тут же нанес очередной удар, который Катан отразил лишь с огромным трудом.

Третья рана оказалась более серьезной, чем две предыдущих. Оступившись, он рухнул навзничь, совсем рядом с зияющим провалом, — и вот уже Ран навис над ним, целя кинжалом Катану в горло. Ка-

тан отчаянно попытался отразить натиск, замедлить его, однако Ран прижал его руку с ножом к полу.

Но внезапно Ран выпустил его запястье, а вместо этого схватил юношу за волосы и запрокинул ему голову, обнажая горло. Сам не сознавая, как у него это получилось, Катан вскинул руку с кинжалом, нанес удар и вогнал нож прямо в грудь противнику по самую рукоятку.

Рана это даже словно бы ничуть не удивило. Он не издал ни единого звука, и лишь как-то коротко, булькающе всхлипнул. Тело его напряглось, словно пытаясь уйти от острия кинжала, но губы тут же искривила слабая улыбка, и нож, нацеленный Катану в горло, упал из онемевших пальцев. Свет угас в его глазах, и всем телом он рухнул Катану на грудь.

Несколько бесконечно долгих мгновений Катан лежал неподвижно, едва осмеливаясь вздохнуть, изумленный и тем, что сделал Ран, и тем, что сам он еще жив. Затем, собравшись наконец с силами, он постарался выбрать из-под трупа поверженного противника и оттолкнул его к тому краю, где были сломаны перила, — ибо справа стена оказалась слишком близко. Тело перекатилось через бок... одна нога уже свисала вниз, — и, словно куль с зерном, рухнуло вниз, на бесконечно далекий пол собора.

Задыхаясь, Катан перекатился набок и выглянул вниз, на людей, что столпились вокруг трупа Рана, а Оуэн с радостным криком устремился к нему навстречу, обеими руками ухватил Катана за шею и прижался к его груди, не обращая внимания на кровь, пятнавшую его одежду.

Глава тридцать шестая

И прочие услышат, и убоятся, и не станут впредь делать такое зло среди тебя[1]

Поскольку из всех прежних регентов, которые пытались на протяжении десятилетия превратить королей Гвинне-да в подвластных им марионеток, в живых остался один лишь Хьюберт, двое новых регентов, столь дорогой ценой назначенные на сей пост покойным королем, немедленно принялись укреплять новое регентство, которое должно было помогать править державой юному наследнику престола, пока тот не войдет в возраст мужчины. Они, разумеется, никогда и нигде не упоминали о той магии, которая послужила причиной смерти Таммарона... а если и задумывались об этом, то приписывали сие вмешательство священнику, именовавшему себя Донатом, который бесследно исчез в той неразберихе, которая последовала за гибелью Таммарона. Епископ Эйлин вознес Господу благодарственную молитву, — и обеспечил собственное будущее в Гвиннеде. Подчиняясь указаниям покойного короля, Грэхем Клейборнский и Сигер Мар-

[1] Второзаконие 19:20

лийский вызвали сэра Катана Драммонда вниз в крипту и приняли клятву нового регента прямо на крышке гроба его покойного друга и господина. Сестра его плакала от радости и облегчения, а юный племянник обнимал игрушечного папу-рыцаря как свидетеля, — хотя и оставил его на могиле, когда они вернулись в замок, ибо по-прежнему считал, что отцу его подобает иметь короля на своей могиле, подобно деду и обоим дядьям.

Архиепископа Хьюберта Мак-Инниса взяли под стражу, а затем отдали под суд совету епископов, которые отстранили того от должности и назначили его преемником Эйлина Мак-Грегора. Будучи архиепископом и примасом Гвиннедским, Эйлин получил место в новом регентском совете, к вящему удовлетворению своих собратьев-регентов. Одним из первых изданных им указов в новой должности было восстановление в правах изгнанного епископа Дермота О'Бирна, бывшего его помощником в Валорете, — ибо именно Дермот все эти годы поддерживал связь между ним и теми людьми, которые стремились освободить королевство от ига алчных сановников. Правда, Эйлин не решился вернуть изгнанного Дерини Ниеллана, и все же Дерини, которым было известно о том, какой смелости потребовало от Эйлина даже возвращение Дермота, в последующие годы немного спокойнее спали в своих постелях.

Приговор, вынесенный Хьюберту, был куда менее удовлетворительным. Хотя большинство епископов вскоре убедились в его предательстве, по мере того как им предъявлялись все новые свидетельства преступлений, им неприятна была мысль о том, чтобы запятнать прежний сан Хьюберта и передать его светским властям, которые, несомненно, приговори-

ли бы его к смерти, — хотя многим даже это показалось бы слишком милосердным наказанием. В конце концов, его отправили в изгнание в удаленный монастырь, название и местонахождение которого никогда не разглашались, дабы там он постарался искупить свои грехи, подчиняясь жесткой монастырской дисциплине, постясь и принося покаяние и не общаясь ни с кем из людей, кроме своего исповедника и духовного наставника. Он умер в своей постели, не прошло и года, — и уход его был как говорят, довольно мирным; он похудел едва ли не вдвое, но так и не раскаялся ни в одном из своих деяний.

Из всех *Custodes Fidei*, которых Катан обвинил в убийстве короля, лишь двое пошли под суд. После слушания перед советом епископов брат Полидор и отец Маган были переданы светскому суду, который и приговорил их к повешению; Лиор избежал подобной участи, ибо скончался от раны, нанесенной ему в подземелье.

Мастер Стеванус был бы помилован, но выяснилось, что за это время он скончался в Рамосском аббатстве в результате перенесенных лишений и различных наказаний, принятых в ордене, — которые, как заявил аббат, он наложил на себя совершенно по доброй воле.

Четверо рыцарей *Custodes*, которые направились в Рамос вместе с ним, тоже скончались в это же самое время, при самых подозрительных обстоятельствах, но аббат точно также отказался обсуждать их смерть, сославшись на тайну исповеди, дабы оправдать свое молчание.

Аббатство в Рамосе было уничтожено, а настоятеля перевели для покаяния в *Ordo Verbi Dei*, тогда как

остальная братия была распределена по уцелевшим орденским монастырям.

Такая же участь постигла и аббатство *Custodes* в Ремуте. Бывший настоятель отец Секорим, прежде надеявшийся сделаться архиепископом, с радостью принял пост помощника епископа, принеся обет повиновения Альфреду Вудборнскому. Катан, вообще, сомневался в том, следует ли оставлять Секорима в рядах церковных сановников, однако против него не было никаких особых улик, и его можно было лишь обвинить в скверном выборе союзников, тогда как сам Секорим утверждал, что едва ли можно ему поставить в вину то, что его выделил из всех прочих его бывший начальник, тогда как сам он не сделал ничего, чтобы заслужить подобную честь.

Учитывая то, что сам Секорим сделался епископом, это имело далеко идущие последствия для всего *Ordo Custodum Fidei.* Хотя никто не требовал полного уничтожения ордена, однако рыцарям-монахам, принадлежавшим к нему, было велено распустить свои отряды, и эта ветвь ордена была уничтожена окончательно. В преемники Полину епископы избрали нового верховного настоятеля, которым стал отец Марк Конкеннон, и именно на его плечи легла задача перестроить орден, дабы он лучше отвечал своей изначальной цели хранителя веры.

Именно поэтому ордену позволили сохранить свои учебные заведения и семинарии, в частности, продолжалось обучение монахов и мирян в *Arx Fidei*, поскольку, по трезвом размышлении, иерархи церкви по-прежнему усомнились в том, следует ли позволять Дерини принимать священнический сан, несмотря на то, что Эйлин и Дермат придерживались на сей счет более радикальных взглядов. И хотя в по-

следующие месяцы и годы многие положения Рамосских законов были отменены, однако Дерини не могли становиться священниками в Гвиннеде еще добрых два столетия, даже когда во всех прочих правах их раса была восстановлена.

Точно также и в мирской власти новый регентский совет Гвиннеда взялся наводить в доме порядок. Лорд Эйнсли и его сын Роберт сделались членами совета уже к концу лета. Роберт также женился на своей ненаглядной «Лизель» и тем самым обеспечил незаметное присутствие Дерини при дворе в обозримом будущем. Сэра Фулька Фитц-Артура отозвали из Кассана, где он пребывал в гостях у брата. Он был свидетелем на суде, вынесшем приговор убийцам короля, а затем получил при дворе должность и сопровождал юного владыку на его коронацию, которая состоялась в сентябре месяце. Более никто из наследников бывших советников не остался в столице, однако они не понесли и особого наказания, и земли их не были конфискованы в наказание за преступления, совершенные их отцами, хотя, возможно, куда разумнее было бы обойтись с ними построже.

Юный Оуэн Халдейн взошел на престол в день святого Михаила, в шестую годовщину коронации его отца, когда Райсу-Майклу должно было бы исполниться двадцать два года. Торжества по случаю коронации продлились целую неделю, и подобного пышного празднества столица уже не видела десять лет, с тех самых пор, когда взошел на престол дядя нынешнего владыки, король Алрой. Ни Торент, ни Толан не прислали на торжества своих посланцев, зато десятилетний герцог Кассанский явился вместе с родителями, дабы принести вассальную клятву коро-

лю, и этот день положил начало многолетней дружбе вассала и сюзерена, столь прославленной и закончившейся столь трагично...

Ричард Мердок не приехал на коронацию, сославшись на нездоровье, однако почти все прочие наследники бывших королевских советников прибыли, дабы засвидетельствовать свое почтение новому королю и его регентам.

Кроме того, на празднество прибыли большинство оставшихся в живых наследников святого Камбера, хотя никто из них в открытую не заявил о себе, ибо еще слишком сильны были Рамосские законы, и должно было пройти еще не меньше двух столетий, прежде чем столько Дерини разом вновь окажутся в Ремутском соборе.

Почти три месяца спустя после коронации Оуэна, в день святого Стефана — в одиннадцатую годовщину того дня, когда принц Халдейн повел к алтарю свою юную возлюбленную, дабы принести брачные обеты, — вдовствующая королева-мать тайком пришла в Ремутский собор, закутавшись в черный плащ, беременная ребенком, которого ее покойному супругу уже никогда не суждено было увидеть. Поверх вдовьей вуали на ней была та самая серебряная корона, которую Райс-Майкл собственными руками возложил ей на голову в тот далекий день, а в руках она держала венок, сплетенный из ивы и остролиста. С ней в собор пришли лишь ее брат, маленький сын и архиепископ Эйлин. Все вместе они спустились в крипту, где полгода назад упокоилось тело ее мужа в мраморном саркофаге.

— Мама, смотри, теперь у папы тоже есть король! — воскликнул Оуэн, когда они спустились по ступеням.

Микаэла с улыбкой взглянула на сына, а тот со всех ног бросился к саркофагу, на котором теперь красовалось изваяние в человеческий рост, высеченное из теплого алебастра и ярко раскрашенное в геральдические цвета — алый, золотой и черный.

Оуэн за полгода вырос на целую ладонь, и все равно ему пришлось приподняться на цыпочки и запрокинуть голову, чтобы рассмотреть статую получше, пока Катан не поспешил ему на помощь. Мальчик восторженно засмеялся, увидев своего папу-рыцаря, стоявшего прямо у ног изваяния, и он прижал игрушку к себе, удовлетворенно взирая на алебастровое лицо, пожирая глазами корону, складки алой мантии, на груди которой красовался лев Халдейнов, и высеченный из камня меч, неподвижно, но грозно покоившийся под скрещенными руками.

— Он выглядит совсем, как папа, — прошептал Оуэн с сияющими глазами. — Теперь у папы есть настоящий король, как у дедушки Синхила, дяди Джавана и дяди Алроя. Подними меня и к ним тоже, дядя Катан. Я хочу посмотреть, такие ли они красивые, как и у папы.

Кивнув, Катан подхватил малыша и поднес его к изваянию деда, тихонько велев склонить голову и прочитать молитву, пока его мать подошла к могиле мужа, а архиепископ Эйлин тактично отошел в сторонку, дабы оставить ее в одиночестве. Рядом с саркофагом находилась молитвенная скамеечка, и, подойдя ближе, королева опустилась на нее и склонила голову над венком, который сжимала в руке, а затем опустила ладонь на каменную руку мужа.

Сходство было поразительное. Правда, при жизни он никогда не выглядел столь неподвижным и суровым, однако худощавое лицо, обрамленное черны-

ми волосами, под державной короной, несомненно, принадлежало Халдейну. В мочке уха сверкала алая с золотом серьга, и скульптор также высек у него на плече фибулу Халдейнов. Она провела пальцами по прохладному камню, а затем коснулась алебастровой щеки.

— О, Райсем! — воскликнула она в сердце своем. — Вот чем все кончилось для тебя. Они так и не позволили тебе сделаться таким королем, каким ты мог бы стать, и я скорблю, что...

Но все слова были бесполезны. Никакие сожаления не могли вернуть его обратно в мир живых. Райс-Майкл Элистер Халдейн был мертв, однако мечтам и замыслам его предстояло воскреснуть в этом маленьком мальчике, который сейчас потянулся, чтобы погладить по руке другого гвиннедского короля — злодейски замученного Джавана.

Микаэла с улыбкой положила венок из ивы и остролиста на скрещенные руки изваяния.

«Спи с миром, мой дорогой, — мысленно прошептала она и, коснувшись губ кончиками пальцем, затем прижала их к его устам в жесте ласкового прощания. — *Ты подарил мне свою любовь и принцев Халдейнов, из которых нужно сделать подлинных королей. Божьей милостью, Халдейны сумеют сохранить корону, за которую ты отдал жизнь, и станут полновластными владыками в Гвиннеде, покуда стоит наша держава. Да хранит тебя Бог, любовь моя.»*

И она улыбнулась, когда сын бросился ей навстречу с широкой улыбкой, а затем Катан с архиепископом подали ей руки, и все вместе они покинули эту обитель смерти, с уверенностью и надеждой выходя на свет, к лучшему будущему.

Список персонажей трилогии «Наследники святого Камбера»

Аарон, брат — имя, под которым *Кверона* знали *виллимиты*

Аврелиан, отец — юный гавриилитский Целитель, укрывшийся вместе с *Грегори* в *Тревалге*.

Агата — служанка в Ремутском замке.

Агнес Мердок, леди — дочь *Мердока Картанского*, супруга *Рана Хортнесского*, графа Шиильского.

Аделиция Хортнесская — дочь *Рана*.

Адриан Мак-Лин, лорд — внук сестры *Камбера Эйслинн* и отец *Камбера-Эллина* (он же *Камлин*); убит вместе с сыном *Райса* и *Ивейн Эйданом* в *Трурилле*, солдатами регентов(*)

Айвер Мак-Иннис — сын *Манфреда*, граф Кирнийский, взял в жены леди *Ричелдис Мак-Лин*.

Алана д'Ориэль — супруга Целителя *Ориэля*.

Алоизий, отец — каноник Валоретского собора.

Алрой Беренд Брион Халдейн, король — поконый владыка *Гвиннеда* (917-921), брат-близнец короля *Джавана*.(*)

Альберт, лорд — великий магистр *Equites Custodum Fidei*; в миру — *Питер Синклер*, бывший граф Тарлетонский; брат *Полина Рамосского* и отец *Боннера Синклера*, нынешнего графа; гофмаршал *Гвиннеда*.

Альфред Вудборнский — епископ Ремутский, бывший исповедник короля *Синхила*.

Ангелика — повитуха в *Лохаллине*.

---

[1]Знак(*) означает, что персонаж лишь упоминается в романе.

Анна Квиннел, принцесса — дочь князя *Эмберта Кассанского*, супруга *Фейна Фитц-Артура*, мать *Тамберта*, первого герцога *Кассана*.

Ансель Айрил Мак-Рори, лорд — младший сын покойного *Катана*, внук *Камбера*, глава повстанцев-Дерини.

Арион Торентский, король — правитель *Торента*, старший брат принца *Миклоса* и принцессы *Кариссы*.

Асцелин, отец — священник *Custodes*, настоятель *базилики св. Хилари* в *Ремуте*, преемник отца *Бонифация*.

Бартон, отец — священник *Custodes Fidei*.

Биргита О'Кэррол — жена *Урсина О'Кэррола*, мать *Кароллана*

Болдуин — стражник Ремутского гарнизона, участник нападения на *Ориэля*.

Бонифаций, отец — прежний настоятель *базилики св. Хилари* в *Ремуте*, ныне покойный.(*)

Боннер Синклер, лорд — граф Тарлетонский, сын *Питера Синклера*, бывшего графа Тарлетонского (ныне лорда *Альберта*, главы *Equites Custodum Fidei*); племянник епископа *Полина*.

Борг — лучник на службе у *Манфреда*.

Валентин — военачальник *Марека Фестила*.

Варнариты — адепты *Дерини*, ученые, основавшие в *Грекоте* прообраз университета в конце VII — начале VIII вв.; от этого ордена в 745 г. отделились гавриилиты.

Виллиам, святой — ребенок, якобы замученный *Дерини*; святой покровитель движения *виллимитов*; младший брат св. *Эркона*.

Виллимиты — анти-деринийское движение, практически уничтоженное во времена правления короля *Имре*, вновь возникшее при короле *Синхиле* как фундаменталистская религиозная секта, ставящая своей целью силой заставить *Дерини* отказаться от своих способностей и принять покаяние.

Вильям де Боргос, лорд — владелец лучшего рысака в Одиннадцати Королевствах.(*)

Виннифред, сестра — монахиня в монастыре св. Остриты.

Гавриилиты — священники и Целители ордена св. Гавриила, деринийского эзотерического братства, основанного в 745 г. и базировавшегося в *аббатстве св. Неота* вплоть до 917 г., когда

орден был разогнан, а большинство братьев убиты; особенно славился своими Целителями.(*)

Галлард де Бреффни, сэр — рыцарь *Custodes*.

Гвейр Арлисский, лорд — бывший помощник *Элистера Келлена*, один из основателей ордена Слуг св. Камбера.(*)

Георгий, брат — умирающий монах в *Arx Fidei*.(*)

Гидеон, сэр — управляющий графа *Мердока* в *Найфорде*.

Гизела Мак-Лин — племянница *Иена*, графа Кирнийского, сестра *Ричелдис*, убита по приказу регентов.(*)

Гиллеберт — *виллимит*, бывший *Дерини*.

Гискард де Курси, сэр — сын барона *Этьена де Курси*, скрытый *Дерини*, подосланный *Джоремом* ко двору в помощь *Джавану*, погиб в 922 голу.

Годри — *виллимит*, бывший *Дерини*, последователь *Ревана*.

Гонория Кармоди — супруга Целителя *Деклана Кармоди*, казнена вместе с детьми по приказу регентов.

Грегори Эборский, лорд — *Дерини*, граф Эборский, один из первых членов Совета Камбера; отец *Джесса*.(*)

Грэхем Мак-Эван, лорд — третий герцог Клейборнский, сын *Эвана*, племянник графов *Сигера* и *Хрорика*.

Гэвин, сэр — бывший оруженосец *Алроя*.

Давет Неван, епископ — покойный епископ без кафедры.(*)

Даити, отец — священник *Custodes* в *Ремуте*, королевский духовник после отца *Фаэлана*.

Деклан Кармоди — *Дерини*, служивший регентам, державшим в заложниках его жену и двоих сыновей; был казнен по приказу *Мердока*.(*)

Де Курси — *см. Этьен* и *Гискард де Курси*.

Дениол, брат — помощник брата *Полидора*.

Дерини — раса, наделенная сверхъестественными способностями.

Дермот О»Бирн, епископ — изгнанный и объявленный вне закона епископ Кашиенский.

Дерфель, отец — капеллан в замке *Лохаллин*.

Дескантор, епископ Кай — *см. Кай Дескантор.*

Джаван Джешен Уриен Халдейн, король — брат-близнец короля *Алроя*; хромой от рождения, царствовал с 921 по 922 год, был предательски убит своими советниками.(*)

Джебедия Алькарский, лорд — *Дерини*, покойный глава ордена св. Михаила; один из основателей Совета Камбера.(*)

Джеймс — придворный лекарь.

Джеймс Драммонд, лорд — покойный внучатый племянник *Камбера*, второй муж овдовевшей *Элинор*; отец *Микаэлы* и *Катана*.(*)

Джейсон, сэр — пожилой рыцарь, преданный *Джавану*.

Джервис — слуга в замке *Лохаллин*.

Джеровен Рейнольдс, лорд — законник, член королевского совета.

Джесс Мак-Грегор, лорд — *Дерини*, старший сын и наследник графа *Грегори*; член Совета Камбера.

Джеффрай, архиепископ — *Дерини*, покойный архиепископ Валоретский.(*)

Джокал Тиндурский — *Дерини*, Целитель и поэт.(*)

Джон, брат — личина *Ивейн*

Джоревин Кешельский — *Дерини*, автор мистических текстов.(*)

Джорем Мак-Рори, отец — младший сын *Камбера*; брат *Ивейн*; священник и рыцарь ордена св. Михаила; один из основателей Совета Камбера; возглавляет повстанцев-*Дерини*.

Джоффри Мак-Лин, лорд — покойный младший брат *Иена*, отец *Ричелдис* и *Гизелы*.(*)

Джошуа Делакруа, лорд — глава рыцарей *Custodes* в *Рамосе*.

Джулиана Хортнесская, леди — старшая дочь *Рана*, которую тот намеревался выдать замуж за короля.

Димитрий — *Дерини* на службе у *Полина*.

Донал — писец в Ремутском замке.

Донат, отец — личина отца *Кверона Киневана*.

Драммонд — *см. Катан, Элинор, Джейми* и *Микаэла Драммонд*.

Дрого Паланс, сэр — кастеллан *Рана* в *Шиле*.

Дуалта Джерриот, лорд — рыцарь-михайлинец.(*)

Дювесса (Синклер), княгиня — вдовствующая княгиня Кассанская, мать *Анны Квиннел*.

Дэвин Мак-Рори, лорд — покойный старший брат *Анселя*.(*)

Ивейн Мак-Рори Турин, леди — *Дерини*, дочь *Камбера*; сестра *Джорема*; *вдова Райса Турина* мать *Райсиль* и *Тиега*; одна из основателей Совета Камбера; погибла в 918 году при попытке освободить отца от действия сдерживающего заклятья.(*)

Иен Мак-Лин, лорд — граф Кирнийский; отец покойного *Адриана Мак-Лина*; племянник *Камбера*.(*)

Иеруша Ивейн Турин — новорожденная дочь *Ивейн* и *Райса*; будущая Целительница.

Имре, король — пятый и последний король *Гвиннеда* из рода *Фестилов* (годы правления 900-904); отец *Марка Фестила*, от своей сестры *Эриеллы*.(*)

Иоахим, брат — *виллимит*, основной последователь *Ревана*.

Иодота Карнедская — *Дерини*, ученица Великого *Орина*.(*)

Иосиф — стражник в Ремутском замке.

Каила, леди — поэтесса.(*)

Кай Дескантор, епископ — *Дерини*, епископ без кафедры, погибший при попытке уничтожить Портал в ризнице Валоретского собора.(*)

Кайрил — религиозное имя *Камбера*.

Камбер Кайрил Мак-Рори, святой — бывший граф Кулдский; отец *Джорема* и *Ивейн*; канонизирован как св. Камбер в 906 г.; канонизация отменена Рамосским Советом в 917 г.

Камлин Мак-Лин, лорд — сын покойного *Адриана Мак-Лина* и его законный наследник; выжил, будучи распятым солдатами регентов в *Трурилле*; ныне один из повстанцев-*Дерини*.

Карисса, принцесса — супруга *Марека Фестила*, мать его сына и наследника.

Карлан Кай Морган, сэр — бывший оруженосец *Джавана*, его помощник.

Каролан О'Кэррол — Дерини, сын *Урсина О'Кэррола*.

Катан Драммонд — брат *Микаэлы*, сын *Элинор* и *Джейми Драммонда*, сводный брат *Анселя*, оруженосец *Райса-Майкла*.

Катан Мак-Рори — покойный старший сын *Камбера*, отец *Анселя* и погибшего *Девина*.(*)

Кверон Киневан, отец — бывший гавриилитский священник и Целитель, основатель ордена Слуг св. Камбера; позднее — член Совета Камбера, помощник «крестителя» *Ревана*.

Квирик Фитц-Артур — сын *Таммарона*, паж при дворе.

Келлен, епископ Элистер — *см. Элистер Келлен*.

Кеннет Рорау — племянник Термода Рорау, брат *Судри*; погиб в 918 году, защищая герцога *Эвана*.(*)

Кеннет Хоувелл — новорожденый сын *Стейси Истмаркской* и *Корбана Хоувелла*.

Кенрик, отец — беглец-гавриилит, нашедший приют у епископа *Ниеллана*.

Керис д'Ориэль — дочь *Ориэля*.

Кешел Мердок — младший сын *Мердока Картанского*.

Кимболл, отец — настоятель *Custodes* аббатства св. Кассиана.

Китрон — Дерини; автор манускрипта «Principia Magica».(*)

Клойс Кларендон, сэр — рыцарь *Custodes*.

Козим — личный лекарь-Целитель принца *Миклоса*.

Коллос — Дерини, предполагаемый брат *Димитрия*.(*)

Колумкиль, отец — священник в *Лохаллине*.(*)

Конкеннон, отец Марк — *см. Марк Конкеннон*.

Коннор — валоретский стражник, на службе регентов.

Корбан Хоувелл, лорд — супруг *Стейси Истмаркской*.

Корунд, сэр — рыцарь, служивший королю; ныне покойный.(*)

Кронин, брат — аббат обители *св. Марии-на-Холмах*.

Кустодес Фидеи (*Custodes Fidei*) — Хранители Веры; религиозный орден, основанный *Полиномом Рамосским*, чтобы реформировать религиозное обучение в *Гвиннеде* и уничтожить *Дерини*.

Лизель — имя, под которым знали во дворце *Райсиль Турин*.

Лиор, отец — верховный инквизитор *Custodes Fidei*.

Лирин Удаут, леди — дочь коннетабля *Гвиннеда*, жена *Ричарда Мердока*.

Лоренцо, брат — переплетчик.

Льютерн — *Дерини*, автор мистических текстов.(*)

Маган, отец — молодой священник *Дерини*, помощник *Лиора*.

Маири Мак-Лин, леди — вдова *Адриана*, мать *Камлина*.

Мак-Грегор — родовое имя, взятое *Джессом*, сыном *Грегори Эборского*.

Мак-Грегор, епископ Эйлин — помощник *Хьюберта* в *Валоре-те*.

Мак-Дара, Имонн — деринийский поэт родом из *Меары*, автор поэмы «Дух Ардала».(*)

Мак-Иннис — *см. Эдвард, Хьюберт* и *Манфред Мак-Иннис*.

Мак-Лин — *см. Адриан, Эйслин, Камлин, Фиона, Джоффри, Гизела, Иен, Маири* и *Ричелдис Мак-Лин*.

Мак-Рори — родовое имя *Камбера*; *см. Ансель, Камбер, Катан, Девин, Ивейн* и *Джорем Мак-Рори*.

Манфред Мак-Иннис, лорд — граф Кулдский, бывший регент *Гвиннеда*; старший брат архиепископа *Хьюберта*; отец *Айвера* и епископа *Эдварда*.

Марек Фестил, принц — сын *Имре* и *Эриеллы*, наследник рода *Фестилов*.

Марк Конкеннон, отец — канцлер *Custodes Fidei*, руководящий всеми семинариям и иными учебными заведениями *Гвиннеда*.

Мердок Картанский, лорд — граф Картанский; бывший регент короля *Алроя*, отец *Агнес, Кешела, Ричарда*; убийца герцога *Эвана Клейборнского* и *Деклана Кармоди*.(*)

Микаэла Драммонд — дочь *Элинор* и *Джейми*, сестра *Катана*, супруга короля *Райса-Майкла*, мать принца *Оуэна Халдейна*.

Миклос Фурстан, принц — *Дерини*, младший брат короля *Ариона Торентского*, союзник *Марека Фестила*.

Михайлинцы — священники, рыцари и братья-миряне ордена св. Михаила, объединявшего воинов и ученых, преимущественно *Дерини*; основан во времена правления короля Беренда

Халдейна для борьбы с нашествием мавров и защиты побережья; уничтожен регентами короля *Алроя*.

Мюррей — воин из *Истмарка*.

Неван, епископ Давет — *см. Давет Неван*.

Невел — стражник ремутского гарнизона, участвовавший в нападении на *Ориэля*.

Ниева Фитц-Артур, леди — супруга *Таммарона*, мать четверых его сыновей; вдова покойного графа Тарлетонского, мать его сына *Петера* (впоследствии — *Альберта*) и *Полина Рамосского*.

Ниеллан Трей, епископ — *Дерини*; объявленный вне закона епископ Дхасский; позднее — член Совета Камбера, друг *Джорема Мак-Рори*.

Никарет — *Дерини*, вдова, кормилица новорожденной дочери *Ивейн Иеруши*.(*)

Николас — слуга в замке *Лохаллин*.

Норрис — стражник в *Валорете*, на службе у *Рана*.

Нэд — кузнец в михайлинском убежище.

О'Бирн, епископ Дермот — *см. Дермот О»Бирн*.

О'Кэррол — *см. Урсин, Биргит* и *Кароллан О'Кэррол*.

О'Нилл, лорд Тавис — *см. Тавис О»Нилл*.

Ордо Верби Деи (*Ordo Verbi Dei*) — орден Слова Господня.

Ордо Вокс Деи (*Ordo Vox Dei*) — орден Гласа Господня.

Орин — адепт-*Дерини*, мистик; автор «Протоколов Орина», свитков, содержащих особо могущественную деринийскую магию.(*)

Орисс, архиепископ Роберт — архиепископ Ремутский; бывший верховный настоятель *Ordo Verbi Dei*, член королевского совета.

Ориэль, мастер — Целитель на службе у регентов, убит во время переворота в 922 году.

Оуэн Джаван Синхил Халдейн, принц — четырехлетний кронпринц *Гвиннеда*, сын *Райса-Майкла* и *Микаэлы*.

Парган Ховиккан — *см. Ховиккан, Парган*.

Патрик, брат — *виллимит*, бывший *Дерини*, один из последователей *Ревана*.

Полидор, брат — лекарь *Custodes* в аббатстве св. Кассиана.

Полин (Синклер) Рамосский, епископ — младший сын графа Тарлетонского, пасынок графа *Таммарона*; основатель ордена Братьев св. *Эркона* (912 г.); первый епископ Стэвенхемский; отказался от этого поста, чтобы стать великим магистром *Custodes Fidei*.

Пьедор, сэр — покойный рыцарь, служивший королю.(*)

Радан, сэр — оружейник в Ремутском замке.

Райс-Майкл Элистер Халдейн, принц — младший сын короля *Синхила*; взошел на престол вслед за своим братом Джаваном (правил с 922 по 928 г.), супруг *Микаэлы Драммонд*, отец принца Оуэна.

Райс Малахия Турин, лорд — покойный Целитель *Дерини*; супруг *Ивейн*; отец *Райсил*, *Тиега* и *Иеруши*; один из основателей Совета Камбера.(*)

Райсиль Джослин Турин, леди — дочь *Райса Турина* и *Ивейн Мак-Рори*. Под именем «*Лизель*» была служанкой королевы *Микаэлы*.

Ран Хортнесский, лорд — прозванный Безжалостным; граф Шиильский, один из бывших регентов короля *Алроя*, вице-маршал *Гвиннеда*.

Реван — бывший наставник детей *Райса* и *Ивейн*; участник плана Совета Камбера по спасению *Дерини* путем блокирования их способностей. Убит в 922 году своими бывшими учениками.(*)

Регина, сестра — монахиня в монастыре св. Остриты.

Рикарт, отец — гавриилит, домашний Целитель епископа *Ниеллана*.

Ричард Мердок, лорд — сын *Мердока*; граф Картанский.

Ричелдис Мак-Лин — графиня Кирнийская, супруга *Айвера Мак-Инниса*.

Робер, сэр — пожилой рыцарь, преданный *Джавану*.

Роберт Орисс, архиепископ — *см. Орисс, архиепископ Роберт*.

Ронделл, сэр — оруженосец лорда *Манфреда*.

Руадан Дхасский — *Дерини*, автор труда «Liber Sancti Ruadan».(*)

Рэмси, капитан — один из стражников *Хьюберта*, принявший «крещение» *Ревана*.

Секорим, отец — аббат Валоретского капитула *Custodes Fidei*.

Серафин, брат — верховный инквизитор *Custodes Fidei*.

Сигер, лорд — граф Марлийский; брат *Хрорика*, дядя *Грэхема Мак-Эвана*.

Сикст, отец — пожилой священник на службе у *Хьюберта*.

Сильвен О'Салливан — бывший Целитель в доме *Грегори*, ныне помощник *Ревана*, обладающий даром блокировать магические способности.

Синклер — родовое имя графов Тарлетонских.

Синхил Донал Ифор Халдейн, король — покойный владыка *Гвинneда* (годы правления 904-917); отец *Алроя*, *Джавана* и *Райса-Майкла*.(*)

Ситрик — ищейка-*Дерини Рана*.

Сорль Далриада, сэр — бывший оруженосец короля *Синхила*.

Стеванус, отец — лекарь *Custodes*.

Стейси, леди — дочь *Хрорика* и *Судри*, наследница *Истмарка*, супруга *Корбана* и мать *Кеннета*.

Стефан, отец — священник Валоретского собора.

Судри Рорау, леди — вдова *Хрорика Истмаркского*, племянница *Термода Рорау*, дальняя родственница *Марека Фестила*; мать *Стейси*.

Сулиен Р'Кассанский — великий адепт *Дерини* древности, автор «Анналов».(*)

Тавис О'Нилл — бывший Целитель принца *Джавана*, обладающий талантом блокировать способности *Дерини*; позднее — член Совета Камбера, помощник *Ревана*.(*)

Тамберт Фитц-Артур Квиннелл, герцог — первый герцог Кассанский, сын *Фейна Фитц-Артура* и принцессы *Анны*.(*)

Таммарон Фитц-Артур, граф — канцлер *Гвинneда*; один из бывших регентов короля *Алроя*.

Тиег Джорем Турин — сын *Райса* и *Ивейн*, Целитель.

Тирнан, брат — монах в *аббатстве св. Марии-на-Холмах*.

Томейс Эдергольский, сэр — бывший оруженосец принца *Райса-Майкла*, убит в 922 году.(*)

Торквилл де ла Марч, лорд — *Дерини*, барон, исключенный из королевского совета регентами.

Трей, епископ Ниеллан — *см. Ниеллан Трей.*

Турин — родовое имя *Райса; см. Эйдан, Ивейн, Иеруша, Райс, Райсиль* и *Тиег.*

Удаут, лорд — коннетабль *Гвиннеда*, отец *Лирин.*

Уильям Десский — строитель в *Ремуте.*

Урсин О»Кэррол — *Дерини* на службе у *Манфреда*; неудавшийся Целитель, лишен *Реваном* магических способностей.

Фабий, брат — монах *Custodes* в аббатстве св. Кассиана.

Фаэлан, отец — молодой священник *Custodes* из *Arx Fidei*, ставший духовником *Джавана* и злодейски убитый советниками.(*)

Фейн Фитц-Артур, лорд — старший сын графа *Таммарона*, супруг наследницы *Кассана.*(*)

Фиона Мак-Лин — младшая сестра покойного *Адриана Мак-Лина*, внучка сестры *Камбера Эйслинн.*

Фитц-Артур — *см. Фейн, Фульк, Квирик, Ниева* и *Таммарон.*

Фланн — *виллимит*, последователь *Ревана.*

Фульк Фитц-Артур, сэр — старший оруженосец *Райса-Майкла*, сын графа *Таммарона.*

Фурстан — династическое родовое имя правителей *Торента.*

Халдейн — династическое родовое имя королей *Гвиннеда.*

Халекс, отец — настоятель аббатства *Arx Fidei.*

Хамфри Галларо, отец — священник-михайлинец, *Дерини*, убитый *Синхилом*, за то что отравил его первенца.(*)

Хилдред, барон — преданный *Джавану* советник.

Ховиккан, Парган — классический поэт *Дерини.*(*)

Хомбард Таркентский — торентский посланец на службе принца *Миклоса.*

Хрорик Истмаркский, лорд — граф Истмаркский; младший брат *Эвана*, старший брат *Сигера* и дядя герцога *Грэхема*, супруг *Судри* и отец *Стейси.*(*)

Хьюберт Мак-Иннис, архиепископ — примас *Гвиннеда*, архиепископ Валоретский, один из бывших регентов короля *Алроя*; младший брат графа *Манфреда* и дядя епископа *Эдварда*.

Шон Корис, сэр — сын *Сигера*, графа Марлийского.

Шонна — младшая сестра *Джесса*.

Эван, герцог — покойный герцог Клейборнский; один из пятерых регентов короля *Алроя*, предательски смещенный с этого поста; брат *Хрорика* и *Сигера*, отец *Грэхема*.(*)

Эдвард Мак-Иннис Арнемский, епископ — сын графа *Манфреда*, племянник архиепископа *Хьюберта*; епископ Грекотский после *Элистера Келлена*.

Эдуард, отец — *Дерини*, автор труда «Haut Arcanum».(*)

Эйдан Алрой Камбер Халдсйн — покойный сын-первенец короля *Синхила*.(*)

Эйдан Турии — погибший первенец *Райса* и *Ивейн*, убит в *Трурилле* в возрасте 10 лет солдатами регентов, ошибочно принявшими его за *Камлина Мак-Лина*.(*)

Эйлин Мак-Грегор, епископ — *см. Мак-Грегор, епископ Эйлин*.

Эйнсли, лорд — королевский посланник.

Эйнсли, сэр Роберт — сын лорда *Эйнсли*.

Эйрсииды — древнее братство *Дерини*, до 500 г. РХ.(*)

Эйслинн Мак-Рори Мак-Лин, леди — покойная сестра *Камбера*, погибшая в *Трурилле*, вдовствующая графиня Кирнийская, мать *Иена*, нынешнего графа.(*)

Эйнти — служанка в Ремутском замке.

Эквитес Кустодум Фидеи (*Equites Custodum Fidei*) — Рыцари Хранителей Веры; военное подразделение ордена *Custodes Fidei*, созданное на замену михайлинцам.

Элгин — воин из *Истмарка*.

Элейн де Финтан — жена *Мердока*, графиня Картанская.

Элинор Мак-Рори Драммонд, леди — вдова *Катана Мак-Рори*, мать его сыновей *Анселя* и *Девина*; супруга *Джейми Драммонда*, мать его детей *Микаэлы* и *Катана*.(*)

Элистер Келлен, епископ — *Дерини*, бывший верховный настоятель ордена св. Михаила; епископ Грекотский и канцлер

Гвиннеда при короле *Синхиле*; на короткое время — архиепископ Валоретский и Примас Гвиннеда; альтер-эго *Камбера*; основатель Совета Камбера.

Элспет — служанка в Ремутском замке.

Эмберт, брат — лекарь-монах из ордена *Custodes*.

Эмберт Квиннел Кассанский, князь — покойный правитель *Кассана*, княжества к северо-западу от *Гвиннеда*; отец принцессы *Анны*, тесть *Фейна Фитц-Артура*, дед *Тамберта*.(*)

Эмрис, отец — знаменитый гавриилитский Целитель; аббат *монастыря св. Неота*, был убит там при попытке уничтожить Портал.(*)

Энском Тревасский, архиепископ — *Дерини*, покойный Примас *Гвиннеда*.(*)

Эрена — виллимитка, чьего больного сына исцелили *Реван* и *Кверон*.

Эриелла Фестил, принцесса — покойная старшая сестра бывшего короля *Имре* и мать его сына *Марка*.(*)

Эркон, святой — старший брат св. *Виллима*; принял мученическую смерть при попытке отыскать убийц брата; покровитель Братьев св. Эркона, ордена, основанного *Полином Рамосским*.(*)

Эстеллан Мак-Иннис, леди — графиня Кулдская; супруга *Манфреда*, придворная дама королевы *Микаэлы*.

Этьен де Курси — барон, скрытый *Дерини*, засланный *Джоремом Мак-Рори* ко двору; законник.(*)

Юген Рослоу — герольд принца *Миклоса Торентского*.

Юрис, отец — гавриилитский Целитель-беглец, нашедший приют у епископа *Ниеллана*.

Географические названия

Аббатство св. Марии-на-Холмах – монастырь в горах *Кулди*.

Аббатство св. Кассиана – обитель *Custodes* в долине Йомейра.

Аббарство св. Марка – монастырь близ *Валорета*.

Аббатство св. Неота – оплот ордена св. Гавриила Архангела, эзотерического деринийского ордена Целителей; расположено в Лендорских горах; уничтожено войсками регента *Рана* в конце 917 г.

Аббатство св. Остриты – маленький женской монастырь между *Эбором* и *Шиилем*.

Аббатство св. Ярлата – главная обитель ордена св. Ярлата в долине Йомейра.

Белдор –столица *Торента*.

Валорет – столица *Гвиннеда* при *Фестилах* с 822 по 904 гг.

Гвиннед – центральное из Одиннадцати Королевств, находившееся под властью *Халдейнов* с 645 г., когда первый король из рода Халдейнов начал объединение земель; находилось под правлением *Фестилов* с 822 по 904 гг. Реставрация рода Халдейнов была осуществлена в 904 г. с восшествием на престол *Синхила* Халдейна.

Грекота – университетский город, где находилась варнаритская школа; резиденция епископа Грекотского.

Десса – портовый город к югу от *Ремута*.

Долбан – местность, где находилась основная обитель ордена Слуг св. Камбера, уничтоженного в конце 917 г.

Дхасса – вольный город в Лендорских горах; резиденция епископа Дхасского, традиционно соблюдающего нейтралитет в политике.

Истмарк – графство, владение *Хрорика*, среднего сына герцога *Сигера Келдорского*.

Кайрори – основное поместье *Камбера*, графа Кулдского, в нескольких часах езды к северо-востоку от *Валорета*; ныне резиденция *Манфреда Мак-Инниса*, нового графа Кулдского.

Картан – графство *Мердока*, к югу от *Ремута*, со столицей в *Найфорде*.

Кассан – небольшое княжество, бывшее владение князя *Эмберта Квиннела*, ныне герцогство *Гвиннеда*.

Келдор – королевство к северу от *Гвиннеда*, включающее герцогство *Клейборн*, графство *Марли* и графство *Истмарк*.

Келдиш – небольшое королевство к северу от *Гвиннеда*, откололовшееся от *Келдора* после его захвата герцогом *Сигером* и королем *Синхилом* в 906 г.; славится своими тканями и коврами.

Кешиен – епископская резиденция к западу от *Ремута*, ранее принадлежавшая епископу *Дермоту О'Бирну*.

Кирни – графство к северу от Кулди.

Клейборн – столица *Келдора*, владение *Грэхема*, герцога Клейборнского.

Коннаит – варварское королевство на западе, знаменитое своими наемниками.

Кор Кулди – наследная резиденция графов Кулдских, близ города Кулди, на границе *Гвиннеда* и *Меары*.

Кулликерн – крепость на границе с *Торентом*, защищавшая подходы к *Колдорскому* перевалу.

Лланнед – королевство к юго-западу от *Гвиннеда*, союзник *Ховисса*.

Лохаллин, замок – резиденция *Хрорика*, графа Истмаркского.

Марбери – епархия в графстве *Марли*.

Марли – небольшое графство, отделенное от *Истмарка* во владение *Сигеру*, младшему сыну *герцога Сигера*.

Марлор – баронство *Манфреда Мак-Инниса*.

Меара – королевство-княжество к северо-западу от *Гвиннеда*; номинальный вассал Гвиннеда.

Мурин – провинция на юге *Гвиннеда*, включающая Картмур и Корвин.

Найфорд — порт у югу от *Ремута*, столица графов Картанских, резиденция епископа Картанского.

Порти — местность, где в древности располагалась давно исчезнувшая школа Целителей.

Рамос — аббатство к юго-западу от *Валорета*, место рождения *Полина Синклера*; место сбора Рамосского Совета зимой 917-918 гг.

Ремут — древняя столица *Гвиннеда* при *Халдейнах*; перемещена в период правления *Фестилов*; восстановлена при *Синхиле* и *Алрое*.

Рендалл — озерная область к северу от *Гвиннеда*; титул наследника герцога Клейборнского.

Стэвенхем — епископская резиденция на севере *Келдора*.

Собор Всех Святых — резиденция архиепископа Валоретского, примаса *Гвиннеда*.

Тарлевилль — владение графа *Таммарона* на реке Эйриан, в нескольких днях езды от *Ремута*.

Templum Archangelorum — разрушенное древнее аббатство деринийских адептов; местонахождение не указано.

Толан — графство, которое принцесса *Карисса Толанская* принесла в приданое своему супругу *Мареку Фестилу*.

Торент — влиятельное королевство к востоку от *Гвиннеда*, откуда берет начало род *Фестилов*, младшей ветви правящего Дома Торента, глава которого — король *Арион*.

Тревалга — новое владение графа *Грегори* в *Коннаите*.

Трурилл — замок лорда *Адриана Мак-Лина*; уничтожен войсками регентов зимой 917-918 гг.

Хортнесс — баронство *Рана* Безжалостного.

Ховисс — королевство к юго-востоку от *Гвиннеда*, союзник *Лланнеда*.

Шиииль — усадьба *Райса* и *Ивейн* к северу от *Валорета*; позднее — резиденция графа Шиильского.

Эбор — графство к северу от *Валорета*, бывшее владение *Грегори*.

Эрнхем — место рождения епископа *Эдварда Мак-Инниса*.

СОДЕРЖАНИЕ

Наследие Дерини (*перевод Натальи Баулиной*) 5
Список персонажей трилогии
«Наследники святого Камбера» 655
Географические названия 668

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги, полностью
или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Куртц Кэтрин
Наследие Дерини

Художественный редактор О. Адаскина
Компьютерный дизайн: А. Сергеев
Верстка: Л. Андреева
Корректор Н. Ушинская

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение № 77.99.11.953.П.002870.10.01 от 25.10.2001 г.

ООО «Издательство АСТ». Лицензия ИД № 02694 от 30.08.2000 г.
674460, Читинская область, Агинский район,
п. Агинское, ул. Базара Ринчино, д. 84
Наши электронные адреса: WWW.AST.RU, E-mail: astpub@aha.ru

Издательство «Северо-Запад Пресс». Лицензия ИД № 00450 от 15.11.1999
Санкт-Петербург, ул. Казначейская, д. 4/16, лит. А
Для писем: 197022, Санкт-Петербург, а/я 125
sz-press@peterlink.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии издательства
"Самарский Дом печати"
443086, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует предоставленным диапозитивам.

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около 50 издательств и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию более 10 000 названий книг самых разных видов и жанров. Мы выпускаем классические произведения и книги современных авторов. В наших каталогах — интеллектуальная проза, детективы, фантастика, любовные романы, книги для детей и подростков, учебники, справочники, энциклопедии, альбомы по искусству, научно-познавательные и прикладные издания, а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, Фридрих Незнанский братья Стругацкие, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших фирменных магазинах:

В Москве:

- Звездный бульвар, д. 21, 1 этаж, тел. 232-19-05
- ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 299-66-01, 299-65-84
- ул. Арбат, д. 12, тел. 291-61-01
- ул. Луганская, д. 7, тел. 322-28-22
- ул. 2-я Владимирская, д. 52/2, тел. 306-18-97, 306-18-98
- Большой Факельный пер., д. 3, тел. 911-21-07
- Волгоградский проспект, д. 132, тел. 172-18-97
- Самаркандский бульвар, д. 17, тел. 372-40-01

мелкооптовые магазины

- 3-й Автозаводский пр-д, д. 4, тел. 275-37-42
- проспект Андропова, д. 13/32, тел. 117-62-00
- ул. Плеханова, д. 22, тел. 368-10-10
- Кутузовский проспект, д. 31, тел. 240-44-54, 249-86-60

В Санкт-Петербурге:

- проспект Просвещения, д. 76, тел. (812) 591-16-81 (магазин «Книжный дом»)

Издательская группа АСТ
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7 этаж.
Справки по телефону (095) 215-01-01, факс 215-51-10
E-mail: astpub@aha.ru http://www.ast.ru

Кэтрин Куртц — автор, без которой жанр «классической фэнтези» попросту не вошел бы в одну из самых любопытных своих фаз — в фазу «маньеризма». Речь тут идет уже даже не о культовом статусе (хотя нельзя обойтись и без этого), даже не о «золотом фонде» стиля «литературной легенды» (хотя это тоже важно), не о славе, не о призах — и даже не о книгах, на которых выросли целые поколения не читателей даже, но — ПОЧИТАТЕЛЕЙ. Речь идет о книгах УНИКАЛЬНЫХ. До предела изысканных — и до предела ОРИГИНАЛЬНЫХ...

«Хроники Дерини». Уникальная сага — «фэнтези», раз и навсегда вписавшая имя Кэтрин Куртц в золотой фонд жанра «литературной легенды».

«Хроники Дерини». Сказание о мире странном, прозрачном и прекрасном, о мире изощренно-изысканных, придворных интриг, жестоких и отчаянных поединков «меча и колдовства», о мире прекрасных дам, бесстрашных кавалеров, порочных чернокнижников и надменных святых. Сказание о мире, силою магии живущем — и магию за великий грех считающем.

Настоящие поклонники фэнтези!

«Хроники Дерини» должны стоять на вашей книжной полке — между Толкиным и Желязны. Особенно — ПОЛНЫЕ «Хроники Дерини»!

ISBN 5-17-012497-X

9 785170 124978